

ИИ
РИ

7

ИССЛЕДОВАНИЯ
НОВЕЙШЕЙ РУССКОЙ
ИСТОРИИ

7

Н. ТОЛСТОЙ

ЖЕРТВЫ ЯЛТЫ

ЖЕРТВЫ ЯЛТЫ

**ИССЛЕДОВАНИЯ
НОВЕЙШЕЙ
РУССКОЙ
ИСТОРИИ**

**Под общей редакцией
А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА**

**YMCA-PRESS
11, rue de la Montagne Sainte-Geneviève, 75005 Paris**

ИССЛЕДОВАНИЯ
НОВЕЙШЕЙ
РУССКОЙ
ИСТОРИИ

7

Н. ТОЛСТОЙ

ЖЕРТВЫ ЯЛТЫ

Перевод с английского Е. С. Гессен

ПАРИЖ • 1988

Редактор русского перевода Ю. Г. Фельштинский

**2e édition © 1979, Corgi Books. A Division of Transworld
Publishers LTD. Great Britain**

**Traduction russe : © 1988, by The Russian Social Fund for Persecuted
Persons and their Families
ISBN 2-85065-150-8**

ОТ АВТОРА

Первое издание книги "Жертвы Ялты" вышло в свет 6 февраля 1978 года. С тех пор общественное мнение, пресса и радио не раз выражали интерес в связи с обнародованной в ней информацией. Вызванные книгой вопросы были поставлены на обсуждение в парламенте; министру иностранных дел было предложено провести публичное расследование дела.

20 февраля "Таймс" опубликовал передовую статью, в которой перечислялись обвинения в адрес министерства иностранных дел и подчеркивалась настоятельная необходимость национальной репарации:

Английские официальные лица обвиняются в том, что они приняли неправильное решение, проводили неверную политику и тем самым способствовали смерти множества ни в чем неповинных людей. Им следовало бы ... высказать парламенту и общественности свою точку зрения на насильственную репатриацию... Гарольд Макмиллан, бывший в 1944-45 годах министром-резидентом при командовании Средиземноморского театра, должен рассказать все, что ему известно... Однако и представители защиты, если таковая окажется, тоже должны быть заслушаны.

Через два дня министр иностранных дел отклонил запрос о публичном расследовании на том основании, что такой шаг может создать нежелательный прецедент, когда раньше времени будут введены в обращение материалы тайных архивов, засекреченные на основании закона о тридцатилетнем сроке давности. Однако он добавил:

Расследование и проверка данных — это дело общественности. Если живы люди, имевшие отношение к этому вопросу, они имеют полное право комментировать документы; этим же правом может воспользоваться всякий.

В процессе изысканий материалов для этой книги я обратился к господам Браймлоу, Дину, Голсуорси и Макмиллану с просьбой представить мне информацию. Все ответили отказом. Как объяснил сэр Томас Браймлоу в письме от 21 августа 1973 года:

Я все еще государственный служащий, связанный актом о государственной тайне... Поэтому с сожалением сообщаю, что мне не пристало высказывать свое мнение...

Теперь этот предлог отпал, устранивший властью министра иностранных дел; но бывшие дипломаты и государственные деятели по-прежнему безмолвствовали. В письме в "Таймс" сэр Николас Читам, предшественник Джона Голсуорси на посту посла в Мексике, смиренно просил нарушить это молчание:

Как бывший коллега этих господ, имевших некоторое отношение к русским белоэмигрантам, я был бы глубоко заинтересован в их комментариях и объяснениях. Я уверен, что этот интерес разделяют многие ваши читатели.

Как раз в это время сэр Патрик Дин, посол в Вашингтоне в 1965-69 годах, решил выступить в телевизионной документальной передаче о скрывающихся немецких военных преступниках. Дин, который когда-то был обвинителем на Нюрнбергском процессе, выразил сожаление по поводу того, что многим немцам удалось избежать суда. В Нюрнберг Дин приехал в 1946 году. До этого он выступал в роли одного из сторонников и инициаторов насильственной репатриации русских. Поэтому его появление в качестве прокурора вызвало иронические комментарии в Англии, Германии и других странах. В уставе Международного Военного трибунала, принятом 8 августа 1945 года, в числе крупнейших военных преступлений названы

нарушения законов войны или обычаев ведения войны. К таким нарушениям следует отнести убийства и дурное обращение с мирным населением или военнопленными либо их депортацию на принудительные работы...

Несмотря на это, как свидетельствует бывший коллега Дина, он не испытывал

каких-либо угрызений совести по поводу своего участия в политике, в результате которой более миллиона русских — мужчин, женщин и детей — были высланы без суда и следствия на смерть, муки и рабский труд.*

Но в 1978 году первые разоблачения содеянного Англией в 1945 стали настоящей сенсацией. Судя по этой реакции, сегодня подавляющее большинство англичан сожалеет о мерах, которые привели к столь бессмысленной жестокости. В ряду негодующих откликов особняком стоит заявление бывшего английского офицера Шона Стюарта:

Летом 1945 года моя рота получила приказ окружить (казаков), бежавших из лагерей в горы восточнее Лиенца. Насколько я помню, все мы считали, что те, кого мы ловим, заслуживают самого худшего. Я лично наверняка так думал и сейчас от этого не отказываюсь.

Казаков, окруженных ротой Стюарта и другими отрядами, 15 июня доставили на грузовиках в советский приемный пункт в Граце. Вскоре после того, как я прочитал отзыв Стюарта, мне удалось разыскать участника этих событий. Сержант 56-го Рисского полка Дональд Лоуренс был в конвое бронемашин, сопровождавшем пленных. Вот что он рассказал мне.

Когда пленные прибыли в Грац, одна женщина бросилась к парашюту виадука, пересекавшего реку Мур. Сперва она кинула в воду ребенка, потом прыгнула вниз сама. Пленных, мужчин и женщин вместе, загнали в огромный, огороженный проволокой концентрационный лагерь. Сержант Лоуренс видел, как пьяные советские охранники стреляли из автоматов с расставленных по всему периметру сторожевых вышек в плотную толпу пленных. Одну женщину ему удалось вывезти в своей машине назад, в Лиенц. Сержант на всю жизнь запомнил этот кошмар.

Большинство англичан, вероятно, присоединились бы к точке зрения профессора Робина Кемболла, специалиста по России и бывшего военно-морского офицера:

* Джеффри Мак-Дермот, "Спектейтор", 18.2.1978.

Эта мрачная, несчастливая глава нашей истории слишком тяжела для честного английского сознания. Попытки оправдаться незнанием последствий или "духом времени" лишь ухудшают дело... Наша политика... была совершенно непростительна, и чем выискивать иллюзорные извинения, достойнее, я полагаю, по-христиански — принять этот факт таким, каков он есть, и нести наш крест в стыдливом молчании.

В июле 1978 года было составлено обращение к общественности об основании фонда для возведения в Лондоне Мемориала жертвам Ялты. Обращение подписали члены всех парламентских политических партий, ведущие ученые и общественные деятели. Мемориал будет вечно напоминать об отвращении английского народа к тому, что было втайне проделано от его имени в 1945 году, и о глубоком сочувствии к миллионам страдальцев.

*Николай Толстой,
Сомерсет, август 1978*

*Но раз уж вы сошлись здесь на крови
Дорогами из Англии и Польши,
То прикажите положить тела
Пред всеми на виду и с возвышенья
Я всенародно расскажу про все
Случившееся. Расскажу о страшных
Кровавых и безжалостных делах.
Превратностях, убийствах по ошибке,
Наказанном двуличье, и к концу –
О кознях пред развязкой, погубивших
Виновников. Вот что я расскажу
Вам полностью.*

Вильям Шекспир. Гамлет.
(пер. Б. Пастернака)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Прошло уже много лет с тех пор, как миру стало известно, что в 1944-47 годах западные союзники выдали Сталину два с лишним миллиона русских, большинство которых постигла ужасная участь. Поначалу эти сведения были в основном достоянием эмигрантских кругов, которых непосредственно коснулась эта трагедия; в последние годы появилось несколько работ на английском языке, основанных на тщательном изучении вопроса.¹

Однако, несмотря на обилие публикаций, многие из которых дают богатую информацию, изученными оказались лишь отдельные аспекты этой истории. Начать с того, что даже самые недавние исследователи не получили доступа к большой части чрезвычайно важного материала. В соответствии с законом о тридцатилетнем сроке давности, государственные документы становятся доступны лишь постепенно, и поэтому до публикации настоящей работы ни один историк не мог воспользоваться документами, появившимися после Потсдамской конференции, с июля 1945 и в 1946 году. Между тем информация, содержащаяся в этих документах, охватывает половину интересующего нас периода, и их значение для понимания всего случившегося — очевидно. До сих пор не были проинтервьюированы многочисленные участники событий, в то время занимавшие ключевые позиции. Их показания должны были во многом изменить прежнюю картину.

Об объеме проделанной работы лучше всего, вероятно, свидетельствует тот факт, что примерно три четверти материалов, использованных в книге "Жертвы Ялты", ранее не появлялись в печати. Обстоятельства, приведшие такое огромное число русских в немецкий плен, насильственные репатриации, проводимые из Норвегии, Северной Африки, Франции, Бельгии, Голландии и нейтральных стран, вопрос о нарушении Англией и Америкой Женевской конвенции, операции, проводимые советскими

НКВД и СМЕРШем, судьба русских, возвращенных на родину, – все это впервые подробно описано лишь в этой книге.

Одна из глав посвящена мрачному эпизоду, который, как ни странно, полностью ускользнул от внимания историков. Тысячи беженцев, никогда не живших в Советской России, покинувших свою страну в 1919 году в качестве союзников англичан и американцев и, соответственно, не имевших никакого отношения к Ялтинским соглашениям, были переданы в Австрии СМЕРШу по договоренности столь секретной, что до сих пор принимаются самые исключительные меры для сокрытия следов этой операции.

История насильственной репатриации остается животрепещущей темой и сегодня. Лорд Эйвон, он же Антони Иден, ответственный за всю эту политику, неоднократно писал мне и пытался оправдать репатриации, отказываясь в то же время отвечать на конкретные вопросы. Только один чиновник министерства иностранных дел, имевший прямое отношение к событиям 1944-45 годов, согласился поговорить с автором, да и то лишь затем, чтобы объяснить, что именно в этот период у него был приступ амнезии. Остальные отказались давать интервью, и автор лишь позднее узнал формальную причину их молчания: политику определял министр, делом государственных служащих было ее выполнение. Как бы ни относиться к этому аргументу вообще, для темы данной книги он малопригоден. И если до сих пор историки, уделяя основное внимание политическим деятелям и их решениям, почти полностью игнорировали безымянных государственных служащих, теперь необходимо рассказать о том, какой властью обладали эти люди и как они пользовались ею.

В разгар насильственных репатриаций, в июле 1945, в Англии проводились всеобщие выборы. Эрнест Бевин сменил Идена на посту министра иностранных дел. Стремясь понять, продолжать ли ему политику Идена, он потребовал подробного отчета о принятых мерах. В отчете говорилось, что "до сих пор насильственные меры" для возвращения русских на родину не применялись. Основываясь на этой лживой информации, Бевин с большой неохотой согласился еще полтора года продолжать ту же политику и вынудил американцев тоже принять ее.

Не случайно эта история так долго оставалась неизвестной западной общественности. А.И. Солженицын даже предположил, что

поскольку общественное мнение не помешало "операции", не хотело обсуждать эту тему, не просило объяснений... нам кажется, что и на весь английский народ ложится этот грех...²

Вряд ли это справедливо. В 1945 году самое большее несколько сот англичан знали о своем соучастии в преступлении. Один только Джордж Орвелл обвинял прессу в попытке замолчать ужасающие факты. Но его обвинения были гласом вопиющего в пустыне. И сам Орвелл полагал, что это отчасти объясняется "ядовитым влиянием советского мифа на интеллектуальную жизнь Англии", имея в виду распространенное среди английских левых мнение, что сталинская Россия действительно свободное и справедливое государство.³

Критика Орвелла несомненно была справедлива. Английские репортеры, по редакторскому ли наущению или без оно, неохотно печатали сообщения, неблагоприятные для советской системы, хотя немногие заходили так далеко, как "либерал" А. Дж. Каммингс, заявивший в своей статье в "Ньюс Хроникл" 3 октября 1944 года, что, "за исключением одного-единственного человека, все эти русские... рвутся назад... на родину".

После самоубийства целого ряда русских, содержавшихся в английских лагерях, Патрик Дин, работавший в МИД, писал, что известия об этих событиях могут "вызвать политические неприятности", и настаивал, чтобы "министерство иностранных дел поговорило с отделом новостей, с целью сделать все возможное во избежание огласки",⁴ "которая могла бы помешать нам".⁵ Гай Берджесс, разоблаченный впоследствии советский агент, в то время работал в отделе новостей МИД, и легко представить себе, что он не преминул воспользоваться предложением Дина.

Конечно, служащие министерства понимали, что английская общественность будет возражать против применения жестоких мер к русским, не желавшим возвращаться, особенно к многочисленным женщинам и детям. Это откровенно признал другой чиновник МИД, Джон Голсуорси:

Я думаю, что любая огласка советских требований (вернуть пленных)... полезна. Просвещенное общественное мнение может только укрепить нашу позицию в отказе передать этих несчастных советским властям.⁶

Но такая искренность была исключением — и не случайно. МИД в 1944-45 годах не раз заявлял о том, что меры по репатриации следует тщательно скрывать от английской общественности, иначе разразится "скандал с разговорами о незаконной процедуре, о том, что людей обманом заставляют репатрироваться в СССР и т.д." Этого надлежало "избежать во что бы то ни стало".⁷

Все это противоречит заверениям тех, кто сейчас ищет оправдания решению МИД. В дебатах на эту тему в палате лордов 17 марта 1976 года лорд Хенки утверждал, что если бы английское правительство попыталось задержать у себя русских, не желавших возвращаться на родину, на него "обрушился бы неудержимый поток критики", потому что это ставило бы под угрозу возвращение английских военнопленных, освобожденных Красной армией.⁸

Тут мы подошли к важному пункту. В самом деле, стал бы Сталин рассматривать возможность задержания освобожденных Красной армией английских и американских военнопленных в качестве заложников, требуя взамен возвращения двух с лишним миллионов советских граждан, находившихся в Западной Европе? Это соображение мы подробно обсудим в книге. Сейчас же достаточно сказать одно: никаких доказательств того, что кто-либо из сотрудников МИД в то время опасался такой возможности, нет. Конечно, Сталин проявил бы тогда еще меньше желания сотрудничать с английскими властями в выполнении условий Ялтинского соглашения, но в самом худшем случае англичане, оказавшиеся в руках Красной армии, вернулись бы домой на несколько недель позже, не сушей — через Германию, а морем — через Одессу. Ни Иден, ни его советники не думали, что Сталин рассматривает возможность задержания английских пленных в качестве *quid pro quo*. Мы также впервые приведем в этой книге поразительные свидетельства того, что даже если бы Сталин и захотел сделать такой шаг, ему пришлось бы от этого желания отказаться.

В книге впервые будет подробно показано, насколько политика США в этом вопросе отличалась от английской. После того, как англичане решили придерживаться принципа насильственной репатриации, Госдепартамент США несколько месяцев тянул с ответом. В конце концов он нехотя сдался. Но американцев так возмутили случаи относительно незначительного кровопролития, произошедшие из-за попыток насильственно репатриировать русских, что правительство США временно отказалось от этой политики. И только под сильным нажимом Англии сотни русских, служивших в немецкой армии, были возвращены на родину.

Твердая позиция США ни на день не задержала возвращения из СССР ни одного американца, и советские власти ни разу не угрожали им мери, которых якобы боялись чиновники английского МИД. Английское правительство было полностью информировано об американской позиции и о том, что советские власти не реагировали на нее жестко. Таким образом, никакой нужды рассуждать насчет преимущества альтернативной политики не было: она проводилась тут же, на глазах у англичан.

Далее, если бы действительно на карту было поставлено возвращение английских военнопленных, то почему эта политика проводилась еще в течение почти двух лет после того, как последние пленные вернулись домой? И еще примечательно вот что: уж коли речь шла об английских военнопленных, судьба которых так сильно заботила сторонников насильственной репатриации, то, отправляя домой русских в форме вермахта, разве не подвергали англичане риску нацистских репрессий тех своих соотечественников, которые все еще находились в руках у немцев? А ведь это была гораздо более реальная и страшная угроза, которую, однако, министерство иностранных дел проигнорировало.

Истинные причины, лежащие в основе английской и американской политики, станут ясны читателю по мере того, как будет разворачиваться действие. Перед читателем пройдет также страшная драма русских: как попали они в руки к немцам, почему столь многие из них вступили в немецкую армию, чтобы воевать против Сталина, и, самое главное, что происходило во время этих операций по репатриации, которые проводили английские и американские войска, в большинстве своем испытывавшие глубочайшее отвращение к поставленной перед ними задаче. Лорд Бетелл уже воссоздал живую картину таких операций. Но полная история русских военнопленных 1941-45 годов раскроет масштабы трагедии, вполне сравнимой с судьбой евреев при нацизме — и по количеству вовлеченных в это дело людей, и по глубине страдания.

Жестокая ирония этой русской трагедии заключается в том, что русские в Красной армии и их противники в основанной немцами "Русской освободительной армии" воевали во многом за один и тот же идеал. Бывший фронтовик Виктор Некрасов недавно объяснил, почему он воевал за советскую власть в 1941-45 годах:

Мы думали, что, положив конец фашистскому рабству, мы и сами спасемся от тирании. Мы надеялись смыть собственной кровью позор предвоенного советско-германского пакта, мы думали, что проклятое прошлое никогда не вернется, и именно благодаря этой надежде я оставался в партии.⁹

Можно спорить о том, была ли такая линия поведения честнее, чем решение соотечественников В. Некрасова, поднявших оружие против сталинской тирании. Но вряд ли мы придем к легкому и однозначному ответу. Только тщательное изучение фактов может помочь нам найти истину и справедливость.

Прежде чем приступить к описанию событий тех дней, позволю себе небольшое личное отступление. Эта тема вызвала мой интерес очень

давно, благодаря знакомству с теми, кому удалось избежать смерти в ГУЛаге. Позже я столкнулся с рядом странных совпадений, которые утвердили меня в давнишнем намерении попытаться воздать должное памяти моих соотечественников.

В "Архипелаге ГУЛаг", в главе "Та весна", А. Солженицын поднимает вопрос, ставший темой моей книги. Он пишет о вопиющих дипломатических и военных ошибках, которые привели к тому, что немцы взяли в плен в 1941-42 годах столько людей, и о той ужасной судьбе, которая постигла пленных, переданных затем Сталину союзниками — Англией и США. "Какой Лев Толстой развернет нам это Бородино?"¹⁰ — спрашивает А. Солженицын. К тому времени, как были написаны эти слова, я проделал уже большую исследовательскую работу, и все же — с какой робостью я ощутил вдруг, что должен, что обязан двигаться дальше.

К тому же у меня имелась родственная связь с проблемой насильственной репатриации. Мой знаменитый предок, князь Петр Толстой, в свое время получил от Петра Великого приказ заманить назад в Россию его сына, царевича Алексея. Не в силах сносить вспышки отцовского гнева и военную дисциплину, юный царевич сбежал в владения императора Священной Римской Империи. Несмотря на настоятельные просьбы и страшные угрозы, император решительно отказался выдать своего непрошенного гостя навстречу неизвестности. Петру Толстому пришлось самому выслеживать несчастного юношу, скромно жившего с молодой женой в Неаполе. Перемежая лживые обещания страшными угрозами, он наконец уговорил Алексея вернуться к отцу. Несмотря на заверения в том, что его простят и не тронут, юный царевич был убит по приказу царя.

Надеюсь, читатель простит мне, если я расскажу еще и о третьем совпадении. В октябре 1944 года Черчилль и Иден полетели в Москву на совещание со Сталиным. Именно на этой встрече, получившей кодовое название "Толстой", Иден без всяких споров и возражений поспешил пообещать Сталину, что все его подданные будут возвращены независимо от их желания.

А теперь пора перейти к самой истории, которая, по-видимому, являет собой не один только мрачный призрак прошлого. Ее последствия живы и сегодня, особенно в сознании миллионов русских на родине и за рубежом. Совсем недавно, в 1977 году, в Гамбурге был осужден бывший офицер СС. По словам судьи, он, хотя и не участвовал в убийствах евреев непосредственно, "отбирал их для уничтожения, прекрасно зная о том, что их ждет". Политика, в результате которой миллионы простых русских людей были брошены в вагоны для перевозки скота, вевшие их на верную

смерть, муки и невыносимые лишения, немногим отличается от этой формулировки. Но лишь рассказав правду, можно ответить на обвинение А. Солженицына в адрес английского народа.

В действительности, большинство тех немногих, кто был в курсе дела, яростно сопротивлялись тому, что считали несправедливой и неоправданной жестокостью. С английской стороны в числе протестовавших, доходя порой даже до неподчинения приказам, были такие известные деятели, как лорд Селборн, сэр Джеймс Григг, фельдмаршал Александер и генерал Монгомери. Среди американцев протест был едва ли не единодушен. Оппозицию возглавляли дипломаты – Джозеф К. Грю, Роберт Мёрфи и Александр Кирк и военные – Эйзенхауэр и Бедделл Смит.

”Жертвы Ялты” – объемная книга. Я сделал все, чтобы не пропустить ни одного важного документа, постарался процитировать все необходимые первоисточники. Я надеюсь, что таким образом читатель сможет оценить, кто и в какой степени отвечал за политику насильственных выдач, породившую столь чудовищную череду страданий.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Исследования о сдаче казачьих формирований в Австрии опубликовал Юзеф Мацкевич: *Kontra* (Paris, 1957). Питер Хаксли-Блайт описал эти события в кн.: *The East Came West* (Caldwell, Idaho, 1964). Крайне важным источником является изданный генералом Вячеславом Науменко двухтомник документов и материалов "Великое предательство: выдача казаков в Лиепая и других местах (1945-1947)", Нью-Йорк, 1962-1970; а также работа М. Шатова "Библиография Освободительного движения народов России в годы Второй войны", Нью-Йорк, 1961. В основе всех этих трудов лежали по большей части свидетельства русских эмигрантов. В Германии, вслед за незаменимой книгой Юргена Торвальда: *Wen sie verderben wollen: Bericht des grossen Verrats* (Stuttgart, 1952), появилось несколько важных работ о власовском движении. Новые исследования вышли совсем недавно. В некоторых использовались свидетельства англичан и американцев, ранее игнорируемые или недоступные. Трагические события начали рассматриваться в правильной перспективе. Наиболее важные работы: Mark R. Elliot. *The United States and Forced Repatriation of Soviet Citizens, 1944-47.* – *Political Science Quarterly*. 1973, LXXXVIII, pp. 253-275; Julius Epstein. *Operation Keelhaul: The Story of Forced Repatriation from 1944 to the Present.* Old Greenwich, Connecticut, 1973; Nicholas Bethell. *The Last Secret: Forcible Repatriation to Russia 1944-1947.* London, 1974; Edgar M. Wenzel. *So gingen die Kosaken durch die Hölle.* Wien, 1976.
2. Интервью Би-Би-Си с А.И. Солженицыным, взятое Яном Сапием 17 ноября 1974.
3. См.: *The Prevention of Literature.* – *Polemic*. January 1946, II, p. 7.
4. Foreign Office [в дальнейшем: Архив министерства иностранных дел Великобритании], 371/47897, 5.
5. См. также War Office [Архив военного министерства Великобритании], 32/11137, 186А, 225А, 257А, 263А, 298А.
6. Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/47909, 181.
7. Там же, 191.
8. См.: *Parliamentary Debates (Hansard) House of Lords Official Report.* London, 1976, CCCLXIX, p. 313. Другой бывший дипломат, лорд Кемпбелл, подчеркивал то же самое (см. там же, стр. 320).
9. *East-West Digest*. 1976, XII, pp. 719–720.
10. А. Солженицын. *Архипелаг ГУЛаг (1918-1956).* Опыт художественного исследования, т. 1. ИМКА-Пресс, Париж, 1973, стр. 246.

Глава 1

РУССКИЕ В ТРЕТЬЕМ РЕЙХЕ

В то воскресное утро 22 июня 1941 года юный лейтенант Красной армии Шалва Яшвили,* служивший в частях, оккупировавших Польшу, рассчитывал лишний часок поваляться в постели. По его собственным словам, был он тогда робким и довольно мягким юношей. Служить ему оставалось всего три месяца, его уже ждали дома, в солнечных горах родной Грузии. Теперь уже, казалось, ничто не может помешать его демобилизации. Правда, инструкторы, приезжавшие в его артиллерийский полк, в последнее время уделяли особое внимание обучению тому, как распознать немецкие танки, полевую артиллерию и другие виды вооружения вермахта. Странная тема для занятий — ведь отношения между Третьим рейхом и Советским Союзом вроде бы ничуть не испортились с того момента, как две величайшие державы Европы разделили между собой Польшу.

Накануне Яшвили, отстояв скучную вахту у полкового склада с боеприпасами, отправился с дружкой на традиционные субботние поиски развлечений в соседний белорусский городок Лида, прямо через границу. Они сходили в кино и, вернувшись в казармы — солидные строения времен Николая II, — допоздна болтали. Друг был родом из Бурят-Монголии, и его зачаровывали рассказы Яшвили о гористой, улыбочивой земле Грузии, так непохожей на тусклую ветреную тундру в его родных краях. Особенно нравились ему душистые апельсины, которые

* Автор не указывает настоящую фамилию своего информатора, так как его мать до сих пор живет в СССР. В остальном все подробности рассказа "Яшвили" воспроизведены полностью.

Яшвили присылали из дому, и он никак не мог поверить в существование земли, где любой прохожий может запросто срывать такие яблоки Геспериды.

Но отоспаться молодому человеку не удалось. К вящему неудовольствию Яшвили, его поднял на ноги совершенно неожиданный сигнал тревоги. Было шесть часов утра, только что рассвело. Пытаясь собраться с мыслями, Яшвили на ходу натянул на себя форму. Но не успели заспанные и недовольные солдаты выбежать из казармы, как дежурный офицер сказал им, что тревога ложная и они могут идти досыпать.

Ворча на бессердечность начальства, солдаты вернулись к своим койкам. Но и на сей раз им не пришлось толком поспать. Через два часа отдаленный гром взрыва потряс окна казарм, снова загудел сигнал тревоги. Поспешно одевшись, артиллеристы помчались на городскую площадь. Туда со всех концов города спешили толпы офицеров и солдат. Все были возбуждены, задавали вопросы, что-то кричали.

Кто-то горячо объяснял, что десять минут назад самолеты бомбили и обстреливали некоторые городские кварталы. Несколько домов разрушено, кажется, есть жертвы. Другие уверяли, что это не может быть нападение, наверное, просто маневры. Яшвили вскоре решил, что все же это не просто маневры, особенно когда выяснилось, что таинственные самолеты сбросили несколько бомб на железнодорожную станцию, уничтожив изрядные количества орудий и танков, боеприпасы и цистерны с бензином, стоявшие на насыпях и на платформах. Однако никаких приказов все еще не поступало. В толпе царил смятение. Группы солдат кружили по площади, и только в 10 часов кто-то решил, что пора заняться делом.

Разрозненные взводы, собравшись вместе, двинулись в открытое поле, окружая город. К роте Яшвили, стоявшей в ожидании приказов, подошел какой-то офицер и осведомился, нет ли среди присутствующих человека, умеющего обращаться с четырехствольным противоздушным орудием. Выступивший вперед Яшвили тут же получил приказ следовать всей ротой, захватив четыре таких орудия, на защиту соседнего аэродрома от возможных атак парашютистов. Ему дали трехтонку для перевозки орудий, и часов в 6 вечера они отправились в трудное путешествие к аэродрому.

Лично Яшвили пока еще не видел никаких признаков войны — если это была война. Но во время растянувшегося на полдня ожидания приказов он понял, что, сам того не зная, уже однажды был близок к смерти. Полевой склад боеприпасов, который он охранял накануне, находился километрах в пяти от города. На рассвете, едва забрело, неведомо

откуда появившиеся в небе бомбардировщики сбросили в этом районе несколько бомб. Склады взорвались, 22 человека из охранявшей их роты погибли. "Операция Барбаросса", немецкое вторжение в СССР, началась.

Грузовик ехал в темноте без огней, в основном — на первой скорости. Два-три раза они оказывались в канаве. До аэродрома добрались только на рассвете следующего дня. Встретивший их майор приказал занять оборонительную позицию в окрестных лесах. Яшвили и его солдаты — 24 человека, считая шофера, — расположились соответствующим образом, расставили орудия и стали ждать.

Занялся новый день, но ничто, казалось, не нарушало спокойствия полей и лесов. Солдаты расстегнули гимнастерки, решили немного отдохнуть. Поблизости виднелось какое-то строение, и Яшвили, взяв с собой несколько солдат, отправился туда на разведку. Это была кухня расположенного по соседству лагеря, и оказавшаяся там польская девушка предложила солдатам перекусить. Они пошли за ней к большому складу. Он был заперт, но девушка сумела отпереть дверь. Войдя внутрь, солдаты попали в настоящую пещеру сорока разбойников из сказки об Али-Бабе: с потолка свисали связки колбас, на полу громоздились гигантские окорока, шматы сала, корзины с бутылками водки. При виде такого изобилия у солдат слюнки потекли, но мысль о наказаниях за хищение государственной собственности удержала их от дальнейших шагов.

Однако девушка стала уверять, что ничего им не будет. От нее солдаты узнали кое-какие подробности. Заключенных лагеря каждый день возили на принудительные работы на аэродром.¹ Как только известие о немецком вторжении подтвердилось, все исчезли — и охрана, и заключенные. Куда они подевались — неизвестно, но вряд ли они появятся тут вскорости. Что до складских сокровищ, то это запасы для столовой охранников-энкаведешников. Как и положено авангарду стражей революции, они себя не обделяют. После этого рассказа довольные солдаты целый час кряду набивали животы и грузовик невиданными яствами. В тот день они не позаботились послать на аэродром за пайками.

День прошел тихо, в полном безделье, но ночью события приняли весьма неожиданный оборот. Связной майора, который должен был обходить внешние посты, не явился. Выждав немного, Яшвили послал солдата к лейтенанту, командиру соседней с ними роты. Солдат вернулся, обескураженно скребя в затылке, и доложил, что там никого нет. Тогда Яшвили отправил связного к майору, но и связной принес то же известие: майор и все прочие пропали! Все куда-то испарились, бросив роту из 24 солдат с грузовиком на произвол судьбы.

Оставалось одно: попытаться вернуться в полк. Погрузившись, они отправились назад, в город. Здесь царил хаос, улицы и площадь были забиты отступающими войсками. Пробиваясь сквозь толпу, потерявшаяся рота добралась сначала до штаба полка. И снова неудача: на месте дома чернели развалины — прямое попадание немецкой бомбы. Тут уж молодой грузин решил, что пора присоединиться к бегущей толпе, устремляющейся на восток, в Россию, другого выхода нет.

Выехав в предвечерний час из города, они остановились на ночлег в доме ворчливого польского крестьянина. Яшвили выставил часового у главной дороги, на случай, если мимо будут проходить части их полка. Не успели солдаты расположиться на ночлег, как примчался часовой: он только что остановил на дороге капитана из их полка. Вышедшему из дома Яшвили капитан сказал, что его батарея движется по направлению к фронту, чтобы защищать дорогу. Яшвили с солдатами должен следовать за ним и присоединиться к остаткам полка.

Проведя всю ночь в пути, они обнаружили наутро свой полк, стоявший лагерем в лесу. Там они узнали, что офицер батареи, в которую входил Яшвили, убит, а сама батарея уничтожена. Впрочем, такие новости уже никого не удивляли. Было ясно, что на этом участке фронта царит хаос.

В полдень Яшвили получил приказ присоединиться к полковому конвою с боеприпасами. Конвой состоял из 60 грузовиков под командой капитана. Солдатам по карте показали место назначения, не дав никаких объяснений или альтернативных приказов. Но, по крайней мере, они снова были частью цельной армейской структуры.

Несколько километров они тряслись по лесной дороге. Вдруг передний грузовик затормозил и вся колонна остановилась. Яшвили, примерно двадцатый в колонне, высунулся из окошка и увидел, что с капитаном беседуют два старших офицера. У одного на воротнике были красно-черные петлицы генерала генерального штаба, второй был полевым генералом. После короткого разговора капитан выпрыгнул из своего грузовика и пересел в следующий. Генералы сели в ведущий грузовик, и процессия двинулась дальше, чтобы вскоре остановиться вновь.

Капитан сказал подчиненным, что они могут немного отдохнуть, и пошел к Яшвили. Оказалось, капитану здорово влетело от генералов за то, что он едет днем: "Ты что, дурак, совсем спятил? — кричали они. — Не соображаешь, что будет, если тебя засекут немецкие самолеты! Пораскинь мозгами, если можешь, и отныне хоронись днем под деревьями, а передвигайся только ночью".

Бедный служака, не посмевав сослаться на имеющийся у него приказ, бросился выполнять новый. Когда стемнело, придиричвые генералы

вновь заняли место в ведущем грузовике, задавая колонне направление. Шоферам эта поездка изрядно потрепала нервы: зажигать фары было запрещено. Кроме того, ведущие машины двигались самым странным образом, то и дело неожиданно останавливаясь — наверное, чтобы не наткнуться на невидимые препятствия. Шофер видел лишь внезапное мигание тормозного сигнала на переднем грузовике. При таком способе передвижения они проехали за ночь всего несколько километров. Разумеется, не обошлось без аварий. На советских военных грузовиках радиаторы расположены прямо перед капотом, так что малейшее столкновение с бампером переднего грузовика почти неизбежно кончалось взрывом радиатора, и грузовик выходил из строя. Поврежденные машины приходилось оттащить в сторону, в канаву. К утру от шестидесяти грузовиков, вышедших накануне в путь, осталось всего двенадцать. Но генералы воздержались от комментариев по этому поводу. По их словам, до полевого склада с боеприпасами оставалось всего несколько километров. Они дали капитану документы, уполномочивавшие его захватить в полк столько снарядов, сколько он сможет увезти. Затем генералы уехали, снова строго-настрого приказав не трогаться в путь, пока не стемнеет. Вечером капитан, собрав остатки колонны, медленно и осторожно двинулся по указанной ему дороге. Хотя расстояние было небольшим, места назначения они достигли только наутро. Но склада боеприпасов они не обнаружили: он был уничтожен самолетами врага.

Тут два молодых офицера начали смеяться, что к чему. "Генералы" на самом деле были немецкими агентами, и им удалось дня на три лишить артиллерийский полк Красной армии жизненно необходимых боеприпасов, а заодно вывести из строя 48 грузовиков. Если представить себе, что в других местах эти изобретательные агенты добиваются хотя бы десятой доли сегодняшнего успеха, то одних их усилий вполне достаточно для того, чтобы посеять хаос и панику в рядах советской армии.²

Успеху лжегенералов способствовали два обстоятельства. Во-первых, как подчеркивает Яшвили, "в Красной армии приказы не обсуждают, их выполняют". Во-вторых, переодетые генералы прекрасно говорили по-русски и держались большими начальниками — то есть именно так, как, на взгляд красноармейцев, подобает генералам. Как это ни парадоксально, но эти лжегенералы, скорее всего, были и в самом деле русскими, и даже, вполне возможно, настоящими генералами. Отдел контрразведки вермахта, абвер, организовал специальные оперативные группы для действий за линией фронта. Сотрудники этих групп набирались среди белоэмигрантов и говорящих по-русски прибалтийцев, поляков

и украинцев, им выдавали безупречно шитую советскую форму, так что у них были все основания добиваться небывалых для разведки успехов.³

Молодые офицеры вернулись в полк с оставшимися грузовиками (96 шоферов и сменщиков, у которых сломались машины, теперь были просто пассажирами). Полковник, узнав, что он не только не получил долгожданных снарядов, но еще к тому же лишился большей части своих драгоценных грузовиков, пришел в ярость. Однако делать было нечего, и когда вскоре немцы перешли в наступление, артиллерийскому полку, не имевшему снарядов, оставалось лишь отступить. На шоссе их постоянно обстреливали с воздуха, пришлось медленно продвигаться через леса. Но здешняя почва не выдерживала тяжести 122-миллиметровых орудий, так что было приказано бросить их. Окончательно деморализованные остатки полка объединились с другими частями, образовалась весьма оборванная дивизия выживших. До них дошло известие, что немцы уже возле Минска, значительно восточнее, и поэтому они продолжали отступать по лесам.

Именно на это время пришлось боевое крещение лейтенанта Яшвили. Оно было коротким. Его послали в патруль, и, обходя куст, он вдруг столкнулся лицом к лицу с немецким солдатом. Оба принялись стрелять и поспешили спрятаться, ни один не был ранен. Но после этого довольно нелепого эпизода события приняли более серьезный оборот. Яшвили был ранен. Пуля пробилла обе ноги, рану обрабатывала молодая симпатичная докторша. Он до сих пор помнит, в какое смущение повергло его ее требование спустить брюки – ведь ему было всего 20 лет! Затем его отправили в отсек для раненых, там он отыскал в грузовике уголок, где можно было отлежаться.

Но летом 1941 года красноармейцам было не до отдыха. Немцы продолжали наступать, пули со свистом пробивали стенки стоявших на месте грузовиков. Позабыв о своих ранах, Яшвили выскочил из грузовика и пополз к кустам, там ему казалось безопаснее. После этой вспышки энергии силы совсем оставили его, он потерял сознание. Ослабленный болью и потерей крови, он проспал весь день. Это было 2 июля. Когда он наконец проснулся, солнце уже спускалось за березы. Приподнявшись, он обнаружил, что лежит посреди воронок от мин. Осколки плотно покрывали землю вокруг того места, где он лежал. Он по сей день убежден, что его спасло тогда само провидение.

Вокруг все было тихо, даже листья на деревьях замерли. Яшвили осторожно поднялся и, шатаясь, побрел неведомо куда. У него не было ни оружия, ни вещмешка, и он не имел ни малейшего представления, где

искать свою часть — или любое другое красноармейское соединение. Еще утром он был частичкой формирования из 50 тысяч вооруженных солдат, сейчас он был безоружен и совершенно один, если не считать валявшихся кругом трупов. Единственными живыми существами в поле его зрения были армейские лошади из артиллерийского обоза. С колоссальным трудом он подполз к одной из них и ухитрился взобраться в седло. Боли он почти не чувствовал, хотя рана была серьезной.

Первым делом он снял гимнастерку и засунул ее в притороченный к седлу мешок. Теперь в нем никак нельзя было признать солдата. Он ехал, хоронясь за деревьями, — в сумерках его спокойно могли подстрелить с той или другой стороны. Через час он добрался до края леса. Вдалеке, километрах в пяти, виднелась деревня. По мере приближения к ней до него все явственнее доносился шум, мигали огни — он заключил, что там полно народу. Подъехав вплотную к деревне, он наткнулся на двух офицеров на лошадях, державшихся в некотором отдалении от изб. Завидев Яшвили, они закричали, чтобы он ехал к ним, — может, они друг другу пригодятся. Они предложили ему пробраться к толпе разбушевавшихся солдат, попросить чего-нибудь поесть. Сами они боялись, как бы солдаты их не убили — в первые дни войны не один офицер погиб от руки собственных солдат. Поскольку по внешнему виду Яшвили никак нельзя было принять за офицера, он согласился.

Он проехал посреди развеселой пьяной толпы к месту, где несколько человек свеживали только что убитую корову, и попросил кусок мяса. Дородный солдат с ножом в руке, оглядев запачканные кровью брюки пришельца и его сапоги, полные крови, решил, очевидно, подшутить над ним и швырнул ему горло и легкие забитого животного. Подхватив эту скользкую гадость, Яшвили чуть с лошади не упал от отвращения, но удержался в седле и с победой вернулся к поджидавшим его товарищам. Они пришли в восторг, увидев его добычу, и осторожно двинулись втроем прочь от села. В лесу у ручья они сварили эти неаппетитные куски в своих касках и съели их. Затем новые товарищи Яшвили наметили по карте маршрут, по которому, избегая крупных населенных пунктов, они могут попытаться нагнать армию. Но так как они не имели ни малейшего представления о местонахождении врага, они решили сначала разведать первую часть пути. Офицеры решили отправиться на разведку вдвоем, и если все будет хорошо, вернуться за раненым. С этим они уехали, и больше Яшвили их не видел.

Так он снова остался один. Он вернулся назад, в деревню, надеясь отыскать врача, который мог бы сменить ему повязку. Во врачах недостатка не было, но ни у одного не оказалось ни бинтов, ни лекарств, и

Яшвили мрачно поскакал по пыльной дороге на восток. Может, какая-нибудь крестьянка перевяжет ему ногу полотном, или удастся найти еще не окончательно развалившуюся красноармейскую часть. Наконец, он добрался до деревни, которая показалась ему совершенно пустой. Он медленно ехал вдоль молчаливых деревянных изб, и вдруг в конце увидел старуху, рыдавшую возле изгороди. Заметив грузина, она взволнованно закричала: "Сынок, если у тебя есть оружие, брось его!"

Он с удивлением уставился на нее. Меж тем его лошадь прошла мимо женщины и завернула за угол. Когда старуха скрылась из виду, Яшвили наконец поглядел вперед и увидел, что прямо на него наставлено ружье. По обеим сторонам от него стояли два высоченных немецких солдата с взведенными ружьями. "Они были такие высокие, что их головы оказались вровень с моей!" — вспоминает Яшвили. Он посмотрел направо, налево и медленно поднял руки. Так внезапно закончилась служба лейтенанта Яшвили в Красной армии. Отныне он был военнопленным.

Такая судьба постигла не его одного, но он оказался удачливее многих. Ему не пришлось изведать ужасов Майданека и Молодечно. Его раны залечил врач в минском хлеву, а потом он стал поваром при транспортном 666-м полку вермахта и работал там 9 месяцев, пока полк не перевели в Германию. Его тоже увезли в Германию, и он некоторое время работал в Эйзенахе, в бане для военнопленных. Там он видел, как здоровых жизнерадостных англичан и американцев сменяли изнуренные, умирающие скелеты — его соотечественники.

Затем, к ужасу Яшвили, его послали на работу в Бухенвальд. Больше всего он боялся, как бы немцы не приняли его орлиный грузинский нос за еврейский. Из Бухенвальда его отправили в Освенцим, и он решил, что его час пробил. Всезнающие немцы уже сообщили ему, что грузин Сталин — на самом деле еврей, а в Освенциме этнические вопросы решались на самом высоком уровне — жизни и смерти. Его спасло лишь то, что, будучи христианином, он не подвергся обряду обрезания.

К счастью, он провел в Освенциме всего один день, после чего его перевезли в польский город Катовицы. По странной прихоти судьбы, его вырвали из бездны и отправили туда, куда он и мечтать не мог: к его землякам. В Катовицы свезли грузин из всех лагерей Третьего рейха, Яшвили даже нашел здесь своего старого приятеля, еще со школьных времен. Они с рыданиями бросились друг к другу. Это было настоящее чудо — здесь, в нескольких тысячах километров от дома, увидеть приветливые лица грузин, услышать родную речь!

Но разбросанных по всему рейху грузин собрали вместе вовсе не для того, чтобы доставить им радость. Немцы сообщили им, что из них

формируется грузинский полк, который будет помогать немецкой армии в борьбе против большевизма и в конечном итоге освободит родные горы Грузии от советского ига. Яшвили принял свою новую роль без колебаний и сомнений. Его вместе с группой земляков отправили в Крым, где формировалась Грузинская дивизия. Да и что тут было думать?! Шалва Яшвили родился в тот год, когда грузинский народ, воспользовавшись хаосом русской революции, решил восстановить свою независимость, утраченную в прошлом веке. В январе 1920 года союзные государства признали независимость Грузии, в мае к ним присоединилось советское правительство. Грузины надеялись, что наконец-то обрели свое государство – как Финляндия и Польша. Но не тут-то было. 11 февраля 1921 года Красная армия вторглась в их страну и завоевала ее. С тех пор Советы правили в Грузии с помощью насилия и террора. И первым главой грузинских органов был Л.П. Берия – советский Гиммлер.

Семья Яшвили не меньше других почувствовала на себе все прелести чужестранного владычества. У отца Шалвы была маленькая гостиница в горах. Новая власть конфисковала гостиницу, и семье пришлось нелегко.

Если бы кто-нибудь сказал Яшвили, что, присоединившись к анти-советской части, он стал предателем, бывший лейтенант с негодованием отверг бы это обвинение. И дело не только в том, что он считал себя больше грузином, чем русским, больше христианином, чем атеистом. И не в том, что он, как и все в России, знал, что многие русские ненавидят власть большевиков и будут приветствовать ее свержение, независимо от того, с какой стороны оно придет (во всяком случае, пока они не поняли природы нацистского чудовища). Все это, конечно, сыграло свою роль, но не менее – а может, и более – важным было то, что Сталин не предоставил своим гражданам права попадать в плен вообще, в том числе к немцам, отказываясь официально признать существование советских пленных.

Советское правительство, образовавшееся после большевистского переворота 1917 года, не пожелало присоединиться к Гагской конвенции. Не подписало оно и Женевскую конвенцию 1929 года, в которой более четко были определены условия содержания военнопленных. Несмотря на это, сразу же после начала войны, в июне 1941 года, немецкое правительство обратилось к Международному комитету Красного Креста с намерением договориться об условиях содержания пленных обеих сторон. Списки русских военнопленных передавались советскому правительству до сентября 1941 года, затем эта практика прекратилась, так как советские власти неоднократно отказывались передавать взамен

списки немецких военнопленных. Зимой немцы предприняли еще несколько попыток установить отношения с советскими властями, чтобы договориться о взаимном соблюдении Гаагской и Женевской конвенций, но вновь получили отказ.⁴ Тогда в дело вмешался сам Комитет Красного Креста, обратившийся к советским послам в Лондоне и Швеции. Послы что-то нечленораздельно обещали, дело было рассмотрено в Москве, и ответ был дан отрицательный.⁵

Тем временем союзники Германии — Италия, Румыния и Финляндия, — также отчаявшись придти к какому-либо взаимному соглашению с СССР, решили в одностороннем порядке применять условия конвенций к русским военнопленным, захваченным их армиями. Но и этот великодушный жест не возымел никакого действия.⁶ Финны в особенности были озабочены ужасным состоянием 47 тысяч русских военнопленных, находящихся в их руках, и с благодарностью принимали великодушную помощь Красного Креста, хотя советская сторона не разрешила оказать аналогичную помощь финнам, взятым в плен в СССР.⁷

Не удивительно, что немецкое правительство ужесточило обращение с русскими военнопленными,⁸ а те круги, которые противились дурному обращению с пленными, утратили свое потенциальное влияние. Кроме того, русских в немецком плену было намного больше, чем немцев — в русском. Почти две трети всех русских военнопленных попали в руки немцев в 1941 году.

Гитлер лично настаивал на том, чтобы Красный Крест инспектировал лагерь. Сталин же, когда к нему обратились с предложением разрешить переписку и посылки для военнопленных, ответил:

Русских в плену нет. Русский солдат сражается до конца. Если он выбирает плен, он автоматически перестает быть русским. Мы не заинтересованы в установлении почтовой службы для одних немцев.⁹

Этот ответ решил исход дела. Отныне гитлеровская пропаганда широко использовала то обстоятельство, что Советский Союз не подписал Женевскую конвенцию 1929 года и, следовательно, наверняка не будет обращаться с немецкими военнопленными соответственно ее условиям. Наконец, 29 мая 1942 года Молотов решительно отверг предложение Государственного департамента США подписать конвенцию или соблюдать ее условия.¹⁰

Вполне убедительно, поэтому, звучит рассказ о том, как гуманный комендант немецкого лагеря, старавшийся по возможности облегчить

невыносимую жизнь своих подопечных, жаловался одному русскому врачу, что больше ничего не может сделать, поскольку Сталин отказался вступать в какие бы то ни было соглашения.¹¹ Представитель швейцарского Красного Креста М. Жюно постоянно сталкивался с этим непреодолимым препятствием во время объездов лагерей в Германии, выражая протест относительно содержания русских. Он отметил, например, разительный контраст между хорошо поставленным лагерем для английских военнопленных в Досселе, где на видном месте был вывешен для всеобщего обозрения текст Женевской конвенции, и ужасающим лагерем по соседству – для брошенных на произвол судьбы русских. Нет, конвенция никак не была простым “клочком бумаги”.¹²

Было бы ошибкой думать, что Гитлер, при всей его жестокости, отказывался бы соблюдать конвенцию, если бы она была принята. В феврале 1945 года, после бомбежки Дрездена авиацией союзников, разъяренный Геббельс предложил Гитлеру отказаться от Женевской конвенции и расстрелять пленных летчиков. Гитлер согласился, но кто-то из его сотрудников, ужаснувшись этому решению, сделал так, что это намерение просочилось в иностранную прессу. Би-Би-Си сразу же передало резкие предупреждения об ответных мерах, и немцы немедленно отказались от задуманного.¹³

Можно было бы на секунду предположить, что позиция советского правительства – не марксистское новшество, но наследие отсталой царской России. В этом случае уместно на мгновение обратиться к судьбе русских, взятых в плен немцами в войне 1914-18 годов. Поскольку оба правительства – и Российской Империи, и Германии – подписали Гагские конвенции 1899 и 1907 годов, с самого начала были приняты меры для облегчения страданий попавших в плен. Правительства обменивались списками пленных, была установлена почтовая служба, медсестрам и священникам разрешалось ездить из России в немецкие лагеря, для пленников были устроены православные церкви. Испанское правительство выступало в качестве государства-протектора русских военнопленных, их интересы поддерживались также Соединенными Штатами, государством-протектором союзников России – англичан, французов и сербов, – вместе с которыми обычно содержались в лагерях русские пленные.¹⁴

Императрица Александра Федоровна организовала комитет по поддержке пленных.¹⁵ В 1915 году она писала царю:

Ты знаешь, что мой комитет будет вынужден просить правительство о больших суммах денег для наших пленных, нам никаких денег не хватит, и сумма достигнет, страшно сказать, нескольких миллионов.

Через несколько недель она сообщает: "4 раза в неделю мы высылаем по несколько вагонов, груженных вещами". До нее доходят известия о дурном обращении с пленными: она "плакала, читая об ужасах, которые немцы творили с нашими ранеными и пленными", и все же императрица умоляет царя хорошо обращаться с немецкими пленными: "тогда они скорее согласятся помогать нашим пленным тоже".

Проиллюстрируем это сравнение статистическими данными. В войне 1914-18 Центральные державы взяли в плен 2,417 миллионов русских, из них умерло 70 тысяч.¹⁶ В 1941-45 гг. немцы захватили в плен 5,754 миллиона русских,¹⁷ из них умерло 3,7 миллиона.¹⁸

Можно было бы также предположить, что катастрофические события 1941 года требовали драконовских мер. Но в 1914 году информация о хорошем обращении немцев с пленными не влияла на лояльность царских солдат. Русские офицеры прославились тем, что больше других пленных упорствовали в побегах из немецких лагерей;¹⁹ всего сбежало около 260 тысяч русских, и большинство их снова пошло в родную армию.²⁰ Несмотря на активную немецкую и пораженческую пропаганду в лагерях в 1917 году, лишь какие-то жалкие 2 тысячи украинских националистов согласились дезертировать в немецкую армию.²¹ В 1944 году на этот шаг решились около миллиона русских военнопленных.

В Эйзенахе Яшвили увидел плоды сталинской политики по отношению к сброшенным со счетов русским. Но страшнее увиденного было то, что он еще раньше, во время своей службы поваром в Минске, унюхал носом — в самом буквальном смысле. За городом находился лагерь для русских пленных солдат и штатских. Вернее, это был не лагерь, а большое открытое пространство, огороженное проволокой, через которую был пропущен ток, окруженное сторожевыми вышками с автоматчиками. Число заключенных там в какой-то период достигло 60 тысяч. У них не было крыши над головой, их фактически не кормили, а на дворе меж тем стояла зима 1941-42 года. В кухне Яшвили месяцами царил забивавший все остальные запахи запах гари: это в лагере каждодневно кремировали трупы. За несколько месяцев число узников сократилось до 11 тысяч.

В глазах западных государственных деятелей и дипломатов Яшвили стал предателем в Катовицах, в тот день, когда вызвался служить в Грузинской дивизии. Но для Сталина он стал предателем в тот день, когда медленно ехал мимо плачущей старухи, прямо в руки к немецким часовым. Советская отчизна считала предателем того, кто сдался, а не пал в бою, и сдавшиеся в плен были списаны как погибшие. И действительно, примерно тогда же, когда Шалва Яшвили был схвачен двумя немецкими великанами, его брат погиб в танковом бою на границе, и

отец Яшвили получил похоронку на обоих сыновей. Как водится среди кавказцев, Яшвили-старший горячо любил своих детей и гордился ими. Он не вынес страшного известия и вскоре умер.

Я рассказал историю Шалвы Яшвили, потому что она, по-моему, иллюстрирует все звенья цепочки, приведшей стольких русских солдат в немецкий плен. Полная неожиданность "Операции Барбаросса", хаос и неразбериха первых недель, отсутствие приказов, покинутый лагерь, страх перед солдатами, который испытывали многие офицеры, необычайная эффективность и хитрость немцев, неизбежное окружение, ужасы Минска и, наконец, с радостью данное согласие воевать в антикоммунистическом легионе: помножьте все это на сотни тысяч – и вы получите историю русских пленных. Добавьте к этому тот факт, что Шалва закончил войну в Италии и там английская армия передала его советским войскам – и круг замкнется.

К концу Второй мировой войны несколько миллионов русских оказались у немцев. Обстоятельства, при которых это произошло, были различны, но в общем и целом можно выделить несколько категорий.

Прежде всего – вывезенные на принудительные работы. Почти три миллиона человек (эта цифра включает также и украинцев) согласились работать – либо были принуждены к этому силой или обманом – в трудовых батальонах национал-социалистической Германии. К осени 1941 года, в результате "Операции Барбаросса", обширные пространства западной России были оккупированы немцами, а тысячи жителей, привлеченные обещаниями хорошей оплаты и приличных условий, ринулись в Германию на поиски работы. Их жизнь в СССР была настолько незавидна, а немецкая пропаганда – настолько убедительна, что многие с радостью ухватились за эту возможность. Вскоре они растеряли все свои надежды: хотя они и представляли собой фактически даровую рабочую силу, немецкие власти и население считали их крепостными и нещадно эксплуатировали. Такое унижительное отношение к русским воспитывалось, в числе прочего, нацистским изданием "Дер Унтерменш", любимым чтением Гиммлера. Журнал этот специализировался на публикации фотографий. Белокурые красавицы-немцы соседствовали здесь с отвратительными недочеловеками-славянами. В результате приток добровольной рабочей силы стал иссякать, и за первые полгода после того, как русским было разрешено работать в рейхе, на это предложение откликнулись сравнительно немногие – всего 70 тысяч человек.²²

Но русская кампания поглощала огромные, невиданные в истории людские и материальные ресурсы, и немецкие фермы, заводы и шахты

испытывали громадную нужду в рабочей силе. Поэтому было решено мобилизовать русских рабочих, несмотря на то, что такая мера помешала бы русским относиться к немцам как к своим избавителям.

План по оказанию давления на русских граждан был впервые выдвинут Герингом в конце 1941 года. Выполнение его было поручено Фрицу Заукелю, министру труда рейха. Последовавшие за этим акции вылились в грубое похищение многих тысяч мужчин. Иногда их вылавливали поодиночке, иногда же немецкая полиция сажала в поезда, идущие в Германию, целые церковные общины или кинозалы. Схваченные в таких облавах порой проводили по несколько недель в разболтанных, старых, нетопленных вагонах, в товарняках с опечатанными дверьми и зарешеченными окнами. Их мучили голод, холод, болезни. Трупы часто по много дней лежали рядом с живыми (в каждом вагоне — по 60 человек), пока их не выбрасывали без всяких церемоний на насыпь. Через несколько месяцев немцам пришлось отправить назад сто тысяч человек — они были настолько истощены, что не могли работать.

В самом рейхе они содержались в ужасающих лагерях, очень похожих на те, что в более широких масштабах действовали в СССР. Нацистская пропаганда изображала рабочих из СССР жизнерадостными и примитивными работниками, подставившими плечо германской индустриальной машине. Великолепно издававшийся журнал "Сигнал" печатал фотографии смеющихся, хорошо одетых украинских девчат, осматривавших достопримечательности Берлина. Действительность выглядела совсем иначе. Условия жизни в лагере были чудовищны. Из всех иностранных рабочих рейха русских кормили хуже всего, основу их рациона составлял хлеб из репы. В короткие часы отдыха, которые им разрешалось проводить за пределами лагеря, "остарбайтеры" должны были носить униженные нашивки расово неполноценных, им запрещалось ходить в кино, рестораны и другие общественные места. В довершение всего прочего, им возбранялось вступать в связь с немками.

Но еще хуже была судьба тех, кого, по приказу Гиммлера, отбирали для работы в концентрационных лагерях, в особенности в Освенциме и Бухенвальде, где побывал и Яшвили — к счастью, недолго. Около 100 тысяч человек умерло в концлагерях от голода и побоев. В секретном соглашении Гиммлера с министерством юстиции, касающемся судьбы этих "перемещенных лиц", шла речь о работе до полного изнеможения. Но самым чудовищным, и здесь нацисты в очередной раз сходятся со своими советскими коллегами, — было использование детского труда. Мальчики и девочки, начиная с 10 лет, мобилизовывались на заводы, жили почти

в тех же условиях, что и остальные, и смертность среди них была не ниже, чем у взрослых.

Всего на принудительные работы было вывезено около 2,8 миллиона советских граждан, из них к концу войны около 2 миллионов еще жили в Германии.²³ Они составили подавляющее большинство огромного количества русских, освобожденных союзниками в 1945 году.

Следующую по численности категорию составляют, вероятно, военнопленные, прошедшие через все ужасы плена и выжившие. Из 5,754 миллиона русских военнопленных, захваченных немцами за годы войны в СССР, к маю 1945 года остались в живых всего около 1,15 миллиона человек.²⁴ Если добавить сюда 2 миллиона советских граждан, занятых на принудительных работах, то мы увидим, что более 3 миллионов русских, освобожденных впоследствии союзниками, были насильно брошены в водоворот Третьего рейха.

Третья категория, резко отличная от первых двух, это собственно беженцы. Молниеносная скорость, с которой продвигались немецкие войска в первые недели войны, разительный контраст между уровнем жизни в СССР и странах Европы, мстительное отношение советского правительства к гражданам, "запятнавшим себя" контактами с иностранцами — эти и множество других соображений политического, экономического и личного свойства погнало тысячи советских граждан на запад. Многие из тех, кто раньше имел нелады с властями или боялся вновь оказаться в руках НКВД, воспользовались немецкой оккупацией для бегства из СССР. Еще больше народу бежало или было вынуждено уйти, когда спала волна немецких побед. Тем, кто решил бы остаться, предстояло зачастую по несколько дней или даже недель провести в прифронтовой полосе, в самом центре боев, на линии фронта, и крестьянские семьи, гонимые инстинктом самосохранения, грузили свой жалкий скарб на телегу и двигались по проселочной дороге к Польше.

После победы под Сталинградом в 1943 году, возвестившей о начале крушения гитлеровской Германии, на запад двинулись целыми районами. У некоторых этнических групп просто не было другого выхода, как например, у этнических немцев (их называли "фольксдейчами"). Их вывезли в Вартегау (западная Польша) — в те места, откуда два столетия назад ушли их предки.²⁵

Большая часть населения Кавказа пыталась убежать на Украину и оттуда двигаться дальше. Среди кубанских казаков и горных народностей дольше всего продолжалось сопротивление большевизму. Именно эти места дали генералам Корнилову и Деникину многих лучших солдат Белой армии, и даже в мирное время тут то и дело вспыхивала партизанская

война против советских завоевателей. Немецкие оккупационные войска вели себя здесь в целом корректно и пользовались широкой поддержкой населения.²⁶ Когда в конце 1943 года немецкая армия получила приказ уйти с Кавказа, многие, в том числе казаки, двинулись вслед за ней навстречу суровой зиме, уходя от судьбы, которая была им слишком хорошо известна. Свидетель этого исхода пишет:

Всю ночь за окном слышался скрип телег и крики погонщиков. Беженцы ехали на лошадях, на быках, на коровах или просто шли пешком, погрузив свои вещевые мешки на чужие телеги... Некоторые деревни полностью обезлюдели.²⁷

В январскую стужу толпы отчаявшихся шли по степи, перебирались через замерзший Керченский пролив в Крым. Многие умерли от голода и холода, многих расстреляли с бреющего полета советские летчики.²⁸

Определить хотя бы приблизительно число этих беженцев трудно. Возможно, их было около миллиона, но так как позже многие из них попали – или были отправлены силой – в русские трудовые и военные формирования, организованные немцами, невозможно статистически отделить их от других категорий, рассмотренных в этой главе. Да и вряд ли это имело бы смысл. Ведь причины и обстоятельства, побудившие их оставить родную землю, различны, как различно было их общественное положение, их образование. В этой толпе рядом шли перепуганные крестьяне и инженеры, ученые и врачи.

Кроме миллионов советских граждан, попавших в Германию после 1941 года в качестве беженцев, пленных или насильственно вывезенной рабочей силы, многочисленную группу составили те, кто решил сражаться против Красной армии или помогать немцам в борьбе с нею. Помочь оккупантам своей родины вызвались от 800 тысяч до миллиона человек.

Первый крупный переход русских солдат в немецкую армию имел место 22 августа 1941 года, через два месяца после начала германо-советской войны. Это случилось на линии фронта под Могилевом, в Белоруссии. К генерал-лейтенанту графу фон Шенкендорфу явился посланец казаков с предложением о сдаче его полка в плен. Это был 436-ой пехотный полк под командованием майора Ивана Никитича Кононова. Получив от фон Шенкендорфа заверения в безопасности, Кононов собрал своих людей и четко изложил им свои намерения. Он объяснил им, что наконец-то появилась возможность воевать против Сталина и ненавистной большевистской системы. Закончил он такими словами: "Желающие идти со мной пусть встанут справа, желающие остаться – слева. Тем, кто

хочет остаться, я гарантирую безопасность”. Все как один встали справа, и через несколько часов в армии генерала фон Шенкендорфа прибавился еще один полк.

Кононов родился в 1903 году на Дону. У него был безупречный послужной список, но он готовился стать перебежчиком еще с неудачной Финской войны, и вот теперь такая возможность представилась. Не понимая реального содержания нацистской политики по отношению к России, он вообразил, что его полк сможет стать ядром русской освободительной армии. К нему присоединятся миллионы его страдающих от большевизма соотечественников, и Сталин останется один со своими энкаведешными приспешниками. Граф фон Шенкендорф, умный и честный офицер, целиком и полностью разделял точку зрения Коконова. Он, однако, кое-что знал о Гитлере и о его планах уничтожения русских как нации. Впрочем, свои сомнения он держал при себе. Солдаты Коконова составили 102-й казачий полк и храбро сражались против Красной армии и партизан.²⁹

В общем и целом сотни тысяч русских вызвались помочь немцам в деле свержения правительства Сталина, и со временем для них нашелся руководитель – генерал Андрей Андреевич Власов. Это был один из самых талантливых командиров Красной армии. Летом 1942 года его войска попали в окружение, и 13 июля он был взят в плен. Абвер и влиятельные круги германского генштаба увидели в нем идеального руководителя для Русской освободительной армии (РОА), которая, как понимали проницательные немцы, могла бы сыграть важную роль в победе над большевизмом. Вывезенный из винницкого лагеря для пленных, Власов, после переговоров с немцами, согласился работать в этом направлении, несмотря на оскорбительные ограничения, которые установило для него, его дела и его соотечественников нацистское руководство. Посредством ряда сложных интриг Власов в конце концов был назначен номинальным командующим армией, насчитывавшей уже около миллиона человек. Но, за исключением нескольких недель в самом конце войны, РОА как армия существовала только на бумаге, в основном для пропагандистских целей. Набор добровольцев шел постоянно – в трудовые батальоны организации Тодта, кавказские легионы, вспомогательные части регулярных немецких сил (хиви), такие, как полк Коконова, или в казачьи части. Но до 1945 года генерал Власов не обладал полномочиями приказывать даже рядовому своей армии. В гитлеровской идеологии свободной национальной России отводилось места ничуть не больше, чем в большевистской.

Так что не зря опасался генерал фон Шенкендорф: Власов и те, кто присоединился к нему, оказались между двух огней. На той самой

передовой линии фронта, где Сталин так и не удосужился побывать, был ранен один сержант Красной армии, заслуживший к тому времени уже две награды. В плену он оказался после того, как немцы откопали его бесчувственное тело из-под одесских развалин. Позже он вступил в армию Власова. Вот что пишет он, с горечью и болью оправдывая свой поступок:

Вы думаете, капитан, что мы продались немцам за кусок хлеба? Но скажите мне, почему советское правительство продало нас? Почему оно продало миллионы пленных? Мы видели военнопленных разных национальностей, и обо всех них заботились их правительства. Они получали через Красный Крест посылки и письма из дому, одни только русские не получали ничего. В Касселе я повстречал американских пленных, негров, они поделились с нами печеньем и шоколадом. Почему же советское правительство, которое мы считали своим, не прислало нам хотя бы черствых сухарей?.. Разве мы не воевали? Разве мы не защищали наше правительство? Разве мы не сражались за родину? Коли Сталин отказался знать нас, то и мы не желали иметь с ним ничего общего? ³⁰

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Рой Медведев, перечисляя многочисленные доказательства неподготовленности СССР к войне, пишет: "Началось переоборудование старых аэродромов, нужно было увеличить и укрепить на них взлетные полосы для самолетов новых типов. Эти работы были начаты строительными организациями НКВД сразу же почти на всех аэродромах и могли закончиться только глубокой осенью". (Р. Медведев. К суду истории. Кнопф, Нью-Йорк, 1974, стр. 895). См. также: John Erickson. *The Road to Stalingrad*. London, 1975, p. 70.
2. О хроническом недостатке в Красной армии в тот период артиллерийских боеприпасов см. там же, стр. 73.
3. См.: David Littlejohn. *The Patriotic Traitors*. London, 1972, p. 296. См. также: John Erickson, указ. соч., стр. 82, 109. Аналогичный пример см. также в кн.: E. H. Cookridge. *Gehlen: Spy of the Century*. London, 1971, pp. 87–88.
4. См.: Report of the International Committee of the Red Cross on its Activities during the Second World War (September 1, 1939 – June 30, 1947). Geneva, 1948, I, pp. 409–415, 417, 419–420.
5. См. там же, стр. 420–421.
6. См. там же, стр. 415–416, 418–419.
7. См. там же, стр. 421–422; III, стр. 56–60.
8. См. там же, I, стр. 424–425.
9. Gerald Reitlinger. *The House Built on Sand*. London, 1960, pp. 90, 100–101.
10. См.: Н. Krausnick, Н. Buchheim, М. Broszat, Н.-А. Jacobsen. *Anatomy of the SS State*. London, 1968, p. 515. Доктор Джекобсен возражает, что 17 июля 1941 года СССР информировал Германию через шведское правительство, что он будет придерживаться Гаагской конвенции 1907 года, но Германия намеренно предпочла проигнорировать это предложение (см. там же, стр. 527–528). Однако "предложение" было пустой отговоркой, так как Советы отказывались принять ряд очень важных пунктов: статью 14 (обмен списками пленных), 15 (доступ Красного Креста в лагеря) и 16 (почтовая служба и посылки). См. также: *Les Conventions et Déclarations de la Haye de 1899 et 1907*. New York, 1918, p. 112–114. Советский Союз никогда больше не поднимал этого вопроса, несмотря на неоднократные требования Красного Креста, держав Оси и союзных государств придерживаться конвенции. Во всяком случае можно обратиться к Большой Советской энциклопедии, где сказано: "В отношении... правил военного плена правительство СССР не считает себя связанным какими бы то ни было международными соглашениями". (БСЭ, 1-е изд., 1928, т. 12, стр. 286). См. также: *Hermann Raschhofer. Political Assassination: The Legal Background of the Oberländer and Stashinsky Cases*. Tübingen, 1964, p. 101. Впрочем, советский журналист утверждает, что СССР не подписал Женевскую конвенцию 1929 года, так как "в одном из ее пунктов предусматривается сегрегация военнопленных по расовому признаку". (Nikolai Yakovlev. *Solzhenitsyn's Archipelago of Lies*. Moscow, 1974, p. 36). Читатель напрасно будет искать в конвенции такой пункт (отметим при этом, что рядовому советскому читателю текст конвенции вообще недоступен). См.: Robert E. Sherwood. *Roosvelt and Hopkins: An Intimate History*. New York, 1948, pp. 559, 560.
11. См.: Н. Н. Н. На фронте 1941 года и в плену. Буэнос-Айрес, 1974, стр. 60–61.

12. Marcel Junod. *Warrior without Weapons*. London, 1951, pp. 222–231.
13. См.: Rudolf Semmler. *Goebbels – the Man next to Hitler*. London, 1947, pp. 182–185; Alan Bullock. *Hitler: a Study in Tyranny*. London, 1952, p. 711. Аналогичный инцидент имел место в 1940 году (см.: Willi A. Boelcke, ed. *The Secret Conferences of Dr. Goebbels*. London, n. d., p. 41. В 1945 году начальником лагерей военнопленных в рейхе был генерал СС Бергер (см.: Heinz Höhne. *The Order of the Death's Head*. London, 1969, p. 540).
14. См.: N.N. Golovine. *The Russian Army in the World War*. Yale, 1931, pp. 78, 89; Daniel J. McCarthy. *The Prisoner of War in Germany*. London, 1918, pp. 14, 36–38, 64–65, 75, 126–128, 140, 187–188, 192–194, 216; см. также: W. Dögen. *Kriegsgefangene Völker*. Berlin, 1919; А. Солженицын. *Архипелаг ГУЛАГ (1918–1956)*. Опыт художественного исследования, т. 1. ИМКА-Пресс, Париж, 1973, стр. 248. Посылки шли из Англии еще и через Берн (см.: Foreign Office [Архив министерства иностранных дел Великобритании], 371/37060).
15. См.: Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II. Берлин, 1922, т. 1, стр. 411, 433, 487, 488, 522, 541, 543, 572, 581, 585, 586, 591, 600, 612, 628–629; Paul P. Gronsky, Nicolas J. Astrov. *The War and the Russian Government*. Yale, 1929, pp. 258–259.
16. См.: N.N. Golovine, указ. соч., стр. 87–92, 102–103. См. также: статистический анализ на стр. 95–100.
17. См.: Alexander Dallin. *German Rule in Russia: 1941-1945*. London, 1957, p. 427.
18. См.: Gerald Reitlinger, указ. соч., стр. 98, 446.
19. См.: Daniel J. McCarthy, указ. соч., стр. 130, 132.
20. См.: N. N. Golovine, указ. соч., стр. 92, 205.
21. См.: W.E. Allen. *The Ukraine: a History*. Cambridge, 1940, p. 273. Украинцев среди русских военнопленных было примерно 700-800 тысяч.
22. См.: Gerald Reitlinger, указ. соч., стр. 120. См. также: David Littlejohn, указ. соч., стр. 301–302.
23. См.: Gerald Reitlinger, указ. соч., стр. 257–284. См. также: John A. Armstrong. *Ukrainian Nationalism: 1939–1945*. New York, 1955, pp. 123–125; Malcolm J. Proudfoot. *European Refugees*. London, 1957, pp. 78–93.
24. См.: Alexander Dallin, указ. соч., стр. 427; Gerald Reitlinger, указ. соч., стр. 446.
25. См.: Frank H. Epp. *Mennonite Exodus*. Altona, 1966, pp. 357–363. Профессор Прудфут оценивает число эвакуированных этнических немцев в 350 400 человек (см.: Malcolm J. Proudfoot, указ. соч., стр. 38).
26. См. также свидетельство кубанского казака в кн.: В. Науменко. *Великое предательство: выдача казаков в Лиенце и других местах (1945–1947)*. Нью-Йорк, т. 1, 1962, стр. 63–64.
27. Vladimir Petrov. *It Happens in Russia: Seven Years Forced Labour in the Siberian Goldfields*. London, 1951, pp. 369–370. См. также: Jurgen Thorwald. *Wen Sie verderben wollen: Bericht des grossen Verrats*. Stuttgart, 1952, p. 130–133. Эта книга содержит ценные свидетельства о немецкой политике в отношении русского освободительного движения в 1941-45 годах. Юрген Торвальд – псевдоним писателя Гейнца Бонгарца (см.: E. H. Cookridge, указ. соч., стр. 316).
28. См.: Vladimir Petrov, указ. соч., стр. 377–378.
29. См.: Константин Черкасов. Генерал Кононов: ответ перед историей за одну попытку. Мельбурн, 1963, т. 1, стр. 120–140; Jurgen Thorwald, указ. соч., стр. 70–80.
30. Mikhail Koriakov. *I'll Never Go Back*. London, 1948, pp. 111–112.

Глава 2

РУССКИЕ В АНГЛИЙСКОМ ПЛЕНУ: НАЧАЛО РАЗНОГЛАСИЙ

К весне 1944 года стало ясно, что многожды откладываемое открытие второго фронта теперь уже не за горами. Это дерзкое и опасное предприятие требовало тщательного планирования, одним из компонентов которого были поиски решения вопроса о русских частях в немецкой армии. Гитлер, понимая, что его русские помощники заинтересованы не столько в выживании Германии, сколько в возрождении России, перебросил почти все русские части с востока на Балканы, в Италию, Францию и Норвегию. Поэтому разведке союзников было важно оценить их боеспособность и изыскать средства для их нейтрализации.

21 февраля 1944 года военная разведка в Лондоне представила "совершенно секретный" отчет "О занятости уроженцев России во Франции". В этом документе русские разделялись на три основные категории. Прежде всего — "восточные легионы", то есть полки калмыков, грузин, азербайджанцев и других антисоветски настроенных меньшинств, которыми командовали немецкие офицеры. В эту же группу входили и казаки на Балканах, "которые, — как было сказано в отчете, — сами по себе составляют особое сословие и для которых воевать за того, кто их наймет, так же естественно, как дышать". Затем шли бывшие русские военнопленные, записанные в Русскую освободительную армию под командованием Власова, существовавшую в основном на бумаге. К этим двум категориям, говорилось в отчете, немцы относятся с подозрением и командирами сюда назначают только своих. Последнюю категорию составляли батальоны организации Тодта, занятые на военном строительстве, но официально находившиеся под эгидой легионов и власовских частей.

В отчете отмечалось, что, по данным разведки, с прошлого года во Францию прибыло около 200 тысяч русских, относящихся к этим категориям, и, вероятно, ожидается прибытие значительно большего контингента. Всем им, очевидно, ясно, что крушение гитлеровской Германии — вопрос времени. Как подчеркивалось в отчете,

они сожгли за собой все мосты, и какая бы сторона ни победила — ждать им нечего. Поэтому разумно предположить, что, пока они воюют, они будут воевать хорошо, но при первой возможности перейдут в армию противника, если только предоставить им малейшую надежду на прощение.

В заключение высказывалось предположение, что русские, находящиеся во Франции, представляют собой особенно благодатную почву для пропаганды. Авторы отчета задавали логичный вопрос: нельзя ли внушить этим людям, что, перейдя в союзную армию или в Сопротивление, они могут рассчитывать на снисхождение к себе?¹

Всем было ясно, что игра стоит свеч. Однако приступить к пропагандистским передачам можно было, только заручась согласием советского правительства снисходительно отнестись к своим гражданам, сдавшимся в плен. В противном случае возникал вопрос, что именно можно обещать русским и насколько реальны такие обещания. Тут требовалось решение политического характера, и отчет был передан на рассмотрение в министерство иностранных дел.

Эксперты МИД отнесли к этой перспективе весьма пессимистически. Начались длительные дебаты, в которых попеременно одерживала верх то одна, то другая сторона. Как заметил Виктор Кэвендиш-Бентинк из военной разведки:

Я думаю, после войны нам будет очень трудно доказать, что мы были правы, отказавшись от попыток ослабить боевой дух 200 тысяч русских во Франции и Нидерландах и дав погибнуть англичанам и американцам ради того, чтобы пощадить чувства советских властей.

Сэр Роберт Брюс Локкарт, выступавший от лица Комитета политической пропаганды, был согласен с этими доводами. Поскольку пропаганда, как предполагалось, будет адресована людям самых разных политических взглядов, единственной реальной приманкой могло стать обещание, что с ними будут хорошо обращаться.

Но прежде чем дать такое обещание, следует убедиться, что правительство его величества не уступит требованиям Москвы выдать этих людей советскому правительству. Можем ли мы быть уверены в этом? Можем ли мы рассчитывать, что при малейшем намеке на недовольство со стороны Советов нам не прикажут прекратить радиопередачи?

Ему возражал сотрудник Северного отдела МИД Джоффри Вильсон, ныне председатель оксфордского Комитета помощи голодающим:

Если Советы будут выражать недовольство нашими передачами для их бывших граждан, мы, полагаю, можем это игнорировать, но я не понимаю, как нам удастся избежать возвращения после войны на родину русских военнопленных, если Москва будет на этом настаивать. Если гарантии такого рода являются неизменным условием радиопередач, то, по-моему, от этой затеи следует отказаться.

В спорах и обсуждениях прошло два месяца, а дело все не сдвигалось с мертвой точки. Начальник Вильсона, Кристофер Уорнер, передал "дело наверх для принятия решения" о том, будут ли русские, откликнувшиеся на призыв англичан дезертировать, переданы советским властям, и если да, то возможно ли получить какие-либо действительные гарантии того, что в СССР с ними будут прилично обращаться. День высадки приближался, напряжение росло, и генерал Эйзенхауэр опасался, что высадка станет вторым Дьеппом.* Следовало сделать все возможное, чтобы ослабить немцев или внести замешательство в их ряды. Из штаб-квартиры верховного командования экспедиционными силами союзников (ВКЭСС) в Буши-парке Эйзенхауэр послал срочную телеграмму Объединенному комитету начальников штабов с просьбой выяснить у советских властей, что именно можно обещать русским во Франции. В телеграмме говорилось, что любые меры, которые могут заронить хоть какие-то сомнения в умы этих иностранных помощников немцев, послужат союзникам на благо.²

* Дьепп – город во Франции на побережье Ла-Манша. 19 августа 1942 г. свыше 6 000 войск союзников на 237 судах с 55 танками и при поддержке 780 самолетов высадились в районе Дьеппа десант. Операция закончилась полным провалом. Союзники потеряли 4 350 человек, 34 судна, 33 танка и 106 самолетов. Потери немцев не превысили 600 человек и 48 самолетов. (Прим. ред.)

В результате такого нажима военных властей посол Англии в Москве, сэр Арчибалд Кларк Керр, в письме Молотову от 28 мая 1944 года предложил амнистировать тех русских, которые были вынуждены (как молчаливо подразумевалось) служить немцам и которые сдадутся союзникам при первой же возможности. Специально оговаривалось, что эти условия не распространяются на предателей, добровольцев и членов отрядов СС.³ Через три дня в Объединенный комитет начальников штабов пришла телеграмма от союзных военных миссий в Москве. Текст звучал лаконично и жестко:

От советского наркомата иностранных дел получен ответ относительно амнистии русским, принужденным поступить на службу к немецким силам на Западе. Советская сторона заявила, что, согласно имеющейся у нее информации, число таких лиц незначительно и с политической точки зрения специальное обращение к ним не может представить никакого интереса.⁴

Поскольку, по оценке англичан, число таких лиц достигало 470 тысяч человек, Виктор Кэвендиш-Бентинк заметил, что ответ русских "является, как это хорошо понимает советское правительство, ложью". И английский МИД счел нужным эту ложь проглотить.⁵

СССР отказался заключить и соглашение с ВКЭСС относительно проблемы беженцев, которая, как предполагалось, возникнет в результате высадки союзников в Нормандии.⁶ В результате, английский МИД и ВКЭСС решили отказаться — по крайней мере, официально — от плана подорвать боевой дух русских, служивших у немцев. Время шло, и надвигающиеся события отодвинули все споры на задний план. Через неделю после получения ответа советского НКВД началось грандиознейшее в истории морское вторжение. В ночь на 6 июня 1944 года союзные войска, численность которых превышала 100 тысяч человек, захватили плацдармы на побережье Нормандии.

Два дня спустя военное министерство сообщило в МИД, что английские солдаты взяли в плен с полдюжины русских. Джоффри Вильсон ответил, что пока с ними следует обращаться, как с обычными (то есть немецкими) военнопленными. В то же самое время он рекомендовал допросить их, чтобы выяснить обстоятельства, при которых они присоединились к немецкой армии, узнать, как они относятся к возможности возвращения в СССР, как оценивают боевой дух своих соотечественников, воюющих на стороне Германии. Таким образом, МИД уже в это время

получил множество "историй болезни" этих несчастных сталинских поданных.

Как выяснилось вскоре на допросах,⁷ при записи в немецкую армию русские руководствовались различными мотивами. Но ясно было, что у большинства фактически не было выбора и что они вовсе не жаждали сражаться за Германию. Даже добровольцы выказывали явное недовольство тем, что им приходится воевать против англичан и американцев: ведь они пошли в немецкую армию, чтобы избавить свою страну от коммунизма. В большинстве своем это были запуганные и запутавшиеся люди, которые радовались, что наконец-то попали в плен к таким гуманным противникам.

Многие тяжело пострадали от немцев. 28 июня корреспондент "Таймс" опубликовал репортаж об одной душевредящей истории:

Сегодня в госпитале в Байе я услышал ужасный рассказ о том, как немцы обращаются с русскими на Нормандских островах, куда их вывезли для работы на укреплениях. Через шесть месяцев из группы в 2 тысячи человек осталась всего тысяча, из них только 500 могли держаться на ногах. Вместо одежды и обуви им выдали мешки; охранники нещадно избивали их резиновыми дубинками. В конце концов 500 умирающих повезли через Шербур на континент, но союзная авиация разбомбила паровоз поезда, в котором они ехали. Пятерым удалось выползти в поле. Там их нашли французы и передали этих несчастных, умиравших от голода, на попечение монахинь. Долгие месяцы в плену эти русские получали по 20 грамм хлеба в день. У одного в трех местах сломана челюсть, его тело сплошь покрыто шрамами. Слезы текли по их лицам при известии об освобождении Шербура.⁸

Эти несчастные не разбирались в политике. Всю жизнь их бросало из стороны в сторону во имя чужой им идеи, по приказу командиров, язык которых они зачастую не понимали. В Королевском Военном музее есть фотография, которая символически запечатлела судьбу этих заблудших душ. Бывший житель Туркестана стоит перед двумя взявшими его в плен в Нормандии офицерами британской 51-й Горной дивизии. На рукаве у него — знак его формирования: вышитое изображение мечети, сверху — обращение к Аллаху. Он добродушно улыбается, словно наивный ребенок. Он не понимает этих английских офицеров, как до этого не понимал немецких командиров своего полка, а еще раньше, наверное, — советско-русских правителей своей родины.⁹

Джордж Орвелл, писавший репортажи о событиях в Нормандии, рассказал не менее грустную и еще более странную историю. Среди "русских", взятых в плен во Франции, были двое, явно восточного происхождения, национальность которых никто не мог определить. Наконец, после длительного допроса, было установлено, что они с Тибета. Задержанные со стадами на советской территории, они были мобилизованы и попали в плен к немцам. Новые хозяева послали их на работу в Северную Африку, а затем присоединили к части, воюющей во Франции. Там они сдались англичанам. Все это время они могли разговаривать только друг с другом, так как владели одним лишь тибетским языком.¹⁰

Описанное Орвеллом подтверждают воспоминания немца, сидевшего в 1949-54 годах в исправительно-трудовом лагере на Воркуте. Вместе с ним сидел тибетец, по имени Биби, история которого очень похожа на рассказанную выше.¹¹

Русские, взятые в плен во время боев в Нормандии, были вскоре перевезены в Англию и размещены в лагерях, где раньше квартировали войска, занятые в операции "Оверлорд".* Через месяц после высадки в Нормандии в Англии находилось уже 1200 русских пленных.¹² Надо было срочно решать, что с ними делать.

За те два дня, что продолжалась высадка в Нормандии, в Кемптон-парке была допрошена группа русских. Большинство их попало в плен к немцам в 1942 году и было мобилизовано в трудовые батальоны. Немецкие сержанты обращались с ними жестоко, жизнь сводилась к изнуряющей работе, сопровождаемой побоями. Переписка с родными была запрещена, иностранных языков они не знали и были полностью отрезаны от внешнего мира. "Когда союзники начали бомбить побережье, они просто сидели, выжидая, что же будет. Немецкие сержанты не вмешивались и даже не пытались заставить их оказать какое-либо сопротивление". Теперь, оказавшись в плену у англичан, русские проявляли все ту же покорность судьбе. "Но многие, похоже, чувствовали, что после службы в немецкой армии, пусть даже и вынужденной, их соотечественники будут обращаться с ними как с предателями и могут даже расстрелять".¹³

Далеко не всегда дело ограничивалось мрачными предчувствиями. Довольно скоро английские власти получили первый пример того, как реагирует русский человек на возможность насильственного возвращения в первое в мире социалистическое государство. 17 июля военное министер-

* Операция Оверлорд – кодовое название операции по вторжению союзников во Францию. (Прим. перев.)

ство сообщило в отдел военнопленных МИД о самоубийстве двух русских пленных, Агафонова и Мельникова. Агафонов утопился, Мельников умер от нанесенных себе ран. Последний, как сообщалось, страдал "острой депрессией".¹⁴

Однако большинство было настроено по-другому. Следует иметь в виду, что эти пленные оказались в весьма специфическом положении. Сейчас им жилось в каком-то смысле гораздо лучше, чем раньше. После долгих лет мук и лишений при Сталине и Гитлере, скудное спартанское существование в военном лагере на берегу унылого йоркширского болота казалось им отдыхом, и они были благодарны за самые скромные удобства.

И все же они понимали, что будущее их туманно и опасно. В маленьких тесно спаянных сообществах, среди людей, изолированных от внешнего мира и относительно плохо информированных, распространялись всевозможные слухи. Как объяснил мне Чеслав Йесман, большой знаток лагерной психологии, эти вконец запутавшиеся люди чувствовали, что оказались в преддверии гулаговского ада. Они почти ничего не знали о реальном политическом положении в мире: ведь вся их жизнь прошла при двух политических системах, которые считали одной из своих главных целей подавление "вредной" информации. Кроме того, в большинстве своем это были люди малообразованные. Наверное, попадая в английские лагеря, они поначалу испытывали чувство облегчения.

Но даже при полном отсутствии информации они все же не могли не понимать, к чему идет дело. Еще раньше, во время их службы у немцев, пропаганда союзников наивно обещала им в качестве награды за дезертирство репатриацию в СССР.¹⁵ Немецкая пропаганда, стоявшая на более реалистичных позициях, подхватила это обещание в качестве предостережения – вот, мол, что ждет тех, кто сдастся в плен союзникам.

Страхи и гадания пленных подогревались таинственным молчанием советских властей, которое мало-помалу становилось зловещим. Первые советские представители появились в лагерях только через три месяца после прибытия пленных в Англию. Британские официальные лица не могли постичь причин такой задержки, пленные же были запуганы до крайности. Многие подозревали, что англичане сами препятствуют контактам. На протяжении многих лет советская пропаганда внушала им, что англичане – само воплощение вероломства и коварства, многие этому искренне верили, и теперь им чудилось, что затевается грандиозный обман, который им дорого обойдется. Полковник Бакстер из военного министерства, озабоченный всем этим, писал в МИД Патрику Дину: "Если

бы было возможно убедить представителей советских властей приехать в лагерь в Кемптон-парке в Лондоне, где содержатся эти люди, это бы очень облегчило положение".¹⁶

Опасаясь, что их собственное вынужденное молчание послужит для советских властей лишним доказательством вины, пленные начали требовать встречи с посольскими работниками или другими советскими представителями. Они отчаянно старались довести до сведения советских властей свою историю, объяснить, почему они попали в плен. В одном из посланий коменданту лагеря, подписанном тремя младшими офицерами, сказано прямо: "Мы, нижеподписавшиеся, хотим знать, возможно ли связаться с советским представителем в Англии, чтобы уяснить наше положение?" Другие подробно описывали свои страдания в немецком плену, заявляли, что ими "движет горячее желание возобновить борьбу против фашизма, которую ведет весь советский народ" и адресовали письма прямо в советское посольство. Хотя письма и передавались по назначению, ответом по-прежнему было зловещее молчание.¹⁷

Создавалось впечатление, будто советские власти продолжают считать, что никаких русских, служивших в немецкой армии и взятых в плен англичанами, просто не существует и не стоит заводить разговор на эту тему. В начале июля сам генерал Эйзенхауэр был вынужден под советским давлением запретить безобидное сообщение для прессы по этому вопросу, сделанное одним из его штабных офицеров.¹⁸ Понять поведение советских властей несложно. Они слишком долго заявляли всему миру, что представляют волю угнетенных миллионов, тогда как другие правительства удерживаются у власти благодаря обману и жестокости, а их подданные только того и ждут, чтобы освободиться от власти своих капиталистических правительств. Но действительность не соответствовала этой картине. Советский Союз стал единственной европейской страной, почти миллион граждан которой записался во вражескую армию. (Длительная кампания по созданию аналогичных формирований среди английских пленных кончилась тем, что в них записалось 30 опустившихся алкоголиков).¹⁹ Ленин заявлял в свое время, что в 1917 году дезертировавшие с фронта русские армии "голосовали ногами" против Временного правительства и его политики, направленной на продолжение войны. Что же в таком случае сказать о тех, кто дезертировал из армии Сталина, кто поднял против него оружие, а теперь столь часто предпочитал возвращению в СССР самоубийство или нанесение себе увечий? Западное общественное мнение было уверено, что правление коммунистической партии в Советском Союзе основано на воле народа. Что сказали бы сторонники этого мнения, столь важного для сталинских послевоенных

экспансионистских целей, если бы увидели тысячи русских за рубежом, настроенных враждебно по отношению к собственному правительству? К тому же, вне всякого сомнения, это были представители рабочего класса, жившие в бедности, непредставимой для привыкшего к комфорту Запада. Это были русские, которые могли бы поведать Западу об ужасах ГУЛага.²⁰

Несмотря на прежнее советское заявление о том, что в вермахте нет никаких русских, МИД Великобритании вскоре пришел к выводу о необходимости обсуждения этой проблемы с советским правительством. Пленных было столько, что настала пора срочно что-то предпринимать. 17 июля Военный кабинет собрался для обсуждения этого вопроса. Министр иностранных дел Антони Иден открыл краткую дискуссию, объяснив, что в настоящее время в стране находится около полутора тысяч русских пленных. Он высказался за то, чтобы передать их Советам. Уинстон Черчилль подытожил последовавшую дискуссию, предложив известить советские власти о русских, находящихся в Англии. При этом, сказал он, надо попытаться изобразить двусмысленность их положения как бывших союзников немцев в самых мягких тонах, а их возвращение следует по возможности оттягивать.

Члены кабинета явно испытывали некоторую неловкость при мысли о том, какой прием будет оказан пленникам при возвращении на родину. Иден предложил такое условие: "Чтобы не отбить у русских охоту сдаваться нам в плен, следует попросить не предпринимать никаких мер к вернувшимся до окончания военных действий".²¹

Через три дня Иден, по решению кабинета, написал письмо советскому послу. Разъяснив обстоятельства, при которых пленные попали к англичанам, он подчеркнул трудности содержания такого числа заключенных в транзитных лагерях и предложил советской военной миссии в Лондоне как можно скорее связаться со своими коллегами из военного министерства на предмет достижения удовлетворительного соглашения.²²

В письме ни словом не упоминалось о том, что члены кабинета надеются на воздержание советского правительства от суровых мер по отношению к пленным до окончания войны. Английские государственные мужи решили до получения ответа от советского посла промолчать об этом условии, опасаясь, как бы его не сочли провокационным.²³ Как мы уже говорили, министру иностранных дел пришлось ждать ответа больше месяца, тем временем число пленных все росло и связанные с этим спорные вопросы продолжали волновать умы.

Русские военнопленные впервые попали в руки английской армии задолго до высадки в Нормандии. В 1942-43, продвигаясь с боями с

разных концов Северной Африки в Тунис, англичане захватили немалое число этих вездесущих русских, большинство которых, как и в Нормандии, было вывезено на принудительные работы. Все эти люди обычно проводили неделю в транзитном лагере в Александрии, затем их отправляли по железной дороге и на машинах в Хайфу, Багдад, Тегеран и так далее до советской границы. В каждой группе были люди, открыто выражавшие свой страх перед тем, что ждет их в СССР. Но другие заверяли озабоченных английских офицеров в Багдаде, что, несомненно, дома их встретят как героев. Некоторые исхитрялись бежать, но благодаря присутствию сотрудников НКВД большинство все же благополучно достигало родной земли.²⁴ Там их незамедлительно помещали в лагерь за колючей проволокой в пустынной бухте Каспийского моря, и оттуда в вагонах для скота увозили в лагерь.²⁵

Б. Липтон, служивший тогда в контрразведке в Иране, видел проходившие через Адмеш поезда, набитые репатрируемыми русскими. Он слышал, как в его присутствии советский офицер связи сказал пленным (в большинстве своем — рабочим организации Готта): "Мы расстреляем только каждого десятого". Многие, ужаснувшись такой перспективе, кончали с собой, бросаясь под встречные поезда.

После вторжения в Италию число русских, вывозимых из транзитных лагерей в Египте, существенно увеличилось.²⁶ Однако здесь ситуация отличалась от той, что сложилась в Нормандии. 9 июля 1944 года лорд Мойн, министр-резидент в Каире, сообщал: "У нас в плену нет русских, служивших в немецких формированиях, как это имеет место во Франции. Те же, кто служил там раньше, все дезертировали".²⁷ Среди находившихся в Египте русских было много беглецов из немецкого плена и дезертиров из немецких соединений в Греции.²⁸

15 июня, когда первые пленные прибыли из Нормандии в Англию, лорд Мойн известил МИД, что беженцы из Греции в количестве 41 человека репатрируются через Алеппо и Тегеран.²⁹ Министерство, занятое обсуждением той же самой проблемы в Лондоне, тянуло с ответом две недели. В конце концов Мойну была отправлена телеграмма. В ней говорилось, что, хотя уже, вероятно, поздно остановить отсылку тех, о ком писал посол, впредь ему следует воздержаться от дальнейшей отправки русских, которым, скорее всего, на родине грозит суровое наказание, а это, в свою очередь, может вызвать ответные репрессии со стороны немцев в отношении английских военнопленных.³⁰

В Египте в это время советская миссия во главе с генералом Судачковым занималась отбором русских, подлежащих репатриации. Как указывал Мойн в телеграммах в МИД и военное министерство, очень

трудно понять, кто из русских действительно хочет вернуться на родину, а кто предпочел бы остаться. Текст телеграммы лорда Мойна весьма важен для понимания ситуации:

Из группы в 408 бывших военнопленных, подлежащих репатриации в СССР, решили остаться три офицера и шесть рядовых и около пятнадцати выразили намерение сбежать по дороге. Те, кто хотел бы остаться, опасаются, как бы дальнейшие изменения в британской политике не привели к тому, что они будут переданы советским властям до окончания войны, и в этом случае их судьба будет отягощена еще и отказом... вернуться в СССР. Остальным заявить о своем желании остаться помешало, вероятно, присутствие в этой группе трех политруков... Судаков признал, что около пятнадцати человек из группы в 2006 военнопленных содержатся по его приказу под арестом. Один из них, по его словам, подозревается в службе в гестапо... таких ждет особое наказание. Пока не решится судьба этих 2006, Судаков оставил в лагере майора Белобокова. То, что столь небольшое число заключенных открыто заявило о решении остаться, несомненно объясняется влиянием майора и политруков. Таким образом, невозможно гарантировать, что репатрируемые... по возвращении на родину не подвергнутся наказаниям, а это, в свою очередь, может вызвать ответные репрессии немцев в отношении английских военнопленных.³¹

На позицию английского МИД в вопросе репатриации русских немалое влияние оказала возрастающая день ото дня неизбежность поражения Германии. Решение МИД складывалось постепенно. Сначала речь шла об отказе отправить назад тех пленных, которые могли бы подвергнуться наказанию до прекращения военных действий, что привело бы к немецким контрмерам.³² Сделать это можно было только одним способом – выполняя индивидуальные пожелания военнопленных. Затем было решено отослать назад всех пленных, поставив перед советскими властями условие, чтобы к ним не применялось никаких мер до капитуляции Германии. Однако этого не произошло, да и в любом случае такое обещание "вряд ли стоило бы дороже клочка бумаги, на котором оно было бы написано".³³ Наконец, была принята политика всеобщей и безусловной репатриации, независимо от желания пленных.

Весь этот процесс завершился в течение лета 1944 года, причем в значительной степени его обусловили события тех дней. Во-первых,

советские власти хранили полное молчание о судьбе уже возвращенных граждан. Во-вторых, немцы не проявляли ни малейшего желания высказываться по этому вопросу, к тому же власть немецкого правительства слабела с каждым месяцем, так что с его позицией можно было считаться все в меньшей и меньшей степени.

К июню 1944 года МИД пришел к выводу, что всех русских следует в конце концов вернуть на родину, независимо от того, какая судьба их там ждет. Джоффри Вильсон еще в марте предупреждал об этой возможности. 24 июня Патрик Дин, помощник юридического советника МИД, подтвердил:

В обусловленные сроки все те, с кем советские власти желают иметь дело, должны, при соблюдении нижеследующего условия, быть переданы им, и нас не касается то обстоятельство, что эти люди могут быть расстреляны или наказаны более сурово, чем с ними поступили бы по английским законам.

В "нижеследующем условии" оговаривалась необходимость избежать опасности немецких репрессий по отношению к английским военнопленным.³⁴

Но военное министерство заняло другую позицию. 17 июля, в тот самый день, когда кабинет впервые собрался для обсуждения этого вопроса, МИД получил следующее сообщение:

Военное министерство склонно согласиться на передачу советским властям только тех русских, которые изъявили желание вернуться, и мы не согласны дать советскому правительству какие бы то ни было другие обязательства.³⁵

Впрочем, в письме к советскому послу Гусеву это заявление было опущено.³⁶

До получения ответа от Гусева оставалось лишь по-прежнему размещать в лагерях на территории Англии русских военнопленных, число которых все возрастало, а статус и судьба все еще были неопределенны. Именно в это время русские военнопленные обрели могущественного союзника в лице лорда Селборна, министра экономической войны, осуществляемой службой специальных операций (ССО). Лорд Селборн был ревностным христианином и высокопринципальным государственным деятелем, и его ужасала мысль о преступлении, которое, как он понимал, вот-вот совершится. 21 июля он написал резкое письмо министру иностранных дел Антони Идену:

Я глубоко обеспокоен решением кабинета отослать назад в СССР всех русских подданных, служивших в немецкой армии и попавших к нам в плен на европейском театре военных действий. Я намерен обратиться по этому поводу к премьер-министру, но прежде чем это сделать, я хотел бы изложить вам причины моих возражений, в надежде, что мы сможем достичь согласия по этому поводу.

Как вы, вероятно, знаете, один из моих офицеров в течение последних четырех недель опросил значительное число русских пленных, и все они рассказали примерно одно и то же. Прежде всего, попав в плен, они подверглись невероятно жестокому обращению. По дороге в лагеря многих не кормили по несколько дней подряд. Они были размещены в концентрационных лагерях в ужасающих антисанитарных условиях, они голодали. Их мучали вши и отвратительные болезни, а голод довел их до такого состояния, что между ними развилось людоедство. Немцы не раз снимали в пропагандистских целях их людоедские трапезы.³⁷

После нескольких недель такой жизни, писал лорд Селборн, пленным предлагали добровольно идти на службу в немецкие трудовые батальоны. Отказавшихся расстреливали, так что ничего удивительного, что многие становились добровольцами. Теперь, оказавшись в руках у англичан, почти все русские выражают величайший страх перед перспективой возвращения на родину. Всего было опрошено 45 человек из трех лагерей, и все они говорили примерно одно и то же: что по прибытии их расстреляют или, по меньшей мере, отправят в Сибирь, что, как известно, советское правительство даже не признало наличия русских военнопленных в немецком плену. Те, кто носил немецкую форму, считали, что вконец скомпрометировали себя, и почти не сомневались в том, что их расстреляют. Ну, и наконец, они собственными глазами убедились в несравненно более высоком уровне жизни трудящихся на Западе, и этот опыт, как они понимали, навсегда сделает их политически неблагонадежными.

Лорду Селборну эти рассказы казались убедительными, и его очень беспокоила "перспектива послать несколько тысяч человек на смерть, либо от пули, либо в Сибири..." Это, по его словам, было бы не только негуманно, но еще и неразумно: те русские, что еще служат в немецкой армии, откажутся сдаваться в плен англичанам или переходить в Сопротивление. По мнению Селборна, кабинет на этой стадии не должен вступать в какие бы то ни было соглашения относительно судьбы пленных.

В заключение этого послания лорд Селборн писал, что, по словам Эммануэля д'Астье, министра внутренних дел Временного правительства Французской Республики, французы, вероятно, предоставят традиционное политическое убежище тем русским, которые пожелали присоединиться к свободной французской армии – в Иностранном легионе, на Мадагаскаре или в какой-либо другой французской колонии. Как бы то ни было, советские представители не интересуются пленными и могут подозрительно отнестись к любым намерениям англичан.

Вследствие этого я полагаю, – писал Селборн, – что наши руки не должны быть связаны в вопросе о том, как поступить с русскими пленными после войны. Если их численность не будет слишком велика, их можно без всяких трудностей абсорбировать в какой-нибудь малонаселенной стране.

Копию этого письма лорд Селборн послал майору Десмонду Мортону, помощнику Уинстона Черчилля, для передачи премьер-министру. В сопроводительной записке он подчеркивал: "Я глубоко возмущен этим делом".³⁸ Передавая письмо по назначению, Мортон сообщил Черчиллю о недавнем ответе из Москвы с требованием вернуть всех пленных и добавил, что "решение, предлагаемое лордом Селборном, вероятно, запоздало". Премьер-министр сразу же ознакомился с посланием лорда и на другой день написал Идену:

Я думаю, мы несколько поспешно обошлись с этим делом в кабинете, и точка зрения, высказанная министром экономической войны, бесспорно, заслуживает рассмотрения. Даже если мы в чем-то скомпрометируем себя, мы можем использовать все средства для задержки решения. Я полагаю, эти люди были поставлены в непереносимые условия.³⁹

Черчиллю явно не хотелось обрекать несчастных на новые страдания. Не совсем понятно лишь, почему позиция англичан в этом вопросе могла показаться ему "скомпрометированной". До сих пор британское правительство лишь однажды сносило с советскими властями по этому делу – в письме от 20 июля, в котором просто выражалось желание англичан "как можно скорее узнать, что думает советское правительство об устройстве своих подданных". Решение кабинета от 17 июля о принудительном возвращении пленных, если таково будет советское требование, еще не было передано советским властям, так что английское

правительство — по крайней мере, в теории, — могло избрать любую линию поведения.

Идену пришлось рассматривать веские аргументы против предложенной им политики насильственной репатриации, выдвинутые лордом Селборном и поддержанные премьер-министром, совесть которого явно была неспокойна. Первой реакцией Идена было раздражение. На полях письма Селборна он написал: "Отделу: что вы на это скажете? Здесь не обсуждается вопрос о том, куда деть этих людей, если они не вернуться в Россию. У себя мы их иметь не хотим". Однако для победы над премьер-министром и кабинетом этого было мало. Главная трудность для Идена заключалась в том, что обвинения министра экономической войны были справедливы, и в неофициальном письме лорду Селборну Иден признавал его правоту:

Я понимаю, что многим из них пришлось перенести страшные страдания в немецком плену, но ведь нельзя отрицать и тот факт, что их присутствие в немецких войсках как минимум помогает задержать продвижение наших собственных сил.⁴⁰

Вряд ли это могло удовлетворить лорда Селборна, смысл предложения которого сводился к тому, что русских следует склонить к работе на союзников.

В своем письме лорд Селборн упоминает офицера, допрашивавшего пленных. Это майор Л.Х. Мандерстам. Его семья была родом из Южной Африки, сам он родился в Риге и владел русским языком. Когда разразилась война, присущий Мандерстаму авантюризм забросил его в Африку, где он участвовал в самых рискованных и отчаянных операциях. Он явно представлял собой идеальный материал для ССО и, действительно, быстро стал одним из самых отважных оперативников. Вскоре после высадки в Нормандии его послали во Францию опрашивать пленных, захваченных английскими войсками. Затем, вернувшись в Англию, он продолжал заниматься допросами пленных, содержащихся в английских лагерях. У Мандерстама были свои причины интересоваться судьбой русских военнопленных: ведь многие из них сдались в плен, начитавшись листовок ССО, где добровольно сдавшимся вполне искренне обещалось предоставление убежища на Западе, если они того пожелают.

Мандерстам верил ужасным историям, услышанным от пленных, тем более что все их рассказы во многом совпадали. После того, как лорд Селборн отослал Идену и Черчиллю свои письма, основанные на сообщениях Мандерстама, МИД поручил лучшим своим сотрудникам проверить

содержащиеся в них сведения. Узнав об этом, Мандерстам по собственному почину нанес визит заведующему Северным отделом Кристоферу Уорнеру, отвергнувшему сообщения майора как неточные и наивные. Это вызвало бурный протест Мандерстама, который, в отличие от Уорнера, видел потенциальных жертв депортации и говорил с ними. Надменный Уорнер выставил посетителя из своего кабинета и послал в ССО рапорт о происшествии, не имевший, впрочем, никаких последствий.⁴¹

Однако для того, чтобы составить адекватное представление о будущей судьбе пленных, МИД, в отличие от лорда Селборна, не было нужды опираться исключительно на свидетельство майора Мандерстама. 21 июля, в тот же день, когда лорд Селборн отправил свою жалобу Идену, МИД получил от лорда Мойна из Каира чрезвычайно важное сообщение. Русские пленные, доставленные сюда на кораблях из Греции и Италии, целиком и полностью подтверждали рассказы своих друзей по несчастью, взятых в плен в Нормандии. Более того, лорд Мойн собственными ушами слышал от советского генерала Судакова, занимавшегося вопросами репатриации, что многие пленные "по возвращении подлежат ликвидации".⁴²

Для сотрудников МИД не было секретом, что советское правительство задолго до того бросило на произвол судьбы всех своих граждан, попавших в руки к немцам. В феврале 1942 года Международный комитет Красного Креста известил Молотова, что Великобритания дала СССР разрешение закупить продукты для пленных, находящихся в британских колониях Африки, канадский Красный Крест предложил в подарок 500 флаконов с витаминами, а Германия дала разрешение на коллективную отправку продуктов для военнопленных. "На все эти предложения Международного комитета Красного Креста советские власти не дали ни прямого, ни косвенного ответа", — говорится в сообщении Красного Креста. Точно также остались без ответа все призывы комитета и параллельно ведущиеся переговоры государств-протекторов, а также нейтральных и дружественных стран.⁴³

В Англии МИД, рассмотрев обращения различных групп общественности, желавших помочь русским, заключил, что, к сожалению, сделать тут ничего нельзя. В сентябре 1942 года Антони Иден сообщил сэру Стэффорду Криппсу, что

советское правительство . . . постоянно проявляет поразительное равнодушие к судьбе своих пленных. Их последовательность в этом вопросе доказывает, что за этой позицией стоят важные политические мотивы...⁴⁴

Вопрос был вновь поднят год спустя, с тем же результатом.⁴⁵ В мае 1942 года Молотов точно так же отверг предложение Рузвельта о заключении с немецким правительством соглашений о гуманном обращении с пленными.⁴⁶ Английский МИД не мог позволить себе дальнейшее вмешательство в эти дела; к тому же далеко не всем оно было по душе. Как сказал один из служащих министерства, Дональд Маклин:

Лично мне кажется, что мы и без того уже раздули дело с посылками до фарсовых размеров, посылая своим собственным пленным по посылке в неделю; и нам вовсе ни к чему поднимать вопрос о посылках для русских военнопленных, число которых, вероятно, составляет около 3 миллионов человек, если только русские сами не попросят нас о помощи.

Его начальники единодушно согласились с этим мнением,⁴⁷ тем более, что позиция Сталина в вопросе о помощи пленным не казалась излишне жесткой. Он не возражал против посылок Красного Креста английским военнопленным, и тысячи тонн продуктов и лекарств выгружались во Владивостоке под наблюдением Красного Креста и перевозились через советскую территорию в японские лагеря, где содержались английские, американские и голландские военнопленные.⁴⁸ Сталин отказывал в помощи и поддержке одним лишь русским.

Итак, когда Иден и его помощники собрались для составления предназначенного для премьер-министра ответа на обращение лорда Селборна, они располагали вполне достаточной информацией о положении русских военнопленных. И все-таки в своем письме, датированном 2 августа, Иден выступил с защитой политики насильственной репатриации, приведя в обоснование своей позиции развернутые и с виду вполне убедительные доводы. Прежде всего Иден отверг обвинение лорда Селборна в негуманности:

Вопреки сообщению, на которое ссылается министр экономической войны, у нас имеются другие отчеты и свидетельства, доказывающие, что большая часть пленных по различным причинам согласна и даже хочет вернуться в Россию. Они были взяты в плен во время службы в немецких военных и полувоенных соединениях, которые часто безобразно вели себя во Франции. Мы не можем позволить себе излишние сантименты на их счет.

Если учесть, что в списке пленных, посланном Патрику Дину в МИД 26 июля, фигурировали гражданские лица, которые все время пребывания

во Франции провели в больнице либо сидели в тюрьме за отказ помогать немцам, если подумать о том, что в этом списке были также работники госпиталей, врач, беглецы из лагерей для военнопленных и несколько детей⁴⁹ — трудно не придти к выводу, что, наверное, Иден все же мог бы позволить себе хоть какие-то "сантименты". Кроме того, хотя солдат некоторых частей обвиняли в "безобразном поведении", подавляющее большинство русских не отличалось склонностями к жестокости. К тому же не меньше 8 тысяч человек присоединились к французскому Сопротивлению и, согласно советским источникам, вывели из строя три с половиной тысячи немцев.⁵⁰

Из обширных документов, доступных ныне историку, следует, что в то время имелось только одно свидетельство, могшее дать повод для осуждения поведения русских солдат (помимо того факта, что они решили присоединиться к немцам и были захвачены в немецкой форме). Инцидент этот по своей жестокости превосходит все мыслимые пределы, но сомнительно, чтобы по нему можно было бы судить о поведении русских военнопленных.

Немедленно после высадки в Нормандии французское Сопротивление в долине Роны с исключительной готовностью, хотя и с излишней горячностью, откликнулось на инструкции союзников, переданные по Би-Би-Си. Бойцы Сопротивления совершили целый ряд актов саботажа на немецких объектах, в основном в долинах Роны и Дрома. Мечь немцев была внезапной и ужасной. Самая страшная операция имела место в старинном городке Сен-Дона, на Дроме. 15 июня 1944 года в город вошли около двух тысяч "немецких" солдат, в сопровождении бронемашин. Когда рассеялась поднятая колесами пыль, напуганные жители разглядели у пришельцев широкие скулы и раскосые глаза, свойственные восточной расе. Разнузданные солдаты производили впечатление дикарей. Со страшными криками эта орда набросилась на город, учинив настоящую оргию грабежей и разрушений. Когда рейд закончился и городские власти смогли подсчитать убытки, выяснилось, что нанесенный ущерб оценивается в 7-8 миллионов франков. Но это было далеко не самое ужасное. Налетчики зверски изнасиловали не менее 53 женщины и девушек, многим из которых было всего по 13-14 лет. Среди них была дочка мэра Шанселя, со слов которого я записал эту историю. Она умерла через несколько недель.

Аналогичные преступления были совершены во всем районе. Шансель воззвал к помощи епископа, монсеньера Пика, который тут же обратился к местному немецкому коменданту. Офицер принес свои извинения и объяснил, что эти отряды сформированы из монголов, взятых в плен на

русском фронте и теперь служащих в подсобных войсках у немцев. После двухчасового спора с монсеньёром Пиком немецкий генерал согласился, ради сохранения репутации немецкой армии, отозвать эти отряды и по возможности вернуть награбленное.⁵¹

По-видимому, на этом случае "возмутительного поведения" — а оно и в самом деле было возмутительным — и основывался МИД, отказывая в предоставлении убежища на Западе всем русским. Но эти разнузданные грабежи и насилия вовсе не были собственным изобретением антисоветского "власовского" формирования; это был спектакль, от начала до конца разыгранный нацистами. В Сен-Дона и соседнем городке висели в ту пору расклеенные немцами объявления: "Французы, вы любите русских коммунистов: так познакомьтесь же с ними".

Из тысяч русских пленных, находящихся у них в руках, немцы отобрали несколько сотен самых примитивных людей, которые, верно, и русского-то не знали,⁵² не говоря уж о французском, и, скорее всего, не имели ни малейшего представления о том, в какой стране находятся и против кого и почему воюют.

Как замечает один из руководителей Сопrotивления, де Сен-При, ясно, что нацисты собрали эту ужасную банду с единственной целью запугать французов и одновременно показать им варварство их советских союзников. После протеста епископа Валанского немецкий генерал приказал отозвать этих жутких "помощников", и нацисты больше не могли найти для них применения. Когда 31 августа в этом районе началось немецкое отступление, о "монголах" никто и не вспомнил. Вскоре они попали в руки французов и были посажены в тюрьму. Их освободил майор Иванов, раньше сотрудничавший с немцами, а в сентябре 1944 года назначенный советскими властями комендантом сборного лагеря для русских в окрестностях Парижа. Отсюда после окончания военных действий "монголов" должны были отправить сушей в СССР,⁵³ так что среди находившихся в Англии пленных, чья судьба решалась в те дни, этой банды не было. Однако по логике МИД получалось, что преступления "монголов" в Валансе бросают тень и на измученных пытками инвалидов Байе. Умозаклучения такого рода и заставили Черчилля на совещании кабинета 4 сентября 1944 года и на Потсдамской конференции год спустя преодолеть имевшиеся у него сомнения насчет репатриации.

Еще одним аргументом Идена в пользу насильственной репатриации было то, что "большая часть пленных по различным причинам согласна и даже хочет вернуться в Россию". В качестве довода это утверждение могло бы показаться неосновательным, поскольку в жалобе лорда Селборна речь идет только о тех, кто не желает возвращаться. Однако

поучительно было бы разобраться, что скрывается за словами "по различным причинам".

Иден основывался на отчете от 1 июля, составленном по результатам допросов русских пленных. В отчете отмечается, что буквально все они были вынуждены присоединиться к немецким войскам и в немецкой армии подвергались самому жестокому обращению. Хотя большинство русских боится наказания, говорится далее в отчете, они все же хотят вернуться в СССР. Кристофер Уорнер написал: "Большинство русских хочет вернуться назад, если им дадут шанс отличиться". Однако через два дня он получил письмо от неугомонного майора Мандерстама, который тоже допрашивал русских пленных в Кемптон-парке и тоже написал в отчете, что пленные выразили желание вернуться в СССР, сказав ему, что перед возвращением в ряды Красной армии получают недельный либо двухнедельный отпуск. Мандерстаму казалось сомнительным, чтобы такое удивительное единодушие и уверенность возникли бы сами собой, и другой английский офицер, работавший с пленными, подтвердил эти сомнения: как писал Мандерстам, "поведение русских, опрошенных мной, было в высшей степени необычным, и офицер объяснил это присутствием среди них сотрудника НКВД".⁵⁴

Хотя Уорнер категорически отверг утверждение Мандерстама, что пленные высказывались под давлением, он, однако, не оставил это обвинение без внимания. Похоже, он и не возражал против оказания на пленных такого нажима. Когда на совещании 16 августа было внесено предложение о том, чтобы американцы отсылали назад только добровольцев, Уорнер, как говорится в отчете, "высказал сомнение по поводу этой возможности и сказал, что после встречи с советскими представителями почти все пленные выразят желание вернуться в Советский Союз".⁵⁵

Вот что стояло за фразой Идена, что большая часть пленных желает вернуться на родину. Разумеется, некоторые действительно хотели вернуться, надеясь, быть может, что участие в антифашистском Сопротивлении облегчит их участь. Но ведь лорд Селборн возражал не против отправки таких людей.

Касаясь предположения, будто репрессии советских властей по отношению к репатриированным могут отразиться на обращении немцев с английскими военнопленными, Иден заметил, что русских вот уже несколько месяцев вывозят из Египта безо всяких условий, и пока это не имело никаких дурных последствий. Это заявление было попросту ложью, так как русских начали отправлять из Египта только после 15 сентября, то есть через полтора месяца после письма Идена.⁵⁶ А на

предложение Селборна предоставить убежище русским, отказывающимся возвращаться на родину, Иден возразил следующее:

Мы, несомненно, не желаем, чтобы эти люди повисли на нас вечным бременем. Если мы их не отправим на родину, нам придется решать, что с ними делать, и не только здесь, но и на Ближнем Востоке.

Разумеется, такая задача действительно могла оказаться сложной, но похоже, что Идену она представлялась просто неразрешимой. Он уже столкнулся с аналогичной дилеммой в прошлом году, когда государственный секретарь Корделл Хэлл

поднял вопрос о 60-70 тысячах евреев в Болгарии, которым грозит уничтожение, если мы не сумеем их оттуда извлечь. Хэлл настаивал на немедленном ответе. Иден ответил, что проблема евреев в Европе вообще очень сложна и к предложению вывезти всех евреев из такой страны, как Болгария, следует отнестись с крайней осторожностью. Если мы это сделаем, тогда евреи всего мира захотят, чтобы то же самое было предпринято в отношении польских и немецких евреев. Гитлер вполне может согласиться на это, а потом во всем мире не хватит кораблей и транспортных средств, чтобы их вывезти.⁵⁷

Не удивительно, что с еще меньшим энтузиазмом отнесся Иден к идее тратить и без того уже довольно истощенные ресурсы союзников на помощь людям, которые, к тому же, были в его глазах предателями. Однако в основе возражений, выдвинутых Черчиллем и Селборном, лежали в общем соображения этического порядка; поэтому МИД считал необходимым устранить все моральные претензии, которые русские пленные могли бы предъявить к англичанам. Причины такой необходимости сжато изложены Иденом в заключительных параграфах его письма:

5. Отказ выполнить требование советского правительства вернуть советских граждан может вызвать серьезные проблемы. В любом случае у нас нет на это права, а наши гуманные мотивы советское правительство не поймет. Ему станет ясно лишь то, что в этом вопросе мы обращаемся с ним не так, как с другими союзными правительствами, и это породит у него самые серьезные подозрения.

6. Наконец, в этом вопросе существенно также положение наших собственных пленных в Германии и Польше, которые, вероятно, будут освобождены русскими войсками. Самое главное, чтобы с ними хорошо обращались и как можно скорее вернули домой. В этом вопросе нам приходится в значительной степени полагаться на добрую волю советских властей; и если мы будем чинить какие-либо препятствия в деле возвращения их граждан... это отрицательно повлияет на их готовность помочь нам в скорейшем возвращении наших пленных, которых они освободят...

По этим причинам я убежден, что если советское правительство хочет получить этих людей, чтобы использовать их в своих войсках или на работе для фронта, нам следует согласиться отослать их из Европы и с Ближнего Востока, обусловив сроки и возможности возвращения наличием транспорта и гарантией советских властей, что их действия не спровоцируют немецких репрессий по отношению к нашим гражданам, находящимся в немецком плену.⁵⁸

Эти два соображения, разумеется, были чрезвычайно важны. Конечно, английское правительство не могло рисковать тем, что советские власти в ответ задержат возвращение английских пленных, а любая акция, которая могла бы серьезно угрожать союзу между Англией и СССР, естественно, считалась опасной в этот критический момент войны. МИД был убежден, что не пойти навстречу советским пожеланиям — опасно; и потому, как это часто бывает, он постарался убедить себя и всех прочих в том, что британская политика не только разумна, но и морально оправдана.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Foreign Office [в дальнейшем: Архив министерства иностранных дел Великобритании], 371/43382, 6–9. В других сообщениях отмечается отчаянное сопротивление, оказанное власовскими частями на фронте под Смоленском, и говорится о присутствии армянских отрядов в департаменте Лозер.
2. См.: Alfred D. Chandler (ed.). *The Papers of Dwight David Eisenhower: The War Years*. Baltimore, 1970, III, pp. 1870–1871.
3. Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/43382, 54.
4. Текст ответа Молотова см. там же, 55. См. также: John R. Deane. *The Strange Alliance*. London, 1947, pp. 186–187.
5. См.: Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/43382, 4–5, 7, 27, 31.
6. См.: Malcolm J. Proudfoot. *European Refugees*. London, 1957, p. 114.
7. 17 июня военному министерству была передана важнейшая информация, полученная при таких допросах (см.: War Office [в дальнейшем: Архив военного министерства Великобритании], 32/11137, 3А).
8. Рассказ о русских военнопленных на острове Олдерни см. в кн.: "Voinov". *Outlaw: The Autobiography of a Soviet Waif*. London, 1955 [в дальнейшем: *Outlaw*], pp. 222–224.
9. См.: Имперский Военный музей, фотография В. 6267, а также В. 6266. Второй из этих туркестанцев, судя по всему, был узбек из Намангана.
10. См.: S. Orwell, I. Angus (ed.). *The Collected Essays. Journalism and Letters of George Orwell*. London, 1968, III, pp. 252–253.
11. См.: Josef Scholmer. *Vorkuta*. London, 1954, p. 119.
12. См.: Архив военного министерства Великобритании, 32/11137, 19 А.
13. Архив министерства иностранных дел Великобритании, 317/43382, 59.
14. Там же, 75.
15. См.: Gerald Reitlinger. *The House Built on Sand*. London, 1960, p. 350.
16. Архив военного министерства Великобритании, 32/11137, 20 В.
17. Там там же, 32/11119, 13А–14С, 35А, 36А.
18. См.: Alfred D. Chandler (ed.), указ. соч., стр. 2 031.
19. См.: Louis P. Locher (ed.). *The Goebbels Diaries 1942;1943*. New York, 1948, p. 383; а также Ronald Seth. *Jackals of the Reich: The Story of the British Free Corps*. London, 1972.
20. См.: Walter Bedell Smith. *Moscow Mission 1946-1949*. London, 1950, pp. 14, 115; *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers, 1944, IV*. Washington, 1966, p. 1 264. Опасения, что немцы могут обнаружить доказательства существования системы рабского труда, привели к массовым расстрелам или поспешной эвакуации силами НКВД тысяч заключенных. (См.: Vladimir & Evdokia Petrov. *Empire of Fear*. London, 1956, p. 98; Asntoni Ekart. *Vanished without Trace: The Story of Seven Years in Soviet Russia*. London, 1954, p. 99; Victor Kravchenko. *I Chose Freedom*. London, 1947, p. 405; Josef Scholmer, указ. соч., стр. 168; Vladimir Petrov. *It Happens in Russia: Seven Years Forced Labour in the Siberian Goldfields*. London, 1951, pp. 356–357; Josef Czapski. *The Inhuman Land*. London, 1951, pp. 69–80). Пленные, репатрируемые в 1945 году, тоже подлежали уничтожению

либо изоляции в лагерях, дабы не распространять в СССР информацию о западной свободе и благополучии. (См.: Walter Bedell Smith, указ. соч., стр. 279–280; А. Солженицын. Архипелаг ГУЛАг, (1918-1956). Опыт художественного исследования, т.1. ИМКА-Пресс, Париж, 1973, стр. 243; Ronald Hingley. Josef Stalin: Man and Legend. London, 1974, pp. 370–371.

21. PREM [Документы канцелярии премьер-министра], 3.364/8, 296.
22. См.: Архив военного министерства Великобритании, 32/11137, 53 В.
23. См. там же, 53 А.
24. Фотографии освобожденных русских рабочих, сделанные в мае 1943 года в Тунисе, находятся в Имперском Военном музее (NA 2818–21). 120 человек из них сражались в Испанской интернациональной бригаде, бежали во Францию в 1939 году, а в 1941 в Алжире были интернированы. Подробнее об этом см.: Malcolm J. Proudfoot. European Refugees. London, 1957, p. 94; см. также: Архив министерства иностранных дел Великобритании 371/33042; Архив военного министерства Великобритании, 32/11137, 33 А, 33 С, 43 А, 45 А, 49 В. В декабре 1943 года четверо русских из "Антибольшевистского легиона" пробрались с одним автоматом в Испанию, но год спустя, после продолжительных переговоров, были репатриированы через Гибралтар и Неаполь (см.: Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/43349). По утверждению полковника И. А. Л. Райна, сотрудника военной разведки в Персии и Ираке, желание вернуться на родину выражали многие пленные (см.: Sunday Telegraph, 30. 11. 1975).
25. См.: А. Солженицын. Архипелаг ГУЛАг, т. 1, стр. 92–93.
26. В Имперском Военном музее есть фотографии таких пленных, захваченных при наступлении в Анцио, Италия (см.: NA 15317–8).
27. Архив военного министерства Великобритании, 32/11137, 34 А.
28. См. там же, 9 А, 12 А–15 А.
29. См. там же, 29 В.
30. См. там же, 10 А.
31. Там же, 46 А, 56 А.
32. См. там же, 6 А.
33. Там же.
34. См. там же, 110.
35. Там же, 39 А.
36. Критические замечания в адрес военного министерства см. там же, 96.
37. Это делалось, вероятно, в исполнение приказа Геббельса от 28 апреля 1942 года о том, что "следует как можно шире демонстрировать примеры людоедства и жестокостей большевиков". (Willi A. Boelcke, ed. The Secret Conferences of Dr. Goebbels. London, n. d., pp. 232–233).
38. Я благодарен графу Селборну, любезно предоставившему мне бумаги его деда, связанные с работой в Военном кабинете.
39. PREM, 3. 364/8, 293–295.
40. Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/40444.
41. Информация Л. Х. Мандерстама, подтверждена документальными свидетельствами. Вообще МИД весьма сдержанно относился к деятельности ССО и даже к самому существованию этой службы. Мне рассказал об этом бывший начальник ССО генерал-майор Колин Габбинс.
42. Архив военного министерства Великобритании, 32/11137, 56 А.
43. См.: Report of the International Committee of the Red Cross on its Activities

- during the Second World War (September 1, 1939 – June 30, 1947). Geneva, 1948, I, pp. 423–425; III, p. 55.
44. Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/33000.
 45. См. там же, 371/37060.
 46. См.: Mark R. Elliot. The United States and Forced Repatriation of Soviet Citizens, 1944-1947. – *Political Science Quarterly*. 1973, LXXXVIII, p. 258.
 47. См.: Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/33000. Маклин был завербован советской разведкой, когда учился в Кембридже (см.: Vladimir & Evdokia Petrov, указ. соч., стр. 271).
 48. См.: *New York Times*, 24.7.1945; *The Times*, 16.8.1945; см. также: *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers, 1945, V, Europe*. Washington, 1967, pp. 1066 – 1067.
 49. См.: Архив военного министерства Великобритании, 32/11137, 71 В.
 50. См. там же, 32/111683. Бывший капитан советской подводной лодки, командовавший одним из таких формирований, получил французский орден (см.: Alexander Foote. *Handbook for Spies*. London, 1964, p. 145; см. также: Alfred J. Rieber. *Stalin and the French Communist Party 1941-1947*. New York. 1962, p. 84). У этих людей, присоединившихся под давлением обстоятельств к немецкой армии, но желавших перейти к союзникам, не было никаких рациональных стимулов для такого шага. И все же, даже зная о судьбе тех, кто уже сдался в плен, многие русские при первой же возможности переходили к союзникам. В сентябре 1944 года кавказцы, служившие под началом немцев в Югославии, убили своих командиров и дезертировали к партизанам. (См.: Julian Amery. *Approach March: a Venture in Autobiography*. London, 1973, pp. 376 – 383. Эмери удалось спасти двоих из них от насильственной репатриации). В Италии "1-й батальон 314-го полка, под командованием русского офицера, выбросил заранее приготовленные белые флаги и обратил оружие против немецких командиров" (см.: Архив военного министерства Великобритании, 170/4240, от 2.4.1945). А житель Туркестана по имени Тинью так отличился в партизанских боях в Апеннинах, что получил от американского командира дивизии почетную грамоту (см.: Julius Epstein. *Operation Keelhaul: The Story of Forced Repatriation from 1944 to the Present*. Old Greenwich, Connecticut, 1973, pp. 105 – 107). Фотографии 20193 и 20365, хранящиеся в Имперском Военном музее, запечатлели дезертировавших из немецкой армии русских, которые воевали на стороне союзников в Италии и на Крите в ноябре 1944 года. Союзной разведке еще в 1943 году было известно о том, что армянские части, находящиеся во Франции, "намерены в подходящий момент обратить оружие против немецких угнетателей" (Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/43382, 26). После высадки союзников в Нормандии в июне 1944 года часть русских, служивших в немецкой армии, при первой же возможности перешла в армию Эйзенхауэра. На голландском острове Тексель 700 солдат-грузин получили 6 апреля 1945 г. приказ подготовиться к боям против десанта союзников. Но они выступили против немцев, три дня держались против гарнизона в 4 тысячи человек и сдались только после упорных боев. Как сказано в отчете канадской армии, "эта группа еще раньше установила контакт с голландским подпольным движением и тесно сотрудничала с ним, разминирова некоторые районы. Тем самым они оказали неоценимую помощь во время последующей высадки канадских сил". (Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/47902,

- 111–114; там же, 47903; Архив военного министерства Великобритании, 32/11139, 340 А). Известие об этом восстании вызвало тревогу в штаб-квартире генерала Власова (см.: Jurgen Thorwald. *Wen sie verderben wollen: Bericht des grossen Verrats*. Stuttgart, 1952, pp. 463–464). Из Египта англичане насильственно репатриировали Шандора Радо, руководившего во время войны советским шпионажем в Швейцарии. (См.: David J. Dallin. *Soviet Espionage*. Yale, 1955, pp. 228–229; см. также: Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/47991; 48006; 50606, 149–153). Интересно, что в недавно вышедших мемуарах Радо опущены все подробности о его судьбе по возвращении в СССР (см.: Шандор Радо. Под псевдонимом Дора. Воспоминания советского разведчика. Москва, 1973).
51. Письмо от 26.5.1949 господину де Сен-При от монсеньёра Сула, главного vicaria епископства Валанского (Дром).
 52. По показаниям одного свидетеля, на рукавах этих "монголов" были нашивки с надписями "Туркестан" и "Азербайджан" (см.: Jean Veyer. *Souvenirs sur la Résistance dioise 1941-1944*. Die /Drôme/).
 53. Войнов приводит отчет об Иванове, которого де Сен-При встретил, когда тот освобождал пленных (см.: *Outlaw*, pp. 227–228). Отчет составлен на основании информации, предоставленной де Сен-При и Вистелем, руководителями Сопrotивления в долине Роны, причем оба привели дополнительные свидетельства других очевидцев событий. [Об использовании советскими властями тех, кто раньше сотрудничал с немцами, см. обвинения, выдвинутые против майора Груздева (Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/47904, 154).]
 54. Там же, 371/43382, 79–83.
 55. Архив военного министерства Великобритании, 32/11137, 101 А (6 В); Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/40444.
 56. См.: Архив военного министерства Великобритании, 32/11137, 18 А, 10 А, 11 А, 40 А, 234 А (2 В). Позже, в документе, представленном кабинету 3 сентября, Иден согласился с тем, что отказывающихся возвращаться в СССР можно оставить в Англии. Однако, скрывая поступающие к нему данные о том, что многие русские возвращаются в СССР не "добровольно", а под давлением НКВД, Иден представил число нежелающих репатриироваться как ничтожное.
 57. Robert E. Sherwood, *Roosevelt and Hopkins: An Intimate History*. New York, 1948, p. 717. См. также: Saul Friedländer. *Counterfeit Nazi*. London, 1969, pp. 150–154; [Документы кабинета министров], 66/53, 167–169, "Hungarian Offer to Allow Jews to Leave Hungary". Британский МИД уже в 1939 году был озабочен эмиграцией в Палестину евреев, бегущих от преследований в Германии, Польше и Румынии и принимал меры для предупреждения массового исхода.
 58. PREM, 3. 364/8, 287–292.

Глава 3

ИДЕН В МОСКВЕ: КОНФЕРЕНЦИЯ "ТОЛСТОЙ" (11-16 октября 1944)

Все эти горячие дебаты о судьбе русских пленных велись в английском кабинете министров еще до того, как стала известна позиция советского правительства. До сих пор англичане располагали только высказыванием Молотова от 31 мая 1944 года, что "число таких лиц в немецких войсках очень незначительно". 20 июля МИД отправил советскому послу письмо с сообщением о том, что сейчас в Англии находится 1 114 русских военнопленных и число их в скором времени должно возрасти. МИД интересовался советскими пожеланиями на этот счет.

Несколько недель МИД ждал, пока Кремль обсудит эту крайне неприятную ситуацию. Такая задержка была вполне в духе Сталина, который предпочитал тянуть время, когда от него требовалось решение по щекотливым вопросам. В таких случаях он имел обыкновение писать на сообщениях "в архив" или "подшить в дело" и забывал об этом.¹ Но на сей раз советским руководителям не удалось уйти от решения: посол Англии в Москве постоянно интересовался этим делом, а МИД через месяц, 20 августа, повторил запрос, в котором сообщалось, что число русских пленных в Англии уже превысило 3 тысячи. В письме также имелся намек на возможность транспортировки пленных в Канаду и США — советские власти вполне могли счесть его скрытой угрозой.²

Через три дня пришел ответ от Гусева. Посол требовал вернуть всех пленных "при первой же возможности"; при этом транспортные средства должна была обеспечить Англия. С целью лучшей организации пленных во время их пребывания под опекой англичан, советская военная миссия, писал посол, вступит в контакт с английским военным министерством.

Гусев просил также предоставить ему список пленных и лагерей, в которых они находятся.³

Теперь очередь была за англичанами. Им надлежало окончательно решить, следует ли как-то оговорить меры по защите репатрируемых пленных от наказаний. (Напомним, что несмотря на настояния кабинета потребовать от советского правительства каких-либо гарантий на сей счет, это условие выпало из британской ноты, переданной советскому послу). Англичане предполагали возобновить разговор на эту тему после ответа советских властей, считая, что время терпит: задержки с репатриацией всегда можно объяснить транспортными трудностями. Кроме того, с каждым поражением вермахта уменьшалась возможность ответных репрессий со стороны немцев, и главная с точки зрения англичан проблема могла разрешиться сама собой. Как заметил Патрик Дин, дело было не в том, чтобы помешать советским властям жестоко наказать вернувшихся соотечественников, но в том, чтобы "просто оттягивать такие шаги до тех пор, пока не отпадет опасность репрессий против английских и американских военнопленных".⁴

Теперь, когда советская позиция прояснилась, от англичан требовалось как можно скорее окончательно определить политику в отношении пленных. Иден, понимая, что его предложение поставлено под угрозу, приступил к подготовке подробного изложения своих взглядов на ближайшем заседании кабинета. Тем временем у лорда Селборна появился единомышленник в деле защиты пленных русских – военный министр сэр Джеймс Григг. 24 августа в письме Идену он выразил свое беспокойство по поводу перспективы выдачи русских на верную смерть и свои опасения относительно немецких репрессий. Правда, добавил он, "если речь идет о выборе между трудностями для наших людей и смертью русских, ответ однозначен". При этом, однако, он считал, что, как бы ни повернулось дело, советские власти вряд ли будут активно способствовать возвращению английских пленных на родину. В заключение Григг запрашивал решение кабинета относительно того, кому именно придется заниматься "этим неприятным делом": уж не солдатам ли, за которых он, Григг, отвечает?⁵

1 сентября Иден послал министру вежливый ответ, приложив к нему проект своей речи в Военном кабинете.⁶ Совещание кабинета состоялось 4 сентября, когда меморандум Идена уже распространялся. Меморандум во многом совпадал с письмом Идена Черчиллю, с единственной уступкой возражениям Григга и лорда Селборна: Иден допускал (с оговорками), что на долю русских выпали – и еще предстоят в будущем – незаслуженные страдания. Но вслед за тем он перечислял уже приведенные нами аргументы, снова твердил об их важности и вновь настаивал, что кабинет должен

согласиться с требованием советского правительства о репатриации русских пленных из Великобритании и с Ближнего Востока независимо от желаний самих пленных:

Оба эти решения будут зависеть от того, получу ли я от советского правительства достаточные гарантии, что против этих людей не будут предприняты никакие меры в виде наказания или суда до окончания военных действий с Германией.⁷

Военный кабинет "после короткого обсуждения" одобрил предложения Идена.⁸ Оба министра, высказавшие столь серьезные возражения против прежнего решения кабинета, сдали свои позиции еще до совещания, убежденные логикой Идена. Лорд Селборн уже 18 августа написал министру иностранных дел, что его "доводы очень серьезны и против некоторых из них... возразить нечего".⁹ А Григг с самого начала просил всего-навсего о том, чтобы при проведении в жизнь политики, отдельные стороны которой ему "отвратительны", ему предоставили возможность опираться на решение кабинета. Впрочем, лорду Селборну по-прежнему внушала ужас бесчеловечность грядущей операции. Через четыре года после описываемых событий он вместе с епископом Чичестерским выступил с осуждением насильственного возвращения беглецов от коммунизма.¹⁰

Помочь русским пленным можно было одним единственным способом — предпринять последнюю попытку использовать их для военных целей союзных армий. Несколько тысяч русских, находившихся сейчас в руках союзников, составляли лишь долю процента от тех пяти-шести миллионов, что по разным причинам оказались в пределах Великого Рейха. Для ССО эти люди, настроенные в большинстве своем антинацистски, представляли благодатный материал для организации беспорядков и даже открытого восстания за линией немецкого фронта. Военные формирования из русских пленных могли бы составить целый корпус. Во Франции действовало несколько отрядов, в задачу которых входила борьба против маки. В самой Германии тысячи русских работали на практически не охраняемых полях. Конечно, с военной точки зрения они мало что могли сделать против вермахта и отрядов СС даже в этот период войны, когда мощь Германии была на исходе; но агитация за сопротивление немцам способствовала бы подрыву обороноспособности Германии.

Если бы пропаганда союзников возымела действие, немцам пришлось бы заменить русские формирования, воевавшие против партизан во

Франции, Италии и Югославии, до предела вымотанными немецкими частями. А в самой Германии перспектива восстания миллионов русских "рабов" и других "восточных рабочих", используемых на полях и заводах, могла бы вызвать панику и привести к непредсказуемым последствиям. Страх перед таким восстанием выражали и Гитлер, и Гиммлер, и уже в 1942 году рассматривались планы по его подавлению, известные под названием "Валькирия".¹¹

1 августа ССО представила Объединенному комитету начальников штабов меморандум "Подрывная работа в русских войсках, действующих против маки". Кадры для такой работы предлагалось набирать среди русских военнопленных. Предполагалось, что после специальной подготовки в ССО их забросят в районы действий маки, и там они попытаются воздействовать на русские антипартизанские формирования. Этот план вполне мог оказаться успешным: маки уже и сами, без всякой посторонней помощи, привлекли на свою сторону многих русских.

При планировании операции ССО консультировалась с французским Комитетом национального освобождения и штабом ВКЭСС. Министерство иностранных дел не возражало против плана — "при условии, что советское правительство будет поставлено о нем в известность, как только русские будут отосланы во Францию",¹² зато категорически отказалось рассматривать вопрос о том, чтобы желающим из числа военнопленных было предоставлено по их выбору английское или американское гражданство либо гарантия безопасности со стороны советских властей.¹³ Тем не менее предложить русским пленным хоть какие-нибудь гарантии безопасности было необходимо — и не столько для того, чтобы заполучить добровольцев для работы во Франции, сколько для того, чтобы убедить дезертировать тех, кто все еще служил в немецкой армии. По рассказам русских военнопленных в Англии, нацистская пропаганда (а ее эффективность была общепризнана) без конца твердила, что русские, сдавшиеся англо-американцам, будут расстреляны на месте или же переданы советским представителям, после чего их все равно расстреляют.¹⁴

ССО стремилась всеми способами укрепить движение Сопrotивления и подорвать боевой дух вражеских войск в занятой нацистами Европе. Попытка ослабить воинские части во Франции безусловно заслуживала внимания, хотя англичанам и трудно было предложить будущим перебежчикам что-либо конкретное. Из русских пленных, находившихся в Англии, офицеры ССО отобрали сорок добровольцев, которые затем прошли специальный курс подготовки. Некоторые пленные рассказали о своих контактах в Германии, о людях, которые могли бы оказать активное сопротивление нацистам.

Для первого десанта в Германию были отобраны четверо добровольцев. Однако сначала надо было, по совету английского МИД, сообщить об операции советским властям, то есть НКВД, представитель которого, полковник Иван Чичаев, работал в тесном контакте с английским МИД. Предвидя обычные для НКВД задержки с получением инструкций из Москвы, сотрудник МИД Уорнер выдвинул весьма неожиданное предложение: "Надо совершенно откровенно сказать полковнику Чичаеву о нашем плане и предупредить, что ввиду безотлагательности дела мы намерены осуществить его на следующей неделе". Но начальник Уорнера, помощник заместителя министра сэра Орм Саргент заявил, что в связи с предстоящим соглашением о возвращении всех русских военнопленных в СССР необходимо заручиться четким согласием НКВД.

Прошло несколько недель, Берия и Абакумов молчали, но полковник Чичаев заявил, что очень хочет поговорить с четырьмя русскими добровольцами. В разговорах с майором Мандерстамом из ССО он не раз выражал горячее желание встретиться с бедными ребятами, так давно разлученными с родиной, а заодно сокрушался о том, что его начальники до сих пор ничего не ответили относительно отправки этих людей в Германию. Но Мандерстам был твердо намерен не допускать этой встречи. Он уже видел примеры давления НКВД на пленных и потому пресекал все попытки полковника Чичаева проникнуть к добровольцам.

Время шло, и наконец Мандерстам назначил на 16 октября встречу с Чичаевым. Он захватил с собой письмо, в котором говорилось, что ССО с удовольствием разрешит Чичаеву поговорить с четырьмя добровольцами в том случае, если из Москвы придет согласие на проведение операции. Когда они встретились, Чичаев с места в карьер выложил ответ своего ведомства:

— Я получил из Москвы полномочия официально сообщить вам, что мы не согласны с планами вашей организации по использованию русских военнопленных для работы в Германии. Мы также хотели разъяснить, что не намерены сотрудничать с вашей организацией в предлагаемой вами акции. Мы настоятельно рекомендуем вам "забыть" о русских в Германии. Почему вы вообще выбрали этих несчастных ребят? Чем скорее вы оставите их в покое и предоставите их нам, тем лучше для наших будущих отношений.

Мандерстам осведомился, нет ли у Чичаева с собой письменного ответа, но тот раздраженно ответил:

— Москва вообще не понимает, почему вы так настаиваете на письменном ответе. Никакой необходимости в этом нет, к тому же все наши предыдущие переговоры проводились устно. Да и вообще все это выглядит очень странно. Я уверен, что вы предложили эту акцию не без задней мысли.

”Задняя мысль” самого полковника Чичаева заключалась, скорее всего, в понимании того факта, что если кто-нибудь когда-нибудь получит и прокомментирует документ, в котором Советский Союз открыто отказывается от предложенных англичанами мер, могущих приблизить победу, возникнет крайне неприятная ситуация.

Категорически отвергнув план ССО по созданию паники и саботажа в самом центре нацистской Германии, Чичаев вернулся к теме, действительно живо интересовавшей его начальство, попросил разрешения навестить четырех русских добровольцев, которые, как ему известно, сейчас находятся в тренировочной школе ССО.

Мандерстам добродушно ответил, что поскольку советские власти не выказали никакого интереса к предложенной операции, то и надобность в свидании с добровольцами отпадает. Да и вообще, они вскоре вернуться в лагерь для военнопленных, и там Чичаев несомненно сможет устроить интервью по обычным каналам. Чичаев настаивал: неужели ССО не может помочь устроить допрос? Когда эти четверо вернуться в лагерь? Но Мандерстам оказался не в состоянии дать точный ответ на эти вопросы: НКВД ведь понадобилось несколько недель, чтобы откликнуться на просьбу ССО о сотрудничестве, а английская бюрократия работает с неменьшим скрипом.

Сбитый с толку Чичаев заговорил о другом. Представителем ССО в Москве был бригадир Джордж Хилл, пользовавшийся горячим расположением советской разведки: он оказался прямо-таки ходячей уткой информации.¹⁵ Чичаев спросил Мандерстама, нельзя ли ему получить каталог британских ”игрушек”, который обещал ему бригадир Хилл, когда возил Чичаева на одну из английских станций. Под ”игрушками” подразумевались специальные взрывные устройства и другие средства саботажа, которыми ССО снабжала своих агентов в оккупированной нацистами Европе: карандаши-ружья, газовые пистолеты и быстродействующий яд, после которого не оставалось никаких следов, кроме признаков эндемического сифилиса. Все это хранилось в галерее Музея естественной истории, отданного на время войны в распоряжение ССО. Но Мандерстама не так-то легко было сбить с толку:

Я сказал ему, что узнаю насчет этого и, конечно, взамен мы рассчитываем получить от них аналогичный каталог. Он согласился: почему бы и нет – в самом деле, разве мы не союзники?

Однако СМЕРШу так и не удалось ознакомиться с этими "игрушками", и "первому кругу" ГУЛага пришлось привлечь кое-кого из ведущих ученых для создания своих собственных "игрушек".

Ничего не добившись, Чичаев ни с того ни с сего принялся обвинять англичан в том, что они де плохо обращаются с русскими военнопленными. Когда Мандерстам заметил, что еще совсем недавно Чичаев упрекал англичан в излишнем мягкосердечии, тот пробурчал: "Поди угадай, когда в человеке может проснуться зверь".

Несмотря на все эти колкости, расстались они вполне по-дружески и даже условились в следующий четверг пойти в театр "Савой".

Эту беседу можно посчитать образцом того, как следует вести переговоры с советскими представителями. НКВД успешно блокировал предложения англичан – но и Мандерстам ничего не уступил советской стороне. Никаких отрицательных последствий эта встреча не имела, и Чичаев из кожи лез вон, чтобы доказать Мандерстаму свое дружеское расположение. Государственные мужи Ялты и Потсдама могли бы многое почерпнуть из изучения протоколов этой беседы и ее последствий.¹⁶

Но мидовским чиновникам сообщение Мандерстама о результатах встречи не понравилось. Джоффри Вильсон отметил в своей записке, что его вовсе не удивляет отказ советских властей от сотрудничества в предлагаемой операции: они справедливо обижены загадочным отказом ССО разрешить НКВД предварительно допросить добровольцев. Записка Вильсона завершалась ядовитым замечанием: "Сомневаюсь, что полковник Чичаев высокого мнения о майоре Мандерстае". Его коллега Кристофер Уорнер добавил, что при следующей встрече не мешало бы выговорить Мандерстаму за глупость.

Министерство иностранных дел приказало ССО передать НКВД сорок русских, которых готовили для выброски в Германии. Разумеется, сотрудникам ССО пришлось подчиниться, но когда за этими людьми послали, они куда-то исчезли, и найти их не удалось (кто-то наемкнул русским о предстоящей передаче их НКВД). Сотрудники ССО рассыпались в извинениях, но делать было нечего.¹⁷

Вернемся, однако, к решению военного кабинета от 4 сентября уступить требованию СССР о возвращении всех советских граждан. Напомним, что кабинет соглашался на это при одном условии: советское правительство

должно гарантировать, что к пленным, репатрируемым таким образом, не будет применено никаких мер, могущих вызвать ответные репрессии со стороны немцев по отношению к английским военнопленным.

11 сентября советский посол Гусев явился к Идену.¹⁸ На этот раз он был в агрессивном настроении, и на удивленного министра иностранных дел обрушился град упреков. Главные обвинения сводились к тому, что английские охранники плохо обращаются с русскими пленными (существование которых советское правительство преспокойно игнорировало на протяжении нескольких недель) и что вследствие антисоветской пропаганды, распространяемой фашиствующими элементами, незначительная часть пленных отказывается возвращаться на родину. Гусев добавил, что к русским нельзя относиться как к военнопленным, поскольку подавляющее большинство их было принуждено к службе в немецких войсках под давлением, и, следовательно, они никогда не были частью вражеских вооруженных сил.¹⁹

Министр иностранных дел знал, что жалобы на плохое обращение с пленными не соответствуют действительности. Он возмутился, и последовало то, что его коллега Орм Саргент назвал "бурным объяснением". По словам самого Идена, он чуть было не бросил советскому послу открытый упрек в необоснованности его обвинений, но сдержался и ограничился лишь тем, что довольно холодно простился с Гусевым.

В решении кабинета, вынесенном неделю назад, имелась всего одна оговорка относительно условий репатриации русских. МИД немедленно подтвердил, что "понимает решение кабинета так, что военнопленные на Ближнем Востоке не будут переданы русским до получения гарантий от советских властей".²⁰ Через два дня МИД представил военному министерству проект письма советскому послу, где сообщалось о решении кабинета и подробно излагалось настоятельное требование соблюдать условие о том, что пленные не должны быть "подвергнуты наказаниям, могущим вызвать риск немецких репрессий".²¹ Военное министерство одобрило текст.²²

Но тут в дело вмешался Иден. Понимая, что он был слишком прямолинеен в разговоре с Гусевым, министр счел неразумным выдвигать вообще какие бы то ни было условия. Орм Саргент срочно позвонил сэру Фредерику Бовеншену, предлагая военному министерству одобрить предложение министра иностранных дел и не ставить советским властям никаких условий. Военное министерство не возражало. Так провалилась попытка хоть немного ограничить произвол советских властей в отношении репатрируемых.²³

Тут, однако, возникла новая проблема, которой Орм Саргент коснулся в телефонном разговоре с Бовеншеном. Настаивая на снятии условия, рекомендованного кабинетом, он заметил, что

требовать таких гарантий... значит обострять дело, и это может отразиться на обращении русских с нашими собственными военнопленными, когда они, после немецкого плена, окажутся в руках Красной армии.

Английские и американские военнослужащие, взятые в плен немцами, обычно размещались в лагерях в Восточной Германии, в Польше или на Балканах. По данным союзной разведки, зимой 1944-45 годов в этих лагерях находилось около 40 тысяч англичан и 75 тысяч американцев,²⁴ и было очевидно, что большинство их будет освобождено Красной армией по мере ее продвижения в Польшу и на Балканы. Союзные правительства считали быстрое и безопасное возвращение своих освобожденных граждан на родину делом первостепенной важности. 11 июня 1944 года главы английской и американской военных миссий в Москве обратились в генштаб Красной армии с просьбой известить их, когда будут освобождены лагеря, где содержатся англо-американские военнопленные, а также обеспечить освобожденным хороший уход. Советские власти сначала заверили, что все будет сделано, но впоследствии саботировали все попытки сотрудничества в этой области.²⁵

Однако теперь, когда советские власти требовали возвращения своих собственных граждан, находившихся в плену в Западной Европе, появилась вероятность того, что с советскими представителями удастся сотрудничать более плодотворно. И действительно, глава советской военной миссии в Англии генерал-майор Васильев намекнул, что "советское правительство исполнено готовности отослать находящихся у нас пленных домой, равно как и получить назад своих собственных".²⁶ Правда, через неделю военное министерство получило тревожную телеграмму от главы английской военной миссии в Москве генерала Бурроуса. Он жаловался, что хотя "сделано все возможное", чтобы склонить советские власти к сотрудничеству в помощи освобожденным английским пленным, все эти попытки "натолкнулись на полное нежелание русских сотрудничать". Бурроус предлагал "в подходящий момент проинформировать Васильева, что сроки репатриации советских военнопленных зависят от отношения Советов к нашим пленным".²⁷

Военное министерство не без колебаний одобрило это предложение. Военный министр сэр Джеймс Григг высказался по этому поводу весьма

пессимистически: "В целом я согласен, — писал он, — хотя у меня есть искушение предложить МИД с самого начала выбрать более жесткий курс. Впрочем, они все равно на это не согласятся!"²⁸

И он был совершенно прав. МИД несомненно отказался бы от жесткой линии. Правда, миловские чиновники отважились на предложение "прозрачно намекнуть" генералу Васильеву, что советские требования встретят куда более теплый прием, если советская сторона проявит взаимность; и 27 сентября бригадир Файербрейс из группы связи с русскими сделал этот "прозрачный намек". В соответствии с инструкциями, он объяснил Васильеву, что несговорчивость советских властей может отрицательно сказаться не столько на практических мерах по репатриации русских, сколько на юридических процедурах по определению статуса русских пленных в Англии. Вышинский в Москве и Гусев в Лондоне возражали против того, что англичане считают оказавшихся в их руках русских военнопленными, находя это оскорбительным для подданных союзного государства, и требовали, чтобы с ними обращались как "со свободными гражданами союзной державы". Англичане объясняли, что для этого необходимо принять специальный закон — "Акт о союзных вооруженных силах", составленный с учетом нужд правительств в изгнании, таких как французское и польское, пожелавших содержать военные части на территории Англии. Сейчас МИД склонялся к тому, чтобы задержать принятие такого закона до ответа советских властей. Файербрейсу, растолковывавшему ситуацию советскому собеседнику, пришлось попотеть: Васильев никак не мог взять в толк, что в Англии даже правительство должно соблюдать законы, и упорно полагал, что всему виной — британское коварство. Но независимо от того, понимал ли Васильев хитросплетения английской юрисдикции или нет, английские власти решили отложить применение "Акта" до тех пор, пока советские власти не проявят большей готовности к сотрудничеству. Генерал Бурроус в Москве был извещен об этом шаге.²⁹

К сожалению, действенность угрозы МИД снижалась тем, что советские власти резко возражали против "Акта". Не понимая его назначения, они месяцами оттягивали его принятие и согласились на него только в 1945 году. В конце сентября полковник Филлимор из военного министерства так подытожил состояние дел:

Положение таково, что мы обязались идти навстречу требованиям Советов и многое сделали в этом направлении; но для того, чтобы что-то получить от советских властей, нужно решить важнейшие вопросы о содержании и статусе военнопленных... Меж тем

Советы торопят и нас, и американцев. Я обращаю ваше внимание на их приемы: все их обращения к нам начинаются с обвинений...³⁰

Самые сильные из этих обвинений содержались в письме Гусева Идену от 27 сентября, где в весьма резком тоне вновь поднимались вопросы, обсуждавшиеся в его разговоре с министром иностранных дел 11 сентября.³¹

Напомним читателю, что Гусев до сих пор не получил письменного уведомления о решении кабинета пойти навстречу советским пожеланиям в вопросе репатриации и даже, возможно, не слишком верил в готовность англичан к сотрудничеству. К тому же, он, по всей вероятности, считал своим долгом выдвигать обвинения, которыми впоследствии можно было бы объяснить любые помехи в деле репатриации и протесты русских, не желающих возвращаться на родину. Эти жалобы сводились к огульным обвинениям англичан в злоупотреблениях лояльностью русских. Тем самым на англичан как бы возлагалась прямая или косвенная ответственность за сопротивление русских военнопленных репатриации. Отсюда можно было заключить, что подавлять это сопротивление — тоже дело англичан.

Крайне возмущенные этими обвинениями, английские власти начали готовить пространное опровержение, подробнейшим образом выявляя их лживость.³² Советские представители действительно зашли слишком далеко, и было необходимо показать им, в чем именно они заблуждаются. Ни одному мидовскому сотруднику не пришло в голову, что советские деятели прекрасно разбираются в ситуации, а атака против англичан предпринята исключительно из тактических соображений.

В последний момент, однако, советская методика разом изменилась. Из Москвы пришла телеграмма от генерала Бурроуса. Он сообщал, что его новый советский коллега, только что заступивший на должность, "чрезвычайно сочувственно отнесся к этому делу и обещал ускорить решение вопроса" об участии англичан в репатриации английских военнопленных, освобожденных Красной армией.

Он заявил со всей ответственностью, что командиры Красной армии получили инструкции создать наилучшие условия для освобожденных пленных союзных армий. Я сообщаю вам об этом незамедлительно, так как это первый признак того, что советский генеральный штаб намерен принять участие в работе.³³

Прошло всего два дня — и Вышинский пожаловался английскому послу в Москве на оскорбительное отношение к русским в Англии.³⁴

Пока советские власти морочили англичанам голову, события приняли неожиданный оборот. Черчилль, обеспокоенный явным столкновением интересов союзников в Польше и на Балканах, предложил, что они с Иденом поедут в Москву и попытаются лично уладить все дела со Сталиным. 1 октября от генералиссимуса пришло благосклонное согласие. Решено было лететь через неделю.³⁵ Так, наконец, возникла возможность разобраться в этом затянувшемся деле о репатриации русских и английских пленных. МИД и военное министерство в спешке готовили для министра иностранных дел подробные сводки по данному вопросу. Главные цели были сформулированы так:

1. Склонить советские власти к сотрудничеству в обеспечении надлежащего ухода и репатриации английских пленных, освобожденных Красной армией.
2. Заверить их в том, что русские, находящиеся в Англии, Франции и Египте, будут репатрированы, как только будет практически решена транспортная проблема.
3. Поскольку советские власти настаивают на том, что их подданные в Англии не могут пользоваться статусом военнопленных, убедить их принять в качестве единственной разумной альтернативы "Акт о союзных вооруженных силах".
4. Опровергнуть несправедливые обвинения, выдвинутые Гусевым.³⁶

Тем временем английский Комитет начальников штабов сообщил МИД о возможности найти подходящий транспорт для отправки русских "и обеспечить репатриацию 11 тысяч человек без ущерба для наших прочих нужд, при условии, что этот транспорт к концу ноября вернется в Англию". Однако в сообщении высказывалось предположение, что Советы "скорее пойдут нам навстречу, если мы не сделаем первого шага".³⁷ Это была последняя попытка связать советское правительство соглашением, в котором оговаривались бы взаимные обязательства относительно репатриации пленных. Но начальники штабов не могли предугадать дальнейшего хода событий.

Через два дня, 11 октября 1944 года, Черчилль и Иден принимали Сталина и Молотова на обеде в английском посольстве в Москве. Стоял прекрасный солнечный день, и у премьер-министра и министра иностранных дел были все основания для оптимистического, радостного настроения.

Они только что с блеском и в хорошем темпе провели переговоры, в результате которых большая часть Балкан была отдана под советский контроль.³⁸ Может быть поэтому Молотов в тот день был в необычайно хорошем расположении духа. Казалось, эта встреча руководителей союзных государств самым благоприятным образом завершила переговоры, которые могли бы тянуться до бесконечности.

Гости прибыли в 9 часов, за столом царило праздничное оживление. Иден имел возможность вдосталь наговориться со Сталиным, которого от него отделял только переводчик Павлов. Советский лидер был в превосходной форме, в беседе он блистал остроумием и мудростью. Он шутил насчет неугомонных поляков, рассказал длинный анекдот (оставшийся Идену непонятным) о партии крымского вина, захваченного у немцев. Иден чувствовал, что его бывшее восхищение Сталиным разгорается с новой силой. Впервые он встретил этого необыкновенного человека девять лет назад и сразу почувствовал к нему то необъяснимое уважение, для которого не существует ни классовых, ни национальных, ни идеологических барьеров. Он писал о своей встрече со Сталиным в 1935 году:

Сталин с первого взгляда произвел на меня неизгладимое впечатление, и мое мнение об его способностях осталось непоколебленным. Его сильная личность обнаруживает себя без всяких стараний с его стороны. У него врожденные хорошие манеры, вероятно, это грузинская черта. И хотя я знал, что это безжалостный человек, я уважал его несомненный ум и даже чувствовал к нему симпатию, которую я не в состоянии объяснить до конца.³⁹

Вдруг Сталин помрачнел и, исподлобья поглядывая на Идена, заговорил о другом. Последующий разговор привел Идена в крайнее возбуждение. В телеграмме, посланной им на завтра Орму Сарженту в Лондон, эйфория бьет через край:

Вчера на обеде в беседе с маршалом Сталиным был затронут вопрос о русских войсках, находящихся у нас в Англии. Маршал сказал, что был бы чрезвычайно признателен, если бы можно было устроить их возвращение в СССР. Я сказал, что мы с радостью сделаем все, чтобы помочь, и что несмотря на большие трудности с транспортом, мы сейчас рассматриваем возможность их отправки на родину, решая попутно проблемы транспорта и эскорта. Маршал повторил, что был бы очень обязан нам, если

бы мы могли организовать для него это дело. Я ответил, что он может в том не сомневаться и что мы сделаем все возможное, чтобы помочь. Со своей стороны, я высказал уверенность, что его правительство сделает все, чтобы помочь нашим пленным в Германии, когда и если Красная армия дойдет до немецких лагерей, где они содержатся. Маршал сказал, что, конечно, это будет сделано, он лично проследит за этим. Он дал мне слово, что о наших людях будет проявлена максимальная забота.

Я думаю, что в свете этого разговора было бы крайне неразумно пытаться связывать перевозку русских на родину с вопросом о наших пленных. Мы должны все обеспечить, и когда мы окончательно сообщим русским о мерах, которые мы можем предпринять, нам следует напомнить им о том, что сказал мне маршал Сталин насчет отношения к нашим людям.⁴⁰

Вот так, в мгновение ока, во время обеда, был решен вопрос о русских военнопленных. Государственные мужи смеялись, пили и болтали за праздничным столом до самого рассвета. Когда на другой день Иден, усталый, но счастливый, поднялся с кровати, время близилось к полудню. Вечером он отправил приведенную выше восторженную телеграмму сэру Саргенту. Она случайно пересеклась со встречной телеграммой от Саргента, который, словно неким телепатическим образом предугадав точку зрения Идена, рекомендовал отказаться от каких бы то ни было условий "из тактических соображений – чтобы разрядить враждебную атмосферу".⁴¹

Постоянный заместитель министра сэра Александр Кадоган писал, что вся неловкая ситуация "была снята в высшей степени удовлетворительным заверением, которое мой министр получил от маршала Сталина".⁴² Английский Комитет начальников штабов получил приказ приступить к созданию условий для скорейшей репатриации русских пленных, и через четыре дня Кадогану сообщили, что к 23 октября будут готовы два военных транспортных судна.⁴³

Иден был убежден, что сталинские заверения исключают какие бы то ни было условия с английской стороны. Он отказался и от мысли ответить на обвинения, выдвинутые в "грубой записке" Гусева, поскольку это может "вновь привести к спорам".⁴⁴ Сотрудник военного министерства Бовендшен так сформулировал новую позицию англичан:

- а) Репатриация продолжается.
- б) Никаких грубых записок посольству.

в) Никаких распоряжений насчет "Акта" (о союзных вооруженных силах), пока нас не попросит МИД.⁴⁵

16 октября, в 4.30, Иден, встретившись в Кремле с Молотовым, заявил, что англичанами обеспечены условия для репатриации первых 11 тысяч советских граждан; остальные будут доставлены в СССР при первой же возможности. Молотов выразил свою благодарность и тут же перешел к пункту, который очень беспокоил советских руководителей:

Считает ли правительство его величества, что все советские граждане без исключения должны быть возвращены в Россию как можно скорее?

Иден ответил, что да и что для этого выделены корабли.

Молотов сказал, что для него это принципиальный вопрос. Пока что он не получил ответа от английского правительства.

Иден ответил, что у него нет никаких сомнений на этот счет...

Молотов сказал, что очень признателен, но речь идет о правах советского правительства и советских граждан, а вовсе не о транспорте. Согласно ли английское правительство, что вопрос о возвращении советского гражданина в СССР не может решаться исключительно на основании желания либо нежелания индивидуума? Некоторые советские граждане могут не захотеть вернуться, потому что они помогали немцам, но советское правительство требует права возвращения для всех своих граждан.

Иден сказал, что он не возражает. Английское правительство хочет видеть всех этих людей под опекой советской администрации.

Молотов высказал предположение, что советские власти сами должны решать судьбу своих граждан.

Иден согласился, что ... до возвращения на родину русские, находящиеся на территории Англии, должны находиться под опекой советских властей в рамках английского закона.

Молотов закрыл дискуссию в обычной советской манере, выдвинул явно наобум нелепое обвинение в плохих условиях в одном из английских лагерей.⁴⁶ Впрочем, обвинение это, против обыкновения, было высказано как-то нерешительно — словно Молотов понимал, что все равно Идену больше уже нечего уступать.

Иден телеграфировал в Лондон о новых успехах.⁴⁷ До завершения визита в Москву, известного под кодовым названием "Толстой", Черчилль обменялся со Сталиным несколькими шутивными фразами.

Премьер-министр сказал... Что касается еды, то Англия, по просьбе маршала Сталина, обеспечила отправку в СССР 45 тысяч тонн солонины. Мы, кроме того, отправляем в СССР 11 тысяч бывших советских военнопленных, чтобы было кому эту солонину есть.

Маршал Сталин сказал, что ... очень многих военнопленных заставили воевать за Германию, тогда как остальные пошли на это по доброй воле.

Премьер-министр заметил, что нам очень трудно разделить эти две категории. Поскольку они сдались нам, мы имеем право ходатайствовать за них, и он выразил надежду, что все они будут отосланы в СССР.⁴⁸

В тот самый момент, когда происходила эта странная беседа, несчастной английской делегации была вручена советская нота. В ней содержалась еще одна яростная атака на обращение англичан с советскими пленными, повторялись все прежние обвинения Гусева и добавлялись новые.⁴⁹ Должно быть, английская делегация вела себя слишком почтительно; и советское правительство заподозрило, что англичане задумали какую-нибудь каверзу.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. об этом также в кн.: Р. Медведев. К суду истории. Кнорф, Нью-Йорк, 1974, стр. 888.
2. См.: War Office [в дальнейшем: Архив военного министерства Великобритании], 32/11137, 101 А, (9 А, 11 А, 12 А).
3. См. там же, 94 А.
4. Там же, 6 А.
5. См. там же, 92 А, а также 67. В своей автобиографии Григг избегает каких-либо упоминаний об этом (см.: James Grigg. Prejudice and Judgment. London, 1948).
6. См.: Архив военного министерства Великобритании. 32/11137, 98 А-В.
7. САВ [в дальнейшем: Документы кабинета министров], 66.54, 168–169.
8. См. там же, 65.43, 126.
9. Архив Селборна.
10. См.: The Parliamentary Debates (Hansard) House of Lords. London, 1948, CLVI, pp. 1152–1182.
11. См.: Gerald Reitlinger. The House Built on Sand. London, 1960, pp. 283–284. По данным английской разведки, с 1942 года занимающейся подрывной работой среди иностранных рабочих в Германии (операция "Троянский конь"), накануне высадки здесь находилось полтора миллиона русских рабочих и 700 тысяч военнопленных и гражданских интернированных, занятых в основном в сельском хозяйстве и оборонной промышленности. Приводились свидетельства того, что нацисты опасались восстания или подрывной работы русских (см.: Архив военного министерства Великобритании, 898/340). Подробнее см.: Hans Bernd Gisevius. To the Bitter End. London, 1948, p. 516. Немецкое Сопротивление не могло понять, почему иностранные рабочие так и не подняли восстания (см. там же, стр. 400).
12. Foreign Office [в дальнейшем: Архив министерства иностранных дел Великобритании], 371/43382, стр. 104–105.
13. См. там же, 64–67. Иногда высказывается мнение, что русские сдавались под влиянием листовок союзников, обещавших им безопасность по возвращении в СССР. Однако американский документ, цитируемый в подтверждение этой точки зрения профессором Эпштейном, обращен, безусловно, к немецким солдатам. (См.: Julius Epstein. Operation Keelhaul: The Story of Forced Repatriation from 1944 to the Present. Old Greenwich, Connecticut, 1973, pp. 28–29; см. также: Alan Brownfeld. "Operation Keelhaul": An Unknown Allied War Crime. – East-West Digest. 1972, VIII, p. 195). Американская пропаганда в качестве приманки для русских довольно наивно обещала им возвращение в СССР. Доктор Эрхард Крегер рассказал мне, как развеселила генерала Власова история о том, что американцы именно таким образом продлили сопротивление русских, защищавших вместе с немцами от союзников французский город Брест (см.: В. Штрик-Штрикфельд. Против Сталина и Гитлера. Посев, 1981, стр. 333). Англичане довольно рано отказались от мысли обещать им амнистию (см.: Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/43382, 51; а также 32–49). Листовки, сбрасываемые над Францией в 1944 году и написанные по-русски и по-армянски, призывали "не-немецких солдат вермахта" сдаваться

в плен, причем сама листовка становилась своеобразным "пропуском". Об условиях сдачи в плен в инструкциях союзных войск говорилось лишь то, что "с каждым солдатом, предъявившим этот пропуск, следует обращаться в соответствии с международным законом" (там же, 818/456). Присутствие армянских войск было отмечено в департаменте Лозер 7 марта 1944 года (см. там же, 371/43382, 26). Экземпляры этой листовки были обнаружены у русских, привезенных в Англию. Они жаловались, что в листовке не было конкретных обещаний (см. там же, 81). ССО выпускало и другие листовки (см. там же, 105), причем, по словам Мандерстама, в некоторых из них предлагалось предоставление убежища. Одна из таких листовок находится в Архиве министерства иностранных дел Великобритании (371/56715). Листовка заверяет русских, что перебежчикам гарантируется "свободная и независимая жизнь". 900 членов РОА в Намюре сдались, поверив этому обещанию.

14. См. там же, 80. Очевидно, на призыв к Идену от 18 августа последовал ничуть не лучший ответ (см.: Архив Селборна).
15. См.: H. F. R. Philby. *My Silent War*. London, 1968, p. 8.
16. См. комментарии У. Черчилля о советской тактике в кн.: James F. Byrnes. *All in One Lifetime*. London, 1960, p. 383.
17. См.: Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/43382, 138–142. Г-н Мандерстам любезно дополнил своими воспоминаниями эти сообщения.
18. См.: Документы кабинета министров, 66.54, 7.
19. См.: Архив военного министерства Великобритании, 32/11137, 115.
20. Там же, 109 А.
21. Там же, 111 А.
22. См. там же, 110, 111, 113 А.
23. См. там же, 114, 116–117.
24. См.: John R. Deane. *The Strange Alliance*. London, 1947, p. 183; Документы кабинета министров, 66/60, 203.
25. См.: John R. Deane, указ. соч., стр. 183–184.
26. Архив военного министерства Великобритании, 32/11137, 136 А.
27. Там же, 137 А.
28. Там же, 138–140.
29. См. там же, 149 А, 152–153, 160 А, 163 А, 165 А, 174 А.
30. Там же, 170 А.
31. См. там же, 181 А.
32. См. там же, 187 А.
33. Там же, 183 А.
34. См. там же, 189 А.
35. См.: The Earl of Avon. *The Eden Memoires: The Reckoning*. London, 1965 [в дальнейшем: *The Reckoning*], pp. 479–481.
36. Архив военного кабинета Великобритании, 32/11137, 192 А, 193 А, 194 А, 195, 196, 198 А.
37. ПРЕМ [Документы канцелярии премьер-министра], 3.364/8, 276–277. См. также: Архив военного министерства Великобритании, 32/11137, 198 А.
38. См.: W.S. Churchill. *The Second World War*. London, 1954, VI, pp. 186–203; Sir Llewellyn Woodward. *British Foreign Policy in the Second World War*. London, 1962, pp. 307–308.

39. The Earl of Avon. The Eden Memoirs: Facing the Dictators. London, 1962, p. 153. Иден посетил Москву в разгар "кировского потока".
40. ПРЕМ, 3. 364/8, 269. См. также: The Reckoning, pp. 483 –485.
41. ПРЕМ, 3. 364/8, 270.
42. Архив военного министерства Великобритании, 32/11137, 225 А. Эттли, как заместитель премьер-министра, был информирован об этом 13 октября (см. там же, 268). См. также: Архив военного министерства Великобритании, 32/11137, 226 А.
43. См.: ПРЕМ, 3. 364/8 266 –7; Эттли, как заместитель премьер-министра, был проинформирован об этом 13 октября (268); Архив военного министерства Великобритании, 32/11137, 226 А.
44. Там же, 203 С.
45. Там же, 204.
46. См.: ПРЕМ, 3. 434/4, 34 –35, 63; а также 434/7, 47; Архив военного министерства Великобритании, 32/11137, 203 В.
47. См. там же, 219 А, 220 А.
48. ПРЕМ, 3. 434/2 (17 октября).
49. См.: Архив военного министерства Великобритании, 32/11137, 222 А.

Глава 4

АНГЛО - АМЕРИКАНСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ В ЯЛТЕ

6 марта 1931 года Уинстон Черчилль, тогда еще только вступающий на политическое поприще, призвал почтенное собрание в Ройял-Альберт-Холле "протестовать против жестокостей в советских лагерях и требовать запрета на ввоз в Англию изделий из СССР, изготовленных заключенными". Его речь была опубликована на следующий день в "Таймс". Рассказав об ужасах лесоповала в советских лагерях, он добавил:

Царящие здесь условия сравнимы лишь с рабством. Советское правительство всей своей мощью обрушивается на политических оппонентов, тысячами ссылая их в эти страшные места заключения... Если сегодня мы обнаружили, что наше правительство прощает эти гнусности в России, поглаживая по спине зверя, выпустившего когти (оживление в зале), — если сегодня мы обнаружили такую ситуацию и одновременно с этим увидели некоторый застой в нашей жизни, то это потому, что мы на какой-то момент — признаем это честно — поддались слабости и смятению... Голосуя за предложенную резолюцию, присутствующие выразят свой решительный протест против системы наказания и принудительного труда в России, которой, по словам Гладстона, "вряд ли сыщется ровня в темном, грустном перечне человеческих преступлений".¹

С тех пор прошло четырнадцать лет. Сталинские чистки и экономическая политика довели население исправительно-трудовых лагерей до 15-20 миллионов.² (Когда Черчилль выступал в Альберт-Холле, эта

цифра не превышала двух миллионов). Условия в лагерях ухудшились, и огромный контингент рабской силы, управляемый властями ГУЛага, стал одним из главных – а может, и главнейшим – фактором советской экономики.

История иногда не прочь подшутить: Черчиллю едва не пришлось ехать на конференцию в Крым вместе с транспортом будущих рабов. В письме к премьер-министру от 1 января 1945 года генерал сэр Хастингс Исмей писал:

Маршал Сталин настаивает на репатриации советских граждан, взятых нами в плен на Западном фронте, и есть предложение отправить тысячу-другую на "Франконию", если вы разрешите. Я уверен, что их можно полностью отделить от нашей группы, обеспечив им нормальные санитарные условия. Разумеется, их выгрузят немедленно по прибытии, так что вам они никак не помешают.³

Однако это предложение не было принято, и для перевозки русских военнопленных пришлось искать другие средства.

На конференции "Толстой" в Москве остались нерешенными многие вопросы: содержание освобожденных русских, поддержание дисциплины в их рядах, их легальный статус в Англии, не говоря о практической проблеме возвращения тысяч пленных, уже собранных воедино в лагерях Западной Европы и Северной Африки. Что же касается англо-американских военнопленных, находившихся в Восточной Европе, то Англия и США намеревались добиться возможности послать офицеров связи за линию фронта Красной армии, чтобы они установили контакт со своими соотечественниками, выпущенными из лагерей и скитавшимися на чужбине в полусознательном и полуголодном состоянии. Необходимо было также выяснить, как скоро можно осуществить обмен пленными по суше после встречи русских и американских армий в центре Германии. Все эти вопросы стояли на повестке дня, и Большая тройка в Ялте попыталась наметить пути их разрешения.

Отношение американцев к проблеме репатриации несколько отличалось от позиции англичан. Первое время после высадки американцы вообще не подозревали ни о каких сложностях. И вовсе не потому, что у них оказалось меньше русских пленных, чем у англичан: после первой горстки, взятой в плен в день начала операции "Оверлорд", они попадали к американцам тысячами. Это, как обычно, послужило поводом для яростных атак советской стороны.

Через месяц после высадки государственному секретарю Корделлу Хэллу была вручена жалоба на то, что один из офицеров штаба Эйзенхауэра распространяет в Лондоне заявление, чрезвычайно оскорбительное для русских пленных. После тщательного расследования выяснилось, что такого заявления просто не существует, хотя американские военные корреспонденты действительно отправляли на родину сообщения, сходные по содержанию с тем, которое цитировал советский представитель. Однако по приводимым цитатам трудно было понять, что именно так оскорбило советских чиновников. В сообщении шла речь о страшных лишениях и жестокостях, которые заставили многих русских записаться против воли в немецкую армию. Там говорилось, что многие из них воспользовались первой же возможностью, чтобы дезертировать (иногда застреливая при этом немецких командиров) и уйти к местным партизанам, воевавшим против нацистов. В сообщении прямым текстом было сказано, что попытка нацистов завоевать сердца и умы завербованных в восточные легионы почти полностью провалилась: "Большинство этих солдат сохранило свои моральные принципы и политические убеждения. Они считают себя гражданами СССР".

Что же тут вызвало возражения советских властей? Ответ можно отыскать в заключенной в скобки фразе о том, что примерно о десяти процентах русских, находившихся на службе у немцев, "можно сказать, что они настроены пронемецки", а среди бывших офицеров Красной армии "этот процент несколько выше".⁴ Советский Союз отказывался публично признать, что кто-либо из его подданных может стать в оппозицию к своему правительству. Еще меньше готов он был признать, что русские в этом деле вышли на первое место среди народов, воевавших против нацизма.

Однако поначалу американцы не видели никаких сложностей, связанных с русскими пленными. Большинство их было в немецкой форме, воевало в немецкой армии — поэтому американцы решили обходиться с ними так же, как с прочими немецкими пленными. На практике это означало, что русские оказались разбросаны по самым различным местам, в зависимости от того, к какой из армий, воевавших во Франции, они попали. На севере вела боевые действия 21-я группа армий под командованием Монтгомери; и до сентября 1944 года все русские пленные, захваченные на этом театре, направлялись в лагеря на территории Англии. В центре действовала 12-я группа армий под командованием Омара Бродли: захваченные ею русские содержались в лагерях для военнопленных под американской администрацией в освобожденной части Франции. Наконец, 6-я группа армий генерала

Денвера в южной Франции отправляла пленных в северную Африку, в лагеря под английской администрацией.⁵ Таким образом, американцам пришлось иметь дело непосредственно только с пленными, захваченными войсками Брэдли, и они никак не выделяли русских среди немецких пленных.

Англичане к тому времени уже обсуждали вопрос о репатриации с советским правительством. Но, одновременно с запросом Молотову о его намерениях в отношении пленных, Иден поручил лорду Галифаксу, английскому послу в Вашингтоне, доложить правительству США о ситуации: англичане хотели, чтобы политика союзных правительств в отношении русских военнопленных была общей. Разумеется, все решения относительно окончательной судьбы пленных следовало отложить до получения ответа от Молотова. В проекте телеграммы МИД лорду Галифаксу предлагалось в качестве условия потребовать от Советского Союза, во избежание контракций со стороны немцев, не отдавать военнопленных под суд сразу по их возвращении. Но из самой телеграммы это условие выпало – словно бы в предвидении скорой капитуляции по этому вопросу.⁶

Примерно в это же время пришел запрос из штаб-квартиры ВКЭСС о возможности использовать взятых в плен русских из трудовых батальонов Тодта на строительстве военных объектов союзников за линией фронта.⁷ Американское правительство ответило быстро и весьма решительно. На всех пленных, захваченных в немецкой форме, говорилось в ответе, распространяется Женевская конвенция 1929 года, подписанная Великобританией, США и Германией. В соответствии со статьей 31 конвенции, их нельзя использовать на работах для укрепления военной мощи союзников, возвратит же в СССР следует только тех пленных, которые наверняка снова окажутся в Красной армии. Любое другое решение может быть чревато опасностью немецких репрессий по отношению к военнопленным союзных армий.⁸

В то же самое время правительство США не хуже английского понимало, что любое решение, касающееся русских военнопленных, должно быть в какой-то мере связано с положением американских пленных, которых, по всей вероятности, освободит Красная армия. Статус американских и советских военнопленных был различен, поскольку американцы являлись просто освобожденными военнопленными, тогда как русские были взяты в плен в немецкой форме. К тому же среди русских было много гражданских лиц, и тут возникали сложности иного рода. Но проблемы содержания и возвращения подданных каждой страны были

сходны, и эти вопросы неизбежно рассматривались на международных переговорах во взаимосвязи.

Уже 11 июня 1944 года главы английской и американской военных миссий в Москве обратились к советскому генеральному штабу с запросом о том, какие меры будут приняты по отношению к пленным союзных стран, которые будут освобождены в ходе надвигающегося наступления Красной армии. Позже, 30 августа, посол США Гарриман предложил Молотову меры по взаимному сотрудничеству в этом вопросе, который все больше занимал союзников.⁹ Молотов удосужился ответить только три месяца спустя, и львиная доля его письма состояла из необоснованных упреков.

Тем временем советский посол в США Андрей Громыко обратился к Госдепартаменту с требованием немедленно отослать в СССР — на американских судах — всех русских, взятых в плен американскими войсками. Особенно заботили его русские, которые вместе с немецкими пленными были переправлены через океан и находились сейчас на американской земле. По его требованию, советский представитель получил разрешение навестить семнадцать таких пленных в лагере Патрик Генри, в Виргинии. Первый секретарь посольства Базыкин вернулся из лагеря с рассказами о том, что с пленными плохо обращаются и пичкают их антисоветской пропагандой. Громыко, не откладывая дела в долгий ящик, тут же — 12 сентября — написал жалобу заместителю госсекретаря Стеттиниусу.¹⁰ Вслед за этим нашелся новый повод для жалобы: США, дескать, завербовали нескольких русских пленных в свою армию. Американцы с нескрываемым сарказмом отвергли это обвинение, равно как и предположение, что среди пленных ведется антисоветская пропаганда.¹¹

В дальнейших переговорах с Соединенными Штатами советские представители ни разу не ссылались ни на одно из этих обвинений. Однако требование о немедленном возвращении всех русских пленных нельзя было оставить без ответа. 15 сентября государственный секретарь Корделл Хэлл отправил послу в Москве Авереллу Гарриману телеграмму с полным изложением позиции США в этом вопросе, одновременно предлагая ему выяснить советские пожелания относительно этого дела.

Хэлл начал с констатации факта: "Пока русские пленные находятся под опекой американцев, они пользуются статусом немецких военнопленных и обращение с ними отвечает условиям Женевской конвенции о военнопленных". Он добавил, что те, кто считает себя советскими гражданами, могут по их требованию быть возвращены в СССР. Но никого не следует отправлять назад силой, "чтобы избежать опасности ответных

мер против американских граждан, находящихся в руках у немцев". Об этой позиции американцев советским властям стало известно 13 декабря 1944 года.

В результате визитов советских представителей многие пленные действительно потребовали возвращения на родину, и их желание было выполнено. Теперь требовалось официальное обращение к советскому правительству "с целью убедиться, каково пожелание правительства в отношении лиц, могущих признать себя советскими гражданами". Хэлл предложил Гарриману скоординировать усилия в этом деле с английским послом сэром Арчибалдом Кларком Керром, поскольку английский МИД недавно отправил аналогичный запрос в советское посольство в Лондоне.¹²

Следует, однако, отметить, что между английской и американской позицией имелась существенная разница. Хэлл хотел урегулировать вопрос о репатриации только тех русских, которые считали себя советскими гражданами и соглашались вернуться на родину. Англичане же, напротив, просили посла Гусева известить их о советских пожеланиях относительно всех пленных, имеющих или имевших прежде советское подданство. А кабинет на заседании 4 сентября заранее решил согласиться на репатриацию всех русских пленных, если этого потребует советское правительство. Впрочем, это решение было секретным, и Госдепартамент США пока что о нем не знал.

Совершенно ясно, что Госдепартамент отказался от соблюдения принципов Женевской конвенции с большой неохотой и под крайним политическим нажимом. Английский МИД вел себя совсем иначе. Его позиция сводилась в основном к усилиям пойти навстречу советским пожеланиям еще до того, как они высказывались; так что Соединенным Штатам предстояло впервые столкнуться с точкой зрения своего союзника, отличной от их собственной. Первые сообщения об этом прибыли от политического советника США в Италии Александра К. Кирка. Кирк был поверенным в делах США в американском посольстве в Москве в самый разгар сталинского террора, а потому он мог представить себе трагические последствия, которые повлечет за собой отказ Англии от принципов, бывших до сих пор неотъемлемой частью ее национального достоинства.¹³ Кирк телеграфировал Хэллу из штаб-квартиры союзных сил в Казерте:

Согласно информации, полученной в штаб-квартире союзных сил от английского военного министерства, достигнуто соглашение с советским правительством о репатриации советских

граждан, которые находятся сейчас в качестве военнопленных на Ближнем Востоке — или которые будут взяты в плен в будущем. Репатриация не связывается с их желанием вернуться в Россию. В дальнейшем от советских граждан не будет требоваться подтверждение их готовности вернуться на родину. На Ближнем Востоке получены инструкции из Лондона применять это соглашение и как можно скорее обеспечить перевозку этих лиц в Тегеран. Макмиллан [в то время постоянный министр в штаб-квартире союзных сил в Казерте], вероятно, получит инструкции на этот счет от МИД.

На следующий день Кирк послал еще одну телеграмму:

Полагаю, что Департамент сочтет полезным убедиться в характере методов по принуждению русских военнопленных к возвращению в СССР, хотя в силу предыдущих соглашений им предоставлялась возможность сохранить статус военнопленных. К тому же, насколько я понимаю, некоторые были захвачены нашими войсками и переданы англичанам по соглашению, в котором оговаривалось это условие.

Последний намек относился к русским, сдавшимся 6-ой группе армий США в южной Франции и из соображений удобства отвезенным в лагеря в Египте, из-под американского под английский контроль. Их число превышало 4 тысячи. Недавние изменения английской политики могли привести к тому, что англичане вернули бы захваченных американцами русских в СССР, и в этом были бы невольно повинны американцы, позволившие себе нарушить Женевскую конвенцию. К тому же эта ситуация была чревата и опасностью немецких репрессий по отношению к американским военнослужащим в немецком плену.

Макмиллан известил МИД о позиции Кирка и опасениях американцев. Патрик Дин ответил на это, что репатриация русских вовсе не означает нарушения конвенции, а полковник Филлимор из военного министерства заявил следующее: "Если власти США с этим не согласны, пускай забирают их назад".¹⁴

Во всяком случае, щепетильность американцев не оказала никакого влияния на действия англичан. До сих пор репатриации пленных в СССР мешала нехватка транспортных средств, но на Ближний Восток уже пришли инструкции с требованием вернуть находившихся там пленных, "независимо от того, хотят ли они возвращаться в Россию

или нет". Командующий английскими войсками в Персии и Ираке запросил, как следует относиться к репатрируемым русским – "как к представителям союзной армии, находящимся в пути, или как к военнопленным, к которым применимы соответствующие ограничения". Генерал Гепп, заведующий отделом военнопленных, ответил: "Мы не возражаем против того, чтобы к русским относились как к представителям союзных армий, при условии, что они не сбегут по дороге". Это парадоксальное заявление представляется идеальным примером английского компромисса. Не менее остроумным способом справились англичане и с ситуацией, которая могла бы возникнуть в случае отказа командующего на Ближнем Востоке приказать английским войскам стрелять в убегающих пленных: на сей предмет были приглашены советские охранники, не отягощенные подобными предрассудками.¹⁵

Американские чиновники были явно заинтригованы новой политикой англичан. В ответе на телеграмму Корделла Хэлла от 15 сентября посол США в СССР Гарриман констатировал, что английское посольство пока не может предоставить точной информации относительно этой политики. Кларку Керру удалось увидеть только копию телеграммы ближневосточным властям, которую уже прокомментировал Кирк из штаб-квартиры в Казерте. Из этой телеграммы следовало, что англичане рассматривают возможность насильственной репатриации. Гарриман заключил, что Соединенным Штатам тоже придется решать вопрос о применении силы. При этом надо было серьезно подумать об опасности репрессий по отношению к американским военнослужащим, находящимся в немецком плену.

Англичане еще не сообщили Соединенным Штатам о решении кабинета от 4 сентября. 26 сентября сотрудник посольства Англии в Вашингтоне Пол Гор-Бут, позднее постоянный заместитель секретаря МИД, информировал американские власти, что его правительство еще не пришло к окончательному решению о применении силы к русским военнопленным. Разумеется, это ни в коей мере не соответствовало истине, но нам до сих пор неизвестно, почему МИД вводил американцев в заблуждение.¹⁶ Посол Англии в Вашингтоне лорд Галифакс писал в МИД, что американцам не терпится получить полную информацию относительно намерений англичан. Рассказывая о жалобах Громыко, которые отвергли Хэлл и Стеттиниус, он замечает:

Госдепартамент теряется в догадках относительно причин столь внезапного нажима. Правда, здесь имели место локальные конфликты, в какой-то мере связанные с данным вопросом.

Иммиграционные власти в Сизтле недавно отказались содействовать возвращению моряков, сбежавших с советского судна.

Далее лорд Галифакс писал:

Между тем американские власти проводят допросы пленных русского происхождения. В группе из семнадцати человек восемь заявили, что не желают возвращаться в Советский Союз... Понимая, что за всем этим могут стоять более серьезные проблемы, американцы хотели бы знать ваше мнение по этому вопросу.¹⁷

Можно с большой долей уверенности предположить, что именно вызывало гнев советских представителей. Ведь англичане еще не заявили о своем полном согласии с советскими требованиями, а американцы начинали выказывать признаки нежелания сотрудничать именно в этом главном для советских интересов вопросе — возвращении всех без исключения беглых. Советская тактика в таких случаях неизменно сводилась к потоку категоричных обвинений, где на долю реальных фактов выпадала самая ничтожная роль. Эти обвинения, вручаемые одновременно соответствующим инстанциям в Лондоне и Вашингтоне, будоражили МИД и ставили в тупик Госдепартамент.

Кирк передал из Италии записку МИД Макмиллану, в которой Патрик Дин высказывал мнение, что поскольку конвенция не распространяется на русских пленных, применение силы к ним представляется вполне законным. Однако в пространном официальном английском меморандуме от 11 октября, где перечислялись детали предлагаемого "Акта о союзных вооруженных силах" (который, по расчетам англичан, должен был отвечать советским пожеланиям), этот важнейший вопрос о применении силы вообще не затрагивался.¹⁸ Меморандум был вручен советским властям в тот самый день, когда охваченный эйфорией Иден на обеде в английском посольстве в Москве уступил Сталину все, что только мог.

Американские власти, смущенные явными противоречиями и ограничениями английской политики и возмущенные обвинениями и давлением советской стороны, по-прежнему считали, что все пленные, захваченные в немецкой форме и объявившие себя немецкими гражданами, должны считаться таковыми. Об этом они сообщили 19 октября сотруднику советского посольства в Вашингтоне Александру Капустину.¹⁹ Следовательно, всякий русский, не желавший возвращаться в СССР и понимавший свои права в соответствии с международным законодательством, мог

рассчитывать на то, что американские власти будут рассматривать его как немецкого пленного. За этот шанс спасти свою жизнь ухватились немногие — к тому же к американцам в плен попала лишь незначительная часть русских пленных. Большинство их было запугано и совершенно дезориентировано, они привыкли к побоям, жестокому обращению, непонятым приказам. В массе своей это были люди малообразованные, встречались и вовсе неграмотные. Даже офицеры, скорее всего, не понимали прав, предоставляемых им Женевской конвенцией. Да и как могло быть иначе: ведь они выросли в стране, которая отказалась не только от Женевской конвенции, но и от законопорядка вообще.

Большая часть русских, находившихся в американских лагерях, была подготовлена к возвращению в СССР. Лагерь посетил советский военный атташе полковник Сараев. Как и в Англии, здесь были пущены в ход посулы, ложь и угрозы. Весьма неприятный инцидент имел место в лагере в Индиатаун Гэп, в Пенсильвании: один из пленных приветствовал Сараева нацистским салютом.²⁰ Большинство, впрочем, считало, что в конце концов их все равно заставят вернуться на родину, а коли так — то разумнее с самого начала выказать добрую волю. Некоторые, догадываясь, что ожидает их по возвращении, заявили о своем отказе возвращаться в СССР, но поскольку они уже назвались советскими гражданами, американские власти не могли понять, как быть с этой промежуточной категорией пленных. Их нельзя было рассматривать как немецких военнопленных, поэтому от репатриации их могли спасти лишь два фактора. Во-первых, Госдепартамент мог предоставить им, в соответствии с американской традицией, убежище как политическим беженцам. Во-вторых, США все еще опасались германских репрессий в отношении американских военнопленных, находящихся в плену у немцев. С другой стороны, трудно было отвергнуть советские претензии на людей, которые сами заявили о своем советском гражданстве.

Американские власти долго не могли прийти к окончательному решению. 17 октября Бернард Гафлер, сотрудник Госдепартамента, занимавшийся проблемами военнопленных, запросил, действительно ли США рассматривают возможность введения "новой политики", в результате чего "советским властям будут переданы люди, которых до сих пор отказывались вернуть, поскольку они не желали возвращаться в СССР".²¹ Гафлеру явно не нравилась эта перспектива, и он был против такой политики, но давление на американские власти возрастало с каждым днем.

Через несколько дней Эйзенхауэр из штаб-квартиры ВКЭСС отправил письмо Объединенному комитету начальников штабов. Он писал

о ненормальном положении русских военнопленных, взятых в плен 12-й группой армий под командованием Бадли, находившихся под опекой США и, следовательно, подлежащих скорее американской, чем английской юрисдикции. Эйзенхауэр настаивал, чтобы Соединенные Штаты вели политику, которая отвечает пожеланиям только что прибывшей в ВКЭСС советской миссии.²² Это требование поддержал английский МИД, опасавшийся, что в случае отказа на него "обрушится новый шквал жалоб, ответить на которые будет очень трудно".²³ Объединенный комитет начальников штабов подготовил проект ответа, одобряющий требования Эйзенхауэра,²⁴ но Госдепартамент не спешил соглашаться на проведение в жизнь этого решения.

Нетерпение Эйзенхауэра можно понять: ему трудно было объяснить советской комиссии, почему среди русских, взятых в плен американцами, одних репатрируют без всяких проволочек, а других месяцами держат в лагере. 23 сентября советский посол Громыко в письме государственному секретарю Хэллу потребовал скорейшего возвращения всех советских граждан, находившихся под американской опекой.²⁵ Объединенный комитет ознакомился с письмом, и 2 ноября адмирал Леги, начальник штаба президента Рузвельта, передал государственному секретарю проект ответа. Леги считал, что поскольку англичанами в отношении военнопленных уже проводится определенная политика, с военной точки зрения было бы нежелательно договариваться с правительством СССР об особом американском подходе к этому вопросу. Проект был принят и более или менее дословно повторен в письме, врученном шесть дней спустя исполняющим обязанности государственного секретаря Стеттиниусом советскому послу Громыко. В письме говорилось:

Правительство США примет все необходимые меры, чтобы отделить всех пленных, заявивших о советском гражданстве, и собрать их в специально установленном месте, где представители советского посольства смогут иметь к ним доступ для проведения допросов.

Всякое лицо, чьи утверждения о советском гражданстве будут проверены американскими военными властями при сотрудничестве вашего посольства и чье возвращение под советский контроль будет затребовано вами, будет передано вашим властям.²⁶

Итак, через два месяца после того, как Англия определила свою политику в отношении русских военнопленных, Соединенные Штаты тоже выразили намерение репатриировать — если понадобится, то и насильно —

русских пленных, находившихся под их опекой. Официально объявить о решении мог только Госдепартамент, но приняли его первоначально военные власти, руководствуясь теми же соображениями, которые побудили английское правительство и Госдепартамент с этим решением согласиться. Джордж Кеннан, работавший в ту пору в американском посольстве в Москве, объяснял недавно автору этой книги:

Я был тогда в Москве. Мы все понимали, что репатриацией и наказанием репатрируемых занимается НКВД, и не питали никаких иллюзий насчет их дальнейшей судьбы по возвращении в СССР. Действия западных правительств внушали мне ужас и чувство стыда. Но я не могу припомнить, чтобы кто-нибудь хоть однажды посоветовался об этой политике с нами, специалистами, бывшими в Москве, или чтобы нам официально сообщили о том, что делается. В Соединенных Штатах военные власти во время войны чувствовали свое превосходство и крайне редко обращались за консультацией к дипломатам, находившимся на месте событий, не говоря уже о мелких сошках, вроде меня.²⁷

Суждение профессора Кеннана представляется верным. Военные власти, естественно, хотели как можно скорее заполучить назад американских пленнх, освобождаемых Красной армией, и старались исключить при этом все возможные препятствия, мешавшие их сотрудничеству с советским генеральным штабом. Кроме того, 6-я американская армия находилась теперь под командованием ВКЭСС, а это означало, что взятых ею русских пленнх больше нельзя отправлять в СССР через Ближний Восток под эгидой английских военных властей. До сих пор американцам удавалось решать эту проблему, попросту игнорируя ее, теперь это стало невозможно.²⁸

Не исключено, что письмо Стеттиниуса от 8 ноября, информирующее Громько о готовности США применить силу при репатриации советских граждан, послужило стимулом для возобновления кампании в советской прессе по скорейшему возвращению сынов отчизны, исстрадавшихся в разлуке с родиной.²⁹

Примерно тогда же Сталин решил, что США уже достаточно уступили СССР и пришла пора ответить на письмо посла Гарримана трехмесячной давности, в котором впервые выдвигалось предложение о сотрудничестве в деле взаимной репатриации освобожденных военнопленнх. 25 ноября посол наконец получил ответ, подписанный Молотовым. Отдав дань

непременным жалобам, нарком соглашался, что такое сотрудничество необходимо и приемлемо для советского правительства. Далее Молотов подчеркивал, что речь идет о репатриации всех без исключения советских граждан, независимо от их пожеланий или обстоятельств, в которых они находятся. Он также требовал, чтобы советские граждане рассматривались не как военнопленные, а как "свободные граждане союзной державы". Это требование, вероятно, было вызвано сообщением советского посольства в Вашингтоне о том, что некоторые русские с успехом используют в своих интересах права немецких военнопленных.³⁰ Признать это открыто было невозможно, и советские власти решили возмутиться тем, что русские находились в одном лагере с немцами, "нашими общими врагами"!³¹

Хотя Госдепартамент принял рекомендацию Объединенного комитета начальников штабов, это нимало не охладило энтузиазма английского МИД в проведении политики насильственной репатриации. 10 декабря, через месяц после того, как Громыко было отправлено письмо с этим решением, Стеттиниус получил запрос из Италии от Александра Кирка, который интересовался, действительно ли американцы согласились на применение силы при репатриации. Ответ из Вашингтона пришел через 10 дней.

Правительство Соединенных Штатов решило придерживаться следующей политики: все пленные, заявившие о своем советском гражданстве, будут выданы советскому правительству независимо от их желания.³²

Таким образом, судьба тех, кто "заявил о своем советском гражданстве", была решена. Но те, у кого хватило сообразительности назваться немецкими военнопленными, подпадающими под Женевскую конвенцию, не подлежали выдаче в СССР.

К этому времени американские военные власти перевезли советских граждан из лагерей, в которых они содержались, в Кемп Руперт, в Айдахо.³³ 28 и 29 декабря 1 100 русских вывезли из Руперта в порт на западном побережье США. В официальных американских документах об этой группе пленных было написано следующее:

Вчера в Руперте, прямо перед отправкой группы, советский полковник сказал представителям военных властей, что из Вашингтона пришло сообщение об отмене транспорта. Час спустя он заявил, что получил новые инструкции из Вашингтона

и перевозка состоится. Из 1 100 человек, отправленных на судно, около семидесяти не хотело ехать. Однако эти семьдесят уже заявили о том, что они советские граждане. Трое из них пытались покончить с собой: один пробовал повеситься, второй — заколоться, третий бился головой о балку в бараке. В конце концов все трое были отправлены в порт.³⁴

Несмотря на явные колебания Госдепартамента, выразившиеся в отсрочке выхода судна, русские пленные в тот же день отплыли во Владивосток. К 1 февраля, по сообщению военных властей США, "примерно 2 600 человек из тех, кто заявил о своем советском гражданстве, были отправлены на советских судах в сибирские порты".³⁵ О том, что случилось с ними после прибытия на родину, мы знаем из рассказа заключенного, встретившегося с бывшими военнопленными в лагерях на Воркуте.

Русские пересекли Тихий океан и прибыли во Владивосток. Здесь их сначала отправили в тюрьму, но на фронте не хватало людей, и они снова оказались в Красной армии, которая в это время уже шла с боями по Польше. Они участвовали во взятии Берлина, а уже после этого их судили и дали по 25 лет за измену родине.³⁶

Суда с русскими пленными бороздили океаны в разных концах мира. 29 декабря первое такое судно вышло в Тихий океан. За два месяца до того первые группы из Англии были отправлены в Мурманск; а по Средиземному морю и пустыням Ирака и Персии уже целый год двигались конвои, переправлявшие русских на родину. Всех их ждала одинаковая участь, а пока что лучше всего жилось тем, кто оказался на Ближнем Востоке. Английские военные власти прилагали массу усилий к развлечению своих подопечных, и те из них, кто выжил после допросов и суда и оказался в Магадане или на Воркуте, наверное, не раз вспоминали прохладительные напитки у бассейна в Багдаде и английский оркестр, игравший под пальмами перед ужином. Среди репатрируемых было много крымских татар и других мусульман, "которые молились во всех мечетях. Они особенно ценили возможность вновь почувствовать себя мусульманами: по их рассказам, мечети у них на родине были разрушены".³⁷

Воспоминания об этой экзотической интерлюдии между заключением в немецком лагере и рабством в советском живо запечатлелись и в памяти тех, кто охранял русских военнопленных. В начале декабря 1944 года

офицер Королевских инженерных войск Дж.Г.Франкау плыл из Таранто в Хайфу на старом военном судне "Франкония" (через два месяца Черчилль с английской делегацией отправится на нем на Ялтинскую конференцию). На борту находился "новозеландский батальон, состоявший целиком — от командира до рядовых — из маори, и несколько сотен освобожденных русских военнопленных". Здесь же оказался и польский офицер, который, разговорившись с русскими, сказал Франкау:

Они уже целиком и полностью во власти своих комиссаров. Они говорят, что по возвращении не будут наказаны за то, что сдались в плен. Многие из них побывали в Швейцарии... Когда их спросили, что они думают о Швейцарии, они, если не ошибаюсь, ответили: "Неплохая страна, но, конечно, уровень жизни не такой высокий, как в СССР".

Франкау продолжает:

Наверное, у русских с маори возникали взаимные трудности в общении. Однако солдат это вроде как не смущало, потому что едва мы вышли в спокойное, залитое луной море, на верхней палубе раздалось пение. Сначала маори спели какую-то свою песню... Русские ответили своей... Англичане тоже решили было исполнить что-нибудь; однако вскоре мы отказались от этих попыток, понимая, что только портим дело. Лунный свет, странное, притягательное пение без слов и глубокое чувство товарищества — все это так подействовало на нас, что буквально все в ту ночь отправились спать со слезами на глазах. К тому же, для нас война в Европе благополучно закончилась.³⁸

Но вернемся к дискуссиям в Лондоне, Вашингтоне и Москве. Красная армия вошла в Польшу и на Балканы, и США все больше волновал тот самый вопрос, который оказал столь серьезное воздействие на решения Идена. Начиная с июня, генерал Дж. Дин из военной миссии США в Москве постоянно обращался к советскому правительству с просьбой о заключении соглашений относительно освобожденных американских военнопленных и организации их возвращения на родину. Несмотря на неоднократные попытки обращения к Молотову, ответ последовал только в конце ноября, и в нем выражалось лишь общее согласие с принципом сотрудничества и ничего не говорилось о практических мерах, предложенных Дж. Дином и послом Гарриманом.

Между тем в США уже были доставлены на американских самолетах первые американские пленные из Восточной Европы — около тысячи человек. Их отправили в начале сентября из Румынии благодаря помощи румынского правительства, которое еще не подпало полностью под советский контроль. Король Михай лично санкционировал это мероприятие, в котором, правда, на местах приняло участие советское военное командование. И государственный секретарь Хэлл тактично поблагодарил советское правительство за помощь.³⁹ Но это был исключительный случай, и беспокойство представителей США, ведущих переговоры, возрастало по мере приближения войск Г.К. Жукова к первому лагерю, где, как было известно, содержались американцы. 5 декабря посольство США в Москве вновь подняло этот вопрос — и снова безуспешно. Прождав больше трех недель, Гарриман написал очередное послание, и на этот раз, ко всеобщему удивлению, ответ пришел в тот же день. В письме Вышинского сообщалось, что для переговоров с Дж. Дином о взаимной репатриации граждан их стран назначены два советских генерала.

Впервые Дж. Дин встретился со своими советскими коллегами через месяц, или, как он уточняет, "более чем через шесть месяцев после моего первого обращения по этому вопросу в генеральный штаб".⁴⁰ На этой встрече, состоявшейся 19 января 1945 года, Дж. Дину был представлен проект советского соглашения; на следующий день такой же проект получило английское посольство. В нем говорилось, что освобожденных "граждан" необходимо собирать вместе в определенных местах, обеспечивать уход за ними и немедленно извещать правительства заинтересованных стран относительно освобождения и местопребывания их подданных. Предусматривались также допуск представителей по репатриации "в концентрационные лагеря и другие пункты содержания этих пленных" и "по возможности скорейшая репатриация этих лиц".

На первый взгляд, соглашение казалось представителям обоих западных союзников вполне разумным, требовалось лишь несколько незначительных поправок. По словам Дина, "это было хорошее соглашение, но оказалось, что для Советов это всего лишь листок бумаги". Это, впрочем, выяснится лишь позже, а пока союзники сочли возможным принять соглашение целиком. Имелось лишь одно серьезное возражение, о котором Дж. Дин телеграфировал в штаб-квартиру ВКЭСС. Речь шла о главном вопросе — кого следует считать советским гражданином. Дж. Дин указывал на

возможность репрессий со стороны врага, если мы позволим советским властям объявить немецких военнопленных

советскими гражданами и будем способствовать их скорейшему возвращению в СССР, где их, возможно, ожидает наказание.

По мнению Дж. Дина, самое разумное — предоставить советским властям самим разбираться, кто является советским гражданином. Дж. Дин предложил, чтобы

в переговорах приняли участие и англичане, поскольку они столкнулись с теми же проблемами. Советские представители согласились рассмотреть это предложение, но, вероятно, оно им не очень понравилось. По-видимому, они предпочитали вести с англичанами отдельные переговоры.⁴¹

Англичан во всем этом заботило лишь одно: как можно скорее добиться соглашения, чтобы иметь возможность установить правила по охране и возвращению на родину военнопленных из Англии и стран Британского содружества. Переговоры, очевидно, зашли в тупик, поскольку не был достаточно четко определен статус 12 тысяч русских военнопленных, которые все еще находились в Англии. По мнению английских властей, советские представители

ясно дали понять, что они рассматривают все это дело как представляющее взаимный интерес и не намерены двигаться дальше, пока не будет удовлетворительно решен вопрос о статусе их граждан в Великобритании.

Соответственно, МИД надеялся заключить двустороннее соглашение, чтобы найти удовлетворительное решение этого вопроса. Союзники полагали, что случай обсудить и решить эту сложную проблему представится на будущей встрече руководителей союзных держав в Ялте, известной под кодовым наименованием "Аргонавт".⁴² Ведь на встрече будут присутствовать Черчилль, Рузвельт и Сталин, а в делегацию можно включить военных и дипломатов, специалистов по проблеме военнопленных, которые обсудят этот вопрос с американской и советской стороной.

Англичан очень беспокоил пункт, по которому "такое соглашение должно распространяться на советских граждан и британских подданных, интернированных и насильно депортированных немцами". По словам представителя английского посольства в Москве,

при том, что число насильственно депортированных советских граждан, в отличие от военнопленных, составляет много тысяч, английских подданных в этой категории всего несколько или нет вовсе.

В Англии это недоразумение удивило многих, однако "МИД посчитал, что это условие следует принять для обеспечения соглашения о военнопленных".⁴³

29 января Иден представил Военному кабинету доклад по этому вопросу. Он настаивал на принятии советских условий и на скорейшем заключении соглашения, "самое лучшее, на предстоящей конференции". Через два дня Военный кабинет собрался на очередное совещание, чтобы рассмотреть и принять эту рекомендацию. Ни Иден, ни Черчилль на этом заседании не присутствовали: они уже прибыли на Мальту, которая была первым этапом на пути в Ялту.⁴⁴

Позиция англичан окончательно прояснилась. Хотя советские власти предпочитали сепаратные переговоры, "в связи с интегральным характером англо-американских войск в Западной и Южной Европе" Англия хотела предварительно достичь соглашения с Соединенными Штатами и проводить совместную линию. Не менее важно было, чтобы "Объединенный комитет начальников штабов согласился считать это соглашение действующим".⁴⁵

Трудность состояла в том, что американцам проблема не казалась столь однозначной. Помимо всего прочего, несколько крупных чиновников Госдепартамента были очень недовольны, что им приходится одобрять участие своей страны в деле, которое выглядело бесчестным и бесчеловечным. Такое же положение сложилось в свое время и в английском кабинете, но возражения лорда Селборна и сэра Джеймса Григга были отброшены за много месяцев до того времени, о котором мы рассказываем, и премьер-министра больше не терзали муки совести. Кабинет дал руководящие указания, и МИД оставалось только провести их в жизнь. Ни одного голоса протеста не раздалось в министерстве, и, насколько нам известно, никто из сотрудников МИД не выразил никаких сожалений или неодобрения по поводу решения кабинета — ни в тот момент, ни годы спустя.

В Госдепартаменте дело обстояло иначе. Эдуард Р. Стеттиниус, 21 ноября 1944 года сменивший Корделла Хэлла на посту государственного секретаря, разбирался в природе советского коммунизма не лучше своего президента, но, в отличие от Рузвельта, был "скромным и простодушным человеком, обладавшим точным нравственным чутьем. Он не был ни

интриганом, ни политиком, ни борцом”.⁴⁶ 3 января, в телеграмме послу Гарриману, Стеттиниус подчеркивал, что репатриацию освобожденных американских пленных не следует связывать с возвращением на родину советских граждан, находящихся среди немецких военнопленных. Он объяснял, что “возникли трудности с теми, кто заявил о советском гражданстве”, и отмечал, что имеется “незначительное число лиц со славянскими фамилиями, которые заявляют, что они не советские граждане”.⁴⁷

Такую позицию занимал Стеттиниус в начале января 1945. 25 января он выехал на Ялтинскую конференцию. Прибыв на следующий день в Марокко, он провел там трое суток за обсуждением вопросов, которые предстояло решать на конференции. По рассказу самого Стеттиниуса, “из Вашингтона, от заместителя государственного секретаря Джозефа К. Грю, прибыло множество телеграмм”, и среди них наверняка была копия телеграммы, которую Грю отправил 27 января послу ВКЭСС в Лондоне Мёрфи. Грю выражал свою озабоченность тем, что представленный англичанами проект соглашения, копия которого имеется в Госдепартаменте, “существенно расходится” с предложениями американских экспертов, и просил Мёрфи проследить за тем, чтобы американские эксперты при ВКЭСС ждали дальнейших инструкций в связи с этими предложениями.⁴⁸

Тем временем англичане на Мальте узнали, что советская сторона пошлет на Ялтинскую конференцию специалиста для обсуждения проблемы репатриации. Поэтому американцам и англичанам следовало прежде всего скоординировать свои позиции, во многом различные.⁴⁹ Англичане уже давно во всем уступили советским властям и готовы были выполнить все их пожелания; американцы же, очевидно, намеревались руководствоваться Женевской конвенцией и своими собственными представлениями о правосудии и человечности.

Грю передал американской делегации контрпредложения Соединенных Штатов. В них имелись значительные отклонения от проекта англо-советского соглашения, принятого Военным кабинетом 31 января. В про странной преамбуле определялись понятия “освобожденный пленный или гражданин, подлежащий репатриации”:

лица... которые будут освобождены... и которые сами заявят о том, что являются гражданами США или СССР... в дальнейшем будут обозначаться как “заявившие соответственно об американском или советском гражданстве”.

В параграфе № 8 говорилось:

Стороны согласились также, что договор не распространяется на граждан противной стороны, которые взяты в плен как члены вражеских сил или как сопровождавшие эти вражеские силы и которые претендуют на применение к ним любой пригодной в таких случаях международной конвенции или соглашения, которым связана опекающая его сторона.⁵⁰

В этих словах заключалась гарантия того, что Женевская конвенция распространяется на всех пленных, заявивших о том, что они находятся под ее защитой.

С точки зрения заместителя государственного секретаря это была единственная линия поведения, отвечающая обязательствам Америки в области международного права. Более того, любая другая интерпретация могла бы привести к серьезным осложнениям для американских пленных. Во-первых, немцы могли отомстить американцам, которые находятся у них в плену, за дурное обращение с "немецкими" пленными, захваченными американскими войсками. Во-вторых, если военная форма не является главным определяющим признаком гражданства, то отсюда следует, что военная форма не может защитить и американских военнослужащих немецкого, итальянского или японского происхождения.

1 февраля Грю перечислил эти соображения в ноте советскому поверенному в делах Николаю Новикову. Новиков требовал вернуть советским властям тех русских в лагере Руперт, которые заявили о том, что они немецкие граждане, и благодаря этому избежали репатриации. Грю ответил решительным отказом.⁵¹

Перед тем, как вылететь в Крым, английская и американская стороны провели совещание на Мальте (кодовое наименование — "Крикет"), чтобы выяснить, насколько возможно уладить предварительные вопросы, которые скорее всего будут обсуждаться на конференции. 1 февраля Иден и Стеттиниус встретились на борту военного корабля "Сириус". Они беседовали о самых разных делах, в том числе и о соглашении относительно военнопленных. Стеттиниус позднее назвал беседу "краткой и неубедительной", но за ней последовали дискуссии между английскими и американскими специалистами. Как раз в этот момент подоспело известие об освобождении первой группы американских военнослужащих в Польше,⁵² и точка зрения англичан, судя по всему, стала оказывать все большее влияние на чиновников США. Наконец, Иден сообщил МИД:

Американцы сейчас, по-видимому, готовы одобрить временный проект текста, подготовленный до моего отъезда из Лондона, и не обращать излишнего внимания на комментарии Госдепартамента... суждения которого, по нашему общему мнению, кажутся весьма устарелыми в свете сегодняшнего дня, когда наступающая Красная армия освобождает один лагерь за другим.⁵³

Полковник Филлимор сообщил в военное министерство, что Чарльз Болен полностью согласен с английским проектом

и не слишком прислушивается к возражениям Вашингтона... Я думаю, Болен убежден, что, если мы хотим быстро достичь соглашения, нам следует настаивать на главных пунктах... и мы так и сделаем.⁵⁴

Большой тройке предстояло обсуждать более важные проблемы, чем соглашение о военнопленных, но уже 4 и 5 февраля Иден просил Черчилля лично поднять этот вопрос в разговоре со Сталиным.⁵⁵ Тем временем Стеттиниус и его советники поспешили принять точку зрения Идена. В посланиях Эйзенхауэра подчеркивалась необходимость достигнуть решения относительно 21 тысячи русских, находившихся под опекой США.

Наш опыт показывает, что около пяти процентов захваченных немецких военнопленных оказались русскими гражданами. Примерно пять процентов этих русских нуждаются в госпитальном лечении. Следовательно, по мере продолжения военных действий число русских будет все увеличиваться. Единственное возможное решение этой проблемы со всех точек зрения — это скорейшая репатриация этих русских,⁵⁶

писал Иден Стеттиниусу, торопя американцев принять английский проект. В тот же самый день адмирал американского флота Лэнд заверил государственного секретаря в возможности найти корабли для этой цели.⁵⁷ Иден также написал Молотову и выразил принципиальное согласие с советским проектом и свое пожелание, чтобы соглашение было ратифицировано до начала конференции.⁵⁸

Теперь Стеттиниус и его советники целиком и полностью приняли точку зрения английского МИД. От Грю пришла взволнованная телеграмма — текст ее звучал как лебединая песня тех, кто надеялся, что американцы все же окажутся упорнее. Узнав, что английский текст соглашения

вот-вот будет принят, Грю просил Стеттиниуса позаботиться о нескольких крайне важных пунктах:

Женевская конвенция должна применяться к советским гражданам, взятым в плен в немецкой военной форме и заявившим о своих правах в связи с конвенцией, .. к советским гражданам, находящимся в США и не являющимся военнопленными, дела которых, по мнению главного прокурора, должны решаться на основе традиционной американской политики предоставления убежища, а также к лицам, которых советские власти считают своими гражданами, но которые не были ими до начала войны и не признают себя таковыми.

Но Стеттиниус не счел нужным включать эти пункты в окончательный текст соглашения. 9 февраля он писал:

Общее мнение здесь таково, что неразумно включать условия о Женевской конвенции и советских гражданах в США в соглашение, которое в основном рассматривает вопросы обмена военнопленными, освобождаемыми союзными армиями по мере их продвижения в Германию. Что касается лиц, "заявляющих о своем гражданстве", то, кроме опасности немецких контракций, мы не исключаем возможности серьезных задержек в освобождении наших военнопленных, если не достигнем с Советским Союзом скорейшего соглашения на сей предмет.⁵⁹

Объединенный комитет начальников штабов одобрил текст проекта, в котором ничего не говорилось о конвенции. Одновременно было приказано обеспечить транспортные средства, затребованные Эйзенхауэром.⁶⁰

Для английского варианта соглашения требовалась подпись Черчилля. Заодно Иден вновь попросил его лично обсудить этот вопрос со Сталиным. Он подготовил для премьер-министра краткое резюме пунктов, подлежащих обсуждению, подчеркнул настоятельную необходимость заключить соглашение "до открытия конференции" и снабдил его списком семи немецких лагерей, освобожденных Красной армией, в которых, по оценке англичан, содержалось около 50 тысяч английских военнопленных.⁶¹ Возможность поговорить на эту тему представилась 10 февраля, когда Сталин и Молотов принимали Черчилля и Идена в бывшем дворце князя Юсупова. Обсудив судьбу Польши, Черчилль

заговорил о проблемах, связанных с тем, что большое число русских военнопленных оказалось на Западе. Некоторые, сказал он, уже возвращены на родину, другие пока в дороге. Но как, по мнению маршала, быть с остальными?

Маршал Сталин выразил надежду, что военнопленных отошлют назад в СССР в кратчайшие сроки. Он спросил, хорошо ли с ними обращаются и отделены ли они от немцев. Он сказал, что советское правительство считает всех их советскими гражданами. Он поинтересовался также, не было ли попыток повлиять на них, чтобы заставить отказаться от репатриации. Только после их возвращения в СССР можно будет решить, что делать с теми, кто согласился воевать на немецкой стороне.

Премьер-министр объяснил, что англичане очень хотят, чтобы эти военнопленные были как можно скорее репатриированы, и единственная трудность во всем этом — отсутствие транспорта...^{61а}

Затем, не вдаваясь в выяснение причин, оба руководителя сошлись на том, что следует опубликовать лишь сообщение о соглашении, но не сам текст. (И в самом деле, вдруг кому-нибудь пришло бы в голову заняться тщательным анализом этого текста).⁶²

Теперь оставалось только подписать соглашение. Английский дипломат Пирсон Диксон оставил нам описание этой сцены.

Было решено, что соглашение о военнопленных будет оглашено отдельно,^{62а} и как только встреча началась, я пошел в "солнечную комнату" (штаб-квартира американской делегации в Ливадийском дворце) и написал проект оповещения, а также письмо Молотову, обговорив в нем все важные пункты. Затем я поднялся наверх и съел ленч с американцами в их кают-компании... После ленча меня вызвали в столовую президента. Президент и сопровождавшие его лица как раз уезжали, а вскоре отбыл и Сталин, протянув мне на прощание руку, с широкой улыбкой произнеся по-французски "au revoir". Затем премьер-министр поехал назад в Воронцовский дворец, а министры иностранных дел вернулись на последнее заседание. В комнате царил дружеская, неформальная атмосфера. В середине заседания Антони Иден и Молотов сделали перерыв, чтобы подписать соглашение о военнопленных.⁶³

На следующий день Военный кабинет в Лондоне получил переданное телеграфом из Крыма соглашение и одобрил его.^{63 а} Поскольку Черчилль и Иден уехали на Ялтинскую конференцию, главными фигурами на заседании кабинета были Эттли и Бевин.⁶⁴ (Пройдет пять месяцев — и на них целиком падет ответственность за выполнение только что заключенного соглашения).

Вряд ли Черчилль догадывался о том, что в Крыму, где собрались руководители союзных стран и где они подписали соглашение о военнопленных, недавно была проведена операция, очень похожая на ту, которую сейчас организовывал Черчилль. Всего за восемь месяцев до Ялтинской конференции НКВД, после серии массовых убийств, депортировал из Крыма всех крымских татар.⁶⁵ Транспортные средства для операции были выделены английскими и американскими войсками в Иране, и, по мнению советских официальных лиц, союзникам было известно назначение грузовиков.⁶⁶ Впрочем, замысел Сталина вовсе не отличался оригинальностью — Гитлер тоже намеревался вывезти из Крыма все население и заселить полуостров тирольскими немцами, но против этого плана выступил Гиммлер.⁶⁷

Массовое выселение крымских татар не просто предшествовало соглашению, которое предлагали сейчас Сталину Иден и Черчилль, а как бы завершало операцию по выселению татар из Крыма. Дело в том, что несколько тысяч татар ушли на Запад еще до занятия Крыма Красной армией в мае 1944 года. Почти все они погибли от рук нацистов, принимавших их за евреев (мусульманский обычай, как и иудейский, предусматривал обряд обрезания).⁶⁸ Но около 250 человек выжили и попали в Германии в руки английской армии. Они просили разрешения эмигрировать в Турцию, но 21 июня 1945 года 21-я группа армий получила от Патрика Дина из МИД твердые инструкции о том, что в соответствии с Ялтинским соглашением крымские татары должны быть возвращены Сталину.⁶⁹ Этот народ по сей день лишен права вернуться в родные места.

В соглашении о военнопленных не было никаких оговорок относительно репатриации в СССР тех, кто не желал возвращаться. Хотя помощник государственного секретаря Грю предлагал ввести условия, защищающие права таких лиц, Стеттиниус и его советники целиком и полностью встали на точку зрения англичан. Англичане же считали чрезвычайно важным достичь соглашения во время совещания Большой тройки в Крыму, а всякие разночтения обсуждать потом.⁷⁰ Чарльз Болен был среди тех, кто, вопреки мнению Грю, считал, что в интересах скорейшего заключения соглашения никаких оговорок и условий сейчас

ставить не надо. В результате, "в соглашении отсутствовали пункты, предусматривавшие насильственную репатриацию советских граждан, не желающих возвращаться в СССР".⁷¹

После Ялтинского соглашения у США еще имелась возможность избрать любую линию поведения. Англичан, как они считали, связывало обещание, данное Иденом на конференции "Толстой" в Москве, но у американцев таких обязательств не было. Рузвельт лично "не видел документа", подписанного в Ялте, за текст отвечали в основном генерал Дин и военные, а их заботило только одно — обеспечить безопасное возвращение на родину американских военнопленных.⁷² Советские представители не поднимали вопроса о применении силы, а у Дж. Дина не было никаких оснований брать инициативу в свои руки. Участие Госдепартамента в этом деле в значительной мере тормозилось исповедуемой Рузвельтом концепцией "личной дипломатии", и те, кто руководил политикой Госдепартамента, были крайне удивлены, столкнувшись после смерти президента с проблемой насильственной репатриации.⁷³

1 февраля 1945 года Грю сообщил советскому поверенному в делах, что США намерены по-прежнему придерживаться своих обязательств, зафиксированных Женевской конвенцией.⁷⁴ Когда 23 марта посол Грю выказал свои возражения против аргументов Грю о применении Женевской конвенции, Грю в своем ответе вновь подтвердил позицию Госдепартамента. Изложив все то, что уже говорилось раньше, он в заключение кратко подытожил намерения американских властей в отношении военнопленных:

Наше правительство будет по-прежнему возвращать под советский контроль всех советских граждан, взятых в плен в составе немецкой армии в немецкой военной форме, за исключением тех, кто требует, чтобы их рассматривали как немецких военнопленных, находящихся под защитой Женевской конвенции. Такие лица будут до дальнейшего рассмотрения оставлены под опекой американского правительства.

Заключительная фраза, однако, звучит весьма зловеще:

Советское правительство может не сомневаться, что вопрос об их размещении будет вновь обсуждаться обеими заинтересованными сторонами после окончания организованного сопротивления в Германии.⁷⁵

В письме от 3 мая, когда это сопротивление практически прекратилось, Грю идет еще дальше:

Наше правительство не намеревается навсегда оставлять у себя этих людей и будет радо повторно обсудить вопрос об их размещении в тот момент, когда в немецком плену не останется американских военнослужащих.⁷⁶

8 мая Германия капитулировала, и всякая угроза немецких репрессий в отношении американских военнопленных отпала. Несколько дней спустя сотрудник английского МИД Джон Голсуорси писал:

Американцы руководствовались желанием обеспечить гарантии того, что к лицам в американской военной форме, не являющимся, однако, американскими гражданами, немцы будут относиться как к американским военнопленным. После капитуляции Германии это соображение потеряло силу. Посмотрим теперь, будут ли американцы придерживаться этого принципа.⁷⁷

Американские войска, не имевшие понятия о том, что происходило в правительственных кругах, продолжали поступать в соответствии с политикой Соединенных Штатов, как они ее себе представляли. Вот что писал Джордж Орвелл:

В мае 1945 года я посетил большой лагерь для военнопленных недалеко от Мюнхена. Население лагеря постоянно менялось, в день моего визита там было около 100 тысяч человек. По словам американского офицера, коменданта лагеря, 10 процентов заключенных составляли не немцы, в основном, русские и венгры. Русских разделяли на две категории, задавая им простой вопрос: "Хотите ли вернуться в Россию или нет?" Значительная часть — точных цифр у меня нет — ответила "нет". Таких считали немцами и оставляли в лагере, в то время как остальных русских увозили оттуда. Я видел многих из них: некоторые были из батальонов Тодта, другие служили в вермахте.⁷⁸

Но после встречи русских и американских войск на Эльбе 25 апреля 1945 года массовый обмен пленными, освобожденными союзными армиями, стал предметом безотлагательного обсуждения.⁷⁹ Окончательное решение вопроса о применении силы оттягивать было больше нельзя.⁸⁰

ПРИМЕЧАНИЯ

1. The Times, 7.3.1931. Вскоре после этого Черчилль произнес аналогичную речь в Клингфорде (см. там же, 23.4.1931).
2. См.: David J. Dallin, Boris I. Nicolaevsky. *Forced Labour in Soviet Russia*. London, 1948, pp. 54, 84–87.
3. ПРЕМ [Документы канцелярии премьер-министра], 3/51/1; 61–62. Но на Дальнем Востоке был корабль "Николай Ежов", доставлявший заключенных на колымские золотые прииски (см.: Vladimir Petrov. *It Happens in Russia: Seven Years Forced Labour in the Siberian Goldfields*. London, 1951, p. 72).
4. *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers, 1944, IV*. Washington, 1966 [в дальнейшем: FRUS 1944], pp. 1241–1244; Alfred D. Chandler (ed.). *The Papers of Dwight David Eisenhower: The War Years*. Baltimore, 1970, III, pp. 2031.
5. САВ [в дальнейшем: Документы кабинета министров], 88/30; 451.
6. War Office [в дальнейшем: Архив военного министерства Великобритании], 32/11137; 19 А, 51 А.
7. См. там же, 75 В.
8. См. там же, 58 А; FRUS 1944, p. 1244.
9. См. там же, 1245–1246; John R. Deane. *The Strange Alliance*. London, 1947, p. 185.
10. См.: Архив военного министерства Великобритании, 32/11137, 77 А; FRUS 1944, pp. 1245, 1246–1247.
11. См. там же, 1251–1253, 1255, 1263; Архив военного министерства Великобритании, 32/11119, 268 А. Англичане в это время получили идентичные жалобы (см. там же, 32/11137, 162 А; 32/11119, 26 В).
12. См.: FRUS 1944, pp. 1247–1249.
13. О высоких моральных качествах Кирке и глубоком понимании им советских проблем см.: Charles E. Bohlen. *Witness to History*. London, 1973, pp. 56–66.
14. FRUS 1944, p. 1250; Архив военного министерства Великобритании, 32/11137, 164 А–С, 166 А. Американский представитель на Средиземноморском театре военных действий часто узнавал таким образом от своего английского коллеги о политике союзников (см.: Robert Murphy. *Diplomat among Warriors*. London, 1964, p. 207).
15. См.: Архив военного министерства Великобритании, 32/11137, 156 В, 213 А, 214 А, 234 А, 240 А.
16. См.: FRUS 1944, pp. 1253–1254.
17. Архив военного министерства Великобритании, 32/11137, 168 А.
18. См.: FRUS 1944, pp. 1257–1259.
19. См. там же, стр. 1261.
20. См. там же, стр. 1267–1270.
21. См. там же, стр. 1259–1260.
22. См.: Документы кабинета министров, 88/30, 451. Миссия прибыла из Англии за месяц до этого (см.: Архив военного министерства Великобритании, 32/11119, 41 А).
23. Там же, 256 А.
24. См.: Документы кабинета министров, 88/30, 449–450.

25. См.: FRUS 1944, pp. 1252–1253.
26. Там же, 1262.
27. Письмо к автору книги от 20.5.1974. См. также: Charles E. Bohlen, указ. соч., стр. 199.
28. См.: Архив военного министерства Великобритании, 32/11137, 302 А.
29. См.: FRUS 1944, p. 1264.
30. См. там же, стр. 1265–1267; John R. Deane, указ. соч., стр. 188.
31. Молотов повторил жалобу, заявленную 2 ноября советским послом в США Стеттиниусу (см.: FRUS 1944, p. 1261). Через четыре дня суровый выговор, для равновесия, получили и англичане (см.: Архив военного министерства Великобритании, 32/11119, 138 С).
32. FRUS 1944, pp. 1270–1271, 1272.
33. См. там же, стр. 1267–1270. Советский список лагерей, в котором до того содержались пленные, см. там же, стр. 1260. 2 ноября начальник штаба президента США, адмирал Леги, потребовал, чтобы американцы согласовали свои действия с политикой англичан (см. там же, стр. 1262).
34. Там же, стр. 1272–1273.
35. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers, 1945, V, Europe. Washington, 1967 [в дальнейшем: FRUS 1945], p. 1068. См. также: Nicholas Bethell. The Last Secret: Forcible Repatriation to Russia 1944-1947. London, 1974, p. 27.
36. Joseph Scholmer. Vorkuta. London, 1954, p. 172.
37. Foreign Office [в дальнейшем: Архив министерства иностранных дел Великобритании], 371/43382, 136–137.
38. Этот рапорт любезно предоставил мне полковник Франкау. О перевозке двух тысяч русских на судне "Франкония" см.: Документы кабинета министров, 8830, 458; Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/47895.
39. См.: John R. Deane, указ. соч., стр. 184; FRUS 1944, p. 1251.
40. Там же, стр. 1270, 1272; John R. Deane, указ. соч., стр. 188.
41. Там же, стр. 188–189; Архив военного министерства Великобритании, 32/11681, 1 А; Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conferences at Malta and Yalta, 1945, Washington, 1955 [в дальнейшем: Malta and Yalta], p. 416–418.
42. См.: Архив военного министерства Великобритании, 32/11137, 322 А, 327 А.
43. Там же, 380 А–382 А; Архив военного министерства Великобритании, 32/11681, 8 А, 13, 21 А.
44. См.: Документы кабинета министров, 66/61, 111–112; там же, 65/49, 55.
45. Архив военного министерства Великобритании, 32/11681, 6 А, 20 А.
46. Charles E. Bohlen, указ. соч., стр. 166.
47. Malta and Yalta, стр. 416.
48. См. там же, стр. 418; Edward R. Stettinius, Jun. Roosevelt and the Russians: The Yalta Conference. London, 1950, pp. 31, 41.
49. См.: ПРЕМ, 3.5136.
50. Архив военного министерства Великобритании, 32/11681, 168 В.
51. См.: FRUS 1945, p. 1067–1072.
52. См.: John R. Deane, указ. соч., стр. 191–192.
53. ПРЕМ, 3.364/9, 435; Edward R. Stettinius, указ. соч., стр. 68; The Earl of Avon. The Eden Memoirs: The Reckoning. London, 1965, pp. 510–511.
54. Архив военного министерства Великобритании, 32/11681, 52 А.

55. См.: ПРЕМ, 3. 51/3, 7, 27–31.
56. Архив военного министерства Великобритании, 32/11137, 252 А; Документы кабинета министров, 8830, 460–462. У англичан находилось 18 496 русских военнопленных (см. там же, 32/11119, 218 А).
57. См.: Malta and Yalta, p. 691–693.
58. См. там же, стр. 693–696.
59. См. там же, стр. 697, 756–757.
60. См. там же, стр. 754–756; Документы кабинета министров, 8830, 463. Проект документа обсуждался с советскими представителями на следующий день, и те предложили несколько незначительных исправлений (см.: Malta and Yalta, pp. 863–866).
61. См.: ПРЕМ, 3. 51, 9; 3. 364/9, 390, 392–395.
- 61а. Советская стенограмма беседы, состоявшейся 10 февраля, несколько отличается от английской. В советской записи беседы о военнопленных говорится следующее:

Черчилль говорит, что он хотел бы еще переговорить по поводу военнопленных. Он узнал, что в Западной Европе находится довольно большое количество русских военнопленных. Немцы обращались с ними, как с рабами, а некоторых силой заставили поднять оружие против союзников.

Сталин говорит, что советское правительство просило бы, чтобы советских граждан, находящихся в руках союзников, не били и чтобы не заставляли их становиться изменниками родины.

Черчилль отвечает, что таких случаев нет. Британское и советское правительства уже как будто бы договорились об условиях труда советских граждан, находящихся в руках союзников. 11 тысяч советских граждан уже возвратились на родину, предполагается отправка еще 7 тысяч.

Сталин заявляет, что среди советских граждан есть люди, которых немцы силой заставляют работать, но есть и такие, которые добровольно подняли оружие против союзников. Такие люди, конечно, должны нести ответственность за свои действия. Союзники имеют полное право держать их у себя в лагерях. Но он хотел бы предупредить, что людей той и другой категории советское правительство считает советскими гражданами.

Черчилль заявляет, что британское правительство хочет вернуть возможно скорее на родину ту и другую категорию людей. Дело за тоннажем.

Сталин говорит, что советское правительство просит также британское правительство держать советских граждан отдельно от немцев и не ставить их на одну доску с немцами.

Черчилль отвечает, что британское правительство стремится удовлетворить пожелания советского правительства. Но оно хотело бы также знать, какое количество английских военнопленных освобождено Красной армией.

Сталин говорит, что эти сведения можно будет получить с фронтов.

Черчилль спрашивает, разрешит ли советское правительство послать специальных английских офицеров в лагеря освобожденных английских военнопленных для ухода за ними.

Сталин отвечает утвердительно.

Черчилль спрашивает, можно ли будет направить для английских военнопленных, освобожденных Красной армией, грузы Красного Креста.

Сталин отвечает утвердительно.

Черчилль просит по возможности отправить английских военнопленных на родину на тех же пароходах, на которых должны прибыть в ближайшее время 7 тысяч советских граждан.

Сталин говорит, что это, конечно, можно будет сделать.

(Советский Союз на международных конференциях периода Великой отечественной войны 1941-1945 гг. Том IV. Крымская конференция руководителей трех держав – СССР, США и Великобритании (4-11 февраля 1945 г.). Сборник документов. Москва, 1979 [в дальнейшем: Крымская конференция], стр. 210–211). – Прим. ред.

62. См.: Документы кабинета министров, 66/63, 109–110, 115. Несмотря на это "Дейли Телеграф" через два дня напечатал полное изложение документа и привел выдержки из текста (см.: Daily Telegraph, 13.2.1945).
- 62а. Советская стенограмма заседания глав правительств 11 февраля 1945 года в Ливадийском дворце (12 час. 15 мин.) зафиксировала следующее:

Рузвельт открывает совещание и предлагает начать с обсуждения проекта коммюнике.

Сталин предлагает взять за основу обсуждения англо-американский проект коммюнике.

Черчилль с этим соглашается...

(... Конференция переходит к обсуждению того раздела английского проекта, который говорит о военнопленных).

Сталин предлагает не включать в коммюнике раздел о военнопленных, а принять его текст как особое решение.

Черчилль спрашивает: можем ли мы опубликовать соглашения о военнопленных, которые должны быть подписаны сегодня после дневного совещания?

Сталин отвечает, что соглашения могут быть опубликованы.

(Международная жизнь, 1965, № 8).

Проект совместного заявления прессе от английской делегации был получен в 2 часа 15 минут 11 февраля и являлся результатом обсуждения его между английской и американской делегациями. Касательно военнопленных проект предусматривал следующее заявление:

VIII

ОСВОБОЖДЕННЫЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ И ГРАЖДАНСКИЕ ЛИЦА

Было достигнуто всестороннее соглашение, предусматривающее детальные мероприятия по защите, содержанию и репатриации военнопленных и гражданских лиц Британского Содружества, Советского Союза и Соединенных Штатов, освобожденных союзными силами, вступающими сейчас в Германию.

В соответствии с этими мероприятиями каждый союзник будет предоставлять пищу, одежду, медицинское обслуживание и другую необходимую помощь гражданам и подданным других стран-союзников до тех пор, пока не будет предоставлен транспорт для их репатриации. В оказании

помощи британским подданным и американским гражданам советскому правительству будут помогать британские и американские должностные лица. Советские должностные лица будут помогать британским и американским властям в выполнении их задачи по оказанию помощи советским гражданам, освобожденным британскими и американскими войсками, в течение всего времени, пока они будут находиться на европейском континенте или в Соединенном Королевстве в ожидании транспорта для их отправки на родину.

Мы обязуемся оказывать всестороннюю помощь, совместимую с требованиями ведения военных операций, в целях обеспечения быстрой репатриации всех военнопленных и гражданских лиц.

(Крымская конференция, стр. 227–228). – Прим. ред.

63. Piers Dixon. *Double Diploma: The Life of Sir Pierson Dixon, Don and Diplomat*. London, 1968, pp. 146–147.
- 63а. См.: Приложения. – Прим. ред.
64. См.: Документы кабинета министров, 6549, 76.
65. См.: Robert Conquest. *The Nation Killers: The Soviet Deportation of Nationalities*. London, 1970, pp. 105–107.
66. См.: G.A. Tokaev. *Comrade X*. London, 1956, p. 257.
67. См.: H.R. Trevor-Roper (ed.). *Hitler's Table Talk 1941-1944*. London, 1953, pp. 548, 599; Gerald Reitlinger. *The House Built on Sand*. London, 1960, p. 185–186.
68. См. там же, стр. 86.
69. См.: Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/47900.
70. См.: Архив военного министерства Великобритании, 32/11681, 99 А.
71. Charles E. Bohlen, указ. соч., стр. 199.
72. См.: W. Averell Harriman, Elie Abel. *Special Envoy to Churchill and Stalin*. New York, 1975, pp. 416–417.
73. То ли вследствие болезни Рузвельта, то ли по небрежности, президент и государственный секретарь прибыли на конференцию очень плохо подготовленными. (См.: James F. Byrnes. *Speaking Frankly*. New York, 1947, p. 23. См. также замечание Эйзенхауэра в его кн.: Dwight D. Eisenhower. *Crusade in Europe*. New York, 1948, p. 439).
74. См.: FRUS 1945, pp. 1067–1072, 1075–1077.
75. Там же, стр. 1083–1084. Генералам Эйзенхауэру и Мак-Нерни 29 марта было послано полное изложение этого письма (см.: Архив военного министерства Великобритании, 204/897, 145 А).
76. FRUS 1945, pp. 1093–1094. В тот же день Государственный департамент США в ответ на советскую радиопередачу от 30 апреля выступил с заявлением, в котором/отстаивал свою позицию в отношении русских военнопленных (см.: Архив военного министерства Великобритании, 32/11119, 284 А, 297 А).
77. Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/47899, 89.
78. *Polemic*. September - October 1946, V, pp. 48–49.
79. Предложение англичан см. в Архиве военного министерства Великобритании, 32/11681, 190 А (9 А–17 А); 32/11139, 335 А.
80. См.: FRUS 1945, p. 1092.

Глава 5

АКТ О СОЮЗНЫХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ: МИД ПРОТИВ ЗАКОНА

В день подписания в Ялте соглашения о военнопленных Иден с Молотовым заключили также дополнительный договор о статусе русских, находившихся в лагерях на территории Англии.* Сам документ может показаться невыразительным и безликим, но стоящие за ним события далеко не таковы. История насильственной репатриации разворачивалась не в одних лишь экзотических краях – таких, как Египет, юг Франции или Крым: настоящие драмы разыгрывались и в районах весьма прозаических, вроде Уэртинга и Гилфорда. Поэтому настал черед обратиться к тому, что происходило в Англии.

Как уже говорилось, русские, взятые в плен после высадки в Нормандии в июне 1944 года, были перевезены в Англию и размещены в лагерях, где раньше располагались военные части, ушедшие затем на фронт. 20 июля, когда Иден впервые известил советского посла об этих военнопленных, число их достигало 1 600 человек. К октябрю эта цифра возросла в десять раз.¹ В Англии русских постепенно отделили от немцев. Формально они по-прежнему считались заключенными и должны были оставаться в лагерях, пока не определится их будущее.

Глава советской военной миссии генерал Васильев предложил изменить статус пленных русских: считать их не военнопленными, а "советскими гражданами, временно находящимися на территории союзной страны" и "объединить бывших служащих Красной армии под началом советских офицеров и сержантов..." Предложение показалось англичанам вполне

* См. приложения.

приемлемым, надо было лишь юридически обосновать изменение статуса. На этот случай имелся принятый в 1940 году "Акт о союзных вооруженных силах", который позволял союзным правительствам в изгнании держать военные формирования в Англии. От советских властей требовалось лишь выполнение формальностей для того, чтобы мог последовать королевский указ.² Казалось, никаких сложностей тут не должно было быть. Однако они возникли.

Стоит задаться вопросом, почему советские власти так настаивали на изменении статуса своих граждан. Первая, самая очевидная причина – забота о национальном престиже. Тот факт, что русские по-прежнему считались военнопленными, захваченными в рядах вражеской армии, служил постоянным напоминанием того, что Советский Союз, единственный среди союзных государств, поставил врагу десятки тысяч солдат. Вторая причина – необходимость установить строгий контроль над пленными, чтобы предупредить все помехи к их скорейшей репатриации.³ В-третьих, правительство СССР, вероятно, боялось, что пленные могут потребовать применения к ним Женевской конвенции. Наверное, советские власти только сейчас поняли, что служба в немецкой армии автоматически дает русским право требовать, чтобы к ним относились, как к немцам. Такой точки зрения придерживался тогда Госдепартамент, и советское посольство было извещено об этом уже 27 сентября 1944 года.⁴ Англичане этого мнения не разделяли, но в Москве могли этого не знать, а сами англичане того и гляди могли передумать. Считаясь военнопленными, русские имели право, по условиям конвенции, заявить, что они немецкие граждане, и таким образом избежать депортации.

Между военным министерством и министерством внутренних дел Великобритании началась дискуссия относительно применения "Акта о союзных вооруженных силах" к русским. Прежде всего требовалось точное определение о том, на какие категории русских этот акт распространяется. Теобальд Мэтью, сотрудник МИД, работавший над этой проблемой, писал:

Ввиду установленного законом определения члена союзных сил, данного в разделе 5 (1) Акта... русские должны доказать, что каждый отдельно взятый человек служил в их вооруженных силах после 22 августа 1940 года. Одного только факта мобилизации здесь недостаточно. Должны быть представлены доказательства действительной службы в армии, как то: получение зарплаты, участие в парадах или ношение формы. На практике это не должно представлять никаких трудностей, но может

оказаться крайне существенным, если нашим судам придется рассматривать дела по обвинению в дезертирстве или самовольной отлучке.

Другими словами, русские военнопленные на территории Англии подлежали организации в настоящие военные формирования, но, как отмечалось далее, советские офицеры не могли применять по отношению к подчиненным смертную казнь или телесные наказания, пока новосформированные объединения находились на английской земле.⁵

Иден в телеграмме послу в Москве Кларку Керру писал: "Мы готовы выполнить все пожелания советской военной миссии и сделать все, чтобы как можно скорее заключить формальные соглашения".

Тем временем велась работа над проектом соглашения, которое, в случае согласия советских властей, дало бы основу для введения "Акта" в действие. Однако юристы отметили, что "Акт" может распространяться только на служащих советских вооруженных сил, но не на советских граждан, не служащих в Красной армии. Призывать же не служащих советских граждан в армию на английской территории советское правительство, согласно "Акту", не могло.⁶

На совещании с советской военной миссией генерал Гепп, начальник отдела военнопленных, безуспешно попытался разъяснить позицию англичан.⁷ Английские чиновники были в смятении, ведь со всех сторон их осаждали требованиями как можно скорее покончить с этим делом. 3 октября министр внутренних дел Герберт Моррисон писал Идену:

Я согласен с вами, что желательно как можно скорее репатриировать этих русских. Не говоря уже о других соображениях, если они останутся на нашей земле в качестве служащих советских вооруженных сил... опасность получения большого числа жалоб на плохое обращение советских офицеров с этими людьми стала бы минимальной... хотя некоторые могут отказаться признать себя советскими гражданами.⁸

О том же писал и сэр Орм Саргент, выступавший от лица МИД.⁹

Иден и другие сторонники насильственной репатриации неоднократно подчеркивали, что эта политика оправдана необходимостью получить удовлетворительные гарантии сотрудничества СССР в деле возвращения освобожденных английских военнопленных. МИД также надеялся, что выполнение пожеланий Советского Союза послужит залогом добрых отношений между двумя странами.¹⁰ Важно отметить, что имелось еще

одно соображение: англичане боялись, как бы вся эта история с русскими пленными не привела к открытому скандалу в Англии. Это опасение выражали Герберт Моррисон и Орм Саржент, а заместитель Идена, сэр Александр Кадоган, высказал 15 октября настоятельное пожелание, чтобы русские гражданские лица (которых нельзя было формально включить в предполагаемые союзные вооруженные силы) были репатрированы как можно скорее.¹¹

Через два дня после этого Иден, находившийся вместе с Черчиллем в Москве на конференции "Толстой", встретился с Молотовым и заявил о своем согласии с тем, что все советские граждане должны быть возвращены на родину "независимо от пожеланий отдельных лиц". Одновременно он вручил Молотову копию проекта соглашения, заключение которого должно было предшествовать введению "Акта" в действие.¹² Но дела обстояли отнюдь не так хорошо, как могло показаться. Не успел Иден вернуться в Англию, как Кларк Керр сообщил из Москвы:

Народному комиссариату по иностранным делам не нравится проект соглашения, который вы вручили ... поскольку в случае его принятия русские пленные будут организованы в союзное вооруженное формирование в Англии, что не отвечает пожеланиям советского правительства.

Сотруднику комиссариата Новикову разъяснили, что это единственный способ сделать так, чтобы пленные "до репатриации считались свободными гражданами союзной державы". Новиков, спасая престиж, выдвинул контрпредложение: "советские граждане формально останутся на положении военнопленных до момента репатриации", но в лагеря будут иметь доступ советские офицеры, как если бы пленные были "свободными гражданами союзной державы".

Этот нудный обмен мнениями вызвал гнев самого премьер-министра, который обвинил МИД в затягивании дела, что было совершенно несправедливо, ибо МИД всеми силами старался заключить соглашение. На стол в МИД приземлилась очередная личная записка премьер-министра:

Не создаем ли мы ненужные трудности? Мне кажется, мы мажем кулаками в делах, которые в принципе уже решены, а в частности несоразмерное значение придается суждениям мелких чиновников. Я полагал, что мы договорились отослать всех русских назад в Россию.

В пространном ответе сэр Александр Кадоган заверил Черчилля, что МИД изо всех сил старается идти навстречу советским пожеланиям, меж тем как советские представители по непонятным причинам отказываются принять решение, которое "является не просто наилучшим, но единственно возможным". Черчилль раздраженно приписал внизу письма Кадогана: "Мы должны избавиться от всех них как можно скорее. Насколько я понимаю, мы обещали это Молотову".¹³

Почему советские власти так противились мерам, которые были им так выгодны? Они хотели получить назад всех военнопленных. Английский МИД испытывал не менее горячее желание от них избавиться. Тогда почему же Советы столько месяцев препятствовали переговорам? Сотрудники МИД не могли ответить на этот вопрос. Специалистам оставалось лишь удивляться и продолжать переговоры вслепую. Между тем, хотя МИД и не заметил этого, советские власти ясно обозначили причины, по которым они возражали против "Акта": "в случае его принятия русские пленные будут организованы в союзное вооруженное формирование в Англии, что не отвечает пожеланиям советского правительства".

Если бы мидовские чиновники призадумались, они заметили бы, что у советских властей вызывает едва ли не патологический страх мысль о наличии оружия у собственных граждан, находящихся за рубежом. Ведь даже в 1936 году Советский Союз, в отличие от нацистской Германии и фашистской Италии, не решился послать свои войска в Испанию.¹⁴ Мы уже рассказали о том, как НКВД потопил проект ССО по использованию освобожденных русских военнопленных для совместной работы с французскими маки или организации сопротивления среди иностранных рабочих в Германии. Затем, советское правительство опасалось, что английские военные власти в Египте "мобилизуют в армию советских военнопленных" (лорд Мойн, после тщательного расследования, отверг это обвинение, назвав его "безосновательным... как и прежние обвинения такого рода...").¹⁵ В ноябре ВКЭСС было поручено "расследовать сообщение о том, что 850 русских было отправлено из Марселя в Северную Африку для мобилизации во французский Иностраннный легион, но не успели приступить к расследованию, как советское посольство признало, что сообщение оказалось неверным...".¹⁶ Тем не менее агенты НКВД в намерении выследить русских солдат Легиона добрались до самого Индокитая.¹⁷ А в США Громько высказал американцам аналогичные обвинения (но получил отпор от государственного секретаря Хэлла).¹⁸

Однако эти фантастические измышления отражали весьма реальные страхи Сталина и советского руководства. Ведь Гитлеру, несмотря на

крайне жестокое обращение с русскими, удалось все же набрать из военнопленных почти миллион желавших воевать против коммунизма. Какого же успеха могли добиться гуманные демократические страны, если бы им пришлось в голову начать ту же игру! Любой советский гражданин, хоть мимолетно взглянувший на жизнь за пределами СССР, становился политически неблагонадежным и по возвращении неизбежно оказался бы в исправительно-трудовом лагере. Даже части Красной армии, побывавшие в окружении, сразу попадали под подозрение. Как же мог Сталин чувствовать себя в безопасности, если на английской земле, вне пределов досягаемости, вдруг возникло бы войско численностью в 20 тысяч человек? Даже если приставить сюда командирами испытанных офицеров Красной армии — это тоже не решит дела: где гарантии, что они не последуют примеру генерала Андрея Власова!

Тем временем английскому посольству в Москве было поручено еще раз попытаться убедить советские власти в необходимости принять "Акт", подчеркнув, например, что сформированные таким образом части не обязательно вооружать. Дело принимало все более безотлагательный характер, поскольку "рано или поздно общественность могла заинтересоваться вопросом о статусе военнопленных, что было бы весьма некстати".¹⁹ Патрик Дин высказал опасения относительно обсуждения этого вопроса в парламенте, рекомендуя отказаться от каких-либо упоминаний "Акта" в палате общин.²⁰

После повторного требования советских властей об отмене для их граждан статуса военнопленных терпеливые англичане подготовили новый проект соглашения, заменив неприемлемое для Советов слово "войска" словом "формирования". 1 декабря новый проект был вручен Новикову. Текст сопровождался разъяснениями о необходимости применения определенных терминов:

По действующим английским законам, свобода граждан дружеской иностранной державы не может быть ограничена, пока они находятся в Англии, за исключением тех случаев, когда власти Соединенного Королевства готовы доказать перед судом, что граждане, о которых идет речь, служат в вооруженных силах [союзного государства]. Этот закон Соединенного Королевства может быть изменен только актом парламента... Принятие же закона по этому вопросу возбудило бы нежелательный интерес общественности и, возможно, споры, что повлекло бы за собой задержки.²¹

Казалось, Новиков и сотрудник лондонского посольства Соболев наконец поняли, в чем тут дело. Но новых инструкций получено ими не было; и англичанам пришлось разбираться в утверждениях генерала Васильева, будто Иден несколько месяцев тому назад договорился с Гусевым, что русские военнопленные будут считаться "свободными гражданами".²²

Наступил новый, 1945, год, а прогресс, по сравнению с августом 1944 года, был ничтожен. Как заметил 4 января Патрик Дин, "несмотря на все наши усилия, мы не достигли заметных результатов". Русские по-прежнему находились в Англии на положении военнопленных, и в последней по времени советской ноте от 27 декабря вновь выдвигалось требование к английским властям "считать русских не военнопленными, а свободными гражданами союзной страны". В связи с этим Дин выдвинул смелое предложение, которое вполне могло бы заставить советских представителей форсировать события:

Чтобы уладить дело, мы хотели бы письменно заявить советскому посольству следующее. Если они желают считать своих людей [в Англии] "свободными гражданами", мы вполне готовы с этим согласиться. Это, однако, означает, что русские будут выпущены из лагерей и станут пользоваться той свободой и теми правами, которые имеют прочие граждане союзной страны в Соединенном Королевстве, поскольку это не противоречит интересам государственной безопасности. Если будет взят такой курс, мы не сможем, разумеется, гарантировать, что эти люди будут отосланы назад, в Советский Союз, поскольку мы не будем располагать соответствующими полномочиями; и они смогут, в пределах разумных ограничений, ездить по всей стране и наниматься на работу.

Разумеется, писал Дин, советские власти не согласятся на такое предложение, поскольку им важнее всего "содержать этих людей вместе, в условиях военной дисциплины, чтобы репатриировать их"; такая угроза могла бы подействовать отрезвляюще на советское руководство.²³ К тому же предложение Дина выглядело вполне правдоподобно: у Англии имела давняя традиция предоставления убежища политическим беженцам. В 1943 году, например, два русских моряка сбежали со своего судна, стоявшего в английском порту, и английские власти, несмотря на все советские требования, их не выдали.²⁴

Как и предполагалось, советские власти не допустили освобождения русских военнопленных в Англии. Было решено, что лучше всего поставить

этот вопрос на предстоящей Крымской конференции.²⁵ К тому же советские представители начинали понемногу понимать, что английский МИД старается им угодить изо всех сил и что добрые отношения с союзниками для него гораздо важнее пленных. Рассмотрев английский проект соглашения, врученный 1 декабря 1944 года, Новиков согласился на компромиссное слово "формирование", но в пункте о том, что пленные будут подчинены "советскому военному закону", было опущено слово "военному", так как советские власти не собирались создавать из русских пленных военные части.²⁶ По мнению Патрика Дина, это был хороший компромиссный вариант.²⁷ И 11 февраля соглашение было наконец подписано в Ялте, куда в качестве экспертов по делам военнопленных поехали Дин (от МИД) и Филлимор (от военного министерства).²⁸ Теперь оставалось лишь принять закон о распространении "Акта о союзных вооруженных силах" на советских граждан. Это было сделано 22 февраля 1945 года.²⁹

Отныне русские в Англии являлись официально не военнопленными, а служащими союзных вооруженных сил, расположенных на английской земле. Но это была всего лишь фраза, и советская комиссия по репатриации располагала точными инструкциями, запрещающими какие-либо меры по организации пленных в реальную силу. В ряде случаев это привело к недоразумениям. Так, в апреле генерал Ратов, прибывший в Англию для проведения репатриации, арестовал десять человек и потребовал от бригадира Файербрейса обеспечить им английскую охрану и тюремные условия.

Эти люди выразили нежелание возвращаться в Советский Союз. Некоторые из них доведены до отчаяния и открыто грозятся покончить с собой, если их будут вынуждать к возвращению, —

писал Файербрейс 25 апреля. Английский бригадир временно создал "нарушителям" тюремные условия, но попросил генерала Ратова в будущем самого организовывать охрану своих людей в советском лагере Ньюлендс Корнер. "Ратов ответил, что не может этого сделать, поскольку его люди не вооружены и советское правительство вряд ли позволит выдать им оружие". В соглашении, подчеркивал далее Файербрейс, специально оговорено, что советские власти обязуются сами поддерживать надлежащую дисциплину. И хотя Файербрейс и согласился, весьма неохотно, содержать ограниченное число русских в английской военной тюрьме, это требование не вызвало ни его сочувствия, ни желания сотрудничать с Советами.³⁰

На деле организация русских пленных не представляла собой "союзные силы" в том смысле, как это подразумевалось в "Акте", но вряд ли это могло стать достоянием общественности. Да и пленные, вероятно, тоже не подозревали о сомнительной законности "Акта" — во всяком случае, пока находились в лагере. Зато с беглецами возникла крайне неловкая ситуация. МИД был очень заинтересован в том, чтобы этих людей как можно быстрее вернули в лагерь, чтобы все было проделано без лишнего шума и, главное, чтобы они не появлялись в суде. Но, как объяснил Патрику Дину сэр Франк Ньюсэм, из палаты общин,

если полиции придется передать военной охране субъекта, самовольно отлучившегося из советских вооруженных сил и не выражающего желания быть переданным своим властям, ее действия вступят в прямое противоречие с законом. Боюсь, что тут не может быть и речи о том, чтобы министр внутренних дел инструктировал полицию либо давал ей советы в устном или письменном виде.

Однако Ньюсэм предложил маленькую хитрость. Полиция могла бы временно задерживать подозреваемого в дезертирстве у себя в участке для допроса. За это время можно было бы связаться по телефону с местным отделением штаба и сообщить, когда и где задержанный будет выпущен. Армия могла бы тем временем выслать патруль для

ареста этого человека, под свою ответственность, вскоре после его освобождения из полиции. Важно, однако, чтобы такой арест не имел места тут же, прямо возле полицейского участка, или при обстоятельствах, равносильных прямой передаче полицией этого человека военной охране.

К этому письму Ньюсэм приложил проект циркуляра для главных констеблей, предписывая им следовать этой необычной процедуре. 13 апреля Дин ответил согласием: "Мы согласны на предлагаемую процедуру. Хотя с ней неизбежно связан определенный риск и известные хлопоты, мы полагаем, что на практике она окажется весьма эффективной", поскольку, как сказал Джон Голсуорси,

оказавшись снова в лагере, неудавшийся беглец лишается доступа к гражданским властям (если, конечно, он не сбежит снова) и тем самым не имеет возможности заявить протест против этого весьма относительного правосудия.

Однако из этого плана ничего не вышло, так как военное министерство отказалось выступить в предназначенной ему роли похитителя людей:

Мы не можем согласиться на процедуру, предложенную в письме от 5 апреля. Мы не находим никаких оправданий тому, чтобы военные власти могли арестовывать под свою ответственность членов союзных сил без соблюдения соответствующей процедуры. На наш взгляд, такие действия не меньше противоречат закону, чем те, которых вы, со своей стороны, пытаетесь избежать.³¹

Но мидовским чиновникам сопутствовала удача. Бежать среди русских военнопленных пытались немногие, а удалось это и вовсе единицам. Жертвы будущей репатриации хорошо понимали, какая судьба ждет тех, кто продемонстрирует свое нежелание возвращаться на родину; и им оставалось лишь покориться судьбе.

Поскольку советские власти отказались выделить транспорт для перевозки своих граждан, находившихся в Англии, репатриация на английских судах многих тысяч пленных затянулась; но к осени 1945 года практически все были отправлены на родину, за исключением группы пленных со спорным гражданством и восьми человек, внесенных в отчеты в качестве "бежавших и не пойманных".³² Они сбежали из лагерей в Йоркшире, Дареме, Сурее и Суссексе весной и летом. Их имена, разумеется, были известны и, по крайней мере в двух случаях, власти знали об их местопребывании. Они нашли приют и убежище у англичан. Шестнадцатилетнего Ивана Фашенко, например, приютила семья Рокли в Ноттингеме. Согласно рапорту полковника Хаммера из военного министерства, обнаружить его было несложно. Тогда почему же его не арестовали и не передали СМЕРШу? Сотрудник министерства внутренних дел сэра Самуэль Хоар, будущий член комиссии по правам человека при ООН, объяснял майору Уоллису, сменившему Файербрейса:

Вряд ли нам удастся уговорить этого молодого человека вернуться в лагерь; обращаться же с этим делом в суд нежелательно, равно как нежелательно и полицейское расследование. Это немедленно вызовет протест его английских друзей, к тому же полиция все равно не в состоянии действовать здесь эффективно. Мы можем лишь предложить вам вновь, как вы уже делали, постараться уговорить его вернуться для последующей репатриации.

Дело особенно осложнялось тем, что Фашенко был гражданским лицом, и поэтому — не говоря уже об его юном возрасте — его нельзя было рассматривать как члена мнимых "союзных сил", к которым относились военнопленные. Опасения Хоара подтвердил сэр Томас Браймлоу из МИД, впоследствии постоянный заместитель министра:

Мы полностью согласны с вашей точкой зрения относительно Фашенко. Став "дезертиром", он вряд ли добровольно сдастся советским властям, и они будут очень недовольны, когда узнают, что мы связались с ним, но не смогли арестовать. С другой стороны, всякая попытка арестовать его почти наверняка вызовет интерес общественности, которого мы стремимся избежать во что бы то ни стало... и было бы крайне нежелательно решать его дело в суде. Последнее возражение относится также и ко второму штатскому дезертиру, Лавренчуку.³³

Что касается остальных шести беглецов, которые как будто служили в Красной армии, то и тут мы бы советовали действовать с крайней осторожностью, хотя и понимаем, что это дело, в основном, в компетенции министерства внутренних дел. Как вам известно, в Соединенном Королевстве никогда не было организованных "советских сил" ... и применение "Акта о союзных вооруженных силах" к находящимся в лагерях в Англии освобожденным советским гражданам, на что мы пошли исключительно ради выполнения условий Ялтинского соглашения, ... всегда было чревато определенными опасностями. Нам остается лишь надеяться, что это соглашение никогда не станет объектом рассмотрения суда.

Джон Голсуорси, работавший тогда в Северном отделе МИД (впоследствии — посол в Мексике), признавался в письме полковнику Хаммеру:

Это соглашение — явление весьма специфическое... Мы всегда надеялись, что никаких судебных дел в связи с советскими гражданами в нашей стране не возникнет. Многие из тех, кого мы в целях административного удобства считали членами советских "вооруженных сил", в действительности были штатскими и никогда не служили в Красной армии, и если бы такой человек предстал перед судом, это могло бы привести к весьма неприятным последствиям. Всякая попытка отдать приказ

об аресте бежавшего из лагеря, скорее всего, вызовет те самые проблемы (и огласку), которых мы до сих пор избегали, и я полагаю, что мы должны возражать против этого.³⁴

Офицер НКВД полковник Клешканов потребовал разыскать одного из восьми "дезертиров", Крохина. В МИД разгорелась дискуссия по этому поводу, и на ее примере можно понять, почему английские чиновники боялись огласки. Томас Браймлоу писал:

Проблема в том, что Крохин может отказаться вернуться, и тогда разразится... скандал... А скандала с разговорами о незаконной процедуре, о том, что людей обманом заставляют соглашаться на репатриацию в СССР и т.д., следует избегать любой ценой... Если после ареста Крохин будет отрицать законность ареста и передачи советским военным властям, ему придется предстать перед судом. В Англии он не первый день, и у него вполне могут найтись друзья, которые посоветуют ему нанять адвоката, и если адвокат знает свое дело, он свяжется с теми законниками, которым известны все ходы и выходы в "Акте о союзных вооруженных силах"... Тогда мы можем столкнуться с мощной защитой интересов военнопленного.

Обращения к сомнительному "Акту" можно было бы избежать, если бы министр внутренних дел подписал приказ о высылке Крохина как нежелательного беженца.

Такой вариант рассматривался, но тут, — продолжал Браймлоу, — могут возникнуть неприятности, если нас спросят, почему мы решили выслать этого человека, вместо того чтобы обойтись с ним, в соответствии с "Актом о союзных силах", как с дезертиром. Тут возникает еще одно осложнение: по указу о высылке, мы не можем передать его советским органам на территории Англии, но насчет этого, я почти уверен, мы с ними могли бы договориться.

О том же пишет в заключение своего письма и Голсуорси:

При расследовании сразу обнаружилось бы, на какой тонкий лед мы ступили, применив "Акт о союзных вооруженных

силах"... Антисоветская пресса могла бы с легкостью воспользоваться таким открытием.³⁵

Опасения Голсуорси подтверждает Патрик Дин:

Ради выполнения желаний советского правительства мы, с некоторым риском для самих себя, растянули наш закон до крайних пределов с тем, чтобы всех советских граждан, независимо от того, служили они в Красной армии или нет, можно было отправить назад в Советский Союз, невзирая на их желание.

Свою записку Дин закончил фразой: "В данных специфических обстоятельствах это оправдано". Но, перечитав еще раз, вписал перед "оправдано" слово "вероятно".³⁶

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: War Office [в дальнейшем: Архив военного министерства Великобритании], 32/11137, 51 А, 182 А.
2. См. там же, 144 А; 32/11119, 32 А.
3. Советские власти довольно цинично относились к предлагаемому изменению статуса. Наилучший пример этому – признание генерала Васильева, что он хочет, чтобы пленные оставались в обнесенных проволокой лагерях, которые будут по-другому называться (см. там же, 62 А).
4. См.: Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers, 1944, IV, Washington, 1966 [в дальнейшем: FRUS], pp. 1254–1255, а также p. 1261.
5. См.: Архив военного министерства Великобритании, 32/11137, 128 А, 129 А, 145 А, 147 А; 32/11647, 1 С.
6. Там же, 207 А.
7. Там же, 215 А; 32/11119, 62 А.
8. Там же, 32/11137, 179 А.
9. См. там же, 194 А; PREM [Документы канцелярии премьер-министра], 3.364/8, 270.
10. Профессор Тревор-Ропер в предисловии к книге Н. Бетелла называет эти доводы "соображениями необходимости" (см.: Nicholas Bethell. The Last Secret: Forcible Repatriation to Russia 1944-1947. London, 1974, p. XII).
11. См.: Архив военного министерства Великобритании, 32/11137, 225 А.
12. См. там же, 220 А; PREM, 3.434/4, 34–35, 63.
13. Там же, 3.364/8, 250–256.
14. См. также: Ronald Hingley. Joseph Stalin: Man and Legend. London, 1974, p. 270.
15. Архив военного министерства Великобритании, 32/11137, 119 А, 120 А, 162 А, 185 А, 188 А, 217 А.
16. Там же, 301 А. В советских сообщениях уже не раз указывалось на "использование террористических методов для вербовки советских граждан в Иностраннный легион" (FRUS, pp. 1263–1264).
17. См.: "Voinov". Outlaw: The Autobiography of a Soviet Waif. London, 1955 [в дальнейшем: Outlaw], p. 241; Foreign Office [в дальнейшем: Архив министерства иностранных дел Великобритании], 371/66343; 371/56719. В январе 1946 года НКВД опасалось, что Запад собирается сформировать армию русских эмигрантов для вторжения в СССР (см.: Outlaw, p. 241).
18. См.: FRUS, pp. 1251–1252.
19. Архив военного министерства Великобритании, 32/11137, 263 А.
20. См. там же, 32/11119, 105 А–В. 28 января 1946 года Браймлоу высказал такую же точку зрения (см.: Архив министерства иностранных дел, 371/57835).
21. Архив военного министерства Великобритании, 32/11137, 379 А; 298 А.
22. Там же, 303 А, 310 А, 311 А. Иден, однако, необдуманно произнес такую фразу в беседе с Молотовым 16 октября 1944 года (см.: PREM, 3.434, 34).
23. См.: Архив военного министерства Великобритании, 32/11137, 312 А; 313 А. Комментарий по этому поводу британского МВД см. там же, 320 А.
24. См.: Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/37010.

25. См.: Архив военного министерства Великобритании, 32/11137, 321 А, 322 А.
26. Официально, однако, советское правительство этого не признавало. Вот что пишет о разговоре с Новиковым сотрудник британского посольства в Москве Бальфур:

Я спросил Новикова, прав ли я, предполагая, что, несмотря на отсутствие слова "военный" в новом советском проекте, советские власти в Соединенном Королевстве будут готовы доказать, если дело попадет в суд, что граждане, представшие перед судом, действительно служат в частях или контингентах их вооруженных сил. На этот вопрос он лаконично ответил: "Да, конечно". Хотя Новиков вообще любит употреблять в разговоре эти слова, я вполне уверен, что, поскольку я четко разъяснил ему данный пункт, он понимает значение своих слов". (Там же, 383 А).
27. См. там же, 32/11681, 9 А, 11 А; 32/11132, 327 А.
28. Обе стороны были удовлетворены компромиссами, внесенными в текст. Англичане приняли возражения советского правительства против слов "военный" и "вооруженные силы" и согласились использовать вместо них нейтральные термины "советский закон" и "формирования и группы". Текст соглашения см. там же 390 А.
29. См. там же, 32/11681, 144 А; Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/47895.
30. См.: Архив военного министерства Великобритании, 32/11647, 11 А; Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/47897.
31. Архив военного министерства Великобритании, 32/11647, 10 А, 11 А; Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/47897.
32. Архив военного министерства Великобритании, 32/11683, 107 А.
33. "Штатский дезертир" – это забавное словосочетание служит иллюстрацией отношения английского МИД к политическим беженцам.
34. Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/47908, 253 – 259; см. также 371/47907. Фащенко родился 15 мая 1928 года (см.: Архив военного министерства Великобритании, 32/11119, 99D); там же, 177 А; Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/56711.
35. Там же, 371/47909, 191 – 194; 371/47910. Через какое-то время, в том же году, при весьма странных обстоятельствах, Крохин сам сдался советским органам. И это дало британскому МИД основания полагать, что Крохин был советской "наседкой" (см. там же, 371/47910, 222).
36. Там же, 371/47897, 48.

Глава 6

ИЗ РАЯ В ЧИСТИЛИЩЕ

В Англии русские военнопленные проводили до репатриации по несколько месяцев в "мини-ГУЛаге", в непривычных для них мирных и спокойных условиях. Должно быть, много лет спустя тогдашняя сравнительно свободная и комфортабельная жизнь, вдали от войны и тирании, в сельской местности, вспоминалась им как прекрасный сон. Тем ужаснее оказалась их последующая судьба.

Через два дня после высадки союзников в Нормандии в Англию, в лагерь в Кемптон-парке, привезли первых русских пленных.¹ Это были рабочие трудовых батальонов, мобилизованные немцами на работы по укреплению Атлантического вала. Большинство попало в немецкий плен в 1942 году, не имея никакого военного опыта. По словам одного из пленных, когда союзники начали бомбить побережье, "они просто сидели и ждали, что будет". Они производили впечатление людей малообразованных. К тому же последние два года, проведенные на чужбине, они были совершенно отрезаны от внешнего мира, так как не знали иностранных языков. И все же, "на вопрос, хотят ли они вернуться в Россию, большинство ответило безразличием, а некоторые даже отказом".²

Правда, в группе из тысячи человек, опрошенной через три недели в транзитном лагере в Девицес, большинство, хотя и боялось наказания по возвращении в Советский Союз, готово было вернуться при условии, что пленным "дадут шанс искупить свою вину". О наказании говорили как один все пленные, хотя они и пошли к немцам на службу по принуждению, либо "из-за голода и ужасных условий в лагерях военнопленных".³ В другом лагере двое пленных достаточно красноречиво выразили свое нежелание возвращаться в СССР: они повесились.⁴

Многие хотели как можно скорее связаться с советскими представителями и рассказать свою историю. Они надеялись, что соотечественники поймут, какие нечеловеческие страдания заставили их работать на немцев. Полагая, что англичане мешают им связаться с советским посольством, и стараясь отмежеваться от своих товарищей по несчастью, слишком запятивших себя сотрудничеством с немцами, пленные устраивали в лагерях "мелкие бунты и голодовки"; поэтому британский МИД, во избежание недоразумений, старался уговорить советских представителей встретиться с пленными.⁵

Первый серьезный инцидент в этой связи произошел в лагере Баттервик, в Йоркшире. Сюда из транзитных лагерей на юге страны были переведены несколько сотен советских граждан разных национальностей, — грузины, татары, жители Средней Азии, даже таджики с Памира. Не имея ни малейшего представления о своем будущем, они, естественно, были подавлены и встревожены. Когда их привезли в лагерь, пленные отказались вылезать из грузовиков. Лишь после долгих расспросов переводчик Чеслав Йесман выяснил, что они приняли группу любопытствующих английских офицеров, сбежавшихся поглазеть на русских, за офицеров НКВД, присланных командовать расстрелом пленных. Между прочим, среди пленных было около двадцати детей.

Вскоре по прибытии в лагерь некоторые начали требовать, чтобы им разрешили вернуться в СССР для участия в борьбе против нацизма. Они составляли петиции и посылали их английским военным властям, в советское посольство и военную миссию.⁶ По совету юриконсультанта МИД Патрика Дина, пленным объяснили, что в проволочках повинны советские, а не английские власти, но это только подлило масла в огонь.⁷ Напуганные молчанием представителей своей страны и понимая все тяготы своего положения, обитатели Баттервика — их было около 550 — приходили всё в большую панику. В петиции от 30 августа они жалуются: "Нам выдали одежду военнопленных, мы считаем это оскорбительным". Петицию подписали те, кто был взят в плен в гражданской одежде: наверное, они боялись оказаться в одной компании с пленными, попавшими к англичанам в немецкой форме и тем себя скомпрометировавшими. Они отказались надеть выданную им форму военнопленных и объявили забастовку. Комендант лагеря приказал снять палатки бунтовщиков и посадить их на хлеб и воду. Некоторые тут же заболели, но, несмотря на зарядивший на сутки дождь, "не проявляли никаких признаков слабости, хотя кое-кто все же надел форму". Как подчеркивалось в рапорте в военное министерство,

пленные настолько привыкли к суровому обращению в концентрационных лагерях на континенте, что очень сомнительно, чтобы на них подействовало наказание. ... Положение может изменить лишь визит представителя советского посольства или хотя бы весточка оттуда.

Отметив, что пленные немного успокоились ("они надели штаны"), военное министерство настоятельно рекомендовало приложить все усилия к тому, "чтобы к этим русским военнопленным как можно скорее пришел кто-нибудь из советской миссии и разъяснил им их положение".⁸

Напомним, что советская военная миссия несколько недель делала вид, будто никаких русских военнопленных просто не существует. (Бригадир Файербрейс ответил на это главе советской военной миссии Н. Харламову: "Я могу их вам показать"). Однако на дворе стоял уже сентябрь 1944 года, и советские представители наконец-то получили инструкции из Москвы: генерал-майору Васильеву из советской миссии предстояло посещение лагерей русских военнопленных в Йоркшире.⁹

До этого советские представители должны были совершить обряд, неизбежно предшествовавший всем переговорам. Капитан Солдатенков, русский эмигрант, работавший в английской разведке и за деньги оказывавший услуги Советам, представил отчет из лагеря в Кемптон-парке об обширном заговоре, организованном русскими эмигрантами с целью воздействовать на лояльность советских военнопленных в отношении коммунистической партии и государства. Солдатенков утверждал, что нити заговора, задуманного Русской Православной Церковью зарубежом, дотянулись из Сербии до Лондона, а теперь уже — до лагерей на севере Англии. Возглавляли, дескать, этот заговор бывший командир московского гвардейского полка генерал Гальфтер, председатель эмигрантской партии "младороссов" Джордж Кнупфер и княгиня Мещерская.¹⁰ Правда, сомнительно, чтобы эта группа могла преуспеть в планируемой интриге: генерал и княгиня были уже в таком возрасте, что вообще ни о какой деятельности не могло быть и речи, а партию "младороссов" распустили за несколько лет до описываемых событий. А Кнупфер предположил, что за попытку подрывной деятельности был, вероятно, сочтен показ в соседнем городке старой кинохроники о коронации Николая II.¹¹

На самом деле рапорт капитана Солдатенкова предназначался для того, чтобы впоследствии, когда между советскими представителями и пленными в лагере установится контакт, объяснять страх пленных перед возвращением в СССР происками эмигрантов.

Комендант лагеря в Каттерике разрешил священнику лондонской православной церкви навещать военнопленных и совершать богослужение. Прибыв в Йоркшир, отец Михаил Польский, к своему немалому удивлению, обнаружил, что многие советские граждане прекрасно осведомлены о литургии. Служба проходила в большом бараке, куда битком набились военнопленные, и даже просоветски настроенные офицеры "внутреннего круга" с любопытством наблюдали за службой. Около семидесяти пленных исповедались и причастились. Затем отец Михаил побеседовал с ними и подарил музыкальные инструменты и собранные его прихожанами русские книги, не имеющие никакого отношения к политике. Он отметил, что пленных очень хорошо кормят, а английские офицеры поделились с ним надеждой, что русские увезут домой добрые воспоминания о британском гостеприимстве. Однако после жалобы Солдатенкова все визиты такого рода были запрещены.

Рассказ отца Михаила Польского подтверждает М. Кульман, русская эмигрантка, живущая в Лондоне. Она присутствовала на собрании, где около 50 женщин и мужчин слезно умоляли ее спасти их от репатриации. Они объяснили, что всех их ждет суровое наказание; но у М. Кульман создается впечатление, что больше всего их пугала перспектива вернуться в страну безбожия. "Сталин хочет отлучить нас от Бога! — говорили они. — Мы тысячу лет жили с Богом, не может же советская власть переделать то, что существовало веками!" Но чем могла им помочь госпожа Кульман? Ей оставалось лишь бормотать бессильные слова утешения.¹²

Не прошло и трех месяцев после прибытия пленных, как в лагерь приехал первый советский представитель. 8 сентября генерал-майор Васильев, новый глава советской военной миссии, объезжал Йоркшир с группой советских и английских офицеров, и англичане возлагали большие надежды на этот несколько запоздалый визит.

В первые два дня своей поездки генерал Васильев посетил лагерь Баттервик, где находилось около 3 тысяч русских военнопленных, из которых 450 все еще бастовали. Те, кто служил в немецкой армии, построились на пустой площади, и генерал обратился к ним с речью. Он сказал, что советское правительство их не забыло и что все они в конце концов вернутся домой, хотя из-за трудностей с транспортом это дело несколько затянется. На этом он закончил свое выступление и стал отвечать на вопросы пленных.

— Что с нами будет, когда мы вернемся домой?

— Не волнуйтесь, — ответил генерал. — У нас всем места хватит.

— Знает кошка, чье мясо съела, — отозвался мрачный голос.

— Вам нечего бояться: вас ведь силой заставили служить в немецкой армии.

Кто-то выкрикнул из толпы:

— Никто нас не заставлял. Мы в вас стреляли.

Но генерал был милосерден и снисходителен.

— Ну что ж, и в этом мы разберемся — отыщем виноватых и отделим их от невиновных. А вот это, — и он указал пальцем на немецкую форму одного из солдат, — бросим в печь.

— И нас вместе с нею, — не унимался мрачный голос.

Во время визита советских офицеров военнопленные держали себя в целом очень уверенно и даже вызывающе. Солдаты Русской освободительной армии обвиняли красноармейских генералов в том, что в 1941-42 годах их бросили на произвол судьбы; с гордостью выставляли напоказ нашивки РОА; и когда к ним подошел советский полковник, отказались его приветствовать, а некоторые отдали ему честь в явно издевательской манере. В ответ на упреки полковника раздалась грубая брань.

Однако на следующий день все странным образом изменилось. Нашивки РОА были спороты, люди выглядели удрученными и недоверчивыми. Советские офицеры снова беседовали с ними — каждый с небольшой группой, стараясь изыскать доказательства того, что английские офицеры занимаются антисоветской пропагандой. После тщетных усилий им, наконец, удалось выудить кое у кого признание, что капитан Нарышкин, эмигрант, работавший в лагере переводчиком, говорил им, будто Сталина они больше не интересуют.

— Ах, Нарышкин, — задумался полковник Городецкий. — Это не белогвардеец ли?

Советская делегация тут же заявила протест в связи с высказываниями Нарышкина, и было решено прервать его контакты с военнопленными.

После отъезда советских представителей в лагере воцарилось смятение. Некоторых, правда, ободрили расплывчатые обещания Васильева, зато другие твердо заявляли, что скорее покончат с собой, чем вернуться на родину. Васильев произнес небольшую речь перед английскими офицерами, заявив, что англичане плохо обходятся с его несчастными соотечественниками, которые были вынуждены работать на немцев, при первой же возможности сдались в плен союзникам, а поэтому, мол, с ними надо обращаться гуманно. Вот ведь и в госпиталь кое-кто попал. И нельзя ли оплачивать труд пленных? А как обстоит дело с сигаретами, баней, дополнительными одеялами? Военное министерство отреагировало на эту

речь весьма адекватно: в рапорте не без сарказма отмечалось, что "советское правительство вдруг решило выступить в роли благодетеля..."

На следующий день генерал Васильев со своей свитой прибыл в Стедиум-кемп, в Каттерике. Здесь все шло тихо-мирно, пока комендант лагеря не вздумал похвалиться перед гостями собранием русских книг, которые привез для пленных отец Михаил Польский. Васильев пришел в ужас, и возмутительные сочинения Тургенева, Аксакова и Лермонтова были спешно отправлены назад, в русскую церковь в Лондоне.

Вернувшись в столицу, Васильев заявил, что в общем доволен английской администрацией лагерей. Он вновь подчеркнул, что нельзя считать этих людей предателями, особенно совсем молодых, или стариков и немощных, и настоятельно потребовал обеспечить им самые лучшие условия. Осудив суровое обращение англичан с забастовщиками, "он отметил, что это дело прошлое, и напомнил он о нем лишь для того, чтобы такие вещи больше не повторялись".¹³

В связи с предполагаемыми высказываниями капитана Нарышкина английские военные власти разработали систему мер, гарантирующих, что в контакт с военнопленными отныне не вступит ни один человек, которого можно было бы заподозрить в антисоветских настроениях, в особенности эмигранты. Из русских книг разрешались только присланные советской военной миссией, визиты отца Михаила Польского отменялись. Для поддержания внутренней дисциплины в лагере важно было искоренить слухи,

будто советское правительство больше не проявляет к пленным интереса и им нечего ждать от своего правительства. Подобные утверждения совершенно безосновательны, и всякая антисоветская пропаганда такого рода будет осуждена самым серьезным образом.¹⁴

Между тем приближался момент отправки первой группы русских военнопленных на родину. По мнению англичан, первенство в этом деле должно было принадлежать какой-то определенной категории пленных. Большинство русских, взятых в плен в Нормандии, входили в состав формирований, относившихся — по крайней мере, в теории — к немецкой армии, и, следовательно, считались военнопленными. Не столь многочисленную категорию составляли члены трудовых батальонов Тодта, не являющиеся солдатами в общепринятом смысле слова. Но поскольку они

носили форму и работали на военных укреплениях, военное министерство решило считать их военнопленными.¹⁵ Министерство внутренних дел отправило в Баттервик 500 человек, относящихся к этой категории (они-то и устроили описанную выше забастовку).

Но среди русских были также и гражданские лица, не состоявшие ни в каких организациях и не относящиеся к категории военнопленных. Они находились в ведении министерства внутренних дел в приемном центре в Лондоне и по английским законам не попадали даже под самую вольную интерпретацию "Акта о союзных вооруженных силах". Их могли оставить в стране на правах беженцев или выслать (но не репатриировать против их воли). Этим вопросом занимался законник МИД Патрик Дин. 15 октября он писал в "совершенно секретном" письме в министерство внутренних дел:

Нам кажется, самое простое — это отправить домой всех русских, находящихся в данный момент в лондонском приемном центре... поскольку это снимет с вас ответственность и поможет избежать юридических и политических затруднений, которые могут возникнуть, если эти люди будут и дальше оставаться в Соединенном Королевстве на правах гражданских лиц. ... Дело осложняется тем, что среди этих русских есть женщины, нуждающиеся, насколько я понимаю, в особых условиях, но, к счастью, число их невелико, и мы очень надеемся, что их удастся отправить домой в самом скором времени.¹⁶

Через месяц секретарь Объединенного комитета начальников штабов сообщил в МИД:

Положение с транспортом изменилось... и начальники штабов поручили мне сообщить, что в настоящее время возможно вывезти 11 тысяч человек, при условии, что суда вернутся назад к концу ноября 1944 года.¹⁷

Этот дополнительный транспорт неожиданно высвободился из-за отмены предполагавшегося наступления на Рангун.¹⁸ Условие адмиралтейства о возвращении судов к концу ноября совпало с требованием Идена форсировать события; он ведь постоянно твердил, что крайне желательно вывезти из Англии "как можно больше советских военнопленных, пока не возникли осложнения".¹⁹ Под осложнениями Иден, конечно, имел в виду пугавшую его огласку.

Как только появился транспорт и Военный кабинет дал согласие на отсылку пленных, военное министерство принялось за организацию перевозки русских, разбросанных по всему Йоркширу. Это была довольно серьезная задача. Несколько тысяч человек, не имевших никаких вещей, надо было обеспечить одеждой для путешествия по северным морям и пребывания в СССР, где зима была уже на носу. Заведующий армейским интендантством, Д. Сифф, распорядился предоставить пленным несколько тысяч шерстяных жилетов, кальсон, носков, шинелей, ботинок, расчесок, бульонных кубиков и т.п.²⁰ В своей заботе о комфорте пленных власти дошли до того, что издали следующее распоряжение:

Все русские, отобранные для репатриации, должны быть обеспечены новым, повторяю, новым обмундированием и шинелями; все немецкие формы и любую форменную одежду, находящуюся в их распоряжении, следует отобрать.²¹

20 октября отдел по делам военнопленных под руководством генерал-майора И. К. Геппа собрался для обсуждения последних приготовлений к репатриации. Генерал Гепп объяснил, что в первой партии репатрируется 10 220 русских. Им уже выданы одежда и личные вещи, и их вывезут из лагерей 29 октября. Генерал Васильев, санкционировав меры по устройству остающихся военнопленных, торжественно осведомился об одежде, выданной русским. Его заверили, что все в полном порядке, и присутствовавшие на собрании отправились на ленч.²²

Следует сказать, что генерал Васильев вовсе не являлся украшением славной организации, которую он представлял. Двое знавших его в тот период пишут об его поразительном сходстве с крысой.²³ Кроме того, он был сноб. Рассказывают, что однажды он с гордостью произнес: "Подумать только, меня, капрала драгунского полка царской армии, как равного принимают в лондонском кавалерийском клубе".²⁴

На ранней стадии подготовки к возвращению русских пленных на родину английские власти осведомились у Васильева, "какие шаги следует предпринять в отношении советских граждан, отказывающихся возвращаться".²⁵ Бригадир Файербрейс, не желавший, чтобы английские войска принимали участие в этом неприятном деле, предложил Васильеву выделить для охраны транспорта советских военнослужащих. Но Васильев с самого начала настаивал на том, чтобы именно английские солдаты отвечали за побеги пленных по дороге к порту. Поскольку МИД поддерживал все требования Васильева, Файербрейсу ничего не оставалось, как

уступить. В тот же самый день комендантам лагерей был отправлен тщательно продуманный приказ:

Не исключена возможность, что некоторые русские не пожелают покинуть Англию и попытаются бежать... Вам надлежит обеспечить вооруженную охрану для сопровождения пленных, но охранники не могут, повторяю, не могут применять оружие, кроме как для самообороны... Держите достаточное число охраны в порту, до отхода судна, во избежание побегов в самом порту. Это должно быть проделано как можно незаметней.²⁶

31 октября²⁷ корабли с русскими военнопленными вышли из Ливерпуля в Мурманск. На борту было 10 139 мужчин, 30 женщин и 44 мальчика.²⁸ Все они находились под неусыпным наблюдением "незаметных" вооруженных английских охранников. В советский порт судно прибыло как раз накануне очередной годовщины революции. 14 ноября советское агентство ТАСС передало волнующий рассказ о прибытии двух транспортов и о высадке освобожденных пленных:

Прибывших тепло встретили представители уполномоченного Совнаркома СССР по делам репатриации советских граждан из Германии и оккупированных ею стран, а также представители местных советских органов и общественности. Волнующей была встреча вернувшихся из фашистской неволи советских граждан с трудящимися Мурманска. Стихийно возник митинг. Один за другим поднимались на импровизированную трибуну советские граждане, насильно оторванные немецкими извергами от Родины, и выражали свою взволнованную благодарность советскому правительству, товарищу Сталину за отеческую заботу о них...

Местные советские органы проявили большую заботу о репатрированных советских гражданах. Их обеспечили питанием и жильем. Советские люди, которые вновь обрели Родину, проявляют огромный интерес к радостным событиям на фронтах Отечественной войны, к жизни Советского Союза. Затаив дыхание, слушали они 6 ноября доклад Председателя Государственного Комитета Обороны товарища Сталина на торжественном заседании Московского совета депутатов трудящихся совместно с представителями партийных и общественных организаций города Москвы. Репатрированные советские граждане группами

разъезжались по родным местам. Дети-сироты, родители которых пали от рук немецких захватчиков, размещаются в детских домах.²⁹

Из рассказа очевидца событий, майора С.И. Кригина, предстает совсем не такая радужная картина:

7 ноября в Мурманске я возвращался в машине из штаба военно-морской миссии в порт. По дороге мы миновали длинную колонну русских репатриантов, шедших под конвоем с судна "Скития" в лагерь за городом. У меня создалось впечатление, что с ними обращаются, как с военнопленными вражеской армии. Охранники были вооружены винтовками, на 10-15 пленных приходилось примерно по одному конвоиру. Никаких признаков теплого приема я не заметил. Поведение репатриантов лишней раз свидетельствовало об их униженности. Все они были одеты в английскую военную форму, у большинства в руках были маленькие узелки с пожитками, советских вещей на них не было.

Это сообщение было отправлено бригадиру Файербрейсу, который, пересылая копии генералу Геппу и Уорнеру (из МИД), приписал:

В связи с настоятельными требованиями советской стороной привилегий и поддержки для "освобожденных советских граждан", прилагаемый рассказ очевидца событий в Мурманске может представить некоторый интерес.

Однако в МИД сообщение Кригина прозвучало неприятным диссонансом среди всеобщего благодушия; и мидовский чиновник Джоффри Вильсон, подчеркнувший, по поручению Уорнера, строчки донесения, говорящие об отсутствии у пленных советских вещей, заметил: "Ничего удивительного: ведь они только что сошли с английского корабля. И наличие вооруженной охраны тоже вполне естественно. Хорошо бы узнать побольше о самом майоре Кригине..."³⁰

Но за кулисами творились вещи пострашнее. Лейтенант норвежской армии Гарри Линдстром прибыл в Мурманск с тем же транспортом, что и русские. Весь день 7 ноября до него доносился шум автоматных очередей. Тогда он спросил двух советских офицеров, находившихся с ним на судне, что происходит. Те ответили, что не знают. На это норвежский

репортер Олаф Риттер не без сарказма заметил, что это, вероятно, дают салют в честь советских военнопленных, вернувшихся из Англии. Впрочем, даже такие случаи, как показали последующие события, не могли нарушить спокойствия мидовских чиновников.

Генерал Васильев, явно довольный ходом дел, при ближайшей встрече тепло поблагодарил генерала Гелпа.³¹ У сэра Александра Кадогана, постоянного заместителя министра иностранных дел, тоже были все основания для радости. 2 ноября он писал Черчиллю, отвечая на вопрос премьер-министра о причинах задержек в проведении всеобщей репатриации:³²

Согласно вашим распоряжениям, мы отправили пленных в СССР. На суда было погружено около 10 200 человек. Сопротивление оказали всего 12 человек, они были доставлены на судно силой, остальные ехали вполне охотно. Около 9 500 пленных еще находятся в Англии. Мы отправим их при первой же возможности.³³

Такая возможность, однако, представилась лишь через несколько месяцев, а пока русские, находившиеся в Англии, старались как можно больше извлечь из своего пребывания там. В их лагерном существовании в Англии имелся легкий оттенок чего-то нереального, что ощущалось и пленными, и охраной.

Гарри Льюис, например, не без удовольствия вспоминает о том, как работал бухгалтером в лагере Брэмхэм-2 в Йоркшире, где содержалось 500 русских пленных. Это были представители самых разных национальностей, по большей части сильные, рослые люди, с огромными ногами и головами: им приходилось выписывать фуражки самых больших размеров, но и те сидели на них, "как на корове седло". Впрочем, ботинки подходящих размеров все же нашлись, но русские подбивали их бумагой, объясняя, что так положено в Красной армии.

Главными их развлечениями в лагере были, как поется в старой русской песне, карты, женщины и вино. Каждую неделю им выдавались карманные деньги в размере 5 шиллингов, но после азартной карточной игры все деньги переходили в карманы нескольких счастливицов,³⁴ и те тут же бросались в лагерьную столовую за пивом. На вопрос, сколько им налить, они отвечали по-немецки: "Alles". Или же они отправлялись на автобусе в Лидс — зайцами, потому что кондукторше никак не удавалось выйти победительницей из лингвистического поединка с ними. Там они проводили счастливые часы в самых низкосортных пивных, на обратном

пути расплачиваясь рвотой в запоздалых автобусах. Некоторые ухитрились иметь дополнительный доход: им случалось переспать с солдатками и они возвращались в лагерь с честно заработанной фунтовой банкнотой.

Днем пленные работали на соседних фермах. Их не охраняли (во всем лагере было 13 невооруженных английских солдат), и они работали с удовольствием и часто пели красивые песни. Стояла суровая зима 1944-45 года, и они настояли на том, чтобы печи в их бараках топились круглосуточно. В результате они вскоре не только извели весь запас угля, но и сожгли большую часть лагерной мебели. Эта страсть к теплу странным образом сочеталась с излюбленным развлечением: обливать друг друга на морозе ледяной водой из шлангов.

Жизнь английского персонала тоже напоминала дурацкую музыкальную комедию. Один из старших офицеров занимался торговлей одеждой и вел дела прямо из лагерной штаб-квартиры, заваленной мотками шерсти. Второй офицер, ирландец, появлялся в лагере крайне редко, поскольку у него имелась девица в Торнере. Остальные занимались обычными делами – разворовывали склады и потихоньку сбывали русским пиво, по три пенса за пинту. Никому ни до чего не было дела, и каждый развлекался как умел.

Гарри Льюис свел знакомство с пленными, и они рассказывали ему о том, что им пришлось пережить в Красной армии и в войсках вермахта, говорили о своем нежелании возвращаться в СССР. Будучи бухгалтером, он имел возможность убедиться в неграмотности подавляющего большинства пленнных: получая деньги, они вместо подписи ставили крестик. Это случайное открытие кое-что говорит нам о западных специалистах, в свое время принявших на веру официальные советские утверждения, будто неграмотность в СССР упала до 2%.³⁵ В общем Гарри Льюис сохранил очень теплые воспоминания о русских пленных. "Они были азартными игроками, страшными пьяницами, жуткими бабниками, среди них свирепствовали венерические болезни... но при всем при том они были очень симпатичные ребята!" – утверждает он.

Впрочем, национальная склонность к горячительным напиткам поощрялась далеко не во всех лагерях. Вот что рассказывает Вайолет М. Дай, жившая весной 1945 года в Ворсинге, где русским пленным выделили гостиницу:

Их не пускали в питейные заведения, и они без конца толклись в аптеках, жестами показывая, что у них прострелы и радикулит, и аптекари выдавали им метиловый спирт, пока не обнаружили, что русские используют его вовсе не для растираний, а для

внутреннего употребления. Тогда всем аптекарям был разослан циркуляр, призывающий к осторожности.

Однако русские пленные вовсе не были однородной массой младенчески наивных крестьян, привыкших к лишениям и страданиям, для которых свобода и удобства значили куда меньше, чем для англичан. Среди офицеров, общавшихся с ними, были люди, которые могли понять русский характер. Это, в первую очередь, Чеслав Йесман, о котором я уже писал. Вторым был мой старый друг, князь Леонид Ливен. Он родился в Курляндии, переехал в Англию, стал военным. В ту пору многие русские эмигранты, английские граждане, благодаря знанию русского языка получили назначения на работу в лагеря, где размещались русские пленные. Свободно владея русским, эмигранты много общались с пленными, и для них это была не просто безлика масса, от которой, по выражению Черчилля, Идена и Моррисона, следовало как можно скорее "избавиться".

Князь Ливен был назначен в группу связи при бригадире Файербрейсе, и, в октябре 1944 года, он оказался в лагере в Тирске. Два обстоятельства поразили его по прибытии. Он увидел настоящих русских крестьян, бородатых и спокойных, которые часто выражали удивление при виде погон у офицеров военной миссии, приехавших в лагерь. Большинство их попало в плен в 1941-42 годах, до того, как Сталин ввел в армии погонь,³⁶ и потому они заключили, что в лагерь приехали царские офицеры мобилизовывать их на войну с Советами.

Но далеко не все в лагере были простолюдинами. Князь Ливен познакомился с русским врачом, умным и образованным. Тот рассказал, что служил в Белой армии у Деникина; после падения Врангеля решил воспользоваться амнистией, которую тогда объявили Советы, и остаться в России, чтобы помогать своему народу. Попав в немецкий плен, он по той же причине согласился работать с немцами — хотел лечить своих соотечественников в плену. Он хорошо понимал природу советского государства и догадывался о том, какая судьба ждет его по возвращении, но был готов принять ее. Однажды он признался Ливену: "Смерти я не боюсь: меня пугают пытки".

Ливен пытался уговорить коменданта лагеря спасти несчастного от репатриации. Поляки из другого лагеря предложили помощь: например, они могли бы доказать, что этот врач — украинец, живший западнее линии Керзона. Но комендант понимал, что сделать ничего не удастся, и весьма раздраженно приказал Ливену больше не поднимать этот вопрос.

— Вы ведь, Ливен, белогвардеец, — добавил он. — Если вы будете настаивать на этой безумной идее, вас и самого арестуют.

Несмотря на это предупреждение, Ливену удалось заинтересовать этим делом другого офицера, но тут ему неожиданно приказали выехать на судно "Дюшесс оф Бедфорд" в Ливерпуль, и врач был репатриирован вместе со всеми.

Иные пленные, по рассказам Ливена, были людьми редкой душевной чистоты и доброты, какие встречаются только в России. Один солдат три часа простоял перед фасадом Йоркского собора, замороженный его красотой. Другой рассказывал Ливену о том, как в лесу на Украине повстречался с Богом. Незадолго до немецкого вторжения Господь предстал пред ним в образе старика и сказал: "Спрячься, сын мой, ибо грядет сатанинское время". Крестьянин послушался и таким образом, вероятно, избежал смерти. В Англии он беспрестанно поражался свободе и богатству тамошней жизни: "Как в раю", — повторял он. Однако МИД решил, что ему стоит дожить свои дни совсем в другом месте.

В лагере в Тирске был весьма беспокойный обитатель, по фамилии Шараватов. Сначала он был старостой лагеря, но его карьере помешало участие в волнении, которое организовал один татарин против коммунистов, укравших, по его утверждению, все лагерное мясо. Татарина перевели в лагерь для итальянских фашистов; в Тирске был назначен новый староста, а Шараватов, как другие пленные, стал работать на близлежащих фермах. Эта беззаботная жизнь его вполне устраивала, но все рухнуло в один прекрасный день, когда он увидел дочь местного фермера верхом на прекрасном коне. Это видение юности и красоты возникло перед ним среди ржавых листьев, запахов и туманов английской осени. Вряд ли он мог видеть что-нибудь подобное на бескрайних просторах России. Мимо него пронеслись на лошадях участники охоты. Но бедный Шараватов стоял как пораженный громом. Затем он беспробудно запил и как-то, лунной ночью, добрался до фермы. Утром военный патруль обнаружил в хлеву его бесчувственное тело. По лицу спящего бродила широкая улыбка; рядом, в соломе, валялись опорожненные бутылки.

Вспоминал ли Шараватов об аккуратных изгородях в деревнях вокруг Тирска, когда замерзал на Колыме? Являлась ли ему в тюремных снах дочь фермера, уверенно сидящая в седле, юная и задорная? И сколько раз нарушался этот сон звоном рельса, поднимавшего зеков? Впрочем, вряд ли Шараватову снились сны. Он ведь уже отличился в лагерном волнении против коммунистов. Его имя, вероятно, попало в черный список генерала Ратова, переданный на судно, которое везло его и тысячи таких же, как он, русских пленных в Одессу. И скорее всего, последнее, что

видел Шараватов на земле, это ствол автомата, нацеленного ему в живот.

В Бексхилле, на побережье залива, тоже был устроен лагерь. Во время войны в этом курортном местечке было малолюдно. Большинство его обитателей разъехалось. В числе оставшихся были супруги Бэксхол, которые подружились с несколькими русскими пленными. Русские гости любили посидеть у камина с чашкой чая или сыграть в бильярд с Биллом Бэксхолом. Они не переставали удивляться жизни английских солдат.

— Представляете, они каждую субботу чистят ботинки, наводят маршфет и идут себе домой, — говорил пораженный Александр Коркин. — В Красной армии мы считали счастьем побывать дома раз в полгода. В немецкой армии было сносно; но в Англии — просто житуха. Никто никого ни к чему не принуждает, никто не голодает, все добрые, приветливые, каждый живет как хочет. Да в СССР такое житье и представить себе трудно.

Коркин вполне сносно владел английским. Его родителей, крестьян, убили в 20-е годы коммунисты, а сам он пополнил ряды армии беспризорных, существование которой являлось неотъемлемой частью жизни довоенного СССР. Его другу, Федору Чернышуку, было 26 лет, и оба они часто говорили о том, какая ужасная участь ожидает их по возвращении в Союз. "Все капут!" — подытоживал Федор эти рассуждения.

После долгих бесед с новыми друзьями Бэксхол начал понимать, что эти страхи — не пустые слова. А ведь в тогдашней атмосфере союзничества далеко не всякий мог осознать, что в России у власти стоит правительство, которое, захватив власть силой, в буквальном смысле слова объявило войну своим собственным гражданам. Новые друзья Бэксхола были люди простые, политика их не интересовала, о своей жизни на родине они рассказывали просто, ничего не преувеличивая и не скрывая, и эти бесхитростные истории глубоко запали в душу англичанина.

Во время встречи Рождества 1944 года пленные спросили Бэксхола, не может ли он помочь им остаться в Англии. Разумеется, возможности Бэксхола были весьма ограничены. Тем не менее 1 января 1945 года он написал в министерство внутренних дел Великобритании письмо, интересуясь "процедурой, в соответствии с которой эти русские могли бы получить английское гражданство".

Сам того не зная, Бэксхол вызвал настоящий переполох в благородном семействе. Патрик Дин послал копию письма Генри Филлимору, прося его подробнее ознакомиться с делом. "Если, — писал он, — эти люди советские граждане — а так оно, скорее всего, и есть — им придется

репатрироваться, хотя бы они того или нет". Но необходимо было проверить все до мельчайших деталей, так как "с юридической точки зрения положение этих людей ... несколько сомнительно, и именно частые запросы такого рода могут в конечном счете привести к неприятностям". Через пять дней МИД получил сообщение от чиновника военного министерства:

В соответствии с договоренностью по телефону, прилагаю к сему перевод прошения, подписанного 42 советскими гражданами из трудовой роты 631, о том, чтобы английское правительство оградило их от репатриации в Россию. Прилагаю также копию рапорта офицера... Поскольку эти люди признали себя советскими гражданами, мы полагаем, что они будут репатрированы в Россию независимо от их желания. Пока же можно рекомендовать и впредь, как и раньше, содержать их в изоляции в вышеуказанной трудовой роте.

Очевидно, не слишком рассчитывая на помощь Бэксхола, Коркин, Чернышук и их товарищи сами обратились в министерство. А через несколько дней Бэксхол написал еще одно, более пространное письмо в министерство внутренних дел. Подробно описав надежды и страхи двух своих русских друзей, он предлагал предоставить этим людям кров, пока они не найдут работу. Профессия у них хорошая — они делают игрушки.

Но все усилия были, разумеется, тщетны. 8 февраля сотрудник МИД Джон Голсуорси писал сотруднику военного министерства майору Джеймсу:

Спасибо за ваше письмо Дину... от 25 января относительно группы 42 советских граждан из трудовой роты 631, которые попросили о протекции английского правительства. Являясь советскими гражданами, эти люди, разумеется, должны быть репатрированы в СССР при первой же возможности и независимо от их желания. Более того, они сами признались в том, что перешли к врагу, чтобы воевать против союзников, и у нас нет подтверждений их словам, будто они сдались нам добровольно. Нам кажется, что они не заслуживают сочувствия, и мы полагаем, что наша главная цель — сделать все, чтобы из-за них не возникло никаких осложнений между нами и советскими властями. Если имеется опасность таких осложнений или если

руководство лагеря проявляет к ним сочувствие, мы считаем нужным соответствующим образом проинструктировать ответственных лиц.

Одновременно Бэксхол получил короткий ответ из МИД, извещавший, что его просьба не может быть удовлетворена: русские находятся под советской юрисдикцией, вне английского контроля.³⁷

5 февраля Бэксхолы ждали своих русских друзей в гости. Их сын Роланд, как обычно, поехал за ними на велосипеде в лагерь, но найти их не смог. Мальчик обратился к часовому-канадцу, стоявшему у ворот, и тот протянул ему записку, в которой, с жуткими ошибками, было по-английски написано: "Мистер Билл! Нас сегодня в 12 часов переводят в лагерь в 50 милях отсюда. Извините, что не можем придти. Времени нет. Федор, Александр". Это была последняя весточка от русских друзей; и только через тридцать лет Бэксхолы узнали некоторые подробности того, что произошло.

Петиция русских военнопленных возымела самые неожиданные последствия. Военное министерство запросило работников советской военной миссии, не считают ли они целесообразным включить в следующую партию репатриантов, которая тогда как раз компановалась, "предателей из 631 трудовой роты". ("Предатели", разумеется, были те, кто подписал петицию и был изолирован от других пленных). Получив утвердительный ответ, военное министерство издало следующую директиву:

Советских граждан из 631-й трудовой роты – в количестве 41 человека – отказавшихся вернуться в СССР, следует, не информируя их о предстоящей репатриации, немедленно перевести в лагерь для военнопленных № 9.³⁸

16 февраля Александр Коркин, Федор Чернышук и их товарищи, подписавшие роковую петицию, были под конвоем доставлены в Ливерпуль. Серым февральским вечером они вместе с сотнями своих соотечественников поднялись на борт кораблей, идущих в СССР. Здесь были пленные из лагерей, где работали князь Ливен и Гарри Льюис, и из многих других. Как только в лагерях начали распространяться слухи о предстоящей репатриации, среди пленных возникла паника. Гарри Льюису пришлось принять участие в погоне за сбежавшим русским офицером. В лагере в Брэмхаме 5-8 человек, по достоверным сведениям, покончили с собой. В Тирске многие пленные бежали в Апеннины, но страшный холод погнал их назад. Избежать репатриации удалось только одному: его тело

обнаружили в лагере уже после того, как пленных увезли на судно. При посадке на набережной произошел отвратительный инцидент, о котором мне рассказал Гарри Льюис:

На долю моих сослуживцев, с которыми я очень подружился, выпало очень неприятное испытание. Когда они приехали в Ливерпуль, один из русских, увидев корабль, понял, что их обманули и что всех их сейчас отправят в Россию. Выхватив из кармана ржавый нож, он попытался перерезать себе горло. Когда ему не удалось перерезать яремную вену, он зажал пальцем трахею и попытался сломать ее, но его остановили. На борт судна втащили уже не человека, а какое-то кровавое месиво. Мои друзья отнесли его в лазарет. Это зрелище не вызвало ни малейшего сочувствия у советских солдат на судне, один из них сказал: "Собаке собачья смерть". Это мне рассказали люди, которым я абсолютно верю и которые вернулись с корабля совершенно больными.

Льюис добавил, что нести русского в лазарет пришлось английским солдатам, потому что советские офицеры просто бросили его на палубе.³⁹

Но у Коркина, Чернышука и их сотоварищей не было времени задумываться над тем, что они видели. Заподозрив, что их везут на корабль, отправляющийся в СССР, они отказались надеть выданную им форму. Английские офицеры предложили советским коллегам найти для репатрируемых одежду, но те отказались. В английском отчете говорится:

Пленные были доставлены к месту назначения без всяких препятствий в 22.00. Пятеро зачинщиков были помещены в камеры, остальные – на небольшой палубе под советской охраной. Перед отходом судна к ним обратился с речью генерал Ратов. Он выразил сожаление по поводу их поведения и сказал, что все их страхи совершенно лишены оснований и по возвращении на родину они все будут прощены.⁴⁰

Леонид Ливен, находившийся на борту "Дюшес оф Бедфорд", живо запомнил все подробности путешествия. Один из пяти зачинщиков, очевидно, не убежденный посулами генерала Ратова, бритвой разрезал себе живот: ему недавно удалили аппендикс. Имя этого несчастного неизвестно.

Конвой прибыл в Одессу в начале марта 1945 года. Не успели суда пришвартоваться, как на борту появились сотрудники НКВД. Им были вручены списки пленных и рапорты советских офицеров, находившихся на судах, и они немедленно приступили к работе. Пленных построили на палубе, офицер выкликал по списку фамилии, мертвенно-бледные люди выходили из строя. После короткого допроса пленных, в сопровождении сотрудников НКВД с автоматами, группами уводили с корабля. Покончив со специальными списками, приступили к выгрузке оставшихся.

Английские моряки равнодушно наблюдали за происходящим с палубы. Во всех портах, в которые они заходили, толпились солдаты, громоздилось военное оборудование, гудели сирены кораблей, кричали люди, в небе кружили чайки. От Неаполя и Констанцы Одесса отличалась разве что количеством разрушенных бомбежкой зданий.

Вдруг глубокое гудение разрезало воздух, в небе появились два бомбардировщика и начали кружить над бухтой. Моряки инстинктивно втянули головы в плечи, потом выпрямились, завидев на крыльях красные звезды. Тем не менее самолеты вели себя как-то странно. Примерно с четверть часа они кружили над портом, и стоило морякам притерпеться к их гудению, как к нему добавился новый пронзительный механический звук. Это запустили лесопилку, стоящую на набережной. В пронзительном вое пилы и гуле самолетов потонули все прочие звуки. Те, кто оказался поблизости, машинально затыкали уши. Этот адский шум продолжался минут двадцать.

Князь Ливен, сообразив, что происходит, в ужасе помчался к полковнику Дэшвуду, который должен был проследить за возвращением на том же судне английских военнопленных, освобожденных Красной армией. Бледное, перекошенное ужасом лицо князя потрясло полковника:

— В чем дело, мой мальчик?

— Сэр, они убивают пленных! — заикаясь от волнения выдавил Ливен.

— Этого не может быть! — прокричал в ответ полковник.

Ливен стал было настаивать, но быстро сообразил, что протестовать все равно бесполезно — чем мог тут помочь полковник Дэшвуд?

Через несколько минут шум прекратился, бомбардировщики скрылись за крышами, пила, выполнив, вероятно, свою утреннюю норму, остановилась, и порт снова зажил привычной жизнью. Выгрузка с судна продолжалась без всяких инцидентов, и только Ливен не мог отделаться от мысли о том, что в недавнем грохоте потонули стакатто автоматных очередей, крики и стоны жертв.

Догадка князя Ливена представляется вполне правдоподобной. Бывший узник Лефортово, финн, рассказывает, что возле тюрьмы,

наверное, находилась мастерская по ремонту самолетных двигателей, и мы денно и ночью слушали гул запускаемых двигателей... Но вечерами и ночью эти звуки часто перекрывались доносившимися до нас криками из следственного отдела, хотя он был от нас довольно далеко.⁴¹

О том же пишет и А.И. Солженицын: "Под какой-нибудь сопроводительный машинный грохот неслышно освобождая пули из пистолета в затылки..."⁴²

Эти методы, которым обучали в школе НКВД в Бабушкине, применялись повсеместно.⁴³ Так что вряд ли можно серьезно воспринимать заключительные строки статьи в лондонской "Таймс", посвященной этой репатриации, в которых автор пишет о "трогательных сценах, разыгравшихся после того, как русские вступили на свою родную землю".⁴⁴

На этом, насколько мы можем судить, закончилась история пленных, которые всего за несколько недель до того сидели за рождественским обедом в уютном доме Бэксолов. Эта страшная участь постигла их лишь по одной-единственной причине: английские власти сочли своим долгом сообщить генералу Ратову о петиции, написанной в Бексхиллском лагере. Как месяцем раньше заметил Джон Голсуорси, "нам кажется, что они не заслуживают сочувствия..."

Остальным пленным, выгруженным в Одессе, но не расстрелянным тут же на набережной, предстояло пройти еще некоторые формальности перед тем, как отправиться "в неизвестном направлении". Напомним, что английское правительство было очень озабочено тем, чтобы полностью экипировать репатрируемых новым зимним обмундированием. Самое горячее и заинтересованное участие в этом деле принял глава советской миссии генерал Васильев. 20 октября 1944 года на совещании отдела по делам военнопленных он жаловался директору отдела генералу Геппу, что некоторым пленным выданы новые формы, а другие остались в старых и рваных. Генерал Гепп обещал это проверить.⁴⁵ Уже на следующий день была издана соответствующая директива. Тем не менее советские власти продолжали настаивать на своих требованиях от имени "советских военнопленных и граждан СССР, депортированных немецкими захватчиками в фашистские лагеря и освобожденных союзными войсками".⁴⁶ 21 декабря 1944 года штаб ВКЭСС сообщил:

Советские представители на этом театре военных действий информировали нас, что они рассчитывают получить от союзников новое обмундирование для всех своих пленных... Речь идет о следующих вещах.

Одежда: по блузе на каждого, подшлемник, шинель, шерстяной свитер, пара ботинок, шерстяные перчатки, брюки. По две пары шерстяных кальсон, жилеты, носки.

Снаряжение: по одеялу на каждого, кисточки для бритвы, расчески, рюкзак, бритва, жестяная миска, мыло, бутылки для воды (вода в бутылках), зубная щетка, вилки, ножи, ложки, полотенца.⁴⁷

Незадолго до описанного выше путешествия Васильев в письменном запросе осведомился о готовности обмундирования.⁴⁸ Через два дня, 7 февраля 1945 года, в письме генералу Геппу он выразил недовольство тем, что

репатрируемым выдается всего лишь по паре нижнего белья на человека... Советская военная миссия просит принять во внимание климатические особенности Советского Союза зимой и учесть, что репатрируемым предстоит покрыть значительные расстояния. Поэтому мы считаем, что в добавление к другим предметам одежды следует выдавать по крайней мере по два комплекта нижнего белья на человека.⁴⁹

Обмундирование, которого столь настойчиво добивалась советская сторона и которое столь любезно было предоставлено англичанами, сопровождало пленных в их долгом морском путешествии до самой Одессы. Но там им пришлось расстаться со своими вещами. Мы располагаем пятью разными свидетельствами, в которых описана любопытная церемония, имевшая место всякий раз по прибытии советских граждан на родину. Приведем одно из них — Г.Г.Гамильтона, освобожденного Красной армией из немецкого плена и проделавшего вместе с сотоварищами опасное путешествие через Польшу и Украину в Одессу, откуда их должны были отправить на родину на тех же судах, на которых были доставлены русские пленные. Вот что он пишет:

Я имел несчастье попасть в руки к Советам в 1945 году, и мне довелось собственными глазами увидеть, что случилось с советскими гражданами, репатрированными из Германии. Наша

группа бывших английских военнопленных прибыла в Одессу 8 марта 1945 года. Отсюда нам предстояло отплыть на судне "Хайланд принцесс", прибывшем в Одессу с большим количеством бывших русских военнопленных, попавших в руки к союзникам во Франции. По словам корабельной команды, этим пленным была выдана полная смена обмундирования, и они вышли на берег в английской форме. Будучи в казармах в Одессе, мы видели, как группу этих людей вели к вокзалу, чтобы отправить их на восток, и они были одеты в лохмотья, а на ногах у них было и вовсе нечто невообразимое... Прочитав "Архипелаг ГУЛаг" А. Солженицына, я понял, что он описывает именно то, что мы наблюдали в Одессе. Правда, мы не были непосредственными свидетелями того, как у них отбирали английское обмундирование и белье, ботинки, носки и т. д. — все это происходило в помещении склада. В двери склада входили хорошо одетые люди — а выходили оборванцы в некоем подобии обуви, столь живо описанном А. Солженицыным...⁵⁰

О том же рассказала мне и другая моя соотечественница, свидетельница событий. В ту пору она была юной девушкой (как и английских пленных, ее освободила Красная армия).⁵¹ Подтверждают это и свидетельства трех английских офицеров связи, сопровождавших транспорты с репатрированными и не раз присутствовавших при подобных жестоких и унижительных сценах.⁵²

Стоит задаться вопросом, почему советское правительство так злоупотребило доверием своего союзника. Очевидно, одежда сама по себе представляла в то время действительно некую ценность: в СССР ее катастрофически не хватало.⁵³ И все же — абсурдные требования лишней пары кальсон в сочетании с полным отсутствием каких бы то ни было попыток скрыть последующую конфискацию вещей выглядят довольно странно.

Впрочем, не менее странно и другое противоречие. С одной стороны, многие англичане имели возможность наблюдать за тем, что происходит, и докладывать об этом английским властям. С другой, советские власти порой доходили буквально до абсурда в попытках скрыть что-либо от иностранного наблюдателя. Приведем всего лишь один пример: вице-президент США Генри Уоллес во время визита в СССР побывал на Колыме. Чтобы создать благоприятное впечатление у простодушного визитера, НКВД за одну ночь снесло деревянные наблюдательные вышки вдоль дорог к Магадану, построенному эсками. Тысячи заключенных

были на три дня заперты в бараках. Иностранного гостя отвезли в образцовый колхоз, где в роли свинок выступали секретарши офицеров НКВД. В магаданском театре ему показали спектакль, в котором играли заключенные, привезенные в театр на грузовиках и сразу же после представления отправленные назад. В магазины завезли товары, которых никто из русских не видел уже много лет.⁵⁴ Поэтому нам кажется вполне вероятным, что советские власти старались — и не без успеха — утереть союзникам нос. Да и в самом деле — кто бы мог подумать, что удастся с такой легкостью заставить англичан репатриировать тысячи пленных и что они беспрекословно будут сносить нескончаемый поток советских оскорблений! А коли так — то почему бы не заставить этих английских задавок поплясать под советскую дудку: пусть потратятся на одежду для приносимых в жертву русских. А если потом они обнаружат, что их надули, — так поделом им. Сталин сам ведь сказал однажды про Черчилля: "...Он такой, что если не побережешься, он у тебя копейку из кармана утянет".⁵⁵ И легко представить себе, как в маленькой комнате в Кремле, где по ночам горел свет, он и Берия потешались над Черчиллем, карманы которого они так ловко обчистили...

На протяжении первых шести месяцев 1945 года английские конвои регулярно отправлялись из Англии в СССР. На одном из судов приключился забавный случай, о котором рассказал мне Чеслав Йесман. 27 марта из Глазго в Одессу вышло судно "Альманзора", на борту, кроме советских военнопленных из лагерей в Йоркшире, находились также члены чешского правительства в изгнании, отправленные вперед для установления контроля над страной сразу же после освобождения. (Доктора Бенеша, будущего президента страны, еще раньше вывезли самолетом).

Маршрут "Альмазоры" пролегал через Средиземное море и Дарданеллы. В Константинополе судно подобрало трех-четырёх русских, бежавших с предыдущего корабля. Советский консул доставил их на судно и передал офицеру НКВД, майору Шершуну, находившемуся на борту, а тот, в свою очередь, передал их своему одесскому начальству.

Чешские министры должны были сойти на берег в черноморском порту Констанца. Перед этим советские офицеры устроили в их честь прием. Все шло как положено: произносились торжественные речи, провозглашались тосты, и вот один чешский министр поднялся, чтобы поблагодарить хозяев. Сказав о тех дружеских чувствах, которые связывают их с русскими, он под конец пригласил офицеров в ближайшем будущем навестить в Прагу. Лейтенант Йесман ясно слышал, как один из сидящих поблизости от него саркастически пробормотал: "Очень нам нужно ваше приглашение — мы и так там будем".

18 апреля 1945 года "Альманзора" пришвартовалась в одесском порту. О том, что случилось дальше, лейтенант Йесман писал бригадиру Файербрейсу в донесении, переданном затем заведующему Северным отделом МИД:

Во время выгрузки советских граждан в одесском порту из-за строений на пирсе донеслись две автоматных очереди. Позже охранник сказал мне, что двое из прибывших были расстреляны на месте. По его словам, это были "плохие люди", которые "продались капиталистам". Охранник был узбеком или туркменом, и я завоевал его расположение, произнеся несколько слов по-узбекски и подарив ему пачку сигарет. Об инциденте я сразу же сообщил полковнику Бойлю и капитану корабля Баннистеру.⁵⁶

Позже, проезжая в джипе по разрушенному городу, Йесман наткнулся на место, где расстреливали человек десять. Его советский спутник лаконично поведал ему, что это "предатели". На улицах повсюду валялись трупы. "А что ожидает тех, кого оставили в живых? Майор Шершун честно признался, что их пошлют, как он выразился, в исправительно-трудовые лагеря и лишь немногим разрешат служить в армии".⁵⁷

МИД в это время столкнулся с новой проблемой: что делать с теми, кто отказался признать себя советским гражданином? В Ялтинском соглашении речь шла о "советских гражданах", и вопроса о насильственном возвращении тех, кто таковым не был, МИД не рассматривал. Поначалу было решено дать советским представителям возможность самим определять принадлежность к советскому гражданству.⁵⁸ Однако уже в октябре 1944 года военное министерство получило сообщения о том, что среди пленных, отобранных Васильевым для репатриации, были люди, назвавшиеся поляками, латышами, немцами или имеющие нансеновские паспорта,⁵⁹ а некий Антонас Вацискас заявил, что является гражданином США. Патрик Дин заметил по этому поводу: "В довершение всего нам только не хватает получить жалобу от правительства США, что мы отослали в СССР американского гражданина, — в особенности, если его там расстреляют".⁶⁰

Дело было чревато неприятностями, и МИД решил проявить твердость — во всяком случае, на данном отрезке времени. Советскому послу сообщили, что в тех случаях, когда военнопленный не считает себя советским гражданином, его заявления о гражданстве будут проверены, и, если

они подтверждаются, он не будет отослан в СССР.⁶¹ При этом было использовано такое определение: "Советскими гражданами считаются все лица, жившие в пределах границ Советского Союза, установленных до начала войны".⁶²

Разумеется, советская сторона тут же обрушила на несчастный МИД поток обвинений. Главное состояло в том, что "английские военные власти произвольно и без всяких причин вывезли советских граждан из некоторых лагерей"; (а англичане еще не решились, считать ли им этих людей советскими гражданами). В другой жалобе говорилось, что какой-то английский офицер сказал военнопленным, находившимся в лагере, будто из 10 тысяч пленных, вернувшихся в СССР, половину расстреляли. Были и довольно нелепые обвинения: некая англичанка, секретарь общества "Друзья Советского Союза" в Нормантоне, посетив лагерь, в котором работал Гарри Льюис, якобы попросила одного пленного помочь практическими советами в организации подпольной борьбы против помещиков и капиталистов. В жалобе, впрочем, не объяснялось, что вызвало тут возражения советских представителей.

Вокруг лагерей, где содержались военнопленные, вели "подрывную деятельность" и другие женщины, проникавшие, по утверждениям генерала Васильева, в лагерь единственно для того, чтобы "бесконтрольно вести там антисоветскую пропаганду неприкрыто враждебного характера". Английский генерал, отвечавший на эту жалобу, заметил:

У коменданта есть основания подозревать, что обитатели лагеря иногда в нарушение правил проводят к себе тайком местных женщин. Однако он полагает, что эти женщины приходят вовсе не ради пропаганды.

В другой жалобе майор Флетчер, служивший в лагере Хаттон Гейт, обвинялся в том, что высказывал русским пленным замечания такого рода: "Русский офицер — не хорошо, русский офицер — дети, русский офицер — пьяница, русский офицер — как свинья". Сотрудники военного министерства немало повеселились над этой якобы буквальной записью слов англичанина.⁶³

Но вернемся к вопросу о спорном гражданстве. Тем, кто выдавал себя за граждан другого государства, приходилось это доказывать, в противном случае их отправляли в Советский Союз. Мне известен только один случай, когда от этого правила отступили. Рассказал о нем бригадир Файербрейс:

Я играл в эту игру по всем правилам и исключение сделал только для одного человека, поразившего меня своей смелостью. Он прекрасно говорил по-русски, но я тем не менее сказал, что он поляк. Он бросил нам прямо в лицо: "Вернуться в эту страну? Но там убили моего отца, изнасиловали мою сестру. Лучше смерть, чем возвращение". Вытянувшись передо мной по стойке смирно, он сказал мне: "Лучше застрелите меня на месте, но не отсылайте назад". И я взял грех на душу, сказал, что он поляк. Да простит меня Господь! Генерал Ратов был в бешенстве, но я знал, что стоит пленному попасть в спорный список — и он будет спасен.

Это произошло после того, как английское правительство организовало проверку потенциальных репатриантов. До этого не существовало никаких ограничений, которые могли бы помешать Васильеву или Ратову включить несоветских граждан в списки пленных, обреченных на возвращение в СССР. В письме МИД от 31 марта 1945 года бригадир Файербрейс писал:

До сих пор советская военная миссия пользовалась фактически неограниченными правами при определении гражданства русских военнопленных, находящихся в лагерях; и они объявляли советскими гражданами всех без разбору. Я видел копию анкет, заполняемых пленными. Там не было графы с вопросом о гражданстве, был только пункт "национальность".

Таким образом, таинственное обозначение "русский" могло с равным успехом относиться и к советскому гражданину, и к русскому эмигранту, не имеющему гражданства, обладателю нансеновского паспорта, установленного Лигой наций для лиц, не имеющих гражданства.

Весна и лето 1945 года были нелегким временем для Патрика Дина, Джоффри Вильсона и прочих сотрудников МИД, сторонников принятой линии в вопросе репатриации. 28 марта Дин, касаясь в служебной записке случаев самоубийства среди репатриантов, писал:

Бригадир Файербрейс и полковник Тэмплин делают все, чтобы избежать огласки. Они просили, чтобы МИД обратился к отделу новостей с предложением сделать все возможное во избежание огласки либо о самих инцидентах, либо о слушаниях по этому делу в суде коронера. Может быть, Северный отдел проследит

за этим и сделает все возможное... Эти самоубийства (нам известно по крайней мере о четырех-пяти) могут привести к политическим неприятностям. Сэр О. Саргент, очевидно, пожелает, чтобы его держали в курсе событий.

Сослуживец Дина, Джоффри Вильсон, обсудил эти проблемы с сэром Дж. Камероном из отдела новостей. Последний, признав невозможность проведения следствия *in camera* или отстранения прессы от этого дела, высказал остроумное предложение:

Нужно представить дело в суде коронера таким образом, чтобы было ясно, что эти люди [самоубийцы] боялись возмездия за сотрудничество с немцами. Возможно, так оно и есть... и, повернув дело в эту сторону, нам удастся избежать осложнений.

Однако начальник Дина и Вильсона, сэр Орм Саргент, считал это решение слишком хитроумным и недостаточно надежным. "Мне бы хотелось провести это дело по пункту 18 В или по какому-нибудь другому закону военного времени", — писал он. Вильсону, впрочем, удалось немного успокоить начальство сообщением, что военные власти получили инструкции предложить коронерам порекомендовать прессе не сообщать ничего об этих случаях.⁶⁴ И огласки удалось избежать, хотя случаи самоубийства множилось. Особенно популярным местом стала набережная в Ливерпуле. Она буквально притягивала к себе страдающих "острой депрессией", как формулировало судебное заключение в одном из случаев.⁶⁵

Чеслав Йесман еще находился на борту "Альманзоры", еще четыре дня пути отделяли его от трагедии в Одессе, а бригадир Файербрейс уже столкнулся с первыми случаями спорного гражданства, представленными на рассмотрение новосформированного совета, в который, кроме него, вошел также генерал Ратов. 14 апреля 1945 года бригадир писал Уорнеру:

В четверг мы с генералом Ратовым занимались вопросом о гражданстве лиц, внесенных в список. После восьми часов напряженной работы мы решили 50 дел. Не буду сейчас вдаваться в подробности (я представлю полный отчет о проделанной работе после ее завершения). Генерала Ратова сопровождали четыре советских офицера, советский консул Кротов и стенограф, записывавший буквально каждое слово.

Большинство опрошенных были прибалты и поляки из западной части страны, а также один молдаванин. Остальные признали себя советскими гражданами, и с ними не было никаких сложностей, хотя многие энергично протестовали против отправки в СССР. Тем не менее все они были переданы советским властям, и их отошлют в лагеря под советским контролем, за исключением десяти человек, которые временно содержатся под арестом по требованию генерала Ратова. Из тех, кто назвался польскими гражданами, подавляющее большинство настаивало на своих утверждениях, и они были оставлены в спорном списке. Но двоих, явно лгавших, перенесли в советский список. У меня лично не было никаких сомнений, что они советские граждане... Вы дали мне чрезвычайно неприятное поручение, так как, за немногими исключениями, эти люди, независимо от того, польскими или советскими гражданами они себя признают, горячо возражают против отправки их в СССР или даже в Польшу. Многие из них настоятельно стремились ознакомить комиссию с причинами, по которым они не желают возвращаться, и подробно рассказали о своей жизни в Советском Союзе или в Польше после прихода Красной армии. Все эти рассказы складываются в одну нескончаемую историю о расстрелах, арестах, жестокостях и депортациях семей. Они утверждали, что не желают возвращаться в страну, где возможны такие вещи и где человек не имеет никаких прав. Среди них были дети кулаков, которым приходилось годами скрываться от ареста, быть постоянно в бегах. Один молодой человек рассказал, что он с 12 лет сидел в тюрьме и освободили его только перед призывом в Красную армию. Большинство говорили, что предпочитают смерть возвращению в Советский Союз, некоторые даже предлагали англичанам расстрелять их на месте, только не отсылать назад. Никогда еще мне не доводилось видеть такого отчаяния, такой меры человеческого горя. Все их рассказы звучали в высшей степени правдиво, и генерал Ратов вертелся, как уж на сковородке, хотя и не делал попыток остановить их. Ему явно не нравилось, что пленные в присутствии английских офицеров рассказывают правду о советских методах. Прилагаю запись трех дел, сделанную бывшим со мной офицером. Остается лишь надеяться, что удастся каким-то образом воспрепятствовать репатриации лиц со спорным гражданством, так как, при том, что каждое

их слово было зафиксировано, это означало бы послать их на верную смерть.⁶⁶

Дальше шли три дела:

535118 Катчин, В. — советский гражданин (находится под арестом). Когда Катчину было 10 лет, его отца расстреляли, а мать вместе с мальчиком оказалась в тюрьме НКВД. Они провели несколько лет в женской тюрьме, где содержались женщины с детьми, часто это были молодые матери с новорожденными. Через несколько лет мать умерла, но мальчика не освободили, хотя он был несовершеннолетним. Ему удалось бежать во время бомбежки (при этих словах генерал Ратов сказал: "Ерунда, из тюрем НКВД убежать невозможно")⁶⁷ и перебраться через линию фронта к немцам.

5709 Батцаров, А. — советский гражданин (содержится под арестом). Батцарову под сорок. Сначала он очень волновался, но потом успокоился и на вопрос генерала, почему он не хочет возвращаться назад, ответил, что ему стыдно быть советским. Его отец, священник, в 1929 году был арестован; сначала у него вырвали язык, чтобы он не мог больше произносить проповеди, затем расстреляли. Мать умерла от потрясения. Мальчик убежал и какое-то время скрывался, но потом его схватили и бросили в тюрьму, где он провел несколько лет. Затем он бежал и до самого начала войны жил в лесу, как загнанный зверь. Он по своей воле пришел к немцам, чтобы бороться против коммунистов, но его послали на Западный фронт, где он и попал в плен к англичанам.

В50797 Бойко, Леонид — гражданство спорное. Бойко не хочет возвращаться домой, если район, где он жил, отошел к СССР. С него довольно советской власти. После 1918 года часть его семьи оказалась в СССР. Его родители и братья были расстреляны, ему самому пришлось долгое время скрываться. В 1939 году, когда он работал вдали от дома, до него дошло известие, что дома неладно: жена и ребенок пропали. По словам соседей, их забрало НКВД. Бойко снова начал скрываться и в конце концов попал в руки к немцам. (Бойко немного путался в своем рассказе, его явно пугало присутствие генерала Ратова).⁶⁸

23 мая в Одессу на корабле "Импайр Прайд" была отправлена новая партия русских. Среди них были те, жизнеописания которых мы только что привели, и еще "несколько русских, не видевших Россию с царских времен". Это плавание описал в своих записках канадский офицер, капитан Юматов:

Нижняя палуба была обнесена колочей проволокой. На ней были устроены четыре камеры, с расчетом по двое в каждой. Сразу же по прибытии на борт советские офицеры разместили в этих камерах всех, кто содержался под арестом — 51 человека, и отказались использовать для арестованных оставшееся на палубе место. Через несколько дней, по настоянию капитана, камеры немного разгрузили. Капитан приказал также немедленно покончить с бесконечными воплями, доносившимися из камер.⁶⁹ 30 мая, когда судно огибало Гибралтар, пленный по фамилии Данченко бросился за борт, и обнаружить его не удалось. Еще один русский попытался покончить с собой в Босфорском проливе, но его спасли.

Наконец прибыли в Одессу.

Высадка началась в 18.30 и продолжалась четыре с половиной часа. На пароходе было много больных, но советские представители отказались от носилок, и даже умирающим пришлось самим спускаться по трапу с вещами в руках. Несли только двоих: у одного была ампутирована правая нога и сломана левая, второй был без сознания. С пленным, покушавшимся на самоубийство, обращались очень грубо, рана его открылась, он истекал кровью. Его увели с корабля за пакгаузы в доках, затем раздался выстрел, но никто ничего не видел. Группу из 32 человек отвели в склад, в 50 ярдах от корабля, минут через 15 последовала автоматная очередь. Еще через 20 минут из склада выехал в направлении города грузовик с крытым кузовом. Позже, когда поблизости никого не было, мне удалось заглянуть в склад, и я увидел на каменном полу темные пятна. Стены на высоте примерно пяти футов были испещрены дырками.⁷⁰

Это были не единственные жертвы. Около 150 человек были отделены от прочих пленных и отведены за сарай на набережной. Там их расстреляли, причем среди палачей было, по рассказам, много подростков в возрасте 14-16 лет. Один узник ГУЛага вспоминал через несколько лет:

В конце войны карательная команда была укомплектована какими-то белобрысыми, низкорослыми, совсем юными и слабосильными птенцами... Ходили слухи, что это были дети чекистов, которым родители сумели заменить фронт безопасной работой палача.⁷¹

Тед Хансон, стюард "Импайр Прайд", наблюдавший за высадкой пленных, записал рассказ старшины Уотсона из военной охраны. Старшина видел, как под руководством юных палачей тела расстрелянных грузили на телеги. По набережной сновали детишки, лет трех-пяти, выпрашивавшие у английских моряков еду и одежду. Появившийся вдруг советский милиционер начал гоняться за мальчишками. "Он поймал малыша лет трех, — рассказывает Тед Хансон, — ударил его кулаком по лицу и швырнул на землю".

Может показаться странным, что советские власти не предприняли никаких усилий к тому, чтобы скрыть от сторонних глаз эти сцены. Ведь поначалу они это делали: например, в Мурманске в ноябре 1944 года. Репатриантов встретили там торжественно, с флагами и речами. Но с тех пор прошло несколько месяцев, английское правительство молчало, хотя вполне могло догадываться о том, что происходит; и советские власти решили, что настала пора действовать в открытую и расправляться со своими гражданами по своему усмотрению.

Бригадир Файербрейс отправил полный отчет в МИД и в отдел по делам военнопленных, приложив к нему также рапорт Юматова. В беседе с автором этой книги он вспоминал об ужасе, который внушала ему возложенная на него задача; и действительно, этот ужас звучит в каждой его строке:

В рапорте А вы несомненно заметите, что на скорую расправу были обречены люди, преступление которых состояло не в том, что они служили в немецкой армии — как делали остальные 99%, но в том, что они либо отказывались вернуться в Советский Союз, либо пытались избежать насильственной репатриации, записавшись в Польскую армию. Из анализа списка людей, которые, я уверен, были расстреляны, следует, что из 33 человек 20 были русскими, отрицавшими советское гражданство и попытавшимися в Англии вступить в Польскую армию. Один был арестован на борту судна по неизвестной причине, прыгнул за борт в Дарданелльском проливе и покушался на свою жизнь, вскрыв бритвой артерии. Шестеро — немцы

Поволжья, выразившие нежелание возвращаться в СССР. Пятеро — русские, отказавшиеся вернуться и описывавшие в присутствии генерала Ратова Советский Союз в самом черном свете. Наконец, последний — это охранник, случайно снабдивший незадачливого самоубийцу бритвой. С него немедленно сорвали знаки различия, бросили в камеру и высадили вместе с прочими арестованными, так что он, скорее всего, разделит их судьбу. Следовательно, насколько мне известно, все те, кто отказался вернуться в СССР, были расстреляны.

Должен признать, что из этого рапорта я сделал вывод о необходимости самой тщательной проверки всех сомнительных случаев, и я могу лишь надеяться, что никто из занесенных в спорный список не будет отправлен в СССР, поскольку, отказавшись вернуться, они скорее всего разделят судьбу тех, о ком идет речь в рапорте. Следует помнить, что советские власти считают лиц со спорным гражданством своими подданными. Несколько человек из этого списка высказывались против Советского Союза в моем присутствии и в присутствии советских офицеров и приводили примеры жестокостей, совершившихся Красной армией после раздела Польши в 1939 году. Эти люди, несомненно, будут расстреляны сразу же по прибытии в СССР.

В рапорте Д есть интересное замечание майора Шершуна, что большинство военнопленных будет отправлено в исправительно-трудовые лагеря. Между тем, все советские офицеры в беседах с этими людьми неизменно обещают им, что немедленно по прибытии в Советский Союз они будут отпущены домой.⁷²

Рапорт Файербрейса прочитали Кристофер Уорнер, Патрик Дин, Томас Браймлоу и другие сотрудники МИД. "Сложность в том, что по условиям Ялтинского соглашения мы обязаны отослать всех советских граждан назад", — заметил Дин.⁷³ Но через четыре месяца признал, что в Ялтинском соглашении не было ни слова об "определенных обязательствах правительства его королевского величества репатриировать в Советский Союз советских граждан, не желающих возвращаться..."⁷⁴

Расскажем теперь об истории Софьи Полешук. Ее родителей выслали в 1930-31 годах в Сибирь, девочку вырастил местный врач. Он обучил ее своей профессии, и она сдала экзамен на медсестру, участвовала в финской и польской кампаниях, вышла замуж за офицера — капитана Гусейнова. В августе 1941 года она попала в плен. Ее муж тоже оказался

в плену, но их сразу разлучили. Проведя год в лагере, Софья бежала, но ее поймали в 1943 году и вывезли в Германию. Там она попросила у немецких властей разрешения воссоединиться с мужем, который в то время был надсмотрщиком в лагере для советских военнопленных в Силезии, в городе Нейхаммер. Здесь она стала работать в прачечной, муж регулярно навещал ее. В мае 1944 года он бежал из лагеря. Софье он сказал, что хочет пробраться в Югославию и ни за что не вернется в СССР. Позже она получила весточку, что он жив и здоров, но увидеться им больше не довелось. Она осталась одна с ребенком, родившимся через месяц после побега мужа. Через восемь месяцев город взяла Красная армия, и находившимся там русским было приказано пешком пробираться на восток. За линией фронта Красной армии царил полная анархия: убийства, грабежи, насилия.⁷⁵ Молодая женщина, пусть даже с крошечным ребенком, легко могла стать добычей разнузданных солдат. Но Софье повезло: она попала в маленькую группу английских военнопленных, освобожденных Красной армией и пробиравшихся в Одессу. Один из солдат, Джонс, работал на немецких фермах и немного говорил по-немецки, так что он мог общаться с Софьей. Она рассказала ему свою историю, и он до сих пор живо помнит молодую женщину с ребенком на руках и их долгие беседы на пыльных дорогах Польши и Украины, которые он пересказал мне во время нашей встречи.

Джонс взял Софью под свою опеку: назвавшись ее мужем, он защищал ее от посягательств других. В Одессе ему удалось уговорить английского консула отправить его "жену и ребенка" в Англию. Каким-то образом посреди всего хаоса до Софьи дошли вести о муже: он воевал в антикоммунистическом партизанском отряде и попал к союзникам. Софья твердо решила разыскать его в Англии, даже если ей придется для этого снова оказаться в лагере. Но она так и не увидела своего мужа, а ребенок — своего отца. Едва капитан Гусейнов оказался у союзников, к нему было применено Ялтинское соглашение.

Софья прибыла в Глазго 5 мая 1945 года и была опрошена иммиграционными властями. Вот что писал об этом офицер службы иммиграции:

Беженка не хочет возвращаться в СССР. Она утверждает, что в лучшем случае ее арестуют, но несомненно она опасается более сурового наказания, так как ее муж воевал в антикоммунистическом отряде. Кроме того, по прибытии в Одессу она сознательно избегала всякого контакта с советскими властями. По ее словам, собственная судьба мало ее волнует, но она надеется

дать ребенку возможность жить в свободной стране. Местонахождение ее мужа пока что неизвестно, но если он попал в Англию в качестве военнопленного, он, несомненно, сейчас в руках у советских... Гусейнова, очевидно, имела антикоммунистические настроения задолго до начала войны. Трудно обречь женщину, волей обстоятельств попавшую в этот хаос, на смерть в Сибири, но, вероятно, другой возможности у нас нет. Прошу ваших инструкций относительно этой беженки.

Инструкции МИД не замедлили прибыть, и сотрудник британского МИД вскоре сообщил следующее: "...Женщина и ребенок сегодня утром выехали из... Ливерпуля, и я надеюсь, что их отъезд станет последней главой этой эпопеи". Так оно и было. Софья с ребенком была посажена 22 мая на судно, идущее в СССР, а мидовский чиновник лаконично резюмировал: "Грустная история, но мы ничего не могли поделать".⁷⁶

Нам неизвестна судьба Софьи Гусейновой и ее ребенка, но в то время многие женщины в такой же ситуации попадали на Колыму. Еврейка немецкого происхождения, отбывавшая там срок, вспоминает прибытие в лагерь сотен девушек, которые, как и Софья Гусейнова, работали на немцев или каким-либо другим образом "изменили" родине: "Вначале это были робкие подростки, но Колыма быстро превратила их в законченных проституток". Среди прибывших были украинские националисты, и с ними обходились особенно жестоко.

Почему советскому офицеру, допрашивавшему семнадцатилетних девочек, понадобилось ломать им ключицы и бить тяжелыми армейскими сапогами по ребрам, так что они плевались кровью на койках колымских тюремных больничек?

Жизнь женщин на Колыме была ужасна, но непродолжительна: туберкулез, сифилис, недоедание, самоубийства косили их сотнями.⁷⁷ А что стало с ребенком? Софья не могла оставить его в Англии, как предложил однажды мидовский чиновник в отношении другого ребенка,⁷⁸ чья мать заявила МИД: "Моему мальчику всего пять месяцев, и я точно знаю, что они его отберут у меня".⁷⁹ И она была права. Поляки, попавшие в советские лагеря в 1941 году, пишут: "Дети, родившиеся в лагерях, несколько месяцев остаются с матерью, а затем их увозят в специальные учреждения". Первые два года мать еще может навещать ребенка; затем детей отсылают в детские дома.⁸⁰ При этом многие дети тяжело заболевают, а то

и умирают, и матерей не всегда пускают даже на похороны. ("Другого заведешь!" — сказал охранник матери, только что потерявшей ребенка).⁸¹

В Магадане Элино́р Липпер посетила детский комбинат. Там были дети, родившиеся всего неделю назад. Матерям разрешали месяц отдохнуть, а потом они возвращались на работы (валить лес летом и чистить снег зимой). Несколько раз в день их строем приводили в комбинат, они кормили детей, а потом под дулами автоматов возвращались на работу. Няньками в таких детских комбинатах назначались уголовницы, но даже при самых лучших намерениях они успевали только протереть полотенцем бритую головку ребенка и сунуть ему какое-нибудь отвратительное варево:

Эти дети почти не знают игрушек, они редко улыбаются. Они поздно начинают говорить и им неизвестна ласка. Маленькие дети забывают своих матерей от разу к разу, и только они начинают немного оттаивать, как охранник кричит: "Пора, кончайте". И матери слышат со двора, как плачут оставленные ими дети. Дети в комбинате всегда плачут, и каждой матери кажется, что она слышит своего ребенка. Ребята постарше, прижимаясь носами к окнам, следят за тем, как их матери уходят от них шеренгой, пятеро в ряд, а сзади идет солдат с автоматом наизготовку.⁸²

Несмотря на недопустимость сантиментов, МИД иногда все же отступал от своей генеральной линии. Среди советских граждан, попавших к англичанам в том же месяце, что и Софья Гусейнова, был всемирно известный профессор. Я не могу назвать ни имени, ни области занятий профессора, так как его родственники до сих пор живут в СССР. Его сын ответил на мой запрос так:

За исключением нескольких незначительных эпизодов сразу же после крушения Германии моей семье ни разу не угрожала репатриация. Более того, англичане сообщили отцу, что советские разыскивают его, и предложили свою протекцию. Они сделали это потому, что Кембридж был заинтересован в отце как в специалисте, а кроме того, его хотели заполучить американцы.

И профессор репатрирован не был. С этой благополучной судьбой ученого резко контрастирует мрачная история Александра Романова, находивше-

гося в лагере для русских военнопленных в Ньюкастле. Романов попал к немцам в 1941 году, когда он был совсем еще мальчиком, позже его вывезли на работы во Францию. После высадки союзников в Нормандии он был взят в плен американцами и вместе с тысячами других пленных оказался в Англии. Наслушавшись в лагере рассказов о том, что ждет его на родине, он дважды пытался бежать, но всякий раз его ловили и возвращали назад. Так что в случае репатриации он становился верным кандидатом в смертники. Вероятно, понимая это, английский офицер, работавший в лагере переводчиком, посоветовал юноше снова бежать и пойти к представителям русской эмигрантской общины в Лондоне; там де ему помогут. Скопив немного денег, Александр добрался до Лондона и явился по адресу площадь Брешин, 5, в Русский дом, которым владел представитель антикоммунистического движения русских эмигрантов в Лондоне Саблин. Александр позвонил в дверь, ему открыли, и он оказался в большой комнате. В ожидании хозяина квартиры он рассматривал огромный портрет своего знаменитого тезки, царя Александра I, изображенного вместе с Николаем I. На стенах висели иконы, гравюры с видами России, фотографии убитого большевиками Николая II. О том, что произошло дальше, нам известно из отчета МИД.

В комнату вошел элегантный, шегольски одетый господин. Это был Саблин. Указав Александру на стул, он сел рядышком и осведомился, чем может служить. Александр принялся рассказывать о своих страхах, двух побегах, о совете английского офицера и надежде на то, что русская община его спрячет. Саблин внимательно выслушал гостя, задал пару вопросов насчет английского офицера и, сказав, что ему надо позвонить, вышел из комнаты. Действительно, он направился в свой кабинет и позвонил в министерство внутренних дел и в военное министерство.

Саблин, на визитных карточках которого значилось "Представитель общины русских беженцев в Соединенном Королевстве, бывший поверенный в делах Российской Империи в Великобритании", к тому времени уже перешел на службу к Советам.⁸³ И примерно через час после телефонного разговора раздался звонок в дверь, и в комнату топорливо вошел капитан Солдатенков, служивший, как сказано в отчете военного министерства, "связным между министерством и советскими властями".⁸⁴ Задав юному Романову несколько вопросов, он отправился писать отчет. Саблин, между тем, оказался в весьма щекотливом положении. Как сказано в отчете МИД, "оставлять юношу у себя он не хотел, но и отсылать его прочь тоже было неразумно". Ведь уйдя из дома Саблина, Романов мог просто исчезнуть или же повстречать человека, который сообразит, что в данном случае уместно обратиться к "Акту

о союзных вооруженных силах". Поскольку Романов никогда не служил в Красной армии, адвокат без труда мог доказать суду, что юноша не член иллюзорных советских сил на британской территории. Позиция британского МВД тоже была сложной. Романова нельзя было арестовать как "дезертира". И МВД предложило Саблину подыскать гостю жилье и продолжать следить за ним, пока МВД не сочтет возможным его арестовать. Это, в свою очередь, не устраивало Саблина, который боялся, что, во-первых, он может быть заподозрен русскими эмигрантами в сотрудничестве с Советами, а недоверчивым советским посольством — в антисоветских намерениях. Поэтому Саблин решил действовать на свой страх и риск.

Саблин пригласил юного беглеца к столу. К тому времени он уже завоевал полное доверие Александра Романова, которого трогало и подкупало расположение элегантного господина, такого внимательного, такого многоопытного и к тому же без конца подливавшего гостю вина. Парень совсем потерял голову. Тогда Саблин начал втолковывать ему, что единственный разумный выход — вернуться в лагерь. Все равно власти в конце концов его найдут, и тогда ему не избежать крупных неприятностей. А если он вернется добровольно и скажет, что хочет служить в Красной армии, с ним, несомненно, будут хорошо обращаться по возвращении домой. Конечно, сам он, Саблин, будучи эмигрантом, находится в оппозиции к советскому режиму, но, сам того не желая, он пришел к выводу, что Сталин за последние годы сильно изменился. После победы над немецкими захватчиками в России забрезжит новая эра, так что — кто знает — может, и он, Саблин, в один прекрасный день вернется на родину.

Саблин взглянул на часы. Если Саша поторопится, он к вечеру доберется до своего лагеря, и никто не узнает о его побеге. Саблин сунул в карман юноши немного денег. И не надо отказываться. Если мы, русские, не будем помогать друг другу — кто же тогда нам поможет! Кстати, не запомнил ли Саша фамилии офицера, посоветовавшего ему бежать. Высокий, в очках? Нет? Жаль, он, Саблин, хотел бы поблагодарить его, хотя совет и оказался не очень удачным.

Все прошло как по маслу. Бормоча слова благодарности, Александр ушел. Саблин проследил за тем, чтобы он действительно сел на поезд, идущий в Ньюкастль. Побег завершился, завершилась и история Александра Романова. Некролог ему написал Патрик Дин: "Романов убежал из лагеря трижды. Когда он вернется в СССР, его ждут трудные времена".⁸⁵ Джон Голсуорси в декабре высказался более определенно: "Человек, заслуживший верную смерть своими попытками бежать..."⁸⁶

Поскольку весь этот эпизод произошел 9 марта, Романов, скорее всего, оказался вместе с другими пленными на борту судна "Альманзора", отплывшего из Глазго в Одессу 27 марта, и, вероятно, был в числе тех, кого расстреляли немедленно по прибытии (те, кто безуспешно пытался избежать репатриации, были обречены на смерть).

Трем латышам, бежавшим 1 мая 1945 года из лагеря в Ньюландс Корнер, в Гилдфорде, повезло больше. Догадываясь, какая участь уготована незадачливым претендентам на включение в "спорный" список, они доказывали генералу Ратову и бригадиру Файербрейсу, что являются латвийскими гражданами. Недалеко от лагеря жила латышка, вышедшая замуж за англичанина, Анна Чайлд. Она посоветовала своим соотечественникам бежать и явиться прямо в латышскую миссию на Итонплейс. Те так и сделали, но чиновники, встретившие их в миссии, были напуганы ничуть не меньше самих беглецов. Как рассказывала мне госпожа Чайлд, "насколько я поняла, там даже разговаривать с ними опасались, не говоря уже о том, чтобы помочь им". Сотрудники миссии страшно боялись, как бы английское правительство, стараясь угодить Сталину, заодно не репатриировало бы и миссию. Но все обошлось. Как выразился Джоффри Вильсон, МИД "счел необходимым немедленно предпринять какие-то действия во избежание серьезного публичного скандала". Беглецов заверили, что поскольку они являются латвийскими гражданами, их никто не станет репатриировать насильно. Они провели несколько дней в миссии, после чего их отправили в лагерь для военнопленных, не являвшихся советскими гражданами, и в конце концов они были освобождены.⁸⁷

К середине 1945 года большинство русских из английских лагерей были отосланы на родину. Необходимость в громоздких морских перевозках отпала. После падения Германии пленных можно было отправлять сушей. Последняя, восьмая по счету, крупная партия пленных в 355 человек – выехала из Англии в августе 1945 года. Путь их лежал из лагеря в Ньюлендс Корнер в советскую зону Германии, через Дувр и Остенде. Их сопровождал капитан Криштон из группы связи с СССР. В своем отчете он уделяет особое внимание поведению трех советских офицеров, сопровождавших пленных. Как и английский МИД, советские офицеры боялись, что общественность Англии узнает о происходящем. "Майор Груздев... обвинил подполковника Лудфорда в том, что тот умышленно остановил грузовик с пленными и заставил их идти на виду у прохожих". Капитан Криштон тоже удостоился замечания Груздева: английский офицер в простоте душевной предложил во время путешествия

разместить офицеров вместе с репатриантами. Правда, позднее, когда они прибыли в Луненбург, Криштон, к немалому своему удивлению, оказался свидетелем ареста советской военной администрацией всех трех офицеров.

В Дувре один репатрируемый бежал. В Голландии пытался бежать другой. Его поймали и вернули назад, но наутро обнаружился еще один побег, а на другой вечер разыгралась трагедия:

Когда поезд, в 19.00 выйдя из Целля, шел по мосту, я увидел, как из окна бросился человек и упал вниз, примерно в 30 футах. Поезд остановился, и, пока подбирали беглеца, я позвонил военному коменданту в Целле и попросил немедленно прислать скорую помощь. Вернувшись в поезд, я увидел, что русские несут несчастного в вагон, к величайшему негодованию английских солдат, ехавших в этом же поезде. На мое сообщение о скорой помощи [советский] майор ответил, что берет этого человека в поезд. Я сказал ему, что считаю это негуманным и что беглеца надо отправить в больницу. Меня поддержал еще один английский офицер, и майор Груздев согласился. Позже мне сказали, что этот человек (Г. Функ) умер в больнице.

Всего по пути было совершено восемь попыток побега, из них только две оказались удачными. В бараках в Луненбурге, где был устроен сборный пункт для репатрируемых, по приказу советских властей, 140 человек были помещены под строгий арест.⁸⁸

В Англии репатриационные операции шли к концу. 12 ноября 1945 года военное министерство организовало в лагерях для военнопленных "последний розыск" советских граждан.⁸⁹ Было обнаружено 66 человек, которых 12 декабря отправили через Остенде в Союз. Но попытка советских представителей включить в эту группу еще 60 украинцев польского происхождения провалилась. Англичане на сей раз решили стоять на своем твердо.⁹⁰

Однако для пленных, остававшихся в Англии, этот "последний розыск" отнюдь не означал, что все их волнения и страхи позади. Так, в декабре 1946 года, т. е. более чем через год, под вооруженной охраной, через Дувр и Кале, в лагерь для советских граждан под Парижем была отправлена группа из четырнадцати человек.⁹¹

Всего в 1944-46 годах в Англии содержалось и было отослано в СССР 32 295 русских военнопленных.⁹² Большинство их составляли

члены "восточных легионов" и трудовых батальонов Тодта, взятые в плен в Нормандии и привезенные в Англию до сентября 1944 года.⁹³ Многих из них можно было считать "предателями", но другие таковыми не были и быть не могли, особенно женщины и дети, составившие немалую часть репатриированных.⁹⁴

А. Солженицын упрекнул английский народ в том, что тот без всяких протестов позволил совершиться преступлению — насильственной репатриации. Примечательно, однако, что об этой огромной операции, охватившей тысячи человек и включившей в себя нарушения английского закона и похищения людей, знали лишь немногие. Если бы хотя бы часть общественности узнала о том, что происходит в их стране, и выразила протест, возможно, британская политика в этом вопросе была бы пересмотрена, по крайней мере — на территории Англии. Но бдительность МИД, в сочетании с изоляцией пленных в их "мини-ГУЛаге", позволила применить хлипкую постройку "Акта о союзных вооруженных силах". Нам остается лишь надеяться, что в Англии больше не повторятся времена, когда сотрудники СМЕРШа свободно рыскали по стране в поисках добычи, поскольку в следующий раз их жертвами, безусловно, будут уже не русские.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Фотография такой группы с довольно наивным комментарием появилась в английском просталинском издании "The Leader" ("Вождь") 14 апреля 1945 года, стр. 6. Публикация материала такого рода была тогда редкостью.
2. Foreign Office [в дальнейшем: Архив министерства иностранных дел Великобритании], 371/43382, 59.
3. Там же, 80–81.
4. Там же, 75.
5. Там же, 79.
6. Комендант лагеря, основываясь на сообщениях капитана Нарышкина, владевшего русским, писал по этому поводу следующее: "Агитация за возвращение в Россию вызвана скорее всего страхом перед тем, что с ними станет, если они открыто проявят свои намерения [не возвращаться], а не какими-то другими причинами". (War Office [в дальнейшем: Архив военного министерства Великобритании], 32/11119, 14 В–D, 17 В).
7. См. там же, 13 А; 12 А.
8. Там же, 10 А, 17 А–В, 18 А; 32/11137, 103 А–105 А.
9. Там же, 107 А.
10. На Джоффри Вильсона из МИД сообщение о "заговоре" (Архив министерства иностранных дел Великобритании, 32/11119, 26 А) произвело большое впечатление. Справедливости ради следует признать, что активная и действенная группа белоэмигрантов действительно могла бы довести до общественности настроения пленных и их страх перед репатриацией. Это привело бы к массовым побегам и протестам, что в свою очередь поставило бы под угрозу планы применения "Акта о союзных вооруженных силах" к русским военнопленным.
11. См.: Архив военного министерства Великобритании, 32/11119, 26 А–В, 29 А.
12. В. Науменко. Великое предательство: выдача казаков в Лиенце и других местах (1945-1947), т. 2. Нью-Йорк, 1970, стр. 227–229; Архив военного министерства Великобритании, 32/11119, 42 А–В; Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/56714.
13. Архив военного министерства Великобритании, 32/11119, 18 А, 21 А, 22 А, 27 А, 36 В; 32/11137, 108 А, 114 А, 115; свидетельства бригадира Файербрейса и Йесмана. Через несколько дней советские офицеры посетили лагерь в Кемптон-парке и дали пленным еще более уверенные обещания (см. там же, 32/11119, 38 А–В).
14. Там же, 24 А, 25 А, 39 А–В.
15. Там же, 52 D.
16. Там же, 65 А; 19 А.
17. PREM [Документы канцелярии премьер-министра], 3. 364/8, 277; Архив военного министерства Великобритании, 32/11137, 226 А.
18. См.: PREM, 3/364, 276.
19. Там же, 270.
20. См.: Архив военного министерства Великобритании, 32/11141, 11 А.
21. Там же, 21 А, 5 А.
22. См. там же, 32/11119, 88 А; 32/11141, 20 А; а также 32/11137, 218 А.

23. Подполковник Темплин и Ч. Йесман.
24. Ч. Йесман.
25. См.: Архив военного министерства Великобритании, 32/11141, 2 А.
26. Там же, 33 А–35 А, 48 А, 49 А; 32/11119, 96 А. В следующей телеграмме комендантам приказывалось не применять силу к пленным, отказывающимся покинуть лагерь. Вместо этого их надлежало наказывать и сообщать о них советским властям (см. там же, 32/11141, 38 А).
27. Там же, 47 В.
28. Там же, 51 А.
29. Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/43382, 174. Цит. по газ. "Правда", 15 ноября 1944 (прим. ред.).
30. Архив военного министерства Великобритании, 32/11119, 184 А–В; Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/43382, 185–186. Отчет майора Кригина подтверждает другой очевидец событий, секретарь посольства США Джон И. Мелби (см.: Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers, 1944, IV. Washington, 1966, pp.1264). См. также: "The Times", 11.11.1944. Здоровые мужчины были немедленно отправлены на Северо-Западный фронт, инвалиды и пожилые люди отосланы в сибирские лагеря (см.: В. Науменко, указ. соч., стр. 231–232).
31. См.: Архив военного министерства Великобритании, 32/11119, 145 А.
32. См.: ПРЕМ, 3/364, 255.
33. Там же, 250. В это же время сэр Орм Саргент требовал от начальников штабов предоставления транспорта для остальных пленных (см.: Архив военного министерства Великобритании, 32/11137, 280 А).
34. Офицер военно-морского флота Г. Гейли, говоривший по-русски, помог группе пленным раздобыть в магазине в Лидсе игральные карты.
35. См. также: David Caute, *The Fellow-Travellers: A Postscript to the Enlightenment*. London, 1973, pp.61–62. О пленных в Девисе в июле 1944 года в донесении разведки говорится, что "значительное число имеет какое-то образование, небольшую группу составляют неграмотные" (Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/43382, 80).
36. Погоны в Красной армии были введены приказом Сталина 6 января 1943 года.
37. Эти данные почерпнуты из материалов Архива военного министерства Великобритании, 32/11119, 211 А, 211 В, 216 А, 219 А, 220 А; и Архива министерства иностранных дел Великобритании, 371/50606, 144–145, 214–219; а также информации, любезно предоставленной г-ном и г-жой Бексхоллами.
38. Архив военного министерства Великобритании, 32/11683, 96 А.
39. Эту же сцену описал мне подполковник Темплин.
40. Архив военного министерства Великобритании, 32/11141, 61 А, 71 А, 80 А, 118 А.
41. Unto Parvilanti, *Beria's Gardens*. London, 1959, p.57; Vladimir Petrov, *It Happens in Russia: Seven Years Forced Labour in the Siberian Goldfields*. London, 1951, p.193; Vladimir & Evdokia Petrov, *Empire of Fear*. London, 1956, pp.65–66.
42. А. Солженицын. Архипелаг ГУЛлаг (1918-1956). Опыт художественного исследования, т. 1. ИМКА-Пресс, Париж, 1973, стр. 446.
43. См. также: "A.I.Romanov". *Nights are Longest There: Smersh from the Inside*. London. 1972, p.46.
44. The Times, 12.3.1945. Рональд Мэтьюс из социалистического органа "Дейли

- Геральд" называет корреспондента "Таймс" в Москве "некритическим другом Советского Союза" (СВВ [Документы кабинета министров], 66/54, 125). 31 декабря 1943 года "Таймс" опубликовал статью, где в восторженных тонах описывалась публичная казнь немецких пленных в Харькове. В нескольких отрывках чувствуется сдержанный садизм, который, по-видимому, столь часто привлекал западных поклонников советской диктатуры (см. также: Arthur Koestler. *The Yogi and the Commissar, and other Essays*. London, 1945, p. 152).
45. См.: Архив военного министерства Великобритании, 32/11141, 20 А.
 46. Цитата из сообщения ТАСС (Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/43382, 174).
 47. Архив военного министерства Великобритании, 32/11119, 186 А.
 48. См. там же, 32/11141, 113 В.
 49. Там же, 104 В.
 50. Письма от 29.4.1974 и 24.7.1974.
 51. См. интервью с г-жой Йозеф Гарлинской, 14.5.1974.
 52. Князь Ливен и Ч. Йесман. Деннис Хиллс отмечает такую же практику в Одессе весной 1945 года.
 53. См. отчет Рональда Мэтьюса (СВВ, 66/54, 127).
 54. См.: Elionor Lipper. *Eleven Years in Soviet Prison Camps*. London, 1951, pp. 266–269; Robert Conquest. *The Great Terror*. London, 1968, pp. 353–355. Аверелл Гарриман, по-видимому, до сих пор принимает эту экскурсию за чистую монету (см.: W. Averell Harriman, Elie Abel. *Special Envoy to Churchill and Stalin*. New York, 1975, pp. 331–332).
 55. Милован Джилас. *Разговоры со Сталиным*. Посев, 1970, стр. 70.
 56. Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/409, № 7584.
 57. При описании плавания на "Альманзоре" я пользовался информацией, любезно предоставленной мне Ч. Йесманом, и его отчетом того периода (см.: Архив военного министерства Великобритании, 32/11119, 323 С).
 58. См. там же, 32/11137, 141 А.
 59. Там же, 32/11119, 64 А, 78 А.
 60. Там же, 112 А.
 61. Там же, 93 А–В.
 62. Там же, 230 А, 231 А.
 63. Там же, 240 А–В, 241 А–F, 265 А–D; 32/11683, 5 В.
 64. Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/47897, 5–6.
 65. См. там же, 371/43382, 75.
 66. Там же, 371/47897, 108–109.
 67. Ратов ошибся. Сотни заключенных убежали в начальный период войны (см.: David J. Dallin, Boris I. Nicolaevsky. *Forced Labour in Soviet Russia*. London, 1948, p. 107; Bernard Roeder. *Katoga: An Aspect of Modern Slavery*. London, 1958, p. 21; В. Штрик-Штрикфельд. *Против Сталина и Гитлера*. Посев, 1981, стр. 26–27. Некоторые присоединились к власовской армии.
 68. Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/47897, 111–113.
 69. Эту информацию любезно предоставил мне И. Дж. Хенсон, которому сообщил увиденное английский офицер эскорта.
 70. Архив военного кабинета Великобритании, 32/11119, 323 В.
 71. Димитрий Панин. *Записки Сологодина*. Посев, 1973, стр. 372.

72. Архив военного министерства Великобритании, 32/11119, 323 А. Рассказ очевидца о жестоком обращении с пленными, высаженными примерно 21 мая 1945 года в Одессе с "Асканиуса", был опубликован в "Дейли Телеграф" 22 февраля 1978.
73. Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/47901, № 7586.
74. Там же, 47908, 162. Дальше он оспаривает, что обещание Идена на конференции "Толстой" и последующее применение насильственной репатриации являются законным основанием для проводимой политики.
75. См.: Михаил Коряков. Освобождение души. Нью-Йорк, изд. им. Чехова, 1952, стр. 225 – 235; G.A. Токаев. Comrade X. London, 1956, pp. 289 – 294.
76. Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/47944, № 5856.
77. См.: Elionor Lipper, указ. соч., стр. 278 – 279. Молодая полька была изнасилована в магаданском бараке двадцатью уголовниками и заболела после этого сифилисом и гонорреей (см. там же, стр. 156 – 157).
78. См.: Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371 / 47901, 44.
79. Там же, 48.
80. См.: The Dark Side of the Moon. London, 1946, p. 99. См. также: Anita Priess. Verbannung nach Sibirien. Manitoba, 1972, pp. 55 – 56. Фотографии голодающих детей в ГУЛАГовских лагерях см. в кн.: Elma Dangerfield. Beyond the Urals. London, 1946.
81. Anita Priess, указ. соч., стр. 61.
82. Elionor Lipper, указ. соч., стр. 123.
83. О его прежней деятельности в этой области имеется информация в Архиве министерства иностранных дел Великобритании, 371/29515, № 4115. Саблин всеми силами старался получить информацию о попытках эмигрантов во Франции помочь освобожденным советским гражданам (см. там же, 371/51130).
84. Архив военного министерства Великобритании, 32/11119, 26 В.
85. Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/47895, 128 – 130. Саблин и Русский дом были, конечно, давно известны членам лондонской общины белоэмигрантов.
86. Там же, 371/47910, 222.
87. См.: Архив военного министерства Великобритании, 32/11647; информация получена от госпожи Чайльд, моего покойного дяди Августа Бергмана (министра эстонской миссии) и латвийской миссии в Лондоне. Как сообщил мне бригадир Файербрейс, многие несоветские граждане, понимая, что попытки записать себя в спорный список могут ни к чему не привести и лишь отяготить "преступление" в глазах Советов – соглашались на репатриацию добровольно.
88. См.: Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/47904, 154 – 159.
89. См.: Архив военного министерства Великобритании, 32 / 11647, 15 А – 16 А.
90. См. там же, 32/11683, 126 А, 146 А – В, 147 А. Только административная ошибка задержала репатриацию этой группы людей. Они были объявлены советскими гражданами еще в августе (см.: Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/47904, 166).

91. См.: Архив военного министерства Великобритании, 32/11683, 296 А, 298 А, 299 А.
92. Досье см. там же, 12 А.
93. После сентября их содержали в лагере на континенте (см. там же, 32/11137, 302 А).
94. О группах детей см. там же, 32/11119, 27 А; 32/11141, 26 А.

Глава 7

КАЗАКИ В ЛИЕНЦЕ

Зимой 1944-45 года союзная разведка в Италии начала получать сведения о крупном поселении казаков на севере страны. Хотя последние упоминания о казаках в этих местах относятся к временам знаменитой альпийской кампании Суворова 1799 года, само по себе присутствие русских в Италии удивления не вызвало. После наступления в Анцио, предпринятого для прорыва линии Густава, англо-американские войска постоянно брали в плен русских, в основном из трудовых батальонов.¹ Но история появления казаков в Италии действительно необычна.

В 1914-17 годах казаки покрыли себя славой, самоотверженно сражаясь на Восточном фронте. Октябрьскую революцию большинство казаков встретило в штыки: даже двадцать лет спустя они с гордостью вспоминали царское время и героические битвы против узурпаторов-большевиков. После установления на Кубани в 1920 году советской власти там периодически вспыхивали восстания, и когда в 1942 году немецкая армия вошла в этот район, бóльшая часть населения приветствовала оккупантов как освободителей от большевистского ига.

Немцы вели себя на Кубани вполне корректно, здесь почти не было случаев дикости и жестокости, столь частых в других оккупированных районах страны. Землевладельцам возвратили землю и имущество, отобранные когда-то советской властью, и казаки спокойно зажили в возрожденных станицах. Многие добровольно пошли на службу в немецкие вспомогательные части. Вряд ли казаки могли считать государственной изменой возобновление борьбы против советской власти теперь, когда избавление, казалось, уже близко.² Когда в конце 1942 года советские партизаны попытались проникнуть в область, они встретили внушительный

отпор. Но после Сталинграда стало ясно, что отступление вермахта не за горами. Немецкие военные власти уведомили об этом жителей, и начался массовый исход тех, кто боялся советских репрессий.

Тысячи казаков двинулись на запад. Путешествие, несмотря на помощь немцев, было тяжелым. Путь лежал через степь, пожитки везли на телегах. Немцы выделили переселенцам район около города Новогрудка, в ста верстах западнее Минска.³ Здесь они и осели, начали возделывать землю, разводить скот. По казацкой традиции, выбрали атамана — офицера инженерных войск Павлова, которого казаки до сих пор вспоминают как истинного народного вождя. Это был человек выдающихся организаторских способностей, и во многом именно благодаря его руководству казакам удалось проделать трудный путь от берегов Черного моря к границе Польши. Под его началом в Новогрудке были построены церковь, больницы и школы.

Но 17 июня 1944 года атаман Павлов был убит в окрестностях города при невыясненных обстоятельствах: то ли с ним свели счеты партизаны, то ли застрелил казацкий часовой, которому атаман неверно ответил на пароль. Под руководством немецкого офицера связи майора Мюллера, был выбран новый походный атаман, Тимофей Иванович Доманов, бывший майор Красной армии. Человек добрый и совестливый, он не был, однако, такой яркой личностью, как Павлов. Многие казаки до сих пор уверены, что останься Павлов в живых — он смог бы спасти свой народ от уготованной ему участи.

Казацкий стан в Новогрудке, ставший прибежищем для казаков с Кубани, Дона и Терека, жил по старым казацким законам. Мужчины снова надели черкески, кое-кто даже щеголял в военной форме, оставшейся со времен Николая II. Возродились обычаи, зазвучали старые песни. Приезжали сюда и эмигранты-казаки из Западной Европы, жаждущие участвовать в освобождении своей страны. Среди них выделялись прославленные участники первых битв с большевиками в 1918-1921 годах: генералы Петр Краснов, бывший атаман донских казаков, и Вячеслав Науменко, бывший атаман кубанских. То был короткий период возрождения прежней жизни, которой суждено было вскоре кануть в вечность.

Военную форму надевали не для того, чтобы покрасоваться. Леса вокруг Новогрудка кишели партизанами, против которых оказался бессилен вооруженный до зубов вермахт. Атаман Павлов организовал мужчин в военные группы, и хотя в их распоряжении был всего лишь скудный запас стрелкового оружия, которым снабдили их немцы и который пополнился советским оружием, захваченным в боях, казаки

сумели держать партизан на расстоянии. Впрочем, несмотря на сохранение традиционных полков и чинов, казачьих формирования в Новоградке были не более чем полувоенными отрядами самообороны.

Жизнь в Новоградке была трудной, но казаки по сей день добрым словом поминают то время. Ушли в прошлое расстрелы, пытки и рабский труд, дети получали хорошее образование, взрослые распоряжались плодами своего труда в поле, а вечерами колокольный звон сзывал прихожан на молитву. Однако скоро всему этому пришел конец.

В сентябре 1944 года немецкие власти предоставили казакам новое пристанище: на севере Италии, в одном из немногих районов, оставшихся под властью агонизирующего рейха, была выбрана область, наиболее отдаленная от линии наступления Красной армии. Маленький казачий народ снова двинулся со всем своим скарбом в путь через Польшу, Германию и Австрию. В Италии их вначале поселили в Гемоне, а затем перевели в Карнию, в Толмеццо. Немцы предоставили казакам земельные наделы и дома, что, разумеется, вызвало недовольство местного населения. Казаки и здесь организовали свою жизнь по законам донской станицы, они, как и прежде, были все же больше поселением, чем войском, хотя их полки вновь включились в борьбу против коммунистических партизан. Так обстояло дело весной 1945 года, когда фронт вплотную подошел к тем местам.⁴

В Толмеццо, кроме казаков, жило также несколько тысяч кавказцев: грузины, армяне, азербайджанцы, осетины и другие. Их история во многом схожа с судьбой казаков. В основном это были остатки национальных частей, сформированных немцами якобы для освобождения их родины. Когда эта цель стала вовсе нереальной, немцы перебросили некоторые из этих формирований на Западный фронт, во Францию и Нидерланды, а большинство азербайджанцев оказалось на Итальянском фронте, в 162-й Тюркской дивизии, пользовавшейся репутацией отряда, который сражается до последнего. Отдельные грузины тоже получили от немцев инструкции поселиться в Карнии. Штаб-квартира кавказцев находилась в Палуцце, в горах, в нескольких километрах севернее казачьего поселения в Толмеццо. Организованы они были гораздо хуже, чем казаки (наверное, трудно организовать воедино людей, говорящих на семнадцать различных языках и исповедующих разные религии — от православия, как христиане в Грузии, до мусульманства, как шииты в Азербайджане). Как и к казакам, к ним во время их странствий присоединилось множество соотечественников, группами или поодиночке скитавшихся по Центральной Европе.⁵ Похоже, хотя и трудно утверждать со всей определенностью, что именно кавказцы были повинны в случаях жестокого

обращения с жителями тех мест. Немцы много писали об этих случаях: как и во Франции, здесь проводилась политика разжигания ненависти ко всему "русскому".⁶

Штаб главнокомандующего союзными силами в Казерте впервые обратил серьезное внимание на казаков Толмеццо ранней весной 1945 года. В штабе разрабатывались планы по прорыву линии Густава и взятию Болоньи — чтобы после этого ворваться в открытую долину реки По. В Карнийских Альпах действовал отряд особых поручений английской службы специальных операций (ССО), в котором служил Патрик Мартин-Смит. Местные партизаны антикоммунистического толка сообщили ему, что прошлой осенью казаки установили с ними контакт с целью заручиться поддержкой союзников, в победе которых не оставалось ни малейших сомнений. Мартин-Смит сразу же загорелся идеей убедить казаков перерезать железнодорожную линию Виллах-Удин, одну из двух главных коммуникационных линий немецкой армии в Италии. Эта операция могла бы сыграть важную роль в наступлении. Но сколько-нибудь вразумительного ответа из Казерты Мартин-Смит не получил. Как он понял, в штабе не хотели, чтобы казаки знали о дате предстоящего наступления. А потом его романтический план сорвали развернувшиеся события: немцы начали крупную операцию по очистке Карнии от партизан, а в середине апреля армии Александра беспрепятственно продвинулись вперед, взяв Имолу и Болонью. В конце месяца союзники могли атаковать Толмеццо совершенно самостоятельно.

Наступление на казачью дивизию было начато в ночь на 6 мая. Выйдя из лагеря в полном боевом порядке, английские войска двинулись с востока вдоль гористой долины Тальяменто. Вскоре стало ясно, что никто не собирается оказывать им сопротивления, и они пошли быстрее. Войдя к полудню в Толмеццо, англичане обнаружили, что опоздали: ни казаков, ни кавказцев здесь уже не было, они нашли лишь группку понурых мусульман из Тюркской дивизии. Такое мирное завершение похода вполне устраивало англичан. К тому же после вечернего чая до них дошла, как выразился бригадный писарь, "лучшая новость войны": подтверждение безоговорочной капитуляции всех немецких сил в данном районе. К сожалению, батальон не мог достойно отпраздновать это событие, пришлось ограничиться дополнительной порцией пива.

Вечер прошел спокойно.⁷ Затем в плен сдался отряд грузин, где многие офицеры были князьями,⁸ а командиром — прекрасная грузинская княжна по имени Марианна. Эти благородные грузины жили в нереальном романтическом мире, которому суждено было вскоре безвозвратно уйти в небытие. Всего за десять дней до сдачи отряда князь Ираклий Багратион,

явившись в английское посольство в Мадриде, заявил, что 100 тысяч грузин, находящихся на службе в немецкой армии, сдадутся союзникам, если англичане пообещают не отсылать их в СССР. МИД проинструктировал посольство не отвечать на это предложение.⁹

Но куда же делись главные силы казаков и кавказцев? Чем ближе подходил день капитуляции Германии, тем чаще в войсках вспыхивали споры: что делать, какой путь избрать. Обергруппенфюрер Глобочник, местный нацистский командир, приказал оставаться на месте, но его приказы и угрозы мало трогали казаков.¹⁰ В одну прекрасную ночь немецкие командиры Кавказской дивизии исчезли, оставив командовать дивизией эмигранта Султан-Гирея Клыча.¹¹ Изгнанники были вольны решать свою судьбу, но особого выбора у них не было, и в конце концов все решилось само собой.

Итальянские партизаны с каждым днем становились все активнее. Особую угрозу для обитателей Толмеццо представлял отряд прокоммунистических партизан под руководством католического священника: они дотла сожгли казачий госпиталь, в огне погибло множество раненых.¹² 27 апреля в штаб Доманова в Толмеццо явились три итальянских офицера с требованием, чтобы казаки сдали оружие и ушли с итальянской земли. Доманов, которому вовсе не улыбалась перспектива целиком и полностью сдать на милость врага, согласился вывести казаков из Италии, но сдать оружие отказался. Итальянцев эти условия устроили, и 28 апреля казаки и часть кавказцев снялись с места и двинулись на север.

Они вышли в полночь, захватив с собой все, что можно было погрузить на повозки или унести на спине. Впереди шли конные отряды, возглавляемые штабом Доманова; за Донским полком двигались Кубанский и Терский, за ними тянулась бесконечная колонна повозок с оружием, вещами, старыми да малыми. Во главе колонны ехал "фиат" старого генерала Краснова. Сам Доманов с охраной ждал отряд из Удины, чтобы затем влиться в главную колонну. Для отражения нападений партизан южнее Толмеццо был выставлен арьергард из нескольких сот донских и кубанских казаков.

Переход казаков в Австрию был трудным и опасным. Поначалу пришлось отбивать атаки итальянских партизан, потом, когда поднялись выше в горы, где крутая дорога вьется вдоль обрывов и пропастей, против них ополчилась погода: на колонну обрушился ливень, сменившийся снежным шквалом. Многие погибли в пути; одни — от партизанской пули, другие — от холода, третьи сорвались в пропасть. Наконец, под непрекращающимся снегом, казаки пересекли границу Австрии и спустились

со скальных твердынь в долину реки Гайль. Поздним вечером 3 мая передовые отряды штаба Доманова вошли в австрийскую деревню Маутен-Кетшах.¹³ Сломавшийся "фиат" генерала Краснова тащил автобус. Над селом разнесся победный звук труб Донского полка, изрядно поистрепавшегося в пути. Два офицера отправились вперед, выяснить, что делать дальше: ведь рейх пока еще существовал, хотя и агонизировал, а казакам было строго запрещено уходить из Италии.

Крайсляйтеру района, Юлиану Коллницу, живо запомнилось прибытие казаков. К нему явился для переговоров казачий генерал в полной форме и через своего переводчика, эмигранта из Берлина, осведомился, где сейчас идут бои и куда надлежит явиться его войску. Коллниц, которому штаб в Клагенфурте приказал беспрепятственно пропустить казаков, ответил генералу, что его люди могут продолжать поход, но вообще война фактически закончена. Это сообщение явно разочаровало казака, и поверил он ему только после того, как его адъютант поговорил по телефону с помощником гауляйтера в Клагенфурте Тиммелем.

Решили, что казаки — по словам Коллница, их было 32 тысячи — будут продвигаться на север. Место назначения — ставшее ареной драматических событий — было выбрано совершенно случайно. Командиром отряда народного ополчения в этом районе был некий Норберт Шлуга, уроженец Гайльской долины, куда собирались идти казаки. Шлуге очень не понравилась эта перспектива; казаки, может, и не разграбили бы его родное село и соседние деревушки, но их кони, несомненно, истребили бы всю траву в долине. Посоветовавшись с Коллницем, Шлуга убедил казаков, что дорога через Гайльскую долину разбита и опасна для лошадей, и потому лучше идти на север, в долину Дравы.

Казаки согласились. Три дня и две ночи их эскадроны продвигались на север. На пересечении двух долин в Маутене Шлуга поставил патруль народного ополчения, чтобы помешать казакам спуститься к Гайльской долине. Сам он все это время оставался на ногах, и ему не раз приходилось объяснять сомневающимся казакам, что их маршрут действительно изменен.

В Маутене в распоряжение казачьих генералов и штаба была представлена привокзальная гостиница. Поселившийся здесь генерал Краснов с грустью следил из окна за крушением своих надежд. В поисках корма для своих любимых коней казаки шли на север, на ночь разбивая лагерь где придется, прямо у дороги. С ними двигались раздробленные группки немецких солдат, весь вид которых свидетельствовал о полном поражении Германии. Старый генерал стал свидетелем отвратительной сцены, когда доведенные до отчаяния казаки принялись грабить немцев. Это позорное

нарушение дисциплины, к тому же еще и направленное против разбитого союзника, казалось, символизировало и конец самих казаков. Однако, как мне сообщил Коллниц, никаких серьезных происшествий во время пребывания казаков в этом районе не было, и уж, во всяком случае, не было никакого "генерального сражения", о котором писал "Таймс" 8 мая.¹⁴

Многотысячная казачья кавалькада в сопровождении обоза с вещами (это больше напоминало кочевье целого народа, а не армии) медленно продвигалась по долине Дравы. В нескольких километрах вверх по реке, среди аккуратных полей, лежал сонный тирольский городок Лиенц. Здесь в предгорьях было довольно места и для палаток, и для выпаса коней.¹⁵ Казаки подошли к Лиенцу в Пасху, в день надежды, и священники служили прямо в поле, а их прихожане целовались с криками "Христос воскрес".

4 мая Доманов привел в Лиенц арьергард казаков. Атаман поселился в гостинице рядом с Красновым, и они часами обсуждали, что делать. Выбор был невелик и фактически сводился к вопросу, кому сдаваться – американцам или англичанам. Краснов, который, будучи эмигрантом, лучше разбирался в международной политике, утверждал, что англичане отнесутся к казакам с большим сочувствием и пониманием. Ведь именно англичане оказали белым самую горячую поддержку в борьбе против большевиков, и именно Черчилль, тогда военный министр, был самым рьяным сторонником английской военной интервенции в России. Конечно, с тех пор немало воды утекло, многое изменилось, но неужели английский рыцарь бросит в беде бывшего союзника? Краснов рассчитывал также на поддержку фельдмаршала Александра, главнокомандующего союзными силами в Италии. Ведь в ту пору, когда Черчилль посылал на помощь денкинской армии деньги и солдат, Александр лично воевал против большевиков в Курляндии. Он до сих пор с гордостью носит русский императорский орден, врученный ему генералом Юденичем, – Краснов за ту же кампанию получил английский военный крест. Словом, старый генерал не сомневался, что Александр оценит преданность казаков родине. Среди казаков даже зародилась и всячески культивировалась романтическая легенда о том, что фельдмаршал, любивший все русское, привез себе из России жену.¹⁶

Бывшему майору Красной армии Доманову крыть было нечем, и они решили послать делегацию назад, через перевал, для встречи с англичанами. Руководителем делегации был назначен генерал Васильев, его сопровождали молодой лейтенант Николай Краснов, внук Петра Краснова, и казачка Ольга Ротова, говорившая по-английски. Они-то и оставили нам свидетельства об этих переговорах.

Наскоро прикрепив к капоту машины кусок белого полотна, который должен был изображать флаг, делегация двинулась на юг. Как вспоминает Ольга Ротова, "что ожидало нас впереди, было известно только Богу". Едва они выехали из деревни, как их остановил английский танк. Они объяснили, куда и зачем едут, и их послали в штаб полка в Полуццо, а оттуда — в штаб бригады в Толмеццо, так что они снова оказались там, откуда ушли неделю назад. Итальянцы по форме признали в них казаков, и машина продвигалась вперед под "приветственные" крики толпы: "Казачьи-варвары!" Штаб генерал-майора Роберта Арбутнота, командира 78-й пехотной дивизии, помещался в том же доме, где всего неделю назад находился штаб генерала Доманова. Английский генерал проводил казаков в свой кабинет и предложил им сесть, но Васильев, бывший офицер лейб-гвардии Казачьего полка императорской армии, предпочел объяснить английскому генералу цель своего приезда стоя. Он сказал, что у казаков нет никаких разногласий с западными союзниками. Они просто хотят продолжать борьбу с большевиками и с этой целью просят разрешения соединиться с армией генерала Власова. Английский генерал не слышал о Власове, и Васильеву пришлось рассказать о Русской освободительной армии и ее целях. "Первым делом казаки должны сдать оружие", — сказал Арбутнот. Переводчица Ольга Ротова пишет:

Услышав это, генерал Васильев задал вопрос:

- Рассматриваете ли вы группу казаков как военнопленных?
- Нет, военнопленными мы считаем тех, кого взяли в бою, с оружием в руках. А вас я считаю лишь добровольно передавшимися.

Но подробно обсудить вопрос о статусе они не успели. В комнату вошел бригадир Джеффри Мессон из 36-й пехотной бригады. По просьбе Арбутнота, Васильев снова изложил позицию казаков, на что Мессон заявил, что самое главное для казаков — это как можно скорее сдать оружие. Васильев возразил, что этот вопрос в компетенции генерала Доманова, и оба английских генерала решили наутро отправиться в штаб Доманова в Кетшахе и обсудить условия сдачи.

Понимая, с каким нетерпением Доманов и Краснов ждут их возвращения, Васильев и его товарищи хотели немедленно отправиться в обратный путь через перевал, но Арбутнот и Мессон и слышать об этом не желали; они настояли, чтобы гости непременно выпили чаю. За чаем Арбутнот разговорился с Красновым-младшим, и тот рассказал, что родители увезли его из России маленьким ребенком, что они жили в

Югославии, и когда началась война, он воевал в армии короля Петра против немцев, попал в плен, и там ему предложили присоединиться к антисоветскому казачьему формированию. Он принял это предложение, но отказался служить в Африке, куда был направлен, так как в этом случае ему пришлось бы воевать против союзников России в Первой мировой войне.

Конечно, Арбутнот расспрашивал гостя из чистого любопытства и из вежливости, но он с самого начала был осведомлен о том, что среди казаков было много не советских граждан.

Когда гости собрались уезжать, Мессон сунул Ольге Ротовой большой пакет с чаем, сахаром и шоколадом, настоял, чтобы она непременно захватила этот подарок, и вместе с Арбутнотом вышел на улицу проводить казаков. Это проявление английского гостеприимства произвело глубокое впечатление на переменчивую итальянскую толпу, которая закричала "ура", и какая-то девушка, растрогавшись, всучила Ольге букет ландышей. В сопровождении английских танков посланцы казаков двинулись назад в Кетшах и в 9.30 вечера уже докладывали Доманову и Краснову о результатах своей миссии. В штабе казаков всю ночь горел свет. Генералы тщетно пытались "расшифровать" весьма невразумительные ответы англичан.¹⁷

Наутро, на полчаса раньше назначенного времени, бригадир Мессон со штабом прибыл в штаб казаков. Встреча состоялась в столовой гостиницы, где жил Доманов.¹⁸ Приветствия и рукопожатия задали тон всей беседе, и казаки, жадно ловившие малейшие проявления доброжелательства англичан, заключили, что с ними обращаются не как с врагами или пленными, а как с коллегами по административной операции. Вступительные слова бригадира Мессона тоже звучали многообещающе: он сказал, что казаки могут иметь при себе оружие на пути следования к месту сбора. Затем на столе разложили карту, и Мессон объяснил, что все русские силы должны стать лагерем в долине Дравы; казаки – вверх по течению реки между Лиенцем и Обердраубургом, а кавказцы – ниже, между Обердраубургом и Деллахом.

На этом обсуждение условий сдачи казаков закончилось. Казаки были счастливы, что англичане проявили такое редкостное понимание, а бригадир Мессон радовался, что столь щекотливое дело прошло гладко. Как сказано в военном дневнике 36-й бригады,

в случае отказа казаков сдаться перед нами оказалась бы сила, с которой пришлось бы считаться, и мы не могли бы чувствовать себя в безопасности до их полной капитуляции.

Покончив с делами, договаривающиеся стороны приступили к завтраку, за которым лилось вино и велись дружеские беседы. В тот же день к казачьим военачальникам явились корреспонденты из "Таймс" и "Дейли Мейл" — взять интервью. Они хотели знать, как и почему казаки ушли из СССР и оказались в Австрии. Генерал Доманов рассказал, поясняя свои слова по карте, как большевистский режим развязал настоящую войну на казачьих землях и как казаки проделали трудный путь от Кубани и Дона до Толмещо, в неизвестность, на чужбину, твердо зная лишь одно: им ни в коем случае нельзя снова попасть в руки к Сталину.¹⁹ Те же репортеры, вероятно, беседовали накануне с генералом Васильевым,²⁰ но ни интервью, ни фотографии в печати не появились.

Вечером в Австрию спустились первые отряды 36-й пехотной бригады. Двум передовым батальонам была поручена охрана казаков и кавказцев. Вот как описывает очевидец этот новый переход:

Это была чрезвычайно странная армия. Солдаты носили немецкую форму, но меховые казачьи шапки, траурно повисшие усы и сапоги до колен придавали им совершенно особый колорит, а если еще учесть, что двигались они в сопровождении повозок со всем своим скарбом, женами и детьми, то их никак нельзя было принять за немцев. Это была ожившая картина времен войны 1812 года. Казаки известны как замечательные наездники, и на протяжении всего пути они подтверждали эту репутацию. Конные эскадроны носились взад и вперед по дорогам, затрудняя движение ничуть не меньше повозок. Приказывать им что-либо было бесполезно: по-немецки и по-английски понимали немногие, но даже те, кто понимал, ничуть не желали подчиняться приказам. При таком хаосе можно лишь подивиться тому, как быстро и организованно выполнили они приказ о сборе — на другое утро все были в назначенных местах — мужчины, женщины, дети, багаж, лошади, повозки, коровы и даже верблюды.²¹

Перед 36-й бригадой была поставлена очень сложная задача. В недавнем письме ко мне генерал Мессон писал:

Командиры и штаб столкнулись со множеством трудностей. В стране царил хаос, только что закончилась трудная зима, австрийцы были в полном смятении, никто не знал, что будет

завтра. Толпы народу, друзей и врагов, бродили по стране, у многих не было крова над головой, всем жилось тяжело. Расстояния – огромные, дороги – плохие. (Вертолетов у нас тогда не было). Штабы размещались в палатках или на квартирах.

Мессон подчеркивает, что у бригады и без казаков и кавказцев дел было по горло; и те, кто занимался казаками, работали в очень тяжелых условиях.

Достаточно назвать хотя бы несколько цифр. Английские власти не проводили переписи в лагере казаков, но, согласно оценке, сделанной на основе заявок на продукты, их было 23 800 человек, в том числе несколько тысяч женщин и детей. Кавказцев, по примерным подсчетам, было 4 800 человек.²² Сами казаки, впрочем, приводят другие цифры: от 30 до 35 тысяч. Однако в тот последний период текучесть была такова, что невозможно точно сказать, сколько человек собралось в долине Дравы в мае 1945 года.²³ Впрочем, в отношении кавказцев цифра представляется примерно верной: по словам одного из их офицеров, в Толмеццо, перед походом в Австрию, их было 5 тысяч.²⁴

Ко второй неделе мая казаки собрались в долине между Лиенцем и Обердраубургом,²⁵ разбив лагерь на берегах бурной Дравы, вдоль главной дороги и железнодорожного полотна. Штабы Доманова и полковника Алека Малькольма, командира Аргильского полка, находились в Лиенце. Кавказцы расположились в Грофельхофе, вниз по реке; штаб Баффского полка был поблизости, в Деллахе.²⁶

Командир кавказцев, Султан-Гирей Клыч, сдался со своей разношерстной армией одновременно с Домановым. Как и Краснов, Гирей был старым эмигрантом, во время гражданской войны он был связан с англичанами и оставался с бароном Врангелем до провала последней операции в Крыму в 1920 году.²⁷ Среди кавказцев Гирей пользовался таким же уважением и почетом, как Краснов среди казаков. Вскоре после прихода в Грофельхоф он собрал свою армию и произнес речь. Он сказал:

Пусть те, кто в состоянии уйти – особенно молодежь, – медленно уйдут и забудут о нашей мечте освободить Кавказ и кавказские народы. Сам же он слишком стар, чтобы продолжать борьбу, и предпочитает сдаться на милость победителя.²⁸

Многие не преминули воспользоваться этим предложением и бежали, что, кстати, иллюстрирует одно важное обстоятельство: хотя казаки

и кавказцы формально считались пленными, англичане не могли предотвратить массовые побеги. Лагеря не были огорожены проволокой и охранялись в основном самими пленными. И все же из казацкого лагеря бежали очень немногие. Видимо, казаков отпугивали крутые заснеженные горы, стеной окружавшие долину, страшило сознание того, что они окажутся в незнакомой стране, среди чужих людей. А кроме того — и это главное, — казаков объединяла надежда, что им позволят поселиться всем вместе в каком-нибудь уголке свободного мира.

Сегодняшнему читателю такая надежда, наверное, покажется утопической, но тогда многие умные и образованные казаки искренне верили, что сразу после окончания войны узы временного союза с СССР неизбежно ослабнут и Англия и США займут, по меньшей мере, недружественную позицию в отношении СССР. Может быть, тут стоит напомнить, что к тому времени события гражданской войны еще не успели стать далеким прошлым. С момента английской "интервенции" прошло совсем немного лет. И в Англии жили еще многие известные деятели, сыгравшие в этой кампании значительную роль. Уинстон Черчилль во время гражданской войны в России был военным министром и самым рьяным сторонником поддержки Белой армии; лорд Киллирн, посол в Египте, ставшем перевалочным пунктом для многих русских, репатрированных в 1943-45 годах, был верховным комиссаром в Сибири у адмирала Колчака; генерал-лейтенант Бурроус, руководитель военной миссии в Москве с марта 1944 года, и генерал-майор Колин Габбинс, руководитель ССО, в 1919 году были в Архангельске с генералом Айронсайдом, а фельдмаршал Александер, которому теперь сдались казаки, воевал против большевиков вместе с прибалтийским ландсвером. И хотя, разумеется, все они давно уже занимались более животрепещущими делами, все же в английских политических, военных и дипломатических кругах было немало людей, хорошо осведомленных об истории казаков.

Если принять все это во внимание, нам не покажутся столь неразумными некоторые довольно странные требования казаков. Например, 13 мая в штаб батальона в Лиенце явился капитан Кантемир, командир группы казаков, которых немцы в северной Италии готовили к организации партизанской войны, саботажа и шпионажа за линией советского фронта. Капитан предложил, чтобы он и его группа работали для 8-й армии. Штаб бригады, встревоженный этим предложением, обратился за инструкциями к генералу Арбутноту. Запрос кончался словами: "Если до 9 часов 15 мая не последует инструкций, казаки угрожают устроить саботаж штаба дивизии".

Не успели справиться с этой проблемой, как возникла следующая: вся казачья дивизия попросила разрешения проводить учения — и получила очередной отказ.²⁹ Несмотря на это "некоторые безответственные казаки заявили, что, чем возвращаться в СССР, они лучше пойдут добровольцами воевать с Японией. Предложение было отвергнуто".³⁰

Люди умные, вроде генерала Краснова, конечно, не рассчитывали, что англичане позволят казакам предпринять рейд на позиции Красной армии в Штирии. Однако генерал надеялся, что англичане как-то помогут казакам, и не просто предоставят убежище на Западе, но еще и позволят им остаться единым народом и сохранить свое уникальное культурное наследие. Вскоре после перевода казацкого штаба из Кетшаха в Лиенц Краснов написал письмо фельдмаршалу Александру. Напомнив о том, как они вместе воевали в гражданскую войну на стороне белых, Краснов рассказал о положении казаков и умолял фельдмаршала употребить свое влияние, чтобы помочь им. Дошло ли это письмо по назначению, неизвестно; но ответа генерал не получил.³¹

Краснов был личностью незаурядной. Он родился в 1869 году в казачьей семье. К 1945 году за его плечами лежал большой и сложный жизненный путь. Многие сближало его с Уинстоном Черчиллем, и прежде всего глубокое знание бурной истории своего народа и романтическая влюбленность в эту историю. Как и Черчилль в молодости, он обладал авантюрной жилкой и сочетал военную службу с журналистикой. В 90-е годы он ездил с военной миссией в Эфиопию, в 1904 году писал о русско-японской войне для журнала "Русский инвалид". Во время Первой мировой войны отличился, командуя кавалерийским корпусом, и получил георгиевский крест. После Февральской революции и отречения царя Краснов, предчувствуя страшную угрозу, нависшую над Россией, оказался среди тех, кто готов был применить силу, чтобы навести порядок в государстве, стоящем накануне краха. В 1918 году в борьбе с большевиками он сотрудничал сначала с немцами, затем с англичанами.³² После окончательной победы большевиков эмигрировал, жил во Франции и Германии, занимался, в основном, литературным трудом, написал несколько романов. Наибольшую известность получила его во многом автобиографическая книга "От двуглавого орла к красному знамени", выдержавшая несколько изданий.

Когда в 1941 году Германия напала на СССР, Краснов усмотрел в этом очередную возможность выступить против давнишнего врага — большевизма. Но к этому времени он был уже старым человеком. В момент сдачи англичанам ему шел 77-й год. Он дал, однако, казачьему движению свое престижное имя, посещал немецкие лагеря для

русских военнопленных, писал воззвания в русской эмигрантской прессе. К армии Доманова Краснов присоединился примерно за месяц до ее сдачи в плен.³³

Таким был человек, к которому сейчас обратились все надежды и чаяния казаков, веривших, что Краснов вызволит их из беды. Формально командующим был Доманов, но, увидев красновский автомобиль, казаки пулей вылетали из палаток. В это время, впрочем, в лагере появилась еще одна примечательная личность из героического прошлого, фигура не менее знаменитая, хотя и совсем другого характера.

10 мая танки 56-го Рисского полка подошли к деревне Реннвег. Здесь "они приняли сдавшийся в плен казачий полк, в том числе старого генерала Шкуро, который воевал в армии Деникина".³⁴ Через неделю Шкуро вместе со своим учебным формированием в составе 1 400 человек был перевезен в лагерь Доманова в Лиенце.³⁵

Если Краснов олицетворял блеск русской императорской армии, то в Андрее Григорьевиче Шкуро воплотился дух дикого разгульного казачества времен Богдана Хмельницкого и Стеньки Разина. Его вполне можно представить себе среди героев "Тараса Бульбы" или на картине Репина "Запорожцы пишут письмо турецкому султану". Кубанский казак, он в 31 год был полковником, во время Первой мировой войны прославился дерзкими партизанскими вылазками. Когда казаки выступили против большевиков, он отдал этой борьбе все свои силы. Английский офицер, бригадир Вильямсон, служивший вместе с русскими, оставил нам яркое описание этой колоритной фигуры:

Небольшого роста, с обветренным лицом, с длинными желтыми усами, Шкуро был одной из ярчайших фигур гражданской войны. Кавказец, сын горного племени, он был жестоким дикарем, как лучшие представители его народа. Невозможно было представить его без шапки волчьего меха, красно-бело-синих полосок Добровольческой армии на рукаве, в его кавалерийском полку, в котором было человек 300-400, все вместо каракулевых папах носили шапки волчьего меха. Их штаб размещался в вагонах, на которых были нарисованы волки, преследующие добычу. Это были гордые и своенравные люди, настоящие горцы, вооруженные до зубов: на бедре висел традиционный кинжал, сбоку висела сабля, где-нибудь еще был спрятан револьвер, а грудь перекрещивали патронташи. Шкуро несомненно был замечательным кавалерийским командиром, но, кроме того, еще и большим повесой. Однажды с тремя-четырьмя

офицерами он появился в самый разгар танцев в зале большой ростовской гостиницы и потребовал от гостей сдавать драгоценности и деньги на нужды его "волков". Достаточно было взглянуть в его глаза, дерзко блеснувшие из-под волчьего меха, чтобы понять, что с ним лучше не спорить. К тому же "волки" пользовались славой безжалостных грабителей. Так что Шкуро сорвал изрядный куш.³⁶

Шкуро эмигрировал из России в 1920 году. Какое-то время он выступал с конными номерами в цирке, но чаще всего напивался со старыми друзьями в барах Белграда или Мюнхена. Когда Германия напала на СССР, Шкуро явился к немцам и предложил свои услуги. Хотя он не пользовался таким авторитетом, как Краснов, все же его имя было широко известно среди казаков: в казачьих лагерях и станицах ходило множество историй о его смелости и ловкости. Официально числясь командиром учебного полка 15-го казачьего корпуса,³⁷ он вел кочевой образ жизни, навещая в казачьи лагеря и не пропуская буквально ни одной попойки. Он был большим знатоком соленых солдатских шуток и песен. Полковник Константин Вагнер рассказывал мне, что не допускал Шкуро в свою 1-ю казачью кавалерийскую дивизию, так как все его истории были связаны "с определенными частями тела". По мнению полковника Вагнера, это никак не подобало генералу и плохо влияло на дисциплину. Но простые казаки обожали визиты батьки Шкуро.

Когда опускались сумерки, над Лиенцем разносилось пение Шкуро. Австрийские официанты суетились вокруг его столика на улице, возле гостиницы "Цум гольденен Фиш", расставляя стаканы и бутылки с водкой. На батькин голос со всех сторон стекались молодые казаки с женами и подружками. Балалайки и аккордеоны подхватывали мотив, и даже у почтенных австрийских бюргеров сердца начинали биться в такт заразной мелодии.

В городке и окрестностях, в палаточном лагере и бараках Пеггеца зажигались огни. Темнота обволакивала лес и скалы, опускалась над бурной Дравой, с шумом катящей свои воды. Последние лучи солнца на минуту задерживались на снежных вершинах, и наступала ночь. А внизу, в Лиенце, все звучали грустные и веселые казачьи песни.

Среди тех, кого судьба свела в те дни с казаками, был майор "Расти" (Рыжик) Дэвис, молодой парень из Уэльса, служивший в Аргильском полку. После перевода своего штаба в Лиенц полковник Алек Малькольм поручил Дэвису курировать казаков. Работа была нелегкая. Число казаков превышало 20 тысяч, и лагеря их раскинулись на площади в 12-14 кв.

мил, но, по словам самого Дэвиса, ему это поручение пришлось по душе. Переводчиком и офицером связи при нем состоял молодой эмигрант лейтенант Бутлеров, бабушка которого была англичанкой.

Дэвису до сих пор трудно поверить, что он провел среди казаков всего три недели: так близко сошелся он с ними. Воспоминания об этих днях не потускнели со временем. Особенно сдружился он с Бутлеровым, который учил его верховой езде и неотлучно находился при нем во время объездов лагерей. У казаков поддерживалась отличная дисциплина, но Дэвиса не удовлетворяли некоторые стороны организации их жизни в лагере, в частности вопросы санитарии. Он старался привить им некоторые навыки из практики английской армии, и, как ему казалось, вполне преуспел в этом.

Но не деловые разговоры, хотя и весьма оживленные, остались в его памяти. Больше всего впечатляли его товарищество и открытость казаков, их живописная внешность. Хотя общаться с ними он мог только с помощью Бутлерова или Ольги Ротовой, он вскоре почувствовал, что вошел в их жизнь. Во время его ежедневных объездов казачьи семьи высыпали из барачных хижин и палаток, радостно приветствуя его. Люди горячие и добросердечные, они к тому же всячески старались выразить свою благодарность англичанам, которые кормили и содержали их и относились к ним, в отличие от немцев, дружески и приветливо. Вездесущие детишки бежали за "господином майором", выключившая шоколад, который Дэвис никогда не забывал захватить с собой.

Большинство казаков мало задумывалось о будущем. После всех тягот жизнь в лагере казалась чуть ли не идиллией, и они довольствовались сегодняшним днем. Среди старших офицеров было, конечно, много разговоров, но поскольку ни Краснов, ни Шкуро не получили ответа на свои обращения к английскому верховному командованию, им оставалось лишь ждать.

Дэвис не раз спрашивал казаков, что бы они предпочли, если бы им был предоставлен выбор. Отвечали по-разному, но все были единодушны в одном: ни в коем случае нельзя возвращаться в Советский Союз. И дело было не только в том, что речь шла о государстве, отказавшемся от всех норм закона и морали. Казаки носили немецкую форму и, следовательно, могли считаться предателями. А для тех, кого Сталин считал предателем, выбор был невелик: смерть либо рабский труд в лагере.

Сначала эти страхи показались Дэвису преувеличенными, он счел их попросту предрассудком. Как объяснил он мне полшутя — вроде того, как если бы ему, уроженцу Уэльса, приказали жить в Англии. Но его уверенность сильно поколебалась, когда одна пожилая женщина

наглядно продемонстрировала причину своих страхов: "Вот что они со мной сделали", — спокойно сказала она, показывая ему свои руки, — ногти были сорваны до самых корней.³⁸

Дэвис всячески успокаивал казаков, не веря, что его правительство способно на бесчеловечные акции. Он не знал истории России и не особенно интересовался русскими делами, но воспитание и опыт подсказывали ему, что джентльмены, вроде фельдмаршала Александера, не могут отдавать приказы, которые приводят к таким зверствам. Ведь в конце концов Англия вступила в войну, чтобы защищать права малых народов и незащищенных людей; и вряд ли в момент победы она откажется от своих выстраданных идеалов.

Большинство казаков верило Дэвису. Однако некоторые, особенно бывшие советские граждане, не могли отделаться от терзавших их страхов. В Лиенце никто, ни англичане, ни русские, не знали о секретном соглашении, подписанном в последний день Ялтинской конференции, но в начале мая до лагерей дошли вести о выдаче власовцев советским властям. Некоторые, наверное, слышали о судах с репатрируемыми, выходящих из английских портов с прошлого октября. Но казаки успокаивали себя мыслью, что у них, как у бывших союзников англичан, положение особое, что фельдмаршал Александер, гуманист, когда-то воевавший вместе с Белой армией, с сочувствием отнесется к их судьбе, и наконец, что поскольку большинство офицеров и многие солдаты являются старыми эмигрантами и никогда не жили в СССР, они не подлежат "возвращению" советским властям. Все эти соображения полностью разделял самый уважаемый казачий вождь, генерал Краснов, который в письме Александеру подробно описал положение казаков. Правда, ответа еще не было, но это, верно, потому, что фельдмаршал находится в процессе консультаций с высшим начальством.

Поведение англичан, с которыми общались казаки, подкрепляло их в этих мыслях. Перед майором Дэвисом была поставлена интересная и трудная задача, и он старался выполнить ее с честью. Он всячески одобрял начинания казаков по устройству школ и церкви, организации служб и хора. 20 мая он собрал всех живших в лагере журналистов и предложил им выпускать газету, пообещав предоставить помещение в Лиенце.³⁹ По воскресеньям казаки собирались на открытом воздухе на службу, и православная литургия звучала в унисон отдаленному звону церковных колоколов в долине Дравы.

15 мая в лагерь прибыли представители Красного Креста, распределявшие продовольствие и вещи.⁴⁰ Жизнь в лагере постепенно налаживалась. Правда, в середине мая английские солдаты увели несколько казачьих

коней, что несказанно огорчило казаков, но вскоре им представилась возможность пожаловаться на это генерал-майору Арбутноту, который 18 мая посетил лагерь в Лиенце.⁴¹ Генерал проехал по лагерю, побывал в бараках в Пеггече, где жили женщины и дети. Казалось, он был вполне удовлетворен увиденным, шутил, смеялся и проявил особенный интерес к кадетскому корпусу. Он сказал мальчикам несколько фраз насчет того, что они — надежда России, попробовал их обед, приказал увеличить рацион. Встретившись со старшими офицерами, он выразил свое восхищение поддерживаемой в лагере дисциплиной. Генерал Доманов, поблагодарив, заговорил об уведенных конях. Тон Арбутнота тут же переменялся, и он резко ответил: "Здесь нет казачьих лошадей. Они принадлежат английскому королю, вместе с пленными казаками".⁴² Так казаки впервые услышали, что считаются военнопленными, и у многих мелькнула мысль, что это не к добру.

На самом деле, ничего зловещего в этом термине не было. Будучи военнопленными, казаки, согласно международному закону, имели гарантии хорошего содержания в лагерях и последующего освобождения. Но Доманов этого не знал и по обыкновению обратился за советом к своему учителю Краснову. Старый генерал согласился, что события принимают неприятный оборот, и решил написать еще одно письмо фельдмаршалу Александеру. Он снова напоминал ему о тех днях, когда они оба сражались в Белой армии против большевиков, обращал его внимание на положение казаков и умолял фельдмаршала спасти их. Но и это письмо осталось без ответа.⁴³

Можно представить себе, с каким беспокойством восприняли казаки следующий неожиданный приказ, подтверждавший перемену в их отношениях с англичанами. Ранним утром 27 мая Дэвис сообщил казацкому штабу, что к полудню войска должны сдать оружие. Между тем, по первоначальным условиям сдачи в плен казаков 8 мая, бригадир Мессон согласился оставить им оружие для самообороны против немецких или итальянских партизан. После расселения в лагере основные запасы оружия, ставшего в новой обстановке ненужным, были свалены в кучи, которые охраняли английские солдаты. Но солдаты Доманова, выполнявшие функции охранников и лагерной полиции, имели полномочия в случае необходимости пускать в ход оружие, а офицеры оставили при себе револьверы и сабли. (Кавказцы, находившиеся по соседству, подверглись куда более основательному разоружению еще 15 мая⁴⁴ — может быть потому, что англичане считали их зачинщиками безобразий, учиненных ранее в Карнии).

Этот приказ, естественно, вызвал страхи и толки. По словам самих казаков, их успокоило сообщение о том, что взамен их разношерстной

амунииции им выдадут английское оружие⁴⁵ (поскольку немцы не считали армию Доманова регулярным военным формированием, его люди пользовались самым разнородным оружием – итальянским, французским, немецким, кое-что казаки захватили или "позаимствовали" сами). Во всяком случае, казаки быстро выполнили приказ, и к полудню все оружие, за исключением отдельных предметов, припрятанных владельцами, было сдано. Казаки, удовлетворившись объяснением Дэвиса, не выказали ни малейшего сопротивления, решив, что если им действительно взамен выдадут другое оружие, то это следует считать признаком доброго расположения англичан.

Но казаки не слышали приказа, зачитанного английским отрядам, контролирующим лагерь. В приказе, подписанном бригадиром Мессоном, говорилось, что все сдавшиеся в плен отряды должны быть в течение дня разоружены. Дальше следовало такое дополнение:

Если после 14.00 у кого-то из пленных будет обнаружено оружие или амуниция, его следует немедленно арестовать, и ему будет грозить расстрел... Я понимаю, что мы имеем дело с представителями разных народов, язык которых нам непонятен, и что среди них немало женщин и детей... В случае необходимости вы можете открыть огонь. Эту акцию следует считать военной операцией.

В заключение приказа вновь подчеркивалась необходимость стрелять, если в какой-то момент ситуация выйдет из-под контроля.⁴⁶

Наверное, английских солдат удивила столь странная прелюдия к операции, к которой казаки отнеслись с редкостным единодушием и покорностью.⁴⁷ Но после относительного бездействия последних двух недель события начали развиваться с поразительной быстротой. Майор Дэвис с переводчиком Бутлеровым, явившись в штаб Доманова в Лиенце,⁴⁸ вручил атаману письменный приказ, одновременно объяснив через переводчика его содержание: всем казачьим офицерам предписывается завтра явиться на конференцию в районе Обердраубурга, где фельдмаршал Александер сообщит им важное решение относительно их будущего. Распровавшись, Дэвис уехал.

Бутлеров, для которого этот приказ был не меньшей неожиданностью, чем для Доманова, решил расспросить англичанина поподробнее. За три недели совместной работы у них сложились дружеские отношения, и он вполне мог рассчитывать на откровенность собеседника. Бутлеров спросил, действительно ли планируется конференция или это какой-то подвох. Дэвис заверил его, что все в порядке.

— Но это как-то странно, — настаивал Бутлеров. — Зачем фельдмаршалу нагружать вас такой работой — организовывать грузовики и машины для перевозки двух тысяч человек, когда он вполне может приехать сюда на своей легковушке? Что-то тут не так. В чем дело?

Дэвис пожал плечами:

— Не знаю. Это приказ, и не мне его объяснять, и уж конечно, я понятия не имею, что думает фельдмаршал. Может, там есть какое-нибудь здание, пригодное для такого сборища, кино, например, или театр. В лагере таких помещений нет.

Бутлерова это не убедило:

— Конечно, ты солдат и должен выполнять приказы. Но я надеюсь, что ты еще и мой друг. Ты ведь знаешь, у меня в Пеггече жена и ребенок. Ты можешь дать мне слово офицера и джентльмена, что вечером мы вернемся в лагерь?

— Разумеется, — заверил его Дэвис. Бутлеров все еще сомневался, но продолжать разговор было бессмысленно.

Тем временем генерал Доманов обзванивал своих рассеянных по лагерям офицеров, сообщая о приказе. Для некоторых старших офицеров он назначил совещание на 11 часов утра у себя в штабе. Он зачитал им приказ: в час дня все офицеры должны собраться на площади перед бараками в Пеггече, где накануне сдавали оружие. Он говорил спокойным, размеренным тоном, как будто речь шла о самом обычном деле. Когда он кончил, в комнате воцарилось молчание. Офицеры обдумывали услышанное. Затем посыпались вопросы:

— Вещи с собой брать?

— Нет, вы к вечеру вернетесь.

— Как быть с офицерами, которые не поверят приказу и решат бежать в горы?

— Вы командир полка. Вы меня поняли?

Спокойствие Доманова являло собой разительный контраст с волнением, охватившим старших офицеров. Они отправились отдавать приказы по своим полкам, горячо обсуждая со всеми, кто встречался им на пути, что бы это могло значить.⁴⁹ Они терялись в догадках, но несмотря на абсурдность ситуации, напоминающей поговорку о горе, идущей к Магомету, большинство склонялось к тому, что конференция не выдуманная и, наверное, там объявят о положительном решении насчет их будущего устройства. Некоторые полагали, что им предложат поселиться в какой-нибудь малозаселенной английской колонии.⁵⁰ По рассказам одного донского казака, не поверившего рассказам о конференции и бежавшего в горы, большинство из тех, с кем он говорил

в тот день в лагере, считали, что с ними ведут честную игру.⁵¹ В пеггекском лагере у Ольги Ротовой начался ежедневный урок английского в кадетском корпусе, когда ее вызвал старый генерал. Он хотел знать, в чем дело. Может быть, Ольге, которая работает переводчицей, что-нибудь известно? Но она ничего не знала, и после бесплодного обсуждения приказа она ушла на урок, перекрестив генерала по его просьбе.⁵²

И все же большинство считало, что, каковы бы ни были цели этой конференции, вечером офицеры вернутся в лагерь. Ведь подозрения вызывали лишь внезапность приказа и явное отсутствие логики в том, что сотни офицеров везут на встречу с одним фельдмаршалом. Но логика вступала в конфликт с высоким мнением казаков об англичанах. Майор Дэвис дал Бутлерову честное слово, что офицеры вернутся в Лиенц вечером, то же самое обещали и другие офицеры, когда казаки задавали им сходные вопросы. Один лейтенант даже поклялся "честью английского офицера". А когда к Ольге Ротовой пришли заплаканные жены офицеров и попросили ее выяснить, что происходит, знакомый лейтенант Аргильского полка посоветовал ей успокоить их: "Они все вернутся вечером. Офицеры едут на совещание, и плакать тут совершенно не о чем!"⁵³

Помимо веры в честность англичан, на многих казаков произвело впечатление то спокойствие, с которым принял приказ генерал Доманов. События двух последних дней не встревожили атамана. Он верил, что приказ о разоружении вызван необходимостью навести порядок среди кавказцев, которые недавно снова учинили какие-то безобразия. Что до конференции, то у него были свои причины верить англичанам. И он, и генерал Краснов скорее всего связывали эту конференцию с последним письмом Краснова фельдмаршалу Александру. О письме знали всего несколько человек, так как непосредственным поводом к нему послужил резкий ответ генерала Арбутнота на вопрос об изъятии лошадей, и казачьи командиры понимали, что, если казаки узнают о том, что генерал назвал их "пленными", это может всколыхнуть весь лагерь.⁵⁴

Сообщение о конференции чрезвычайно встревожило жену Краснова Лидию Федоровну, но Петр Николаевич был спокоен и уверен в себе. Обняв жену на прощанье, он уговаривал ее не волноваться. Пообещав вернуться не позднее восьми часов, он, опираясь на палку, спустился к поджидавшей его машине. Он несколько не сомневался, что стоит ему встретиться с Александром — и все сложности будут разрешены. Фельдмаршал — человек чести, и кто лучше объяснит ему положение казаков, чем старый атаман, солдат и писатель. Лидии Федоровне оставалось только ждать и молиться. Время шло, настал вечер. С каждым часом ее волнение

росло. Вот пробило семь, восемь... Конечно, Петр Николаевич большой умница, он гораздо лучше разбирается в политике, чем она, но он обещал быть дома к восьми, и за 45 лет их супружества не было случая, чтобы он не сдержал слова...⁵⁵

Пока Доманов, Краснов и другие старшие офицеры штаба в Лиенце⁵⁶ сажались в свои машины, направляясь на конференцию, прочие офицеры собрались, следуя инструкциям, на площади перед бараками в Пеггегце. Их было 1475 человек (около 50 остались дежурными при полках),⁵⁷ и они являли собой необычайно живописное зрелище. На встречу с фельдмаршалом они решили явиться в полном блеске; все надели праздничную форму, отглаженную и приведенную в порядок женами, построились в три колонны по названиям полков, красовавшимся на нашивках на плечах — "Дон", "Кубань", "Терек". Во главе каждой колонны выступал атаман. Все надели свои награды; у многих на груди красовались царские ордена. Одного очевидца особенно поразил знаменосец терских казаков, высокий человек благородного вида с широкой белой бородой, развевающейся на ветру. Гордо глядя прямо перед собой, он высоко вздымал трехцветное знамя Российской империи.⁵⁸

В тот майский полдень на площади перед бараками в Пеггегце собрался поистине цвет казачества. Вокруг толпились семьи, многие женщины громко рыдали. По сигналу майора Дэвиса колонны вышли за ворота, где их поджидали шестьдесят трехтонок. Разбившись на группы, офицеры сели в грузовики. Все это происходило в полном молчании, которое вдруг нарушили крики маленькой девочки. Она вырвалась из рук матери и с плачем бросилась к грузовику, куда залезал ее отец. Наверное, малышка решила, что он уезжает навсегда и что она больше не увидит его.⁵⁹

Длинная колонна грузовиков двинулась по пыльной дороге на восток. По обеим сторонам тянулись палатки и вагончики, возле которых стояли казаки и их жены, следя за тем, как увозят их вожаков. Вскоре казачий лагерь остался позади, колонна остановилась на опушке леса, где уже стояло несколько машин с казачьими генералами, но Доманова среди них не было. Опушка была окружена английскими войсками, и по приказу в каждый грузовик село по несколько английских солдат с автоматами. Как только колонна снова двинулась в путь, к ней пристроились выехавшие из леса бронемшины и вооруженные мотоциклисты. Некоторых казаков, сомневавшихся в реальности конференции, встревожил такой усиленный эскорт; другие же заметили, что, наверное, это просто мера предосторожности от нападения партизан. Среди сомневавшихся был кубанский казак Александр Шпаренго. В то утро он долго спорил со своими товарищами, так что его даже упрекнули в излишнем

скептицизме. Правда, Шпаренго поддержал один офицер, философски заметивший:

— Да, англичанам верить нельзя.

Шпаренго удивленно взглянул на него:

— Значит, ты не веришь? Так почему же ты едешь?

— А что, приказ Главного управления касается меня меньше тебя? Это раз, а второе, я еду еще потому, что я им не верю. С какой легкостью они вступили в союз со Сталиным... с таким же вероломством они ему и изменят...

Пока грузовик ехал вдоль Дравы, Шпаренго не оставляла эта мысль: можно ли верить англичанам? И в самом деле, зачем им понадобилась эта конференция? Ну предположим, старшим офицерам хотят сообщить о важном решении, но ведь они буквально оголили полки, вызвав на конференцию всех, вплоть до последнего младшего офицера. Странно и непонятно... правда, может, придется голосовать по какому-нибудь важному вопросу. Нет, это не очень-то правдоподобно.

Вдруг его охватило острое чувство опасности, и он решил бежать. Но как? Будут ли солдаты стрелять в него, если он выпрыгнет из грузовика? Он решил, что вряд ли: если конференция настоящая, то солдаты не могут убивать тех, кто откажется на ней присутствовать. А если все это просто предлог, тогда — стреляя в него, они рискуют выдать себя с головой. Нет, опасность невелика. Он огляделся вокруг: налево — станция Никольсдорф, они уже, наверное, подъезжают к Обердраубургу. Решение созрело молниеносно. "Господа, вы как хотите, — крикнул он, — а я дальше не еду. Я им не верю". И с этими словами выпрыгнул из грузовика. "Сотник за бортом!" — закричал кто-то. Но Шпаренго, скатившись по склону, уже вскочил на ноги и скрылся в лесу. Оглянувшись, он увидел длинную колонну; за грузовиками следовали бронемашины эскорта, мелькнули лица его товарищей, махавших ему на прощанье, но еще минута — и машины скрылись из виду. Сняв форменный китель, сотник Шпаренго отправился по опустевшей дороге назад в лагерь.⁶⁰

Атаман Доманов с переводчиком, следуя инструкциям майора Дэвиса, выехал из Лиенца на полчаса раньше главной колонны и как раз в это время подъехал к штабу 36-й пехотной бригады в километре от Обердраубурга. Атамана встретил командир бригады Джеффри Мессон.

— Я вынужден сообщить вам, сэр, — сказал он, делая паузы для перевода, — что мною получен приказ передать всю казачью дивизию советским властям. Я сожалею, что вынужден сообщить вам об этом, но приказ не оставляет мне другого выхода. Всего вам доброго.

Доманов и Бутлеров молчали, пораженные этой новостью. Бледные, с посеревшими лицами, они вернулись к машине и в сопровождении английского офицера-охранника двинулись на восток.⁶¹

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В Имперском военном музее хранится целый ряд фотографий таких пленных (см.: NA 15317–15318, 7584, 16230–16231, 16437, 19205).
2. Начиная с 1930-х годов казаки только и ждали помощи извне (см.: Mikhail Koriakov. *I'll Never Go Back*. London, 1948, p. 168).
3. См.: В. Науменко. *Великое предательство: выдача казаков в Лиенце и других местах (1945-1947)*, т. 1, Нью-Йорк, 1962, стр. 63–64.
4. Мы вынуждены ограничиться очень кратким описанием злоключений Казачьего стана. Подробнее см. там же, стр. 19–110, 256–258; Josef Mackiewicz. *Kontra*. Paris, 1957, pp. 81–91. Дополнительная информация была предоставлена мне Татьяной Николаевной Данилевич, которая с мужем присоединилась к казакам в Новогрудке, была с ними в Толмешце, а затем в Лиенце.
5. Это краткое сообщение основано на рапортах командира кавказцев Султана-Гирея Клыча (см.: War Office [в дальнейшем: Архив военного министерства Великобритании], 170/4461) и кавалерийского офицера, осетина, Г. Тугаева (см.: В. Науменко. *Великое предательство: выдача казаков в Лиенце и других местах (1945-1947)*, т. 2, Нью-Йорк, 1970, стр. 96–100). "Яшвили", история которого описана в первой главе, состоял в Грузинском комитете в Берлине, когда комитет, в феврале 1945, был эвакуирован в северную Италию. Мне оказал также помощь Виталий Угречелидзе, грузин, временно находившийся в то время в Палуццо.
6. Так сообщили Патрику Мартину-Смиту, работавшему тогда в местном отделе ССО. О преступлениях "казаков" в Карнии см.: "The Sunday Telegraph", 10. 11. 1974, письмо Ричарда Дэрволла. Если такие бесчинства действительно устраивались немцами с целью дискредитации русских, то это лишнее доказательство непричастности казаков к этим происшествиям: у них, в отличие от кавказцев, не было немецких командиров. Примерно в то же время представителями одной кавказской народности был совершен ряд страшных преступлений на юге Франции. (См. также кн.: Николай Краснов. *Незабываемое*. Сан-Франциско, 1957, стр. 18). Поведение кавказцев особенно проигрывает на фоне рыцарского поведения в СССР посланного туда итальянского корпуса маршала Джованни Мессе (см.: Peter J. Huxley-Blythe. *The East Came West*. Caldwell, Idaho, 1964, pp. 37–42).
7. Архив военного министерства Великобритании, 170/4988. К сожалению, в военных дневниках страницы не нумеруются, лишь ставится дата.
8. Мелкие грузинские князья получали княжеское звание по поголовью скота, который пасли их сыновья.
9. См.: Архив военного министерства Великобритании, 170/4461; 5022; Foreign Office [Архив министерства иностранных дел Великобритании], 371/47955. Примерно в это время в Удине появилась молодая грузинка, назвавшаяся секретарем грузинского освободительного движения. Связавшись с местным отделением ССО, она умоляла союзников освободить Грузию от советского ига. Весь путь от Грузии она проделала на попутных машинах. (Эта информация получена мной от ныне покойного Эдуарда Рентона).
10. См.: В. Науменко, указ. соч., т. 1, стр. 114; т. 2, стр. 21–22.

11. См. там же, т. 2, стр. 100. Эти немцы первыми попытались остановить массовый исход (см. там же, стр. 171).
12. См.: Josef Mackiewicz, указ. соч., стр. 121-123; В. Науменко, указ. соч., т. 1, стр. 258.
13. Маутен и Котшаш – две деревни, разделенные рекой Гайл. Их можно считать одним населенным пунктом.
14. См.: В. Науменко, указ. соч., т. 1, стр. 115. Корреспондент "Таймс" был как будто в то время в этом районе (см. там же, т. 2, стр. 23, 29 – 30). Н. Бетелл считает, что немцы приказали казакам остановиться, но не смогли их заставить выполнить команду (см.: Nicholas Bethell. *The Last Secret: Forcible Repatriation to Russia 1944-1947*. London, 1974, pp. 78 – 79).
15. См.: В. Науменко, указ. соч., т. 1, стр. 135. О трудном пути из Толмечцо в Лиенц см. там же, стр. 112 – 119, 132 – 135, 258; т. 2, стр. 21 – 22; Peter J. Huxley-Blythe, указ. соч., стр. 117 – 121; Josef Mackiewicz, указ. соч., стр. 125 – 133; Т. Kubansky. *A Memento for the Free World*. Paterson, New Jersey, 1960, pp. 39 – 41.
16. См. также Н. Краснов. *Незабываемое*, стр. 35.
17. См.: В. Науменко, указ. соч., т. 2, стр. 20 – 28; Н. Краснов. *Незабываемое*, стр. 19.
18. Н. Бетелл считает, что встреча состоялась на железнодорожной станции (см.: Nicholas Bethell, указ. соч., стр. 80). На самом деле Мессон встретился с домановским штабом в значительно более комфортабельном месте – гостинице "Банхоф" (что по-немецки означает "вокзал").
19. См.: В. Науменко, указ. соч., т. 2, стр. 20 – 28; Архив военного министерства Великобритании, 170/4461.
20. См.: В. Науменко, указ. соч., т. 2, стр. 23. К сожалению, в архивах "Таймс" и "Дейли Мейл" нет упоминаний ни об интервью, ни о журналистах, которые их проводили. Впрочем, возможно, что статья "Babel Round Trieste" ("Вавилонская башня в Триесте"), опублик. в "The Times" 15. 5. 1945, основана на этих интервью.
21. Архив военного министерства Великобритании, 170/4461. В Имперском военном музее хранится целый ряд фотографий казачьих поселений в районе Лиенца, сделанных сержантом Леви (см.: NA 24983 – 24987), а также короткометражный фильм, снятый 10 мая (см. там же, а 924/12).
22. См.: Архив военного министерства Великобритании, 170/4461.
23. См.: В. Науменко, указ. соч., т. 1, стр. 139, 142, 170. Список Казачьего стана был составлен в Гемоне за семь месяцев до описываемых событий, 8 сентября 1944 года (см. там же, т. 2, стр. 96 – 96). Судя по тому, что 21 мая срочно потребовалось составлять новые списки – офицеров, штаб Доманова не располагал точными цифрами (см. там же, т. 1, стр. 211 – 212).
24. См. там же, стр. 101. 26 мая Баффский полк провел перепись кавказцев (см.: Архив военного министерства Великобритании, 170/4993). По сообщению полковника Малькольма, у казаков перепись не проводилась. Это подтверждается тем фактом, что казаки только 27 мая составили список офицеров (см.: В. Науменко, указ. соч., т. 1, стр. 212).
25. Н. Бетелл ошибается, полагая, что Мессон приказал казакам последовать в район западнее Лиенца (см.: Nicholas Bethell, указ. соч., стр. 81). Как следует из приказа Мессона от 7 мая, передовые части казаков уже были там (см.: Архив военного министерства Великобритании, 170/4461).
26. См. там же, 170/4993.
27. См.: H.N.H. Williamson. *Farewell to the Don*. London, 1970, p. 148; S.A. Malsgoff.

- An Island Hell: A Soviet Prison in the Far North. London, 1926, p. 14; В. Науменко. Сборник материалов о выдаче казаков в Лиенце и других местах в 1945 году. Ораниенбург, 1956, XIII, стр. 10.
28. Эту информацию любезно предоставил мне князь Азамат Гирей.
 29. См.: Архив военного министерства Великобритании, 170/4388; 4988.
 30. Там же, 170/4988.
 31. В. Науменко, указ. соч., т. 1, стр. 140.
 32. См.: Peter Kenez. Civil War in South Russia, 1918. Berkeley, 1971, pp. 271–272.
 33. О генерале Краснове см.: Peter J. Huxley-Blythe, указ. соч., стр. 45–53; Peter Kenez, указ. соч., стр. 46, 140–149, 269–271; John Silverlight. The Victors' Dilemma. London, 1970, p. 275.
 34. Архив военного министерства Великобритании, 170/4396.
 35. См. там же, 170/4461, 4988; Josef Mackiewicz, указ. соч., стр. 148–149.
 36. H. N. H. Williamson, указ. соч., стр. 68–69, 105–106, а также стр. 20–21, 107; Peter Kenez, указ. соч., стр. 181–183.
 37. См.: Sven Steenberg. Wlassow: Verräter oder Patriot? Köln, 1968, p. 128.
 38. К счастью, эта женщина не была репатрирована. По словам майора Дэвиса, он через несколько месяцев после передачи казаков советским властям видел ее в лагере в Пеггеце.
 39. См.: В. Науменко, указ. соч., т. 2, стр. 48–49; Josef Mackiewicz, указ. соч., стр. 146.
 40. См. там же, стр. 144; В. Науменко, указ. соч., т. 1, стр. 140.
 41. См.: Архив военного министерства Великобритании, 170/4988.
 42. Peter J. Huxley-Blythe, указ. соч., стр. 147; В. Науменко, указ. соч., т. 1, стр. 140.
 43. См.: Josef Mackiewicz, указ. соч., стр. 147; В. Науменко, указ. соч., т. 1, стр. 140; т. 2, стр. 37.
 44. См.: Архив военного министерства Великобритании, 170/4993, 4241.
 45. См.: В. Науменко, указ. соч., т. 1, стр. 122. В свете событий последующего дня эта версия кажется вполне вероятной (см. там же, стр. 140). Доманов считал, что действия англичан вызваны бесчинствами кавказцев (см.: Н. Краснов. Незабываемое, стр. 23–24). В любом случае оружия было явно недостаточно (см.: Архив военного министерства Великобритании, 170/4241, 4988).
 46. См. там же, 170/4396. В то же самое время всем войскам в долине Дравы был отдан приказ быть начеку, предупредить любые попытки бегства и сопротивления разоружению (см. там же).
 47. "Не подлежит сомнению, что офицеры обеих сторон делали все возможное для выполнения приказов о разоружении" (Архив военного министерства Великобритании, 170/4461).
 48. Н. Краснов. Незабываемое, стр. 27–28.
 49. См.: В. Науменко, указ. соч., т. 1, стр. 141, 273–274.
 50. См. там же, стр. 275. Сотник Александр Шпаренго думал, что казаков поселят "в Африке" (там же, стр. 161).
 51. См. там же, стр. 244–250.
 52. См. там же, стр. 179–180.
 53. Там же, стр. 153–154, 181.
 54. О вере Краснова и Доманова в англичан см. кн.: Н. Краснов. Незабываемое, стр. 23, 26–27.

55. См.: В. Науменко, указ. соч., т. 1, стр. 158–159.
56. См. там же, стр. 142.
57. См.: Архив военного министерства Великобритании, 170/4461. Анализ статистических данных см. в кн.: В. Науменко, указ. соч., т. 1, стр. 144–145.
58. См. там же, стр. 150–152; т. 2, стр. 196.
59. См. там же, стр. 149–150.
60. См. там же, стр. 159–165.
61. Мне рассказал об этом генерал Джеффри Мессон. О событиях 28 мая см. также: Josef Mackiewicz, указ. соч., стр. 152–158.

Глава 8

ВОЗВРАЩЕНИЕ: ИЗ ЛИЕНЦА НА ЛУБЯНКУ

За два дня до описанных событий бригадир Мессон, созвав командиров батальонов своей бригады на совещание в штабе в Обердраубурге, сообщил им о дальнейшей судьбе тех, кого они охраняли последние три недели. Решение, объяснил Мессон, принято на самом высшем уровне, и если даже оно кому-то не нравится, их долг — повиноваться. Речь идет об огромной массе людей, поэтому следует принять все предосторожности во избежание массовых попыток побега. Подробный план будет разработан позже, а пока необходимо изолировать офицеров от солдат; без командиров казаки вряд ли смогут оказать организованное и действенное сопротивление репатриации.

Но изолировать офицеров было не просто. Большинство их было рассеяно по всему лагерю, по своим частям, и попытка арестовать кого-либо из них неизбежно вызвала бы то самое сопротивление, которого следовало избежать. Поэтому вышестоящее руководство решило применить хитрость: сообщить казачьим офицерам о мнимой конференции с фельдмаршалом Александером, а когда те соберутся все вместе — объявить об их выдаче советским властям. Разумеется, необходимо было разоружить казаков, и после этого все пойдет как по маслу: офицеров соберут на ночь в специально подготовленном помещении в Шпитале, городке ниже по течению реки, а на следующий день под усиленной охраной передадут советским властям в Юденбурге. Затем последует передача рядовых казаков и их семей. Поскольку надобность в обмане к тому времени уже отпадет, силу можно применять в том объеме, в каком это окажется необходимо для успеха операции. Основной состав казачьей дивизии будет доставлен на поезде вслед за офицерами.

Большинству офицеров, присутствовавших на совещании, в том числе и самому бригадиру Мессону, предстоящая операция внушала отвращение. Да и выступать в роли обманщиков тоже было неприятно. Но, как подчеркнул Мессон, полученные им приказы не допускали никаких альтернатив, их надлежало выполнить.

Полковник Алек Малькольм из 8-го Аргильского полка возвращался в штабной машине в Лиенц мимо казацкого поселения. Представшее его глазам зрелище мало напоминало типичный военный лагерь. Мужчины гарцевали на лошадях, женщины развешивали белье, в траве играли дети. В Лиенце Малькольм собрал своих офицеров и рассказал им о предстоящей операции. Майор Дэвис, который был к казакам ближе других, пришел в ужас (не столько от перспективы возвращения казаков в СССР — он плохо представлял себе, что за этим кроется, — сколько от необходимости стать обманщиком). Ведь казаки знали его, верили ему; ему казалось немыслимым разом, в мгновение ока, превратиться в луна и обмануть их доверие.

Объяснив это Малькольму, он потребовал, чтобы офицером связи с казаками назначили кого-нибудь другого. Терпеливо выслушав его, Малькольм категорически отказался. Операция, объяснил он, очень сложная, и успех возможен, только если удастся изолировать офицеров. В противном случае дело может обернуться серьезнейшими неприятностями. Не исключены массовые побегии или крупное кровопролитие, или и то и другое. А самоустранение Дэвиса может породить сомнения у казачьих офицеров. К тому же, если о конференции им сообщит именно Дэвис, которого они близко знают и которому верят, это увеличит шансы на успех.

Дэвис скрепя сердце вынужден был подчиниться этой логике и твердому приказу командира. Это решение навсегда оставило шрам в его душе. Ему пришлось обмануть своего друга Бутлерова и других казаков, среди которых он пользовался такой популярностью. Но, глубоко уважая Алека Малькольма, он не осмелился нарушить приказ. В свою очередь и Алек Малькольм, и Мессон знали, что решение относительно казаков принято на очень высоком уровне, самим фельдмаршалом Александером, за которым стоял Черчилль. Никакая армия не устоит на ногах, если ее офицеры начнут сомневаться в приказах, а в данном случае, как полагали Мессон и Малькольм, их начальники имели доступ к целому ряду фактов, неизвестных полевым офицерам.¹

Но, пожалуй, именно вранье и обман показались казакам самой отвратительной стороной всего этого мрачного предприятия. Их удручало не только то, что английские офицеры совершили низкий и подлый

обман, но и то, что русских офицеров, воспитанных в благородных традициях императорской армии, удалось обвести вокруг пальца с такой легкостью.² Николас Бетелл в книге "Последняя тайна" пытается оправдать эти меры:

Конечно, ложь и обман есть неотъемлемая часть современной войны, и нет причин полагать, что сами казаки не прибегали к обману, ибо они воевали даже яростнее, чем другие.³

Однако большинство знакомых автору офицеров, английских и русских, без труда сумели бы отделить обман врага на поле боя от лжи ради отправки в мирное время беспомощных пленных навстречу смерти. Кроме того, дивизия Доманова, вопреки утверждению Бетелла, не только не воевала "яростнее, чем другие", но вообще ни разу не участвовала в боях как военное формирование. Хотя отдельные ее члены могли воевать в составе других формирований, Казачий стан вполне соответствовал своему названию, то есть был казацким поселением. Да иначе и быть не могло; ведь казаков повсюду сопровождали их семьи.

Что же до кавказских частей, то они еще в меньшей мере, чем казаки, представляли собой воинское формирование, состоя целиком и полностью из людей, бежавших с Кавказа во время немецкого отступления из-под Сталинграда.⁴

Поскольку Казачий стан являлся местом сбора и убежищем для перемещенных казаков, в последние недели перед переходом из Толмечцо в Австрию их собралось здесь великое множество. Среди них, например, были старые эмигранты, вынужденные уехать из Югославии в конце 1944 года. Деваться им было некуда, и они пробрались к своим землякам в Италию.⁵ Сам генерал Краснов появился в частях Доманова всего за три месяца до сдачи англичанам.⁶ И даже среди тех, кто от начала до конца проделал опасный путь от Новогрудка до Толмечцо, была большая группа гражданских беженцев. Например, супружеская чета поляков, живших в районе Новогрудка и ушедших с казаками на юг (останься они — их, скорее всего, расстреляли бы красные партизаны).⁷ Никак нельзя сказать, что эти люди работали или воевали против англичан, прибытия которых они ожидали с таким нетерпением, видя в них союзников в борьбе против коммунизма. Зое Полянкой из Одессы, живущей теперь в Шотландии, в ту пору было 17 лет. Ее освободили из Освенцима, и она появилась в лагере Пеггек примерно за неделю до

операции 1 июня. Ее ранили во время избиения, учиненного при посадке казаков на грузовики, и доктор Пинчинг, перевязавший ее, видел, как девушку дважды бросали в грузовик. И все же Зое удалось, воспользовавшись всеобщим замешательством, бежать. Это и было ее единственным выступлением против союзников.

Английские военные власти, казалось, и сами были не в большом восторге от этой "части современной войны". На другой день после успешного проведения "операции" штаб 78-й дивизии издал следующий приказ:

1. Многим офицерам и сержантам армии известно, что союзники во время операций широко применяют методы маскировки и обмана.
2. Чрезвычайно важно, чтобы ни в какой форме не была обнародована практика союзников в этом и подобных вопросах, даже и теперь, после прекращения военных действий. Это относится равным образом как к методам, применяемым в отдельных операциях, так и к общей политике. Всякая информация по данному вопросу будет по-прежнему считаться "совершенно секретной".
3. Формирования и отряды должны позаботиться о том, чтобы этот приказ был доведен до сведения всех заинтересованных лиц. Поскольку излишние комментарии крайне нежелательны, циркуляция приказа должна быть строго ограничена теми, кто знает о методах обмана. Командиры формирований и отрядов сами должны решить, каким образом ознакомить подчиненных с этим приказом.⁸

28 мая в десять утра полковник Брайар из 1-го Кенсингтонского полка собрал своих офицеров на совещание в штабе батальона в Шпитале. Объяснив приказ по дивизии о репатриации казаков, он стал объяснять, какие меры следует принять, чтобы все прошло без сучка без задоринки. Собственно, никаких затруднений вроде бы не предвиделось, однако на всякий случай имелось мрачное дополнение к инструкциям:

Приказы для охраны предусматривают следующее:

1. Всякую попытку сопротивления пресекать любыми методами, вплоть до применения оружия.
2. Всякая попытка офицеров совершить самоубийство должна

быть предотвращена, если это не связано с опасностью для наших солдат. Если же имеется малейшая опасность такого рода, препятствовать самоубийству не следует.

Заняв свои позиции, офицеры в нетерпении стали ожидать прибытия казаков. Первым прибыл генерал Доманов. Его вместе с Бутлеровым отвели в барак за оградой, поставив там охрану.⁹ Через полчаса появилась первая колонна. На двух грузовиках прибыли 125 кавказских офицеров. Впереди в открытом автомобиле ехал Султан-Гирей в форме офицера царской армии.¹⁰ С ними обошлись так же, как с казаками: сказали о конференции в Деллахе и потребовали, чтобы Гирей выехал первым.

После прибытия кавказцев машины пошли сплошным потоком. Одним из первых приехал генерал Краснов, которому помог выйти из машины его сын, генерал Семен Краснов.¹¹ Все грузовики обыскивали на предмет наличия оружия, а офицер разведки 36-й бригады сверял имена по имевшемуся у него списку. Это сильно замедляло процедуру, и полковник Брайар решил на свой страх и риск сократить проверку, чтобы успеть до темноты загнать казаков в бараки. Затем он пошел к Доманову и объявил, что казаки и кавказцы проведут ночь в лагере, и он, Доманов, по-прежнему отвечает за дисциплину своих офицеров. Утром, в 7.30–8.30, их построят в группы по 500 человек и объяснят, что с ними будет дальше.

Доманов пообещал “сделать все, чтобы выполнить инструкции”. Эта реплика, по мнению Бетелла, говорит о посвященности Доманова в планы англичан,¹² и о том, что Доманов был в сговоре с англичанами и способствовал репатриации казаков в СССР.¹³ Но зачем же было англичанам сообщать генералу Доманову о своих планах, которые они с такими предосторожностями скрывали от казаков? Если Доманов и предлагал кому-либо свои услуги, то не майору Дэвису и не полковнику Малькольму. (Ни они, ни бригадир Мессон о каких-либо переговорах с Домановым ничего не помнят).

После разговора с Брайаром Доманов пошел к своим офицерам и, запинаясь, коротко и сбивчиво пересказал им то, что услышал от Мессона и Брайара. Для большинства это известие прозвучало смертным приговором. От себя Доманов почти ничего не добавил, он производил впечатление совершенно раздавленного человека. Быть может, смехотворная выдумка насчет его тайного сговора с англичанами отчасти вызвана тем, что после совещания в Лиенце, на котором он сообщил офицерам приказ о “конференции”, и вплоть до этой страшной минуты никто из казаков его не видел. Не трудно представить себе, какие дикие вымыслы могли зародиться у тех, кому выпала на долю столь страшная судьба.

Услышав о репатриации, многие в панике начали срывать знаки различия, пытались избавиться от мундиров и черкесок, выбрасывали документы, которые могли бы засвидетельствовать в НКВД их чины. Офицеры хорошо понимали, что им предстоят самые жестокие испытания. Понимали это и англичане — и потому приняли тщательные меры по предотвращению побегов, составили список офицеров (для рядового состава список не заводился).¹⁴ Пораженные обманом англичан, казаки принялись искать виновных. Совершенно очевидно, что их предали, но кто именно? Уважение казаков к англичанам было столь велико, что многие не сомневались: измена возникла в их собственных рядах.¹⁵

Генерал Краснов утихомирил спорщиков, сказав, что если их действительно ждет выдача большевикам, то по крайней мере они могут с достоинством принять свою судьбу. В одном только он упрекнул Доманова: атаман мог бы, по меньшей мере, попытаться проверить подлинность приказа англичан о конференции.

Попросив бумагу и ручку, Краснов принялся сочинять петицию. Он писал по-французски, и хотя текст исчез при таинственных обстоятельствах, свидетели донесли до нас его суть. Краснов писал, что он и другие офицеры готовы подчиниться своей судьбе, но умолял о снисхождении к массе рядовых казаков и их семей, которые никак нельзя было обвинить в соучастии в военных преступлениях. Копии петиции, подписанной большинством офицеров, были отправлены королю Георгу VI, фельдмаршалу Александру, Папе, в штаб-квартиру Международного Красного Креста и королю Югославии Петру (некоторые старые эмигранты являлись югославскими гражданами).¹⁶

Тем временем и другой знаменитый казачий генерал узнал об уготованной ему судьбе. Русского врача профессора Вербицкого, прибывшего вместе с офицерами, попросили осмотреть генерала, у которого случился сердечный приступ. В сопровождении английского солдата Вербицкий отправился в комнату, где на кровати лежал его старый знакомый генерал Шкуро. Подойдя к пациенту, Вербицкий понял, что Шкуро на самом деле ничем не болен. Косясь на английских солдат, стоявших у двери, Шкуро прошептал по-русски: "Кто приехал и куда их посылают?" Вербицкий, тоже шепотом, объяснил, что прибыл весь офицерский состав казачества из Лиенца, в том числе генерал Краснов. Шкуро побледнел, в отчаянии махнул рукой и несколько минут лежал молча, обдумывая услышанное. Больше им поговорить не удалось: английский солдат сказал, что время истекло. Вербицкий вернулся в лагерь с тяжелым сердцем, терзаемый дурными предчувствиями.¹⁷ Вскоре после этого к Шкуро наведился полковник Брайар, сообщивший генералу, что завтра его выдадут советским

властям. На просьбу Шкуро расстрелять его тут же, на месте, Брайар отрезал, что это невозможно, и ушел.¹⁸

К моменту прибытия офицерского корпуса Доманова Шкуро находился в Шпиттале уже тридцать шесть часов. Утром 26 мая Ольга Ротова видела, как он с победоносным видом объезжал лагерь в Пеггеге. Как всегда при объездах, его окружала толпа казаков. Мужчины, женщины и дети радостно приветствовали его криками: "Ура батьке Шкуро!" Заметив Ольгу, генерал помахал ей и крикнул, что недавно говорил с ее мужем, Михаилом. Он находится в Зальцбурге и она скоро сможет туда поехать.

В тот вечер Шкуро обедал с генералом Домановым в его штаб-квартире. Он куролесил до позднего часа, потом, наконец, неверной походкой отправился на покой. Вскоре, часа в три ночи (излюбленное НКВД время для арестов) раздался стук в дверь, и английский офицер сообщил Шкуро, что он арестован. На рассвете генерала вывезли в Шпитталь. Шкуро догадывался, что англичане собираются выдать его советским властям, так что вряд ли сообщение Брайара было для него полной неожиданностью.¹⁹

В 9 часов казакам пришлось отправиться на ночь в свои бараки. Но лишь немногие из них спали в ту ночь, и наверняка не сомкнул глаз генерал Доманов. Он понимал, что его ждут жестокие пытки и неминуемая смерть, но его мучило еще и сознание того, что он потерял доверие своих товарищей.²⁰

Утром, в пять часов, дали завтрак. Вскоре после этого один из священников попросил у полковника Брайара разрешения совершить службу, для многих последнюю. Брайар согласился. Позднее он писал, что "это была замечательная служба с великолепным пением". Но времени на обряды было совсем немного. В 6.30 к воротам подошел первый грузовик, и английский офицер приказал сесть туда Доманову со штабом. Доманов отказался, добавив, что больше не властен над своими офицерами.²¹ Тогда полковник Брайар заявил, что дает десять минут на размышления, после чего примет меры. Десять минут прошли. И поскольку ни Доманов, ни его офицеры не собирались повиноваться приказу, за дело взялся взвод английских солдат.

Однако оказалось, что заставить казаков повиноваться — задача не из легких. Офицеры сели на землю, взявшись за руки, и когда английский сержант попытался силой оттащить одного офицера, тот укусил его в руку. Это послужило для охранников сигналом — они набросились на безоружных, среди которых были старики, вроде генерала Тихоцкого, способного передвигаться только ползком.²² Несколько минут английские солдаты дружно орудовали прикладами винтовок, и многие

казаки были избиты до потери сознания. Правда, были и такие, кто не решился избивать безоружных казаков. Но в общем, как писал полковник Брайар, "вмешательство возымело должное действие" и казацкие офицеры залезли в грузовики.

Генерал Краснов наблюдал за этой сценой из открытого окна своего барака, когда несколько английских солдат бросились к бараку, чтобы выволочь оттуда и старого генерала. Но такого надругательства казаки потерпеть не могли. Офицеры подбежали к окну, взяли 76-летнего генерала на руки и отнесли его в грузовик. Краснову было разрешено сесть в кабине, рядом с шофером. Его внук, Николай Краснов, видел, как дед перекрестился и прошептал: "Господи, сократи наши страдания!"²³

Генерал Краснов ехал в переднем грузовике колонны, которую замыкала машина, где находился генерал Шкуро со штабом. Всего в ночь 28-29 мая через Шпитталь проехало около 1 600 казаков и кавказцев. Для некоторых этот пункт оказался конечным: в официальном рапорте сообщалось о трех попытках самоубийств, из которых "две оказались удачными".²⁴ Но английский офицер, занимавшийся погрузкой казаков и обыскивавший после этого лагерь, сообщает о 8-12 попытках самоубийства. По меньшей мере трое повесились на электрических шнурах, другие перерезали себе горло или вены осколками стекол.²⁵ Некоторые офицеры решили не откликаться при регистрации в Юденбурге. Трое во время посадки на грузовики спрятались, и потом им удалось выбраться на волю, за колючую проволоку, окружавшую лагерь.²⁶

Но сотни других, менее удачливых казачьих офицеров, на полной скорости приближались к Юденбургу, советской границе зоны. Одного казака, спрыгнувшего с грузовика, поймали; в других беглецов стреляли. Лейтенант Дж Т. Петри, которому была поручена охрана грузовиков, вспоминает, как "офицеры на всем пути от Шпитталя до Клагенфурта выбрасывали за борт ремни, шпоры и знаки различия".²⁷ Спешили казаки избавиться и от вещей, которые могли бы стать добычей сотрудников НКВД, так что английские солдаты вели оживленную торговлю, где в качестве валюты фигурировали сигареты. Часто за сигарету можно было получить золотые часы.²⁸

Через несколько часов глазам едущих в передовом грузовике предстала посреди лесистой долины Мура панорама Юденбурга. Река служила демаркационной линией между двумя армиями. Грузовики медленно въехали на мост, вдоль которого стояли английские танки и пулеметы. Затем вся колонна выстроилась сбоку, грузовики один за другим переезжали мост, высаживали пассажиров на советской стороне

и возвращались. Наверху, на столбе, повис мешком кроваво-красный флаг СССР.

Казак ожидал разгрузки, сидя в грузовиках. Один из них попросил разрешения помочиться: на мосту стояли специальные ведра для этой цели. Бежать ему было некуда, и английские охранники разрешили. Офицер прыгнул с грузовика, направился к ведру и вдруг, резко рванувшись вперед, прыгнул с утеса высотой футов в сто. Английские солдаты, подбежавшие к обрыву, смогли разглядеть лишь распростертое далеко внизу тело. Наверное, охранникам пришлось бы туго, если бы при перекличке обнаружилась нехватка, но им повезло. Как писал позже майор Гуд из танкового эскорта, покалеченного умирающего офицера не без труда обнаружили и передали советским.

Перейдя по мосту на другую сторону, майор Гуд стал наблюдать за ходом выдачи казаков. Но тут стоявший рядом с ним казачий офицер вытащил откуда-то бритву, резко полоснул по горлу и окровавленный упал в предсмертных судорогах к ногам английского майора. Ошеломленный столь неприятным происшествием, майор осведомился у женщины-офицера, что ожидает казаков. Она заверила его, что "старшие офицеры будут посланы на перевоспитание, а младших отправят на работы по восстановлению разрушенных советских городов". Впрочем, вскоре на тот же вопрос он получил совсем другой ответ: капитан Красной армии многозначительно провел ладонью по горлу.²⁹

В тот день были переданы не все. Через два дня привезли еще 83 офицера — дежурных, оставшихся в лагере, а также несколько задержавшихся. Во главе эскорта ехал в джипе лейтенант Хемминг из 1-го Кенсингтонского полка. Подъехав к мосту, Хемминг заметил, что "между городом и барьером на расстоянии примерно мили стояли в ста ярдах друг от друга английские солдаты, деловито сжимая в руках автоматы".³⁰ Казачьи офицеры были переданы советскому полковнику, выдавшему расписку в получении, и вскоре скрылись из виду. Но до англичан еще долго доносились звуки, по которым можно было составить некоторое представление о том, что происходит на другом берегу Мура. Эдуард Стюарт, бывший мотоциклист связи в Королевском сигнальном корпусе, написал мне следующее:

Меня вызвали охранять английскую часть моста в Юденбурге, когда колонну русских казаков передавали советским на другом конце моста. Официально нам так и не сообщили причину выдачи этих несчастных, но мы все понимали, что они воевали вместе с немцами против нас. Мы понимали также, что

они идут навстречу своей смерти, насчет этого у нас не было ни малейших сомнений. Возле моста находилось ведро для нечистот, и многие казаки воспользовались им, хотя и вовсе не по назначению. Они наполнили его немецкими марками, часами и другими вещами. Сам я не видел, чтобы к казакам применялось насилие, но я не ехал с конвоем, а просто стоял на месте... В ту ночь и на другой день мы начали подсчитывать выстрелы, доносившиеся со стороны русского сектора под аккомпанемент самого замечательного мужского хора, который я когда-либо слышал. Голоса разносились по всей округе. Выстрелы сопровождались веселыми криками.³¹

Казаки умели умирать. Может быть, они пели, чтобы встретить смерть со словами литургии на устах, а может, чтобы показать англичанам, как они умирают.

Английские солдаты, находившиеся тогда в Юденбурге, могли лишь догадываться о судьбе казаков. Но одному казацкому офицеру, оказавшемуся в аду, чудом удалось выбраться оттуда через десять лет. Речь идет о Николае Краснове, внуке старого генерала. Семья Красновых покинула Россию, когда ему было всего четыре месяца; с тех пор он жил в Югославии. Теперь, вследствие приказа, отданного генералом Арбутнотом, он был осужден без суда и следствия на десять лет работ в страшных сибирских лагерях. Лишь немногие смогли пройти через это испытание. В числе этих немногих оказался и Николай Краснов. Он не только дожил до конца своего срока – ему разрешили как гражданину Югославии уехать из СССР. В декабре 1955 года он уехал в Швецию, и там записал все, что помнил – от обещаний англичан в Лиенце до карагандинского ада. Его дед и товарищи-казаки завещали ему, если он выживет, написать мемуары, рассказать миру о предательстве англичан и жестокости советских властей. Он писал, стараясь не упустить ни единой, даже самой мелкой подробности, и лишь закончив книгу, уехал в Аргентину, где жила его жена Лили, которой десять лет назад удалось спастись от репатриации, скрывшись в горах Австрии. Он умер вскоре после выхода книги. Не исключено, что его отравило КГБ, отомстив ему за его воспоминания.³²

Как рассказывает Н. Краснов, в Юденбурге генералы Краснов, Шкуро и Доманов, а также другие старшие офицеры, содержались отдельно от остальных. Всех согнали в большой литейный цех металлургического завода, генералов же поселили в комнате, очевидно, бывшей канцелярии. Николай был вместе с дедом, здесь же находились его отец и дядя. На

первых порах их охраняли красноармейцы, обращавшиеся с ними вполне вежливо. С самого начала было очевидно, что для советских главное во всем этом деле — захват знаменитых белых генералов. Командир части пригласил Краснова и Шкуро в свой штаб; он, оказалось, тоже участвовал в гражданской войне, и бывшие противники живо обсуждали битвы прежних дней. О политике разговора не заходило. Советский офицер был вежлив и почтителен.

Вообще советские офицеры часто наведывались к своим заключенным, и разговор неизменно возвращался к 1918 году, когда красная кавалерия и белые казаки схватились на Дону и на Украине. Офицеры с почтительным интересом слушали Краснова, но наибольшим успехом пользовались рассказы легендарного Шкуро, пересыпанные сочными ругательствами и непристойностями. У младших офицеров, знавших о минувшей войне лишь понаслышке, шуточные перебранки стариков вызывали буквально приступы смеха. Многие с детства слышали легенды о Шкуро, этом самом бесстрашном предводителе казаков, и, конечно, не могли представить себе, что через 25 лет после битв гражданской войны увидят его собственными глазами! Его грубоватый солдатский юмор с равным успехом покорял сердца красноармейцев и казаков фон Паннвица. И они неизменно приходили в восторг, когда Шкуро, нимало не стесняясь в выражениях, рассказывал, как красная кавалерия однажды "прожгла дыры в наших задницах".

Казацкие руководители старались сохранять самообладание. Но время от времени происходили события, напоминавшие, что судьбу их будут решать отнюдь не братья-солдаты, а чиновники совсем иного рода:

Навещали нас также и молчаливые гости, офицеры контрразведки, СМЕРШа и НКВД. Они входили в комнату, оглядывались вокруг, словно считая нас по головам, затем уходили, плотно закрыв за собой дверь.

Среди рядовых красноармейцев установилось странное, но единодушное отношение к пленным. На белых офицеров они смотрели снизу вверх, уважая в них последовательных врагов, никогда не прекращавших открытую борьбу против большевиков. Совсем другие чувства вызывали у них бывшие офицеры Красной армии, вроде Доманова. К ним относились с презрением или попросту игнорировали.

Через два дня Красновых, Доманова, Шкуро, Султана-Гирея, Васильева и других старших офицеров увезли на грузовиках. Но до посадки им предстояло стать свидетелями расстрела одного немецкого лейтенанта

15-го казачьего полка фон Паннвица. Экзекуция была проведена крайне небрежно, и офицеру НКВД пришлось добить несчастного. Этот немец был не единственным пленным, выданным англичанами советским властям.

Несколько дней и ночей на заводе в Юденбурге работали расстрельные команды, постоянные залпы глушились запущенными для этой цели двигателями.³³ После такого "предупреждения" группу казачьих офицеров повезли под охраной в Грац, здесь они провели ночь в тюрьме НКВД, наутро их перевели в Баден, в другую тюрьму, где офицеры СМЕРШа подвергли их пристрастным и грубым допросам. Как и всем тем, кто прошел сквозь эту организацию, многие вопросы показались им до глупости наивными — словно их придумал какой-то недоумок. Но СМЕРШ разделял с Красной армией интерес к знаменитостям, оказавшимся в их руках. Однажды утром, например, явились фотографы и запечатлели семью Красновых. 4 июня всех отвезли на ближайший аэродром. Вот что вспоминает об этом бывший смершевец, вскоре перебежавший к американцам:

Однажды, в конце весны 1945 года, когда мы уже были в Бадене, мой начальник, подполковник, предложил мне сопровождать его, пообещав показать, как он выразился, "живую историю".

Они отправились на аэродром, куда привезли группу казаков.

Когда мы приехали, на поле уже стоял самолет, готовый к отлету. Возле был грузовик, накрытый брезентом, а рядом собралась группа офицеров СМЕРШа, к которым мы и присоединились. Мой подполковник был здесь старшим по чину.

— Ну что ж, — обратился к подполковнику майор из оперативного отдела, — можно начинать?

Подполковник кивнул. Из кабины грузовика медленно вылез старый человек в немецкой форме, на плечах красовались погоны русского генерала, а на шее висел царский орден в форме белого креста.

— Это Краснов, — подтолкнул меня локтем подполковник. — А вот это Шкуро. — Я увидел маленького человека в генеральской форме. Во время гражданской войны он был одним из главных врагов кавалерии Буденного, и бои с ним велись прямо в моем родном городе. Я глазел на них обоих с нескрываемым интересом, как, впрочем, и все остальные.

— Ну и мерзавцы эти англичане! — сказал подполковник. — Наградили Шкуро своим орденом, по имени какого-то ихнего святого, не то Николая, не то Георгия, а теперь — нате вам, стоило нам мигнуть — и они тут же доставили голубчика.

Все наши дружно рассмеялись.

Из грузовика вылезла еще одна группа офицеров в такой же форме. Они скрылись в самолете в сопровождении солдата-энкаведешника с автоматом и майора из оперативного отряда СМЕРШа. Самолет набрал скорость и взмыл в небо, по направлению к Москве и эшафоту.³⁴

В Москве офицеров посадили в одну из тех машин для перевозки заключенных с надписью "Хлеб", которые так впечатляли западных корреспондентов, изображавших процветание советского народа.³⁵ Вскоре машина подъехала к месту назначения — Лубянке. Офицеров ввели в здание и, проведя длинным коридором, развели по одиночным камерам. Николай Краснов вспоминал в своей книге, какой ужас охватил его в тот момент:

Щелкнул замок. Осматриваюсь. Осматривать тут нечего. Малюсенькое помещение вроде телефонной кабинки. Низко навис потолок. Помещение ярко освещено. Глазам больно. Сесть можно только на пол с согнутыми коленками. Тишина. Мало воздуха. Жарко. Душно... Полную мертвящую тишину иногда прерывает душераздирающий крик, звериный вой кого-то истязаемого или умирающего.

Николай Краснов недолго пробыл в камере. Молчаливые охранники привели его в подвал, где его обыскали.

Обыск подходил к концу, но в это время открылась дверь и в комнату вошел... полковник НКВД.

— Всё осмотрели? — полушепотом спросил он. (Очевидно, у людей вырабатывается на Лубянке привычка говорить очень тихо).

— Всё.

— ...А там?

Начальник ударил себя ладонью по лбу, как бы говоря: Ах дурак! Забыл ведь!

— Нагнись! — сказал он мне. Я нагнулся и вдруг взвыл от неожиданности, боли и отвращения. "Сам" полковник МВД, без всяких перчаток, соизволил залезть в мой анус пальцами, без

всяких церемоний стараясь открыть там то, что я, по его мнению, мог туда запрятать.

— Тихо! — рявкнул он. — Не орать!

... Осмотр был закончен.

— Одевайтесь, — приказал полковник, вытирая пальцы о свой собственный платок. Повернувшись к надзирателям, он добавил. — Оставьте ему пока все. И пуговицы, и погоны, и ремень и ведите его прямо к "нему".

Николаю вскоре предстояло узнать, кто такой этот таинственный "он". Но сначала Николая отвели в приемную, где он к своей радости увидел отца, и им удалось обменяться несколькими словами. Их ввели в громадную комнату.

В самой глубине зала стоял широченный блестящий письменный стол. Направо и налево от него, как бы покоем, — столы, покрытые сукном. На стене огромный портрет "вождя" в форме генералиссимуса, во весь рост, метра три высотой. На противоположной стене — портрет Берия. В простенке между окнами, закрытыми темно-красными бархатными гардинами, портреты членов ЦК ВКП (б). Весь пол покрыт дорогими бухарскими коврами. Против письменного стола, метрах в 10 от него, стоял маленький столик и два стула. Меня все время поражала полная тишина. Как будто все здание притаилось, замерло, стояло где-то вне времени, вне пространства. Как будто вокруг него не бурлила, не шумела, не двигалась Москва.

За письменным столом без движения сидел генерал в форме войск МВД. — ... Меркулов, — шепнул за нашей спиной офицер.

Это имя скорее всего ничего не сказало бы Антони Идену или сотрудникам английского МИД, но Меркулов был третьим человеком в СССР. Помощник Берия, он сыграл ключевую роль в организации убийства 15 тысяч поляков в Катыни в 1940 году. Нам неизвестно, что думали об уступках англичан Сталин или Берия, хотя мы можем об этом догадаться, но Меркулов беседовал на эту тему с Николаем Красновым, и Николаю единственному суждено было выжить после такой беседы. Только те, кто целиком прочел его книгу, способны понять, каким чудом было то, что он выжил. Вряд ли Меркулов мог предположить, что стоящий перед ним молодой человек, бледный, перепуганный, проведя одиннадцать лет в лагерях, окажется на Западе и опубликует рассказ об этой встрече. Да и сам Николай, наверное, не надеялся на такое чудо.

Генерал молчал. Мы — не шевелились. Затем он медленно поднял тяжелую голову и беззастенчиво, открыто стал нас осматривать, как восковые фигуры в паноптикуме.

По приказу Меркулова принесли чай и печенье, и они остались втроем. Сначала министр НКВД сделал несколько вежливых, хотя и мрачных замечаний, затем его настроение изменилось.

Пауза. Генерал ходил взад и вперед за своим столом, мягко и плавно раскачиваясь в бедрах и ловко поворачиваясь на каблуках: — Как доехали? Не укачало ли и вас в самолете?.. Не беспокоил ли вас кто-нибудь? Есть ли какие-нибудь жалобы? — и не дождавшись ответа, скорее даже не интересуясь им, Меркулов обратился прямо к отцу: — Почему вы не курите, Краснов, и не пьете чай? Вы, по-моему, не очень разговорчивы и дружелюбны. Я думаю, что за этим молчанием вы пытаетесь скрыть ваше волнение... страх... а волноваться вам, в общем, совсем не стоит. По крайней мере, не в этом кабинете. Вот когда вас вызовут к следователю, я вам советую говорить только правду и находить ответы на все вопросы, а то... мы и подвешивать умеем. — Меркулов тихо рассмеялся. — Знаете, как подвешивают? Сначала потихоньку, полегоньку... даже не больно, но потом... Не описал ли в своих книгах подобный способ дознания атаман Краснов?

У меня похолодели пальцы. В висках пульс отбивал какой-то бешеный там-там. Так громко билось сердце, что стук его должен был слышать и Меркулов, стоявший за письменным столом на расстоянии десяти метров.

Отец молчал. Лицо его было бледно, но сосредоточенно спокойно. Завидую ему.

— ...На свободу не надейтесь, — продолжал генерал. — Вы же не ребенок. Однако, если не будете упрямы, легко пройдете все формальности, подпишете кое-что, отбудете парочку лет в ИТЛ и там привыкнете к нашему образу жизни и... найдете ее прекрасные стороны... Тогда, возможно, мы вас выпустим. Жить будете! — Опять пауза.

— ...Так что, полковник Краснов, выбирайте между правдой и жизнью или запирательством и смертью. Не думайте, что я вас запугиваю. Наоборот! Ведь Петр Семенович, Семен Николаевич и вы — наши старые знакомые! В 1920 вам удалось вьюном

выскочить из наших рук, но теперь — все карты биты. Не уходите! "Нэма дурных", — как говорят на Украине.

...Несколько шагов туда и обратно. Руки у генерала заложены за спину. Он играет пальцами скрещенных кистей. Невольно замечаю, что на одном поблескивает кольцо.

— ...Итак, полковник, мы с вами договорились?

— Мне не о чем с вами договариваться! — резко ответил отец.

— То есть как "не о чем"? — тихо рассмеялся чекист. — Уговор дороже денег, Краснов. Ваше прошлое нас не интересует. Мы о вас все знаем. Но... вот известные маленькие подробности о ваших действиях ближайшего времени будет не вредно услышать от вас самих.

— Мне вам нечего рассказывать. Я не понимаю, к чему вся эта волокита. Кончайте сразу. Пулю в затылок — и...

— Э-э-э, нет, "господин" Краснов, — криво усмехнулся Меркулов, опускаясь в кресло. — Так просто это не делается. Подумаешь! Пулю в затылок и все? Дудки-с, ваше благородие! Поработать надо. В ящик сыграть всегда успеете. Навоза для удобрения земли — хватает. А вот потрудитесь сначала на благо Родины! Немного на лесоповале, немного в шахтах, по пояс в воде. Побывайте, голубчик, на 70 параллели. Ведь это же так интересно. "Жить будете", как говорят у нас. Вы не умеете говорить на нашем языке. Не знаете лагерных выражений, родившихся там, в заполярье. Услышите! Станете "тонкий, звонкий и прозрачный, ушки топориком"! Ходить будете "макаронной" походочкой! — расхохотался генерал. — Но работать будете! Голод вас заставит!

Мы сидели молча. В голове у меня гул, ладони рук вспотели от бессильной злобы.

— Нам стройка нужна, полковник Краснов. А где руки взять? От висельников и "жмуриков" пользы большой нет. Времена переменялись. Расстрел — в редких случаях. Нам рабочие руки, бесплатные руки нужны. Двадцать пять лет мы ждали радостной встречи с вами. Довольно вы в эмиграции языком мололи и молодежь с истинного пути сбивали.

Меркулов немного задыхался от своего монолога. На лбу отскочила толстая жила. Глаза стали острыми, как жало ненависти.

— ...Испугались?.. Чего? Работы испугались?.. А впрочем... что тут говорить? Ни вы мне, ни я вам не верим ни одному слову. Вы для меня — белобандит, а я для вас красный хам! Однако

победа за нами, за красными. И в 1920, и теперь. Сила на нашей стороне. Мы не льстим себя надеждой, что нам удастся перевоспитать Краснова и превратить его в покорную советскую овечку, любовью к нам вы никогда не восплаете, но мы сумеем вас заставить работать на коммунизм, на его стройку, и это будет самым лучшим моральным удовлетворением!

Меркулов умолк, выжидающе вытаращив глаза на отца.

— Зачем такое длинное вступительное слово! — устало ответил отец. — Я все прекрасно понимаю и без пояснений, господин генерал. Мне ясна безнадежность нашего положения. Мы с сыном солдаты. Оба воевали. Оба встречались со смертью глаз на глаз. Нам все равно, на какой параллели, 70 или сотой, она махнет своей косой... Я ругаю себя только за одно — зачем я поверил англичанам? Однако, сняв голову...

— Ах! Если бы только смерть! — усмехнулся Меркулов. — Бросьте громкие слова о "солдатской смерти". Это — отсталая белиберда! Смерть прошла мимо, даже вас не заметив! Но что вы поверили англичанам — так это действительно глупость. Ведь это — исторические торгаши. Они любого и любое продадут и даже глазом не сморгнут. Их политика — проститутка. Их Форейн Оффис — публичный дом, в котором заседает премьер — главная дипломатическая "мадам". Торгуют они чужими жизнями и своей собственной смертью. Мы? Мы им не верим, полковник. Поэтому мы и взяли вожжи в свои руки. Они и не знают, что мы их заперли на шахматной доске в угол и теперь заставили их плясать под нашу дудку, как последнюю пешку. Рано или поздно произойдет схватка между коммунистическим медведем и западным бульдогом. Милости нашим сахарным, медоречивым пресмыкающимся и заискивающим союзничкам — не будет! Полетят к чертовой матери все их короли, со всеми их традициями, лордами, замками, герольдами, орденами Бань и Подвязок и белыми париками. Не устоят под ударом медвежьей лапы все те, кто льстит себя надеждой, что их золото управляет миром. Победит наша здоровая, социально крепкая, молодая идея Ленина-Сталина! Быть по сему, полковник.

Помолчав немного, Меркулов обратился к молодому Краснову:

— Королевский офицер! Видали? А мускулы у тебя есть, королевский офицер? Пошлю тебя работать туда, куда Макар телят

не гонял, так ты другое запоешь. Будешь поправлять то, что фашистские гады понапортили. Жаль, что мало вас контриков мы получили! Многим удалось смотать удочки и спрятаться под юбкой у западников. Ничего! В свое время и их получим! Со дна моря достанем!.. Нннет! Пулю в лоб вы не получите. Ни в лоб, ни в затылок. Жить вас заставим. Жить и работать! А придет время, во имя социалистической стройки сами передохнете.

— Я думаю, что этот разговор ни к чему не ведет, — неожиданно резко вставил отец.

— Чтоооо? — взревел генерал МГБ. — Отдаете вы себе отчет, где находитесь и с кем говорите? На Лубянке! С Меркуловым. Я здесь хозяин. Я говорю что хочу. Помогла вам петиция, которую ваш дядюшка, атаман, на французском языке из Шпиталия послал? Что, вы думаете, что мы об этом не знаем? Не помогут вам ни Черчилли, ни Труманы, ни короли, ни дипломаты. Если мы гаркнем, так они хвосты подожмут. Рассказывают, что цари ходили своих коней на берега Одера поить, так мы, придет время, на берегах Темзы советских лошадей напоим.

После этого взрыва Меркулов нажал кнопку звонка и отпустил Красновых.

В тот же день в лубянской бане Николай последний раз видел своего деда. Атаман Краснов, генерал и писатель, сказал внуку, что он должен когда-нибудь поведать миру историю о том, как предали казаков. Эти слова глубоко запали в душу Николая, горячо любившего и почитавшего деда. Генерал был уверен, что внуку суждено пережить грядущие испытания:

— Если выживешь — исполни мое завешание. Опиши все, что будешь переживать, что увидишь, услышишь, с кем встретишься. Опиши, как было. Не украшай плохое. Не сгущай красок. Не ругай хорошее. Не ври!.. Пиши только правду, даже если она будет кому-нибудь глаза колоть... Здесь, в подобных условиях, писать тебе не придется. Ни записочки, ни заметочки. Употребляй мозг, как записную книжку, как фотографический аппарат. Это важно. Это невероятно важно. От Лиенца и до конца пути своего по мукам — запоминай. Мир должен узнать правду о том, что совершилось и что совершится, от измены и предательства до... конца.

Николай Краснов не забыл этот совет. Все доступные нам свидетельства подтверждают правдивость его рассказа. О самом разговоре с Меркуловым Краснов пишет:

Несмотря на протекшие 11 лет, встреча с Меркуловым и все им сказанное настолько врезалось в мою память, произведя в то время незабываемое впечатление, что я старался его передать с возможно абсолютной точностью, может быть, что-либо упустив, но не прибавив.³⁶

Это замечание важно, потому что речь Меркулова является самым подлинным свидетельством, какое вообще возможно. Имеются и другие документальные и достаточно надежные свидетельства, где ближайший коллега Меркулова, Абакумов, и прочие офицеры МГБ используют ту же фразеологию, высказывают те же мысли.³⁷ Угрозы Меркулова звучат, как парафраза речи какого-нибудь знаменитого злодея, героя старомодного детективного чтива для школьников, но в том и состоит одно из величайших завоеваний советского коммунизма, что ему удалось воплотить в жизнь затасканные клише сочинителей детективов. Руководитель польского подпольного движения Стыпулковский, которого тоже допрашивали в Лубянской тюрьме в 1945 году, выслушивал те же угрозы и те же самодовольные речи от своего следователя майора Тихонова. Как и Меркулов, "Тихонов сказал, что умереть — это не трудно, куда труднее провести остаток жизни в сибирских лагерях", а затем точно так же, как Меркулов, выразил свое презрение к трусливым и двуличным англичанам.³⁸ Несомненно, все эти приемы спускались сверху, руководством НКВД.

Тот беспрецедентный факт, что Меркулов лично беседовал с казацкими руководителями, доказывает, как важно было советским руководителям их возвращение. Что за этим стояло — страх ли, что эмигранты могут при благоприятных обстоятельствах опрокинуть режим, или же расправа со старейшими злейшими врагами — об этом можно лишь гадать. Но вполне вероятно, что Меркулов говорил то, во что искренне верил. Он не мог предвидеть, что когда-нибудь мир узнает об этом разговоре. Обоим Красновым предстоял путь на север, в лагеря, откуда никому не удавалось бежать (по крайней мере, в промежутке между окончанием войны и до самой смерти Сталина) и откуда мало кто возвращался. И действительно, отец Николая Краснова через несколько месяцев умер и был похоронен в братской могиле, местонахождение которой неизвестно.³⁹

Но народный комиссар В.Н. Меркулов не мог предвидеть, что пройдет всего 8 лет — и Сталин умрет, а он сам и его хозяин Берия будут ликвидированы группой соперников во главе с Хрущевым. Коммунизму свойственно

в трудные минуты пожирать своих собственных детей. И конечно, Меркулов не мог предугадать, что наступит день, когда Хрущев решит, в целях консолидации собственной власти, закрыть многие лагеря. Для Меркулова и его современников лагеря с их рабским трудом были неотъемлемым институтом коммунистического государства. Но в 1956 году экономические преимущества труда заключенных казались слишком ничтожными по сравнению с его социальными и политическими недостатками, и от рабского труда как от крупного фактора экономики отказались, оставив его лишь в качестве меры наказания. И — что самое удивительное — Хрущев позволил некоторым иностранным гражданам, выпущенным из лагерей, вернуться на родину. Николай Краснов оказался в этой категории, поскольку был гражданином Югославии, — что, кстати, было известно и генералу Арбутноту, и бригадиру Мессону с первого дня их знакомства с Красновым.

Его деду, дяде и другим казацким предводителям была уготована другая участь. 17 января 1947 года короткая заметка в "Правде" сообщила, что Краснов, Шкуро, Доманов, фон Паннвиц и другие казацкие генералы казнены за свои "преступления".⁴⁰

В далеком лагере Николаю Краснову удалось узнать кое-какие подробности:

...Впоследствии я встретился с человеком, который мне рассказал, что он больше года провел с дедом в одной камере в Лефортово. Он говорил, что все осужденные держались очень стойко и достойно. Даже решение суда и перспектива смерти на виселице не поколебала их спокойствия.

Казнены они были во дворе тюрьмы Лефортово.

Во время следствия дед страдал только физически. Его ноги сильно распухли. Его дважды переводили в тюремную больницу. Питание было очень плохим. Только раз ему дали немного портвейна для поддержания работы сердца. Петр Николаевич ходил все время в тюремной одежде. Его форма (китель с русскими генеральскими погонами и брюки с лампасами) была снята, вычищена, выглажена и хранилась в тюремном цейхгаузе. Но этот же человек говорил, что, по слухам, на суде генерал Краснов был одет в эту форму. По этим же сведениям, в музее МВД хранятся формы всех повешенных, включая, конечно, и немецкую, генерала фон Паннвица.⁴¹

Не удивительно ли, что советское правительство в час своей славной победы так домогалось старого генерала, воевавшего против советской

власти в эпоху кавалерийских эскадронов и бипланов? И ведь не скажешь даже, что оно задалось целью потрясти советскую общественность новым доказательством своей несокрушимой мощи: лицезреть эти обломки прошлого могли лишь сотрудники НКВД. Зато уж им-то можно было продемонстрировать блестящую форму и оружие злейшего врага, некогда первым оказавшего яростное сопротивление большевикам. Да, тогда врагам удалось бежать, но через четверть столетия карающая десница советского правосудия настигла их. А дальше следовала мораль: "Мы просто приказали их старым союзникам англичанам выдать их. Нет, нет, никаких угроз — достаточно было просто шелкнуть пальцами и они тут же бросились выполнять наши приказы..."

Кроме того, НКВД рассчитывало запугать русских эмигрантов во всем мире, уничтожить их наивную веру в то, что демократические государства смогут помочь им.⁴² Советские власти распространяли в СССР истории о жестоком обращении эмигрантов и союзников с репатрируемыими. Иной раз жертву избивали до полусмерти и выставляли перед частями Красной армии в качестве наглядного предостережения.⁴³ Может показаться странным, что вожди СССР действительно боялись разрозненных групп эмигрантов, но на то имелись свои причины. Как признался один советский руководитель: "Мы тоже начинали там"⁴⁴ (т.е. за границей). А по мнению Вышинского, для русского эмигранта было только одно безопасное место — подполье.⁴⁵

Кое-какое представление о советском мышлении дает нам краткое сообщение о казни генералов. В нем имеется целый ряд серьезных небрежностей, точнее — лжи. Например, там говорится, что Доманов во время гражданской войны был генералом Белой армии. На самом деле он был майором Красной армии, который попал в немецкий плен, и звание генерал-майора присвоили ему немцы. Вопреки сообщению, ни генерал фон Паннвиц, ни его 15-й казачий корпус не имели никакого отношения к СС.⁴⁶ Казаки Доманова и фон Паннвица были, в большинстве своем, не "белогвардейцами", а беглыми советскими гражданами. Наконец, ни одно из двух казачьих формирований не действовало "по заданию германской разведки" и не участвовало "в шпионско-диверсионной и террористической деятельности против СССР" или какой-либо другой страны. Казачий корпус был регулярным формированием вермахта, а Казачий стан Доманова представлял собой смесь беженцев и отрядов самообороны. Цель этого сообщения вполне ясна: создать у советской общественности впечатление о небольших, но сильных группах саботажников, завербованных германской разведкой среди реакционных эмигрантских элементов и подчиненных абверу и СС.⁴⁷

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Эта история, как и многое в данной и предыдущей главах, основана на информации, полученной от генерала Джеффри Мессона, полковника Алека Малькольма и майора В.Р. Дэвиса.
2. См.: Вячеслав Науменко. Великое предательство: выдача казаков в Лиенце и других местах (1945-1947). Нью-Йорк, 1962-1970, т. 1, стр. 141, 148; т. 2, стр. 21, 41 – 42, 299.
3. Николас Бетелл. Последняя тайна. Лондон, 1977, стр. 128. Утверждение об активном участии Казачьего стана в военных действиях неоднократно повторяется и в книге, и в предисловии профессора Тревор-Ропера к английскому изданию (см.: Nicholas Bethell. The Last Secret: Forcible Repatriation to Russia 1944-1947. London, 1974, p. XII).
4. War Office [в дальнейшем: Архив военного министерства Великобритании], 170/4461; см. также военный дневник Баффского полка за 13 мая (там же, 170/4993).
5. См.: Peter Huxley-Blythe. The East Came West. Cadwell, Idaho, 1964, p. 72, 206.
6. Он прибыл в Толмещо из Берлина 12 февраля (см.: В. Науменко, указ. соч., т. 1, стр. 89).
7. По сообщению Татьяны Данилевич. Ей и мужу удалось избежать выдачи советским властям в Лиенце.
8. Архив военного министерства Великобритании, 170/4388, 4396.
9. См. там же, 170/5025.
10. См. там же, 170/4993, 4461; В. Науменко, указ. соч., т. 1, стр. 106.
11. См. там же, т. 2, стр. 66.
12. См.: Н. Бетелл, указ. соч., стр. 127.
13. См. там же, стр. 128; Peter Huxley-Blythe, указ. соч., стр. 127, 139 – 139; Николай Краснов. Незабываемое. Сан-Франциско, 1957, стр. 49 – 50. По мнению домановского адъютанта и переводчика Бутлерова, атаман предчувствовал недоброе, но, не имея конкретных доказательств, полагал, что любые открытые высказывания на эту тему могут спровоцировать массовые беспорядки, которые, в свою очередь, послужат для англичан поводом к репрессиям (см. там же, стр. 25 – 26).
14. Сообщение подполковника Алека Малькольма.
15. См.: В. Науменко, указ. соч., т. 1, стр. 166, 178.
16. См. там же, т. 2, стр. 278, 300; Peter Huxley-Blythe, указ. соч., стр. 206. Автор последнего исследования ошибочно утверждает, что петиции были вручены подполковнику Алеку Малькольму. В действительности их, разумеется, получил подполковник Брайар. В письме Александру Краснов вновь напоминал фельдмаршалу о том, как они вместе воевали против большевиков. (См.: В. Науменко, указ. соч., т. 1, стр. 269).
17. См. там же, стр. 176; т. 2, стр. 67 – 68.
18. См.: Архив военного министерства Великобритании, 170/5025.
19. См.: В. Науменко, указ. соч., т. 1, стр. 191 – 192; см. также стр. 194 – 195. Можно представить себе, как этот эпизод вызвал абсурдные подозрения о предательстве казаков Домановым. Добавим лишь, что, если казаки видели предателя в

- каждом, кто доверял англичанам, под подозрением с тем же успехом мог оказаться и генерал Краснов, который тоже не сомневался в честности англичан (см.: Н. Краснов. Незабываемое, стр. 31).
20. См.: В. Науменко, указ. соч., т. 1, стр. 166; т. 2, стр. 300.
 21. Так же ответил и Султан-Гирей, когда от него потребовали отдать команду кавказцам (см. там же, т. 1, стр. 169).
 22. См. там же, т. 1, стр. 178.
 23. См. там же, стр. 167, 270; т. 2, стр. 278–279, 300–301.
 24. См.: Архив военного министерства Великобритании, 170/5025.
 25. Передача Би-Би-Си, 29 октября 1974 (см. также: Radio Times, 24.10.1974, р. 13); В. Науменко, указ. соч., т. 1, стр. 166, 270. На самоубийство покушался офицер Сутулов. Его отвезли в полевой госпиталь (см. там же, т. 2, стр. 300).
 26. См. там же, т. 1, стр. 167–169.
 27. Архив Военного кабинета Великобритании, 170/4461, 5034. По слухам, в пути один офицер убежал (см.: В. Науменко, указ. соч., т. 1, стр. 169–170).
 28. См. там же, стр. 167, 269.
 29. См. там же, стр. 301; Архив военного министерства Великобритании, 170/4461 (рапорты майора Гуда и сержанта Чарльза); передача Би-Би-Си, 29 октября 1974 года.
 30. Архив военного министерства Великобритании, 170/5025.
 31. Письмо от 7.11.1974. См. также: The Sunday Express, 25.8.1974. Сообщения о перевозке казачьих офицеров из Лиенца в Юденбург см. также в кн.: Josef Mackiewicz. Kontra. Paris, 1957, р.181–186; Peter Huxley-Blythe, указ. соч., стр. 132–142; Н. Бетелл, указ. соч., стр. 149–150; "The Kensingtons": Princess Louise's Kensington Regiment. London, 1952, pp.225–227. Статистические данные об офицерском составе см. в кн.: В. Науменко, указ. соч., т. 1, стр. 144–146.
 32. По сообщению генерала Б. А. Хольмстона-Смысловского, познакомившегося с Николаем Красновым в Буэнос-Айресе.
 33. См.: В. Науменко, указ. соч., т. 1, стр. 174. Фотографии моста и завода в Юденбурге см. там же, т. 2, вклейка между стр. 128–129. Фамилия убитого офицера – Краус (см.: Edgar M. Wenzel. So Gingen die Kosaken durch die Hölle. Вена, 1976, стр. 54).
 34. "A.I. Romanov". Nights are Longest There: Smersh from the Inside. London, 1972, р. 153–154. Это описание совпадает с описанием Николая Краснова вплоть до мельчайших подробностей, что убедительно показывает точность последнего. В действительности Шкуро был кавалером ордена Бани, а не ордена св. Михаила и св. Георгия.
 35. Ироническим комментарием по этому поводу заканчивается роман А. Солженицына "В круге первом". См. также: А. Солженицын. Архипелаг ГУЛаг (1918–1956). Опыт художественного исследования, т. 1, ИМКА-Пресс, Париж, 1973, стр. 523. Такие же грузовички использовались и для перевозки трупов из Лубянской тюрьмы (см.: Peter Deriabin. Frank Gibney. The Secret War. London, 1960, р. 138).
 36. Н. Краснов. Незабываемое, стр. 75–81.
 37. См., в частности, "A.I. Romanov", указ. соч., стр. 236–239.
 38. См.: Z. Stypulkowski. Invitation to Moscow. London, 1951, pp. 266, 294.
 39. См.: Н. Краснов. Незабываемое, стр. 143.

СООБЩЕНИЕ

Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР

Военная Коллегия Верховного Суда СССР рассмотрела дело по обвинению арестованных агентов германской разведки, главарей вооруженных белогвардейских частей в период гражданской войны атамана Краснова П.Н., генерал-лейтенанта белой армии Шкуро А.Г., командира "Дикой дивизии" – генерал-майора белой армии князя Султан-Гирей Клыч, генерал-майора белой армии Краснова С.Н. и генерал-майора белой армии Доманова Т.И., а также генерала германской армии, эссовца фон-Паннвиц Гельмута, в том, что, по заданию германской разведки, они в период Отечественной войны вели посредством сформированных ими белогвардейских отрядов вооруженную борьбу против Советского Союза и проводили активную шпионско-диверсионную и террористическую деятельность против СССР.

Все обвиняемые признали себя виновными в предъявленных им обвинениях.

В соответствии с п. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года, Военная Коллегия Верховного Суда СССР приговорила обвиняемых Краснова П.Н., Шкуро А.Г., Султан-Гирей, Краснова С.Н., Доманова Т.И. и фон-Паннвиц к смертной казни через повешение.

Приговор приведен в исполнение.

(Правда № 15, 17 января 1947) – Прим. ред.

41. Н.Краснов. Незабываемое, стр. 85. О пребывании генералов на Лубянке рассказывает также бывший заключенный, комментатор немецкого радио (Erich Kern. General von Pannwitz und seine Kosaken. Oldendorf, 1971, p. 196).
42. См.: Н.Краснов. Незабываемое, стр. 86, 263, 330–331.
43. См.: "А.И. Романов", указ. соч., стр. 151, 236, 248.
44. См.: Walter Bedell Smith. Moscow Mission 1946-1949. London, 1950, p. 115.
45. См.: James F. Byrnes. All in One Lifetime. London, 1960, p. 378–379. В британском МВД был даже создан специальный отдел "ЕМ" по наблюдению за эмигрантами (см.: Vladimir & Evdokiia Petrov. Empire of Fear. London, 1956, pp. 257, 261–263, 287).
46. См.: Gerald Reitlinger. The House Built on Sand. London, 1960, p. 392.
47. Следователи Николая Краснова в Лефортово рьяно старались приписать ему "саботаж и террор" (Н.Краснов. Незабываемое, стр. 108–110).

Глава 9

КОНЕЦ КАЗАКОВ

Такова была судьба казачьих руководителей. "Ты нам ужин приготовь — мы к вечеру вернемся", — шуточно кричали генералы провожавшему их казаку, отправляясь на "конференцию" в Шпиттале.¹ Настал вечер — офицеров все еще не было. Лидия Краснова в своем гостиничном номере нетерпеливо следила за часовой стрелкой: шесть, семь, восемь. Сама не своя от беспокойства, она спустилась вниз и нашла майора Дэвиса и батальонного капеллана Кеннета Тайсона.

— Что офицеры — не вернуться? — спросила она.

— Ну, не сюда, во всяком случае, — признался Дэвис.

— Но ведь мы скоро увидимся с мужьями? Где мы с ними встретимся?

Дэвис, чувствуя явную неловкость, отговорился незнанием. Тогда Лидия Федоровна обратилась к Кеннету Тайсону, но тот мог лишь пробормотать обычные в таких случаях слова утешения (он и сам не знал, что ждет казаков). Лидию Краснову охватило мрачное предчувствие. Она поняла, что больше не увидит мужа.

Ольга Ротова в Пеггееце тоже со страхом ожидала новостей. В 8 часов за ней пришли: нужен был переводчик. На улице возле пустого грузовика ее ждали два английских офицера, утром уехавшие с казаками на "конференцию". Увидев их, Ольга побледнела.

— Где же наши офицеры? — спросила она.

— Они не вернуться сюда.

— А где они?

— Не знаю.

— Вы же четыре раза обещали, что они вернуться, значит, вы обманывали?

Всячески избегая ее взгляда, офицер смущенно ответил:

– Мы только британские солдаты и исполняем приказания наших высших офицеров.

Англичане хотели видеть казацких дежурных офицеров, и вскоре по лагерю было объявлено, что майор Дэвис в 9 часов вечера ждет у себя в канцелярии всех унтер-офицеров с составленными по-английски поименными списками полков и станиц. В назначенное время все явились в канцелярию, но Дэвиса там не было. Казаки прождали его до полуночи, но майор так и не явился. Такое невезение, само по себе ерундовое, угнетающе подействовало на казаков, которые и без того были в мрачном расположении духа. Решив, что совещание, верно, перенесено на утро, они разошлись по баракам, предварительно выбрав атаманом – взамен исчезнувшего Доманова – подхорунжего Кузьму Полунина, пользовавшегося среди казаков большим уважением.

Ольга осталась одна. Электрическая лампочка погасла, и Ольга попыталась хоть немного вздремнуть в темноте. Но сон не шел к ней, да и вообще в ту ночь в лагере почти никто не спал. В 2.30 ее вывел из полусонного оцепенения яркий свет свечки. Это бы майор Дэвис. Ольга объяснила, что казаки ушли спать, не дождавшись его, и майор приказал собрать всех в 8.30 утра.

В назначенное время все снова собрались возле канцелярии. Опять началось мучительное ожидание. Только в 9 часов пришел какой-то английский лейтенант. Хотя с ним был переводчик, он протянул Ольге Ротовой листок бумаги и отрывисто приказал прочитать его вслух. Казаки молча выслушали написанный по-русски приказ:

1. Казаки! Ваши офицеры обманывали вас и вели вас по ложному пути. Они арестованы и больше не вернутся. Вы теперь можете, не боясь и освободившись от их влияния и давления, рассказать об их лжи и свободно высказывать желания и убеждения.
2. Решено, что все казаки должны вернуться к себе на родину.

Затем следовали инструкции: казакам предписывалось беспрекословно подчиняться распоряжениям английского командования.

Звонкий голос Ольги смолк. Воцарилось гробовое молчание. Конечно, все обитатели лагеря уже поняли, что им предстоит тяжкие испытания, но одно дело – понимать, и совсем другое – услышать своими ушами приказ, в котором их спокойно обрекают на смерть, муки и ледяной ад семидесятой параллели... Наконец, из толпы кто-то громко крикнул, что все сказанное об офицерах – ложь, что казаки любят и почитают их, и если

только офицеры вернутся, казаки пойдут за ними хоть на край света. Английский офицер, молча выслушав это выступление, отрывисто бросил, что передаст все майору Дэвису, и уехал.²

Сам Дэвис был в это время в Лиенце. На его долю выпала, быть может, самая неприятная миссия, которую когда-либо пришлось выполнять английскому офицеру: сообщить о репатриации женам офицеров, собравшимся в гостинице, где раньше находилась штаб-квартира Доманова. Прошлой ночью Дэвис был вынужден солгать Лидии Красновой, но теперь тайное становилось явным — женам предстояло отправиться вслед за мужьями.

Дэвис объявил об этом самым мягким тоном, на какой только был способен, он заверил женщин, что у них нет оснований бояться самого худшего и что, во всяком случае, все сделано для того, чтобы не разлучать их с мужьями. На протестующие крики и слезы Дэвис твердил, что он солдат и должен подчиняться приказам. С трудом протиснувшись сквозь толпу рыдающих женщин, он поехал на джипе в лагерь Пеггец. Здесь казакам уже было известно о выдаче, но все равно Дэвиса ждали мучительные минуты. Ему предстояло взглянуть в глаза тем, с кем его связывали узы дружбы; сознаться, что он лгал, убеждая офицеров в реальности "конференции"; сообщить, что все казаки, хотят они того или нет, вернутся в СССР. Его искренне поразила безграничность отчаяния казаков, их твердое нежелание возвращаться.

Ольга Ротова переводила речь Дэвиса. Он сказал, что репатриация состоится 31 мая, то есть через два дня. Полки должны прибыть в боевом порядке, семьям следует держаться вместе. Все будет сделано для того, чтобы они смогли взять с собой свои пожитки, чтобы сохранить распределение по станицам, и вообще — англичане постараются, чтобы в пути они чувствовали себя максимально удобно. Для стариков и больных будут созданы специальные условия.

Дэвис старался, как мог, но ему не удалось убедить казаков, охваченных страхом. В толпе раздались крики, что они никогда не вернутся по доброй воле, многие женщины рыдали, остальные стояли как громом пораженные. Заверения майора Дэвиса, что в пути им будут созданы условия, прозвучали для них злой насмешкой. "Мало того, что эти англичане — предатели, они к тому же еще и дураки. Или, может, это изощренное издевательство?" — Мнения на этот счет разделились.

Дэвис уехал, объявив, что вернется днем. Вскоре прибыли два грузовика, на которые было велено погрузить багаж офицеров, для передачи владельцам. (Ведь они ничего с собой не взяли, предполагая вернуться в тот же вечер). Плачущие жены воспользовались случаем послать письма

и посылки, но что стало с этими вещами — неизвестно. В то время офицеры уже были в руках СМЕРИШа, но благодаря этому жестокому, хотя и невольному недоразумению, многие жены поверили, что еще свидятся со своими мужьями.

Погрузив багаж, казаки Пеггеца вышли на площадь с самодельными черными флагами и плакатами, на которых было написано по-английски: "Лучше умереть здесь, чем вернуться в СССР". Когда прибыли грузовики с обедом, казаки отказались от еды. Солдаты, пожав плечами, составили миски в стопки и уехали. В 4 часа снова появился Дэвис: он с явной тревогой взирал на черные флаги, плакаты и беспокойную толпу, выкрикивающую угрозы и взывающую к милосердию. Он объяснил, что приказы о возвращении всех русских в СССР приняты на самом высоком уровне, и он не может их нарушить. Когда переводчица перевела эти слова, из толпы вышли несколько человек с паспортами в руках. "Мы не советские граждане", — объясняли они настойчиво. Действительно, в документах они значились французскими, итальянскими, югославскими подданными или лицами без гражданства.

— Как вы можете? — закричал один из казаков. — В 20-м англичане посылали корабли в Дарданеллы, чтобы спасти нас от большевиков, а теперь вы нас отдаете назад.

Дэвис оторопел. Ему впервые пришло в голову, что тут что-то действительно не так. Но приказы, врученные ему и полковнику Малькольму, были совершенно однозначны: все казаки в долине Дравы подлежат репатриации. Дэвис еще больше удивился бы, если бы знал, что в штабе в Обердрабурге, в бумагах бригадира Мессона, лежат два приказа по корпусу о выдаче казаков; и в них говорится, что выдаче подлежат только советские граждане. Но эти инструкции так и не дошли до полковника Малькольма и до майора Дэвиса.

Никто не мог поверить, что не советские граждане должны быть насильно выданы режиму, при котором они никогда не жили. Ольга Ротова пишет в своих воспоминаниях:

На мой вопрос — должны ли ехать власовцы? — майор ответил:

— Да, и власовцы.

— А старые эмигранты?

— И старые эмигранты.

— Значит и я?

— Да, и вы. Вообще все русские.

— Господин майор, обернитесь, посмотрите — мужчины плачут...³

Ольга Ротова прожила 25 лет в Югославии, английский она освоила, работая для "Стандард Ойл компани".

В ту ночь в лагере не спали. В импровизированных церквях молились, исповедовались, получали отпущение грехов. Под руководством Кузьмы Полунина казаки обсуждали, что делать, если англичане применят силу. Некоторые все еще отказывались верить, что англичане исполнят свои угрозы, другим происходящее казалось ужасным недоразумением. Казаки отправили петицию полковнику Малькольму. В ней говорилось:

Мы предпочитаем смерть возвращению в советскую Россию, где нас ждет долгое систематическое уничтожение. Мы, мужья, матери, братья, сестры и дети молимся за свое спасение!⁴

Прощения на имя короля Георга VI, архиепископа Кентерберийского и Уинстона Черчилля вручили майору Дэвису.⁵ Позже среди казаков зародилось подозрение, что Дэвис выкинул их в мусорную корзину,⁶ но он утверждает, что это не так (петиция, отрывок из которой мы привели, наверняка дошла до штаба корпуса, однако дальнейшая судьба этих документов неизвестна).

30 мая долина Дравы являла собой мрачное зрелище. На палатках и бараках, вдоль шоссе Лиенц-Обердраубург, были вывешены черные флаги. Казаки объявили голодовку. Еда, которую привозили в лагерь англичане, стояла нетронутой. Священники совершали богослужение. Мужчины возбужденно обсуждали, что делать. Рыдающие матери судорожно прижимали к груди детей: может, завтра их разлучат навсегда?⁷

Под вечер в лагерь приехал майор Дэвис с известием, что операция отложена на сутки, так как 31 мая – католический праздник. Перед казаками блеснула надежда, что в последнюю минуту каким-то чудом придет спасение;⁸ но отсрочка на самом деле была вызвана заявлением советских властей, что в первый день они смогут принять не больше 2 тысяч человек, поэтому два поезда были отменены.⁹ 31 мая можно было отправить всего один поезд, и для него отобрали кавказцев, находившихся к востоку от Обердраубурга.

Рассказывая о судьбе казаков, мы на некоторое время упустили из виду их соседей. Но следует напомнить, что несколько тысяч горцев тоже содержались под охраной и тоже лишились своих офицеров. Об уготованной им участи они узнали в 5 часов дня 28 мая от полковника Олдинга-Сми, который сообщил им, что офицеры уже переданы Советам и теперь настал черед солдат. Олдинг-Сми понимал, что вряд ли эта новость вызовет всеобщее ликование, но он никак не мог представить себе таких бурных рыданий и отчаянных криков протеста.

Несмотря на расставленную полковником охрану и вооруженные патрули, около двухсот человек бежало в окрестные леса. Многие, в том числе старики и дети, ушли под началом одного отчаянного карачаевца. Среди них был осетин, унтер-офицер Тугаев, слышавший, как в лесу англичане стреляли в безоружных беглецов. Но ему с другом удалось уйти в горы, перейти границу Италии и спастись.¹⁰

На другой день Олдингу-Сми вручили петицию, в которой горцы рассказывали свою историю и умоляли англичан предоставить им убежище для защиты от преследований.¹¹ Английский полковник ответил лишь то, что "СССР наш союзник, и советские власти обещали послать репатриантов в ненаселенные районы СССР". Оба заявления, содержащиеся в этой фразе, были правдой. Но вряд ли это утешило горцев.

Днем 30 мая первые представители кабардинцев были отобраны для посадки в поезд на станции Деллах. Но когда в 2 часа за ними прибыла английская рота, выяснилось, что пленные вовсе не готовы к отправке, а многие оказывали пассивное сопротивление. Майор Мак-Грат, командир роты, сообщал позже о своих трудностях:

Около тропки, ведущей к шоссе, расположились, образовав круг, мужчины, женщины и дети — всего человек 200. У них явно не было никакого намерения никуда ехать. Они выкинули черный флаг, распевали псалмы и плакали. Я приказал подогнать к этому месту четыре трехтонки, и солдаты — их было около 20 — попытались заставить пленных сесть в машины. Плач усилился, некоторые показывали жестами, чтобы их лучше застрелили, чем заставлять возвращаться в СССР. Наконец, с величайшим трудом удалось загнать несколько человек в грузовики, но они спрыгнули на землю. Некоторые из них явно были организаторами этой сидячей забастовки, и я приказал четверем солдатам силой забросить одного из зачинщиков в грузовик, но он отреагировал на это так бурно, что мне пришлось ударить его по голове черенком мотыги (которыми были вооружены некоторые мои солдаты). Вид крови, казалось, несколько отрезвил толпу. Пленные принялись укладывать свои вещи в машины. Через полчаса мы наконец тронулись в путь.

Эти люди провели ночь в охраняемом помещении для арестованных на железнодорожной станции и на завтра их без всяких осложнений посадили в поезд вместе с другими группами пленных. С кабардинцами были

отправлены также 169 кавказцев, которые действительно просили о возвращении на родину.¹²

У кабардинцев были веские причины отказываться от репатриации. Они бежали из СССР в 1942 году, оставив за собой поистине ужасную картину. Виктор Кравченко в своей книге пишет:

В крошечной Кабардино-Балкарской советской автономной республике на Кавказе, около города Нальчик, находился молибденовый комбинат, на котором работали заключенные. Во время отступления Красной армии несколько сот заключенных не успели вывезти за недостатком транспорта. Директор комбината по приказу комиссара Кабардино-Балкарского НКВД Анохова расстрелял из пулеметов всех оставшихся. После освобождения района от немцев Анохов стал председателем Совнаркома автономной республики.¹³

Так что если бы какому-нибудь кабардинцу повезло и он вместо воркутинских шахт попал бы в свой край – его ждал бы там теплый прием со стороны наркома Анохова.

31 мая - 1 июня в Юденбург были отправлены три поезда с кавказцами – всего 3 161 человек, мужчин, женщин и детей. Мужчин запихнули в вагоны, по тридцать шесть в каждый. Женщин и детей с вещами погрузили в багажное отделение.¹⁴ Больше мы о них ничего не знаем.

Тем временем казаки получили отсрочку еще на сутки. В эти последние часы родные прощались друг с другом (по советским правилам, семьи перед отправкой в лагеря непременно разделяют).¹⁵ Многие с грустью смотрели на своих престарелых бабушек и дедушек, проделавших сотни верст с Кубани в Польшу, из Польши – в Италию и Австрию. Сколько суждено им прожить в Караганде или на Печоре? Десять дней? Две недели? А ведь были еще и жены, и дети... Всякому было ясно, что ждет женщину в ГУЛАГе, особенно если она молода и привлекательна.

Были и другие, не менее горькие расставания. В тот четверг казаки, не скрывая слез, прощались со своими верными конями, друзьями по трудному пути, ласково шептали им что-то, гладили по холке, закармливали сахаром. Кое-кто вел коня под деревья и там, пряча глаза, в смятении разряжал в него пистолет, чтобы конь не достался чужакам. Профессор Вербицкий присутствовал при том, как старый казак подарил австрийской семье свою невзрачную, но горячо любимую корову. Семья была счастлива столь щедрым подарком, а казак радовался, что его любимица попала в хорошие руки.¹⁶

Рассвет 1 июня застал казаков в разгар приготовлений к их крестному пути: майор Дэвис должен был прибыть в лагерь в 7 утра и начать погрузку.¹⁷ Узнав об этом, священник донских казаков, отец Василий Григорьев, велел за час до приезда Дэвиса собрать всех казаков по станицам на службу на лагерной площади:¹⁸ только Бога оставалось им просить о помощи. Один казак, живший в австрийской семье, сказал в то утро хозяйке: "Не давай мне сегодня с собой хлеб, сестрица. Сегодня все мы умрем".¹⁹ Но казаки не собирались умирать без сопротивления. Хотя майор Дэвис и попросил их всячески способствовать англичанам, они не хотели возвращаться в СССР добровольно. Там, где репатриированные не оказывали сопротивления, как это было, например, в лагерях на территории Англии, официальные лица, утаивая часть данных, утверждали впоследствии, что русские возвращались по доброй воле. Поэтому ужасные события 1 июня ярче всего осветили трагедию русских пленных, хотя 30 тысяч казаков были всего лишь каплей в море несчастных жертв, насильственно возвращенных Сталину союзниками.

...Перед импровизированным алтарем, на лагерной площади, казачьи священники, в полном облачении, с иконами в руках, начали литургию. Многотысячная толпа подхватила пение. Это ведь святая православная вера спасла их предков от мрака татаро-монгольского ига, и кто знает – может, Бог и на сей раз не бросит в беде своих верных детей?

Ольга Ротова стояла в толпе, поддерживая больную жену полковника, уехавшего на "конференцию" в Шпитале. Всей душой отдаваясь пению, она все же краем уха прислушивалась, ожидая вот-вот услышать совсем другой звук. И действительно, вскоре до нее донесся шум машины – в лагерь въехал майор Дэвис на своем джипе. Около него сидел подхорунжий Кузьма Полуниин (без всяких оснований Дэвис рассчитывал на его помощь в погрузке казаков).

Дэвис приехал в 7.15. Он сразу понял обстановку. На площади перед бараками стояло около 4 тысяч человек, и ехать они явно никуда не собирались. Солдаты, соскочив с грузовиков, стали позади Дэвиса, который несколько минут наблюдал за службой, надеясь, вероятно, что она вот-вот закончится. Затем он приказал своему переводчику, молодому офицеру из дивизионного штаба, сообщить через микрофон, что казакам дается десять минут на окончание службы. Десять минут прошли – он дал еще пять. Тысячи казаков, побледнев от волнения, следили за каждым его движением, но пение продолжалось.

Появившийся тем временем полковник Малькольм приказал Дэвису начать посадку в стоявшие тут же грузовики. Майор выслал вперед взвод

солдат, но казаков трудно было заставить врасплох. Толпа пятилась назад под натиском англичан, причем ее наружный круг образовали молодые сильные мужчины, а женщины, дети и старики теснились сзади. По мере продвижения англичан ближайшие к ним казаки опускались на колени или садились на землю, взявшись за руки, так что невозможно было выдернуть кого-либо из толпы. Столкнувшись с пассивным сопротивлением, солдаты обратились к Дэвису за приказами. Майор понимал, что продолжать такое наступление — бесполезно, а пустить в ход оружие опасно: это означало бы массовое кровопролитие. Конечно, больше всего его заботила судьба собственных людей, но он искренне стремился выполнить приказ, не причинив вреда казакам. В Аргильском полку многим не нравилась возложенная на них задача, но перед этой безоружной толпой, в которой было множество женщин и детей, даже самые бессердечные почувствовали, что дело неладно. Как сказал мне батальонный капеллан Кеннет Тайсон: "Они не могли поверить, что воевали именно за это. Все это дело вызвало в них глубокое отвращение".

Но Дэвис должен был выполнить приказ, и хотя он всячески старался свести насилие до минимума, он собирался довести дело до конца. Следуя обычной процедуре в обращении с толпой, он выслал вперед взвод, поставив перед ним задачу внедриться в толпу и отрезать часть ее. Взвод, вооруженный ружьями и палками, образовал клин и успешно пробился через толпу, отрезав около 200 казаков, продолжавших держаться вместе. Когда между ними и остальными образовался зазор, Дэвис запустил туда еще два взвода — чтобы помешать этим двум частям толпы соединиться. Затем первый взвод двинулся на отделенную группу, чтобы начать посадку на грузовики. Последовавшие события описаны Дэвисом в рапорте:

Как только взвод приблизился вплотную к казакам, чтобы начать погрузку, люди сбились в единую массу, встав на колени и обхватив руками соседа. Когда стоявших с краю оттащили в сторону, остальные сгрудились еще теснее, и, охваченные паникой, начали карабкаться друг через друга, пытаясь уйти подальше от солдат. В результате образовалась груда истерически вопящих тел, причем многие оказались в самом низу. Отчаянно пытаясь разделить эту массу, чтобы спасти несчастных, солдаты пустили в ход приклады и палки. Когда, наконец, мы расчистили этот завал, выяснилось, что двое — мужчина и женщина — задавлены. Всю эту группу пришлось по одному силой тащить на грузовики.²⁰

Заполненные грузовики ехали на ближайшую железнодорожную станцию, и там пленных пересаживали в поезд для перевозки скота, из 50 вагонов, с решетками на окнах. В середине на открытой платформе сидело несколько солдат с пулеметом. В каждый вагон загружали по 36 человек, затем двери наглухо закрывали, и только иногда можно было уловить в окне прощальный взмах руки.²¹

Теперь майору Дэвису предстояло посадить в грузовики вторую группу. Тщетно прося отца Василия призвать казаков прекратить сопротивление, он вновь приказал своим людям наступать на толпу. Солдаты с ружьями наизготовку двинулись вперед, к тесно сбитой массе казаков, снова пытаясь пробиться через толпу и отделить от нее еще одну группу. Но толпа была уже не та, что вначале. Солдаты жестоко расправились с предыдущей группой. Казаки воочию убедились в том, что во исполнение приказа английские солдаты готовы на все, даже на насилие. Когда первые солдаты начали пробиваться через плотную толпу, дикий страх охватил людей. Молодая мать писала позже в своих воспоминаниях:

Во время залпов толпа сжалась и заметалась, были раздавленные, я сама стояла на чьем-то теле и только старалась не стать на его лицо. Солдаты выхватывали отдельных людей и бросали их в грузовики, которые тут же отъезжали полунаполненные. Со всех сторон в толпе слышались крики: "Сгинь, сатана! Христос Воскресе! Господи помилуй!"

Те, которых хватали, отчаянно сопротивлялись, и их избивали. Я видела, как английский солдат выхватил у матери ребенка и хотел бросить его в автомобиль. Мать уцепилась за ногу дитяти и они так и тянули его: один в одну, а другая в другую сторону. Потом я видела, что мать не удержала ребенка и дитя ударилось о край машины. Что было дальше, не знаю.

Перевернутый престол, порванные ризы духовенства... Толпа сдавила нас так, что мама, у которой висела на груди икона Казанской Божьей Матери, посинела и стала задыхаться.

— Господи, — молилась я, — как я смела иметь в такое время ребенка? Господи! Что мне делать? Святой Феодосий Черниговский, спаси мою девочку! Если я сохраню ее хотя бы только в течение этой ужасной пятницы, я обещаю всю жизнь поститься по пятницам строгим постом, чтобы никогда не забыть этого!

И вот совершилось чудо: та же самая толпа, которая только что угрожала нас раздавить, теперь стала постепенно вытеснять

нас, неудержимо вытеснять. И вытеснила... Но не на цепь солдат, а в противоположную сторону таким образом, что теперь перед нами открывалась прямая дорога на мост, через реку и в лес.

С юга лагерь огибала река Драва, и через нее был перекинут мостик. Течение Дравы даже летом отличается невероятной быстротой. Когда пленные ринулись на мост, одна женщина бросилась с ребенком в бурную воду. Семья молодой казачки, о которой мы рассказываем, уцелела: ей удалось скрыться в горах; и с тех пор она свято соблюдала свой обет, по пятницам ограничиваясь хлебом и водой.²²

Английских солдат охватило какое-то безумие. Размахивая палками и прикладами, они обрушивали удары куда попало — на мужчин и женщин, малых и старых. Священника и его сослужителей повалили, а потом унесли, их облачения и иконы втоптали в пыль. Немолодого казака, который во время службы держал икону, избили так, что кровь текла по его лицу, рукам, рубашке и по самой иконе. Восемь лет спустя другой кубанский казак писал:

В моей памяти запечатлелся следующий случай. Солдат конвоировал к автомашинам молодую казачку с годовалым ребенком на руках. Рука ребенка была легко ранена — возможно, оцарапана. "Сердобольный" джентльмен, остановившись метрах в 10-ти от окруженной толпы, перевязал походным бинтом руку ребенка, напоил его водой из своей фляжки, а потом, несмотря на просьбы матери, повел ее к автомашинам.²³

В самый разгар событий в лагерь прибыл батальонный врач Джон Пинчинг. Он вспоминает, что оказал помощь примерно 12 пострадавшим, людям среднего возраста, у большинства были раны на голове. В некоторых случаях он тут же на месте накладывал швы, двух-трех контуженных пришлось отправить в госпиталь в Лиенц. Ольга Ротова вспоминает: "Доктор высказывал мне свое негодование по поводу производимого насилия над людьми.

— Это бесчеловечно, — говорил он со слезами на глазах".²⁴

Священник Тимофей Соин рассказывает, как толпа разделила его с женой, и ее бросило на землю. К счастью, кто-то помог ей подняться. Когда толпа немного расступилась, она увидела на земле мать и ребенка — их задавили. Плачущие дети метались в поисках родителей, а родители, сдавленные толпой, бессильно наблюдали за ними. Англичане хватали

детей и швыряли их в грузовики — отчасти ради безопасности самих детей, но еще и потому, что часто родители все же вырывались из толпы, бросались к детям, и тогда их тоже удавалось загнать в грузовик. Но несмотря на отчаянные старания родителей и стремление майора Дэвиса не разделять семьи, из этого мало что вышло.

Охваченная паникой толпа пришла в движение. Некоторые, вырвавшись, бросились к мосту через Драву, остальные, все еще держась вместе, начали вслепую, наугад пятиться от англичан, отрезавших от толпы очередную группу для погрузки на грузовик. Казацкие вожаки, перекрывая шум, кричали людям, чтобы они держались. Это отвечало заранее согласованному плану, только так и можно было избежать дробления на отдельные группы. Наконец, толпа перепуганных кричащих казаков наткнулась на изгородь, окружавшую лагерь с востока. Какое-то мгновение казалось, что люди будут задавлены в этом отчаянном противоборстве с изгородью. Но забор рухнул, и толпа вырвалась в поле. Казаки начали искать друзей и родных, священники возобновили прерванную службу. Измученные люди постепенно приходили в себя. Те, кто был ближе всего к забору, в страхе смотрели назад, ожидая, что через дыру вот-вот прорвутся английские солдаты, но хотя по полю были расставлены кордоны, казаков никто не тронул.²⁵

Однако и в самом лагере в распоряжении майора Дэвиса осталось еще немало казаков. Как писал он в рапорте,

многие добровольно вышли из толпы, чтобы отыскать родных или разделить судьбу детей и близких, уже находящихся на грузовиках. Благодаря этому постепенному притоку "добровольцев" мы заполнили первый поезд.

В действительности народу было явно недостаточно, но полковник Малькольм, опасаясь новых осложнений, решил на сегодня ограничиться этим числом. Как говорится в его рапорте, он приказал майору Дэвису

прекратить силой собирать людей и начать очищать жилища от тех, кто туда вернулся. В результате в 11.30 на поезд было погружено 1252 человека. Цифра полной загрузки — 1750, но я решил отказаться от насильственных методов, опасаясь неизбежных ранений.²⁶

Список раненых был действительно внушительный: помимо большого числа людей, раненных солдатами либо раздавленных толпой, многие

погибли в результате проделанной английскими солдатами "работы". Полковник Малькольм пишет, что, когда казаки цеплялись друг за друга,

их приходилось бить, чтобы заставить идти, а многих тащили к грузовику. При этом возникали мелкие стычки, в ходе которых многие казаки были ранены. Мои солдаты орудовали палками и прикладами, но штыки были примкнуты, и некоторые раны были неумышленно нанесены ими... Четверо, очевидно, были сбиты с ног в толпе и убиты, возможно, задавлены толпой.

А Дэвис пишет о том, как "один из стоявших в толпе схватился за винтовку солдата и нажал курок, пытаясь застрелиться, однако пуля поразила юношу рядом. Толпа затоптала его".²⁷

За пределами лагеря тоже погибло немало народу. Еще до начала выдач два офицера, очевидно, не веря в посулы англичан, застрелились в лесу. Во время самой операции солдаты постоянно стреляли в беглецов, особенно в тех, кто пытался перейти через мост. Кубанский казак Даниил Коломейц бежал с другом. Коломейцу удалось скрыться в горах, друга застрелили.²⁸ Одну казачку, притаившуюся в кустах, выдал лай собаки, женщину прошила автоматная очередь. Человек 20-30 утонули в Драве. Врач Прасковья Воскобойникова бросилась туда со всей семьей: детьми, матерью и сестрой.²⁹ Очевидцы вспоминают множество таких случаев. Иногда матери в отчаянии бросали детей в воду.³⁰ Один казак привязался к седлу лошади и вместе с ней прыгнул в бурную Драву.³¹ В госпитале больной казак, за которым явились англичане, выбросился из окна.³²

Эти свидетельства крайнего отчаяния ужасали английских офицеров. Кеннет Тайсон вспоминает, что видел тело, висевшее на дереве возле железнодорожной станции Дельшах. Дэвис в тот день видел нескольких повесившихся. В лесу солдаты наткнулись на целую семью: мать и трое детей, младшей девочке всего год. Все они были убиты выстрелом в затылок. Чуть поодаль лежал труп мужчины: около него валялся револьвер, из которого он застрелил по очереди всю свою семью и покончил с собой.³³

В тот вечер лагерь в Пеггече напоминал пейзаж после битвы. Окровавленные люди бродили по лагерю в поисках пропавших родных. Осиротевшие лошади блуждали по полю, и к их тоскливому ржанию примешивались резкие крики казацких верблюдов. Кое-кто ушел в горы, другие, наоборот, вернулись из леса в притихший лагерь.³⁴ И повсюду лежали раненые и убитые.

Сколько всего погибло в тот день — покончило с собой или было убито англичанами? Английские источники приводят явно заниженную цифру — 12 человек. Ольга Ротова, на добросовестность которой можно положиться, пишет о 700 задавленных, убитых, утонувших и покончивших с собой.³⁵ Эта цифра представляется все же несколько завышенной, хотя в лесах были убитые, оставшиеся неучтенными. Житель соседней деревни Бартоломеус Плауц до сих пор не может без содрогания вспомнить 1 июня 1945 года, когда он с приятелем собирал возле своего дома тела казаков, чтобы похоронить их. В полях лежали трупы женщин, в обнимку с детьми, с перерезанными горлами. Узнать можно было лишь немногих.³⁶

Возле того места, где находился лагерь Пеггек, есть небольшое кладбище: там похоронены жертвы 1 июня. Каждый год русские со всего мира приезжают сюда помолиться за упокой души усопших. Есть в Лиенце и маленькая православная церковь. Кладбище и церковь обживает одноглазый казак Иван Гордиенко, которому удалось спастись от репатриации. Он и провел меня по местам событий тридцатилетней давности.³⁷

Не один Пеггек стал в тот день ареной трагических событий. В Обердраубурге английские солдаты выполняли аналогичную задачу: им надо было окружить и доставить в Юденбург несколько тысяч казаков, шедших за Казачьим станом. Как и в Пеггек, здесь за два дня до выдачи были вывешены черные флаги, составлены петиции против репатриации. Несколько казаков, выразивших желание вернуться в СССР, поместили — в интересах их собственной безопасности — в бараки предварительного заключения.³⁸

1 июня казаков из Обердраубурга должны были погрузить в поезда. Но здесь, как и в Пеггек, солдаты столкнулись с отчаянным и решительным сопротивлением. Лейтенант И.Б. Хетрингтон вспоминает начало операции:

Когда мы прибыли в лагерь, стало ясно, что огромное большинство казаков вовсе не намерено никуда ехать. Они собрались в отдаленной части лагеря, причем те, кто стоял с краю, взялись за руки, образовав цепь и препятствуя внедрению наших солдат. Я приказал 11-му взводу примкнуть штыки, чтобы заставить казаков сдаться, но это не возымело успеха. Они только сняли рубашки и стали просить английских солдат заколоть их. Тогда я вызвал переводчика, и тот объяснил им, что они ведут себя очень глупо и что если они не пойдут по доброй

воле, их заставят силой. Громкие крики были ответом на это явление.

Командир казаков уже был схвачен и посажен в поезд, и англичане решили при необходимости применить насилие. Однако пассивное сопротивление пленных достигло такой силы, что командиру пришлось просить подкрепление. Им прислали 45 человек, выделенных на охрану поезда. После массовых избиений и применения огнестрельного оружия в вагоны для скота были погружены 1749 казаков (в том числе 102 женщины и четверо детей). Лейтенант Р. Шильдс, наблюдавший за операцией, писал:

Я был свидетелем множества выразительных проявлений фанатического страха и отчаяния перед судьбой, которая, по их мнению, ожидала их. Мужчины бросались на землю, обнажали грудь и умоляли, чтобы их застрелили. Среди казаков было много женщин, которые тоже впали в полное отчаяние.

800 казаков в этом поезде были из другого лагеря, который находился немного дальше по железной дороге. Роте лейтенанта Шильдса было поручено проследить за их посадкой.³⁹ Шильдс рассказывает:

К тому времени прибыли капитан Кемпбелл с основным составом роты. Мы снова столкнулись с трудностями. Как только мы попытались начать посадку, казаки сели на землю, взявшись за руки, отказались сдвинуться с места и стали умолять солдат застрелить их. Капитан Кемпбелл решил проявить твердость и силой заставить их двигаться. Солдаты, примкнув штыки, принялись дробить толпу на небольшие группки. Но это оказалось нелегкой задачей. В течение 10 минут солдаты орудовали палками, прикладами, кое-кто даже штык пустил в дело, однако результаты были мизерны. Солдат охватило страшное возбуждение. Кто-то дал очередь из автомата... Это послужило сигналом. Солдаты начали стрелять по верх голов казаков и в землю, под ноги. Все перемешалось, начался настоящий хаос, в суматохе вполне можно было попасть в своих – на счастье, этого не случилось. Многие казаки начали продвигаться к грузовикам, которые должны были подвезти их к поезду, но большая часть все еще сидела на земле, не сдвинувшись ни на миллиметр. Особенно стойко держался один – по всей

видимости, их вожак. Когда его потащили к грузовикам, он истекал кровью, вся его одежда – новое кожаное пальто, пиджак и рубашка – все было изрезано в клочья.

После того, как его удалось увести, а стрельба стала еще беспорядочнее, казаки начали двигаться к грузовикам. Человек 200, однако, попытались сбежать в лес, на что англичане, конечно, ответили огнем, и большинство беглецов удалось вернуть – правда, имелись раненые.⁴⁰ Те немногие, кому удалось бежать, были впоследствии окружены патрулями в соседнем лагере.

После этого дело пошло лучше. Мы очистили лагерь, в котором находилось около 800 казаков.

Вся эта кровавая работа понадобилась для того, чтобы посадить 800 человек на грузовики. Интересно, однако, что в воспоминаниях казаков рота Шильдса не фигурирует, меж тем как Дэвис и солдаты Аргильского полка, действовавшие в Пеггее, упоминаются едва ли не всеми. Они стали частью истории казаков. Казацкие летописцы словно не знают, что в посадке на поезда участвовали и другие, специально вызванные части, и это понятно: вряд ли они могли запомнить названия этих частей. Не исключено также, что в памяти казаков события в Обердраубурге смешались с трагедией в Пеггее. Поэтому в воспоминаниях казаков о 1 июня в Пеггее иной раз всплывают подробности событий, имевших место восточнее.⁴¹

Первый, самый страшный день операции "Возвращение" закончился.⁴² Для тысяч он стал днем позора и ужаса. Конечно, истинными страдальцами были казаки, которых сейчас принимало в Юденбурге НКВД, но были и другие, в памяти которых день этот на всю жизнь оставил неизгладимый страшный отпечаток. Многие видели, как солдаты 8-го Аргильского полка плакали, словно малые дети, выполняя отвратительный и непонятный приказ.

Полковой капеллан Кеннет Тайсон вспоминает, что после 1 июня многие приходили к нему в смятении, с вопросом, как им следовало поступить. Он мог ответить только, что они должны были подчиняться приказам. Но его самого этот ответ не устраивал. В силу своих обязанностей ему не пришлось в минувшие недели так близко столкнуться с казаками, как солдатам, но все это мрачное дело, по его представлениям, целиком и полностью противоречило христианскому учению. Он приехал в Пеггее в самый разгар событий, когда толпа казаков прорвалась через забор и устремилась в поле. Он не был свидетелем насилия, он видел

лишь, как солдаты настойчиво толкали не оказывавших сопротивления казаков к грузовикам. Но и это зрелище произвело на него большое впечатление, и 3 июня, во время воскресной службы, он привел слова из Евангелия от Марка: "Иисус, вышед, увидел множество народа и сжалился над ними, потому что они были как овцы, не имеющие пастыря, и начал учить их много" . (Евангелие от Марка, 6, 34) .

В лиенцком кинотеатре, где была устроена импровизированная церковь, солдаты слушали проповедь Тайсона, в которой он трогательно и с большим чувством говорил о необходимости сострадания на войне:

Я не критиковал командиров, офицеров, отдававших приказы, мне бы и в голову такое не пришло, на это у меня не было никакого права. Но я открыто сказал, что это полностью противоречит христианскому учению и тому, за что мы воевали. Они (солдаты) были в смятении, их потрясло то, что их заставили делать.

Полковнику Малькольму и майору Дэвису, непосредственно ответственным за события 1 июня, тоже не нравилось то, чем им пришлось заниматься. Полковник Малькольм считал – и до сих пор считает – казаков изменниками родины, которые вполне заслуживали и репатриации, и любого наказания. Многие его однополчане попали в плен под Дюнкерком, и он спрашивает, "чего бы они заслуживали, если бы вызвались воевать за немцев". Однако, как бы то ни было, этот довод не имеет ни малейшего отношения к тысячам женщин, детей и несоветских граждан, ставшим жертвами насильственной репатриации.

По мнению полковника Малькольма, насилие по отношению к казакам применялось ровно в той степени, в какой это требовалось. И разумеется, совершенно ясно, что коль скоро его приказы подлежали выполнению, отказ казаков повиноваться неизбежно повлек за собой необходимость применить силу. Тем не менее, кровопролитие и паника, вызванные этими приказами, потрясли Малькольма, и, как мы рассказывали выше, он распорядился закончить погрузку раньше времени, хотя в поезд полагалось посадить еще 500 человек. Отдав этот приказ, полковник пошел на станцию, где встретился с бригадиром Мессоном, приехавшим из Обердраубурга. Малькольм воспользовался случаем, чтобы заявить бригадиру, что не собирается завтра вновь применять насилие. Мессон в ответ пробурчал что-то невразумительное. Вечером, в телефонном разговоре с Мессоном, Малькольм опять заявил, что даст солдатам только холостые патроны.

Дэвис, со своей стороны, выражает безоговорочное сочувствие и расположение к казакам и откровенно осуждает политику, которую ему пришлось проводить в жизнь. Более того, он не согласен с доводом своего начальства о невозможности проверки гражданства. Ему глубоко отвратительна навязанная ему роль лжеца: ему пришлось лгать людям, считавшим его другом. И наконец, он считает, что если при посадке на поезд 1 июня возникла необходимость применить силу, то уже одно это обстоятельство должно было бы послужить достаточным основанием для отмены всего мероприятия.

Имя майора Дэвиса до сих пор упоминается среди казаков с презрением. Но если подумать — что он мог сделать? Для него имелись две возможности: не подчиниться приказу или отказаться от офицерского звания. Ни один солдат в ту пору не решился бы на такой шаг. Дэвис дорожил своим местом в батальоне, духом боевого товарищества, сложившегося за годы боев в Африке и Италии. Ему тогда едва исполнилось 26 лет, он не был профессиональным военным и мнение его командира имело для него огромное значение. Наверное, к нему вполне применимы слова, сказанные некогда Уинстоном Черчиллем о французском генерале Барре: его "сбила с толку задача, какой тебе, мой добрый читатель, решать не доводилось..."

Трогательное свидетельство чувств майора Дэвиса содержится в воспоминаниях Ольги Ротовой, очевидца и летописца событий, которую никак нельзя заподозрить в попытках обелить действия англичан. Она была вместе с толпой, вырвавшейся за забор и устремившейся к реке, когда раздались крики: "Переводчицу, переводчицу! Ведутся переговоры!" Ольга пошла назад, в лагерь. Увидев ее, майор Дэвис сказал:

- Наконец-то я вас нашел! Почему вы не встретили меня у ворот?
- Мое место с моими русскими людьми, — ответила я.

Дэвис разыскивал жену Доманова, чтобы, как он заверил Ольгу, отделить ее от бушующей толпы. "Я вам не верю больше, майор, — был мой ответ", — пишет Ротова. Так и не найдя жену генерала, Дэвис, "бледный и расстроенный", обратился к Ольге с новой просьбой:

- Скажите им, чтобы они не сопротивлялись, — проговорил он, указывая на толпу.
- Господин майор! Представьте громадную печь и в ней огонь, и вы приказываете прыгнуть в нее. Вы бы прыгнули?
- Не знаю.
- Вы прекрасно знаете, майор, что не прыгнули бы. Вернуться к Советам — это хуже огненной печи.

– Но я, британский офицер, не могу больше видеть, как бьют безоружных людей: женщин, детей... Я не могу больше производить насилие, я не могу больше, не могу... – Из глаз его ручьем брызнули слезы. – Я не могу больше, не могу...⁴³

Дэвису удалось спасти от выдачи нескольких старых эмигрантов, в числе которых были жены генералов Краснова и Доманова. Во время операции их поместили в импровизированный барак с охраной, и они избежали репатриации. Много лет подряд после этого Дэвис получал открытки к рождеству от этих людей, живших в Генуе и других городах Запада. Удивительная история произошла также и с офицером разведки Доманова, который до войны был британским офицером, служил в полиции в Гонконге и которому король Георг V пожаловал орден "Военный крест". Англичане не могли выдать такого человека Советам. Ему раздобыли гражданское платье и дали убежать.⁴⁴

Стоит рассказать и о впечатлениях еще одного офицера, поскольку это связано с более широкой проблемой – пожалуй, можно сказать, проблемой столь всеобъемлющей, что, к несчастью, мы не можем охватить ее в этой книге. Доктор Джон Пинчинг, врач 8-го Аргильского полка, по сей день с горечью вспоминает о той неблагоприятной роли, которую пришлось сыграть в этом деле ему и его товарищам. Подобно Кеннету Тайсону, он не мог осуждать офицеров, отдававших приказы. Он глубоко уважал полковника Малькольма, который, в свою очередь, тоже всего лишь выполнял приказ. Подлинная ответственность за все это дело, по мнению Пинчинга, ложится совсем на других людей. У него и других офицеров не закралось никаких сомнений в правильности приказа. Они искренне верили, что страхи казаков перед возвращением в Союз сильно преувеличены. В течение трех лет союзничества английская пропаганда изображала Советский Союз

государством в духе утопического социализма. И мы в это верили, тем более, что это подтверждали Стефен Спенсер, Бернард Шоу и прочие представители интеллектуальной левой, с которой я связался в Оксфорде и которой верил всеми своими потрохами... Наверное, мне основательно заморочил голову отдел психологической войны, и я уверовал в то, что Россия – социалистическое государство и что там с сочувствием отнесутся к тем людям, которых нам поручили отправить назад.

За две недели 6-я пехотная бригада переправила из долины Дравы в советскую зону Австрии 22 502 казака и кавказца. Угроза полковника

Малькольма отказаться от применения силы к казакам так и не подверглась испытанию на практике: в последующие дни погрузка на поезда проходила значительно более мирно. Правда, в разных местах время от времени вспыхивали отдельные инциденты,⁴⁵ а 2 июня англичанам снова пришлось пустить в ход палки при посадке 1 750 казаков на станции Никольсдорф. Однако в общем после ужасных событий в Пеггеге и Обердраубурге 1 июня пленные, казалось, покорились судьбе. Многие бежали — что не удивительно, поскольку лагеря казаков не были обнесены проволокой. По оценке английских источников, "число тех, кому удалось избежать эвакуации, намного превышает тысячу человек, а может, и значительно больше."⁴⁶

В двухтомнике "Великое предательство", составленном генералом Науменко, имеются многочисленные упоминания об успешных групповых и индивидуальных побегах. Среди этих рассказов выделяется история Кузьмы Полунина, молодого подхорунжего, которого казаки выбрали атаманом после отъезда офицеров на "конференцию". Как он ухитрился бежать — неизвестно, но Ольга Ротова через два месяца встретила его в лагере, куда он вернулся.⁴⁷ 26 мая штаб бригады издал подробные инструкции по патрулированию и охране различных объектов,⁴⁸ но вопреки этому и несмотря на естественные препятствия, с которыми неизбежно сталкивался всякий, пожелавший выбраться из долины Дравы, множество народу все же пробралось в леса и отважилось на опасное путешествие через заснеженные горы.⁴⁹ Англичане не раз пытались прочесать горы в поисках рассеянных там групп беглецов. Вот что говорится в рапорте 56-го Рисского полка:

Сначала группы казаков и кавказцев были довольно многочисленны и не тратили сил на то, чтобы избегать патрулей. С течением времени, однако, их группы поредели и редко превышали 12 человек. Днем они находились на снежных вершинах, выставив часового, который в случае необходимости давал выстрелом сигнал тревоги. По ночам они часто занимали летние фермы или разбивали бивак в лесу, в низине. Казаки и кавказцы явно предпочитали смерть выдате, но, попав в руки солдат, не предпринимали попыток бежать и с готовностью подчинялись нашим приказам.⁵⁰

Кеннет Тайсон описал автору поисковую экспедицию 3 или 4 июня, в которой он участвовал. Поднявшись примерно на две-три тысячи футов, патруль набрел на группу человек в 50-60. Здесь были мужчины, женщины,

дети. Без всякого сопротивления они повернули назад, в лагерь. Но бывало и так, что патрули открывали огонь и даже убивали беглецов. Англичане часто позволяли советским властям посылать для участия в таких операциях офицеров СМЕРШа.⁵¹

В период 7-30 июня в горах были пойманы 1 356 казаков и кавказцев, 934 были доставлены 15 июня на грузовиках в Юденбург, но советские власти потребовали, чтобы их отвезли в Грац, куда они и прибыли на следующее утро. У некоторых солдат, охранявших эту группу, сложилось впечатление, что все эти пленные, или часть их, были расстреляны советскими вскоре после прибытия.⁵²

В первую неделю июня тысячи русских отправились в путешествие без обратного билета из долины Дравы в Юденбург, в наглухо задранных вагонах для перевозки скота. На конечной остановке этого 200-километрового пути один молодой английский солдат ежедневно наблюдал за процессией поездов, прибывающих в Юденбург. Двадцатипятилетний сапер Редж Грей из 192-й железнодорожной роты Королевских инженерных войск в конце мая 1945 года оказался в районе Клагенфурта и был назначен шофером к лейтенанту Сайксу. Однажды вечером он повез лейтенанта на собрание офицеров за город. Сидя в джипе в ожидании, Редж Грей услышал отдаленное пение мужского хора. Изредка пение прерывалось оружейными залпами, и в темном небе, в той стороне, откуда оно доносилось, вспыхивали красные зарницы. На вопрос Грея, шофер стоявшего рядом джипа объяснил, что там собрали 40 тысяч русских, которых отсылают назад в Россию.

Вернувшись с собрания, лейтенант Сайкс приказал шоферу захватить за ним в 4 часа утра. Путь их, вспоминает солдат, лежал на север, в Юденбург: Сайкс был назначен офицером связи при передаточном пункте, где репатрируемые переходили под советский контроль. Когда они подъехали к месту назначения, им приказали остановиться. По шоссе двигалась колонна грузовиков, головные машины уже въезжали на мост через Мур. В грузовиках сидели казацкие офицеры в немецких формах. Когда колонна въехала на мост, произошла небольшая заминка, и в машинах, ждущих своей очереди, пронесся слух, что какой-то казак прыгнул в реку. Наконец, дорогу расчистили, и джип Грея проехал по мосту в советскую зону города. Их сразу же поразила перемена в атмосфере по ту сторону моста: в английской зоне царил веселое оживление и суматоха, здесь же даже дома казались угрюмыми, у людей был затравленный вид. В воздухе словно висело мрачное ощущение страха.

На железнодорожной станции шестеро советских солдат играли на пустой платформе в карты. Через несколько минут к станции медленно

подполз поезд. Окна вагонов были затянуты колючей проволокой, сквозь которую пассажиры поезда просовывали руки, предлагая часы и другие ценные вещи. Охранников видно не было. Два советских солдата разом встали за 37-миллиметровую зенитку и начали угрожающе поворачивать барабан в сторону поезда. Вдоль вагонов зашагал советский офицер, ударяя по дверям железным тросом. Затем двери открыли, и пленные высыпали из вагонов, щурясь на солнце. Они образовали огромную толпу. Все их пожитки сложили слева от грузовиков, с собой им ничего взять не разрешили. Грей спросил стоявшего рядом переводчика, английского офицера, что будет с казаками. Тот ответил, что офицеров расстреляют, а остальных сошлют в Сибирь. Для Грея, не интересовавшегося политикой, эти слова мало что значили. По его собственному признанию, больше всего его занимало тогда, удастся ли пожить чем-нибудь из оставшихся в поезде вещей казаков.

В поезде он нашел трогательные узелки, в которых казаки везли самое ценное, что у них было, потертые чемоданы, одежду, одеяла, часы. Повсюду валялись сорванные с форм немецкие знаки различия, итальянские лиры, австрийские шиллинги. В одном углу он обнаружил старенькую зингеровскую швейную машинку – старуха-казачка напрасно умоляла, чтобы ей позволили взять ее с собой. В другом месте он нашел пару обручальных колец – он до сих пор хранит их. Грея неприятно поразило открытие, что для естественных нужд в каждом вагоне, где ехало по 40 человек, была выделена всего лишь канистра из-под бензина емкостью в 40 галлонов. Можно себе представить, что творилось в вагонах, где целый день ехали мужчины, женщины и дети. По меньшей мере один из репатрируемых решил избежать предназначенной для него судьбы: в коридоре вагона лежало накрытое одеялом тело самоубийцы. Быстро миновав это мрачное место, Грей завершил обход поезда. Карманы его оттопыривались от австрийских и итальянских купюр, которые, разумеется, были уже ни к чему бывшим владельцам. Больше всего удивило молодого солдата то, что в купе охранника в каждом вагоне было по коробке с 50 пачками сигарет. Очевидно, их положили сюда для пленных, но так и не отдали. Зато этот великодушный жест можно было соответствующим образом расписать в каком-нибудь рапорте.

По платформе прогуливались три советских офицера в великолепных формах. Каждый раз, когда они проходили мимо стоящего на посту красноармейца, тот, вытянувшись в струнку, отдавал им честь. Английскому солдату такое усердие показалось несколько чрезмерным, но ведь он не знал, в какой страшной организации служили эти офицеры.

Первые две недели июня Грей каждый день возил лейтенанта Сайкса с английской стороны на советскую — к поездам, прибывавшим на станцию Юденбург. Эта процедура всегда выглядела одинаково: поезд со свистом подходил к станции, охранников на нем не было, только железнодорожники, которым никогда не разрешалось выходить на платформу. Советские солдаты отпирали двери и следили за выходящими пленными. Что с ними происходило дальше — Грей не знает. Сам он был свидетелем лишь того, какая участь постигла вещи пленных. У казаков всегда отбирали все пожитки и складывали их рядом в кучу, которая постоянно росла и к концу второй недели достигла внушительных размеров. А когда ушел последний поезд, советские охранники облили кучу керосином и подожгли ее.

Миссия Грея была закончена, и он вернулся к себе в часть. А бесконечные колонны понурых фигур начали длинное путешествие на восток, навстречу страшным испытаниям.⁵³

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Вячеслав Науменко. Великое предательство: выдача казаков в Лиенце и других местах (1945-1947), т. 1, Нью-Йорк, 1962, стр. 156.
2. См. там же, стр. 181 – 183.
3. Там же, стр. 183 – 186. По возможности, я сверял воспоминания с информацией майора Дэвиса.
4. War Office [в дальнейшем: Архив военного министерства Великобритании], 170/4461.
5. См.: В. Науменко, указ. соч., т. 1, стр. 124, 147, 199; там же, т. 2 (Нью-Йорк, 1970), стр. 60.
6. См.: Josef Mackiewicz. Kontra. Paris, 1957, p. 188; В. Науменко, указ. соч., т. 1, стр. 124.
7. См. там же, стр. 124 – 125.
8. См. там же, стр. 186; Josef Mackiewicz, указ. соч., стр. 189.
9. См.: Архив военного министерства Великобритании, 170/4461.
10. См.: В. Науменко, указ. соч., т. 1, стр. 106 – 107; т. 2, стр. 171 – 173.
11. См.: Архив военного министерства Великобритании, 170/4461.
12. См. там же, 170/4993.
13. Victor Kravchenko. I Chose Freedom. London, 1947, p. 405. Виктор Кравченко узнал об этом инциденте, когда работал в Москве, в СНК, в ведении которого находились такие заводы.
14. См.: Архив военного министерства Великобритании, 170/4993, 4461.
15. См.: David J. Dallin, Boris I. Nicolaevsky. Forced Labour in Soviet Russia. London, 1948, p. 271.
16. См.: В. Науменко, указ. соч., т. 2, стр. 74 – 75. См. также трогательное описание прощания казака с верблюдом в кн.: Peter Huxley-Blythe. The East Came West. Cadwell, Idaho, 1964, pp. 71 – 72.
17. См.: В. Науменко, указ. соч., т. 1, стр. 190.
18. См. там же, стр. 259.
19. Die Kosakische Tragödie. – National Zeitung, 30.5.1975, p. 6.
20. Архив военного министерства Великобритании, 170/4461; В. Науменко, указ. соч., т. 1, стр. 25-26.
21. См.: Архив военного министерства Великобритании, 170/4461; В. Науменко, указ. соч., т. 1, стр. 229.
22. См. там же, стр. 200 – 203. Утверждение лорда Н. Бетелла о том, что солдаты пытались столкнуть людей с моста (см.: Nicholas Bethell. The Last Secret: Forcible Repatriation to Russia 1944-1947. London, 1974, p. 143), не соответствует действительности. Капеллан Кеннет Тайсон рассказал мне, что видел, как солдаты Аргильского полка "пытались помешать казакам пересечь мост" и скрыться.
23. В. Науменко, указ. соч., т. 1, стр. 227 – 230.
24. Там же, стр. 209. Хотя доктор Пинчинг не помнит этого короткого разговора, все это, по его словам, вполне отвечало его тогдашним впечатлениям. Он собственными глазами видел, как рыдал майор Лиск, мужественный и сильный человек.

25. См. там же, т. 1, стр. 205–206, 228–229; т. 2, стр. 54.
26. Архив военного министерства Великобритании, 170/4461.
27. Там же, 170/4988.
28. См.: National Zeitung, 6.6.1975.
29. См.: В. Науменко, указ. соч., т. 2, стр. 110–112. Эпизод с собакой см. там же, т. 1, стр. 223.
30. См. там же, т. 1, стр. 134, 201, 233; т. 2, стр. 54; National Zeitung, 30.5.1975.
31. См.: В. Науменко, указ. соч., т. 1, стр. 210.
32. См. там же, стр. 233. Хотя доктор Пинчинг помнит, что в Лиенце был "четырёх- или пятиэтажный госпиталь", ни подтвердить, ни опровергнуть это сообщение он не в силах. Как сказано в одном из документов, 29 июня "военный врач в Ньюсдорфском госпитале сообщил командиру, что большинство находящихся там (казаков) собирается покончить с собой" (Архив военного министерства Великобритании, 170/5081).
33. В казачьих источниках, где приведена фамилия семьи, сказано о двух детях (см.: В. Науменко, указ. соч., т. 1, стр. 233; т. 2, стр. 111).
34. См. там же, т. 1, стр. 234.
35. См. там же, стр. 210.
36. Интервью в "National Zeitung, 6.6.1975; а также в Kleine Zeitung. Klagenfurt, 29.5.1975. Есть свидетельства, что в то утро в самый разгар событий возмущенные австрийки начали звонить в церковные колокола в Делзахе и других местах (см.: В. Науменко, указ. соч., т. 1, стр. 221). О самоубийствах см. также Edgar M. Wenzel. So gingen die Kosaken durch die Hölle. Wien, 1976, pp. 19–20, 26.
37. См. также: A. Petrovsky. Unvergessener Verrat! München, 1965, p. 287.
38. См.: Архив военного министерства Великобритании, 170/4396.
39. Н. Бетелл, очевидно, невольно свел два эпизода в один (см. Nicholas Bethell, указ. соч., стр. 132).
40. "В Обердраубурге находятся тела восьми казаков, застреленных при попытке к бегству" (Архив военного министерства Великобритании, 170/4389).
41. В воспоминаниях казаков говорится о танкетках в Пегтеце (см. В. Науменко, указ. соч., т. 1, стр. 228). В действительности они были не там, а в Обердраубурге (см.: Архив военного министерства Великобритании, 170/4396). Два предупредительных залпа были даны тоже не в Пегтеце (см.: В. Науменко, указ. соч., т. 1, стр. 200, 225), а в Обердраубурге.
42. Отчет об операциях в районе Обердраубурга заимствован из военных дневников (см.: Архив военного министерства Великобритании, 170/5022, 5018, 4461).
43. В. Науменко, указ. соч., т. 1, стр. 206–208.
44. Информация получена от майора И.В. Френча. 60 казачьих конюхов были оставлены в лагере для ухода за лошадьми, которые использовались английской армией на пересеченной местности тем летом (см.: В. Науменко, указ. соч., т. 2, стр. 81–85). Историю этих лошадей см. в кн.: Lt.-Col. A.D. Malcolm. History of the Argyll and Sutherland 8th Battalion 1939–47. London, 1947, pp. 252–258; Lt.-Col. G.I. Malcolm of Potalloch. Argyllshire Highlanders, 1860–1960. Glasgow, 1960, pp. 116–117.
45. См. также: В. Науменко, указ. соч., стр. 1, стр. 55–56.
46. Архив военного министерства Великобритании, 170/4461. В том же досье приведена значительно более высокая цифра – "около 4 100".

47. См.: В. Науменко, указ. соч., т. 1, стр. 191.
48. См.: Архив военного министерства Великобритании, 170/4396, 4461.
49. Рассказ о таком переходе см. в кн.: В. Науменко, указ. соч., т. 1, стр. 201–203. Жена Николая Краснова, Лили, пряталась в горах и вернулась в Пегтец, услышав о запоздалой амнистии для старых эмигрантов. Ее муж узнал об этом через несколько лет от казака, встреченного в Камышлага, около Омска (см.: Николай Краснов. Незабываемое. Сан-Франциско, 1957, стр. 230, 341). Татьяна Данилевич рассказала мне, что пересидела опасные дни в подвале какого-то дома в Лиенце.
50. Архив военного министерства Великобритании, 170/4396.
51. См. там же, 170/4461.
52. См. там же, 170/4461. Информация получена от Дункана Макмиллана, офицера конвоя.
53. Я очень обязан Реджу Грею за рассказ о его личном опыте. См. также: Cheshire Observer, 2. 11. 1973.

Глава 10

ПЯТНАДЦАТЫЙ КАЗАЧИЙ КАВАЛЕРИЙСКИЙ КОРПУС

Направляясь 8 мая в Кетшах присутствовать при сдаче в плен казаков генерала Доманова, бригадир Мессон ехал в арьергарде процессии, больше напоминавшей кочевников, чем военный отряд. Тысячи человек, среди которых были женщины и дети, растянулись на 15-20 миль, они везли на телегах свои пожитки и разбивали биваки прямо у дороги. Встречались здесь и организованные группы конных, однако большинство было совершенно деморализовано после трудного перехода через перевал.

В это же время, километрах в десяти восточнее, офицеры и солдаты 6-ой бронетанковой дивизии наблюдали зрелище не менее живописное, хотя и совсем иного плана. Около деревни Гриффен, между Фелкермарктом и Вольфсбергом, проходил последний парад 15-го казачьего кавалерийского корпуса. Впереди, во главе конного эскорта, ехал на коне командир, генерал Хельмут фон Паннвиц. Ветераны, с саблями наголо, поблескивающими на солнце, смотрели прямо перед собой. Многие из них воевали еще в царской армии, и сейчас они гордо восседали в седлах, как когда-то на плацу перед императором. Потом, на белых конях, появились трубачи 1-й казачьей кавалерийской дивизии. Разом вскинув трубы, они заиграли марш. Тут же вперед, в парадном порядке, вышел 1-й Донской кавалерийский полк, который на полном скаку, эскадрон за эскадрон, продефилировал перед своим генералом. За ними следовал 2-й Сибирский кавалерийский полк; все в белых меховых шапках, с ружьями за спиной, с кривыми саблями и в традиционных черкесках. Почти все старшие офицеры корпуса были немцами.¹

Однако при всей своей декоративности и живописности 15-й кавалерийский корпус представлял собой, в отличие от домановских

казаков, настоящее военное формирование. В начале 1943 года, под прикрытием отступающей немецкой армии, многие жители казачьих степей ушли от наступающих советских войск на запад и обосновались в Новогрудке, образовав Казачий стан. Поселение было не чем иным, как центром для беженцев, при котором имелись отряды самообороны. Но немецкое командование, памятуя о военной славе казаков, решило сформировать регулярные казачьи части для боев с Красной армией. Такие отряды, рассеянные среди частей вермахта на востоке, уже доказали свою боеспособность, и в марте 1943 года генерал фон Клейст приказал всем казакам призывного возраста собраться в приднепровском городе Херсоне.

Тысячи казаков, жаждущих сражаться против большевиков, образовали три полка: два были набраны из кубанских казаков, один — из донских. Командиром корпуса был назначен генерал-майор Хельмут фон Паннвиц, начавший военную карьеру в Первую мировую войну лейтенантом кавалерии, а затем служивший в кавалерийском добровольческом корпусе на востоке. Уроженец Силезии, он свободно владел польским, но русского почти не знал, хотя со временем освоил его настолько, что вполне мог объясниться.² Все, кому довелось знать генерала фон Паннвица — будь то казаки, англичане или немцы, — сходились на том, что он был великолепный солдат и достойный человек.

Через месяц после мобилизации база дивизии была перемещена на Млаву, к северо-западу от Варшавы. Там фон Паннвиц приступил к обучению корпуса. Командирами в полки были поставлены немецкие кавалерийские офицеры, опытные и компетентные, ценившие возможность служить в кавалерии. Сам фон Паннвиц всячески старался приноровиться к казакам. Он носил казацкую форму, поощрял традиционные чины, форму и оружие. Церковные службы, служившиеся православными священниками, посещали все, а генерал (бывший, кстати, протестантом) являлся почетным членом общины. Понимая, что славная история казаков может способствовать поддержанию боевого духа в войсках, фон Паннвиц постоянно подчеркивал преемственную связь между своими частями и их предшественниками, на протяжении столетий верой и правдой служившими России и ее царям. Время от времени лагерь посещали легендарные герои гражданской войны — генералы Краснов, Шкуро, Науменко. Их визиты обставлялись с величайшей торжественностью: оркестр играл гимн "Боже, царя храни" и другие старые мелодии, пел казачий хор.

Вопреки всем надеждам, казакам фон Паннвица не пришлось воевать на Восточном фронте. В тот период у Гитлера как раз появились опасения, что русские добровольцы — народ ненадежный, могут перейти в Красную

армию, и он распорядился использовать тысячи добровольцев, вызвавшихся воевать против коммунистов, в угольных шахтах. Этому крайнему, губительному проекту высшее командование могло противопоставить лишь предложение о переводе всех добровольцев на запад, и 10 октября 1943 года Гитлер приказал перебросить с восточного театра военных действий все 600-800 тысяч русских, служивших в немецкой армии.³

Корпус фон Паннвица к тому времени был уже в Югославии — к вящему разочарованию солдат, которые хотели драться с большевиками. Но когда фон Паннвиц объяснил, что и здесь они тоже будут воевать против красных, казаки с жаром взялись за дело в горах Боснии и Герцеговины. Бесстрашные, виртуозные наездники, они пробирались в самые труднодоступные места и скоро стали грозой для отрядов Тито, привыкших иметь дело с неповоротливыми резервными частями вермахта. Казаки вполне освоились с жизнью в Югославии и примирились — по крайней мере, до поры до времени — с мыслью, что вместо своих собственных коммунистов им приходится иметь дело с югославскими.

В первое время после прибытия в страну, зимой 1943-44, в корпусе было много случаев нарушения дисциплины. Казаки не раз выступали в роли насильников, имелись случаи жестокого обращения с местным населением, многие перебежали к партизанам Тито. Твердо решив покончить с этим, генерал фон Паннвиц стал усиленно зазывать к себе эмигрантов, которые могли бы быть и переводчиками, и посредниками между немецкими офицерами и казаками. В их числе был Георгий Николаевич Дружакин, эмигрировавший с окончанием гражданской войны во Францию и живший в Париже. Пройдя недолгий инструктаж в Берлине, который в те дни подвергался сильным бомбежкам, он прибыл в штаб полковника Константина Вагнера, командира 1-й казачьей кавалерийской дивизии. Дружакин свободно владел французским, немецким и русским, и Вагнер надеялся с его помощью установить более тесный контакт с солдатами. Первым делом полковник попросил Дружакина выяснить причины недовольства казаков и доложить о результатах непосредственно ему, невзирая на лица.

Дружакин, служивший в 1918 году в армии генерала Краснова, быстро подружился с донскими казаками, своими земляками, и вскоре выяснил, что многие немецкие сержанты и унтер-офицеры грубы и считают казаков дикарями. Конечно, это лишь отчасти объяснялось невежеством неотесанных вояк — ведь им все уши прожужжали о превосходстве арийцев над низшей славянской расой!

У каждого казака была припасена история о грубости унтер-офицеров, и когда один солдат, плача, рассказал, как его столкнули с лестницы,

Дружакин тут же отправился к Вагнеру. Полковник действовал решительно и твердо. Он заявил всем младшим офицерам, что если еще раз услышит подобные жалобы, они будут переведены на Восточный фронт. Казаков заверили, что грубость и жестокости прекратятся, а Дружакин, получивший чин майора, стал присутствовать на всех разбирательствах в военном суде. Прошло совсем немного времени, и в корпусе восстановилась нормальная обстановка; а вскоре прекратилось и дезертирство. Более того, началось обратное движение. Перебежчики возвращались в свои отряды и с честью несли службу.

Несмотря на трудное начало, корпус вскоре заслужил хорошую репутацию благодаря храбрости, мастерству и дисциплине солдат. Когда в 1944-45 годах границы рейха сократились, казаки стали участвовать в регулярных боях на передовой против югославских и болгарских дивизий. 25 декабря 1944 года, в Рождество по новому стилю, корпус впервые воевал с советскими частями: на реке Драве казаки выдержали бой со 133-й стрелковой дивизией, носящей, к вящему удовольствию казаков, имя Сталина. После жестокой схватки, которая часто переходила в рукопашную, 15-й корпус заставил врага отступить с большими потерями. Многие взятые в плен красноармейцы добровольно вступили в Казачий корпус.⁴

Этот бой можно назвать последней битвой гражданской войны. С наступлением нового года немецкий Юго-Восточный фронт быстро откатился к границам Австрии. В начале мая командующий фронтом генерал фон Лер объявил своим войскам о капитуляции немецкой армии. Две дивизии Казачьего корпуса перешли через Драву в Австрию около Лавамунда, причем замыкающие отряды, отступая, вели бои с болгарскими силами, наседавшими сзади.⁵ Генералу фон Паннвицу оставалось лишь добиваться почетных условий сдачи в плен англичанам.

Пока казаки отступали в Австрию с востока, англичане с максимальной скоростью продвигались вверх с юга, чтобы до встречи с советской армией захватить как можно больше территорий. 9 мая командующий 8-й армией генерал Ричард Мак-Крири находился на итало-австрийской границе. С севера он постоянно получал сообщения о боях между казаками и югославскими партизанами. Стремясь восстановить порядок без кровопролития, генерал послал за офицером ССО, майором Чарльзом Вильерсом, который был давно связан с югославскими партизанами. Он только что отболел тифом — и все же пустился в трехсоткилометровый путь через горы в сопровождении сына Тито, которому недавно ампутировали руку. Англичане выслали самолет на розыски, и их благополучно доставили в Италию. Понимая, что этот человек сможет воздействовать на югославов, Мак-Крири приказал ему ехать к партизанам.

Укрепив на джипе кусок белого полотна, Вильерс двинулся на восток от Клагенфурта. Первыми, в чистом поле между Фолкермарктом и Вольфсбергом, ему попались на глаза казаки. Он осведомился у конных часовых насчет "господина генерала", и те послали его в деревенский дом, где был устроен временный штаб. Здесь вокруг стола сидели генерал и несколько старших офицеров. Чарльз Вильерс от имени генерала Мак-Крири потребовал их сдачи. Фон Паннвиц ответил, что готов сдаться на определенных условиях, и главное из них — обязательство англичан ни при каких обстоятельствах не передавать корпус большевикам. Майор Вильерс ответил, что ему даны точные инструкции не принимать никаких условий: Казачий корпус должен просто сдаться английской 8-й армии. Генерал, не видя иного выхода, согласился, и они договорились, что он приведет корпус в ближайшую английскую часть и казаки сдадут там оружие.

В странной обстановке проходила эта беседа. С улицы доносилось звяканье уздечек, лошади стучали копытами о мостовую. Мимо низких окошек гарцевали конные эскадроны, а в крестьянском доме немецкие и русские офицеры в меховых шапках спорили с бесстрастным англичанином. Беседа несколько оживилась, когда генерал фон Паннвиц вдруг вспомнил, что встречался с Чарльзом Вильерсом в имении Бисмарка в Восточной Пруссии. Генерал стал уговаривать англичанина отобедать у них, но Вильерс вежливо отказался и уехал, договорившись, что казаки на следующий день сдадутся англичанам.

Этот визит явно расстроил генерала фон Паннвица. Хотя майор Вильерс был истинным джентльменом, держался он официально и натянуто, а инструкции о том, что казаки не могут выдвигать никаких условий, внушали генералу смутные подозрения. Да и вообще — что англичанам известно о казаках? Решив выяснить ситуацию, генерал выслал для установления контакта с англичанами старшего офицера штаба, полковника фон Рентельна, бывшего офицера русской императорской гвардии, участника похода армии генерала Юденича на Петроград в 1919 году. В этой кампании он познакомился с майором Гарольдом Александером, командовавшим антибольшевистским балтийским ландсвером. С тех пор они поддерживали знакомство, изредка встречаясь в лондонском клубе. Фон Рентельн не сомневался, что, если бы ему удалось сейчас разыскать фельдмаршала Александера, он сумел бы объяснить англичанам специфическое положение казаков и предотвратить их выдачу Советам.⁶ Полковник Эндрю Хорсбрю-Портер из 27-го Лансерского полка, находившийся в те дни в Вольфсберге, вспоминает:

Однажды в штаб прибыла кавалькада во главе с высоким, импозантным господином аристократической наружности, который на прекрасном английском заявил, что сдается. С ним был казачий эскорт. Я сразу почувствовал расположение к этому старомодному космополитическому генералу. Он сказал, что, насколько ему известно, нашей армией командует Александр, и добавил: "Если бы я повидался с Алексом, все было бы в порядке", — или что-то вроде того.

Русского офицера увезли на штабной машине в штаб дивизии.⁷ Но генерал фон Паннвиц не мог дожидаться исхода этой миссии. Назавтра, 10 мая, он выехал к английским позициям и сразу за Фолкермарктом наткнулся на пост англичан. Его провели к майору Генри Говарду из 1-го Королевского оружейного корпуса. Говард был крайне заинтересован в скорейшей сдаче казаков; ему важно было поскорее сбить их с рук. Югославские партизаны расставили посты далеко за австрийскими границами, а майору было необходимо очистить дороги для наступления на Грац. Югославы требовали, чтобы казаки сдались им, но при этом не собирались приближаться к их позициям, пока у казаков было оружие: вот если бы англичане разоружили их, а уж потом бы передали югославам... Генри Говард понимал, что пока казаки остаются на своих позициях, его батальон не только не сможет продвигаться вперед, но еще того и гляди попадет в какую-нибудь бездарную трехстороннюю заварушку. Поэтому майор предложил фон Паннвицу привести корпус утром и послал назад вместе с генералом капитана Джулиана Ватена. Они вместе отобедали, и за столом немецкий офицер говорил о том, как его заботит судьба лошадей. Все было очень по-джентльменски.

На другое утро казачьи части начали складывать оружие прямо в поле около Фолкерсмаркта. Генерал фон Паннвиц и Чарльз Вильерс бесстрастно наблюдали за этой процедурой. Сдав оружие, все полки двинулись на запад, к месту, указанному командованием английского корпуса.⁸ Партизаны Тито, узнав о разоружении казаков, осмелели и начали обстреливать их издалека и красть лошадей. Как лаконично поведал майор Говард,

пришлось использовать транспортеры для охраны бросившихся бежать казаков и пригрозить отрядам Тито, что если они не перестанут вести себя, как дети, мы пустим в ход танки.

Разоруженные казаки проехали на запад, через Санкт-Вейт.⁹ Для защиты от неугомонных "югов" майор Говард расставил по пути их

следования танковые патрули. В течение трех дней бесконечный поток казаков шел через австрийские городки. На одном из таких постов, у пруда, где казаки поили своих лошадей, стоял лейтенант Гарри Мофф. Легкая дымка пыли висела над зелеными лугами, по которым гнали 20 тысяч лошадей, и лейтенант сказал своим солдатам, что они присутствуют при неповторимом зрелище. Правда, им было суждено снова встретиться с казаками всего через три недели, и уже совсем при других обстоятельствах.¹⁰

За Санкт-Вейтом Казачий корпус был разделен на две части, которым было приказано встать лагерем в разных местах. Генерал фон Паннвиц со штабом двинулись на север, к Альтхофену. С ним шли 3-й и 4-й Кубанские полки, 5-й Донской, 6-й Терский и 8-й (пеший) полк – все они, кроме 4-го Кубанского, относились ко 2-й дивизии. Основная часть 1-ой дивизии, в составе 1-го Донского и 2-го Сибирского полков, под командой полковника Вагнера двинулась на запад и встала лагерем в полях около Фельдкирхена. Весь этот район находился под контролем английской 6-й танковой дивизии.¹¹ Куратором дивизии Вагнера был назначен полковник Джеймс Хиллс. Оба полковника прекрасно сработались, и англичанин часто навещался в лагерь и в маленький замок на краю леса, где жил Вагнер. На Хиллса произвели большое впечатление дисциплина казаков и жизнерадостное настроение, царившее в лагере.¹²

Генерала фон Паннвица не оставляли мрачные раздумья о судьбе его солдат. Полковнику Вагнеру он сказал, что, наверное, англичане отправят корпус на службу в Иран, но из его поступков в те дни и из рассказов англичан явствует, что ситуация казалась ему крайне тревожной. Миссия фон Рентельна провалилась; Александра ему повидать не удалось, и он вернулся в Альтхофен. Джереми Пембертон, служивший тогда при штабе 61-й бригады, входившей в состав 6-й танковой дивизии, вспоминает, как однажды вместе с фон Паннвицем и фон Рентельном инспектировал казачьи лагеря. Разговорившись, Пембертон и Рентельн обнаружили, что у них есть общий друг: граф Бенкендорф, сосед Пембертона по Саффолку. В этой дружеской беседе, которая велась по-французски, фон Рентельн ясно дал понять, что не питает никаких иллюзий насчет дальнейшей судьбы казаков.¹³

Фон Паннвиц частным порядком пытался спасти корпус от гибели. Эдуард Рентон, заместитель командира отдела ССО, в котором работал Чарльз Вильерс, присутствовал на совещании с генералом и его штабом в Клагенфурте. В запале стуча кулаком по столу, фон Паннвиц с жаром описывал боевые качества казаков и просил англичан взять корпус к себе на службу или передать его американцам. Рентон отправился звонить

в штаб корпуса бригадному генералу Тоби Лоу, ныне лорду Олдингтону. Лоу подробно разъяснил, что они не вправе давать обещания такого рода и казакам придется сидеть в лагере до принятия решения. Так что, наверное, фон Паннвиц вернулся в Альтхофен с тяжелым сердцем. К тому же до него дошли весьма неприятные намеки, что немецким офицерам лучше всего улизнуть и тихонечко отсидеться в укромном месте.¹⁴ Однако генерал не отказался от попыток связаться с английскими властями и объяснить им положение казаков. Несколько раз он просил майора Вильерса связать его с генералом Мак-Крири, посылал одного из своих штабных офицеров в штаб 5-го корпуса в Клагенфурте — все напрасно.¹⁵

Наверное, им постепенно овладевало отчаяние. Всего через несколько дней после того, как корпус расположился на новом месте, одно весьма авторитетное лицо намекнуло старшим офицерам корпуса, что их опасения не лишены оснований. Этим авторитетным лицом был командующий 6-й танковой дивизии генерал-майор Горацио Мюррей, чрезвычайно популярный и необычный офицер. Он терпеть не мог командиров, сводящих понятие служебного долга исключительно к передаче приказов вышестоящего начальства. "Зачем тогда вообще нужны генералы?" — сказал он как-то по этому поводу.

В середине мая Мюррей вызвал старших офицеров Казачьего корпуса в свой штаб в Клагенфурт и сообщил им по-немецки, что у него есть причины думать, что их могут отправить в СССР, а потому он советует им серьезно поразмыслить над ситуацией. Пока он не получил никаких инструкций, но — имеющий глаза да видит. Этим выразительным высказыванием он закрыл совещание. Фон Паннвиц и его офицеры, бледные и растерянные, тут же уехали к себе.

Мы можем лишь догадываться о чувствах фон Паннвица. С одной стороны, было бы безответственно сеять среди солдат панику и уныние. Всякие слухи такого рода наверняка подорвут дисциплину, к тому же ничего определенного генерал Мюррей не сказал. Казаки отчаянно цеплялись за надежду, что им удастся поразить воображение англичан отличной дисциплиной и хорошим поведением и это может сыграть свою роль при решении их судьбы. С другой стороны, если в лагерях начнется хаос и неразбериха, это послужит для англичан оправданием самых суровых мер. Генерал Мюррей и его старшие офицеры отнормировались к пленным с явной симпатией, так что имело полный смысл вести себя так, чтобы не потерять их расположения. Поэтому фон Паннвиц, вероятно, решил, что единственный разумный, хотя и недостаточный выход — сохранять корпус и продолжать взывать к властям.

Имелось и еще одно соображение. За два года между фон Паннвицем и его казаками возникли прочные узы взаимной симпатии, генерал чувствовал, что отвечает за них. Пока корпус не найдет прибежища где-нибудь в свободном мире, долг командира — оставаться с солдатами и заботиться о них.

Но он отвечал также и за немецких офицеров, добровольно пришедших в корпус. Он понимал, что несмотря на все его призывы англичане могут все же передать корпус Советам. И если казаков все-таки еще можно счесть предателями, то уж к немецким офицерам это определение никак не относится. Более того, в Женевской конвенции четко оговорено, что пленные, взятые в плен после окончания военных действий, должны быть немедленно переданы своей стране. Однако фон Паннвиц не исключал, что англичане сочтут немецких офицеров, разбросанных по разным полкам, составной частью корпуса и выдадут их. Вероятно, именно такого рода соображения и привели генерала к решению заменить немцев казачьими офицерами и создать "чисто немецкий полк или батальон", который состоял бы из одних немцев. Он предложил это англичанам 25 мая. Тем временем казаки и сами стали требовать, чтобы немецких офицеров заменили казаками; в некоторых отрядах даже начались волнения. Мотивы этого требования нам неизвестны; может быть, сказались напряжение последних недель, или же казаки посчитали, что англичане благосклоннее отнесутся к ним, если будут считать их русским антисоветским войском, "третьей силой", а не наемниками под немецким командованием, немецкими пособниками.

Но практический результат этих отчаянных планов был ничтожен и свелся к тому, что англичане получили разные списки казачьего и немецкого состава корпуса.¹⁶ События, меж тем, не стояли на месте. Советские и английские офицеры встретились в Вольфсберге для уточнения планов по передаче всего Казачьего корпуса советским властям.¹⁷ Дивизионные командиры получили последний приказ, оставалось лишь разработать отдельные детали операции. К концу мая корпус фон Паннвица находился на территории 5-го корпуса английской армии, под контролем трех разных групп: 6-й танковой дивизии, 46-й пехотной дивизии и 7-й танковой бригады.¹⁸

46-я пехотная дивизия, в ведении которой был генерал фон Паннвиц со штабом и основной состав корпуса, с 16 мая занималась передачей русских военнопленных и рабочих в Юденбурге.¹⁹ Теперь же ей предстояло подготовиться к внезапной выдаче Казачьего корпуса. Необходимым условием подготовки было соблюдение строжайшей тайны. Как отмечается в документах военного министерства, "если бы казаки

узнали о плане выдачи, это привело бы к массовым побегам и самоубийствам”.²⁰

В приказе утверждалось — ошибочно или, во всяком случае, необоснованно, что многие немецкие офицеры Казачьего корпуса повинны в военных преступлениях, разыскиваются советскими властями и, соответственно, подлежат выдаче Советам.²¹ 26 мая фон Паннвицу сообщили, что он отстранен от командования корпусом. Вместе со 144 немецкими и 690 казачьими офицерами он был объявлен арестованным. Правда, многие офицеры сумели бежать.²² Согласно казачьим источникам, фон Паннвица английские офицеры предложили освободить из-под стражи и даже организовать ему побег. Но генерал отказался, заявив, что был с казаками в хорошие времена и не бросит их в плохие.²³ Это подтверждает и полковник Вагнер, которому удалось уцелеть. Он сообщил мне, что, получив предупреждение от англичан, немедленно позвонил фон Паннвицу и предложил ему бежать и присоединиться к югославским монархистам, четникам. Генерал ответил, что все его офицеры вольны поступать так, как считают нужным, он же не оставит казаков. Наверное, узы, связывавшие его с казаками, особенно укрепились после того, как 24 мая он был выбран походным атаманом — ни один иностранец не удостоивался до тех пор такой чести. На этой церемонии присутствовали старшие английские офицеры, но вряд ли они оценили ее значение.²⁴

28 мая генерал фон Паннвиц с группой немецких офицеров был передан в Юденбурге НКВД.²⁵ Здесь, на небезызвестном металлургическом заводе, он встретился с казачьими генералами, Красновым, Шкуро, Домановым. Вместе с ними он ехал до Бадена, потом их пути разошлись. Красновых отправили самолетом в Москву, фон Паннвиц остался в Австрии. Мы ничего не знаем о его пребывании на Лубянке и суде над ним; известно лишь, что он был повешен в 1947 году вместе с Красновым и Шкуро.²⁶ Таким образом, английское правительство, по сути дела, обрекло на бессудную расправу и смерть немецких офицеров, взятых в плен английскими войсками и являвшихся военнопленными.

Основному составу корпуса предстояло повторить путь домановских казаков. Все приготовления были завершены к 25 мая.²⁷ Капитан Майкл Фрейер, в то время офицер разведки штаба 46-й дивизии, хорошо помнит, как тщательно разрабатывались планы операции. Было собрано большое число трехтонок, в каждой — по шоферу с напарником и по два охранника. Дорога, по которой предполагалось везти пленных, была освобождена, по всему маршруту расставили войска. Солдаты и оборудование набирались в пяти артиллерийских полках. Как и в случае с Домановым, англичане

и здесь применили обманный маневр, сказали казакам, что их переводят в новые лагеря в Италии. Для казаков это была приятная новость, означавшая, что они отдаляются от советской зоны; и посадка в грузовики прошла без всяких осложнений.

Примерно километров пятнадцать грузовики шли на юг, и на душе у казаков становилось все веселее. С каждой минутой они все дальше удалялись от своих врагов. Но вдруг головная машина колонны развернулась и с бешеной скоростью помчалась на север. Один за другим пролетали грузовики мимо стоящих на шоссе групп вооруженных английских солдат. Паника охватила казаков. На шоссе дождем посыпались часы, кольца, фотоаппараты. Кое-кто выпрыгнул из грузовиков (при такой скорости это означало неминуемую смерть). Рапорт об этом был подан в штаб дивизии.²⁸

46-я пехотная дивизия провела еще одну операцию — по возвращению отделившегося от корпуса полка казаков, не пожелавшего сдаваться англичанам. Это был 5-й Донской полк, единственный в корпусе, которым командовал русский — полковник Иван Кононов, первый советский офицер, добровольно перешедший со своим полком к немцам. Не слишком разборчивый в вопросах морали и дисциплины, Кононов был, можно сказать, духовным сыном Шкуро. В его штабе имелся личный палач, здоровенный парень с золотыми серьгами, наполовину грек. По первому знаку Кононова этот детина с готовностью всаживал 9 грамм свинца во всякого, кто имел несчастье не угодить его командиру. В момент сдачи корпуса англичанам Кононова в полку не было. Он был послан в качестве офицера связи к генералу Власову для переговоров об объединении различных антисоветских русских войск, действовавших в составе немецкой армии или параллельно с ней. В результате полковник избежал общей участи: сначала он отправился в Мюнхен, в американскую оккупационную зону, а затем эмигрировал в Австралию.²⁹

В отсутствие Кононова полком командовал подполковник Борисов. По неизвестным причинам, "бригада Кононова", как называли полк англичане, отказалась подчиняться генералу фон Паннвицу и его немецким офицерам и потребовала, чтобы англичане считали ее отдельным полком. Встав лагерем около Клайн Санкт-Пауль, они творили буквально чудеса дисциплинированности и собранности, быть может, рассчитывая покорить сердца англичан.³⁰ Вечером 27 мая английский офицер сообщил подполковнику Борисову, что в 8 часов утра всех офицеров полка перевезут в специальный лагерь в северной Италии, откуда им впоследствии разрешат эмигрировать в Канаду. Офицеры подчинились приказу. Если у кого-то и возникали подозрения, окружающие начинали тут же

втолковывать маловеру, что англичане — люди чести и никогда не допустят передачи пленных Советам... Казаков посадили в грузовики и отвезли в Юденбург, где офицеру НКВД был вручен поименный список полка. Оказались они все на том же металлургическом заводе. Среди офицеров было множество эмигрантов, таких, как капитан Анатолий Петровский, покинувший Россию в 1920 году вместе с армией союзника Англии, генерала Врангеля. Он провел 11 лет в лагерях и вернулся на Запад в 1956 году совершенно больным человеком.³¹

30 мая оставшихся солдат, не подозревавших о судьбе офицеров, вывезли в горы, в обнесенный проволокой лагерь в Брюкле. Полковник Деннис Уоррел, командир батальона, которому была поручена охрана лагеря, ясно помнит прибытие примерно тридцати "красивых парней". В ту ночь, при свете двух мощных прожекторов, казаки, охваченные радостными предчувствиями свободной жизни, пели и плясали до утра. У них был прекрасный оркестр, и английские охранники быстро подхватили и начали насвистывать заразительные казацкие мелодии. Наутро всех отправили на север, в лагере остался только оркестр — для увеселения отрядов, которым предстояло останавливаться в этом перевалочном пункте в ближайшие дни. От офицеров, сопровождавших конвои в Юденбург, полковник Уоррел слышал все те же рассказы об офицерах и солдатах, кончавших с собой по дороге или сразу по прибытии на место. В числе самоубийц был и командир бригады.³²

В течение недели после 28 мая 46-я пехотная дивизия передала НКВД в Юденбурге 17 702 казака. Сюда входят также немецкие офицеры, 47 женщин, 5 детей и 7 священников (по меньшей мере один из них позже умер в Караганде).³³ Аналогичная операция была проведена севернее, в районе, занятом отдельной 7-й танковой бригадой. В рапортах нет упоминаний о каких-либо инцидентах. В этом районе казаки находились на попечении бригадира К. С. Купера. Их лагерь был прекрасно организован по принципу самоуправления, там имелись школа, больница, оркестр. Так же, как и прочие английские командиры, бригадир Купер получил приказ о передаче казаков Советам, и его подопечным сказали, что они переезжают в новый лагерь в Италии. Все было устроено так, чтобы казаки до самого последнего момента не догадались об обмане: их повезли на юг, а потом кружной дорогой свернули к Юденбургу. И лишь когда первые лучи солнца забрезжили над горами справа, пленные догадались, что их обманули, но было уже поздно: грузовики на полной скорости подъезжали к Юденбургу. Подавленные и потерянные, казаки покорно двинулись грустной чередой через мост.

Эта операция вызвала отвращение у многих солдат 7-ой танковой бригады — не только потому, что среди жертв были женщины и дети, но и потому, что этим английским солдатам еще раньше представилась редкая возможность узнать кое-что о природе коммунизма. Бригада воевала в Италии бок о бок со 2-м Польским корпусом, и солдаты наслушались от поляков таких основанных на личном опыте историй о жестокости и варварстве Красной армии, что не могли, подобно Сартру и О'Кейси, просто отмахнуться от них. А совсем недавно, когда бригада заняла район, где раньше стояли части Красной армии, солдаты смогли лично убедиться в варварстве своих союзников. Примеры вандализма попадались на каждом шагу: то, что оказалось невозможно разбить или поджечь, было покрыто испражнениями. Бесценные канделябры, подобранные в домах и замках, сбрасывались вниз и разбивались. Деревянные сиденья с унитазов были сняты: офицеры отправляли их на родину.³⁴

Судя по всему, не все казаки были переданы в Юденбурге. Один офицер, вероятно из 15-го Казачьего кавалерийского корпуса, рассказывал соседу по нарам в воркутинском лагере, как он и его товарищи, вызвавшиеся воевать за союзников на Востоке, были доставлены на советскую территорию самолетом незадолго до начала выдач в Юденбурге.³⁵ Оснований сомневаться в правдивости этого рассказа у нас нет, но трудно понять, чем была вызвана столь необычная процедура репатриации. К тому же, в доступных нам английских документах никаких упоминаний о подобной операции не обнаружено.

Нам остается лишь описать выдачу казаков в районе, контролируемом 6-й танковой дивизией. Речь идет о части 1-й дивизии корпуса под командованием полковника Константина Вагнера.

Утром 26 мая генерал-майор Горацио Мюррей, командир 6-й танковой дивизии, провел совещание по определению процедуры выдачи казаков. Совещание состоялось в замке, где находилась штаб-квартира бригаадера Клайва Ашера, которому были поручены казаки. Генерал Мюррей не раз намекал своим офицерам, что не слишком огорчится, если казакам удастся бежать. Подобно своему прославленному тезке, адмиралу Горацио Нельсону, генерал знал, когда именно уместно поднести подозрную трубу к слепому глазу. Но теперь им были получены четкие приказы, и он должен был проследить за их выполнением.

Офицеры 6-й танковой дивизии реагировали на сообщение генерала совсем не так покорно, как их коллеги в 78-й дивизии. У многих инструкции вызвали нескрываемый протест. Полковник Робин Роуз Прайс из 3-го Уэльского гвардейского полка стал открыто возражать генералу и уступил только после длительной и бурной дискуссии. Мюррей, хотя

и не скрывал своего отвращения к планируемой операции, все же не собирался откровенно игнорировать приказ. Кроме того, он считал, что те казаки, которые хотели бежать, вполне могли это сделать после его намека немецким офицерам о предстоящей выдаче. После совещания офицеры отправились в лагерь, чтобы разработать детальный план операции: для ее успешного проведения была необходима самая тщательная подготовка. Только в 6 часов вечера полковник Роуз Прайс вернулся в штаб своего батальона в Розегге — чтобы отдать своим солдатам приказ "о выполнении самой неблагоприятной задачи, какую только можно было придумать".³⁶

Он был не единственным офицером в дивизии, которому предстоящая операция внушала отвращение. Пока полковник Прайс мрачно отдавал приказания своим солдатам, бригадир Ашер скакал на коне в Штирниц, к полковнику Константину Вагнеру. Он сообщил Вагнеру, что завтра казаков переводят в Вейтенсфельд, в лагерь за проволокой, и осведомился, сколько времени может занять такой переход. Вагнер ответил, что идти придется весь день — с 5 утра до 8 вечера: дороги в горах узкие, 10 тысяч конных не могут двигаться по ним быстро. Ашер, кивнув, уехал, а через два часа прискакал назад — проверить, как идут приготовления. Вагнер доложил о проделанной работе и затем, глядя бригадиру прямо в глаза, спросил:

— Господин генерал, я так понимаю, что лагерь за проволокой — это только первый шаг. Вторым будет выдача Советам, третьим — Сибирь. Не так ли?

Бригадир Ашер уклонился от прямого ответа:

— Мы ведь оба солдаты, полковник?

— Разумеется, господин генерал.

— В таком случае вы сами понимаете, что мы вынуждены подчиниться превосходящим политическим силам.

Вагнера навестил также симпатизировавший ему полковник Хиллс:

Я помню, как он спросил меня, передадут ли их Советам. Я мог ответить лишь одно: я не вправе говорить об этом, но, конечно, такой вариант не исключен. Но он и сам явно догадывался, к чему идет дело. Я подарил ему несколько форелей, пойманных в тот день в Гурке, и уехал.³⁷

И Вагнер решил бежать. Он был убежден, что немецкие офицеры все равно ничем не смогут помочь казакам в сибирских лагерях, да к тому же, наверняка, немцев и казаков пошлют в разные ИТЛ.

Старшим русским командиром в дивизии Вагнера был Владимир Островский. Вагнер все объяснил ему, рассказал о плане побега и посоветовал Островскому и другим казакам последовать его примеру. Затем, распрощавшись с Островским, он со своим денщиком-татаринем двинулся в горы. Вспоминая читанные в детстве истории Карла Мая об индейцах, он пробирался через густые чащобы и по забитым камнями руслам горных рек. После долгого изнурительного пути они пробрались в спасительную Баварию, в американскую зону оккупации.

В ту ночь мучительные сомнения и страхи не давали заснуть многим немцам, казакам и англичанам. Офицером связи между полковником Вагнером и штабом полковника Хиллса был молодой немец, граф фон Столберг. В ночь на 27 мая, вспоминает Хиллс, он

допоздна работал у себя в кабинете, когда адъютант объявил о приезде молодого Столберга. Граф вошел в кабинет с седлом в руках и сказал: "Генерал, насколько я понимаю, нас завтра выдадут русским. Они перережут нам глотки, но я хочу перед смертью подарить вам это седло: я ведь знаю, как вы любите лошадей". И с этими словами он ушел.

Позже Хиллс, к немалой своей радости, узнал, что Столбергу удалось бежать.³⁸

Среди рядовых казаков, ничего не подозревавших о своей судьбе, по-прежнему царил полная безмятежность, установившаяся в лагерях после сдачи англичанам в начале месяца. Лейтенант Гарри Мофф получил приказ со своим эскадром явиться в казачий лагерь и подготовить казаков к завтрашнему дню. В ту ночь никто в лагере не сомкнул глаз. Неведомо откуда появилась выпивка, и веселье длилось до утра. Вокруг подвыпившего Гарри Моффа с пением и гиканьем гарцевали казаки, и англичанину захотелось тоже попытать счастья на казачьем коне. То-то было смеху, когда норовистая лошадь сбросила неуклюжего кокни! Празднество кончилось на рассвете. Бледный, с раскальвающейся головой, Мофф построил казаков в ряд, и они двинулись по дороге.³⁹

Дорога усиленно охранялась, повсюду были расставлены отряды пехоты, транспортеры, патрульные машины. Один эскадрон был выслан в горы на розыски группы беглецов.⁴⁰ Местом назначения был большой, обнесенный проволокой лагерь в Вайтенсфельде, подготовленный к приему казаков Уэльским гвардейским полком. Поскольку все немецкие офицеры исчезли, майор Островский оказался старшим по званию и по прибытии в лагерь явился к полковнику Роузу Прайсу. Разговор велся

на причудливой смеси французского и немецкого, иногда приходилось обращаться за помощью к стоявшему поблизости офицеру-хорвату, уроженцу Америки. Островский спросил, что будет с ними дальше. Полковник ответил, что не знает; но хорват быстро сказал на своем родном языке, который Островский понимал, что всех казаков выдадут Советам. Островский попросил разрешения передать указания полковника казакам, которые еще были в пути, и поехал в штабной машине вдоль рядов конных казаков, сообщая страшную новость офицерам и советуя им бежать вместе с солдатами. Следуя этому призыву, казаки – группами и поодиночке – спешили скрыться за деревьями. Но дорога охранялась так усиленно, а колонна продвинулась уже так далеко, что остановить весь полк было невозможно. Вернувшись в лагерь, Островский с тяжелым сердцем следил за тем, как плотная колонна спешившихся казаков рассеивалась по лагерю в Вайтенсфельде.

В ту ночь среди офицеров царило отчаяние. Все уже знали о завтрашней выдаче, хотя официально это никак не было подтверждено. Большинство офицеров не спали, хотя и не выходили из палаток, избегая пронзительно ярких прожекторов, направленных на лагерь. Когда зашла речь о побеге, все единодушно решили, что невозможно бросить рядовых казаков. В 6 часов утра появился английский сержант с дубинкой и приказал офицерам вставать, но они отказались подчиняться, пока им не сообщат об их судьбе. Сержант заявил, что ничего не знает, и привел майора, который тоже отговорился незнанием. Впрочем, майор Брюс Гофф нашел старшего офицера и, вернувшись к казакам, подтвердил их худшие опасения: они подлежат репатриации в СССР. (Такая откровенность вполне отвечала тактике генерала Мюррея, который наотрез отказался участвовать в обманном маневре, предпринятом другими английскими дивизиями).

Слова майора Гоффа вызвали взрыв возмущения. Казачьи офицеры кричали, что они сдались в плен англичанам, а не большевикам, растолковывали ничего не понимавшему майору, что советские наверняка убьют их, предварительно подвергнув мучительным пыткам, что лучше немедленная смерть сейчас, здесь, от руки англичан, чем выдача Советам.

Пораженный этим неожиданным взрывом отчаяния, майор отправился к начальству за инструкциями и вернулся с группой старших офицеров во главе с полковником Роузом Прайсом. Островский узнал также полковника Джеймса Хиллса, сочувственно поглядывающего на него. За колючей проволокой уже стояла наготове колонна грузовиков. Полковник Прайс объяснил, что получил приказ вернуть всех казаков в СССР – и обязан этот приказ выполнить. Он тут же добавил, что маршал Сталин как будто пообещал амнистию всем, кто служил у немцев, и что самое

разумное для казаков — это мирно согласиться на выдачу советским властям и воспользоваться амнистией.

Казацкие офицеры встретили это заявление криками недоверия. Многие из них жили в СССР и хорошо знали цену словам Сталина. Опять раздались требования немедленно расстрелять их на месте или, по меньшей мере, выдать каждому пистолет с одним патроном. Полковник, отрицательно покачав головой, предложил майору Островскому отдать приказ о посадке в грузовики, но майор категорически отказался и сказал своим офицерам, что не намерен выполнять приказы англичан и они вольны делать, что хотят.

Тогда полковник Прайс отдал новый приказ: пусть те, кто готов подчиниться, отойдут вправо; те же, кто берет на себя смелость не выполнять приказы начальства — встанут слева, и их немедленно расстреляют. Оказавшись перед таким выбором, казаки растерялись. Среди них находилась молодая женщина, вдова полкового врача. С ней случилась истерика. Судорожно вцепившись в свои пожитки, она залезла в ближайший грузовик и, рыдая, упала на пол. Большинство офицеров тоже сели в грузовики, но человек 50, в том числе и Островский, остались. Есаул Буш подбежал к ним с криком: "Господа, поедем: лучше умереть от русской пули, чем от английской. Докажем большевикам, что казацкие офицеры умеют умирать!" Но его доводы не подействовали на офицеров, твердо решивших держаться до конца.

Тех, кто добровольно сел в грузовики, провезли примерно с километр, но потом машины остановились и стали ждать. Еще с полдюжины грузовиков стояли наготове. Однако группа Островского не собиралась сдаваться. Офицеры простились друг с другом, находившийся среди них священник благословил каждого. По его совету они сели на землю: расстрельная команда Узьского гвардейского полка уже стояла перед ними, и отец Федор Власенко справедливо заметил, что в сидящих на земле людей проще попасть. Минута шла за минутой, многие прощались с жизнью. Как писал позже один из казаков,

автоматы направлены против нас. Еще миг — и прощай жизнь! Переживания, связанные с приближением насильственной смерти, для меня были не новы, т.к. еще в 1918 году я был выводим ЧЕКА семь раз на расстрел. Как будто бы подобное положение должно войти в привычку. На самом же деле было далеко не так: каждый случай не терял характера новизны, каждый раз вся прошлая жизнь мгновенно пробегала перед глазами, каждый раз терялось восприятие внешнего мира,

казавшегося в то время фантазмагорией, чем-то искусственным и нереальным.

Кзаки стояли бледные и решительные, на лице майора Островского играла презрительная усмешка, священник утешал свою семнадцатилетнюю дочь Женю.

Выждав еще немного, полковник Роуз Прайс понял, что казаков сломить не удалось. Он послал вестового сказать офицеру, командовавшему "расстрелом", чтобы солдаты сложили оружие, и снова повторил казакам приказ садиться в грузовики. В это время к месту, где они стояли, подъехал огнемет, едва не сбив по пути двух уэльских гвардейцев, и начал поливать огнем траву прямо за казаками. Несколько секунд неистовый огонь пожирал траву и деревья, казаков опалило невыносимым жаром. Затем огнемет отъехал назад, оставив за собой черную полосу выжженной земли. Эта жуткая сцена повергла в ужас даже бесстрашных казаков, а у двух девушек, стоявших вместе с ними, началась настоящая истерика. С ротмистром Поповым, русским эмигрантом из Югославии, случился нервный припадок, с ужасным криком упав на землю, он бился в конвульсиях. Его тут же оттащили в ближайший грузовик.

В этот момент полковник Прайс сказал казакам, что передумал: их не расстреляют, но свяжут — если необходимо, то и с применением силы, — и посадят в грузовики, хотя бы они того или нет. К казакам направилась группа солдат, с дубинками, веревками и электрическим проводом в руках.

Такой поворот событий привел майора Островского буквально в бешенство. Ведь англичане только что получили неопровержимое свидетельство того, что казаки предпочитают смерть отправке в Советскую Россию! Вскочив на ноги, он бросился к полковнику и вылил на него ушат ругательств на смеси всех доступных ему языков, обвиняя англичан в невежестве и тупости, в торговле людьми и лицемерии, когда рассуждения о демократии, чести и порядочности не мешают приносить молоху коммунизма человеческие жертвы. Переводчик-хорват, запинаясь, переводил все это Прайсу.

В самый разгар своей обвинительной речи Островский услышал, как один из казаков за его спиной закричал, что лучше уж добровольно сесть в грузовики, чем ехать связанными. В этом определенно был смысл: без веревок они смогут сбежать по дороге или, на худой конец, покончить с собой. Отдав полковнику честь, Островский неожиданно объявил, что они готовы подчиниться команде и сесть в грузовики, и, повернувшись к офицерам, отдал приказ о посадке, объяснив причины столь внезапной

перемены. Казаки залезли в грузовики, а Островского куда-то повел майор Гофф. Куда именно — никто не знал, и некоторые решили, что командира повели на расстрел за оскорбление английского полковника. Впрочем, мысли их были заняты совсем другим: грузовики вот-вот отойдут, следующая остановка — после часа пути — пункт выдачи Советам.

Наверное, энкаведешники уже злорадно потирали руки в предвкушении их приезда. Казачий офицер по фамилии Сукало на ломаном немецком завел разговор с молодыми английскими охранниками в грузовике. Угостив их сигаретами, офицер коснулся темы о сталинском деспотизме. При упоминании имени генералиссимуса парни закричали: "Сталин — гут". Но когда Сукало возразил, что совсем наоборот — Сталин бандит, они снова заулыбались и закивали в знак согласия. Наконец, Сукало прямо спросил солдат, как уйти от репатриации, на что те, без всяких колебаний, предложили побег: через несколько километров дорога круто пойдет в гору, машина замедлит ход — вот тогда и надо прыгнуть и прятаться под деревьями. Конечно, им придется стрелять по беглецам, но охранники пообещали, что будут целиться выше голов. Похоже, в 6-й танковой дивизии все — от старших офицеров до рядовых зеленых солдат — относились к поставленной перед ними задаче с равным отвращением.

Колонна двинулась в путь. Сукало с замиранием сердца ждал подходящей минуты. Но, проехав километра два, машины вдруг остановились и с полчаса простояли на месте. Со своего места Сукало видел только следующий грузовик, на заднем фоне просматривались луга и проволока лагеря. Английские солдаты весело болтали — для них такая остановка ничего не значила, это в казацких сердцах всякая неожиданность порождала новые надежды и страхи. Накануне ночью они написали письмо протеста против выдачи — может быть, оно вдруг сработало? Или в дело вмешался фельдмаршал Александер со своей русской женой? А может, англичане просто ждут подкрепления, и тогда уж бежать и вовсе не удастся. Вдруг до них донеслись оживленные голоса. Группа английских офицеров подошла к грузовику Сукало, и казак увидел улыбающееся лицо Островского, которого, как они считали, увели на расстрел.

Но на самом деле, когда Островский согласился подчиниться приказу англичан, ему позволили ехать в Юденбург на его штабной машине. В сопровождении шофера-казака, денщика и своей верной таксы Островский сел в "фольксваген". В машине находился также английский солдат, не понимавший по-русски, и поэтому майор мог свободно общаться со

своими спутниками. Они единодушно решили при первой же возможности свернуть в пропасть или реку: лучше покончить с собой сразу, чем ждать мучительной смерти от руки большевиков. Шофер начал было заводить мотор, но сцепление не работало, даже помощь дюжих гвардейцев не могла заставить машину сдвинуться с места. Стоявшие поблизости майор Гофф и полковник Прайс приказали солдатам сесть в грузовики общей колонны, Островского же майор Гофф взял в свой джип.

Машина тронулась в путь. Островский, немного ободренный неожиданной задержкой, снова впал в уныние. Он думал о своей матери, живущей в Германии, и молился. Но тут вдруг за спиной послышался быстро приближавшийся треск мотоцикла. Майор Гофф приказал шоферу свернуть на обочину и подождать. Через секунду возле них остановился мотоцикл, с него прыгнул английский солдат и, подбежав к джипу, что-то возбужденно сказал майору Гоффу. Тот внимательно выслушал, отдал приказ шоферу, и джип, сопровождаемый мотоциклистом, повернул назад. Островский ничего не понимал. Через несколько минут они снова были в лагере. У ворот стояла толпа возбужденно переговаривающихся англичан. Когда джип остановился под деревьями, английский офицер принес Островскому чай, печенье и сигареты, сказав, что нужно подкрепиться. В который раз за день Островский почувствовал, что настал его смертный час: наверное, сейчас его расстреляют. Тот же самый офицер, что нагнал их на мотоцикле, подойдя к нему с какими-то бумагами, попросил Островского подписать их. Казак решил, что это последняя формальность перед расстрелом, но английский офицер, улыбаясь, сказал ему:

— Вы спасены, вам нужно заполнить эту анкету.

Пораженный Островский тут же осведомился о судьбе своих друзей, сидящих в грузовиках. Среди англичан опять поднялся шум, наконец, после оживленного обсуждения, к Островскому обратился старший офицер:

— Вы и все ваши друзья, белые русские и выехавшие за пределы Советского Союза до 1938 года, не подлежите выдаче, а потому пойдёмте записать всех ваших друзей.

Только теперь Островский понял, что спасен. Выйдя из джипа, он вместе с группой английских офицеров направился к шоссе, на котором стояли грузовики. Подойдя к заднему грузовику, Островский многозначительно сказал выглядывавшим оттуда офицерам:

— Господа, вы все приехали из России тогда же, когда и я.

Затем группа поочередно подошла к каждому из шести грузовиков. Везде задавались одни и те же вопросы и заполнялись одни и те же формуляры. Островский жестами и намеками давал понять офицерам,

как именно им следует отвечать: все они эмигранты, бежавшие из СССР задолго до войны, и потому не могут считаться предателями. Английский офицер, отвечавший за эту операцию и явно понимавший по-русски, посоветовал Островскому утихомириться, впрочем, одновременно намекнув, что вмешиваться не станет. Из-под брезента на втором грузовике выглядывало бледное несчастное лицо бедняги Попова, не вынесшего испытания огнеметом. Для него, бывшего царского офицера, служившего после революции во французском Иностранном легионе, это оказалось выше сил. Сошедшего с ума офицера отправили на скорой помощи в больницу.

Опрос казаков был чистой формальностью. Островский без всяких помех продолжал намекать своим коллегам, как им следует отвечать, а английские офицеры, задававшие вопросы, явно не желали вдаваться в суть дела. Майор Георгий Дружакин до сих пор дословно помнит всю процедуру. Английский офицер, подойдя к нему, осведомился, где Дружакин жил до войны. Услышав в ответ "во Франции", он задал по-французски несколько вопросов насчет расположения улиц в районе площади Италии, где жил Дружакин. Удовлетворившись ответами майора, англичанин спросил, откуда приехали остальные казаки.

— Они все старые эмигранты, вроде меня.

— А вот эти молодые ребята? Они-то ведь не могли родиться до революции.

Действительно, среди казачьих офицеров было немало молодых парней, бежавших из СССР, но Дружакин объяснил, что это дети эмигрантов, родившиеся в Югославии. По счастью, молодые люди за время пребывания в Югославии нахватались по сербско-хорватски, так что они сумели легко убедить офицера, проводившего опрос и с явной симпатией относившегося к казакам. В конце концов только трое — верно, по глупости — признали себя советскими гражданами, и их перевели в другой грузовик, где находились те, кто сел туда "добровольно".

Офицер, ведущий опрос, свистнул в свисток (Дружакин на всю жизнь запомнил этот звук), и мотор грузовика взревел. Казаки, оставшиеся в грузовиках, подняли крик: они тоже старые эмигранты, их тоже надо освободить. Но англичанин прокричал в ответ, что они добровольно сели в машины и должны ехать к месту назначения. Перед освобожденными офицерами на минуту мелькнули искаженные отчаянием лица их товарищей, а затем машины скрылись за поворотом. Среди уехавших действительно было много старых эмигрантов. Путь их лежал в центр СМЕРШа в Граце, а оттуда — в лагеря смерти в Кемеровской области, около сибирского города Томска.

Группа из пятидесяти офицеров вернулась в лагерь в Вейтенсфельде, обуреваемая различными чувствами. Тут были и радость неожиданного спасения, пришедшего буквально в последнюю минуту, и грусть об увезенных товарищах, и страхи, что и для них, быть может, опасность еще не миновала. Но англичане твердо заверили их, что теперь выдача Советам им не грозит. В тот вечер Дружакин, сняв фуражку, обнаружил, что совершенно лыс: от волнения у него выпали волосы. На другой день их отвезли на юг, в лагерь, где, к своему немалому удивлению, они обнаружили несколько тысяч русских эмигрантов. Полковник Рогожин рассказал приехавшим о полученных от англичан заверениях в том, что никто из лагеря Клейн Санкт-Вейт не будет выдан Советам. Действительно, через некоторое время всех обитателей лагеря освободили, и все они нашли приют на Западе.⁴¹

Между тем в Вейтенсфельде оставалось еще 4 тысячи казаков — рядовых и младших офицеров. Т.М.Х.Ричардс, капеллан Уэльского гвардейского полка, живо помнит свой визит к казакам. Многие пожилые казаки поразили его своим достоинством и импозантностью. Некоторые — вероятно, старые эмигранты, — говорили по-английски. На другой день их "без всяких инцидентов" посадили в грузовики и довезли до железнодорожной станции Гурк, где они пересели на поезд. 30 мая в три часа дня все, за исключением нескольких конюхов, оставленных для присмотра за лошадьми, отбыли в Юденбург.⁴² До самого города пленных сопровождали английские танки. Майору Уорру из 27-го Ланкастерского полка на пропускном пункте в Юденбурге офицер Красной армии (или НКВД) сказал, что всех казачьих офицеров расстреляют, а рядовых, если они будут работать, даже будут кормить.⁴³

Итоги операции 6-й танковой дивизии не слишком порадовали советских представителей. Все немецкие офицеры и множество казаков в результате намеков и предупреждений англичан бежали. Группа офицеров во главе с майором Островским была освобождена, а бригадир Ашер, в отличие от бригадира Мессона, наотрез отказался заниматься насильственной репатриацией женщин, и они были освобождены.⁴⁴ Обнаружив, что дневной улов намного ниже намеченной цифры, сотрудники НКВД в Юденбурге пришли в ярость и послали жалобу генералу Мюррею. В тот же вечер генерал созвал совещание по этому вопросу и приказал 1-му батальону Стрелкового корпуса прочесать местность в поисках бежавших казаков. Майор Говард возразил: у него под началом всего 700 человек, а работать придется в лесистых труднопроходимых горах!

— Сколько же вам нужно народу? — спросил генерал.

— Тысяч двадцать, — ответил майор, повергнув генерала в растерянность.

— Ну что ж, постарайтесь сделать все возможное, — буркнул он.

В конце концов люди майора Говарда нашли с десяток бежавших, из нескольких тысяч. Но ни Советы, ни генерал Мюррей не выразили по этому поводу никакого недовольства. Последний был даже вполне удовлетворен столь ничтожными результатами, а когда полковник Хиллс доложил бригадиру Ашеру о бежавших, тот "был очень доволен, что столько народу бежало", и сказал, что "не стоит на этот счет волноваться".⁴⁵

Наш рассказ о судьбе относительно небольшой части казаков, находившихся под контролем 6-й танковой дивизии, затянулся, и некоторые читатели могут сказать, что спасение 50 казаков из 50 тысяч русских, переданных НКВД в Австрии, — не такое уж крупное достижение. Но значение этого эпизода не ограничивается цифрами: история спасения Островского и его друзей доказывает возможность альтернативы политике Идена и МИД. Если бы все английские офицеры отнеслись к выдачам так же, как офицеры 6-й танковой дивизии, — большинство старых эмигрантов избежало бы незаконной репатриации.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Erich Kern. General von Pannwitz und seine Kosaken. Oldendorf, 1971, p. 161. A. Petrovsky. Unvergessener Verrat! München, 1961, pp. 145–146, 243–244.
2. См.: Erich Kern, указ. соч., стр. 20–21. Н. Бетелл ошибается, считая, что фон Паннвиц говорил по-русски (см.: Nicholas Bethell. The Last Secret: Forcible Repatriation to Russia 1944-1947. London, 1974, p. 77).
3. Gerald Reitlinger. The House Built on Sand. London, 1960, p. 343–347.
4. См.: Erich Kern, указ. соч., стр. 126–128. Об истории Казачьего корпуса см. также: Col. C. Wagner. Zur Geschichte des XV. Kosaken-Kavallerie-Korps. – Deutsches Soldatenjahrbuch 1972. München, 1972, p. 117–127.
5. См.: Erich Kern, указ. соч., стр. 159–161.
6. См.: Вячеслав Науменко. Великое предательство: выдача казаков в Лиенце и других местах (1945-1947), т. 2, Нью-Йорк, 1970, стр. 320.
7. Информация любезно предоставлена полковником Эндрю Хорсбрю-Портером.
8. The King's Royal Rifle Corps Chronicle, 1945. Winchester, 1946, p. 55; War Office [в дальнейшем: Архив военного министерства Великобритании], 170/5026 Фотографии сдачи оружия имеются в коллекции Имперского военного музея (25020-2). См. там же фильм А 927/2.
9. См. фото из Имперского военного музея (25019).
10. По сообщению Гарри Моффа.
11. О диспозиции сдавшегося в плен 15-го кавалерийского корпуса см.: Архив военного министерства Великобритании, 170/4184; В. Науменко, указ. соч., стр. 172–173, 321; A. Petrovsky, указ. соч., стр. 147, 225.
12. Сообщение полковника Хиллса. Рассказ предшественников Хиллса в кн.: Peter Huxley-Blythe: The East Came West (Calwell, Idaho, 1964, p. 97) неточен и, вероятно, основан на недоразумении.
13. Сообщение Джереми Пембертона. Полковник фон Рентельн был передан НКВД в Юденбурге 28 мая, некоторое время пробыл в лагере в Сталинске, южнее Новосибирска, и, по слухам, умер в тюрьме. (См.: В. Науменко, указ. соч., стр. 325). Фельдмаршал Александер впоследствии утверждал, что его статус посланника не был нарушен, поскольку не гарантировал неприкосновенности (Sven Steenberg. Wlassow: Verräter oder Patriot? Köln, 1968, p. 229).
14. Информация получена от покойного Эдуарда Рентона.
15. Информация получена от майора Артура Редли, офицера связи при штабе 8-й армии. Он познакомился с офицером фон Паннвица, майором Гиммигофеном, под Клагенфуртом.
16. См.: Архив военного министерства Великобритании, 204/7211; В. Науменко, указ. соч., стр. 146.
17. См.: Архив военного министерства Великобритании, 170/4241.
18. Выдача состоялась 28 мая (см. там же сообщение бригадира Клайва Ашера, который подтверждает причину выдачи).
19. См. там же, 170/4352.
20. Там же, 170/7211.
21. Там же, 170/4352.

22. См. там же, 170/4352, 4241.
23. См.: В. Науменко, указ. соч., стр. 137–138, 141, 321.
24. См. там же, стр. 137, 145.
25. См.: Архив военного министерства Великобритании, 170/4241. Несколько немецких офицеров бежали именно в это время. Розыскной бюллетень 46-й дивизии см. там же, 170/4353.
26. См. также: Николай Краснов. Незабываемое. Сан-Франциско, 1957, стр. 43, 64; Elich Kern, указ. соч., стр. 195–196. Рассказ казацкого автора о действиях фон Паннвица после его прибытия в Юденбург, по-видимому, плод авторского воображения (см.: В. Науменко, указ. соч., стр. 138–142).
27. См.: Архив военного министерства Великобритании, 170/4352.
28. Информация получена от М. А. К. Фрейера.
29. См.: S. Steenberg, указ. соч., стр. 217. Сообщение полковника Константина Вагнера. По его мнению, написанная К. Черкасовым биография Кононова – ненадежный источник.
30. См.: Архив военного министерства Великобритании, 204/7211.
31. Рассказы казаков – участников событий об этом эпизоде см. в кн.: А. Petrovsky, указ. соч., стр. 102–104, 267–273; В. Науменко, указ. соч., стр. 175–177.
32. Информация предоставлена полковником Денисом Уореллом. См. также: Архив военного министерства Великобритании, 170/5000; Laurence E. Stringer. The History of the 16th Battallion the Durham Light Infantry 1940-1946. Graz, n. d., p. 63–64.
33. См.: А. Petrovsky, указ. соч., стр. 103. Анализ всех статистических данных имеется в Архиве военного министерства Великобритании, 170/4353. В это же время было возвращено более 7 тысяч лошадей. Некоторое время после выдачи казаков лошади оставались на попечении казацких конюхов. Генерал-майор сэра Джон Винтертон вспоминает, что видел в это время табуны лошадей в советской зоне.
34. Информация предоставлена генерал-майором К. С. Купером.
35. Bernard Roeder. Katorga: An Aspect of Modern Slavery. London, 1958, p. 21.
36. Информация получена от генерала Горацио Мюррея и полковника Робина Роуза Прайса. См. также: Архив военного министерства Великобритании, 170/4337, 4982, 5026.
37. Информация получена от бригадира Клайва Ашера, полковников Джеймса Хиллса и Константина Вагнера.
38. По сообщению полковника Хиллса.
39. Информация получена от Гарри Моффа.
40. См.: Архив военного министерства Великобритании, 170/4631, а также 170/4832.
41. В основе рассказа об инциденте в Вейтенсфельде лежат опубликованные воспоминания казачьих офицеров: В. Островского, А. Сукало (см.: В. Науменко, указ. соч., стр. 143–171) и А. Протопопова (см.: А. Petrovsky, указ. соч., стр. 73–78). Использованы, кроме того, свидетельства очевидцев: майора Георгия Дружакина, бригадира Клайва Ашера и полковников Джеймса Хиллса, Робина Роуза Прайса и Генри Говарда и его преподобия Т. М. Х. Ричардса. См. также: Архив военного министерства Великобритании, 170/5026. В Имперском военном музее хранится кинолента с парадом уэльских гвардейцев в Клагенфурте 21 мая (A 933/2).

42. Информация получена от его преподобия Т.М.Х.Ричардса. По его словам, в то время было сделано множество фотографий. К сожалению, они, вероятно, либо утеряны, либо уничтожены. Как сообщил мне майор Льюис, адъютант полка, в полковых архивах фотографий не сохранилось.
43. См.: Архив военного министерства Великобритании, 170/4629. Информация получена от полковника Эндрю Хорсбрю-Портера.
44. См.: В. Науменко, указ. соч., стр. 152.
45. Информация получена от генерала Горацио Мюррея, бригадира Клайва Ашера и полковников Джеймса Хиллса и Генри Говарда.

Глава 11

ИНТЕРЛЮДИЯ: ТАЙНА, ОСТАВШАЯСЯ НЕРАСКРЫТОЙ

26 мая, за два дня до того, как казачьих офицеров обманом заманили в Шпиталь, некий чиновник британского МИД в официальном документе подтвердил, что англичане намерены передать советским властям "всех советских граждан". Формулировки документа точны и однозначны:

Те, кто по английскому закону являются советскими гражданами, подлежат репатриации... всякое лицо, не являющееся по английскому закону советским гражданином, не подлежит репатриации в Советский Союз, если только данное лицо не выражает желания вернуться.¹

Далее дается определение понятия "советский гражданин":

лицо, родившееся или проживавшее в пределах границ СССР до 1 сентября 1939 года и не принявшее другого гражданства или не получившее нансеновский паспорт, выдаваемый лицам, не имеющим гражданства...²

Согласно этому определению, миллионы русских, уехавших из России во время революции и гражданской войны и никогда не живших при советской власти, не являлись советскими гражданами и обозначались термином "старые эмигранты" — в отличие от "новых эмигрантов", то есть бывших советских граждан, бежавших из СССР. Все без исключения "старые эмигранты" либо не имели гражданства, либо были подданными государства, в котором жили, и хотя по рождению они были русскими,

никто не утверждал, что они являются советскими гражданами. Генерал Васильев на одном из заседаний советской комиссии по репатриации сказал, что советскими гражданами являются "все те, кто до плена или вывоза в Германию был гражданином какой-либо советской республики", и заявил, что только такие лица подлежат репатриации.³ Ни один старый эмигрант не имел права самовольно присвоить себе советское гражданство. Как объяснял один советский чиновник,

политика советского государства в этом вопросе предельно ясна. Формально всякий русский может претендовать на советское гражданство, но получить его не так-то просто. Его надо заслужить.⁴

Английское правительство с самого начала репатриации разъясняло различие между советскими и несоевскими подданными. Через несколько дней после того, как с нормандского побережья стали прибывать в Англию первые русские пленные, МИД пояснил, что "меры по репатриации не применяются к лицам советской (русской — Н. Т.) национальности, не являющимся советскими гражданами". Речь шла о лицах, "имеющих не советские или нансеновские паспорта".⁵ Это определение, принятое по совету Патрика Дина, МИД переслал в Госдепартамент США.⁶ Кристофер Уорнер в связи с этим заметил: "Мы не должны включать в нашу статистику русских эмигрантов, поскольку у них имеются нансеновские паспорта".⁷ Следовательно, позиция МИД была определена вполне четко:

Поскольку советское правительство просило о репатриации исключительно советских граждан, мы не можем проходить мимо случаев, когда нам становится известно, что репатриации собираются подвергнуть несоевского гражданина.⁸

Так, в соответствии с этой политикой, русских эмигрантов в Риме заверили, что они не подлежат репатриации.⁹ В марте 1945 года генерал Ратов попытался контрабандой протащить на судно, идущее в Одессу, одного белоэмигранта. Английские власти вовремя вмешались в дело, и выяснилось, что этот человек во время гражданской войны воевал в армии барона Врангеля, затем эмигрировал и 22 года прожил во Франции, не имея гражданства. Генерал Ратов немедленно отказался от каких-либо притязаний на эмигранта, сославшись на недоразумение, а Патрик Дин потребовал "заявить решительный протест советскому правительству", при этом, впрочем, добавив: "как только это окажется

возможно". Правда, сотрудник министерства А.И. Ламберт был вынужден санкционировать выдачу советским представителям одного бывшего белогвардейца, эмигрировавшего в 1920 году ("иначе Советы житья бы нам не дали"), но о том, чтобы официально придерживаться такой линии, не было и речи.¹⁰

И все же Николай Краснов и другие казаки, находившиеся в Австрии, подверглись насильственной репатриации, что поразило даже советских представителей. В Юденбурге советский генерал Долматов с удивлением спросил, почему осуществляется выдача старых эмигрантов,¹¹ которых, насколько ему известно, советские власти не требовали. В связи с этим один старый эмигрант рассказывает, как офицер НКВД, узнав, что стоящий перед ним казак до войны жил на Балканах, воскликнул: "Так вы эмигрант? Вы не подлежите эмиграции. Тов. Сталин не претендовал на старых эмигрантов. Почему вы здесь?"¹² А у подполковника СМЕРШа такое вероломство англичан, коварно обманувших своих друзей, вызвало приступ бурного веселья.¹³

Казалось бы, столь явное отступление от принятой линии объясняется двумя причинами: либо тут имело место трагическое недоразумение, либо эта уступка — результат продуманной политики. Как ни странно, почти никто из исследователей не занимался этим вопросом. По мнению казачьих авторов, это еще одно следствие английской политики умиротворения и предательства, но такая трактовка мало что объясняет. Лорд Хенки, бывший старший чиновник МИД, выражал "глубочайшее сожаление, что в жару и страшную неразбериху лета 1945 года оказалось невозможно... вдаваться в каждое индивидуальное дело", из-за чего и были совершены "отдельные ошибки".¹⁴ Кое-кто высказал предположение, что включить старых эмигрантов в число репатрируемых посоветовал англичанам генерал Доманов.¹⁵ Но английские офицеры, к которым он мог бы обратиться с таким предложением, утверждают, что ничего об этом не знают. Да и вряд ли генерал Китли нуждался в советах Доманова. Других предположений пока как будто не выдвигалось. Но независимо от того, был ли этот эпизод запланирован или же являлся трагической ошибкой, несколько тысяч ни в чем неповинных людей были, в результате, обречены на смерть или муки; и поэтому нелишне было бы узнать, кто же принял решение, приведшее к столь страшным последствиям.

Прежде всего следует отметить, что если считать это решение ошибкой, то ошибка была грандиозных размеров. Белоэмигранты отнюдь не затерялись среди многих тысяч казаков, находившихся под контролем 78-й дивизии английской армии. Среди казачьих генералов, переданных советским представителям в Юденбурге, один лишь Доманов был — по

советскому и английскому определению – советским гражданином. Остальные – Петр и Семен Красновы, Шкуро, Соломахин, Султан-Гирей, Васильев и многие другие – были известными эмигрантами, покинувшими страну после гражданской войны. По ведомостям Казачьего стана, не меньше 68% офицеров Доманова, или около 1 430 человек, являлись старыми эмигрантами.¹⁶ Среди рядовых и младших офицеров, а также женщин и детей, это соотношение существенно меньше, но вряд ли мы преувеличим, предположив, что по меньшей мере 3 тысячи обитателей Казачьего стана были старыми эмигрантами, не подлежащими репатриации.

Никак нельзя сказать, что старые эмигранты не старались привлечь внимание к своему статусу. Султан-Гирей прибыл в лагерь в Шпиттале в полной форме царского офицера,¹⁷ генерал Кучук Улагай размахивал перед всеми своим албанским паспортом.¹⁸ В Пеггече многие показывали майору Дэвису нансеновские паспорта и паспорта различных европейских стран.¹⁹

Вообще у командиров 36-й пехотной бригады и 78-й пехотной дивизии вполне могло создаться впечатление, что у казаков заправляют делом исключительно старые эмигранты. Буквально все казацкие представители, с которыми вступали в контакт генерал Арбутнот и бригадир Мессон – генерал Васильев, Николай Краснов, Ольга Ротова, капитан Бутлеров – были несомненно старыми эмигрантами. В военном дневнике бригады Мессона упоминается о наличии "царских эмигрантов" среди добровольцев, пришедших во власовскую армию.²⁰

Кроме того, это были не обычные эмигранты. Большинство представителей старшего поколения воевало в Первой мировой войне, в которой Англия и Россия были союзниками. Мало к кому из белых генералов англичане относились с таким почтением, как к Андрею Шкуро. 2 июня 1919 года он был награжден орденом Бани²¹ за героические действия, совершенные совместно с английскими войсками.²²

Конечно, с 1919 года мир сильно изменился. Казаки уже не были союзниками англичан, а Шкуро сотрудничал с немцами – хотя в основном чисто номинально.²³ И тем не менее – во всех приказах английского командования относительно выдачи казаков подчеркивалось, что не советские граждане выдаче не подлежат. 21 мая бригадир Мессон получил первый такой приказ из штаба 5-го корпуса от генерала Китли. Этот текст представляется нам крайне важным.

Тема: определение русских граждан.

В связи с обсуждением 21 мая в штабе 5-го корпуса вопроса о выдаче советских граждан.

1. В последнее время штаб получил сведения о случаях, в которых возникали сомнения по поводу того, следует ли считать членов некоторых формирований и групп советскими гражданами и репатриировать их в СССР. Ниже перечислены правила, которыми следует руководствоваться в этих случаях.

Члены русского "щуцкорпса" (в том числе и румыны) не считаются советскими гражданами впредь до последующих распоряжений.

Советскими гражданами считаются:

группа атамана,

15-й Казачий кавалерийский корпус (в том числе казаки и калмыки),

резервные отряды генерал-лейтенанта Шкуро,

кавказцы (в том числе мусульмане).

2. Отдельные случаи будут рассматриваться только в порядке исключения. При этом будут применяться следующие правила:
 - а) Всякое лицо, находящееся теперь в наших руках, примкнувшее ранее к немецкой армии или частям, воюющим на стороне немцев, и проживавшее в пределах СССР по состоянию на 1938 год, считается советским гражданином и подлежит выдаче.
 - б) Впредь до дальнейших указаний не считаются советскими гражданами лица русского происхождения, если они к моменту вступления в немецкую армию не проживали в СССР по крайней мере после 1930 года.
 - в) Во всех сомнительных случаях следует считать данное лицо советским гражданином.²⁴

Николас Бетелл в книге "Последняя тайна" замечает:

Приказ Китли, где говорилось о нераспространении репатриации на русских, не проживавших в России с 1930 года, противоречил его же собственному приказу от 24 мая, в котором четко указывалось, что все офицеры без исключения будут отосланы на родину. Именно приказ от 24 мая и имел реальную силу.²⁵

Приказ от 24 мая, в частности, гласил:

Чрезвычайно важно, чтобы все офицеры, особенно старшие командиры, были окружены и чтобы никто не мог бежать. Советские войска придают этому чрезвычайное значение. По-видимому,

обеспечение выдачи офицеров они будут считать проверкой доброй воли англичан.

Лорд Бетелл заключает из этого, что выдача белоэмигрантов производилась по прямому распоряжению генерала Китли, и нижестоящие офицеры просто подчинились его четким, хотя и несправедливым инструкциям. Но давайте ознакомимся с самим приказом. Вот что сказано в первом параграфе:

1. Определение.

В этом письме термин "казаки" употребляется по отношению к советским гражданам, которые воевали на стороне врага либо сотрудничали с ним. Сюда же относятся лица, приставшие к их лагерю, и немецкие офицеры.

Определение советского гражданина см. в письме штаба [5-го корпуса] 405/G от 21 мая.²⁶

Ссылка на это определение имеется и в оперативных инструкциях 78-й дивизии от 28 мая:

1. В соответствии с условиями Ялтинского соглашения, все советские граждане, находящиеся у союзников, подлежат возвращению в СССР.
2. В этом приказе термин "советские граждане" обозначает лиц советской национальности, включая и членов их семей, находившихся в лагере, которые воевали на стороне врага или сотрудничали с ним. Определение дано в письме штаба 5-го корпуса за номером 405/G от 21 мая, посланном только в 36-ю бригаду.²⁷

Бригадир Мессон и его штаб знали о всех этих приказах, но до командиров батальонов они не дошли. Мессон лишь сказал полковнику Малькольму, что "репатриации подлежат все", ни словом не обмолвившись о том, что на многих этот приказ не распространяется.²⁸ В подробном рапорте бригадира Мессона об операции, датированном 3 июля, в частности, говорится:

а) На Ялтинской конференции было решено, что все советские граждане, находящиеся на территории, занятой союзниками, подлежат возвращению в СССР. Командир 36-й пехотной бригады был уведомлен об этом обстоятельстве около 20 мая 1945 г.

б) Письмо 405/G от 21 мая 1945 г. послужило руководством к тому, кого считать советским гражданином. Следует отметить, что, хотя в этой директиве говорилось о рассмотрении индивидуальных случаев лишь в исключительных обстоятельствах, в 36-й пехотной бригаде были приняты все возможные меры, чтобы исключить несоветских граждан из числа репатрируемых...

Последняя фраза звучит весьма загадочно: если сие должно означать, что при выдаче казаков проводилась проверка гражданства, то это не соответствует действительности. Полковник Малькольм фактически не имел полномочий проводить проверку до завершения основной части выдач. Правда, майор Дэвис по собственному почину избавил нескольких человек от перевозки в Юденбург, но это был акт личного милосердия, не санкционированный штабом бригады — более того, штабу неизвестный. Приказ у полковника Малькольма был совершенно однозначен: все без исключения должны вернуться в СССР.

Но если, как было показано выше, в приказе, полученном Мессоном, четко оговаривалось, что репатриации подлежат только советские граждане, почему же около 3 тысяч старых эмигрантов были обманом доставлены на советский приемный пункт в Юденбурге? Бригадир Мессон, ныне генерал, объяснил автору, что он получил устный приказ начальства, уполномочивающий его выдать всех казаков, находящихся под его контролем, независимо от их гражданства. С его точки зрения, этот устный приказ полностью исключал всякую возможность не выдавать казаков, не являющихся советскими гражданами. Генерал Мессон объясняет:

В бригаде все уже какое-то время участвовали в активных операциях²⁹ и привыкли действовать по устным приказам, часто даже без всякого письменного подтверждения. Никому из нас не пришло бы в голову использовать письменные приказы для невыполнения переданных устных распоряжений. Я нисколько не сомневался в приказах, отданных мне командирами и старшими офицерами штаба.

Действительно, устные инструкции, полученные Мессоном, не допускали двух толкований:

У меня тогда сложилось впечатление, что все офицеры должны быть отосланы на Восток — мне и до сих пор так кажется. Это подтверждали все беседы с высшими командирами и их

штабами, и мне не раз говорили, что приказ исходит из штаба фельдмаршала Александра и является выражением политики правительства его величества... Повторяю, мне чрезвычайно ясно дали понять, что все офицеры подлежат выдаче и что до выдачи никаких индивидуальных проверок проводить не следует, во всяком случае, не в моем районе.

По утверждению генерала Мессона, именно это заставило его проигнорировать все вышеизложенные оговорки насчет исключения несоветских граждан из числа репатрируемых. Сам он вполне принял это объяснение. Действительно, проведение официальной проверки гражданства было связано с большими трудностями. При имевшихся скудных ресурсах сложно было разработать действенный механизм проверки и не менее сложно было организовать ее так, чтобы казаки ничего не заподозрили и не начались бы массовые побегі. Положение усугублялось тем, что подготовка к выдаче проводилась в очень быстром темпе.

Все это правда. Тем не менее, другие офицеры, связанные с этими операциями, говорили автору, что препятствия были преодолимы. Генералы Мюррей и Бредин и майор Дэвис, задачи которых были очень широки и разнообразны, от планирования операции до ее осуществления, не сомневаются в возможности проведения проверки в Пеггече. Ведь, в конце концов, у многих эмигрантов имелись иностранные и нансеновские паспорта. Еще существеннее то, что проверка гражданства считалась само собой разумеющейся. Во всех районах Италии и Австрии, контролируемых союзными армиями (за исключением случая, о котором идет речь), принимались меры для того, чтобы обеспечить возвращение на родину только тех освобожденных или взятых в плен русских, которые подпадали под условия Ялтинского соглашения. 6 мая штаб союзных армий дал точное определение понятия "советский гражданин". 22 мая штаб 5-го корпуса запросил вышестоящее начальство о подтверждении английской политики в этом вопросе. В тот день штаб ВКЭСС выслал им телеграмму со следующими разъяснениями:

1. Выдача всех советских граждан, которых возможно передать без применения силы, производится непосредственно 8-й армией.
2. Все прочие подлежат эвакуации в 12-ю армейскую группу.
3. Определение советского гражданина дано в майском письме штаба ВКЭСС... В отношении казаков следует обращаться к письму А 4073 от 21 мая.³⁰

В общем и целом проверка была всегда довольно приблизительной и в основном сводилась к подтверждению заявления пленного о том, что он не является советским гражданином.³¹ Правда, можно возразить, что трудно применить подобный метод к большой массе народа, как в Лиенце. Тут стоит рассказать историю двух формирований, о которых в этой книге еще не упоминалось.

В районе Санкт-Вейта и Шпитталя в плен английским войскам сдалась дивизия, в которой было около 10 тысяч украинцев. Это формирование было создано немцами в Галиции в 1943 году и называлось *Waffen SS Panzer Grenadier Division Galizien*. В начале 1945 года часть была переименована в 1-ю Украинскую дивизию под номинальным командованием украинского генерала Павло Шандрука. Такая перемена была связана с запоздалой попыткой немцев создать "третью силу" из антикоммунистических славян, но фактически командиром дивизии оставался генерал СС Фрейтаг, который вместе с другими немецкими офицерами предусмотрительно исчез перед сдачей в плен.

Пока дивизия поджидала прибытия войск 8-й армии, Шандрук, как в свое время Паннвиц, писал англичанам письма о том, что ждет его людей по возвращении в СССР, и просил не передавать их советским властям. Кроме того, он послал посредника к командующему польскими частями в Западной Европе генералу Андерсу с просьбой хлопотать за украинцев перед англичанами. 8 мая к англичанам отправился еще один парламентар, и дивизия сдалась в плен. Шандрук послал меморандум английскому верховному командованию, разъясняя положение украинцев как народа и утверждая, что их нельзя считать советскими гражданами.³²

Сам Шандрук бежал в американскую оккупационную зону, в Баварию. Дивизия же в составе 10 тысяч человек находилась под контролем английского 5-го корпуса в районе Шпитталя на Драве, в том самом злосчастном городе, где Доманов и другие офицеры Казачьего стана провели ночь с 28 на 29 мая по пути в Юденбург. Офицерам и солдатам Шандрука повезло больше. Их не выдали советским представителям, а перевезли в мае в лагерь в Белларии (Италия). Отсюда они в октябре были переведены в другой лагерь по соседству, в Кесенатико, и пробыли там до мая 1947 года.³³

Советская разведка знала о существовании этой дивизии, в состав которой входили и советские, и польские граждане. В июле на Потсдамской конференции Сталин лично потребовал, чтобы их вернули в СССР, и Черчилль пообещал уделить этому делу самое пристальное внимание. На совещаниях с фельдмаршалом Александером 18 августа и в последующие дни советский представитель по делам репатриации генерал Базилов

настаивал на репатриации этих "10 тысяч советских граждан" в соответствии с Ялтинским соглашением. Но английские военные власти провели тщательную проверку, и в ноябре мидовский чиновник написал, что в "Украинской дивизии советскими гражданами являются только 112 человек, остальные — лица со спорным гражданством". Короче говоря, всем тем украинцам, кто добровольно не согласился на репатриацию, позволили остаться на Западе. Несмотря на опасность протестов со стороны британского конгресса тред-юнионов, большинство их летом 1947 года приехало в Англию и получило там работу.

Украинская дивизия была крупной добычей, ускользнувшей от советских властей. То же самое случилось и с белоэмигрантским "щуцкорпсом" из Сербии. Это было единственное сохранившееся целиком формирование старой русской императорской армии. Когда армия Врангеля в 1920 году эвакуировалась из Крыма, многие ее офицеры и рядовые нашли прибежище в Югославии. Король Александр разрешил им поселиться в стране, оказал материальную помощь, позволил сохранить некое подобие армии. Здесь была даже собственная военная школа, где готовили офицеров для будущего антибольшевистского войска: белоэмигранты надеялись, что новое поколение подхватит идею борьбы за освобождение России.³⁴

После оккупации Югославии Германией в 1941 году Тито развернул подготовку к захвату власти в стране. Его партизаны, среди прочего, постоянно нападали на русских эмигрантов, и им в целях самообороны пришлось в 1942 году создать военное формирование из пяти полков, под командованием генерала Стейфона. Немцы, признав это формирование, снабдили его оружием и немецкой формой. Командиром стал полковник Анатолий Рогожин, бывший офицер личной охраны императора, участник гражданской войны. Когда в начале 1945 года немецкий Юго-Восточный фронт стал трещать по швам, корпус с боями отступил на север и вошел в Австрию одновременно с 15-м Казачьим корпусом фон Паннвица. 12 мая 1945 года Рогожин со своим полком сдался англичанам. Пленных содержали в Клейн Санкт-Вейте, в том же районе, что и фон Паннвица. Через год все эти 4500 человек были освобождены и получили разрешение поселиться на Западе.³⁵

И Украинская дивизия Шандрука, и корпус полковника Рогожина в основном состояли из русских по происхождению, но англичане решили, что Ялтинское соглашение к ним не относится. Они были ограждены от советских притязаний, а позже их распустили и разрешили остаться в свободном мире. Но почему же Шандрука и Рогожина не выдали советским властям в Юденбурге, вместе с Домановым и фон Паннвицем? Ведь они были в одинаковом положении?

Начнем с украинцев. Советы требовали их возвращения так же настойчиво, как и в других случаях. Более того, Сталин лично говорил об Украинской дивизии на совещании Большой тройки. В отличие от казаков Доманова, люди Шандрука до самой сдачи в плен яростно воевали против советских войск. Согласно условиям сдачи в плен, все военные формирования стран оси должны были оставаться на месте и сдаваться в плен противостоящей им союзной армии; то есть, строго говоря, Шандрук должен был бы сдать маршалу Толбухину. Наконец, Украинская дивизия, в отличие от казаков, формально являлась частью войск СС — это обстоятельство, казалось, должно было бы побудить Советы еще настойчивее требовать ее возвращения; и вряд ли англичане сопротивлялись бы такому требованию.

Не менее странно, что "шуцкорпс" тоже был избавлен от угрозы насильственной репатриации. Узнав о выдаче своих друзей-белоэмигрантов в Юденбурге, полковник Рогожин испугался, что теперь очередь за ним.³⁶ И хотя большую часть его корпуса составляли старые эмигранты, рассчитывать на это не приходилось, так как этот статус не помог генералу Краснову и сотням других офицеров.

Во время передачи казаков Советам никакой проверки ни в одном из полков, о которых мы рассказываем, не проводилось, так что никто не мог сколько-нибудь точно судить о соотношении советских граждан и лиц со спорным подданством. На самом деле среди украинцев был большой процент советских граждан — по оценке члена дивизии Микола Волинского, около 20%. Деннис Хиллс, английский офицер, владевший русским и проводивший проверку, приводит значительно большую цифру — свыше 50%. Люди полковника Рогожина в основном были белоэмигрантами и детьми эмигрантов, но, конечно, и здесь было немало советских граждан: корпус имел мобилизационный пункт в Одессе, во время ее оккупации румынами.³⁷

Еще до выдачи казаков десятитысячная Украинская дивизия была переведена из Австрии в безопасную Италию, а лагерь в Клейн Санкт-Вейте, выделенный приказом от 21 мая как не подлежащий репатриации, в это же самое время стал пристанищем для русских эмигрантов. Слухи о статусе рогожинского формирования, находившегося в Клейн Санкт-Вейте, дошли до Лиенца и лагерей 15-го Казачьего корпуса, и именно здесь полковник Вагнер советовал искать прибежище майору Островскому. Тот, правда, рассудил иначе; но многие пробрались сюда из Лиенца через горы, избежали судьбы своих товарищей,³⁸ спаслись, но так и не смогли понять, на каком основании англичане отобрали часть белоэмигрантов для репатриации, а другим разрешили остаться.

Мы не знаем мотивов, которыми руководствовался 5-й корпус при отборе "русских" частей для репатриации. Но выбор был сделан, причем сделан поспешно. Что касается украинцев, то тут на решение англичан могло повлиять обращение Шандрука к генералу Андерсу. Многие украинцы были подданными Польши, и вряд ли поляки, союзники Англии, сидели бы сложа руки и молча наблюдали за отправкой тысяч своих соотечественников в советское рабство. А что сказал бы Ватикан о принесении в жертву нескольких тысяч верных католиков? Сомнительно, чтобы реакция Ватикана дошла до ВКЭСС или штаба 5-го корпуса уже в начале мая, но генерал Шандрук и в самом деле воззвал к Папе, и 5 июля Папа обратился к союзникам с протестом против насильственной репатриации украинцев.³⁹

У рогожинских белоэмигрантов никаких влиятельных друзей не было. Как ни удивительно, но похоже, что корпус был спасен стараниями одного единственного англичанина. Полковник Рогожин, который мог бы рассказать всю историю с начала до конца, уже умер, однако один из его подчиненных описал мне их первую встречу с англичанами. В Австрии в месторасположение корпуса пришел отставной английский офицер, работавший для Красного Креста. Выяснив, кто эти люди и откуда они, он сказал, что служил в военной миссии при Белой армии и, как и они, считает их недавнюю борьбу против партизан Тито продолжением войны с большевизмом. Человек решительный и энергичный, он, преисполнившись готовности сделать все возможное ради старых боевых товарищей, отправился в полевой штаб. Какие аргументы пустил он в ход — нам неизвестно, но ему удалось зарегистрировать корпус как состоящий целиком из белоэмигрантов и потому не подлежащий репатриации. Этим офицером был полковник Уолтон Линг, заместитель представителя Красного Креста по помощи гражданскому населению в Северной Италии, в 1919-20 годах служивший при британской военной миссии офицером связи с Деникиным и Врангелем.⁴⁰

Мы не располагаем документами, которые могли бы пролить свет на то, как и на каком уровне было принято решение относительно корпуса Рогожина. Мы знаем лишь, что уже 21 мая корпус был окончательно объявлен не подлежащим экстрадиции. Но то, что протесты одного-единственного офицера, выраженные достаточно энергично, могли в тех обстоятельствах спасти сотни и тысячи жизней, подтверждается многочисленными примерами. Вот что рассказывает писатель Брюс Маршалл, бывший в то время подполковником и служивший под началом полковника Логана Грея в Австрии:

Однажды, в отсутствие полковника Грея, мне было приказано сообщить белоэмигрантам в наших лагерях, что им предстоит перевод в другие лагеря русских пленных. Затем мне надлежало погрузить их всех, в том числе женщин и детей, на грузовики, вывезти в советскую зону и передать советским представителям. Я заявил решительный протест, сказав, что это негуманный и не подобающий англичанину образ действий. Не знаю, в результате ли моего протеста (я видел, что старшему офицеру, отдававшему приказ, все это было столь же отвратительно, как и мне), но в ближайшие 48 часов приказ был отменен...⁴¹

Похоже, штаб 5-го корпуса умел балансировать на проволоке: когда кто-либо возражал против выдачи советским властям несоветских граждан, штаб поспешно отступал, и никаких дипломатических неприятностей не было. Вообще, всякий раз, когда английские офицеры посылали запросы относительно положения несоветских граждан, находящихся на их попечении, следовали инструкции по проведению проверки. Так были спасены в последнюю минуту майор Островский и его друзья. И вот как это произошло.

28 мая, перед переводом казаков в лагерь в Вейтенсфельде, — откуда их должны были отправить в Юденбург — казачий офицер Георгий Дружакин разговорился с командиром английского батальона майором Генри Говардом. Дружакин спросил англичанина, передадут ли их Советам. Майор, который и сам ничего не знал, ответил, что вряд ли. Позднее, уже в Вейтенсфельде, Дружакин упрекнул Говарда в обмане, но тот резко ответил, что он солдат и обязан подчиняться приказам. Дружакин спорить не стал, но попросил майора передать кое-что фельдмаршалу Александру:

— Спросите его, действительно ли в приказе сказано, что мы, старые эмигранты, воевавшие против большевизма с самой революции, должны вернуться назад. Я понимаю, что советские граждане должны вернуться, но неужели действительно приказ касается нас, старых царских офицеров?

Этот вопрос заставил майора Говарда призадуматься. Он долго размышлял над ним в ту ночь, а наутро поделился своими сомнениями с другими офицерами. На следующий день он присутствовал на конференции, устроенной бригадиром Ашером. Сам бригадир всячески старался определить категорию офицеров, которых можно было бы избавить от насильственной репатриации, и внимательно выслушал Говарда, поднявшего этот вопрос. Еще раньше, после сдачи казаков в плен, майор послал своему отцу, бригадиру Чарльзу Говарду, "весьма мрачный отчет о здешних

делах". В ответе сэр Чарльз заметил, что никакое правительственное соглашение не может требовать насильственной репатриации русских, бежавших за границу до нынешней войны. Клайву Ашеру это утверждение показалось долгожданной лазейкой. В письменных приказах, выданных 6-й бронетанковой дивизии, весь 15-й Казачий кавалерийский корпус (в котором служили майор Островский и его друзья) определялся как состоящий из одних советских граждан, но в следующем параграфе давалось определение советского гражданина как лица, проживавшего в СССР до 1939 или, по крайней мере, до 1930 года, — а под это определение старые эмигранты никак не попадали. Другой командир батальона, присутствовавший на этой конференции, отметил в своем военном дневнике:

Поскольку у нас в приказе четко оговорено, что только советские граждане подлежат возвращению в СССР, но в то же время наши подопечные классифицируются как советские граждане, эти два приказа очевидным образом противоречат друг другу, так как 50 казаков, о которых шла речь, не были в Советском Союзе с 1920 года.

Именно в это время майор Островский и 50 его офицеров отправлялись против своей воли в Юденбург. Грузовик с офицерами уже приставился в хвосте колонны, когда майор Говард примчался на своем джипе в лагерь. Пулей вылетев из машины, он побежал к полковнику Роузу Прайсу и объявил ему о новом повороте дела. Полковник, которому до крайности не нравилась поставленная перед ним задача, немедленно начал действовать.

Все бросились к телефонам, транспорт был остановлен, на другом конце провода тоже возникло полное замешательство — и наконец, пришел ответ, что отсрочка разрешена. Проверка принесла ожидаемые результаты: группа из 50 человек оказалась в категории несоветских граждан — среди них... был даже генерал.⁴²

Этот инцидент по-новому освещает не только события, имевшие место в районе 78-й дивизии, но и характер основных решений и намерений 5-го корпуса. Совершенно ясно, что устные приказы, которым бригадир Мессон придавал первостепенное значение, не дошли до бригадира Ашера, занимавшегося тем же, что и Мессон. Благодаря этому Ашеру удалось

спасти 50 человек. В этой связи стоит отметить, что офицерам 6-й бронетанковой дивизии было все равно, о каких русских идет речь — красных или белых. Более всего они хотели спасти ни в чем неповинных людей.⁴³

Иначе обстояли дела в районе 78-й пехотной дивизии. 20 мая или накануне бригадир Мессону сообщили, что согласно Ялтинскому соглашению "все советские граждане... подлежат возвращению в СССР". 21 мая Мессону было передано точное определение "советского гражданина". По-видимому, оно было послано в ответ на его запрос, поскольку текст гласил, что определение высылается из-за нескольких специфических случаев, донесение о которых поступило в штаб корпуса. Из другого источника мы узнаем, что "письмо 5-го корпуса 405 /G от 21 мая вручено только 36-й бригаде".⁴⁴ Вероятно, именно 36-я бригада Мессона запросила уточнения, в ответ на "многочисленные петиции" казаков, упомянутые в рапорте бригадира. Но 29 мая, через 8 дней после того, как бригадир Мессон получил запрашиваемое им определение советского гражданства, в его штаб в Обердраубурге было доставлено следующее послание из штаба 8-го Аргильского полка в Лиенце:

Вчера вместе с казачьими офицерами был вывезен Гермоген Родионов. Последние 15 лет он проживал в Париже и не является советским подданным. Он, по-видимому, учитель. Его семья живет во Франции, и в казачьем лагере он оказался по ошибке. Мы просим вашего совета. Очень вероятно, что в казачьем лагере находится целый ряд лиц, не являющихся советскими гражданами. Какие распоряжения есть насчет таких людей?⁴⁵

Бригадир Мессон уже больше недели знал, "какие распоряжения есть насчет таких людей", но не удосужился передать информацию. Запрос о Родионове был получен в 4 часа дня 29 мая. В это время французский учитель уже находился в руках СМЕРШа в Юденбурге. На эту судьбу его обрекли устные приказы, "имеющие первостепенное значение".

Противники проверки оперировали одним-единственным доводом: ее, де, трудно проводить. Но в отношении казачьих офицеров это совершенно не соответствовало действительности. Большинство их были старые эмигранты, и ничего не стоило провести среди них проверку, когда они были собраны вместе в Шпиттале 29-30 мая.⁴⁶ Тут возникает еще одно невыясненное обстоятельство. Сегодня генерал Мессон откровенно признается, что в районе его бригады никакой проверки не проводилось. По его словам, это было неосуществимо, да и к тому же — он ведь получил устные приказы, в которых не имел права сомневаться. Однако вскоре

после выдачи, 3 июля, штаб его бригады составил подробное описание операции, в котором было сказано следующее:

В 36-й пехотной бригаде были приняты все возможные в данных условиях меры для того, чтобы несоветские граждане не оказались среди лиц, переданных советским властям. В статистику было включено неизвестное количество перемещенных лиц, не являющихся советскими подданными... Отсутствие документов, а также скорость и секретность эвакуации, исключали возможность исчерпывающей проверки, однако во время эвакуации были приняты меры по отделению лиц, явно принадлежащих к этой категории.⁴⁷

На самом деле ничего подобного не происходило. Проверка гражданства казаков началась только 4 июня, и тогда же полковник Малькольм впервые услышал о том, что выдаче подлежат лишь советские граждане. После этого в пеггецком лагере была открыта канцелярия, где старые эмигранты могли зарегистрироваться, представив документы — настоящие или фальшивые — о том, что они не являются советскими подданными.⁴⁸ Затем казаков разделили: в Пеггече остались зарегистрированные старые эмигранты, а ниже в долине устроили лагерь для новых эмигрантов.⁴⁹ Однако это мероприятие бригадный штаб провел лишь после того, как основной состав казаков был благополучно передан Советам.

В общем создается впечатление, что казаки в долине Дравы оказались в особой категории. Они являли собой наименее военное из всех русских формирований, содержащихся в Австрии, они единственные не воевали на Восточном фронте, среди них, как было известно, исключительно большой процент составляли не советские граждане — и несмотря на все это они были выданы. На батальонном уровне офицеры 78-й дивизии вообще не подозревали о разнице между старыми и новыми эмигрантами, а старшие офицеры, бывшие в курсе дела, получили приказы, которым были вынуждены подчиниться.

78-й пехотной дивизией командовал генерал-майор Роберт Арбутнот. Подполковник Г.И. Бредин, работавший тогда в штабе дивизии, отвечал за моральное состояние солдат. Ему по долгу службы пришлось принимать жалобы со всех сторон (в том числе и от его собственного батальона) по поводу предполагаемой репатриации казаков, и он, в свою очередь, сообщил Арбутноту, какое настроение царит в дивизии.

— Я полагаю, сэр, это будет очень трудная операция, и я не знаю, как поведут себя солдаты в случае сопротивления со стороны казаков.

— Я прекрасно все понимаю, — ответил Арбутнот. — Посмотрим. Мне это тоже крайне не нравится, но, разумеется, все может пройти вполне гладко, и наши страхи окажутся напрасны.

Больше генерал ничего не сказал, но позже Бредину стало известно, что после этого разговора Арбутнот направился прямо к командиру корпуса генерал-лейтенанту Китли и высказал резкие возражения против задачи, порученной его дивизии. Бригадир К.И. Трайон-Вильсон, служивший тогда в штабе 5-го корпуса, помнит, как Арбутнот несколько раз являлся с протестами, причем выражался настолько резко, что генерал Китли в конце концов был вынужден строго приказать ему подчиниться. Арбутнот уступил и вернулся в штаб, решив, что по крайней мере операцию следует провести по возможности бескровно.⁵⁰

После главных выдач 1-2 июня тысячи казаков бежали, и англичане выслали в горы патруль для окружения беглецов. Отношение солдат к поставленной перед ними задаче во многом определялось личными качествами их командиров. Некоторые ограничились беспорядочными поисками, окружая тех казаков, которые буквально сами шли к ним в руки, другие же убивали или калечили тех, кого не могли поймать. Всего в июне было поймано 1356 казаков и кавказцев (общее число беглецов оценивается в 4100 человек).⁵¹ В порядке исключения штаб бригады позволил советским представителям, — вероятно, сотрудникам СМЕРШа, — контролировать поисковые операции. О таком советском представителе рассказывает капеллан Аргильского полка Кеннет Тайсон:

Он был в военной форме, но, насколько я помню, без всяких знаков различия. Он настоятельно предлагал свои услуги в качестве переводчика, хотя по-английски говорил с запинками и обладал скудным запасом слов. Нельзя сказать, чтобы он проявлял навязчивость, но у солдат сложилось впечатление, что он прислан сюда следить за выполнением операции.

Тайсон подчеркивает, что советский офицер был больше похож на чиновника, чем не офицера. Но "чиновники" такого рода имели оружие и стреляли по бежавшим казакам. Вероятно, это единственный случай, когда английским солдатам было приказано сотрудничать с работниками СМЕРШа в охоте за русскими беглецами.⁵²

В 6-й бронетанковой дивизии все было совсем иначе. Там генерал-майор Горацио Мюррей сам предупредил немецких офицеров корпуса фон Паннвица об ожидавшей их участи, явно рассчитывая, что они не замедлят скрыться. Получив приказы, он "не делал никаких попыток

выяснить, как надлежит выполнять их". Ему казалось, "что чем они туманнее и расплывчатее, тем лучше". В районе, контролируемом дивизией Мюррея, побегі были самым обычным делом. "Я знаю, что мы потеряли множество русских, — объяснил генерал. — Охраны никакой не было". Но на просьбу советских допустить сотрудников СМЕРШа к участию в поисковых операциях он ответил категорическим отказом.⁵³ Невозможно точно сказать, сколько человек спаслось в результате, но цифра эта, несомненно, приближается к нескольким тысячам и составляет большую часть казаков, находившихся под контролем дивизии.⁵⁴

Впрочем, такое разное отношение к делу двух командиров интересно не только в плане реальных последствий. Генерал Арбутнот протестовал против отданных ему приказов — и подчинился им. Генерал Мюррей протеста не выразил, но сделал все, чтобы свести до минимума эффективность этих приказов. 78-я пехотная дивизия генерала Арбутнота приняла чрезвычайные меры предосторожности перед главными операциями, во время и после них, чтобы обеспечить выдачу казаков советским властям. Напротив, в районе 6-й бронетанковой дивизии приказы выполняли с прохладцей, то и дело их нарушая. Однако никто не попрекнул этим ни генерала Мюррея, ни бригадира Ашера. Не получили они и ничего похожего на устный приказ, отданный бригадиру Мессону и отменяющий проверку. Совсем наоборот. Едва в Вейтенфельде были обнаружены старые эмигранты, 5-й корпус начал проверку гражданства.

Контраст окажется еще большим, если взглянуть на отношение англичан к казачьим командирам. Полковник Вагнер, второй по старшинству офицер Казачьего кавалерийского корпуса, бежал без всяких помех. Все данные говорят за то, что и генерал фон Паннвиц мог при желании скрыться. И, как мы убедились, возможность избежать репатриации была предоставлена не только немецким офицерам корпуса (все это не вызывало никаких протестов в штабе 5-го корпуса). Напротив, в 78-й дивизии были приняты чрезвычайные меры по предотвращению побегов старших командиров. В частности, генералы Краснов и Шкуро с самого начала находились на особом положении. Англичанам было чрезвычайно важно заманить Краснова на "конференцию". Как вспоминает переводчик Бутлеров, майор Дэвис, сообщая Доманову о "конференции", добавил: "...Пожалуйста, не забудьте предупредить генерала Краснова: командующий [Александр] очень заинтересован встречей с ним".⁵⁵ Около полудня

в гостиницу ген. Доманова явился английский генерал высокого роста и еще раз подтвердил приказ, данный майором Дэвисом, и

добавил: "Пожалуйста, не забудьте передать мою просьбу и старику Краснову. Вас очень об этом прошу".⁵⁶

Единственным высоким английским генералом в том районе был бригадир Мессон, но он категорически утверждает:

Я не приезжал к Доманову и понятия не имею, кто мог там побывать 28 мая. Все мы носили тогда полевую форму, рубашки или свитера с минимальными знаками различия, так что иностранец вполне мог ошибиться в чине.

Быть может, "генерал", о котором идет речь, на самом деле был штабным офицером или офицером разведки из дивизионного или корпусного штаба?⁵⁷

Похоже, что генерал Краснов на протяжении всей этой тонкой операции оставался объектом особо пристального внимания. Его машина первой выехала из Лиенца. По прибытии в Шпиталь английский офицер, сверяя имена казачьих генералов и штаба по списку, специально поинтересовался, здесь ли генерал Краснов.⁵⁸ Его, впрочем, невозможно было ни с кем перепутать: возраст, ордена и уважение, оказываемое ему казаками, безошибочно выделяли его из общей массы. Полковнику Брайару передали последнюю петицию об отсрочке, написанную по-французски генералом Красновым, с просьбой отослать копии королю Георгу VI, архиепископу Кентерберийскому и в штаб-квартиру Международного Красного Креста. Полковник согласился и, несомненно, сделал это, однако никакого следа петиции в архивах нет: она наверняка не попала по назначению.⁵⁹

Советские коллеги не меньше англичан были заинтересованы в том, чтобы генерал Краснов без помех проделал путь к выдаче. И встречавший казаков полковник НКВД первым делом осведомился, "кто в этой группе генерал Краснов".⁶⁰

Второй по популярности среди казаков фигурой был легендарный Андрей Шкуро. В отношении него тоже были приняты специальные меры предосторожности. За две ночи до "конференции" Шкуро ворвался в спальню генерала Соломахина и, чуть не плача, рассказал, что англичане хотят арестовать его и передать Советам. Действительно, на рассвете за ним явились английские солдаты и увезли его в джипе в Шпиталь, где его содержали под строгим арестом в помещении возле барачков. Когда на следующий день прибыли остальные казачьи офицеры, его не перевели к ним. Он оказался вместе с другими только 29 мая, при отъезде в Юденбург, где офицеры СМЕРШа встретили его с тем же вниманием, что и Краснова.

Чем можно объяснить такое отношение к Шкуро? В официальных английских документах сказано просто:

Генерал Шкуро (из казачьего резервного полка) был послан в Шпитталь на два дня раньше, так как продвижение его полка закончено. Полк перешел под командование генерала Доманова.

В рапорте имеется в виду переброска полка Шкуро 20 мая из Тамсвега в Лиенц.⁶¹ Однако это объяснение представляется неубедительным. С какой стати нужно было поручать Доманову, под командованием которого и без того находилось уже около 25 тысяч человек, еще и функции командира резервного полка? Трудно поэтому не придти к выводу, что Шкуро, арестованный в тайне от казаков,⁶² для того и был арестован, чтобы не смог убежать.

Наверное, мы докопались бы до правды, если бы не таинственное исчезновение двух важных документов, о которых можно судить по краткой записи в военном журнале 36-й бригады:

Примечание: описание казачьих сил в целом и участия генерала Шкуро в организации в частности см. в двух письмах, написанных им командиру 36-й пехотной бригады и переданных в 78-ю дивизию в досье "Письма 129 (G) 36-й пехотной бригады от 23-24 мая".⁶³

Но в военных дневниках бригады этих писем нет — они пропали. Генерал Мессон напоминает, что получал какое-то послание Шкуро, но подробности выветрились из его памяти.

Из краткого описания можно понять, что Шкуро пространно объяснял в письме положение казаков и цели их борьбы. Он рассказывал также о себе, о том, что после победы коммунистов в 1919 году он постоянно живет за границей. Эти письма наверняка были доставлены генералу Арбутноту и, скорее всего, генералу Китли. Если бы они сохранились, у нас были бы неопровержимые доказательства того, что английское высшее командование в Австрии прекрасно знало о незаконности выдачи Шкуро Советам.

Генерал Китли впоследствии заявил, что если белоэмигрантов и выдавали Советам — то лишь по ошибке, и присутствие в генеральских бумагах писем Шкуро безусловно противоречило бы этому утверждению.

Похоже, что судьба Шкуро была решена на конференции штаба 5-го корпуса утром 21 мая, поскольку он единственный из казаков назван в приказе как подлежащий репатриации. Поэтому, когда один кавказец-офицер в лагере в Шпиттале, в гражданскую войну служивший под началом Шкуро, раздобыл себе паспорт, удостоверяющий югославское гражданство,⁶⁴ полковник Брайар тотчас освободил его, не запрашивая никаких инструкций. Но тот же полковник категорически отказался освободить Шкуро, имевшего иностранный паспорт.

Подводя итоги, можно сказать, что передача офицеров в Лиенце вообще и Краснова со Шкуро, в частности, была не ошибкой, совершенной каким-нибудь заваленным работой штабным офицером в минуту стресса, но тщательно спланированной операцией. Меры предосторожности по изоляции казачьих офицеров от солдат были применены только к войскам Доманова, и поэтому объяснение, будто это было вызвано необходимостью предупредить организованное сопротивление, звучит просто отговоркой. На самом деле все эти особые меры принимались для того, чтобы обеспечить выдачу Советам царских генералов, которых так жаждали заполучить Меркулов и СМЕРШ.

Следует отметить еще одно важное обстоятельство. 28 мая один казак в Шпиттале увидел в руках у английского солдата красивый кинжал и шашку, принадлежавшие Шкуро.⁶⁵ Забавное упоминание об этом оружии имеется в инструкциях штаба 78-й дивизии:

Относительно шашки генерала Шкуро. Ее пока не следует передавать Советам. Подлежит хранению в 78-й дивизии в ожидании дальнейших инструкций... Шашки других офицеров подлежат передаче в соответствии с предыдущими инструкциями.⁶⁶

Вероятно, местом назначения шашки был тот же самый музей МВД, который стал пристанищем и для формы генерала Краснова.⁶⁷

Итак, мы пришли к выводу, что речь идет не об ошибке, а о тщательно разработанном плане. Но если это действительно так, то кто принимал решение? К сожалению, ответить на этот вопрос не просто. Чем выше мы поднимаемся по командной лестнице, тем скуднее становятся документы и свидетельства. Тем не менее ясно, что решение исходило из штаба 5-го корпуса, где все факты были прекрасно известны. Мы уже отмечали, что послания Шкуро были получены в штабе 78-й дивизии, — однако мы не знаем, были ли они переданы в 5-й корпус и при каких обстоятельствах они пропали из архивов.

Вскоре после выдачи казаков командующий 5-м корпусом генерал Чарльз Китли представил свою собственную версию событий. В июле работники английского Красного Креста в Австрии получили сообщение о том, что английская армия применяла силу при выдаче пленных, причем многих репатриированных Советы, вероятно, расстреляли сразу же после выдачи. В сообщении говорилось и о том, что среди переданных Советам были русские белоэмигранты, ранее жившие в Западной Европе. Все это находилось в таком вопиющем противоречии с принципами Красного Креста, что встал вопрос об отзыве персонала Красного Креста из британских войск в Австрии. Это было крайне неприятно. Красный Крест играл важную роль, и англичане не могли допустить публичного скандала, да еще на тему, явно неподходящую для ушей общественности. Генерал Китли лично договорился о встрече с леди Лимерик, заместителем председателя военной организации английского Красного Креста. Вот что она рассказывает:

На мой вопрос, как обстоит дело с перемещенными русскими... он ответил, что были два инцидента, из-за которых и возникла вся история. Во-первых, несколько тысяч казаков были взяты в плен (последние три с половиной года они воевали в рядах немецкой армии, носили немецкую форму и являлись военнопленными). С ними было около полутора тысяч русских мужчин, женщин, детей. Они представляли собой вооруженное формирование, разделенное на полки. Согласно ранее установленной линии, было решено вернуть этих людей в СССР. Очевидно, некоторые сопротивлялись, но, как сказал генерал, дело обошлось двумя выстрелами и никто при этом не был ранен. Затем пленные были опрошены и согласились вернуться на советскую территорию со своими женами и детьми. Мужчины вернулись без какого бы то ни было нажима, женщины сначала протестовали по наущению священника, но затем последовали за ним в поезд. Английский офицер, сопровождавший их до советской территории, слышал, как представитель советских сил объяснил, что они теперь подлежат перевоспитанию, чтобы стать хорошими советскими гражданами, что им придется как следует поработать, но наказывать их никоим образом не будут. Нет никаких доказательств того, что их расстреляли. Я спросила, известно ли ему, где жили казаки, о которых идет речь: в районах СССР, оккупированных немцами, или же они жили до войны в Центральной Европе... Он сказал, что не знает

и выяснить это невозможно — не исключено, что кто-нибудь из них и был белоэмигрантом, но никаких доказательств этого нет, и единственный непреложный факт — это то, что они воевали в немецкой армии.⁶⁸

На основе этого разговора леди Лимерик написала благожелательный отчет для Красного Креста, и дело было закрыто.⁶⁹ С тех пор версия генерала Китли была принята за официальную. 14 мая 1952 года подполковник Освальд Стейн в письме в "Таймс" опровергает обвинения, выдвинутые другой влиятельной леди, графиней Атольской. Стейн, занимавший в 1945 году ответственный пост в Союзной контрольной комиссии в Австрии, утверждает, что "в английской зоне Австрии единственными русскими, репатрированными против их воли, ... были граждане СССР". Он повторил это утверждение через два года в статье на ту же тему.⁷⁰

Приказал ли Китли собственной властью провести операцию, или он, в свою очередь, получил инструкции сверху? А если так, то насколько люди, отдававшие приказы, были осведомлены о присутствии в Лиенце белых генералов? Устный приказ игнорировать инструкции о проверке гражданства пленных бригадир Мессон получил, вероятно, 26 мая. Следовательно, утверждение в рапорте Мессона от 3 июля, что проверка проведена, было сделано с целью ввести кого-то в заблуждение. Но кого? Есть серьезные основания полагать, что таким образом в неведении держали фельдмаршала Александра, которому 14 мая Китли писал:

По совету Макмиллана, я сегодня предложил советскому генералу из штаба Толбухина передать Советам всех казаков сразу. Я объяснил, что не в моей власти сделать это без вашего разрешения, но что мне хотелось бы знать точку зрения Толбухина, и, если она совпадает с моей, то я обращусь к вам с официальным запросом. Я не вижу смысла задерживать этот огромный контингент советских граждан, которые безусловно являются источником разногласий между нами и Советами.⁷¹

Александр разрешения не дал. Через три дня, 17 мая, в телеграмме Объединенному комитету начальников штабов, он запросил инструкции относительно сдавшихся в плен казаков:

С целью ослабить скученность в южной Австрии нам срочно нужны инструкции относительно размещения примерно 50 тысяч казаков, в том числе 11 тысяч женщин, детей, стариков. Они

были частью немецких вооруженных сил и воевали против союзников... Немедленное возвращение их в страну их происхождения может оказаться губительно для их здоровья. Прошу как можно скорее сообщить решение относительно их размещения.⁷²

Совершенно ясно, что Александр не знал, что делать: иначе почему бы он стал требовать инструкций по вопросу, который, по всей видимости, уже был решен кабинетом в сентябре?⁷³

Срочность, о которой упоминает Александр, объяснялась в значительной степени необходимостью решить проблему размещения и содержания казаков. К тому же, их присутствие прямо за линией фронта могло бы осложнить ситуацию в случае возможного конфликта между английскими и югославскими войсками. Поэтому англичане развернули подготовку по переводу казаков под контроль 13-й армии США, в южную Германию.⁷⁴ Параллельно с рассмотрением этих планов и последующим отказом от них, миссия Объединенного комитета начальников штабов в Вашингтоне настаивала на решении вопроса на высшем уровне, отмечая в то же время, "что на казаков распространяется Ялтинское соглашение о репатриации советских граждан, попавших к нам в руки".⁷⁵

18 мая Объединенный комитет начальников штабов обсудил запрос Александра. Но дебаты продолжались и в конце месяца.⁷⁶ 29 мая фельдмаршал Алан Брук подтвердил, что Объединенный комитет начальников штабов высказался за возвращение казаков. Тем не менее, через два дня было заявлено, что "до сих пор не выработана согласованная линия по передаче соответствующим властям коллаборационистов и членов полувоенных организаций союзной державы". Только 20 июня Объединенный комитет начальников штабов одобрил предлагаемую политику, но к этому времени операции уже были завершены.⁷⁷

Обсуждение вопроса не поспевало за событиями. В середине мая в Граце было заключено соглашение с советским представителем о выдаче казаков, и Александр сообщил военному министерству, что "вопрос о передаче СССР и Югославии их граждан согласован".⁷⁸ 23 мая штаб 5-го корпуса начал переговоры с советскими представителями, а 24 мая в Вольфсберге были намечены маршруты и приемные пункты.⁷⁹

Что именно заставило Александра самостоятельно принять решение, неясно.⁸⁰ Главная документация по этому делу до сих пор засекречена, но имеющиеся у нас данные заставляют предположить, что Александр отложил бы выдачу, если бы имел четкий приказ об этом. Два месяца спустя он выражал серьезную озабоченность судьбой нескольких сот

казаков, взятых в плен после главной выдачи в Лиенце. Число этих людей было невелико. Все они были взрослыми мужчинами, все они подверглись проверке, в ходе которой было неопровержимо установлено их советское гражданство, и, соответственно, они подпадали под приказ, в силу которого большинство казаков уже было отправлено на родину. Так что их дело, по сравнению с судьбой тех многих тысяч казаков, которые были выданы Советам в мае, выглядит пустяковым. И все же Александер писал в частном письме сэру Алану Бруку:

До сих пор я отказывался применять силу при репатриации советских граждан, хотя полагаю, что вряд ли имею право занять такую позицию. Тем не менее я буду продолжать следовать этой линии, пока мне не дадут приказа изменить ее. Я уже запрашивал инструкции по этому вопросу, но до сих пор не получил ответа. Я надеюсь, вы согласны с моей позицией, в противном случае я рассчитываю, что вы дадите мне об этом знать.

Тогда же — 23 августа — он написал в военное министерство, требуя, "несколько изменить соглашение, с тем чтобы на данный период считать этих людей не имеющими гражданства. Дело это срочное".⁸¹

Примененная фельдмаршалом в августе тактика оттягивания оказалась настолько эффективной, что казаки, о которых идет речь, не были выданы советским властям до тех пор, пока Александер оставался на посту главнокомандующего. В свете всех этих фактов невозможно представить себе, чтобы он не обратился бы раньше к тактике затягивания, если бы у него не было на то веских причин. Ведь даже 22 мая его штаб издал приказ, предусматривавший выдачу только тех советских граждан, "которые могут быть переданы Советам без применения силы", и давал четкую ссылку на принятое определение советского гражданства".⁸² Сочувствуя делу Белой армии, генералы которой были сейчас его пленниками, награжденный в свое время Юденичем орденом Святой Анны 3-ей степени,⁸³ Александер делал вид, что еще не получил точных инструкций.

20 мая этим делом заинтересовался Уинстон Черчилль, написавший заместителю секретаря Военного кабинета генералу Исмею:

Что известно о численности русских, взятых в плен немцами и освобожденных нами? Можете ли вы провести различия между теми, кто просто работал на немцев, и теми, кто действительно воевал против нас? Могу ли я получить дальнейшие отчеты о

45 тысячах казаков, о которых говорит генерал Эйзенхауэр в своем донесении?.. Как они оказались в этом положении? Воевали ли они против нас?⁸⁴

Очевидно, что-то беспокоило премьер-министра, и его интересовал вопрос о степени вины тех русских, которые обвинялись в сотрудничестве с немцами. Через 10 недель, на конференции в Потсдаме, он еще более четко выразит свои сомнения.

На подготовку информации, запрошенной Черчиллем, потребовалось какое-то время, и ответ Исмея был получен только 5 июня — к этому моменту судьба большей части казаков уже решилась. Так что информация устарела. К тому же, намеренно или случайно, она была очень неточной. О казаках было сказано, что это "примитивные племена" с Кавказа, входящие в 15-й Кавалерийский корпус, отличившийся чудовищными жестокостями в Югославии. На самом деле, больше половины казаков были с Домановым в Италии, так же, как и все кавказцы. Обвинения же в "грабежах и убийствах" были совершенно бездоказательны.⁸⁵ Однако все это не имеет значения: ответ пришел слишком поздно, и никакое решение Черчилля уже не в силах было изменить положение дел.

А решение Черчилль принял. 26 мая Джеффри Мак-Дермот из МИД писал полковнику К.Р. Прайсу, помощнику секретаря по военным делам в канцелярии Военного кабинета:

Начальники штабов предложили МИД в сотрудничестве с военным министерством изучить это дело как неотложное и посоветовать, какой ответ послать фельдмаршалу Александру... Далее следует изложение нашей точки зрения относительно трех категорий, присутствие которых в южной Австрии беспокоит фельдмаршала... Мы согласны с миссией Объединенного комитета, что казаки включены в Ялтинское соглашение о репатриации советских граждан, и соответственно считаем важным, чтобы те из них, кто является советскими гражданами, были переданы советским властям, как того требует наша генеральная линия. Если мы поступим с этими людьми иначе, это явится нарушением соглашения, что может рассматриваться как изменение политики в этом вопросе, которому советское правительство придает большое значение; и Советы могут усмотреть в таком поступке враждебные намерения. Это также может повлечь за собой нежелательные последствия для наших пленных, освобожденных Красной армией. Мы предлагаем фельдмаршалу

Александрю договориться с маршалом Толбухиным о выдаче казаков через демаркационную линию временно оккупированной зоны.

Поскольку такая договоренность уже была достигнута за несколько дней до того, это предложение может показаться несколько запоздалым. Через два дня, 28 мая, полковник Филлимор из военного министерства писал:

Казаки. Несомненно, с ними следует обойтись в соответствии с Ялтинским соглашением... Телеграммы из 15-й армейской группы, где сказано, что 5-й корпус уже выдает своих казаков, несколько меняют положение в плане их перевода в ВКЭСС. По нашему мнению, Александрю следует сказать, что акция 5-го корпуса одобрена и все русские подлежат выдаче... но что мы должны поторопить маршала Толбухина с параллельной передачей англичан и американцев.⁸⁶

На первый взгляд, эти заявления могут показаться запоздалыми: решение о предлагаемых здесь мерах уже было принято, и операция должна была состояться буквально со дня на день. Правда, эти письма свидетельствуют о том, что ни МИД, ни военное министерство не посылали Александрю приказов к действию. Но с какой стати МИД выдвигал аргументы в пользу принятия политики, которая уже была в процессе осуществления? Этот вопрос я задал самому Джеффри Мак-Дермоту, и вот что он написал:

В то время я занимал очень небольшой пост: меня только что назначили первым секретарем МИД. Я работал в Южном отделе, который, помимо других стран, занимался также и Австрией, но не был прямо связан с СССР. Я полагаю, что какое-то очень важное лицо, вроде самого Уинстона Черчилля, приказало фельдмаршалу Александрю — возможно, что и устно — подготовить все для репатриации... и действовать в установленном порядке. Затем добросовестные канцелярии кабинета запросили у МИД какие-либо письменные подтверждения. Вы ведь представляете себе, как работает английское правительство. Для их архивов было достаточно даже письма от незначительного чиновника, вроде меня.

Действительно, другое объяснение подыскать трудно. Зачем бы еще могло канцелярии кабинета понадобиться подтверждение МИД? Ни МИД, ни военное министерство, ни Объединенный комитет начальников штабов не посылали Александру никаких решений. Черчилль же, в принципе, считал, что нужно избавиться от русских "как можно скорее".⁸⁷ Но какую позицию занимал он сейчас? В конце концов, речь шла о политике, придерживаясь которой решено было год назад, и настойчивость Александра могла вызвать лишь недоумение. Никаких доказательств того, что Черчиллю было известно о присутствии в Австрии белоэмигрантов, нет; и вряд ли он благословил бы ненужную выдачу тех, чье дело некогда так горячо поддерживал. Ведь это он заявил в 1921 году, что "ни один лояльный [демократии] русский не может быть выслан в советскую Россию против своей воли".⁸⁸ А несколько позже добавил: "Мы дали обещание и не можем его нарушить".⁸⁹

Но был еще один человек, сыгравший важную роль в судьбе казаков. Гарольд Макмиллан, в то время английский министр-резидент на Средиземноморском театре, находился в постоянном прямом контакте с премьер-министром. Главной обязанностью Макмиллана были доклады о политической ситуации.⁹⁰ 13 мая он прилетел в Клагенфурт для встречи с генералом Китли и оценки положения на месте. Именно он, как мы уже показали, потребовал от Китли скорейшей выдачи казаков советским властям. В мемуарах Гарольда Макмиллана есть краткое упоминание о проблеме казаков, которой ему пришлось заниматься во время этого визита:

Среди сдавшихся в плен немцев было около 40 тысяч казаков и белоэмигрантов, с женами и детьми. Разумеется, советское командование предъявило свои права на них, и нам пришлось выдать их Советам. К тому же, если бы мы отказались, что бы мы с ними делали? Но меня крайне удручало, что другого выбора у нас не было. По крайней мере, мы получили взамен около 2 тысяч английских пленных и раненых, которые находились в том же районе в немецком плену.⁹¹

Так что Макмиллан наверняка отличал старых эмигрантов от "новых".⁹² Первых он справедливо называл "белоэмигрантами".

(Через десять с лишком лет горстка старых эмигрантов вышла из лагерей ГУЛага, и Хрущев разрешил им вернуться на Запад. 4 сентября 1958 года 15 бывших эзков, нищих больных людей, обратились к английскому

премьер-министру с просьбой о небольшой денежной компенсации за все те страдания, что были незаконно причинены им. 27 октября они получили категорический отказ. Кстати, премьер-министром тогда был Гарольд Макмиллан, сыгравший 13 лет назад главную роль в деле отправки этих несчастных в лагерь).⁹³

В своих мемуарах Макмиллан упоминает о выдаче казаков чрезвычайно кратко. В дальнейшем он неизменно отказывался более подробно рассказать об этом. Другой свидетель, Тоби Лоу, ныне лорд Олдингтон, бывший бригадиром генштаба 5-го корпуса, присутствовал на конференции 21 мая и отдал в тот же день роковой приказ. Но на мой вопрос он ответил, что не может ничего припомнить о выдаче казаков.

Через два года после выдачи в Лиенце член парламента Тафтон Бимиш отправился в Австрию для поиска данных. Один русский, участник и очевидец событий, передал ему подробное и точное описание трагедии, особо подчеркнув, что на смерть было послано большое число эмигрантов. 17 июля 1947 года Бимиш обратился в парламент с просьбой расследовать это крайне неприятное дело. И сотрудник МИД Томас Браймлоу затребовал в военном министерстве полный отчет, добавив, однако, что по возможности нужно "предоставить майору Тафтону Бимишу наименее мрачную версию событий". Через несколько месяцев военные власти в Вене представили краткий отчет, не вдаваясь в обсуждение инцидентов, описанных майором Бимишем, и утверждая, что "в тот период делалось все возможное для отделения несоветских граждан от тех, кто подлежал репатриации". На основании этого отчета Томас Браймлоу подготовил ответ, в котором подчеркивалось, что при репатриации проводилась тщательная проверка. Из этого ответа создается впечатление, что само упоминание о возможности выдачи старых эмигрантов считалось опасным. Браймлоу старательно убрал упоминание о "несоветских гражданах", заменив их на "люди, которые не воевали за немцев". Очевидно, он решил, что такое определение дает меньше оснований для неприятного расследования.⁹⁴

ПРИМЕЧАНИЯ

1. War Office [в дальнейшем: Архив военного министерства Великобритании], 32/11119, 230 А.
2. Министерство обороны Великобритании, фонд ВМ 3928/PW1 [в дальнейшем: ВМ 3928], 298 А.
3. См.: Архив военного министерства Великобритании, 32/11119, 230 А.
4. Там же, 103 А.
5. Там же, 32/11137, 6 А.
6. Там же, 51 А.
7. Foreign Office [в дальнейшем: Архив министерства иностранных дел Великобритании], 371/43382, 69; 371/47903, 240.
8. Архив военного министерства Великобритании, 32/11119, 153 А.
9. Там же, 204/2877.
10. Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/47895, 47896, 47901, 47902, 66344.
11. А. Petrovsky. Unvergessener Verrat! München, 1961, p. 104. Peter Huxley-Blythe. The East Came West. Caldwell, Idaho, 1964, p. 206.
12. Вячеслав Науменко. Великое предательство: выдача казаков в Лиенце и других местах (1945-1947), т. 2, Нью-Йорк, 1970, стр. 242, 246.
13. "A.I. Romanov". Nights are Longest There: Smersh from the Inside. London, 1972, p. 154.
14. Parliamentary Debates (Hansard) House of Lords Official Report. London, 1976, CCCLXIX, col. 314. Однако лорд Хенки в 1945 году не работал в Северном отделе, и все данные говорят за то, что МИД не принимал непосредственного участия в выдаче старых эмигрантов.
15. См.: Nicholas Bethell. The Last Secret: Forcible Repatriation to Russia 1944-1947. London, 1974, p. 104.
16. Josef Mackiewicz. Kontra, Paris, 1957, p. 185. Василь Иванович. Стежками Жития. Нью-Ульм, 1962, стр. 294 – 295. См. также статистику в кн.: В. Науменко, указ. соч., т. 1, Нью-Йорк, 1962, стр. 143 – 147, 270 – 271.
17. Там же, т. 2, стр. 103.
18. Там же, стр. 104.
19. Информация получена от майора В.Р. Дэвиса. См. также кн.: В. Науменко, указ. соч., т. 1, стр. 231, 261.
20. См.: Архив военного министерства Великобритании, 170/4461. Было отмечено также, что многие грузинские офицеры жили в Париже.
21. Информация получена от генерал-майора П. Б. Жиллетта, секретаря центрального казначейства рыцарских орденов.
Орден Бани (Order of the Bath) одна из высших наград в Англии, кавалер этого ордена получает личное дворянское звание "рыцарь". В июне 1945 г. английское правительство наградило орденом Бани советских маршалов Г. К. Жукова и К. К. Рокоссовского (прим. пер.).
22. Robert Jackson. At War with the Bolsheviks: The Allied Intervention into Russia 1917-1920. London, 1972, p. 180. John Silverling. The Victors' Dilemma. London, 1970, p. 277.

23. Теоретически Шкуро командовал учебной частью 15-го казачьего кавалерийского корпуса, хотя фактическим командиром в Доллерсхейме был, по сообщению полковника Вагнера, подполковник Стабенов. У Шкуро, как уже говорилось, не было постоянной должности. Командир дивизии "Галиция" генерал Шандрук вспоминает в своей книге, что 2 мая 1945 года встретил пьяного Шкуро в Фолькермаркте (Lt. Gen. Chandruk. *Arms of Valor*. New York, 1959, p. 273).
24. Архив военного министерства Великобритании, 170/4241. Термин "группа атамана" относится скорее всего не к Доманову и его штабу, который в документах определяется как "штаб казачьей армии" (там же, 170/4988), а к особому парашютно-десантному подразделению, известному под этим названием (см.: В. Науменко, указ. соч., т. 1, стр. 145). О резервных частях генерала Шкуро см: Erich Kern. *General von Pannwitz und seine Kosaken*. Oldendorf, 1971, p. 161; Josef Mackiewicz, указ. соч., p. 147.
25. Николас Бетелл. Последняя тайна. Лондон, [1978], стр. 117.
26. Архив военного министерства Великобритании, 170/4241.
27. Там же, 170/4388.
28. По сообщению полковника Алека Малькольма.
29. См.: Cyril Ray. *Algiers to Austria: A History of Division in the Second World War*. London, 1952.
30. Архив военного министерства Великобритании, 170/4183, 460, 487.
31. Рассказ о такой операции в Анконе в середине мая 1945 года см. в кн.: В. Науменко, указ. соч., т. 2, стр. 202, а также стр. 220–221.
32. См.: Pavlo Shandruk, указ. соч., стр. 254–286.
33. Историю украинской дивизии см. в кн.: David Littlejohn. *The Patriotic Traitors*. London, 1972, p. 327–329, 332. Я опирался также на подробный отчет, предоставленный мне бывшим солдатом дивизии Миколой Вольнским. О Потсдамской конференции и последующей истории дивизии и ее роспуска см.: Архив военного министерства Великобритании, 204/440; Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/9804, 47903, 57880; VM 3928.
34. Генерал Врангель, в соответствии с его завещанием, "был похоронен в маленькой русской церкви в Белграде, который он считал последним прибежищем Белого движения" (John Silverling, указ. соч., стр. 359).
35. История "шукорпса" во время Второй мировой войны рассказана в кн.: Д. П. Вертепов. Русский корпус на Балканах во время II великой войны. См. также кн.: Jurgen Thorwald. *Wen sie verderben wollen: Bericht des grossen Verrats*. Stuttgart, 1952, p. 251–252; George Fischer. *Soviet Opposition to Stalin*. Harvard, 1952, p. 97; Josef Mackiewicz, указ. соч., стр. 160; Vladimir Petrov. *It happens in Russia: Seven Years Forced Labour in the Siberian Goldfields*. London, 1951, p. 412–416, 427–428. По сообщению от 13 мая, в руках 5-го корпуса английской армии находилось "4433 белоэмигранта" (Архив военного министерства Великобритании, 170/4243), и вполне вероятно, что имеется в виду именно "шукорпс", поскольку в тот момент других проверенных формирований белоэмигрантов в Австрии, по-видимому, не было. В августе, однако, как сказано в рапорте, в Клейн Санкт-Вейте находилось всего 2700 человек (см.: Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/47903, 184), то есть многие за прошедшие месяцы бежали (см. там же, стр. 185). О последних часах корпуса перед сдачей в плен см. кн.: Ara Deljanic. *Wolfsberg 375*. San Francisco, 1975. См. также: Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/5789, 5–6; 371/56711.

36. См.: В. Науменко, указ. соч., т. 2, стр. 160. В Потсдаме советские представители вручили англичанам жалобу о том, что Рогожин возглавляет антисоветские силы в районе Клагенфурта [см.: Архив министерства иностранных дел Великобритании, 934/5 (42), 92].
37. См.: Vladimir Petrov, указ. соч., стр. 400–402.
38. См.: В. Науменко, указ. соч., т. 1, стр. 250, 253; т. 2, стр. 157, 159, 160, 204, 338; Josef Mackiewicz, указ. соч., стр. 166. Полная произвольность такой классификации демонстрируется на примере майора Островского, который как член 15-го кавалерийского корпуса был признан подлежащим репатриации, тогда как его брат, служивший в "шущкорпсе", репатриации не подлежал. (См.: В. Науменко, указ. соч., т. 2, стр. 160).
39. См.: Pavlo Shandruk, указ. соч., стр. 291; Foreign Relations of the United States. The Conference of Berlin, v. 1. Washington, 1960, p. 797. 22 мая Ватикан заявил аналогичный протест по поводу других беженцев (см. там же).
40. По сообщению Олега Кравченко. Я благодарен племяннику полковника Линга, Кристоферу Лингу, за помощь в идентификации этого человека. В отчете полковника Хиллса в кн.: Peter Huxley-Blythe, указ. соч., стр. 97, полковник Хиллс, по-видимому, спутан с полковником Уолтоном Лингом.
41. По сообщению Брюса Маршалла.
42. События 28-29 мая воссозданы на основании бесед с бригадиром Ашером, полковниками Говардом и Р. Прайсом и майором Дружакиным, а также по документам Архива военного министерства Великобритании 170/4982, 5026.
43. Бригадир Дж. Л. Верни полагал, что первый же казачий генерал, встретившийся в Австрии, был военным преступником. Тем не менее на конференции у бригадира Ашера он присоединился к большинству, которое возражало против транспортировки пленных навстречу возможной бессудной расправе. (Рукопись мемуаров генерала-майора Верни любезно предоставил мне его сын, майор Питер Верни).
44. Архив военного министерства Великобритании, 170/4396.
45. Там же, 170/4988.
46. Следует отметить, что в тот момент они находились вне контроля бригадира Мессона.
47. Архив военного министерства Великобритании, 170/4461.
48. См.: В. Науменко, указ. соч., т. 1, стр. 238–240.
49. Там же, т. 2, стр. 56–57.
50. Информация получена от генерала-майора Бредина и бригадира Трайона-Вильсона. О задаче, поставленной перед полком, см. в Архиве военного министерства Великобритании, 170/5045.
51. См. там же, 170/4461, 4396; В. Науменко, указ. соч., т. 1, стр. 138, 240–241.
52. См.: Архив военного министерства Великобритании, 170/4461; В. Науменко, указ. соч., т. 1, стр. 208; там же, т. 2, стр. 35–36.
53. Выдержки из разговора с генералом Горацио Мюрреем. См. также его письмо в "The Times", 7. 12. 1974.
54. 1 225 казаков были зарегистрированы в качестве конюхов и затем спасены. (См.: сообщение генерала Мюррея и бригадира Ашера; цифра "1 225" приведена в Архиве военного министерства Великобритании, 170/4982). Н. Бетелл говорит об исчезновении еще примерно 1700 человек (см.: Nicholas Bethell, указ. соч.,

- стр.133). По оценке полковника Вагнера, у него было около 10 тысяч человек, из которых 4 тысячи 29-30 мая были отосланы в Юденбург (см.: Архив военного министерства Великобритании, 170/4982).
55. В английском издании книги Н. Краснова: *The Hidden Russia* (New York, 1956, p. 18 – 19) майор Дэвис почему-то назван "Стоуном".
 56. В. Науменко, указ. соч., т. 1, стр. 141; см. там же, стр. 139, 142; Josef Mackiewicz, указ. соч., стр. 154.
 57. В 1958 году полковник Малькольм вспоминал о присутствии в то время в дивизионном штабе в Лиенце офицеров разведки (см.: Peter Huxley-Blythe, указ. соч., стр. 212).
 58. В. Науменко, указ. соч., т. 1, стр. 175.
 59. Копии этого прошения или записи о его получении нет ни в Королевской библиотеке в Виндзоре (по сообщению библиотекаря сэра Роберта Макворса-Юнга), ни в библиотеке лондонской резиденции архиепископа Кентерберийского, Ламбетского дворца (по сообщению библиотекаря И. Дж. Билла), ни в личных бумагах архиепископа Фишера (по сообщению настоятеля Вестминстерского собора), ни в штаб-квартире Международного комитета Красного Креста (по сообщению П. Виберта, заведующего отделом документации).
 60. См.: Н. Краснов. *Незабываемое*, стр. 41; В. Науменко, указ. соч., т. 2, стр. 279. Рассказ о том, как Советы приняли Краснова и Шкуро, подтверждается также английским офицером, свидетелем событий (см.: Н. Бетелл, указ. соч., стр. 149 – 150).
 61. См.: Архив военного министерства Великобритании, 170/4461.
 62. Т. Kubansky. *A memento for the Free World*. Paterson, New Jersey, 1960, p. 42.
 63. Архив военного министерства Великобритании, 170/4461.
 64. См.: Н. Краснов. *Незабываемое*, стр. 34; В. Науменко, указ. соч., т. 1, стр. 168, 169, 172; там же, т. 2, стр. 104; Архив военного министерства Великобритании, 170/4461; Peter Kenez. *Civil War in South Russia, 1918*. Berkeley, 1971, p. 182; H.N. Williamson. *Farwell to the Don*. London, 1970, p. 20.
 65. См.: В. Науменко, указ. соч., т. 1, стр. 169. Это оружие запечатлено на фотографии Шкуро (см. там же, т. 2, между стр. 128 – 129).
 66. Архив военного министерства Великобритании, 170/4389. Всем казачьим и кавказским офицерам было приказано сдать шашки утром 27 мая (см.: В. Науменко, указ. соч., т. 1, стр. 122). Их хранили отдельно от остального офицерского имущества, а шпагу Доманова передали в Юденбурге советским представителям (см.: Архив военного министерства Великобритании, 170/4388). Передававший ее английский офицер отметил, что советский офицер "был разочарован тем, что это – боевое оружие, а не церемониальный предмет" (там же, 170/5025). Уцелел лишь прекрасный казачий кинжал генерала Краснова, подаренный ему когда-то императором Николаем II. Лидия Краснова после отъезда мужа "на конференцию" предложила кинжал майору Дэвису, но тот отказался.
 67. Разумеется, Шкуро и других офицеров сопровождал в их путешествии по Австрии тщательно составленный список. По прибытии в Юденбург он был вручен полковнику НКВД (см. там же, 170/4993, 5025; В. Науменко, указ. соч., т. 1, стр. 180; там же, т. 2, стр. 301). Перед отправкой в Москву список был проверен в штабе СМЕРШа в Бадене (см. "A.I. Romanov", указ. соч., стр. 154). Что же до причин, по которым советские власти так страстно жаждали

- заполучить Краснова и Шкуро, то об этом мы знаем из уст самого Меркулова.
68. См.: Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/51227.
 69. Интервью датировано 18. 7. 1945, но леди Лимерик, просмотрев свои дневники, уверяет, что, хотя она и помнит о беседе с генералом Китли, в июле ее в Австрии не было. Очевидно, интервью состоялось в Англии, и в таком случае Китли прилетел сюда специально для того, чтобы ответить на обвинения Селби-Бигге.
 70. Unconditional Surrender in Austria. – Journal of the Royal United Service Institution. 1954, XCIX, p. 265.
 71. Архив военного министерства Великобритании, 170/4241. В Имперском военном музее (А 927/3) хранится документальный фильм о визите генерала Китли 12 мая 1945 года к советскому генералу в Вольфсберге.
 72. ВМ 3928, 2 А, 31 А.
 73. См. там же, 18 D. В это же время в Австрии были выданы советским властям другие взятые в плен русские, а в момент капитуляции немецких войск в Италии советское командование получило от англичан сообщение, что "выдача наличного состава армии Власова будет производиться так же, как до сих пор" (Архив военного министерства Великобритании, 204/1596).
 74. См.: PREM [Документы канцелярии премьер-министра], 3/364, 741 – 742.
 75. ВМ 3928, 4 А.
 76. Там же, 8 А, 15 А.
 77. Там же, 7 А, 24 А, 26 А, 40 А; Архив военного министерства Великобритании, 32/11119, 325 А, 326 А; ВМ 3928, 37 А.
 78. Там же, 40 В; см. также 18 С, 19 А.
 79. См.: Архив военного министерства Великобритании, 170/4241.
 80. Так считает Н. Бетелл (см.: Н. Бетелл, указ. соч., стр. 108 – 109).
 81. Архив военного министерства Великобритании, 214/4183; 214/359.
 82. Там же, 170/4183, 487.
 83. См.: Nigel Nicholson, Alex. London, 1973, pp. 47 – 66.
 84. PREM, 3/364, 750; W.S. Churchill. The Second World War. London, 1954, VI, p. 647. См.: David Littlejohn, указ. соч., стр. 365. У военного министерства в тот же день запросили информацию (см.: ВМ 3928, 9 А – 11 А).
 85. См.: PREM, 3/364, 748.
 86. ВМ 3928, 18 А, 22 А.
 87. PREM, 3/364, 254.
 88. Colonial Office [Документы министерства колоний], 730/13. Я благодарен доктору Мартину Гильберту, который предоставил мне эту и следующую цитаты.
 89. 15 июля 1921 года (там же).
 90. Harold Macmillan. The Blast of War: 1939-1945. London, 1967, p. 609.
 91. Tides of Fortune: 1945-1955. London, 1969, p. 17. Английские пленные не "подлежали обмену": их выдача беспрепятственно осуществлялась уже несколько недель (см.: ВМ 3928, 18 С, 19 А).
 92. См. также: Архив военного министерства Великобритании, 32/11137, 62 С, 388 А. Вряд ли Макмиллан, говоря о "White Russians", имел в виду белорусов, которых среди казаков не было.
 93. См. также: Peter Huxley-Blythe, указ. соч., стр. 202 – 210; The Sunday Times, 26. 2. 1978.
 94. См.: Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/66344, 66347.

Глава 12

КОНЕЦ ГЕНЕРАЛА ВЛАСОВА

28 января 1945 года в Берлине было официально объявлено, что русская армия под командованием генерала Власова более не является частью вермахта, но представляет собой независимое формирование, подчиняющееся правительству Комитета освобождения народов России (КОНР).¹ До сих пор, как уже упоминалось в первой главе, власовская армия существовала только на бумаге, а ее "генерал" был, по сути, узником. Хотя в немецкой армии служило предположительно 800 тысяч русских, украинцев, прибалтийцев, кавказцев, татар и другие национальные "легионы", все это были раздробленные формирования, которыми командовали исключительно немцы, а генерал Власов не имел права отдать приказ даже взводу своих соотечественников. Ни Власов, ни его армия не пользовались популярностью у заправил рейха. Гитлера и Гиммлера не убедили доводы Власова о том, что "русского может побить только русский", они считали генерала и его "армию" всего лишь пропагандистской фикцией, полезной для усиления дезертирства из Красной армии. Розенбергу претила твердая решимость Власова восстановить единую национальную Россию, очищенную от большевизма (это противоречило его собственной политике дробления России на составные части). Из всех нацистских руководителей у одного лишь Геббельса хватило ума понять то, что он сформулировал 29 апреля 1943 года: "Если бы наша восточная политика была разумнее, мы наверняка достигли бы гораздо большего".²

Самым ярким врагом Власова был, вероятно, рейхсфюрер СС Гиммлер. Его приводила в ярость одна лишь мысль о том, что Германия будет чем-то обязана "недочеловеку"-славянину. Свои чувства Гиммлер выразил в речи 14 октября 1943 года в Бад-Шахене:

Господин Власов начал выказывать чрезмерную гордость, присущую русским и славянам. Он заявляет, что Германия не может завоевать Россию, что Россия может быть завоевана только русскими. Осторожнее, господа: в этой сентенции таится смертельная опасность... У германской армии может быть только одна молитва — утром, днем и вечером: мы победили врага, мы, немецкая пехота, победили всех врагов в мире. И если вдруг появляется какой-то русский, дезертир, который позавчера, может, был подручным мясника, а вчера — сталинским генералом, и читает нам лекции с чисто славянским высокомерием, утверждая, что Россия может быть завоевана только русскими, то я вам скажу, что уже по одной этой фразе видно, какая он свинья.

Так думал Гиммлер в 1943 году. Но не прошло и года — и он был вынужден согласиться на встречу с "господином генералом" Власовым и вежливо выслушивать в разговоре язвительные вопросы собеседника насчет нынешней военной ситуации "недочеловеков" и намеки на то, что он, Власов, до плена командовал армией, которая в 1941 году нанесла немцам серьезный урон. А в заключение беседы Гиммлер пообещал помочь Власову стать командиром действительно независимой русской армии. Впрочем, причину такой перемены в поведении рейхсфюрера СС понять нетрудно. За 11 месяцев, прошедших между его речью и встречей с Власовым, положение на фронтах существенно изменилось — на западе союзники продвинулись в восточную Францию и северную Италию, на востоке советские войска полностью освободили советскую территорию и неуклонно продвигались в Польшу и Румынию. Тут уж даже фанатичному приверженцу идеи германского расового превосходства приходилось признать, что дела обстоят не совсем так, как раньше, что полное военное поражение союзных стран становится все более отдаленной или даже — если только он смел себе в том признаться — недостижимой целью. Правда, оставалась еще на все лады разрекламированная идея, что западные и восточные союзники вцепятся друг другу в горло и тем спасут Германию, но пока что никаких признаков такого поворота событий не наблюдалось. И одни лишь "остполитикер" (восточные политики), чьи взгляды деятели рейха высмеивали в 1943, предлагали внешне вполне реальную надежду на нарушение баланса сил одним ударом. Если Власов и его помощники выйдут на поле боя как независимая русская армия, действующая в союзе с Германией, война на Востоке может превратиться в русскую гражданскую войну, и это станет повторением 1917 года,

причем Власов сыграет роль орудия немецкого генерального штаба, как в свое время — Ленин. Тогда переворот, осуществленный при поддержке Германии, заставил Россию выйти из войны — то же самое может удасться и теперь. Конечно, та Россия, которую намеревается восстановить Власов, может обернуться для немецких амбиций ничуть не меньшей угрозой, чем сталинская. Но гений фюрера найдет выход из положения: например, поставит раздираемой междуособной борьбой России такие условия, по сравнению с которыми Брестский мир покажется образцом великодушия.

На протяжении многих месяцев отдельные группы в окружении Гитлера пытались заинтересовать его различными аспектами "восточной политики". Но, наверное, именно события в июне-июле 1944 года — высадка союзников в Арденнах и прорыв Красной армии в Польше, последовавший за начатым 20 июня наступлением, — заставили Гимmlера вновь вспомнить о наглом "подручном мясника".

Среди сотрудников Гимmlера выделялся молодой штандартенфюрер СС Гюнтер д'Алькэн, редактор еженедельника СС "Шварцкорпс", ответственный также за пропаганду на Восточном фронте и понимавший, как важно в этом деле играть на ненависти многих русских к их варварскому режиму. Весной 1944 года д'Алькэн познакомился со Штрик-Штрикфельдтом, прибалтийским немцем, служившим в немецкой армии и близким к Власову. Штрикфельдт уговаривал д'Алькэна использовать в обращениях к советским солдатам идеи русского освободительного движения. Его доводы показались штандартенфюреру убедительными, и он согласился начать такую пропагандистскую кампанию на Южном фронте. Успех операции под кодовым названием "Скорпион" превзошел все ожидания: приток дезертиров из Красной армии увеличился вдесятеро. Убедившись в правоте Штрикфельдта, д'Алькэн решил обратиться к руководству СС. Его красноречие — вкуче с катастрофическим развитием дел на фронте — принесло плоды, и Гимmlер дал согласие на встречу с человеком, которого за девять месяцев до того обзывал "свиньей".³

Встреча была назначена на вечер 20 июля,⁴ но именно в этот день бомба, подложенная графом Штауффенбергом в Волчьем логове, едва не убила Гитлера, и свидание, разумеется, не состоялось. На другой день оберфюрер СС доктор Эрхард Крегер встретился с генералом СС Бергером для обсуждения вопросов, связанных с датскими "ваффен СС". В конце разговора Бергер сказал, что Гимmlер поручил ему прошупать Власова в предварительной беседе, а поскольку Бергер понятия не имел, чего от него хочет рейхсфюрер, он попросил оберфюрера присутствовать при

разговоре с русским генералом (Крёгер был родом из Прибалтики и говорил по-русски).

Встреча состоялась через несколько дней. Власов произвел самое благоприятное впечатление на Бергера (который, кстати, уже однажды его "прошупывал").⁵ В телефонном разговоре с Гиммлером он рекомендовал предоставить Власову все возможности для проведения в жизнь его программы, а доктора Крёгера назначить офицером связи между власовским движением и командованием СС. Гиммлер согласился, и Крёгер почти до самого конца выполнял роль единственного официального посредника между немецкими властями и командованием РОА.

Вскоре Гиммлер заявил о своей готовности лично встретиться с Власовым. 16 сентября Власов приехал в полевую штаб-квартиру рейхсфюрера СС в Раценбурге, в Восточной Пруссии. На встрече присутствовали также Гюнтер д'Алькэн и генерал Бергер, переводчиком был доктор Крёгер, который и поделился с автором своими воспоминаниями. Гиммлер был безукоризненно вежлив, извинился, что встречу пришлось отложить, и с явным уважением выслушал высокого, представительного "русского де Голля". Рассказы о том, чего он мог бы добиться, если бы ему предоставили свободу действий, так увлекли Гиммлера, что встреча продолжалась 6 часов. Когда разговор закончился, Власов торжествующе заявил Штрик-Штрикфельдту, что наконец-то они добились своего! Рейхсфюрер СС согласился предоставить русскому освободительному движению статус независимой организации с правом набирать армию из миллионов русских, находящихся в пределах Великого Рейха.⁶

Гиммлер действительно отнесся к планам Власова с энтузиазмом. По словам доктора Крёгера, руководитель СС сумел понять, что спасти Германию от катастрофы может только новая политика. Уповать на то, что вермахт сам, без посторонней помощи, справится с большевизмом, было уже невыносимо, и если Власов в состоянии выполнить свои обещания, следует непременно к нему обратиться, — так рассуждал Гиммлер, да и Геббельс считал поддержку Власова реальной политикой для Германии. Тем не менее новая стратегия вызвала сопротивление мощных сил. Розенберг, усмотрев в ней прямой вызов своей политике раздела России среди населяющих ее народов, потребовал у доктора Крёгера объяснений. "Вам следует обратиться не ко мне, а к моему начальнику", — сардонически ответил оберфюрер. "А кто ваш начальник?" — спросил Розенберг, но, услышав зловещее имя Гиммлера, поспешил сменить тему разговора.

Однако с фюрером — пока еще всемогущим — такой трюк бы не прошел. Хотя Гитлер с трудом согласился, наконец, укрепить трещавший

по швам вермахт парой тысяч русских наемников, он вовсе не имел в виду создания настоящей армии, которая, на его взгляд, неизбежно стала бы пятой колонной. Поэтому намерения Гимmlера с самого начала тормозились реальной или потенциальной враждебностью Гитлера и его непосредственных советников, и он дал согласие лишь на создание армии, не превышающей трех дивизий, тогда как Власов рассчитывал на десять. Но привередничать было бы неразумно, и Власов взялся за создание нового "правительства" и набор "армии". У него было немало сторонников в СС и вермахте: многие влиятельные немцы считали, что сделать ставку на русского генерала — куда реальнее и надежнее, чем дожидаться разрекламированного секретного оружия. Крупнейшие нацистские деятели — Гимmlер, Геббельс, Геринг и Риббентроп — прощупывали Власова. Наконец, к различным "национальным комитетам", представляющим прибалтийцев, украинцев, грузин и другие меньшинства России и находящимся под покровительством Розенберга, обратились с призывом объединиться под эгидой нового руководства. Это руководство составили сам Власов, личность яркая и незаурядная, украинец Сергей Буняченко, отличавшийся своенравным и независимым характером, Малышкин и Трухин — бывшие красноармейские офицеры, служившие в армии еще в царское время, и бывший командир советской гвардейской дивизии Владимир Боярский. Самой интересной фигурой был, пожалуй, Георгий Жиленков. Беспризорник, осиротевший после большевистского переворота, он вырос в московских трущобах, в юности вступил в партию и дослужился до политрука. Попав в плен, он стал ярым приверженцем дела русского освобождения. Человек умный и изобретательный, он быстро выделился и во власовском движении выполнял функции неофициального "министра пропаганды".⁷ Сложные маневры, интриги и отсрочки изрядно подорвали веру руководителей РОА в успех своего дела. С приближением зимы 1944 победы союзников становились все убедительнее, и в поисках утешения лидеры движения все чаще обращались к водке.

Наконец, 14 ноября 1944 года настал момент, который можно считать началом нового русского национального движения: был создан КОНР. Пятьсот делегатов, представлявших различные народы, населяющие Россию, собрались в Праге, в Градчанском дворце. Здесь, в Испанском зале, 14 ноября, в 3 часа дня, под приветственные крики собравшихся был оглашен Манифест КОНР. Этот важный документ провозглашал целью Комитета "свержение сталинской тирании" и "создание новой свободной народной государственности". В манифесте говорилось, что Комитет

приветствует помощь Германии на условиях, не затрагивающих чести и независимости нашей родины. Эта помощь является сейчас единственной реальной возможностью организовать вооруженную борьбу против сталинской клики.

Национал-социализм, его доктрины и вожди в документе даже не упоминались, не было здесь и ссылок на такие отвратительные принципы нацистской политики, как антисемитизм и агрессия.

Сообщения о Пражском манифесте вызвали широкий отклик среди русских, причем не только в Германии и России. В часе езды от центра Парижа находился лагерь Боригар, где собралось несколько тысяч русских, освобожденных союзниками во Франции. Один из его обитателей, молодой человек, отца которого в свое время арестовали и который был вынужден с малолетства работать, чтобы как-то прокормиться, вспоминает, как его товарищи встретили сообщение о манифесте. Собравшись вокруг приемника, они с радостной надеждой ловили такие выражения, как "ликвидация принудительного труда", "ликвидация колхозов", "установление неприкосновенной частной трудовой собственности" — и ведь все это говорилось по-русски!⁸ Правда, обитателям лагеря Боригар, несмотря на все эти надежды, вскоре предстояло возвращение в СССР. Но даже в лагерях ГУЛага, на Воркуте и в Камышлагае, бывшие власовцы с гордостью вспоминали идеалы, нашедшие выражение в Пражском манифесте. Николай Краснов пишет:

Власовец, прошедший через огонь, воду и трубы наступлений и отступлений во время войны, лагеря смерти Гитлера, когда-то ликовавший в дни обнародования Пражского манифеста и подло выданный культурным и гуманным Западом, невольно чувствовал себя политической элитой... Он никогда не спустился бы до партийца, не угодившего начальству, не угадавшего "линии" и споткнувшегося на ровном паркете партии.⁹

Но Манифест 14 ноября был обнародован в недобрый час: в конце 1944 года вероятность опрокинуть советский режим извне фактически равнялась нулю. Рассчитывать на мятеж в Красной армии с целью свержения партийной олигархии тоже не приходилось. В армии и народе царил в те дни атмосфера упоения военными успехами, многие верили, что победа повлечет за собой смягчение режима, и вряд ли эти соображения могли отступить перед обещанием свободы, исходившим из такого источника, как Власов, — если вообще простые люди о нем хоть что-то

слышали. К тому же, преступления немцев во время оккупации оставили неизгладимый след в русском сознании, и всякое движение, появившееся на таком фоне, неизбежно должно было показаться подозрительным и нечистым.

Как бы то ни было, вопрос о том, чего могло бы достичь нестесненное русское движение, остается чисто академическим. Немецкие власти не прониклись доверием к Власову. За сутки до Пражской конференции Берлин ни с того ни с сего запретил министрам рейха и членам дипломатического корпуса присутствовать на ней. 27 января 1945 года Гитлер лично разразился резкой обличительной речью против Власова, недобрым словом помянув мимоходом и казаков фон Паннвица. Правда, вождь, сходящий со сцены, жил уже в мире фантазий и не очень четко представлял себе, что происходит: на следующий день после этой речи было объявлено о суверенности "правительства" КОНР.

Комитет считал первоочередным делом не иллюзорную независимость и даже не возможность вести пропаганду и издавать прокламации. Главным для него было право набирать войска. Несмотря на все препоны, чинимые немецким верховным командованием, зимой 1944-45 – впервые после 1921 года – стали создаваться целиком русские военные формирования, которые вступали в бой с Красной армией. Кроме того, на несколько коротких месяцев возникло миниатюрное свободное русское государство. Из Далема, пригорода пустеющего день ото дня Берлина, "правительство" КОНР переехало в Богемию, в Карлсбад, а "генеральный штаб" Власова перебрался в Хейберг. Отдел пропаганды и офицерская школа были переведены из Дабендорфа в замок Гисхюбель в Судетах. КОНР вступил в переговоры с уже действующими русскими отрядами, и под конец войны казаки фон Паннвица, Доманова и сербский "щуцкорпс" Рогожина официально вошли в РОА. С украинцами дело обстояло хуже. Хотя на Пражской конференции присутствовали представители каких-то сил украинского движения, Галицийская дивизия генерала Шандрука сохранила свою независимость.¹⁰

Все это, конечно, было весьма иллюзорно, и первойшей целью Власова являлось создание настоящей армии. В Мюнзингене, в Вюртембурге, Буняченко стал командиром первой из трех дивизий, санкционированных осторожным Гиммлером. Ядро дивизии составили 5 тысяч человек, которыми ранее командовал прославившийся в Польше своей жестокостью Бронислав Каминский, и группировка из белогвардейской русской дивизии "Рутения", относившейся к "ваффен СС". К ним добавились военнопленные и "восточные рабочие". По соседству, в Хейберге, проводила набор и обучение 2-я дивизия под командованием генерала

Зверева. Наконец, было создано авиационное формирование – правда, пока без самолетов, – под командованием Владимира Мальцева и общим руководством бывшего военно-воздушного атташе Германии в Москве генерала Ашенбреннера.¹¹

Доктор Крёгер, сопровождавший Мальцева и Ашенбреннера во время их визита к Герингу в Каринхолл, пишет о том, что все эти приготовления носили крайне туманный характер. Визит к Герингу был нужен для назначения Мальцева на должность генерала. (При всей "суверенности" РОА Власов не имел права продвигать офицеров выше звания полковника без одобрения немцев). В разговоре Геринг признался, что англичан, французов и американцев он все же более или менее понимает, но ни он, ни его коллеги не в силах постичь истинный характер России и русских. Это признание второго человека в рейхе, сделанное буквально на исходе войны, произвело на Крёгера весьма мрачное впечатление. К тому же беседа проходила под аккомпанемент легкой дрожи, время от времени сотрясавшей мебель и стекла в окнах. Это с западного берега Одера была артиллерия маршала Жукова.

Но даже эти весьма ограниченные меры по созданию власовских дивизий по-прежнему тормозились страхами Гитлера и его помощников. Буняченко и Зверев успешно проводили набор в дивизии, но оружие и амуницию они не получили, и не похоже было, что им удастся в скором времени участвовать в военных действиях. Наконец, генерал Кестринг, инспектор Восточных армий, отвечавший за русское движение, решил, что единственный способ убедить верховное командование и Гимmlера в эффективности РОА – это провести пробный бой.

Буняченко воспринял эту идею в штыки, заявив, что не позволит своим формированиям участвовать в бою до окончания обучения и получения полного боекомплекта. Тогда из русских, находящихся в Штеттине (ныне Щецин), была набрана группа добровольцев под командованием двух белоэмигрантов, полковника Сахарова и графа Ламсдорфа, и они отважно атаковали укрепленный плацдарм в Нейловине, на Одере. С точки зрения Кестринга – и, соответственно, Геринга – еще более внушительным успехом боя было то, что к власовцам перешли сто красноармейцев. Каким же мог быть эффект этого эксперимента, если бы его провели в более широком масштабе! Конечно, с ним запоздали на три года, но все же – разве не поразительно, что даже теперь, когда Германия доживала последние недели, антикоммунистические русские формирования в Померании и Югославии все еще привлекали значительные количества перебежчиков!¹²

Гимmlер был очень доволен этими результатами и выразил свое восхищение в телеграмме Власову. 23 февраля, в штаб-квартире Гимmlера,

Гейнц Герре, старший немецкий офицер, ответственный за создание русской армии, получил согласие рейхсфюрера СС на развертывание РОА на Восточном фронте. Герре вернулся с победой, но упрямый Буняченко, дивизия которого должна была выполнить эту задачу, заявил, что он, как русский генерал, может принять такой приказ только от своего командующего. Доктор Крёгер вспоминает Буняченко как храброго и способного солдата, но немцам было трудно сотрудничать с ним. В свое время он служил в штабе Тимошенко, в 1942 году попал в плен, жизненные испытания сделали его закоренелым циником, а с приближением конца Германии он все чаще впадал в отчаяние, единственным спасением от которого становилась бутылка.

Власов отдал приказ, и 1-я дивизия выступила. Вермахт не предоставил им никакого моторизованного транспорта, а бомбежки союзников вывели из строя железнодорожную линию между Ульмом и Нюрнбергом, так что первые 200 километров дивизия со всем снаряжением проделала пешком. По пути к ним присоединялись группы русских "восточных рабочих" и военнопленных, и когда 19 марта они достигли Нюрнберга, состав дивизии возрос примерно на три тысячи человек.¹³

На время погрузки в поезд Буняченко устроил себе штаб-квартиру в соседней деревне, и здесь случился один довольно неприятный инцидент. Генерал Власов, как обычно в сопровождении доктора Крёгера, явился осмотреть уходящие на фронт войска. Было 8 часов утра, и никто не доложил Буняченко о появлении генерала и оберфюрера. Адьютант смущенно объяснил, что Буняченко не может принять их, так как мучается зубной болью. Когда же они стали настаивать, он попытался попросту загородить им путь, но Власов, человек недюжинной силы и почти двухметрового роста, отстранил его и вошел в комнату. За столом, уставленным бутылками и стаканами, сидели вдрызг пьяные генерал Буняченко и его начальник штаба, а также два младших офицера и парочка полуодетых девиц явно не военного вида. Поскольку Буняченко в это самое время должен был заниматься отправкой своей дивизии на фронт, Власов, естественно, пришел в ярость. К тому же, он, видно, боялся, как бы доктор Крёгер не доложил об этом Бергеру или Гиммлеру. По словам самого Крёгера, после этого случая он не раз чувствовал на себе неприязненный взгляд Буняченко.

Тем не менее все прошло по плану, и 26 марта последние отряды прибыли в учебный лагерь в Либерозе, к северу от Коттбуса. Немецкий командующий группы армий "Висла" генерал Хейнрих с немалым удивлением встретил неожиданное подкрепление и поначалу не мог придумать ему подходящей задачи, но в конце концов решил пустить русским солдатам кровь в наступлении на плацдарм советских войск в Эрленгофе, к

югу от Франкфурта-на-Одере. На эту позицию уже была предпринята неудавшаяся атака, после которой плацдарм еще дополнительно укрепили. Это была невероятно трудная задача, но Буняченко согласился на нее при условии, что ему будет обеспечена достаточная артиллерийская поддержка. Наступление началось в 5 часов утра 14 апреля и закончилось полным поражением: власовцы, не поддержанные, как было условлено, артиллерийским огнем, не говоря уж о помощи с воздуха, волнами бросались на хорошо укрепленные, обнесенные проволокой советские позиции. После ожесточенного четырехчасового боя Буняченко приказал отступить.

Вернувшись в Либерозе, дивизия занялась зализыванием ран, а Буняченко со штабом принялись решать, что делать дальше. Все понимали, что поражение немецкого союзника неизбежно, а воевать в тех условиях, которые им создали, — бессмысленно. Власов и его старшие офицеры тоже пытались разобраться в критическом положении, в котором они оказались. Ясно было одно: уже само их пребывание в Германии неминуемо приведет РОА к катастрофе. Через несколько дней произойдет встреча американской и Красной армий, и даже если расчеты на долгожданный разрыв между союзниками оправдаются, РОА это ничего не даст — столкнувшиеся глыбы сотрут ее в порошок. Слабая надежда маячила им только на юго-востоке: Красной армии еще предстояло продвигаться вверх по Дунаю и в Богемию, а национальные движения в Чехословакии, Венгрии и Югославии ожесточенно сопротивлялись советскому владычеству, кое-где даже шли бои, а в Греции английские войска подавили попытку коммунистов захватить власть в стране. В кругах КОНР было много разговоров о создании "третьей силы" из этих разрозненных, но несомненно антикоммунистических сил. Кроме того, имелись еще казаки. Фон Паннвиц, Доманов и Краснов согласились на включение своих частей в РОА. Доктор Крёгер присутствовал на торжественном обеде в Берлине, где собрались представители казаков и КОНР. Он вспоминает, что, несмотря на неблагоприятную ситуацию, там царил атмосфера радостного энтузиазма и надежд.

Как бы то ни было, последняя возможность выжить оставалась лишь на юге. Буняченко, с некоторым запозданием проявляя свой талант, начал свой необычный поход, который вполне справедливо сравнивали с походом Ксенофонта.* 1-я дивизия РОА продвинулась почти на 500 километров к югу. С левого фланга наступали советские войска, к тому же приходилось сопротивляться попыткам немецкой группы армий "Центр" заставить их

* Ксенофонт — древнегреческий писатель, историк и стратег, один из руководителей отступления, после гибели Кира, 10 тысяч греческих наемников через Малую Азию к Черному морю.

вернуться на фронт. Фельдмаршал Шернер даже потребовал выдачи непокорного Буняченко и его немедленной казни, но в тех условиях это было вряд ли возможно, да и сам Шернер через несколько дней попал в плен к американцам, и Буняченко спокойно продолжал свой поход. Пройдя восточнее Дрездена, дивизия вступила в Чехословакию, и 29 апреля штаб-квартира 1-й дивизии РОА расположилась в деревне Козоеды, севернее Праги. Здесь, за Рудными горами, Буняченко и 25 тысяч его людей могли немного передохнуть и подумать о дальнейших планах.

В Чехии в то время действовали два русских формирования. 19 апреля, в связи с приближением американской 7-й армии, учебным лагерям РОА в Мюнзингене и Хейберге пришлось эвакуироваться. 2-я дивизия РОА под командованием Зверева вместе с авиакорпусом Мальцева и другими резервными формированиями (всего около 22 тысяч человек) вышли к Фюрстенфельдбруку, к западу от Мюнхена. Отсюда их поездом отправили в Лиенц, и они двинулись на север, чтобы сойтись у Праги. К 4 мая войска Зверева оказались на пути к Праге, между Бадвайсом и Страконницами. Ближайшими вражескими войсками была не Красная армия, находившаяся еще довольно далеко на востоке, в Словакии, а американская 3-я армия генерала Паттона, уже стоявшая на границах Чехии. В генеральном штабе РОА ничего не знали о секретном соглашении, по которому западные союзники уже уступили Советам всю Чехословакию, и власовцы полагали, что Чехия может перейти под контроль американцев.

Положение на фронтах ухудшалось с каждым днем, мечты о соединении с казаками или антикоммунистическими югославами рассыпались в прах, и командирам стало понятно, что различные формирования РОА должны действовать самостоятельно — пока вообще остается хоть какая-то свобода решений. Постепенно они пришли к выводу, что единственный выход — это попробовать начать переговоры о сдаче в плен американцам при получении, как они надеялись, удовлетворительных гарантий.

Первую попытку такого рода предпринял генерал Ашенбреннер, атташе немецких военно-воздушных сил при авиакорпусе Мальцева. В конце марта Ашенбреннер завязал в Праге знакомство с предприимчивым ученым Теодором Оберлендером, большим знатоком русских дел. Оберлендер в конце 20-х — начале 30-х годов бывал в СССР в качестве профессора сельского хозяйства и даже, на подмосковной даче Радека, встречался с Бухариным, о способностях которого был самого высокого мнения. Ему не разрешили вывезти из страны заработанные деньги, и он потратил их на поездки в Грузию. Позже, при разработке плана "Барбаросса", абвер обратил внимание на этого человека, и он начал войну в украинском батальоне "Нахтигаль" ("Соловей"), которым командовали немцы, а затем, когда

в 1942 году немецкие войска дошли до Кавказа, стал командиром антивоветского формирования горцев. В формировании поначалу было около 1 100 кавказцев, набранных из военнопленных в немецких лагерях. Затем отряд увеличился до 1 600 человек за счет перебежчиков из красноармейских частей, с которыми ему приходилось сражаться. 22 июня 1943 года, ровно через два года после вторжения в СССР, Оберлендер распространил в военных кругах меморандум о немецкой политике в России, где выражал свое возмущение слепотой немецких властей, которые бессмысленными жестокостями восстановили против себя людей, поначалу встречавших немцев как освободителей, и сформулировал и обосновал в десяти предложениях более гуманную и разумную политику, назвав ее "Союз или использование". Этот шаг вызвал ярость в высших кругах: Кейтель отстранил Оберлендера от командования, а Гиммлер пытался и вовсе засадить его в концентрационный лагерь. Оберлендера спасло только вмешательство генерал-губернатора Праги Франка. В конце концов, после эвакуации армии из Дабендорфа в Судеты, он был назначен комендантом учебного заведения для офицеров РОА.¹⁴

Оберлендер был в Праге, когда Ашенбрэннер разыскал его и привез в Мариенбад для встречи с Мальцевым и другими офицерами авиакорпуса РОА, чрезвычайно обеспокоенными своим положением. В последовавшей беседе Оберлендер поддержал предложение сдаться американцам, считая это единственной возможностью избежать сдачи в плен Красной армии, что, разумеется, было для власовцев немислимо. Узнав, что Оберлендер владеет английским, Ашенбрэннер предложил ему выступить в качестве посредника в переговорах о сдаче корпуса, и тот согласился. Уезжая назавтра из Мариенбада, он вез с собой письмо Ашенбрэннера, спрятанное в ботинке. Дело следовало держать в секрете не только из опасения, что доктор Крёгер доложит о плане своим начальникам по СС, но и потому, что находившиеся на передовой части СС могли задержать Оберлендера и расправиться с "предателем".

Вооруженный одним лишь пистолетом, Оберлендер перешел линию фронта и добрался до замка графа Кобургского. Через три дня, когда американские танки окружили деревню, он разыскал американского офицера, майора Штейна, и сдался ему в плен, объяснив, что должен повидать командира. Штейн передал эту просьбу по инстанции, и на следующий день, 24 апреля, Оберлендера привели в конференц-зал. Висевшие на стене оперативные карты были поспешно прикрыты. Немца допрашивали генерал Кеннеди и шесть полковников. Он объявил о своем намерении вести переговоры о сдаче в плен авиакорпуса Мальцева с одним единственным условием: чтобы их не передали Советам. Генерал, мало что понимая

в этом деле, спросил, за кого воюют эти русские — за Германию или США? Оберлендер объяснил, что речь идет о части антикоммунистической армии генерала Власова, они никогда не воевали против американцев, но, если на них нападут, они, разумеется, окажут сопротивление, и в этом бессмысленном бою могут погибнуть многие американцы. Генерал заявил, что, разумеется, предпочел бы избежать такой случайности, но ничего не может обещать, не переговорив предварительно с русским командиром.

Оберлендер согласился. После этого его проводили до самого передового американского поста, и отсюда он вернулся в штаб авиакорпуса РОА. По дороге его остановил патруль СС, но ему удалось отговориться. Рассказав Мальцеву о своих успехах, Оберлендер вместе с Ашенбреннером на штабной машине с белым флагом отправился назад, в штаб Кеннеди. Генерал люфтваффе Ашенбреннер отличался представительной наружностью и умением расположить к себе, так что ему удалось быстро установить контакт с генералом Кеннеди, высказавшим явный интерес к РОА. (К тому же, как не без удивления обнаружил Оберлендер, американский генерал был неплохо информирован: так, от профессора в качестве удостоверения личности он потребовал образец подписи и сравнил его с копией подписанного Оберлендером меморандума от 22 июня 1943 года! Поскольку этот документ имел широкое хождение в кругах высшего командования вермахта, 3-я американская армия заполучила экземпляр в числе бумаг, захваченных во Франции или Германии. Штаб армии проявил чрезвычайный интерес к рассказу бывшего полковника советской авиации Мальцева о жизни в СССР — об этом свидетельствовал приказ, подписанный генералом Паттоном, который видел Оберлендер.

Наконец, Кеннеди заявил, что удовлетворен предложением, и дал слово, что сдавшиеся в плен не будут переданы Советам. Авиакорпус Мальцева должен явиться с белыми флагами и подвергнуться разоружению. Затем, как предложил Оберлендер, они отправятся назад, в Мюнзинген, в дороге их будут кормить и охранять американские власти. В ту ночь Ашенбреннер не спал, одолеваемый мучительными сомнениями: правильно ли он поступил, приняв эти условия. Но Оберлендер, уверенный, что другого пути нет, успокоил его, и на следующий день генерал вернулся в Мариенбад и рассказал Мальцеву о достигнутой договоренности.

Таким образом, как подчеркивает Оберлендер, за 4 дня были спасены 8 тысяч человек. Имеющиеся данные говорят за то, что Кеннеди выполнил условия соглашения, очевидно, не без участия влиятельного генерала Паттона, и большинство — если не все — члены мальцевского корпуса нашли убежище на Западе. Подтверждение этому было получено весьма необычным образом. Через десять лет после войны Оберлендер нанес официальный

визит в Вашингтон в качестве федерального министра по делам беженцев. В американской столице он и его жена неожиданно получили приглашение на прием, где их встретила группа бывших офицеров авиакорпуса РОА. Они рассказали Оберлендеру, что американцы сдержали слово и в конце концов освободили членов корпуса. В 1974 году, когда Оберлендер еще раз побывал в Вашингтоне, к нему подошел в гостинице Хилтон какой-то человек (оказалось, он когда-то служил у Мальцева).

Было, впрочем, одно исключение: самого Мальцева отделили от его людей, перевезли в Бельгию, а затем — в США и через год, в мае 1946, передали советским властям.¹⁵ Вскоре Военная коллегия Верховного Совета СССР объявила о его казни через повешение.¹⁶ Конечно, очень грустно, что это исключение имело место. И все же нам кажется вполне справедливым присоединиться к похвалам, которые профессор Оберлендер расточает генералу Кеннеди. И если согласиться с утверждением профессора Хью Тревора-Ропера в его предисловии к книге Н. Бетелла, что подлинными героями трагедии репатриации являются женщина, которая спасла одного русского, и офицер, который отказался выносить свое суждение о поступках бывших власовцев, то американский генерал, спасший восемь тысяч человек, наверняка заслуживает доброго слова.

Пока Теодор Оберлендер ждал разговора с генералом Кеннеди, генерал Ашенбреннер сопровождал Власова и других членов КОНР к австрийской границе, в дом некоего человека, симпатизирующего немцам. В группе офицеров царил пессимистическое настроение. Годами вынашиваемые надежды на освобождение России испарялись на глазах, со скоростью песка в песочных часах. Все сошлись на том, что остается лишь сдача в плен западным союзникам. Но как войти в контакт с ними? Власов уже предпринял одну неудавшуюся попытку завязать переговоры через Международный Красный Крест в Женеве, выслав туда члена КОНР Юрия Жеребкова.¹⁷ Известий от Оберлендера Ашенбреннер пока не получил. Удастся ли следующая попытка? Впрочем, выхода у них все равно не было.

На этот раз парламентаром был выбран генерал Василий Малышкин, воспитанный, культурный человек, кадровый офицер, арестованный в связи с делом Тухачевского. В первые недели войны, когда Красная армия отступала на всех фронтах, его поспешили вернуть в ряды армии. На фронте он попал в плен, оказался в лагере и в 1942 году, подпав под влияние Власова, присоединился к освободительному движению. Теперь ему надлежало в сопровождении верного Штрик-Штрикфельдта разыскать ближайшего американского командира. Доктор Крёгер снабдил их пропусками на право свободного передвижения во фронтовой полосе, чтобы их не задержали отряды СС, прочесывающие передовую в поисках дезертиров.

Штрик-Штрикфельдт описывает в своих мемуарах трогательное прощание с генералом Власовым, к которому он относился с любовью и уважением. Власов был внутренне сломлен, но, с горечью говоря об утраченных надеждах, твердо заявил, что иначе поступить не мог. И если его назовут предателем за то, что он искал иностранной помощи для освобождения своей страны, то разве нельзя с тем же основанием назвать предателями Джорджа Вашингтона и Бенджамина Франклина?

– Но они вышли победителями в борьбе за свободу. Американцы и весь мир чествуют их как героев. Я – проиграл, и меня будут называть предателем, пока в России свобода не восторжествует над советским патриотизмом. Я уже говорил вам, что не верю, чтобы американцы стали помогать нам. Мы придем с пустыми руками. Мы – не фактор силы. Но когда-нибудь американцы, англичане, французы, может быть, и немцы, будут горько жалеть, что из неверно понятых собственных интересов и равнодушия задушили надежды русских людей, их стремление к свободе и к общечеловеческим ценностям.

В Нессельванге, на австрийской границе, Малышкин и Штрик-Штрикфельдт встретили войска американской 7-й армии. Когда они объяснили, для чего прибыли, им завязали глаза и привезли в джипах в штаб командующего армией генерала Пэтча. Как и Кеннеди, Пэтч заинтересовался историей РОА и внимательно выслушал длинный, взволнованный рассказ Малышкина (при встрече присутствовал переводчик). Малышкин рассказал о захвате власти большевиками в 1917 году, об ужасах ленинской и сталинской деспотии, о начавшейся в 1941 году борьбе по свержению варварской власти. Конечно, говорил он, Гитлер – ненадежный и неприятный союзник, но ведь у них не было выбора. В 1919 году Белая армия с радостью приняла поддержку англичан и американцев, но они заключили мир с большевиками и уже ничем не могли помочь миллионам русских, борющихся за свободу и справедливость. Наверное, будь на то их воля – они, русские люди, ни за что не вступили бы в союз с Гитлером, но разве в 1941 году у них была свобода выбора?

Генерал Пэтч, явно захваченный этой страстной речью, внимательно выслушал Малышкина. На его просьбу предоставить убежище всем членам РОА он ответил:

– К сожалению, проблема эта совершенно вне моей компетенции как армейского генерала. Но я обещаю вам тотчас же направить вашу просьбу генералу Эйзенхауэру. Я охотно постараюсь сделать все, что смогу!

На следующий день Пэтч заявил, что примет сдачу русских дивизий. "Значит ли это, господин генерал, что с русскими будут обращаться по правилам, установленным Женевской конвенцией?" – спросил Штрик-Штрикфельдт. На это генерал Пэтч не дал прямого ответа, подчеркнув лишь, что с ними будут обращаться "по действующим для немецких военнопленных правилам". Под конец разговора он неожиданно протянул Малышкину руку и сказал:

Как генерал американской армии, я сожалею, генерал, что это все, что я могу сказать вам. От себя лично я добавлю, что делать это мне весьма не по душе. Я понимаю вашу точку зрения и хотел бы заверить вас в моем личном глубоком уважении. Но и вы должны меня понять: я солдат.

Поскольку Малышкин и Штрик-Штрикфельдт были парламентарями, им должны были позволить пробраться назад через фронт, но их – умышленно или невольно – задержали на три дня, до 8 мая, когда было объявлено о капитуляции Германии, и они из парламентарей превратились в военнопленных.¹⁸ Между тем, не имея ответа от своих посланцев, Власов и его генералы лихорадочно искали выход из тупика. В начале мая штаб Власова находился в деревне Козоеды, к северу от Праги. В эти дни доктор Крёгер впервые заметил, что многие власовцы с недоверием поглядывают на своих немецких коллег. Разумеется, в воздухе носились какие-то недобрые предчувствия, но было неясно, ограничится ли дело просто раздором – что было бы вполне понятно в такой ситуации – или же обернется чем-то посерьезнее.

Примерно 4 мая Власов смог воочию убедиться, как неумолимо расширяется трещина в русско-немецком союзе. Вместе с доктором Крёгером он поехал в штаб генерала танковых войск Фрица Хота в Рудных горах, чтобы выяснить возможности дальнейшего вооруженного сопротивления (миссия закончилась неудачей). По дороге они проезжали немецкий пост, которым командовал молодой лейтенант. На обратном пути они обнаружили, что на пост напали восставшие русские войска и офицер был убит. Как и Краснов в Маутене, генерал Власов пришел в ужас от этого предательского нападения на солдат страны, которая все еще была их союзником.

Вернувшись к себе, Власов принял генерала Буняченко. Подробности их разговора доктор Крёгер узнал позже, от одного из помощников Буняченко. Буняченко сказал, что спасти их может лишь полный разрыв с гнущимися немцами и что он уже начал переговоры с чешскими

националистами. Если власовцы успеют помочь чехам восстановить их государственность, новое чешское правительство может предоставить убежище своим братьям-славянам из РОА. Но Власов решительно отверг все эти доводы, назвав их бесчестными и нереальными. Он сказал, что несмотря на все ошибки и жестокость нацистской политики немцы проявили себя верными союзниками и нанести им удар в такой тяжелый момент было бы предательством. К тому же, заметил он, Красная армия вот-вот войдет в Прагу, так что все эти рассуждения напрасны. Буняченко выслушал командующего, но продолжал твердить, что немцы постоянно вставляли РОА палки в колеса либо использовали русских в собственных целях, что германская политика целиком и полностью основана на оппортунизме и что командиры РОА обязаны любыми средствами спасти своих солдат. Оба генерала расстались очень недовольные друг другом.

5 или 6 мая доктор Крёгер отправился в Прагу на встречу с генерал-губернатором Франком. Через два дня оба – и Крёгер, и Франк – оказались буквально пленниками в Градчанском дворце. Группы сопротивления вышли на улицы города, объявив о восстановлении чешского государства. Немецкого гарнизона в Праге уже фактически не было, и чехи сумели почти полностью овладеть городом. Впрочем, этот временный успех лишь выявил слабость отважных, но плохо вооруженных повстанцев, которые отступили под натиском отрядов СС, полных решимости драться до последнего. Чешские руководители в панике воззвали к Буняченко.¹⁹ Русский генерал с радостью ухватился за возможность делом доказать разрыв с немцами, а заодно заслужить благодарность чехов. 1-я дивизия РОА стояла всего в нескольких километрах от Праги, на Пльзеньском шоссе. Буняченко отдал приказ двигаться на столицу, одновременно послав приказ генералу Звереву привести с юга 2-ю дивизию. Не ожидая от Зверева подтверждения, 1-я дивизия в количестве 25 тысяч человек двинулась на Прагу. После ожесточенных боев она заняла аэродром, радиостанцию и другие опорные пункты, и к вечеру город перешел в руки чехов и власовцев. По радио попеременно на чешском и русском языках провозглашалось создание пан-славянского государства, в котором будут жить бок о бок оба народа.

Тем временем Франк и Крёгер в осажденном Градчанском дворце получили от уцелевших в окрестностях города немецких постов донесение, что на улицах начинают появляться вооруженные отряды чехов-коммунистов с красными флагами. Час их победы неминуемо приближался: к городу с востока двигались две дивизии Красной армии. Радостное упоение победой сменилось у Буняченко мрачным осознанием реальности.

Когда поступило известие о безоговорочной капитуляции Германии, Буняченко получил от Временного (патриотического) чешского правительства разрешение вывести дивизию из города. Не желая терять такую редкую добычу, чешские коммунисты попытались помешать отступлению. И солдаты РОА вновь оказались союзниками немцев: они вместе старались уйти от Красной армии и с помощью двух рот танковых войск СС 9 мая пробились через окружение к своей базе под Прагой. Благодаря власовцам Прага была сдана Красной армии без боя, так что город не подвергся разрушениям.²⁰

Но вернемся к Власову и 2-й дивизии РОА под командованием Зверева. В конце апреля Зверев со своей дивизией вышел из Линца на север, к Праге. С ним шел Федор Трухин, начальник власовского штаба. Никто из них не знал о намерениях Буняченко помочь чехам, и 5 мая они начали с американцами переговоры о сдаче в плен. Американцы дали им тридцать шесть часов, после чего они должны были придти в назначенное место и сложить оружие. Получив такой ответ, Трухин послал генерала Боярского сообщить Власову и Буняченко о предстоящей капитуляции и посоветовать им, пока не поздно, последовать их примеру. Трухин ждал — но ответа не было, а срок, поставленный американцами, приближался. Тогда Трухин решил сам идти на север вместе с еще одним генералом и своим адъютантом, Ромашкиным. Они шли, нимало не заботясь об оборонительных мерах — ведь чехи всегда по-дружески относились к русским. Но в городке Пшибраме их ждала ловушка: отряд, который по одному вылавливал генералов РОА, вознамерившихся пройти через этот городок. Так был пойман и тут же повешен Боярский. Самого Трухина отправили в Москву, а шедшего с ним генерала расстреляли на месте. Попал в эту ловушку и еще один генерал, посланный на розыски Трухина. Об этом стало известно, когда в Пшибрам прибыл отряд 2-й дивизии и обнаружил там арестованного трухинского адъютанта.

Мало того, что пропали старшие офицеры — невозможно было связаться с самим командующим. Генерал Зверев с передовыми отрядами был в Каплице, далеко от дивизии. Среди власовцев воцарилось отчаяние. Старший офицер дивизии генерал Меандров решил, что не может нарушить срока, поставленного американцами, и повел все отряды через фронт — сдаваться в плен. Зверев пребывал в состоянии меланхолического бездействия. Его фронтовая жена покончила с собой, и он отказывался отойти от ее тела. В конце концов он и его люди были взяты в плен советскими войсками, и Зверева увезли в Москву. Спаситься удалось только одному полку дивизии, успевшему продвинуться на запад и присоединиться к Меандрову.

Тем временем генерал Власов с группой офицеров отправился в Пльзень, намереваясь сдаться американцам. Среди офицеров был Иван Кононов, полковник корпуса фон Паннвица, прибывший к Власову для переговоров о соединении казаков и отрядов РОА. Когда стало известно о капитуляции Германии, Кононов ушел, заявив, что должен пробираться к своим. Вечером Власов и его группа достигли ближайших американских постов, и дружелюбный майор проводил их в Пльзень, где их приветливо встретил полковник, уверенный, что принимает делегацию Красной армии — о существовании РОА он просто ничего не знал. Впрочем, недоразумение скоро выяснилось. Генерал, к которому наутро отвели Власова, отказался дать гарантии, что офицеры и солдаты РОА не будут выданы советским властям, и заявил, что американцы примут их только в том случае, если Власов и дивизия Буняченко готовы сдаться без всяких условий.

Пока Власов решал, что делать, появился американский офицер. Он сообщил, что 1-я дивизия РОА прибыла в близлежащий город Шлюссельбург, и предложил Власову присоединиться к Буняченко, осведомившись, достаточно ли бензина в генеральской машине. Похоже, он намекал на то, что не помешает генералу бежать. Но Власов погрузился в апатию: дело русского освобождения было проиграно, и его личная судьба уже не имела ни малейшего значения. Он согласился ехать в Шлюссельбург.

Американцы повели генерала и его офицеров к грузовикам. На улице толпа восторженных чехов бурно приветствовала спасителя их любимой Праги радостными криками, Власову бросали цветы, но он, не обращая ни на что внимания, равнодушно глядя прямо перед собой, сел в машину, и колонна двинулась в путь. Под вечер они прибыли в Шлюссельбург, в замок на окраине города, где стоял американский гарнизон. Здесь их встретил комендант города, капитан Донахью. С интересом посмотрев на Власова, Донахью спросил, почему тот решил воевать против своей страны. Когда переводчик перевел вопрос, Власов бесстрастно заметил, что не видит смысла отвечать. Но Донахью, выказывавший явную симпатию и интерес к русскому генералу, настаивал. Он не собирался осуждать Власова; ему просто хотелось понять, что заставило генерала выступить против Сталина. Наверное, искренность американца тронула Власова, и он разразился взволнованной речью. Он говорил о терроре, развязанном в стране, о ведущейся вот уже четверть столетия войне против простого народа, с одной стороны, и высших идеалов цивилизации и культуры — с другой, о рабском труде и пытках, ставших основными институтами государства, о провале Красной армии в 1941 году как

следствии предательской политики правительства. Он говорил долго и горячо, и когда он кончил, во взгляде Донахью светилось нескрываемое восхищение.

— Благодарю вас, генерал, — сказал он. — Я сделаю для вас все, что могу.

Назавтра, 11 мая, Власов узнал, что 1-я дивизия стоит лагерем в нескольких километрах от города. По распоряжению американцев, она сдала оружие, но в войсках сохранялся образцовый военный порядок. Донахью объяснил, что его войска завтра должны покинуть этот район и пройти назад, за демаркационную линию, о которой договорились Эйзенхауэр и Жуков. Никаких инструкций по поводу сдавшихся русских он не получил. Донахью предложил Власову самостоятельно пробраться к англичанам и попробовать вступить с ними в переговоры (ему и в голову не пришло, что это означало прыгнуть из огня да в полымя). Власов испытывал сильное искушение согласиться. В Шлюссельбурге уже начали появляться советские офицеры и чешские партизанские вожди, и он понимал, что промедление смерти подобно. Приехав в штаб к Буняченко, он разъяснил положение и предложил дивизии разделиться на небольшие группы и отойти назад вместе с американцами (как дивизию, американцы их бы в свою зону не пустили). Когда Власов вернулся в замок, Донахью сообщил ему, что из генерального штаба пришел запрос о местонахождении Власова.

— Так вы здесь или нет? — многозначительно спросил американец.

Вполне оценив его намек, Власов равнодушно ответил: — Я здесь.

В тот вечер, в семь часов, жители города услышали, как советские танки продвигаются через мелколесье. Буняченко, не мешкая, приказал уйти из деревни Гвоздьяны, где расположилась дивизия, в окрестные леса. Советская танковая бригада остановилась всего в трех километрах от американской линии фронта, дорога была каждая минута. Сев в свой штабной автомобиль, Буняченко с дикой скоростью понесся по дорогам, разбитым американскими противотанковыми заграждениями. В Шлюссельбурге он попросил разрешения увести свою дивизию вместе с уходящими американцами. Но капитан Донахью, как и всякий союзный командир, не знал, что делать в такой ситуации, и был вынужден обратиться к начальству, Буняченко предложили придти за решением завтра, в 10 часов утра. Тот вернулся в штаб в ужасной тревоге. Если американцы на час-другой затянут переговоры или Красная армия раньше времени начнет продвигаться вперед, тысячи власовцев, зажатые в трехкилометровом пространстве, погибнут. Счет шел на минуты.

Все решил удивительный случай. В тот вечер полковник Артемьев, командир 2-го полка, отправился к Буняченко выяснить его планы. В лесу

он наткнулся на красноармейского офицера. Тот сразу увидел знаки различия РОА, но Артемьев сделал вид, что его как раз послали разыскать местного красноармейского командира и вступить в переговоры о сдаче 1-й дивизии РОА. Советский офицер, обрадовавшись, что первым принесет начальству хорошие вести, повел Артемьева к полковнику Мищенко. Тот встретил гостя с распростертыми объятиями и тут же заявил, что, конечно, дивизия должна сдаться ему. На каких условиях? Ну, о чем разговор, стоит владовцам сложить оружие – и советский командир примет их, как отец – блудного сына. Артемьев объяснил, что должен проконсультироваться с Буняченко, и Мищенко отпустил нежданного гостя с самыми добрыми напутствиями.

Явившись в штаб дивизии, Артемьев рассказал встревоженному Буняченко о любезном приглашении советского полковника. Поскольку встреча генерала с американцем была назначена только на 10 часов утра, важно было предупредить какое бы то ни было продвижение Мищенко до этого времени. Буняченко приказал Артемьеву вернуться в Гвоздьяны и сообщить советскому офицеру, что сдача в плен произойдет в 11 утра. Артемьев так и сделал и даже – для пушей убедительности – потребовал у Мищенко письменной гарантии безопасности для дивизии. Мищенко подписал гарантию на клочке бумаги и пригласил Артемьева отобедать. За столом, разгоряченный изрядной порцией спиртного, советский полковник пустился в разглагольствования насчет замечательной жизни в СССР. Хитро поглядывая на Артемьева, он предложил, чтобы тот, не дожидаясь Буняченко, привел свой полк ночью, заверяя, что Артемьев не только не будет наказан, но ему даже сохранят его армейское звание. Кое-как отговорившись, Артемьев на рассвете пустился в путь, заручившись обещанием Мищенко не предпринимать никаких действий до 11 часов.

К счастью, Донахью ночью получил от высшего командования радиотелеграмму с разрешением для 1-й дивизии РОА перейти в американскую зону оккупации. Однако, по мнению Донахью, несмотря на разрешение, разумнее было бы переходить небольшими группами. Прибыв в 10 часов на совещание, Буняченко обнаружил там Власова, который все это ему передал. Буняченко помчался назад в Гвоздьяны – отдать последний приказ. Он объявил, что солдаты освобождаются от воинской присяги и всем следует срочно отходить в южном направлении. В дивизии началась паника. Солдаты принялись поспешно уничтожать документы, знаки различия и другие свидетельства их службы в РОА, толпились вокруг бывших офицеров, спрашивая, куда идти. Те отвечали, что на юг, но тут же возникали сомнения, не выдадут ли их американцы Советам. Многие,

до предела вымотанные испытаниями последних месяцев, решили сразу сдать советским войскам. Ведь из лагеря, в конце концов, может и удастся выйти... Этот путь избрали около 10 тысяч человек. В течение многих недель после этого отряды Красной армии и чешские партизаны вылавливали в лесах беглецов, и вряд ли кому-то удалось уйти от пули или этапа за Арктический круг. Остальные перешли в американскую зону, но большинство было вскоре выдано советским властям. Так закончила свои дни единственная уцелевшая дивизия РОА.

Из всей власовской армии остались только Власов, Буняченко и еще несколько офицеров. В тот же день — 12 мая — в 2 часа дня от замка в Шлюссельбурге отъехало несколько машин. Донахью тепло распрощался с Власовым, открыто посетовав, что тот не воспользовался предложенной ему возможностью убежать. В колонне было 8 грузовиков, ее сопровождал американский автомобиль. Но ехали они недолго. Километра через полтора путь им преградила замаскированная машина. Пленники увидели, что во главе колонны пристроился мрачный грузовик с красной звездой на борту. Из кузова выпрыгнули двое — батальонный комиссар Красной армии Якушев и бывший капитан РОА Кучинский, которого угрозами заставили опознать своих бывших командиров. Подойдя к первому грузовику, заглянули внутрь — там сидел Буняченко. Якушев приказал ему выйти, но тот заявил, что он пленник американцев и едет к их высшему командованию, а потому выйти отказывается. Якушев, понимая, что американцы следят за ним, проворчал что-то и пошел дальше, тем более что Кучинский не опознал бывшего командира 1-й дивизии РОА. Они продолжали обход, заглядывая по очереди во все грузовики. Генерал Власов сидел в последнем — Якушев узнал бы его даже без помощи Кучинского. Оружия у руководителей РОА не было, так что сопротивляться они не могли. Власов, сопровождаемый лейтенантом Ресслером, вместе с Якушевым и Кучинским, дошел до машины, в которой сидел американский офицер. Ресслер немного говорил по-английски, и Власов потребовал через него, чтобы ему, как пленнику американцев, позволили проехать беспрепятственно. Американец безучастно выслушал переводчика и ничего не ответил: то ли не понял, то ли сделал вид, что не понял.

Оценив ситуацию, комиссар Якушев вытащил пистолет. Власов тут же распахнул шинель и предложил комиссару застрелить его, на что Якушев ответил: "Тебя не я буду судить, а товарищ Сталин!" В этот момент на одном из американских грузовиков заработал двигатель, машина резко развернулась и с дикой скоростью помчалась назад по дороге. Много лет спустя Ресслер вспоминал, как в ту минуту у него зародилась надежда, что

этот грузовик успеет доехать до Шлюссельбурга и обратно и привезет на выручку капитана Донахью. Но в мае 1945 надежды быстро вспыхивали и так же быстро гасли — Якушеву удалось без всяких помех усадить Власова и Ресслера в грузовик, и их повезли мимо Шлюссельбурга, вдоль полей, где братались советские и американские солдаты, и высадили в штабе корпуса советских войск, где за праздничным столом союзники праздновали победу над нацизмом.

Якушев отправился в штаб и вскоре вернулся с сияющим от радости советским полковником, который потребовал от Власова подписать официальный документ о сдаче РОА в плен. Власов отказался, объяснив, что РОА больше не существует. Дальнейшая судьба этого человека, с которым были связаны надежды многих русских, долгое время оставалась тайной. Капитан Донахью, узнав о похищении Власова в лесу, выслал несколько поисковых партий в разных направлениях, но все было напрасно.²¹ Даже месяц спустя представители ВКЭСС докладывали, что "местонахождение Власова и Жиленкова неизвестно",²² а государственный секретарь США Грю заявил, что в случае, если они будут пойманы, их следует выдать Советам.²³ Лишь через год американцы сообщили, что Власов был передан Красной армии. Но даже это сообщение, умышленно или нет, было неточным. В нем говорилось, что Власов "был передан Советам чехословацкими властями после ареста в Праге 5 мая 1945 года".²⁴

Впоследствии было установлено, что после ареста Власова доставили во фронтовую штаб-квартиру СМЕРШа около Дрездена, там его допросили и затем самолетом отвезли в Москву.²⁵ 12 августа 1946 года московское радио передало сообщение, в котором впервые после ареста Власова упоминалось его имя:

На днях Военная Коллегия Верховного Суда СССР рассмотрела дело по обвинению Власова А.А., Малышкина В.Ф., Жиленкова Г.Н., Трухина Ф.И., Закутного Д.Б., Благовещенского И.А., Меандрова В.И., Буянченко С.К., Зверева Г.А., Корбукова В.Д. и Шатова Н.И. в измене Родине и в том, что они, будучи агентами германской разведки, проводили активную шпионско-диверсионную и террористическую деятельность против Советского Союза, т.е. в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-1 "Б", 58-8, 58-9, 58-10 и 58-11 УК РСФСР. Все обвиняемые признали себя виновными в предъявленных им обвинениях.

В соответствии с пунктом 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года, Военная Коллегия Верховного

Суда СССР приговорила обвиняемых Власова, Мальшкина, Жиленкова, Трухина, Закутного, Благовещенского, Меандрова, Буянченко, Зверева, Корбукова и Шатова к смертной казни через повешение. Приговор приведен в исполнение.

Все названные в этом сообщении, за исключением Трухина, Благовещенского и Власова, были переданы Сталину американскими военными властями при обстоятельствах, которые в некоторых случаях так и остались тайной. В частности, непонятно, почему репатриация ряда важных лиц была отложена более чем на год.²⁶ Так, по утверждению профессора Оберлендера, Мальцева до передачи советским властям в мае 1946 года перевезли сначала в Бельгию, а затем — в США. Относительно Мальцева имелся специальный приказ за подписью генерала Паттона (американцев интересовала военная информация, которой располагал бывший советский офицер). Кроме того, в пленных могла быть заинтересована американская разведка. По крайней мере один русский генерал, избежавший репатриации, рассказал мне, что после интернирования в нейтральном Лихтенштейне его навещал не кто иной, как Аллан Даллес, работавший тогда в Швейцарии.²⁷

Цитированное выше коммюнике в течение 27 лет оставалось единственным в СССР и за его пределами источником информации о судьбе Власова. В начале 1973 года в советском юридическом журнале "Советское государство и право" впервые появился отчет о суде над Власовым — возможно, вследствие того, что именно в это время КГБ обнаружил существование "Архипелага ГУЛага" А. Солженицына, в котором сочувственно говорится о судьбе Власова и его последователей. Главная цель статьи, написанной в очень резком тоне, "убедить читателя, что Власов несомненно был предателем и врагом советского народа".²⁸ Она начинается с утверждения, что Власов отказался от реальной возможности спасти свою 2-ю ударную армию на Волховском фронте в июне 1942 года и умышленно выбрал плен. Здесь не место подробно опровергать это обвинение, но во всех авторитетных источниках неизменно говорится об отважном и упорном сопротивлении Власова. Он попал в окружение вследствие ошибок Сталина при планировании наступления под Харьковом и при создавшихся обстоятельствах не мог спасти свою армию.²⁹

Основная часть статьи состоит из ожесточенных нападок на РОА и ее руководителей, которыми, как утверждает автор, двигали исключительно самые низкие мотивы. Он, впрочем, признает:

На следствии и в ходе судебного процесса Власов упорно отрицал и всячески уходил от ответственности за организацию шпионажа,

диверсий и террористических актов в тылу советской армии, а также отрицал свое непосредственное участие в расправе над антифашистами в лагерях военнопленных и в частях "РОА". Тут его приходилось изобличать показаниями других обвиняемых, свидетелей, очными ставками и вещественными доказательствами.

Эти сведения о судебных заседаниях представляют несомненный интерес. В другом месте мы читаем:

Заявляя... о своих переговорах с Крёгером и Радецким, Власов вставал в позу "крупного политического деятеля": да, я, дескать, вел вооруженную борьбу с советской властью и призывал к повстанческой деятельности в тылу советской армии. Я хотел использовать помощь СС и СД для подготовки организаторов вооруженной борьбы с Советами на территории СССР, но подготовкой шпионов и диверсантов для гитлеровцев я не занимался.

Не знаю, — говорил Власов, — может быть, мои подчиненные и делали что-нибудь в этом направлении, но без моего ведома.³⁰

Наконец, удалив явно появившиеся при "редактуре" резкие инвективы в адрес членов КОНР, мы получим, быть может, подлинный отрывок из заключительного слова Власова:

Я успел сформировать... армию для борьбы с советским государством. Я сражался с Красной армией. Безусловно, я вел самую активную борьбу с советской властью и несу за это полную ответственность.

С последней фразой согласится, пожалуй, всякий русский — каковы бы ни были его убеждения. Со времени окончания гражданской войны и до сегодняшнего дня Андрей Власов — единственный русский, который вел открытую политическую и военную борьбу на русской земле против советского режима. Оценка роли РОА грядущими поколениями будет зависеть от судьбы самой России.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Рассказ о конце РОА основан на книгах Рейтлингера, Торвальда, Даллина, Фишера и Стеенберга. Люди, имевшие к РОА отношение и упоминаемые мною в этой главе, помогли мне дополнить и исправить опубликованные на эту тему работы. Профессор Джон Эриксон снабдил меня фотокопией имеющейся у него рукописи 283-страничного отчета о власовском движении, составленного крупным немецким офицером ("Die Behandlung des russischen Problems während der Zeit des ns Regimes in Deutschland").
2. О последовавшей затем встрече Власова с Геббельсом см.: В. Штрик-Штрикфельдт. Против Сталина и Гитлера. Посев, 1981, стр. 173. Louis P. Lochner (ed.), *The Goebbels Diaries 1942-1943*. New York, 1948, p. 330, 347–348.
3. Там же, стр. 341–348.
4. Рассказ о встрече основан на воспоминаниях участника событий, доктора Эрхарда Крёгера. Он считает неверным утверждение Рейтлингера, что встреча была назначена на 19 июля (*Gerald Reitlinger. The House Built on Sand*. London, 1960, p. 360).
5. См.: В. Штрик-Штрикфельдт, указ. соч., стр. 327–330.
6. Там же, стр. 342–344. "The Times" отметил эту перемену позиции Гиммлера 11. 10. 1944.
7. Сочувственный рассказ о Власове и его окружении в Далеме приведен в кн.: Vladimir Petrov. *It Happens in Russia*. London, 1951, pp. 435–439.
8. "Voinov". *Outlaw: The Autobiography of a Soviet Waif*. London, 1955, pp. 230–231; Foreign Office [Архив министерства иностранных дел Великобритании], 371/66343.
9. Н. Краснов. Незабываемое. Сан-Франциско, 1957, стр. 229; Bernard Roeder. *Katoga: An Aspect of Modern Slavery*, London, 1958, p. 156. Дмитрий Панин. Записки Сологодина. Посев, 1973, стр. 380. О Пражской конференции см.: David Littlejohn. *The Patriotic Traitors*. London, 1960, pp. 309, 323–325; George Fischer. *Soviet Opposition to Stalin*. Harvard, 1952, pp. 88–89, 194–200. Краткое сообщение появилось в "The Times" 15.11.1944. Позже, 8.4.1945, "The Observer" напечатал большую подробную статью о генерале Власове и его пути.
10. См.: John A. Armstrong. *Ukrainian Nationalism: 1939-1945*. New York, 1955, pp. 179–185.
11. Подробнее см.: George Fischer, указ. соч., стр. 94–104; см. также сообщение в "The Times", 6. 12. 1944.
12. Доктор Крёгер допрашивал некоторых дезертиров на другой день после их сдачи в плен (см.: Sven Steenberg. *Wlassov: Verräter oder Patriot?* Köln, 1968, pp. 186–187; Gerald Reitlinger, указ. соч., стр. 367–377).
13. МИД получил сообщение об этом походе от бежавшего английского военнопленного (см.: Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/47955).
14. Я благодарен профессору Оберлендеру за приводимый рассказ. Имена и даты он проверил по своему дневнику. Благодаря этому удалось исправить неточности в версиях Рейтлингера (см.: Gerald Reitlinger, указ. соч., стр. 386) и Стеенберга (Sven Steenberg, указ. соч., стр. 227).

15. Эпштейн утверждает, что перед сдачей в плен Мальцев пытался покончить с собой (см.: Julius Epstein. Operation Keelhaul: The Story of Forced Repatriation from 1944 to the Present. Old Greenwich, Connecticut, 1973, p. 72).
16. См.: "Правда", 2. 8. 1946.
17. См.: Sven Steenberg, указ. соч., стр. 194 – 195.
18. См.: В.Штрик-Штрикфельдт, указ. соч., стр. 381 – 394.
19. Это воззвание было передано по радио 6 мая в 6.50 утра (подробнее об этом см.: Rudolf Strobinger. Wlassow auf der Seite der Tschechen. – Die Welt, 26.2. 1974).
20. Рассказ о действиях Буняченко в Праге основан на воспоминаниях доктора Крёгера и других документальных источниках.
21. Описание последних шагов Власова перед его пленением основано на полном отчете Стеенберга (см.: Sven Steenberg, указ. соч., стр. 216 – 226). В нем использованы ранее недоступные сообщения очевидцев, вносящие дополнения и изменения в книги Фишера, Торвальда и Рейтлингера.
22. Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/47955.
23. См.: Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers, 1945, V, Europe. Washington, 1967, p. 1099.
24. New York Herald Tribune, 2. 6. 1946.
25. "A.I. Romanov". Nights are Longest There. London, 1972, p. 152.
26. Sven Steenberg, указ. соч., стр. 240.
27. Информация получена от генерала Б. А. Хольмстона-Смысловского.
28. А.В. Тишков. Предатель перед советским судом. – Советское государство и право. 1973, № 2, стр. 89 – 98.
29. John Erickson. The Road to Stalingrad. London, 1975, pp. 352 – 353. Отставной генерал-полковник Красной армии Иван Коровников повторил советское обвинение в письме в "The Times" от 26.2.1974. Мой ответ, в котором я защищал Власова, был опубликован там же, 1 марта 1974.
30. Этот отчет явно противоречит тексту советского сообщения о казни Власова в 1946 году. Там говорилось, что он и его сообщники были осуждены как агенты германской разведки и признали свою вину.

Глава 13

МАССОВЫЕ РЕПАТРИАЦИИ В ИТАЛИИ, ГЕРМАНИИ И НОРВЕГИИ

Вопреки распространенному мнению, никто из казаков никогда не воевал против англичан или американцев. Но одно русское формирование действительно сражалось в Италии, в составе армий Кессельринга и фон Витингофа, — это была 162-я Тюркская дивизия, сформированная из жителей Кавказа и Средней Азии, которые либо оказались в немецком плену, либо бежали на Запад после Сталинградской битвы. Летом 1944 года, после обучения в Силезии, дивизия была отправлена на итальянский фронт и, потерпев вначале несколько поражений, впоследствии прекрасно проявила себя в странной войне, развернувшейся на итальянском фронте, где калмыки из среднеазиатских степей воевали против американских японцев.¹

По мере постепенного продвижения кампании на юг Италии многие солдаты дивизии сдались союзникам добровольно либо были взяты в плен. На протяжении 1944 года таких пленных перевозили пароходом в Египет, а затем переправляли в СССР через Ближний Восток. Но весной 1945 года появилась возможность использовать более прямой путь — через Дарданеллы и Черное море, и 22 марта группа из 1 657 бывших солдат дивизии отплыла в Одессу из Таранто, где находился большой лагерь для советских пленных и освобожденных союзниками советских граждан, под началом советской репатриационной миссии генерала Судакова. По прибытии в лагерь солдатам выдавали английскую форму, снабжали палатками и едой, в остальном же они были предоставлены самим себе и развлекались как могли, например, устроили самодеятельный театр, где можно было увидеть в великолепном исполнении киргизские пьесы и сванские танцы или послушать осетинский хор. Но 22 марта большинство

обитателей лагеря поднялись по шаткому трапу на борт английского судна "Арава". С палубы за ними наблюдали майор Грамасов из советской репатриационной комиссии и капитан Деннис Хиллс, старший офицер английского эскорта, говоривший по-русски.

Хиллс вспоминает, что пленные шли на судно вполне охотно,² заминка возникла лишь однажды, и то, как объяснили Хиллсу, просто потому, что один из репатриантов был пьян. Вскоре все были на борту, и "Арава" вышла в море. Лишь когда корабль пересек Эгейское море и шел через Дарданеллы, некоторые начали высказывать смутное недовольство, волноваться, не зная, что ждет их на родине. Хиллса засыпали вопросами. Многие говорили, что воевали в антифашистских партизанских отрядах. Но большинство — люди малообразованные, а то и вовсе неграмотные — с чисто восточным фатализмом ждали неизбежного. Хиллсу их страхи казались преувеличенными: ведь, судя по тому, что он читал и слышал о СССР в последние четыре года, правительство этой страны считало делом своей жизни свержение деспотии и осуществление демократических свобод, и он живо представлял себе, с каким почетом встретит родина вернувшихся солдат.

Но на мрачной одесской набережной — ставшей для многих далеким берегом Стикса — прибытие английского судна было встречено молчанием и равнодушием, а советская комиссия по встрече военнопленных состояла из канонерской лодки, которая проводила их в гавань. Первые два дня судном вообще никто не интересовался. Наконец, на третий день началась высадка. Майор Грамасов сверял по списку имя каждого, покидавшего корабль. На набережной они построились и строем ушли, а Деннис Хиллс, которому изрядно наскучила жизнь на борту "Аравы", получив пропуск, ринулся в опустевший порт.

На площади он наткнулся на своих подопечных: стоя под гигантскими портретами Сталина, они выслушали речь какого-то партийного оратора, потом строем ушли. От прохожих, шнырявших по площади в надежде раздобыть курево, Хиллс узнал, что военнопленных отправляют в специальный концентрационный лагерь за городом.

Когда "Арава" пустилась в обратный путь, на ее борту находились освобожденные из немецких лагерей французы, которых корабль доставил в Марсель. Здесь на борт поднялись 1950 русских из близлежащего лагеря,³ и "Арава" снова направилась на восток. Но Деннис Хиллс сошел по дороге и в Одессе больше не бывал. Весь этот эпизод оставил у него крайне неприятное впечатление. Кстати, переводчиком на судне был эмигрант, с детства живший в Италии, но в Одессе советские его похитили, и никто его больше не видел.

Основной состав Тюркской дивизии сдался в плен в районе Падуи после капитуляции немецкой армии в Италии в мае. Союзные офицеры не раз возмущались тем, что эти не немецкие солдаты рейха воевали до последнего, и этот довод часто приводился для оправдания сурового обращения с пленными.⁴ В действительности, некоторые дезертировали до окончания боев, а тот факт, что многие в отчаянии продолжали воевать, не удивителен. Они знали, что ждет их, если они сдадутся. Один из солдат дивизии, азербайджанец, за несколько месяцев до описываемых событий попал в плен к американцам, был отправлен в СССР через Ближний Восток и оказался в лагере в Сибири, откуда его вскоре послали на фронт, в штрафной батальон. Штрафные роты занимались в основном очисткой минных полей: в опасные места высылались под автоматными дулами группы, одна за другой очищавшие поле от мин ценой собственной жизни. Азербайджанец, о котором мы рассказываем, ухитрился ускользнуть от охраны и пересечь линию фронта. После допроса ему позволили присоединиться к его прежней дивизии, воевавшей в Италии. Там он рассказал о случившемся с ним, чем, естественно, отбил у своих однополчан желание перебежать к союзникам.⁵

После сдачи в плен солдат 162-й Тюркской дивизии перевезли поездом в Таранто, и через несколько недель они отправились на корабле в Одессу. Это путешествие уже не было таким безоблачным, как то, что описывал Деннис Хиллс. Перед отправлением один мулла сжег себя в знак протеста против репатриации, многие утопились в Черном море, предпочтя смерть исправительно-трудовому лагерю,⁶ некоторым помешали покончить с собой — в их числе был врач-азербайджанец, оказавшийся впоследствии в лагере на Воркуте.⁷ Все члены дивизии получили по 20 лет. Большинство попало на самые трудные и опасные работы по расчистке затопленных немцами донецких угольных шахт. Об этом Деннис Хиллс узнал в 1948-49 годах от допрашиваемых им по долгу службы немецких военнопленных, вернувшихся на Запад.

Но были и такие, кто не добрался ни до Воркуты, ни до Донбасса. Осенью 1945 года Хиллсу было поручено сопровождать группу русских военнопленных, выписанных из военного госпиталя в Удине в северной Италии. Госпиталь был "очень мрачным местом", там лежали в основном тяжелораненые, подорвавшиеся на минах, у большинства были ампутированы конечности, от многих, страдавших раком или туберкулезом, исходил неприятный запах. Относительно этих несчастных была достигнута договоренность с советской миссией: Советы настаивали, чтобы им был передан весь госпиталь целиком, но англичане твердо стояли на своем и отдали лишь одних пациентов.

Раненым была предоставлена возможность выбрать, возвращаться на родину или нет. Они решили вернуться — наверное, считая, что дома за ними будет лучший уход. В санитарном поезде их перевезли в советскую оккупационную зону Австрии. На австро-венгерской границе им пришлось целые сутки ждать советских представителей, а когда те наконец появились, выяснилось, что разгрузка начнется только после того, как капитан Хиллс подпишет документ, удостоверяющий дурное обращение англичан с ранеными. Это требование рассмешило Хиллса, и он прямо сказал советским представителям, что они сами, задержав свой приход на сутки, виноваты в ухудшении состояния раненых. Впрочем, вслед за тем он преспокойно подписал обвинительный документ. Раненых сгрузили на телеги, запряженные лошадьми. Многие были без сознания. С теми, у кого не было конечностей, не церемонились: эти обрубки грузили вповалку, по трое-четверо подряд. Погрузка кончилась, телеги потащились в гору, и несчастные жертвы порочного круга борьбы между схожими идеологиями — национал-социализмом и социализмом в одной отдельно взятой стране — скрылись из поля зрения Хиллса.

Впрочем, не всегда репатриация проходила по плану. В лагере в Аверсе, под Неаполем, находилось 800 чеченцев, ингушей и других советских мусульман. Комендантом лагеря был полковник артиллерии Чарльз Финдлей. Вскоре после дня победы пришел приказ доставить этих советских граждан в Легхорн для отправки их домой советской репатриационной комиссией. В поезде пленных сопровождали два офицера — американец и англичанин Джордж Хартман, бывший белоэмигрант. Полковник Финдлей, человек и по наружности, и по характеру недюжинный, с явным неудовольствием воспринял поставленную перед ним задачу и выполнил ее совсем не так, как предполагалось в военном министерстве или МИДе. Правда, в Легхорн поезд прибыл по расписанию, но оттуда на всех парах пошел назад. В Неаполе пленных быстро погрузили на корабль, направлявшийся в Египет, где бывшие советские граждане были переданы под протекцию короля Фарука.

Король Фарук, муфтий Иерусалимский, секретариат Арабской лиги и другие мусульманские руководители, пытаясь помочь своим преследуемым собратьям по религии, решили, что каждая арабская страна примет определенное число советских мусульман. Через много лет после войны Деннису Хиллсу стало известно, что группа из 100 кабардинцев, которых он при проверке гражданства спас от репатриации, в мае 1947 года попала в Дамаск и живет там до сих пор. Точная цифра спасенных неизвестна, но в 1946 году на Западе находилось предположительно около 80 тысяч мусульман, и непохоже, чтобы их насильно репатриировали.⁸

Уже в начале мая 1945 года было решено "в принципе принять предложение Вышинского о перевозке пленных по суше". 22 мая представители советского высшего командования, с одной стороны, ВКЭСС и штаб-квартиры союзных войск, с другой, встретились в Галле⁹ и подписали соглашение, в котором говорилось:

Все бывшие военнопленные и граждане СССР, освобожденные союзными силами, и все бывшие военнопленные и граждане союзных держав, освобожденные Красной армией, будут переданы через передовые линии каждой армии представителям соответствующих армий с каждой стороны.

Далее перечислялись приемно-передаточные пункты и подчеркивалось: "Выдача должна начаться через 24 часа после подписания этого документа..."

Еще до соглашения советским властям было выдано около 200 тысяч человек.¹⁰ Бывший капитан Красной армии вспоминает, как американцы выдали Советам через Эльбу 3 тысячи человек из лагеря в Плавене. 14 мая за пленными прибыла "огромная колонна студебеккеров". Никакого сопротивления или организованного протеста не было: лагерь находился в руках "партийного комитета".¹¹ Бежать, судя по всему, удалось только этому капитану.

Подписание Галльского соглашения придало процессу ускорение. К 4 июля в советскую зону Германии было передано не менее полутора миллионов русских.¹² Вряд ли нам когда-нибудь станет доподлинно известно, сколько из них возвращалось добровольно, сколько было принуждено к этому и насколько союзные офицеры были в курсе желаний репатрируемых. Но из свидетельств участников этих операций складывается довольно стройная картина. Русские напоминали людей, вышедших на яркий солнечный свет после заточения в пещере. Полусонные и сбитые с толку, они покорно шли, куда их вели. Времени для раздумий не было, а рассказы о том, что ждет их на родине, до них пока не дошли.

В середине апреля 1945 года американская армия передала лагерь для русских перемещенных лиц в Гисене в распоряжение генерал-майора Бевина Вильсона, работавшего для Международной Комиссии помощи беженцам (МКПБ). Его воспоминания о жизни обитателей лагеря несколько не напоминают рассказы тех, кто описывает страх или жестокость. В бараках жило около 5 тысяч человек, и почти все они дружно занимались разграблением окрестных деревень, активно участвовали в операциях черного рынка, пели, танцевали и вообще всячески развлекались. Вильсон пишет:

Мы обнаружили, что на 4 439 человек имелось всего 1 789 кроватей, и, разумеется, спальное место, предназначенное для одного, делили двое, особенно после обеда, когда все бараки занимались тем, что французы определяют словом "l'amour". Те же, кому не нашлось пары, спали на перевернутых буфетах, или составленных вместе столах, или же прямо на полу.

Впрочем, и здесь, как почти повсюду, где собирались русские, многие предпочитали любви – выпивку, но ее нелегко было достать. Вильсон вспоминает:

До открытия столовой, где давали пиво, невозможно было раздобыть какие-либо напитки. В первые дни после нашего прибытия 12 перемещенных лиц умерло ночью: они по ошибке выпили хлороформ, приняв его за водку. Их похоронили на территории лагеря.

Имелись и другие развлечения, менее опасные, например, "каледонский рынок".

В один прекрасный день на городскую площадь явились двое – один был переодет медведем, другой изображал поводыря. Медведь лапал всех случившихся поблизости женщин и вообще выглядел очень натурально, так что маленькие дети поначалу испугались, но потом привыкли и радостно бежали за ним.

Наконец, настало время возвращения. На американских десятитонках их доставили на железнодорожную ветку в лесу и посадили на поезд. 6 июня отбыла последняя группа. Все они, по воспоминаниям генерала, возвращались охотно. Впрочем, в отличие от генерала Вильсона, они вряд ли представляли себе, что ждет их на родине.¹³

Через несколько недель после дня победы границы восточной и западной оккупационных зон в Германии и Австрии были пересмотрены. 29 июня американский генерал Клей встретился в своем штабе с маршалом Жуковым для обсуждения деталей соглашения.

Маршал Жуков поднял вопрос о советских гражданах – бывших пленных – ныне перемещенных лицах... [Он] потребовал, чтобы лагеря сохранились в том виде, в каком есть, с целью передачи их Советам... Советы предлагают, чтобы американцы приняли и переправили всех перемещенных лиц, кроме русских... Генерал

Клей сказал, что американцы позволят остаться тем, кто не желает уезжать, но русских брать не будут, разве что случится ошибка, которую можно будет потом исправить.¹⁴

Это был удобный способ разместить большое количество русских, не используя и без того скудные транспортные средства. О том, как соглашение проводилось в жизнь, рассказал капитан Н.Ф. Чоунер, отвечавший за один из таких лагерей. Лагерь находился в Мекленбурге, и среди его обитателей было 2 тысячи русских. На Чоунера они произвели впечатление простых, неприветливых людей. Но он знал, что уготовало им советское правительство, так как еще до продвижения в этот район советских войск из лагеря увезли несколько групп русских. Их сопровождал знакомый Чоунеру офицер. Он рассказал затем, что как только поезд с русскими пленными прибыл в район расположения Красной армии, он был окружен вооруженной охраной, и пленных (почти все они были вывезены немцами на принудительные работы) увели в соседний лес. Вскоре оттуда послышалась стрельба, не смолкавшая в течение нескольких минут. И основательно поредевшая колонна вышла из леса. А на границе между зонами висели приветственные плакаты, и оркестр играл веселые мелодии.

Вскоре после этого стало известно, что 4 июля район займет Красная армия. За несколько дней до этого в лагерь явились люди в штатском (несомненно, сотрудники СМЕРШа) и начали принимать дела. Интересно, что одним из первых пострадал от их недовольства некий активист, назначивший себя в лагере "комиссаром". Он постоянно превозносил советский режим и уговаривал обитателей лагеря вернуться на родину, но ничего не помогло: первую ночь пути на родину он провел среди своих соотечественников во рву. Его дальнейшая судьба нам неизвестна.

Среди перемещенных лиц, людей по большей части малообразованных, выделялся русский инженер, вывезенный немцами вместе с женой. Понимая, что после репатриации их с женой сразу разлучат и отправят в разные лагеря, он умолял англичан разрешить ему и жене присоединиться к группе нерусских пленных, уходившей вместе с английскими войсками. Чоунеру очень хотелось помочь этому симпатичному человеку, но приказ не давал ему такой возможности, и инженеру пришлось разделить участь прочих обитателей лагеря. А вот бывшие жители прибалтийских республик, оккупированных СССР, не подлежали репатриации. Их в лагере было довольно много, и капитан Чоунер специально проследил за тем, чтобы их своевременно вывезли оттуда.¹⁵

Для верховного командования союзными войсками наличие такого огромного числа русских представляло большую проблему, и не только потому, что их надлежало кормить и обеспечивать крышей над головой. В воспоминаниях о первых месяцах мира неизменно повторяются рассказы о повальном пьянстве, о насилиях и грабежах, которыми занимались освобожденные русские. Около рурского поселения русских рабочих, например, была зверски изнасилована и изуродована дочка фермера, — и таких историй было немало.¹⁶ Генерал Вильсон и другие очевидцы вспоминают:

Обычно перед отъездом из лагеря русские [перемещенные лица] все крушили... явно находя особое удовольствие в ломке мебели, порче электроприборов, битье окон и вообще уничтожении всего, что легко и с большим шумом поддавалось уничтожению.

Вильсон объясняет эту страсть к разрушению ненавистью ко всему немецкому. Однако нам представляется более правдоподобным объяснение поляка, длительное время соседствовавшего в камере на Лубянке с русским. Поляка поразило отсутствие у его соседа

инстинкта собственности и уважения к вещам, непригодным для немедленного использования. Это в какой-то степени может объяснить, почему советская армия разрушает все на своем пути. Солдаты просто не отдают себе отчета в ценности плодов труда поколений и не понимают, что, уничтожая такие вещи, наносят непоправимый вред цивилизации. Эта варварская точка зрения дает им большие преимущества в войне.¹⁷

Неудивительно поэтому, что большинство английских и американских офицеров с облегчением воспринимали отъезд своих необузданных подопечных, нимало не задумываясь над их дальнейшей судьбой. Сомнения и раздумья возникли после первых, проведенных в спешке, майско-июньских операций. Число перемещенных лиц значительно сократилось, а сопротивление репатриации стало более открытым — быть может, потому, что каким-то образом просочилась информация о судьбе репатриированных, а может, напоследок остались те, кто был особенно тверд в решении не возвращаться. До сих пор случаи открытого сопротивления среди перемещенных лиц были относительно редки. Полковник Вернон И. Мак-Гукин, в мае 1945 года назначенный штабным офицером

в американскую 94-ю пехотную дивизию и отвечавший за 55 тысяч русских перемещенных лиц, вспоминает, что большинство возвращалось на родину добровольно, и в мае 1945 года американским солдатам не пришлось применять силу.¹⁸

В соглашении, заключенном Клеем и Жуковым 20 июня, оговаривалось, что в советскую зону оккупации будет переведен новый контингент перемещенных лиц, находившихся западнее.¹⁹ К 4 июля силы союзников перевели в район, ставший советской оккупационной зоной, 165 тысяч таких советских граждан, и через 10 дней утроба советского государства поглотила их. Всего к этому времени союзными войсками было выдано 1 584 тысячи человек, и число выдаваемых ежедневно становилось все меньше и меньше.²⁰ В то же самое время союзные офицеры стали замечать, что некоторые репатрианты не желают возвращаться. Вот что пишет английский лейтенант Майкл Бейли:

Нам пришлось ходить по фермам, собирать работавших там русских, — и нас немало смущало, когда эти люди, в основном немолодые, бывшие буквально рабами на немецких фермах, падали перед нами на колени, молили разрешить им остаться здесь и плакали, — не от радости, но от горя, — узнав, что их отсылают назад в СССР. Мы не могли этого понять, но поляки — вероятно, из советской танковой дивизии — сказали нам, что в Германии русским крестьянам живется лучше, чем на родине, и поэтому нам лучше всего оставить их в покое.²¹

Поведение советских представителей в западной зоне могло бы послужить прекрасной иллюстрацией официальной советской позиции. Офицер инженерных войск майор Томпсон занимал в ту пору пост, который давал ему идеальную возможность для того, чтобы составить самое широкое представление о репатриационных операциях летом 1945 года. В его задачу входило поддержание связи со штатом немецкой железной дороги, поставляющей подвижной состав для перевозки тысяч русских рабочих в Руре. Их сажали на поезд на сортировочной станции в Вуппертале. Местом назначения был Магдебург, который теперь находился в советской зоне. Томпсон пишет:

Вагоны, в которых ехали репатрируемые, были украшены гирляндами, вымпелами и портретами Сталина, оркестр играл патристические мелодии. Но отправление поездов неизменно задерживалось из-за трудностей, возникавших при посадке — сначала

в грузовики, а затем и на поезд, когда русские прятались под вагонами или в других укромных местах. Многие из всех сил сопротивлялись посадке на поезд, и во всех составах два-три вагона выделялись специально для смутьянов и были надежно закрыты снаружи, так что побег исключался... Тем не менее ко мне поступали рапорты о побегах с каждого поезда и сообщения о самоубийствах и убийствах, совершенных в дороге.²²

Сообщения майора Томпсона о трудностях с перевозкой репатрируемых подтверждаются многими военными, служившими тогда в Германии. Капитан Дж. Перейра, командир взвода, охранявшего лагерь в районе Кёльна, вспоминает:

Советский офицер связи дал нам список примерно из ста имен. Этих людей они непременно хотели заполучить назад. Но из-за беспорядка, царившего тогда на железной дороге, это было не так-то легко сделать; а когда их всех в конце концов отправили на родину, то, как я слышал, многие были убиты при попытке к бегству, кое-кому удалось бежать, прочие же оказались в России.²³

Конечно, многие действительно выражали желание вернуться на родину. Одна полька описала мне свое посещение лагеря в районе Бергдорфа. Она "видела, как людей с вещами сажали на армейские грузовики, и их явно радовала возможность вернуться назад на родину, начать жизнь сначала". Еще примечательнее в этой связи рассказ Н. Ламберта, служившего в районе Бремена. В 1944 году он "познакомился с двумя русскими, которые после революции 1917 года жили в Париже. Они сказали мне, что рвутся назад, на родину, им нетерпится принять участие в создании новой России". Да оно и странно было бы, если бы никто не предпочел возвращение на родину неопределенному существованию в лагерях перемещенных лиц или если бы никто не поддался на широко разрекламированное обещание всеобщей амнистии. Когда у русских перемещенных лиц в Лихтенштейне была возможность свободно выбирать — остаться на Западе или вернуться домой, — многие предпочли возвращение. Генерал, имевший дело с этими людьми, объясняет их решение вернуться ностальгией, страхом перед одиночеством изгнания и верой в обещанную амнистию.²⁴

Но, независимо от личных пожеланий, чаяний и надежд репатриантов, тех из них, кто оказался в руках своих соотечественников, ждала

примерно одинаковая судьба. Многие военнослужащие союзных армий имели возможность краешком глаза подсмотреть, что происходило у них под боком, за незримым занавесом, разделявшим оккупационные зоны. Так, капитан Энтони Смит зимой 1945-46 был переведен из своего артиллерийского полка в

некое, по-видимому, неофициальное формирование, в котором было равное количество английских и советских частей... всего около тридцати... Мы должны были оказывать помощь Советам в репатриации их граждан из английской оккупационной зоны в советскую.

Районом их операций была область к юго-востоку от Гамбурга. Почти все русские, за которыми они охотились, были вывезены в Германию на принудительные работы. Поначалу капитан Смит отнесся к своим новым обязанностям, как к приятному разнообразию в монотонной службе. Но вскоре ему пришлось участвовать в событиях, которые навсегда оставили след в его душе — он до сих пор не может говорить о них спокойно:

Очень скоро стало ясно, что 99% не желают возвращаться к себе на родину, потому что, во-первых, боятся коммунистов и с ужасом вспоминают о своей жизни в советской России, а, во-вторых, в нацистской Германии, где они были едва ли не рабами, им жилось лучше, чем в СССР. Советские представители прибегали к различным ухищрениям и лжи, чтобы убедить этих людей вернуться, и нам тоже приходилось принимать в этом участие. Но стоило репатриантам оказаться под советской юрисдикцией, как отношение к ним резко менялось, становилось мстительно-жестоким.

Капитан Смит и его солдаты стали свидетелями жестокостей, на которые, как им до сих пор казалось, способны только самые отъявленные эсэсовцы:

При инциденте, определившем наше последующее отношение к делу, присутствовали только старший сержант и шоферы, которые доставили группу репатрируемых на сборный пункт в восточной зоне. Но их рапорт мне был составлен так, что если бы мы решили продолжать сотрудничество с советскими, мы

столкнулись бы с восстанием наших солдат. Разумеется, всякая возможность сотрудничества с этого момента отпала... В рапорте рассказывалось следующее. Перемещенные лица были посажены в вагоны, им разрешили взять с собой одежду и мелкие бытовые предметы, и вся их поклажа состояла из узелков и старых чемоданов. Когда транспорт прибыл на сборный пункт, все вещи были сброшены в одну кучу, а затем сожжены. Это вызвало недовольство, но потом стало еще хуже. Начали разбивать семьи, отбирая людей по полу и возрасту – отдельно трудоспособных мужчин, отдельно – детей, женщин и стариков. По словам старшего сержанта, англичан под угрозой оружия заставили уехать, но все же солдаты видели, как насиловали девушек, как уводили куда-то группы стариков – и вскоре вслед за этим раздавались выстрелы.

От стариков попросту избавлялись – зачем они государству трудящихся...

После этого рапорта капитан Смит, по предложению своего старшего сержанта, ввел систему обмана советских коллег.

Стоило нам узнать, в какой район мы отправляемся назавтра, мы накануне ночью, втайне от советских и даже от нашего собственного полковника, высылали кого-нибудь предупредить, чтобы мужчины скрылись, а одних женщин и детей вывозить было нельзя. Так что, к неудовольствию советского офицера, многие наши рейды оказались неудачными.²⁵

Майор Джек Вольф, начальник гражданской полиции в Дельменхорсте, под Бременом, вспоминает не менее ужасные сцены. Однажды к нему в кабинет явились в сопровождении английского офицера майор и лейтенант из советской репатриационной комиссии. Они должны были провести проверку и репатриацию советских граждан в большом лагере для перемещенных лиц. Назавтра, около 2-х часов ночи, у обнесенного проволокой лагеря остановились английские и советские военные машины. В условленный момент разом включились все прожектора, ярко осветив лагерь. Его обитатели в панике бросились из своих жилищ – их встретил пулеметный огонь советских охранников. На глазах у майора Вольфа и его солдат с десятков мужчин, женщин и детей были убиты на месте. Раненых было много больше. Уцелевших отвели в ближайшую церковь и заперли там. В 10 часов утра советские офицеры и их английский

коллега пришли туда для проведения "проверки", которая заключалась в том, что советский майор, без всякого участия со стороны англичанина, просто сам решал, кто из перемещенных лиц является советским гражданином.

На улице уже стояли три английских трехтонки. Узников разделили на три группы: дети до 16 лет, мужчины и женщины от 16 до 60, люди старше 60. Каждая группа села в свой грузовик. Сразу по пересечении границы советской оккупационной зоны вторая группа была отправлена в трудовой лагерь, а детей и стариков отвели в сторонку и расстреляли.

Майор Вольф вскоре уехал из Дельменхорста, но когда он вернулся туда через шесть месяцев, эти страшные операции все еще продолжались. Он присутствовал при нескольких массовых расстрелах. В ответ на его рапорт полковник Питер Лейн из разведки ответил, что такова политика британского правительства и ничего тут поделать нельзя.

Кроме масс русских, застрявших в западных зонах Германии, с востока постоянно сочился тонкий ручеек перебежчиков из Красной армии. Джордж Лакий, украинец из Польши, служивший в английской армии, был переводчиком при офицере разведки штаба 5-й дивизии в Брунсвике. За время его службы там около ста красноармейцев попросили убежища в 5-й дивизии. В отношении этих несчастных применялась "операция Нью-Йорк": "их держали под арестом и, выведая от них на допросах незначительную военную информацию, везли на контрольный пункт в Хельмштедт и там передавали Советам... навстречу верной смерти". Правда, как вспоминает профессор Лакий, он

делал то, что граничило с нарушением приказов. По тайному сговору с моим командиром, офицером разведки, я провез контрабандой некоторых из них в лагерь перемещенных лиц и спас им жизнь. Это было нелегким делом, поскольку перебежчики требовали, чтобы их передали британским властям.

Эти примеры дают нам представление о, так сказать, "человеческом факторе" крупных репатриационных операций в Германии. К 30 сентября поток репатрируемых фактически иссяк. К этому времени из западных оккупационных зон Германии и Австрии советским властям были переданы около 2035 тысяч перемещенных лиц. На территории, оккупированной Красной армией, Советы в тот же период обнаружили еще 2946 тысяч человек.²⁶ Примерно 40% этих людей хотели остаться на Западе.²⁷

Пока в Германии шло это колоссальное переселение народов, в Норвегии разворачивалась другая крупномасштабная операция. Немецкие оккупационные силы до самого конца войны сохраняли полный контроль над страной. После капитуляции Германии немцам было приказано пока оставаться на своих постах, в частности, они должны были по-прежнему заниматься администрированием и охраной в лагерях. Они выполняли это с поразительной педантичностью, что вызвало восторг английских офицеров — пока они не начали обнаруживать следы немецких преступлений против несчастных пленных, и восторг сменился отвращением.

Как только в штабе ВКЭСС стало известно, что среди пленных около 76 тысяч русских, там приступили к разработке мер по их скорейшей репатриации. Рассматривалось два возможных маршрута: "морем из норвежских портов в СССР" и "сушей в шведские порты, а оттуда морем в СССР". ВКЭСС приказал обеспечить транспорт и начать переговоры с нейтральным шведским правительством для получения разрешения на проезд по территории Швеции.²⁸ Последнее не представляло никаких проблем. Шведы пошли навстречу советским властям с той же готовностью, с какой в 1940 году помогали нацистам оккупировать Норвегию. К 20 мая согласие Швеции было получено,²⁹ и в начале июня советские и шведские представители и представители ВКЭСС собрались в Осло для обсуждения деталей.³⁰ Английский майор Ян Никольс, вылетевший для эскорта репатрируемых по морю, через несколько дней узнал, что "Швеция предложила 3-й класс [железнодорожного транспорта] для солдат и 2-й класс для офицеров, но советские настояли на вагонах для скота, поскольку в СССР нет других средств для перевозки заключенных".

19 июня Никольс сопровождал один из таких товарных поездов за шведскую границу. Он рассказывает:

Стоило русским понять, что мы англичане, поднялся невообразимый ажиотаж. Они бегали вокруг нас с криками "ура" и "да здравствует Англия". Мы отдали им все наши сигареты, что привело их в неистовый восторг. Все они были в хорошей форме, у них явно было хорошее настроение, и дисциплина среди них поддерживалась прекрасная.³¹

В западной прессе никаких описаний этого путешествия не появилось. По требованию Межсоюзной комиссии в Осло, имевшееся у шведских журналистов разрешение описать операцию было отменено. "Согласно хорошо информированным источникам, и советские, и западные союзники по разным причинам возражали против гласности".³²

Большинство русских, находившихся в Норвегии, было отправлено домой таким образом. Незначительное количество из лагерей на севере было вывезено морем через Северный Мыс.³³ Первый конвой отплыл из Тромсё 23 июня. На борту норвежского пассажирского судна "Конг Даг", вместе с 600 русскими, находился майор Никольс, который вспоминает:

Полковник, отвечавший за репатриацию, сказал мне, что немцы обращались с пленными, как с животными. Их заставляли тяжело работать и избивали по любому поводу.

Большая часть репатриантов радовалась возвращению домой и завершению хождений по мукам. Первый день плавания прошел мирно и спокойно. Русские загорали на палубе, пели, всячески развлекались. На другой день на горизонте возникла полоска русской земли. Пленные поспешно приводили в порядок свои отрепья, на мачтах весело трепетали советские флаги. Недалеко от Кольского полуострова они повстречали советский военный корабль "Архангельск". На палубе было полно моряков. При виде соотечественников, с которыми они столько времени были разлучены, пленные на "Конг Даге" пришли буквально в неистовство — стали радостно махать руками, что-то кричать. Ответом было зловещее молчание. "Архангельск" безмолвствовал. Неподвижно замершие на палубе моряки молча смотрели на проходящий мимо "Конг Даг". Недобрые предчувствия охватили пленных, бурная радость сменилась апатией и страхом, который не рассеяло даже прибытие в Мурманск. Целую ночь они прождали на корабле, пока судно не отвели в док.

Едва спустили трап, как один из пленных вырвался из толпы и бросился к набережной, где его поджидала машина. Как выяснилось впоследствии, это был секретный сотрудник СМЕРШа, несомненно, подготовивший обычные в таких случаях списки. В отличие от прежних конвоев, которым устраивали торжественную встречу, "Конг Даг" избавили от этого потемкинского представления. На набережной было полно военных и милиции, район высадки был обнесен колючей проволокой. После томительного ожидания — во время которого ни один советский представитель не подошел к кораблю — было дано разрешение на высадку. Все личные вещи приказали сложить в одну кучу на набережной. После поверхностного медицинского осмотра всех пленных построили группами за колючей проволокой. Человек двадцать отделили от общей массы и посадили в грузовик с охраной. Затем, после очередного ожидания, всех

пленных увели под вооруженной охраной – в исправительный лагерь, как объяснили майору Никольсу переводчики. Больше он своих подопечных не видел.

В середине следующего месяца из Тромсё отошел еще один конвой с русскими пленными. Их ждал такой же прохладный прием. В досье английского МИД хранится рапорт молодого английского офицера, бывшего на борту одного из судов. Он с ужасом описывает бесчеловечное обращение с несчастными настрадавшимися в немецком плену людьми. Никто не помог им сойти на берег; калеки были вынуждены справляться собственными силами. Даже "молодые девушки в форме – как нам сказали, медсестры в ранге сержанта", относились к пленным равнодушно и жестоко. Такая бессердечность советских представителей явно озадачила автора рапорта. Он замечает, что простые английские солдаты, ставшие очевидцами этих сцен, "почувствовали это даже, может, сильнее, чем некоторые офицеры, и сделали выводы".³⁴

В составе этого конвоя было медицинское судно "Аба". На его борту находились больные русские. Сопровождал судно английский лейтенант из группы связи с советскими, Владимир Бритнев, сам русский по происхождению. Он вспоминает, в каком ужасном состоянии были его подопечные:

Все они были обречены, и, мне кажется, большинство это понимало. Они были либо изувечены, либо умирали от туберкулеза. Чтобы облегчить их страдания, я помогал им ежедневно, а то и дважды в день, протыкать иглой легкие, выкачивая гной.

В Тронхейме Бритнев сошел с корабля, его ждали новые обязанности, а на его место заступил уже знакомый нам Чеслав Йесман, работавший с русскими военнопленными в Англии. Он хорошо говорил по-русски и за прошедший год выслушал от пленных сотни историй о том, как тяжело им пришлось при немцах. В Тронхейме "Аба" взяла на борт еще какое-то количество больных русских (всего на корабле находилось 399 пациентов). А в Мурманске судно ждал обычный холодный прием. Для тех, кто не мог ходить, советские власти выделили несколько сломанных носилок, но одеял не предоставили. "Аба" простояла в Мурманске четыре дня, и когда она отходила в море, с палубы можно было видеть несчастных, лежавших на набережной там, где их сгрузили. Многие умерли – некоторые от болезни, другие же, в буквальном смысле слова, от жажды. Английские матросы и медсестры с корабля делали все, что могли, чтобы помочь несчастным – хотя никто не просил их об этом, – но

их возможности были крайне ограничены. Иногда к раненым приходили молодые советские женщины в форме и с жесткими лицами. Йесману сказали, что это любовницы высокопоставленных офицеров. Лишь одна из них на минуту обнаружила интерес к происходящему: когда английский матрос обходил больных, поя умиравших от жажды людей, молодая дама выразила возмущение некультурностью матроса, который поил всех с одной ложки.

Однако в целом советские власти не бездействовали. Мы уже убедились, что обычно офицеров, возвращавшихся на родину, расстреливали тут же по прибытии. Но среди жалких человеческих обрубков на борту "Абы" офицеров не было. Впрочем, сотрудники НКВД справились с этой задачей: двух русских врачей и фельдшера отвели в сарай ярдов за сорок и расстреляли. До Йесмана донеслись их крики и проклятья; позже он видел тела расстрелянных. Многие члены команды корабля тоже слышали приглушенный залп.

Покончив со всеми делами, "Аба" и сопровождавшие ее суда вышли в норвежские воды. Рапорт о приеме, оказанном советскими властями больным согражданам, был передан в МИД, и Томас Браймлоу заявил, что все это "отвратительно и очень грустно" и рапорт может пригодиться для служебного пользования при подготовке ответа на утверждения генерала Голикова, будто родина принимает своих сынов с распростертыми объятиями.³⁵ МИД, однако, не мог позволить себе такую "бестактность", как прямой упрек в адрес советских представителей.

Во время службы в армии Чеслав Йесман имел возможность близко узнать одного из своих коллег в советской миссии, сотрудника СМЕРШа майора Шершуна. Шершун был родом из Белоруссии и уверял, что знает тамошних родственников Йесмана. Йесман называет Шершуна то "честным разбойником", то "симпатичным крестьянином", но замечает при этом, что попасть к Шершуну на допрос ему не хотелось бы — это был настоящий убийца, хотя и не лишенный своеобразного обаяния. Йесман оказался с ним в одной каюте на пути в Мурманск и обратно. К Бритневу, который был попутчиком Шершуна на пути из Халла, советский майор отнесся с подозрением, но с Йесманом он разоткровенничался. Немногие, наверное, могут похвалиться тем, что лицезрели офицера СМЕРШа вне его служебной скорлупы, в голубой пижаме. Пожалуй, Йесмана даже притягивала эта сложная личность.

Когда "Аба" под укоризненные взгляды калек и умирающих на набережной отправилась в путь, Шершун вдруг раскрылся совершенно с неожиданной стороны. Как описано в последовавшем затем рапорте,

было замечено, что на обратном пути майор Шершун вовсе не появлялся в кают-компаниях и выходил из своей каюты только во время трапез. Он прекратил всякое общение с офицерами. К переводчику стали приставать с вопросами, и оказалось, что когда англичане оставили в мурманском госпитале группу русских военнопленных, майор Шершун сказал полковнику, будто, по его мнению, советские оказали англичанам очень плохой прием, а "после всего того, что англичане сделали для русских больных", следовало принять их теплее и сердечнее.

Чеслав Йесман вспоминает, как Шершун сидел на койке, закрыв лицо руками, и повторял: "Мне так стыдно". К несчастью, его критические высказывания дошли до ушей бдительных советских коллег. Его тут же обвинили в том, что он "нахватался заразы" у англичан, и приказали через три недели вернуться из Норвегии в СССР.

К возмущению дежурного английского офицера, в Тромсё на борту судна поднялись два офицера НКВД и увели Шершуна. Правда, смершевца не ликвидировали. То ли у него были высокопоставленные друзья, то ли ему удалось сыграть на своем обаянии, но он вновь всплыл на горизонте, и Йесман позже встречал его в Египте и Константинополе.³⁶

Вскоре Объединенный комитет начальников штабов сообщил, что

репатриация примерно 81 тысячи русских завершена к 22 июля 1945 года. 65 тысяч из них были вывезены из Норвегии в Швецию по железной дороге, а затем морем из Швеции на советских и финских судах. Остальные 16 тысяч были доставлены морем. В Норвегии осталось около 3 тысяч русских, которых предполагается вывезти к концу июля 1945.³⁷

Последние репатриированные — опять больные — были высажены в Мурманске 29 июля. Сопровождавший их английский офицер сообщал о том, что их приняли "точно так же, как в прошлый раз".³⁸

Так закончилась эта забытая глава репатриационных операций. ТАСС при этом умудрился заявить, что англичане дурно обращались с русскими во время их пребывания в Норвегии,³⁹ а 30 июля на Потсдамской конференции Молотов уверял, что многих русских все еще удерживают там помимо их воли.⁴⁰ Оказалось, речь шла о прибалтийцах, поляках и других — тех, кого англичане советскими гражданами не признавали. Они не подверглись выдаче советским властям и были перед уходом английской армии из Норвегии перевезены в Германию. Агенты генерала

Ратова, прибывшего из Англии проследить за операцией, в течение августа и сентября часто попадались на попытках похитить или убить кого-нибудь из этих людей.⁴¹ Задачи генерала Ратова, однако, не ограничивались возвращением "советских граждан". Как и в других местах, присутствие советской репатриационной миссии (и требование британского МИД разрешить ей остаться там на неопределенный срок) было прикрытием для работы советских шпионских служб на Западе. И если бы советские власти решили, например, после ухода англичан в октябре, продвинуть свои оккупационные силы в Киркенесе и установить в Осло социалистический режим, присутствие Ратова и его 167 офицеров оказалось бы очень кстати.⁴²

Итак, за три летних месяца 1945 года мужчины, женщины и дети, численность которых почти равнялась населению Норвегии, были захвачены победоносными западными державами и переданы представителям СМЕРШа на пограничных пунктах зон или в портах Одессы и Мурманска.⁴³ Остается лишь дописать эпилог этой истории.

Около двухсот советских граждан умерли в нацистских концентрационных лагерях в Норвегии во время войны, и несколько красноармейцев были убиты при освобождении северных провинций. В качестве жеста доброй воли норвежцы позволили советской комиссии ухаживать за русскими кладбищами на территории страны, что было использовано Советами как прикрытия их шпионской деятельности.⁴⁴

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Gerald Reitlinger. *The House Built on Sand*. London, 1960, pp. 305–307, 337, 346–347, 393–394.
2. Шалва Яшвили был в то время в лагере в Таранто. По его словам, многие в лагере верили неизменным обещаниям майора Грамасова, что Сталин распространил амнистию на всех репатриантов. Подробности этого путешествия см. в Foreign Office [в дальнейшем: Архив министерства иностранных дел Великобритании], 371/47895.
3. Штаб ВКЭСС некоторое время настаивал на репатриации этим путем (см.: САВ [в дальнейшем. Документы кабинета министров], 88/30, 457, 460). О лагере в Марселе см.: "Voinov". *Outlaw: The Autobiography of a Soviet Waif*. London, 1955, p. 230.
4. Nicholas Bethell. *The Last Secret: Forcible Repatriation to Russia 1944-1947*. London, 1974, p. 197.
5. Peter Huxley-Blythe. *The East Came West*. Cadwell, Idaho, 1964, pp. 180–181.
6. Jurgen Thorwald. *Wen sie verderben wollen: Bericht des grossen Verrats*. Stuttgart, 1952, pp. 572–574.
7. Bernard Roeder. *Katoga: An Aspect of Modern Slavery*. London, 1958, p. 173.
8. Arabs seek to aid Soviet Deserters. – *New York Times*, 15.12.1946.
9. War Office [в дальнейшем: Архив военного министерства Великобритании], 32/11139, 335 А, 337 А; 32/11681, 190 А (15 А, 17 А).
10. Подробнее см.: Malcolm J. Proudfoot. *European Refugees*. London, 1957, pp. 207–210.
11. Michail Koriakov. *I'll Never Go Back*. London, 1948, pp. 139–141.
12. Malcolm J. Proudfoot, указ. соч., pp. 210–211; F.S.V. Donnison. *Civil Affairs and Military Government North-West Europe 1944-1946*. London, 1961, p. 350. См. также замечания генерала Голикова в сообщении ТАСС (Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/47900).
13. Отрывки из донесения генерала-майора Вильсона, любезно предоставленного мне его дочерью, госпожой Джулиан Уотен.
14. Jean E. Smith (ed.). *The Papers of General Lucius D. Clay: Germany 1944-1949*. Indiana, 1974, 1, pp. 30–31.
15. Информация предоставлена Н.Ф. Чоунером. Один из сослуживцев Чоунера рассказывал, что видел в лагере огромные виселицы, воздвигнутые по приказу советского командования.
16. Информация предоставлена Майклом Бейли.
17. Z. Stupulkowski. *Invitation to Moscow*. London, 1951, p. 285.
18. См.: письмо редактору "Sunday Oklahoman" от 22. 10. 1972.
19. Информация предоставлена Джеффри Данном. Многие русские умерли в пути от отравления спиртом, который они гнали из картошки (см.: Elipor Leppe. *Eleven Years in Soviet Prison Camps*. London, 1951, pp. 213, 244–246).
20. См.: Malcolm J. Proudfoot, указ. соч., стр. 210–212.
21. Сообщение Майкла Бейли.
22. В сообщении майора У. Томпсона говорится также о том, что из поездов с репатриантами, где была советская охрана, стреляли по стоящим на платформах

- станций, мимо которых проходили поезда. В результате немцы стали заранее извещать начальников станций о прибытии поезда, с тем чтобы на платформах никого не было.
23. Сообщение капитана Дж. Перейра.
 24. В мае 1945 года офицер-перебежчик из Красной армии встречал на дорогах Германии множество русских, которые изъявляли желание вернуться домой (см.: Michail Koriakov, указ. соч., стр. 202).
 25. Сообщение Энтони Смита.
 26. См.: Malcolm J. Proudfoot, указ. соч., стр. 211 – 212.
 27. См.: Scotsman, 2. 3. 1946.
 28. См.: Документы кабинета министров, 88/39, 84.
 29. См. там же, 89 – 91.
 30. Forrest C. Pogue. The Supreme Command. Washington, 1954, pp. 510 – 511.
 31. Отрывки из дневника майора И. А. Никольса, любезно предоставленного автору. О суровом обращении шведов с русскими, находившимися проездом в Швеции, см.: Per Olov Enquist. The Legionnaires. London, 1974, p. 86.
 32. The Times, 12. 6. 1945; New York Times, 12. 6. 1945.
 33. Инструкции генерала Торна по репатриации можно найти в Архиве министерства иностранных дел Великобритании, 371/47904. Данные ВКЭСС о цифрах и местностях см. в Документах кабинета министров, 88/39, 87 – 88 (22. 6. 1945).
 34. Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/47904, 80 – 82.
 35. См. там же, 149.
 36. Рассказ о плавании на "Аба" основан на информации Бритнева и Йесмана, а также рапорте подполковника Ллойда Вильямса (см. там же, 371/47904, 150 – 153). Князь Леонид Ливен, находившийся на сопровождающем судне "Стелла Полярис", подтвердил детали этих сообщений.
 37. Документы кабинета министров, 88/39, 85.
 38. Архив министерства иностранных дел Великобритании, 47/904, 82 – 83. Подробный отчет генерала Торна об операции см. там же, 371/47903. Число репатриантов оценивается в 83 850 человек. 8 августа 1945 года полный отчет был послан новому министру иностранных дел Великобритании Э. Бевину (см. там же, 371/47904).
 39. См. там же, 934/5 (42), 108. 14 августа 1945 года Советы прислали пространную жалобу на то, что репатрианты не были обеспечены достаточным количеством одежды (см. там же, 371/47903, 170 – 172). (Князь Леонид Ливен видел, как на мурманской набережной с репатриантов снимали одежду, выданную английскими властями).
 40. См. там же, 934/5 (42), 103 – 104.
 41. См. там же, 371/47904, 47905.
 42. Опасения по этому поводу выражал посол Англии в Норвегии (см. там же, 371/47904, 78 – 80).
 43. Из Дании было выслано 7 800 человек (см. там же, 371/47905). Следует также учесть репатриантов, отосланных в это время из Франции, Бельгии, Швейцарии, Италии и Греции.
 44. E. H. Cookridge. Soviet Spy Net. London, 1955, p. 195.

Глава 14

СОЛДАТСКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ

К лету 1945 года, когда около двух миллионов советских граждан — основная масса тех, кто оказался за время войны на Западе — были переданы Сталину, ситуация несколько изменилась. Союзные военнопленные, освобожденные Красной армией в Восточной Европе, практически все вернулись уже домой, так что отпали причины, в свое время сыгравшие важнейшую роль в принятии Англией и Америкой решения о депортациях. Европа понемногу приходила в себя, началась мирная жизнь, и теперь можно было по-новому взглянуть на насильственную репатриацию. Более того, были уже совершенно ясны советские планы относительно стран Восточной Европы. Пребывание нескольких тысяч советских граждан на Западе само по себе не представляло серьезной административной проблемы: среди тех миллионов, которые должна была обеспечить кровом, одеждой и едой Международная Комиссия помощи беженцам, они были всего лишь каплей в море. Наконец, в военных и правительственных кругах Запада широко распространились свидетельства о бессудной, жестокой расправе советских властей с репатриантами. Государственные деятели, дипломаты и военные располагали теперь кое-каким досугом и вполне могли задуматься над моральными и политическими последствиями насильственной депортации. Здесь возникало множество вопросов, и главными среди них были следующие: может ли Англия отказаться от официального обязательства Идена и своей прежней трактовки Ялтинского соглашения; будут ли Соединенные Штаты по-прежнему придерживаться принципа, что гражданство определяется военной формой? Если да — то могут ли русские в форме вермахта рассчитывать, что с ними будут обращаться, как с немцами? Все эти вопросы сводились к главному:

нужно ли репатриировать оставшихся на Западе советских граждан против их воли? И если нужно — то сколько: всех или часть? А может, и вовсе никого? Именно в этот послевоенный период начали формироваться различные позиции, а за кулисами разгорелись споры, от исхода которых зависела судьба тех, кто не желал возвращаться в СССР.

Соединенные Штаты никогда не были ярыми приверженцами политики насильственной репатриации. Госдепартамент, как мы помним, весьма неохотно принял следующую формулировку:

Политика США состоит в том, чтобы репатриировать в СССР всех объявляющих себя советскими гражданами, при подтверждении этого факта советскими властями. На практике это означает... что советские граждане, проживавшие в границах СССР до 1939 года, подлежат репатриации независимо от их личных желаний.¹

На эту тему была выпущена специальная директива ВКЭСС.² Несмотря на несколько извиняющийся тон записки ("на практике..."), она с неизбежностью повлекла за собой жестокие меры. О том, как эта "практика" выглядела на деле, рассказывает письмо бывшего американского офицера:

Летом 1945 года мне и еще нескольким артиллерийским офицерам 102-й пехотной дивизии было поручено привести колонну из всех имевшихся в батальоне грузовиков с целью собрать русских военнопленных из немецких лагерей для интернированных и доставить их советским представителям в Хемнице. Около двух недель, днем и ночью, я вел колонну из 17 грузовиков через всю Германию и Францию. По дорогам шли тысячи других грузовиков с той же миссией. Мы скоро выяснили, что многие русские не желают возвращаться, а затем узнали и о причинах этого нежелания. Они считали, что все офицеры-военнопленные будут немедленно по прибытии [в СССР] расстреляны, а прочих отправят в лагерь в Сибирь. В результате нам пришлось угрожать им оружием, а наш приказ предписывал стрелять при попытке к бегу. Однако многие русские все же шли на риск и пытались бежать.³

Госдепартамент отчасти разделял недовольство солдат, которым выпало проводить в жизнь эту жестокую политику. По просьбе государственного

секретаря Стеттиниуса, посол США в СССР Гарриман представил 11 июня отчет о том, как обращаются в СССР с вернувшимися пленными.

Хотя посольство не располагает фактами, подтверждающими сообщения о жестоких расправах с советскими гражданами, репатрированными из районов, занятых союзниками, было бы неразумно утверждать, что оснований для таких сообщений нет. Советское правительство и военные власти всегда достаточно ясно выражали презрение к своим солдатам, попавшим в плен. Советское правительство не подписало Женевскую конвенцию и на протяжении войны не раз отклоняло всякие попытки воюющих с ним стран заключить соглашение о военнопленных, которое могло бы облегчить судьбу советских пленных в Германии... Хотя репатриация освобожденных [из плена] советских граждан ведется уже в течение нескольких месяцев, посольству известен только один случай, когда репатрированный военнопленный вернулся в Москву, к семье и к прежней работе. Этот человек болен туберкулезом, и его освободили, продержав четыре месяца в лагере под Москвой. Известно, что в портах прибытия репатрируемых встречают милиция и охранники, которые уводят репатриантов в неизвестном направлении. Товарные поезда с репатриантами проходят через Москву в восточном направлении, во время стоянки на московских вокзалах пассажиров не выпускают из вагонов и общение с ними невозможно. Несмотря на недостаток информации, мы полагаем, что репатрианты первым делом подвергаются интенсивным допросам со стороны работников милицейской службы... Вполне возможно, что лиц, признанных виновными в намеренном дезертирстве из армии либо антигосударственной деятельности, расстреливают, а тех, у кого хороший послужной список и кто попал в плен раненым (или в аналогичных обстоятельствах) и отказался служить у немцев, могут отпустить домой. Однако большинство репатрируемых, вероятно, попадает в строительные батальоны и используется на строительстве на Урале, в Средней Азии, Сибири и на Дальнем Севере под наблюдением охраны.

11 августа Госдепартамент вновь запросил посольство в Москве, не принимало ли советское правительство во время войны указов о лишении гражданства советских подданных, попавших в плен. Американские

власти явно искали какую-нибудь юридическую лазейку, чтобы иметь возможность оправдать свой отказ от политики насильственной репатриации. Но ответ посольства от 16 августа гласил, что о таких указах ничего не известно;⁴ поэтому Стеттиниус решил, что ему остается лишь по-прежнему подчиняться советским требованиям. Кроме того, от американцев пока не поступали сообщения о преступлениях советских властей, подобных тем, что были совершены в Одессе 18 апреля и 10 июня на глазах у англичан, а американским солдатам еще не пришлось участвовать в таких душераздирающих событиях, какие разыгрались в Лиенце 1 июня. И хотя вынужденное участие в насильственной репатриации было американцам не по душе, они не располагали достаточными основаниями для того, чтобы отказать СССР в его требованиях.

Как следует из документа, датированного 14 июля, в английском МИД все еще полагали, что

американцы всегда спрашивают советских граждан, взятых ими в плен в немецкой форме, согласны ли они вернуться в СССР. Если эти люди заявляют, что находятся под протекцией Женевской конвенции, им разрешается остаться как немецким военнопленным.⁵

Но к тому времени позиция США в этом вопросе уже коренным образом изменилась; и отход от прежней, формально безупречной, политики был провозглашен Джозефом К. Грю, человеком, до тех пор рьяно отстаивавшим примат принципа над целесообразностью. Исполняющий обязанности государственного секретаря, Грю долго и упорно заявлял, что подпись Соединенных Штатов под Женевской конвенцией 1929 года обязывает считать всех пленных, захваченных в немецкой форме, немецкими солдатами. США добились того же для своих солдат — японцы, итальянцы, немцы, служившие в американской армии, считались американцами, — поэтому, как доказывал Грю советскому поверенному в делах Николаю Новикову, американское правительство должно не менее скрупулезно, нежели немецкое, соблюдать свои обязательства, обусловленные международным правом. Однако к лету 1945 года в этой политике произошел коренной перелом.

В течение зимы 1944-45 советские власти требовали возвращения небольшой группы власовцев, упорно сопротивлявшихся репатриации и с самого начала понявших, что они имеют право считаться немецкими военнопленными. Вообще из бывших советских граждан, отправленных с немецкими военнопленными в США вскоре после высадки в Нормандии,

возвращаться в СССР не желали очень многие,⁶ но большинство не сумело отстоять свои права, и около 4 300 были отправлены во Владивосток. 118 человек заявило о том, что находятся под защитой Женевской конвенции,⁷ и уже 5 мая Грю сообщил Новикову, что Соединенные Штаты обеспечат репатриацию всех советских граждан, за исключением этой группы.⁸

Три дня спустя война закончилась, а еще через четыре дня Грю написал письмо министру военно-морского флота Форрестолу. Изложил историю этих 118 русских, попавших в особую категорию, и упомянув об упорном отказе Госдепартамента передать их советским властям, Грю продолжал:

Я полагаю, что теперь, когда Германия безоговорочно капитулировала и все американские военнопленные в немецком плену освобождены, отпадает всякая опасность того, что немецкие власти предпримут какие бы то ни было меры против американских военнопленных. Поэтому я считаю, что было бы разумно передать эту группу из 118 человек советским властям с целью их последующей репатриации в СССР, а также выдать Советам любых других лиц аналогичного статуса, которые могут быть обнаружены под опекой Соединенных Штатов в будущем.

Подробности обсуждения этой записки нам неизвестны, но 18 мая государственный координационный комитет военно-морского флота одобрил предложение Грю и 23 мая известил об этом государственного секретаря.⁹

Вот так, без долгих раздумий, Соединенные Штаты заявили о своей готовности совершить то, что сам Грю ранее назвал "нарушением самой сути конвенции", в частности, следующего пункта:

Военнопленные имеют право, чтобы с ними обращались, исходя из того, какая форма была на них в момент сдачи в плен, и пленившая их страна не должна без их согласия определять их гражданство или национальность иначе, как на основании их военной формы.¹⁰

Столь резкое изменение американской позиции было вызвано весьма малодостойной логикой: раз Соединенные Штаты больше не используют преимуществ, предоставляемых им конвенцией, они могут позволить себе отказать в этих преимуществах солдатам Германии.

Во исполнение решения государственного секретаря, 118 русских, претендовавших на немецкое подданство, и еще 36 человек, находившихся

в том же положении, были собраны в обнесенном проволокой лагере в Форте Дикс, штат Нью-Джерси.¹¹ Здесь им сообщили, что 29 июня их посадят на пароход, идущий в СССР. Пленные, явно догадывающиеся, зачем их собрали вместе, и раньше были настроены довольно мрачно, но сообщение коменданта лагеря подполковника Г.М. Триша о репатриации толкнуло их на отчаянные шаги. Они сразу же забаррикадировались в бараках и отказались выходить или впускать кого-либо. Триш, прибывший на место событий, потребовал, чтобы три командира – получивших звание в немецкой армии – вышли к нему для переговоров. Ответом было молчание. Вскоре из окна барака потянулся дым.

Триш приказал забросать барак слезоточивыми гранатами, после чего оттуда посыпались люди, размахивающие доморощенным оружием – ножками из бритвенных лезвий, ножками от столов и стульев. Американские солдаты были захвачены врасплох. В суматохе пленные захватили и ранили трех солдат, оказавшихся впереди, но дальше стояли боевые отряды с карабинами и автоматами, и когда русские бросились вперед, прозвучала торопливая команда и раздался залп. Семеро пленных упали. После получасовой схватки американцы одолели оставшихся. Еще двое получили рваные раны, пытаясь подлезть под колючую проволоку, чтобы выбраться из лагеря.

Солдаты ворвались в барак, в котором все еще стоял запах слезоточивого газа. Наверное, они выглядели довольно устрашающе в своих жутких противогазах, но в бараке их глазам предстало зрелище пострашнее. Три тела раскачивались на балках, еще пятнадцать петель ждали следующих жертв. На допросах выжившие показали, что немедленное применение полковником Тришем слезоточивого газа предупредило самоубийство всех 154 человек. Пленных под усиленной охраной вывели из лагеря и отвезли в порт. Этот инцидент получил широкое освещение в прессе.¹² 30 июня пленных привезли в порт на грузовиках – в каждом по четыре пленных и по пять охранников. Раненых доставили в машинах скорой помощи, тоже под охраной. Вход в порт был заблокирован отрядом военной полиции из 80 человек с автоматами. В доке уже стояло транспортное судно американского флота "Монтчелло", бывший итальянский лайнер "Конте Гранде". Через 15 минут после прибытия пленных командир эскорта, полковник Джон Ландерс, неожиданно получил новый приказ. Посадка на судно отменялась; пленным надлежало вернуться в бараки. В 3.30 150 русских в сопровождении 200 охранников двинулись назад, в Форт Дикс. Почему вдруг изменились планы – никто не объяснил, но ясно было, что дело пересмотрено.

По возвращении в лагерь были приняты чрезвычайные меры по предотвращению самоубийств.

Пленных поселили в бараках, где ничего не было, кроме матрасов. У них отобрали все предметы и вещи, которые могли бы быть использованы в целях самоубийства.¹³

Весь этот инцидент был крайне неприятен для правительств СССР и США. Вооруженным охранникам в порту пришлось сдерживать толпу любопытствующих нью-йоркцев; газеты широко освещали факты — первые публичные свидетельства того, что русские предпочитают смерть возвращению на родину; а генерал Голубев в заявлении от 3 июля обвинил Соединенные Штаты в том, что те силой препятствуют возвращению на родину людей, отчаянно рвущихся воссоединиться со своими соотечественниками.¹⁴ Его нимало не смутили возражения американцев, что сотрудникам советской военной миссии было разрешено посещать пленных и что только один из 154 поддался на угрозы и посулы и вызвался вернуться.

Группа русских в составе 151 человека ждала решения Госдепартамента. 11 июля Грю писал: "Мы рассматриваем возможность отправки этой группы в Германию, где они будут лишены статуса военнопленных и переданы советским властям".¹⁵ Разумеется, государственные мужи надеялись с помощью этой уловки избежать обвинений в нарушении Женевской конвенции, поскольку германской армии уже не существовало. Однако, опасаясь огласки, которую могли бы вызвать эти поспешные меры, Грю счел нужным прежде всего установить, действительно ли все эти люди являются советскими гражданами, и распорядился провести дополнительную проверку.¹⁶

Между тем 7 августа политический советник США в Италии Кирк сообщил государственному секретарю Джеймсу Ф.Бирнсу, сменившему 3 июля Стеттиниуса, что 118 пленных власовцев обратились к генералу Маршаллу и Международному Красному Кресту с просьбой о предоставлении им "во имя человечности" убежища. Кирк, встревоженный доказательствами того, что США в международных делах отказываются от своей традиционной гуманной роли, требовал задержать "выдачу до отправки сообщения в Госдепартамент и получения ответа". Однако его просьба не возымела действия. Бирнс ответил, что "в соответствии с обязательствами, принятыми в Ялте", все члены группы в Форт Дикс, являясь советскими гражданами, подлежат репатриации.¹⁷ Наконец, 31 августа, обреченная группа была отправлена в Германию и в условиях

строжайшей секретности передана СМЕРШу. Последняя глава этой трагедии, как и операции в Лиенце и Обердраубурге 30 мая – 1 июня, оказалась скрытой от глаз общественности.¹⁸

Но имелась группа людей, прекрасно информированных и о насильственной репатриации, и о методах ее осуществления: солдаты, которым выпало проводить репатриацию. Лиенц ужаснул большинство участников операции, и сомнительно, чтобы их удалось заставить снова участвовать в таком деле. Как объяснял впоследствии автору начальник генштаба фельдмаршала Александра генерал Вильям Морган, сообщения о трагедии 1 июня привели в ужас даже главнокомандующего, и он твердо решил, насколько это в его власти, не допускать впредь подобных эпизодов. Недели через две Александр отправил в военное министерство зашифрованную телеграмму:

1. 55 советских граждан, в том числе 16 женщин и 11 детей, большинство из которых утверждает, что они являются политическими беженцами, после проверки, проведенной в соответствии с Ялтинскими соглашениями, отказываются добровольно вернуться в СССР.
2. Советская миссия потребовала их выдачи. Для этого понадобится применение силы, в том числе наручников, и перевозка пленных под охраной, в запертых вагонах.
3. Мы полагаем, что выдача этих лиц почти неминуемо приведет к их гибели.
4. Таких случаев, вероятно, много.
5. Прошу как можно скорее прислать ваши распоряжения относительно этих лиц, так как местная советская миссия будет наверняка настаивать на их выдаче.

Чиновники британского МИД, подивившись тому, что сам фельдмаршал заинтересовался этим делом, разъяснили в ответе, что лица, о которых идет речь, подлежат репатриации в случае отсутствия возражений со стороны американцев. Томас Браймлоу считал, что при наличии в группе детей, родившихся за пределами СССР, может возникнуть вопрос о гражданстве, но во всем остальном "мы связаны Ялтинским соглашением, и я не думаю, что мы можем спасти их от их участи". Патрик Дин, напротив, полагал, что о проблеме с детьми "думать незачем", а единственным препятствием могут стать возражения американцев, если они проявят особую мягкость по отношению к "советским женщинам и детям, которые не являются собственно военнопленными". Впрочем, замечал он, вряд

ли это может вылиться в постоянное препятствие. Браймлоу попыток, что в случае необходимости следует применять силу (он считал нелишним попросить советскую миссию прислать вооруженную охрану "для необходимых мер предосторожности") и соблюдать соглашение с американцами, если это понадобится.¹⁹

В это же самое время военное министерство запросило подробную информацию относительно этих русских, в частности, о месте их пребывания. Александр ответил, что они были в немецких лагерях на юге Германии и в Австрии, а сейчас находятся в транзитном лагере в Риме (Чинечитта). В следующей телеграмме он подчеркивал, что вряд ли в Западной Европе осталось еще много советских граждан.

Опасения Александра нашли отклик в военном министерстве. Генерал Гепп, заведующий отделом по делам военнопленных, считал маловероятным, чтобы американцы согласились на применение силы. (В тот день – 2.7.1945 – в "Таймс" появилось сообщение об отмене выхода в море "Монтчелло"). Гепп отмечал также, что, по мнению штаба союзных сил в Италии, будет трудно убедить английских солдат силой осуществлять посадку в поезда людей, "которые не хотят возвращаться в свою страну и которые по возвращении могут погибнуть".²⁰

Кстати, следует заметить, что 55 человек, о которых идет речь, были последними советскими обитателями транзитного лагеря для беженцев и перемещенных лиц, существовавшего уже довольно долгое время на территории бывшей киностудии Чинечитта, под Римом. Охранялся лагерь весьма небрежно. В ноябре 1944 года, например, здесь произошел случай, вызвавший праведный гнев советской миссии: сорок семь русских, подлежащих переводу в другой советский лагерь, отказались садиться в грузовики и сбежали. Той же ночью они пробрались назад в лагерь за своими пожитками, погрузились в семитонку, стоявшую за воротами, и со всеми удобствами укатили прочь, своротив по дороге главные ворота.²¹ Прибыв в мае 1945 года в лагерь, Деннис Хиллс, английский офицер, говоривший по-русски, обнаружил там всего около 100 перемещенных лиц, и комендант района вполне ясно дал понять Хиллсу, что проблема побегов его нимало не заботит – обитатели лагеря могли свободно уходить и возвращаться. Многим предоставила кров Украинская католическая община в Риме (Руссикум). Хиллс несколько не препятствовал исходу из лагеря, он даже сам ездил в центр Руссикума, где видел своих подопечных. Но другие пленные предпочли остаться в лагере, очевидно, рассчитывая на то, что при таком мягком режиме их не выдадут Советам. (Кстати, ни Хиллс, ни его полковник понятия не имели, что пленным угрожает такая опасность). Еда же в лагере была

лучше и обильнее, чем в Руссикуме. Вот так и образовалась группа из 55 человек, о которых говорил Александер в своей телеграмме.

Тут возникла новая сложность. После выдачи домановских казаков в начале июня английские войска, стоявшие в долине Дравы, были посланы на прочесывание гор и розыск беглецов, нашедших пристанище на снежных вершинах. Кое-кому удалось скрыться, но многие были возвращены в Пеггек. В военном дневнике 36-й пехотной бригады объясняется, почему их не передали Советам:

При нормальном ходе дел эти казаки были бы вывезены в советскую оккупационную зону, но советские власти, вероятно, утолили свои аппетиты и больше не требовали их выдачи. Это означало, что на нашем попечении оказалось несколько сотен недовольных казаков.²²

Майор Дэвис в Пеггек получил приказ провести проверку для отделения новых эмигрантов от старых. Задачу эту он выполнял спустя рукава, и при его попустительстве многие бежали, либо зарегистрировались по фальшивым документам как несоветские граждане. Тем не менее, бежавших из СССР после 1939 года в Пеггек тоже было предостаточно, а лагерь кишел информаторами и стукачами. Старостой лагеря был некий Шилихов, русский из Белграда, которому не доверяли ни казаки, ни Дэвис, и в конце 1945 года его заменили гораздо более симпатичным человеком, югославом Лакичем. Все советские граждане, чье подданство не вызывало сомнений, были переведены в лагерь в Дользахе, обнесенный проволокой. Здесь под строгой охраной содержалось около 500 советских граждан, прошедших проверку.²³ 8 июля фельдмаршал Александер телеграфировал в военное министерство:

Мы сейчас содержим в Австрии 500 казаков. Они бежали во время выдачи казаков советским властям и не желают возвращаться в СССР. Советы настаивают на выдаче этой группы. Не исключено, что это потребует от нас применения силы. Прошу ваших инструкций по этому поводу.

Военное министерство запросило МИД. Джон Голсуорси сказал, что телеграмма ничего не меняет. По его мнению, так же, как и по мнению Браймлоу и Патрика Дина, лучше всего было бы, чтобы военные обсудили вопрос о репатриации с Объединенным комитетом начальников штабов. Наконец, Браймлоу набросал проект письма для своего начальника

Кристофера Уорнера, предлагая военному министерству попытаться убедить советскую военную миссию прислать вооруженный отряд для перевозки группы смутьянов. Чтобы заручиться согласием американцев, проконсультироваться с Объединенным комитетом,

но полученное в результате решение будет относиться лишь к казакам в Австрии, которые являются военнопленными, и не распространится на группу из 55 человек в Риме, поскольку женщин и детей, очевидно, нельзя считать военнопленными. Это послужит дополнительной причиной к тому, чтобы сначала разобраться с небольшой группой в Риме, а уже затем – с казаками.

На совещании представителей армии и МИД 31 июля четко выявилась разница в их подходе. Томас Браймлоу объяснил, что хотя "эта политика, отличаясь от традиционной политики правительства его королевского величества в отношении политических беженцев, вызывает некоторое замешательство", МИД тем не менее считает, что с военнопленными и перемещенными лицами "следует обращаться одинаково и передавать их советским властям независимо от их желаний". Генерал-майор А. В. Андерсон возразил на это, что,

по его мнению, Ялтинскому соглашению предназначалась роль рабочего соглашения при репатриации освобожденных советских граждан, и оно было принято вовсе не для того, чтобы обеспечить насильственную репатриацию политических беженцев, которые не отвечают за действия стран Оси и не желают возвращаться в СССР.

Это заявление Браймлоу оставил без ответа.²⁴

Но, несмотря на настойчивость МИД, политика министерства постоянно наталкивалась на все новые препятствия. Сомнительно было, что удастся получить согласие американцев, необходимое для районов, находящихся под объединенным командованием. Все уже знали о задержке "Монтчелло" – неизвестно было только, что это всего лишь тактический маневр Госдепартамента. Имелись также тревожные и загадочные сообщения об обструкции, устроенной американской армией. 29 июля британский МИД узнал о том, что генерал Пол Парен, из американской 26-й пехотной дивизии, "отказавшись выдать военных в немецкой форме, считающихся военнопленными, действовал по инструкции высшего военного

начальства”, — речь шла о ”нескольких тысячах русских, служивших в вермахте”.²⁵

Но худшее было еще впереди. В Ялте руководители трех великих держав приняли стратегический план окончательной победы над нацистской Германией. Теперь, шесть месяцев спустя, эта задача была выполнена, и границы ”большевистского обезьянника” (давнишние слова Черчилля) растянулись от туманных болот Припяти до неторопливой Эльбы, более чем на 1 000 километров, в самом центре Европы. Советским руководителям оставалось лишь понять, как воспримут государственные мужи Запада новую Европу, возникшую на развалинах старой. 17 июля Трумэн, Черчилль и Сталин встретились в Потсдаме. Естественно, в повестке дня был и вопрос о русских беженцах на Западе. К тому времени подавляющее большинство их уже вернулось на родину, но с оставшимися дело обстояло еще сложнее, чем раньше. Даже те, кто поначалу принял варварство массовых репатриаций как должное, начинали понимать, что дело нечисто.

На пленарном заседании Потсдамской конференции 22 июля Молотов заявил, что англичане держат в лагере в Чесенатико, под Равенной, не менее 10 тысяч советских граждан, причем они до сих пор составляют целую дивизию из 12 полков, с офицерами, назначенными немцами. Черчилль пообещал немедленно заняться расследованием этого сообщения, и фельдмаршал Александер отправил генералу Моргану в штаб союзных сил в Италии телеграмму с просьбой сообщить подробности.

Ответ Моргана не заставил себя ждать, но эта история явно расстроила премьер-министра. На другой день его личный секретарь Лесли Роуэн писал помощнику Идена Пирсону Диксону:

Премьер-министр... выразил мнение, что наша нынешняя политика возвращения советских граждан, оказавшихся у нас, нуждается в некоторых изменениях. Он предложил вести следующую линию. Мы не требуем от советских властей возвращения оказавшихся у них англичан помимо их воли, они могут свободно выбирать, хотят они возвращаться в свою страну или нет. Из этого вытекает, что и с советскими гражданами, находящимися у нас, надо поступать таким же образом, то есть, мы не должны принуждать их к возвращению в СССР помимо их воли.

Эта записка немедленно была передана для комментариев юриконсульту МИД Патрику Дину, и тот заметил, что точка зрения премьер-министра

вызывает "серьезные возражения". Действительно, английский офицер Юматов видел, как 35 репатриантов расстреляли на одесской набережной, но предлагаемые изменения вряд ли приемлемы, хотя, может, и стоит попробовать избавиться от репатриации несколько заведомо ни в чем неповинных русских. В заключение он писал:

Если, как представляется вероятным, премьер-министр выдвинул это предложение из-за заявления Молотова на пленарном заседании о 10 тысячах украинцев, находящихся в Италии, то следует заметить, что среди них много поляков, которые в любом случае не подлежат репатриации. Остальные, очевидно, представляют собой вооруженное формирование, воевавшее под немецким командованием, так что усердствовать в сочувствии к ним не стоит.²⁶

Сэр Александр Кадоган, постоянный заместитель министра, набросал для Диксона записку, в которой настоятельно просил премьер-министра отказаться от занятой позиции. В дело вновь были пущены знакомые аргументы: обещания Идена в Москве и Ялте, необходимость обеспечить скорейшее возвращение освобожденных английских военнопленных, невозможность эффективной проверки гражданства и т. д. В записке отмечалось, что практически все русские, о которых идет речь, "в большей или меньшей мере сотрудничали с немцами", а "многие из них — крайне нежелательные лица", и вообще — "непонятно, как мы можем отказаться от их выдачи, не вступив при этом в серьезный конфликт с советским правительством".

Премьер-министр несколько дней молчал. Тем временем генерал Морган из Италии телеграфировал, что 10 тысяч "советских граждан", о которых говорил Молотов, на самом деле украинцы, в основном жители Польши, и проверкой их гражданства занимается советская военная миссия. Получив в Потсдаме это послание, фельдмаршал Александер высказал крайнее недовольство тем, что Молотов выдвинул безосновательную жалобу, не связавшись предварительно со штабом союзных сил в Италии. МИД в эти же дни послал Черчиллю записку, где кратко излагались соображения министерства насчет взаимодействия с Советами. Они сводились к следующим предложениям. Информацию генерала Моргана можно использовать для сведения счетов с Молотовым и главой советской репатриационной комиссии генералом Голиковым, допустившими явный дипломатический промах, но при этом не следует заходить слишком далеко: "было бы крайне опасно намекать советскому

правительству, что мы считаем себя вправе оставить на Западе лиц, которые несомненно являются советскими гражданами, но не желают репатрироваться в СССР". Вскоре от Черчилля пришел ответ:

Большое спасибо за записку от 27 июля о возвращении советских граждан в СССР. Я согласен, что предпринимать в этом деле какие бы то ни было дальнейшие шаги не нужно.²⁷

Тем временем недовольство военных на местах продолжало расти. Английские офицеры, охранявшие украинцев в Чесенатико, узнав о событиях в Австрии, "заявили властям, что украинцы должны избежать подобной участи".²⁸ Комендант лагеря, капитан Том Корринж, послал еще более резкий протест, и добавил: "Если приказ подлежит выполнению, пришлите заодно похоронную команду". Позже он узнал, что его рапорт был переслан в МИД — очевидно, по инициативе какого-нибудь сотрудника штаба союзных сил в Италии.²⁹

Многое говорило за то, что на сей раз вряд ли удастся сохранить операцию по выдаче пленных в тайне. Интерес к делу выразили влиятельные лица. Например, генерал Андерс, командующий польскими войсками в Западной Европе, жаловался на то, что советская миссия в Италии пытается похитить польских граждан.³⁰ И похоже было, что многие из тех, кого стремились заполучить Советы, объявят себя польскими гражданами. Ватикан 5 июля обратился в Госдепартамент и английский МИД с просьбой не отправлять украинцев в СССР. Американцы в ответном письме объяснили, что репатриации подлежат только те, кто до 1939 года был советским гражданином. А британский МИД вообще "не хотел привлекать внимание к этому аспекту соглашения, противоречащему нашему традиционному отношению к политическим беженцам"; и потому сотрудник МИД Джон Голсуорси считал, что на просьбу Ватикана лучше не отвечать.³¹

Скорее всего, Черчилль просто боялся повторения кровавых событий в Лиенце — только на сей раз об этом еще узнала бы и общественность. Но едва он получил заверения, что этого не произойдет, как сомнения покинули его.³² Кроме того, советская делегация явно придавала большое значение этому вопросу; он еще несколько раз возникал в ходе конференции,³³ и в итоге политика насильственной репатриации, принятая союзниками, осталась по существу без изменений.³⁴

Советские притязания на граждан стран, оккупированных СССР в 1939-40 годах, не воспринимались союзниками всерьез. И американцы, и англичане ясно дали понять, что не собираются выдавать Советам поляков

или прибалтийцев. Термин "советский гражданин" (которому в Ялтинском соглашении не было дано определения) с самого начала относился только к лицам, жившим в пределах границ СССР до 1939 года.³⁵ Тысячи или даже миллионы жителей Эстонии, Латвии, Литвы, Восточной Польши и Бессарабии подпали под определение "перемещенные лица". И советские власти настаивали на том, что они являются гражданами СССР, тогда как западные державы их таковыми не признавали. Месяцами, если не годами, эти люди жили в страхе, что их насильно отправят в СССР, но, насколько известно, союзники никогда не рассматривали такую возможность. Это наверняка вызвало бы слишком громкое возмущение общественности. Советы были недовольны, однако смирились, и это наводит на мысль, что вряд ли они осмелились бы на решительные действия, если бы союзники оставили на Западе и тех, кто к тому времени еще не был репатриирован против своей воли.

Одной из групп, не без оснований опасавшейся выдачи, были солдаты латвийского легиона ваффен СС. Из двух дивизий легиона одна, 19-я, закончила войну в окружении в "Курляндском мешке". Другая, 15-я, после ожесточенных боев на Восточном фронте была в августе 1944 года отозвана в Германию для переоснащения. Когда стало ясно, что падение Германии не за горами, дивизия двинулась на Запад и сдалась американцам. Пленных разместили в лагере с прочими частями СС. Во время июльской передислокации американских войск, проведенной с целью расширения западных границ советской оккупационной зоны, латышей перевезли в лагерь под Гамбургом. Ян Богарт, служивший во фламандской дивизии СС, вспоминает, что солдаты латвийского легиона

отличались прекрасной дисциплиной. На переключку они всегда выходили под руководством своих офицеров, строем, с приспущенным флагом и пением национального гимна. У них был сын полка — мальчик лет пяти-шести, одетый в пригнанную по его крошечной фигурке форму СС.

Богарт и его сотоварищи понимали, что "после включения района в советскую оккупационную зону латышей скопом передадут Советам".³⁶ Латыши тоже боялись этого, но до поры до времени ничто не подтверждало эти страхи — их даже на запад повезли, подальше от советской зоны. Группа примерно в 4 тысячи человек находилась в Восточной Фризии, на границе с Нидерландами. Солдату 15-й дивизии Джону Антоневичу хорошо запомнилось то трудное время. Несколько месяцев они жили в лагере, на полном обеспечении англичан, но их будущее оставалось смутно

и неясно. Генералу Драгуну из советской миссии в Париже, несомненно, было известно их местонахождение, и, наверное, он всячески добивался от англичан выдачи этих закоренелых антисоветчиков.³⁷ И можно представить себе, какие потребовались усилия, чтобы противостоять этим требованиям, тем более что дивизия действительно воевала против СССР, да еще к тому же входила в войска СС — такая связь обычно порождала некоторые не всегда верные ассоциации.

Солдаты были вынуждены довольствоваться слухами и догадками. Ничего не знали и английские отряды, охранявшие лагерь, и служба Международной Комиссии помощи беженцам, доставлявшая еду. Однажды командир дивизии полковник Осис вернулся из английского штаба в необычайном возбуждении. Вскоре по лагерю разнеслось, что всем следует срочно "исчезнуть". "Каждый бежит особняком, — объяснял полковник, — иначе нас всех репатрируют". Обитатели лагеря разом взялись за дело. Через земляков из лагерей перемещенных лиц раздобыли гражданскую одежду и документы — несомненно, липовые. Джон Антоневиц ушел накануне нового 1946 года, а в первые дни января все население лагеря словно ветром смело. Большинство нашло приют в относительно безопасных лагерях для перемещенных лиц, расположенных по соседству. К июню 1946 года все латышские части, содержащиеся в Германии и Бельгии, были освобождены из лагерей для военнопленных.³⁸

Другим прибалтийцам повезло значительно меньше. В конце 1945 года Энтони Шорланд Болл, капитан Лейкширского полка, был отправлен в распоряжение военной администрации в Гревен, под Мюнстер, где была русская "деревня", находившаяся под контролем советских войск. В обязанности Шорланда Болла входила организация транспорта для доставки этих русских на родину. Обычно он обеспечивал около десяти грузовиков, а затем, когда все было готово, следил за их отправкой. Перед посадкой он должен был удостовериться, что все пассажиры действительно советские граждане. Проверка проводилась по следующим правилам: русских приводили под охраной к месту сбора, где сажали в грузовики, и Шорланд Болл по очереди подходил к каждому грузовику с экземпляром Ялтинского соглашения³⁹ и картой СССР в руках. Показывая сидящим в грузовике карту, где были четко обозначены границы СССР до 1939 года, он объяснял через переводчика, что те, кто жил западнее этих границ, не обязаны возвращаться, а те, кто не желает ехать, могут слезть с грузовика. Эту работу капитан Болл выполнял с августа до декабря. Но ни разу никто из пленных не воспользовался случаем назвать себя несоветским гражданином. Если учесть, что грузовики

окружали советские солдаты с автоматами, вряд ли это покажется странным. Стоявшие тут же советские офицеры и вовсе держали пальцы на взведенных курках. Как вспоминает Шорланд Болл, пленные "не осмеливались говорить, советские войска внушали им ужас..." Даже переводчица, молодая латышка, тоже, казалось, была охвачена ужасом и старалась ни на шаг не отходить от английского офицера.⁴⁰ Трудно удержаться от вывода, что таким образом советская военная миссия вывезла в СССР немалое число прибалтийцев и поляков.

В конце лета 1945 года теоретическая сторона вопросов, связанных с насильственной репатриацией, была совершенно ясна, чего нельзя сказать про сторону практическую. Англичане без колебаний согласились на применение силы, американцы — после некоторых колебаний — заняли ту же позицию. Правда, в обеих армиях имелось значительное сопротивление этой линии, но если английский генерал, вроде Александра, мог просто игнорировать однозначные инструкции, то американские военные и политические деятели, казалось, были совершенно сбиты с толку противоречивой политикой своего правительства.

Не далее как в декабре Александр Кирк, политический советник США в Италии, получил от Стеттиниуса категорическое заявление, что Соединенные Штаты решили возвращать всех советских граждан, "независимо от их желания".⁴¹ 7 августа Кирк обратился к новому государственному секретарю Бирнсу с просьбой подтвердить неизменность политики США в этом вопросе и получил положительный ответ.⁴² Кирк, скорее всего, знал, что Госдепартаменту не нравится вся эта история, и он счел полезным еще раз поднять вопрос о применении штыков для возвращения людей в СССР, на смерть и муки. Впрочем, даже Кирку не было известно, что в это время разворачивалась операция, в ходе которой американским солдатам предстояло понять, чем именно занимались в Австрии их союзники англичане.

В Баварии, в лагере в Кемптене, содержалось семьсот казаков и владовцев, и американским властям удалось составить довольно точные списки новых и старых эмигрантов. (Следует заметить, что, в отличие от англичан, американцы вообще не рассматривали возможность выдачи Советам лиц, вот уже более 20 лет живших за пределами СССР). 22 июня был получен приказ перебросить новых эмигрантов в лагерь под Мюнхеном. Пленные запротестовали, и местные полицейские власти приказ отменили. В лагере установился было мир и покой, но вскоре до пленных — с опозданием в полтора месяца — дошло известие о выдачах в Австрии. Эту сенсационную новость принес добравшийся до

лагеря 16 июля кубанский казак.⁴³ 11 августа пленным сообщили, что на завтра все советские граждане будут возвращены в СССР. В списке репатрируемых было 410 человек, все они подверглись тщательной проверке. Многие бежали ночью — американские охранники не слишком усердствовали при выполнении своих обязанностей. Остальные были готовы оказать сопротивление, и в лагере разыгрались события, очень похожие на те, что десять недель назад произошли в долине реки Дравы.

Ранним утром 12 августа в лагерную церковь, под которую приспособили спортивный зал, набилось полно народу, в том числе много старых эмигрантов, не подлежавших репатриации и пришедших просто из чувства солидарности с соотечественниками. Когда американские солдаты вошли в здание, чтобы вывести оттуда советских граждан, они увидели, что все сбилось в кучу, плача и моля о пощаде. Американский майор, сообразив, что события принимают довольно неприятный оборот, приказал солдатам выйти (он не желал применять силу). Тогда начальство майора запустило в церковь отряд военной полиции под командованием полковника Ламберта. На повторное требование выйти из церкви и сесть в грузовики никто не отреагировал, и солдаты, отеснив перепуганных пленных к стене, начали вклиниваться в толпу и выхватывать оттуда людей по отдельности. Особенно мрачный колорит придавало этой сцене то, что она происходила в церкви. Американцы прикладами избивали русских до потери сознания, алтарь был опрокинут, иконы разбиты, облачения священнослужителей порваны. Столпившиеся у дверей церкви офицеры НКВД с удовольствием наблюдали за энергичными действиями американцев.

В конце концов всех вывели, а на поле боя остались лишь обломки церковной утвари, пятна крови, порванная одежда. На дворе пленных снова разделили на две группы: советских граждан посадили в грузовики, а старых эмигрантов собрали в соседнем здании школы. Но и тем, кто оказался в школе, никто не гарантировал безопасности. Когда один из них попытался бежать через окно, американцы открыли огонь.⁴⁴ Советских граждан отвезли на железнодорожную станцию и посадили в товарный поезд, который отошел в советскую зону только наутро, и за это время многие сумели бежать. Советской границы достигло всего человек сорок.

Для советских офицеров вид разоренной церкви и насилие над пленными были не в новинку. Но американских солдат все это потрясло. Известный американский врач, негр Вашингтон, на глазах у своих соотечественников, прислонившись к стене, плакал, как ребенок.⁴⁵ Инцидент

получил широкую огласку, и 4 сентября Эйзенхауэр настоятельно потребовал пересмотра политики в области репатриации.⁴⁶ Глубокое беспокойство в связи с этим делом в телеграмме государственному секретарю выразил политический советник США в Германии Роберт Мёрфи. "Неужели Ялтинское соглашение обязывает нас возвращать этих русских с применением силы?" – спрашивал он.

Ответ, написанный от имени государственного секретаря Бирнса директором отдела по европейским делам Г. Фриманом Мэтьюсом, пришел через два дня. "Док" Мэтьюс был влиятельным членом делегации США в Ялте; и в Потсдаме Бирнс "целиком на него полагался".⁴⁷ В несколько иносказательной манере Мэтьюс объяснял, что американская политика действительно предусматривает тесное сотрудничество с Советами в этом деле и что даже на территории США пришлось применить силу для подавления сопротивления пленных. Заключительная фраза этого послания очень напоминает уже знакомые нам рассуждения:

Сообщаем вам конфиденциально, что департамент считает нужным завершить эти дела так, чтобы не дать советским властям предлога оттягивать возвращение американских военнопленных, плененных японцами и находящихся сейчас в советской зоне оккупации, в частности в Маньчжурии.⁴⁸

Чиновники британского МИД тоже ссылались на то, что советские войска могут обнаружить в Маньчжурии несколько сотен английских военнопленных,⁴⁹ но главным их доводом было то, что данное Иденом в октябре 1944 года обещание следует выполнять до тех пор, пока последний подлежащий репатриации русский не будет выдан советским властям. Несмотря на возражения военного министерства, высказанные на совещании 31 июля генералом Андерсоном, МИД всячески подчеркивал, что эта позиция остается неизменной.

В конце июля к власти в Англии пришло лейбористское правительство, и можно было надеяться, что это вызовет пересмотр политики Идена и в деле репатриации. Но новый министр иностранных дел Эрнест Бевин продолжал прежнюю линию.⁵⁰ Так, в ответ на запрос генерала Андерсона относительно 55 русских штатских в Риме, Бевин, после совещания с сэром Александром Кадоганом, наложил на полях служебной записки краткую резолюцию: "Репатриировать".⁵¹

Через две недели, в беседе с советским послом Гусевым, Бевин заверил посла, что никаких перемен в английской политике не предвидится.⁵² Вооруженный указаниями своего министра, Кристофер Уорнер

уведомил генерала Андерсона, что решение принято, закончив письмо конфиденциальным сообщением:

Ввиду указаний министерства, мы полагаем, что вы не будете отсылать это дело на рассмотрение Объединенного комитета начальников штабов и сможете теперь заняться передачей этих людей.⁵³

Казалось, все утряслось. МИД дал распоряжение, солдаты должны подчиниться, 500 пленных в Дользахе и 55 в Чинечитта будут переданы НКВД; в ответ Советы несомненно пойдут на уступки. Но военные оказались твердым орешком, да и сам фельдмаршал Александер на сей раз проявил настойчивость. Пока Уорнер писал Андерсону, Александер в Италии побывал на совещании с советским уполномоченным по репатриации генералом-майором Базиловым, который только что прибыл из Москвы "с особой миссией" и с места в карьер потребовал немедленной репатриации 10 тысяч "советских граждан", содержащихся в лагере Чесенатико. Александер возразил. В приказе было четко оговорено, что лица, жившие вне границ СССР 1939 года, репатриации не подлежат. Более того, он заявил, что "в настоящее время не имеет полномочий заставить этих людей вернуться в СССР против их воли". В ответ на возражения Базилова Александер заметил, что "если поступит такой приказ, ему придется применить силу для обеспечения репатриации", и поэтому он немедленно обратится к своему начальству за соответствующими инструкциями. Кивнув, Базилов преспокойно выдвинул новое требование: о возвращении "30 тысяч советских граждан в Польском корпусе". Очевидно, речь шла о поляках, живших на территориях, аннексированных СССР. Александер ответил категорическим отказом: "Вы должны понять, что поляки наши союзники". Требования Базилова "в высшей степени удивили" фельдмаршала,⁵⁴ и сразу же после совещания он написал личное письмо начальнику имперского штаба сэру Аллану Бруку, объясняя, что не намерен уступать Советам в вопросах, хоть чуть-чуть выходящих за рамки соглашений, и, в частности, отказывается применять силу при репатриации советских граждан, пока у него нет четкого приказа.⁵⁵ В военное министерство он послал запрос об инструкциях и просьбу не заставлять его солдат репатриировать несчастных под дулом пистолета.⁵⁶

Состояние дел в августе 1945 года не удовлетворяло ни одну из сторон. Советы, по обыкновению, выступали с обвинениями, что англичане в Германии запугивают советских граждан, мечтающих вернуться

домой, и мешают их репатриации.⁵⁷ Британский МИД был недоволен, что его инструкции, не изменившиеся с момента Ялтинской конференции, постоянно нарушаются. А тут еще густым потоком пошли жалобы от тех, кого это дело касалось самым непосредственным образом, кто должен был проводить политику насильственной репатриации в жизнь. В Италии офицеры, охраняющие 10 тысяч украинцев в Чесенатико, заявили "решительный протест" против насильственной репатриации своих подопечных.⁵⁸ В Австрии этот протест был выражен еще более открыто. Вот что рассказывает об этом непосредственный участник событий, полковник Алекс Вилкинсон, ставший в июле 1945 года военным комендантом земли Штирия:

В Штирии было несколько лагерей для перемещенных лиц, и мы должны были следить за ними. Один такой лагерь, в котором было около полутора тысяч человек, находился недалеко от Брюка-на-Муре. Однажды ко мне в Грац явились несколько офицеров НКВД и сказали, что в соответствии с Ялтинским соглашением я должен посадить этих людей в поезд и отправить в Вену. Я ничего не слышал о Ялтинском соглашении и ответил, что сделаю это только в том случае, если эти люди согласятся ехать. Тогда эти два негодяя позвонили в Вену и примерно через час заявили мне, будто я обязан посадить перемещенных лиц в поезд. На это я дал им точно тот же ответ, что и раньше. Тогда они сказали, что хотели бы поговорить с этими людьми, и я согласился. Я сообщил перемещенным лицам о том, что происходит, и сказал, что встреча состоится завтра, в 10 часов. Эти мерзавцы из НКВД получили свое: встреча состоялась в назначенное время, но явилось на нее всего 15 человек. Офицеры вернулись в Грац очень недовольные и обвиняли во всем меня. Но им удалось вытянуть из меня только одно: если эти 15 человек, которые явились на собрание, хотят вернуться в СССР, я посмотрю, что тут можно сделать. Больше я о них ничего не слышал.⁵⁹

От союзных войск в Германии тоже посыпались протесты. Полковник Р.Б. Лонг отвечал за ту часть штаба 21-й группы армий, которая занималась составлением и выдачей инструкций по выполнению Ялтинского соглашения. До него постоянно доходили истории о русских, которые кончали с собой или бросались наперерез грузовикам, умоляя не отсылать их назад. Войска нередко отказывались применять силу для того, чтобы

заставить сесть в грузовики женщин и детей.⁶⁰ А офицеры часто звонили Лонгу с жалобами на работу, которую им приходится выполнять.

Одним из таких офицеров был полковник Лоуренс Шэдвелл, который занимался рядом крупных лагерей для перемещенных лиц в районе Кия. Верующий христианин, полковник сразу отказался участвовать в репатриационных мероприятиях, требующих применения силы, и, как вообще бывало в таких случаях, ему и не пришлось этим заниматься. Львиная доля его времени уходила на войну с местными советскими офицерами связи, запугивавшими поляков и прочих несоветских граждан и похищавшими людей. На их счету было даже одно убийство. По наущению канадца украинского происхождения, тоже служившего в военной администрации, Шэдвелл записал многих украинцев поляками. В его районе насильственных репатриаций не проводилось. Но в начале августа сюда прибыли три украинца из-под Фленсбурга и рассказали, что 500 пленных лагеря во Фленсбурге были окружены британскими войсками и сопровождавшими их советскими офицерами и силой посажены в грузовики. Один пленный был убит сотрудником НКВД "при попытке к бегству". А за жестокое убийство поляка из Галиции военная администрация на той же неделе уволила лейтенанта НКВД Огорокова.⁶¹

Вполне возможно, что если не все, то хотя бы часть из 500 русских, выданных во Фленсбурге, были солдатами казачьего полка, плененного в этом районе в начале мая. Бывший английский капрал вспоминает, как к ним пришел сдаваться в плен казачий полковник. "Спросив, говорю ли я по-немецки, он сказал... что пришел сюда объявить о формальной сдаче своих сил". Он объяснил, что его люди – беженцы от коммунизма, образовавшие полк при вермахте. "Их главной задачей было поставлять немцам лошадей. Они стояли в лагере в двух милях отсюда". Через несколько ночей капрал Фред Ральф сопровождал двух офицеров своего полка в казачий лагерь. Там им устроили незабываемый вечер с водкой, угощением и пением казачьего хора. В лагере, как они заметили, было много женщин и детей.⁶²

Рассказ о событиях во Фленсбурге привел украинцев в лагерях полковника Шэдвелла в ужас. Через несколько дней Шэдвеллу удалось просмотреть донесения о фленсбургской репатриации, и хотя все это случилось за пределами его района, он понял, что надо что-то делать. Его канадский друг, которого Шэдвелл снабдил соответствующей информацией, отправился в Лондон и принялся ходить по инстанциям. Информация о событиях во Фленсбурге дошла до одного из помощников президента

Трумэна, до графини Атольской, связанной с английским Красным Крестом, и МИД.⁶³

Попытаемся обобщить события августа 1945 года. Подавляющее большинство русских, репатрированных в мае, июне и июле, возвращалось на родину более или менее добровольно, во всяком случае, дело обошлось без применения силы. К августу число русских на Западе значительно сократилось, зато оставшиеся хотели во что бы то ни стало избежать репатриации. То ли потому, что вследствие уменьшения численности русских на переднем плане оказались именно те, кто сопротивлялся репатриации, то ли потому, что англо-американская военная администрация решительно взялась за это трудное дело, но в августе вопрос о применении силы к нежелавшим возвращаться приобрел первостепенное значение.

Во всяком случае, только в августе в Германии начались операции, породившие отчаяние у пленных и вызвавшие возмущение многих причастных к этому делу англичан и американцев. Так, Джон Грей, квакер, работавший в гражданской комиссии по помощи населению и имевший дело с перемещенными лицами в районе Зальцгиттера, 4 августа отправил спешное послание министру иностранных дел. Он писал, что 3 августа военные власти получили приказ о немедленной выдаче всех советских граждан, и выражал самый решительный протест против бесчеловечности такой позиции. Поскольку многие пленные поклялись покончить с собой, но не возвращаться на родину, он заявлял, что "насильственная выдача этих людей противоречит либеральной английской традиции в отношении политических беженцев". Руководители МКПБ и Красного Креста были в ужасе, и Грей просил Бевина "изучить этот вопрос и найти более гуманное и христианское решение проблемы этих бездомных".

Хотя в письме Грея речь шла только о советских гражданах, живших восточнее линии Керзона, ответ МИД, отправленный через семь недель, был составлен так, как если бы Грей писал о лицах со спорным гражданством, живших западнее этой линии. Такой подход давал возможность заявить, что эти люди вообще не подлежат репатриации, и тем самым перевести весь инцидент в разряд "недоразумений". Тем временем политическому советнику в Германии было приказано сообщить военным, что насильственная репатриация должна продолжаться.⁶⁴ В приказе от 30 августа излагались меры по предупреждению репатриации тех, кто не совсем подпадал под британское определение советского гражданина.⁶⁵ Однако гангстерская тактика сотрудников советской репатриационной комиссии вызывала такое возмущение английских офицеров и солдат, что они начали нарушать политику своего правительства.

Раздавшиеся в августе протесты против применения силы привели к существенному смягчению линии МИД, хотя сама политика осталась неизменной.⁶⁶

В Италии советская миссия под руководством генерала Базилова настоятельно требовала возвращения советских граждан вообще и Украинской дивизии, в частности. Желание вернуться высказала лишь незначительная часть украинцев, и фельдмаршал Александер решительно препятствовал всем стараниям Базилова выманить остальных. Когда Базилов проявил особую настойчивость в вопросе о возвращении группы из 400 детей, фельдмаршал резко заявил, что не потерпит такого безобразия, что готов вернуть тех, кто согласен репатрироваться, но "применять насилие ему не дозволено".⁶⁷ 28 августа 1945 года начальник штаба Александера, генерал Морган, отправил в военное министерство трогательное послание от своего имени. Он писал:

Применение силы приведет к тому, что эти люди будут под дулом пистолета посажены в вагоны и заперты там, причем на некоторых, вероятно, придется надеть наручники... Такое обращение, вкупе с пониманием того, что эти несчастные скорее всего отправляются на верную смерть, находится в вопиющем противоречии с известными нам традициями демократии и правосудия. Более того — английские солдаты, понимая, какая судьба ждет этих людей, скорее всего, откажутся добровольно участвовать в мерах, необходимых для отъезда пленных.

Копия этого письма была отослана в МИД, где, разумеется, вызвала раздражение и недовольство чиновников. Они-то думали, что подтверждение Бевина о необходимости применения силы уже дошло до штаба союзных сил в Италии, а оно, оказывается, лежит себе в военном министерстве, сотрудники которого занимаются разглагольствованиями.⁶⁸ 1 сентября в Казерту пришла телеграмма МИД с подтверждением, что принятая линия изменениям не подлежит. Сотрудник английского посольства в Москве Франк Робертс подчеркивал, что Советы никогда не согласятся на смягчение, так что на данной стадии невозможны никакие альтернативы.⁶⁹ Дело, очевидно, было решено. Генерал Бломфильд из военного министерства писал:

В связи с решением МИД, я полагаю, нам остается лишь передать этих несчастных советским властям, используя при этом минимум насилия. Мне это не нравится, но выхода нет.⁷⁰

Но армия не переставала чинить препятствия практическому осуществлению насильственной репатриации. Ведь, как заметил в аналогичном случае Уинстон Черчилль, всегда найдется "аппарат оттягивания". Первый выпад в этом поединке вновь сделал фельдмаршал Александр. "Полагая", что изложенные выше условия не относятся к Италии (хотя они были отправлены именно туда!), он вновь возразил против применения силы, особенно к женщинам и детям. Тут сыграло роль еще одно обстоятельство: фельдмаршала безмерно раздражали самочинные действия генерала Базилова.⁷¹ Александр считал Базилова возмутителем спокойствия — МИД же, в свою очередь, страшно надоел сам фельдмаршал. Джон Голсуорси считал "недопустимым", что четкое распоряжение министра иностранных дел больше месяца провалялось в военном министерстве. К тому же МИД уже заверил советского посла, что все в порядке, и эта непредвиденная задержка поставила мидовских служащих в дурацкое положение. Больше того — на предстоящей встрече министров иностранных дел советская делегация могла бы поднять этот вопрос и одержать дипломатическую победу.

Престиж Александра был настолько высок, что его протест вполне мог затянуть обструкцию, устроенную военным министерством; и это беспокоило Голсуорси, который, впрочем, нашел выход, предложив, чтобы советские власти предоставили "охранников" для черной работы. Менять политику министерства иностранных дел он считал делом слишком хлопотным. "Во всяком случае, мы давно уже решили, что не можем пытаться спасти русских от их правительства, сколь бы мы ни желали этого из чисто гуманных соображений".⁷²

Для эффективного давления на Александра следовало заручиться поддержкой американцев. Ведь английский фельдмаршал был главнокомандующим союзных сил, и, строго говоря, всякий шаг на итальянском театре требовал объединенного решения обеих держав. МИД начал действовать. Бевин послал ноту Бирнсу (оба были в тот момент в Лондоне на встрече министров иностранных дел).⁷³ Затем от британской миссии Объединенных штабов в Вашингтоне потребовали, чтобы она убедила начальников Объединенных штабов дать четкие инструкции. В ответ миссия сообщила, что американцы могут не согласиться с британским определением "советского гражданина",⁷⁴ но в остальном все как будто в порядке. Лорд Галифакс сообщал из Вашингтона, что американцы, кажется, отказались от своих прежних возражений против насильственной репатриации; и Джон Голсуорси выразил надежду, что "фельдмаршал Александр наконец-то получит инструкции..."⁷⁵

Дела понемногу продвигались, хотя и не так быстро, как хотелось бы англичанам. На записку Бевина Бирнс ответил, что консультируется с Госдепартаментом. Он послал телеграмму государственному секретарю Дину Ачесону, в которой указал, что Бевин особенно жаждет вернуть советским властям 500 пленных казаков, и добавил: "Бевин указывает, что репатриация этой группы может потребовать применения силы. Я бы, конечно, не решился на это так сразу". В ответе Ачесон, подробно описав ситуацию, указывал, что все это дело сейчас попало на рассмотрение в государственный координационный военно-флотский комитет. Ачесон считал вполне возможным заключение, что Ялтинское соглашение не предусматривает применения силы. С другой стороны, комитет может решить, что

такая интерпретация соглашения не распространяется на советских граждан, которые присоединились к вражеской армии и, следовательно, считаются изменниками и подлежат возвращению в свою страну как предатели, по отношению к которым может быть при необходимости применена сила. Другие категории советских граждан не будут репатрированы против их воли.

500 казаков попадали в категорию "предателей" и поэтому должны были вернуться в СССР — особенно в связи с недавними американскими акциями в отношении пленных Форта Дикс.⁷⁶

Бевин был недоволен этой задержкой. Он надеялся в самом скором времени дать Молотову удовлетворительный ответ. Сотрудники МИД то и дело торопили английское посольство в Вашингтоне, но лорд Галифакс лишь повторял, что решения пока нет. Американцы, вероятно, достаточно быстро уступили в отношении 500 "изменников", но не решались дать санкцию на применение силы против 55 штатских лиц. МИД же настаивал на том, что "среди штатских могут быть люди, поведение которых было ничуть не лучше — если не хуже, — чем поведение казаков". В данных обстоятельствах англичане считали вполне разумным принять на вооружение презумпцию виновности, но американцы, похоже, исходили из прямо противоположных рассуждений. Госдепартамент предвидел, что,

если правительство Соединенных Штатов применит силу, чтобы заставить ... [гражданских лиц] вернуться на родину помимо их желания, этот антигуманный акт и нарушение традиционной

американской точки зрения на предоставление убежища вызовет резкую критику со стороны общественности и Конгресса.⁷⁷

А поскольку все это оттягивание было результатом задержки военным министерством инструкций Александру, то МИД полагал, что "армия вела себя, мягко выражаясь, недостойно".⁷⁸

Между тем в английских оккупационных зонах Австрии и Германии можно было выдавать Советам кого угодно – по крайней мере, согласия американцев на это не требовалось. Но даже и тут скромные надежды МИД почему-то не оправдались. Гром грянул 5 октября, когда Джон Голсуорси раскрыл утренний выпуск "Таймс" и в глаза ему бросилась небольшая заметка под названием "Они отказываются возвращаться в СССР". Первая же фраза неприятно поразила мидовского чиновника:

По приказу генерала Эйзенхауэра, применение силы к русским гражданам, репатрируемым в СССР из американской оккупационной зоны Германии, приостановлено до специального приказа правительства Соединенных Штатов, оговаривающего участие американских войск в этом деле.

В сообщении говорилось, что благодаря этому постановлению 26 400 советских граждан в лагерях для перемещенных лиц получают по крайней мере временную отсрочку. Автор заметки писал:

Одного офицера спросили, верны ли слухи о солдатах, стрелявших поверх голов русских граждан или под ноги им, чтобы заставить сесть в поезда, идущие в СССР. Он ответил: "Возможно, что какое-то время некоторых из них заставляли садиться в поезда, но теперь все это в прошлом".⁷⁹

Как и Александр, Эйзенхауэр давно уже испытывал отвращение к той недостойной солдата задаче, которая была ему поручена. 4 сентября он запросил Объединенный комитет начальников штабов насчет окончательного решения, а вслед за тем временно заморозил операции. Таким образом, он и Александр переложили бремя ответственности на Объединенный комитет и, в конечном итоге, на соответствующие правительства.

На совещании в Берлине, 29 октября, представители британской военной администрации "отметили, что главнокомандующий не готов применить силу для репатриации советских граждан. Это решение не

подлежит разглашению”.⁸⁰ Фельдмаршала Монтгомери часто изображают жестоким и бессердечным человеком, но, когда встал вопрос о русских беженцах, он отказался выполнять бесчеловечные приказы не менее решительно, чем его коллеги генералы Эйзенхауэр и Александер. Несомненно, на него оказала влияние акция Эйзенхауэра в американской зоне, но ясно, что он и сам считал войну против военнопленных, штатских, женщин и детей — занятием, недостойным солдата, и твердо решил не допускать этого хотя бы в подконтрольном ему районе.

В МИДе своеволие Монтгомери вызвало негодование. Ни МИД, ни военное министерство не допускали никаких изменений в проводимой политике, считая, что служителям короны, будь они хоть семи пядей во лбу, не дано право самостоятельно принимать такие решения. Из министерства потоком хлынули служебные записки, составленные Браймлоу и Голсуорси, которые были “удивлены и встревожены” заявлением Монтгомери, “полностью противоречащим политике его величества”, и указывали, что принятое

решение вызывает крайнее беспокойство. Наше правительство ведет политику репатриации всех советских граждан... независимо от их желаний и с применением в случае необходимости силы.

В такой ситуации жалоба советского генерала Соколовского, что англичане задерживают беженцев, получала основания, и это, вероятно, было самым скверным. В военное министерство была отослана сердитая нота с поручением расследовать дело и обеспечить проведение в дальнейшем верной линии.⁸¹

Совершенно ясно, что в английских и американских войсках почти не было солдат, которые одобряли насильственную репатриацию. Как раз в это время в Нюрнберге начинался суд над немецкими генералами, обвиняемыми в преступлениях против человечности. Суд исходил из положения, что “действие подсудимого согласно приказам своего правительства или начальства не освобождает его от ответственности. Подлинной проверкой является не наличие приказа, а возможность нравственного выбора”. Конечно, такой подход не был новым. Еще в средневековые солдаты знали, что нельзя дурно обращаться с военнопленными или женщинами и детьми. И за сто лет до первой Гаагской конвенции адмирал Сидней Смит ссылаясь на “священные права военнопленных”.⁸²

На конференции 29 октября, которая покончила с насильственной репатриацией в английской оккупационной зоне Германии, присутствовал

генерал-майор Алек Бишоп. Он прекрасно помнит, как разнились между собой взгляды военных и дипломатов.

Напряженность возникла между армией и членами военной администрации (в большинстве своем — армейскими офицерами), с одной стороны, и гражданскими представителями МИД, с другой, при обсуждении вопроса о насильственной репатриации. Представителям армии крайне не нравилась возложенная на них задача репатриировать русских солдат или граждан любой другой национальности против их воли и с применением силы; и они открыто возмущались тем, что вынуждены проводить такие акции. Представители МИД, которым, разумеется, не доводилось лично принимать участие в этой отвратительной операции, считали, что по политическим причинам следует и дальше продолжать ту же линию.⁸³

Несомненно, память не подводит Бишоп. Эйзенхауэр и Монгомери просто отказались осуществлять политику насильственной репатриации, а Александер привел тактические обоснования этого отказа. Американские генералы Беделл Смит и Пэтч поддержали Эйзенхауэра,⁸⁴ и ни в одном отчете мы не найдем упоминания о том, что хоть один представитель союзных армий высказался за применение силы.

Как справедливо указывает генерал Бишоп, неприязнь к политике МИД отнюдь не ограничивалась офицерами в генеральском чине. К октябрю 1945 года поток выдач превратился в тоненькую струйку.⁸⁵ Полковник Дэвид Рук в то время командовал полком, дислоцированным в Солтау, южнее Гамбурга. Перед одним из его батальонов была поставлена задача помогать советской группе связи в сборе советских граждан, вывезенных на принудительные работы, и расселении их в огромном лагере для перемещенных лиц в Мюнстере. В конце концов полковник Рук получил приказ посадить всех русских на грузовики для перевозки в советскую зону. Война кончилась полгода назад, солдаты всеми своими помыслами были уже дома, и полковник решил, что русские, наверное, тоже придут в восторг от перспективы возвращения.

Как же он был поражен, обнаружив, что вся группа — а в ней было больше тысячи мужчин, женщин и детей — выслушала эту новость с отчаянием и ужасом. Многие стали молить о пощаде, а одна женщина, бросившись перед полковником на снег и обхватив его сапоги, умоляла не посылать ее назад. Ему все же удалось как-то посадить всех этих несчастных на грузовики. Спротивления они не оказали, так что обошлось без насилия.

Солдатам очень не нравилась поставленная перед ними задача. Полковник Рук, докладывая о выполнении задания бригадиру, Обри Коаду, вежливо, но твердо выразил надежду, что ему больше не поручат подобной работы. Если же это все же случится – то ему придется отказаться выполнять приказ, поставив под удар свою военную карьеру. Бригадир Коад был немногословен, но по его лицу было видно, что он вполне понимает и разделяет взгляды своего подчиненного. Действительно, больше Рук репатриацией русских не занимался, но даже этот опыт оставил неизгладимый след в его памяти. Сразу же после операции он спросил офицера СМЕРШа, что ждет этих людей. Ответ был исчерпывающе точен. Смершевец сказал, что, поскольку они работали на немцев, женщин и детей сошлют в Сибирь, а мужчин, скорее всего, расстреляют.⁸⁶

К сопротивлению внутри армии постепенно добавлялось политическое давление. Члены парламента, представители лейбористской и консервативной партий задавали вопросы о политике насильственной репатриации вообще и ее возможном применении к украинцам.⁸⁷ Ввиду надвигающейся опасности МИДУ оставалось лишь постараться отправить назад как можно больше русских. В частности, следовало быстренько организовать выдачу 55 штатских и 500 казаков, находившихся под опекой штаба союзных сил в Италии. Но для этого требовалось решение американцев, а они вовсе не торопились. Судя по полученной информации, Госдепартамент рассматривал этот вопрос с величайшей осторожностью, опасаясь протестов влиятельных кругов общественного мнения страны против преследования беженцев. Это уже имело место. Конгрессмен-республиканец Клейр Бут Люс 17 ноября выразила публичный протест против планируемой депортации трех русских юношей, не пожелавших идти "в тюрьму или на смертную казнь". Они содержались на Эллис Айленде.⁸⁸

По этим причинам новость о том, что английские военные власти в Италии неожиданно провели репатриацию 55 штатских, явилась для МИД приятным сюрпризом. Очевидно, кто-то уступил под непрекращающимся нажимом; и этот уже свершившийся факт мог ускорить решение американцев, так как они упорствовали именно в отношении репатриации этих штатских и вряд ли стали бы поднимать шум из-за "предателей"-казаков.⁸⁹ А пока что следовало дать инструкции командующим английских оккупационных зон в Германии и Австрии о возобновлении насильственной репатриации. Здесь согласия американцев не требовалось – в отличие от Италии, где осуществлялось совместное командование. Военное министерство, под нажимом МИД, сообщило фельдмаршалу Монтгомери, что в Германии невозможно отказаться от политики Ялты.⁹⁰ В то же самое время генерал Мак-Крири в Австрии получил инструкцию

передать советским властям около 1 300 советских граждан, находящихся в Австрии, а также 1500-1800 человек, которые, предположительно, были рассеяны по всей стране. В Австрии после крупной выдачи казаков в начале лета других выдач не производилось, так как, находясь под командованием штаба союзных сил, Австрия подпадала под приказ Александра от 31 августа об отмене насильственной репатриации. Но сейчас страна была разделена на отдельные оккупационные зоны, и Мак-Крири мог действовать независимо от штаба в Италии.

Немедленно по получении инструкций Мак-Крири заявил резкий протест. Ему, как и Александеру, было не по душе разрешать войскам СМЕРШа действовать в английской зоне и использовать английские войска для запугивания женщин и детей. К тому же он утверждал, что у него недостаточно людей, чтобы окружить этих советских граждан, и поэтому попытки ускорить репатриацию могут только увеличить число побегов и вынудить беглецов к бандитизму. Так, совсем недавно после визита советской репатриационной миссии 400 человек бежали в горы.

Джон Голсуорси считал эти аргументы "надуманными и путанными". Бевин в то время был в Москве на конференции, и Молотов мог призвать его к ответу. МИД поэтому из кожи лез вон, чтобы доказать, что в Австрии с репатриациями все в порядке. В Вену полетели три экземпляра Ялтинского соглашения. Их сопровождало письмо Томаса Браймлоу, в котором объяснялось, почему соглашение, ни словом не упоминающее о применении силы, тем не менее подразумевает насилие.⁹¹

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conference of Berlin (The Potsdam Conference) 1945. Washington, 1960 [в дальнейшем: The Potsdam Conference], I, pp. 800–801.
2. См. кн.: Malcolm Proudfoot. European Refugees. London, 1957, pp. 460–462. См. также: Julius Epstein. Forced Repatriation: Some Unanswered Questions. – Russian Review. 1970, XXIX, pp. 209–210.
3. Цит. по кн.: Julius Epstein. Operation Keelhaul: The Story of Forced Repatriation from 1944 to the Present. Old Greenwich, Connecticut, 1973, pp. 100–101.
4. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers 1945. Europe, V. Washington, 1967 [в дальнейшем: FRUS 1945], pp. 1097–1098.
5. Foreign Office [в дальнейшем: Архив министерства иностранных дел Великобритании], 371/47902, 26. Уже 8 июля американские военные власти предоставили русским свободу выбора (см. там же, 27–28).
6. См.: War Office [в дальнейшем: Архив военного министерства Великобритании], 32/11137, 168 A. Вероятно, русских пленных просветил какой-нибудь осведомленный немец (см. там же, 204/897, 145 A).
7. См. там же, 32/11119, 297 A–B.
8. См.: FRUS 1945, pp. 1094–1095.
9. См. там же, стр. 1095–1096.
10. Там же, стр. 1069, 1084.
11. Русские пленные содержались в Форте Дикс с октября (см.: Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1944, IV. Washington, 1966 [в дальнейшем: FRUS 1944], p. 1260). Среди них уже выделили группу “заявивших о советском гражданстве” (Архив военного министерства Великобритании, 204/897, 23 A). Решение репатриировать 118 человек было принято Объединенным комитетом начальников штабов 8 июля (см.: FRUS 1945, p. 1103).
12. См.: New York Times, 30.6.1945; New York Herald Tribune, 30.6.1945; Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/47905, 52–55.
13. New York Times, 1.7.1945; New York Herald Tribune, 1.7.1945. Профессор Эпштейн утверждает, что пленные поднялись на борт “Монтичелло”, но там вырвались из-под охраны и повредили судовой двигатель, так что судно не могло выйти в море. Однако скорее всего Эпштейн ошибается: такой инцидент имел место несколько раньше, в Сизтле. И вполне возможно, что планы изменились по распоряжению Госдепартамента. Профессор Эпштейн упоминает о письме Грю к нему, которое “подтверждает тот факт, что Грю, исполнявший тогда обязанности государственного секретаря, отозвал судно с полпути, узнав о случаях самоубийства среди репатрируемых” (Julius Epstein. Operation Keelhaul, p. 46).
14. Как заметил Голубев, чего можно ждать от американских властей, злонамеренно, из чистейшего вероломства пытавшихся отравить беззащитных пленнх. Поразмыслив над этой загадочной фразой, американцы сообразили, что именно имел в виду советский генерал: однажды несколько русских “проникли в склад и выпили большое количество метилового спирта”. (См.: Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/41905, 52–55).

15. FRUS 1945, p. 1098 – 1099.
16. См. там же, стр. 1100 – 1102.
17. См. там же, 1103 – 1104.
18. Однако все эти события потрясли Госдепартамент и несомненно повлияли на решения, касавшиеся репатриации и принятые летом 1945 года. (см.: Julius Epstein. Operation Keelhaul, p.104. Подробнее об инцидентах в Форте Дик см.: Nicholas Bethell. The Last Secret: Forcible Repatriation to Russia, 1944-1947. London, 1974, pp. 166 – 170.
19. См.: Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/47900, 266–272.
20. Архив военного министерства Великобритании, 32/11119, 317 А–321 А.
21. См. там же, 204/2877. О лагере Чинечитта см.: C.R.S.Harris. Allied Administration of Italy 1943-1945. London, 1957, pp. 170, 442.
22. Архив военного министерства Великобритании, 170/4461.
23. См.: Вячеслав Науменко. Великое предательство: выдача казаков в Лиенце и других местах (1945-1947), т. 1, Нью-Йорк, 1962, стр. 240, 264; т. 2, Нью-Йорк, 1970, стр.56 – 59. Я сверил рассказы казаков со сведениями майора Дэвиса и капитана Дункана Макмиллана. Из записи в военном журнале Аргильского полка следует, что выдача этих казаков должна была состояться 29 июня (см.: Архив военного министерства Великобритании, 170/4988). Вероятно, операция была отложена по приказу Александра.
24. См.: Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/47903, 12 – 16, 238 – 241, а также 371/47955.
25. Там же, 371/47906.
26. Там же, 934/5 (42), 79 – 84. В июне Черчилль затребовал и получил данные о количестве русских, взятых в плен и отправленных в СССР (см.: PREM[Документы канцелярии премьер-министра], 3. 364, 746).
27. Архив министерства иностранных дел Великобритании, 934/5 (42), 85 – 89, 97 – 102; PREM, 3. 364, 710 – 716; The Potsdam Conference, II, pp. 1162 – 1164.
28. Письмо одного из этих офицеров было опубликовано в "Sunday Times" 13.1. 1974.
29. Информация любезно предоставлена Томом Корринжем. Украинская дивизия сначала охранялась 80-м полком под командованием полковника Р. Кемпбелл-Престона, который рассказывал мне, что его ужаснули события в Лиенце и он убедил украинцев уничтожить все документы, свидетельствующие об их гражданстве.
30. 11 июля 1945 года (см.: Архив военного министерства Великобритании, 204/440).
31. См.: The Potsdam Conference, I, pp. 797, 801; Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/47902, 100 – 101.
32. По этим причинам мне трудно согласиться с предположением Дона Кука, что "если бы Черчилль через три недели не ушел со своего поста, он в конце концов изменил бы ход этого ужасного дела". (On Revealing the "Last Secret". – Encounter. 1975, XIV, p. 82).
33. См.: Piers Dixon. Double Diploma: The Life of Sir Pierson Dixon, Don and Diplomat. London, 1968, p. 174.
34. Герберт Фейс, вероятно, ошибается в этом вопросе (см.: Herbert Feis. From Trust to Terror: The Onset of the Cold War, 1945-1950. New York, 1970, p. 57).

35. См.: The Potsdam Conference, I, pp. 794–800; II, pp. 1165–1166; Архив министерства иностранных дел Великобритании, 934/5 (42), 90–96, 103–106.
36. Сообщение Яна Могарта и Арниса Кеесиса.
37. Материалы Архива военного министерства Великобритании, 32/11119, 328 А, подтверждают, что Драгун знал об их местонахождении.
38. Информация любезно предоставлена автору Антоневицем.
39. Так вспоминает мой информатор. Но скорее всего в документе содержалось обычное определение советского гражданства.
40. Информация любезно предоставлена автору Шорландом Боллом.
41. См. главу 3.
42. См.: FRUS 1945, pp. 1103–1104.
43. В. Науменко, указ. соч., т. 1, стр. 8.
44. Со слов А.К. Лорда, бывшего в то время в Кемптене в качестве перемещенного лица.
45. Для описания инцидента в Кемптене я воспользовался подробным рассказом очевидца событий, которой в ту пору было 17 лет. С этой женщиной беседовала Наталия Р. Лукьянова, передавшая затем запись ее рассказа Джеку Тейлору младшему; я чрезвычайно признателен ему за предоставленный экземпляр. См. также: Baseler Nachrichten, 2.10.1945; В. Науменко, указ. соч., т. 2, стр. 378; Nicholas Bethell, указ. соч., стр. 171–174. Международная Комиссия помощи беженцам не должна была участвовать в насильственных репатриациях; но ее забота о том, чтобы все перемещенные лица вернулись к себе домой, дополняемая деятельностью местных коммунистов, приводили к тому, что комиссия оказывала помощь в операциях, весьма отдаленно связанных с гуманными целями беженской организации. (См., в частности, Malcolm J. Proudfoot, указ. соч., стр. 292–293; Julius Epstein. Operation Keelhaul, pp. 93–94, 195; Peter Huxley-Blythe. The East Came West. Caldwell, Idaho, 1964, pp. 186–189). С этой деятельностью в конце концов покончил генерал Клей (см.: Pavlo Shandruk. Arms of Valor. New York, 1959, p. 313).
46. См.: FRUS 1945, pp. 1106–1107.
47. James F. Byrnes. Speaking Frankly. New York, 1947, p. 67.
48. FRUS 1945, p. 1104–1105. Мёрфи вспомнил этот инцидент, столкнувшись через несколько лет в Корее с аналогичной ситуацией. Однако у того эпизода был счастливый конец (см.: Robert Murphy. Diplomat among Warriors. London, 1964, p. 437).
49. См.: Архив военного министерства Великобритании, 32/11681, 189 А.
50. См.: Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/47903, 235–237.
51. Там же, 234.
52. См.: Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/47904.
53. Там же, 371/47904, 147–148.
54. См.: Архив военного министерства Великобритании, 204/440.
55. Там же, 214/63 А.
56. Там же, 204/440; 204/359; 31/11119, 324 А.
57. Там же, 327 А. Все три обвинения были опровергнуты в пространном рапорте, poslanном в военное министерство генералом Темплером (см. там же, 328 А).
58. См.: Sunday Times, 13. 1. 1974.

59. Сообщение полковника Алекса Вилькинсона. Планируемая выдача советских граждан была результатом соглашения, заключенного 13 августа в Леобене английскими и советскими офицерами (см.: Архив военного министерства Великобритании, 170/4243). 9 мая 1975 года мне довелось присутствовать на обеде, во время которого я со всех сторон слышал подтверждения рассказу полковника Вилькинсона.
60. Информация любезно предоставлена полковником Р.Б. Лонгом. Сомнения 21-й группы армий насчет применения Женевской конвенции были рассеяны Голсуорси и Дином 13 и 15 августа (см.: Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/47903, 116). См. также: Malcolm J. Proudfoot, указ. соч., стр. 214 – 217.
61. Для описания инцидента во Фленсбурге необходимо больше информации. Я не смог найти офицера по имени Виллис, бывшего на месте событий (см.: Архив военного министерства Великобритании, 32/11119, 328 А). Об убийстве поляка Хребинки см. рапорт в Архиве министерства иностранных дел Великобритании, 371/47906. Возможно, что упоминания о двух убийствах на самом деле относятся к одному и тому же инциденту.
62. Сообщение Фреда Ральфа. Возможно, мужчины входили в формирование украинского полковника Терещенко "Свободные казаки" (см.: Pavlo Shandruk, указ. соч., стр. 254).
63. Информация любезно предоставлена подполковником Шэдвеллом и дополнена на основании имеющихся у него писем того периода.
64. Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/47905, 167 – 172. Инструкции политическому советнику в Германии Кристоферу Стилю были отправлены 25 августа (см. там же, 47904). Рассказ очевидца о возражениях работников Красного Креста содержится в письме Элизабет Сюлливан от 9. 3. 1978.
65. См.: Malcolm J. Proudfoot, указ. соч., стр. 216 – 217.
66. См. там же, стр. 217 – 218. Случай в Шлезвиг-Гольштейне был настолько вопиющим, что полковник Шэдвелл посчитал, что Бевин навсегда покончил с насильственной репатриацией. Патетическое и трогательное воззвание русских, которым угрожала насильственная репатриация, подшили к делу без всяких комментариев (см.: Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/47905, 30 – 31).
67. Архив военного министерства Великобритании, 204/440. 30 августа Александер в телеграмме Объединенному комитету начальников штабов запрашивал инструкции о применении силы, выражая в то же время отвращение к проводимой политике (см.: Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/47904, 196 – 198).
68. О причинах этой задержки см. там же, 371/47906, 276.
69. См. там же, 371/47904, 162 – 167, 190; 47905, 25.
70. Архив военного министерства Великобритании, 32/11119, 326 А. Лорд Бриджмен, предлагавший тактику оттягивания, к этому времени тоже уже ушел в отставку (см. там же, 325 А). 31 августа 1945 года в статье в "Manchester Guardian" предлагалось вести политику, аналогичную той, которую в частном порядке отстаивало военное министерство: не применять насильственной репатриации, если не доказано участие в военных преступлениях.
71. См.: Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/47905, 26 – 27; Архив военного министерства Великобритании, 204/440.

72. Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/47903, 242; 47905, 23; 47906, 98, 110–112. Молотов просил в целях ускорения репатриации поднять этот вопрос на Лондонской конференции (см. там же, 90–97).
73. Там же, 371/47906, 233, 240, 243, 248.
74. Там же, 234, 237–239, 250, 260; 47904, 206–207.
75. Там же, 371/47906, 232, 254–259; 47907, 56–60.
76. Там же, 371/47906, 251; FRUS 1945, pp. 1106–1108.
77. Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/47907, 62, 106–110, 125.
78. Там же, 371/47906, 272–275, 279; 47907, 112.
79. Там же, 98–99.
80. Там же, 371/47910, 15.
81. Там же, 371/47908, 242–243; 47910, 14–21.
82. John Barrow. *The Life and Correspondence of Admiral Sir William Sydney Smith*, G.C.B. London, 1848, I, pp. 263–264; M.H. Keen. *The Laws of War in the Later Middle Ages*. London, 1965, pp. 156–185.
83. Письмо автору.
84. Walter Bedell Smith. *Moscow Mission 1946–1949*. London, 1950, pp. 12–14; Julius Epstein, указ. соч., стр. 50. Пэтч за шесть месяцев до этого с симпатией высказался о помощнике Власова Малышкине (см. там же, стр. 293).
85. См.: Malcolm Proudfoot, указ. соч., стр. 212.
86. Информация любезно предоставлена полковником Дэвидом Б. Руком. См. также: David Daniell. *The Royal Hampshire Regiment*. Aldershot, 1955, p. 265. Операция проводилась в ноябре или декабре 1945 года, то есть после эдикта Монтомгери. Так как к силе прибегать не пришлось, вероятно считалось, что операция не противоречит новым правилам. (См.: Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/47910, 13, 20).
87. Майор Ллойд (см. там же, 371/47907) и г-н Хинд (см. там же, 371/47909, 104–106). Томас Браймлоу высмеял петицию украинцев, назвав ее "очень глупой" (там же, 371/47908, 290–291). Точно так же вывели его из терпения русские эмигранты, восхвалявшие позицию Эйзенхауэра (см. там же, 371/47907, 119–120).
88. См. там же, 371/47908, 162–164; 47910, 117–118; *New York Herald Tribune*, 18. 11. 1945.
89. См.: Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/47908, 156; 47909, 42–44, 50. Насчет состава этой группы "пятидесяти пяти" имелись некоторые сомнения (см. там же, 371/47910, 34).
90. Там же, 13, 20.
91. Там же, 74–78, 81–82, 85–86.

Глава 15

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ОПЕРАЦИИ

Маршал Жуков в своих мемуарах дает советскую версию операций по репатриации, описанных в этой книге. По его словам, западные союзники вели среди советских граждан агитацию против возвращения в СССР и в результате многие отказывались вернуться. Жуков лично выразил свое недовольство генералам Эйзенхауэру и Клею, которые пытались прикрыться "гуманными целями", но в конце концов уступили советскому нажиму и разрешили советским офицерам встретиться с "задержанными советскими людьми в американских лагерях. После откровенных бесед и разъяснений... многие, поняв свое заблуждение и фальшь пропаганды американских разведчиков, объявили о решении вернуться в Советский Союз и прибыли в советскую зону для отправки на Родину".¹

Действительно, в этот последний период позиция американцев в вопросе репатриации коренным образом изменилась, и это заслуживает отдельного разговора. Осенью 1945 года Эйзенхауэр, ужаснувшись сообщениям о кровавых событиях в Кемптене, на свой страх и риск запретил применение силы при репатриации советских граждан в районах, находящихся под его командованием. Его целиком и полностью поддержали фельдмаршал Монтгомери в английской оккупационной зоне, американские генералы Клей, Беделл Смит, Пэтч и другие крупные офицеры. Политические советники, Мёрфи в Германии и Кирк в Италии, тоже всячески стремились положить конец мероприятиям, противоречащим принципам, за которые воевали США.

Несколько недель Вашингтон не реагировал на смелое решение Эйзенхауэра. Как вспоминает генерал Беделл Смит, летя из Германии

домой в январе 1946 года, он имел все основания полагать, что Кемптен больше не повторится.² Генерал ошибался. Как раз в это время США наконец-то пришли к решению проблемы репатриации на правительственном уровне, что должно было повлечь за собой новую волну кровавых операций. Вопрос этот стоял на повестке дня с сентября, с того самого момента, когда государственный секретарь Бирнс, уступив нажиму Бевина, принял линию англичан. В конце концов, 21 декабря 1945 года государственный координационный военно-морской комитет в Вашингтоне опубликовал декларацию, в которой говорилось, что хотя из Западной Германии репатрировано уже более 2034 тысяч советских граждан, там осталось еще около 20 тысяч. Далее перечислялись категории подлежащих обязательной репатриации, "независимо от желания и с применением силы, если это окажется необходимо":

- а) Взятые в плен в немецкой форме.
- б) Находившиеся в рядах советских вооруженных сил 22 июня 1941 года и после этой даты и не демобилизованные впоследствии.
- в) Обвиняемые советскими властями в добровольной помощи врагу... при предоставлении убедительных доказательств с советской стороны.

Переданный американским командующим в Германии и Австрии генералам Джозефу Т. Мак-Нарни и Марку В. Кларку, документ этот вошел в историю под названием "директива Мак-Нарни—Кларка".³ Директива была принята с целью обеспечить возвращение предполагаемых предателей, с тем чтобы они получили заслуженное наказание, тогда как вопрос о других беженцах, не запятнавших себя сотрудничеством с врагом, должен был рассматриваться в соответствии с традиционной американской политикой. Этот, казалось бы, вполне разумный компромисс не устраивал, однако, ни советских представителей,⁴ ни англичан. Как писал Томас Браймлоу накануне Рождества 1945 года, директива Соединенных Штатов — "шаг в нужном направлении", но "мы считаем, что репатрированы должны быть все советские граждане, если понадобится — то и с применением силы". Несколько недель спустя он жаловался, что американцы намерены "совершенно буквально трактовать выражение "в немецкой форме", а это означает, что принудительной репатриации в СССР подвергнется минимальное количество народу". Действительно, миссия Объединенных штабов в Вашингтоне подтвердила это предположение сотрудника английского МИД, заметив, что "в вопросе о насильственной

репатриации советских граждан Соединенные Штаты руководствуются стремлением скорее сократить число репатрируемых, чем увеличить его". Принятое американцами постановление давало возможность остаться на Западе всяческим нежелательным, с точки зрения англичан, личностям. Письмо одного из таких людей Браймлоу штудировал в тот час, когда по всему Лондону звонили колокола, возвещая о рождении Христа.

Больница 64
Милан, Италия
1 декабря 1945

от Валентина Калкани

Дорогой сэръ, господин премьер-министр!
Помогите мне, пожалуйста, в моем тяжелом положении. Я нахожусь под вашим правлением, то есть, на территории, занятой англичанами в Италии, и лежу сейчас в английском госпитале со сломанной ногой и рукой после аварии на мотоцикле. Помогите мне, пожалуйста, господин премьер-министр, остаться после выздоровления здесь, потому что я русский, но не хочу возвращаться в СССР, так как я не согласен с коммунистической системой и мне больше нравится такая система, как, например, в Англии или Америке. Если окажется возможно найти для меня какой-нибудь уголок — я ведь еще молодой, мне всего только 20 лет от роду, если можно принять меня в ряды вашей армии, я вам буду служить, как отцу родному. Если это невозможно, напишите мне об этом, пожалуйста. Прошу вас, как отца. На этом кончаю, до свидания.
Господину Клементу Эттли, премьер-министру.

Взяв ручку, Браймлоу написал на полях: "Вернуть в СССР".⁵

На сей раз все решилось очень просто, но бывали и трудности. Например, Госдепартамент воспротивился призыву английского посольства включить в число тех, к кому при репатриации может быть применена сила, всех советских граждан, без различия возраста, пола и биографии.⁶ А это означало, что в зонах объединенного союзного контроля в Италии все еще нет согласованной линии. И здесь, и в английской оккупационной зоне Австрии английская политика могла проводиться независимо от американских правил, но в Италии вопрос об единой политике по-прежнему оставался открытым.⁷ И дело было не только

в том, что старшие американские офицеры, вроде Мак-Крири, не желали сотрудничать с англичанами. Полковник Алекс Вилкинсон, служивший в Штирии (Австрия), писал:

Наш штаб в Вене поручил мне посетить совещание в Бруке, чтобы обеспечить отправку домой еще одной группы перемещенных лиц... Мне было поручено обеспечить поезда для перевозки перемещенных лиц на родину. Я на все поручения отвечал одинаково: выполняю, если эти люди согласны ехать. Тогда мне предложили собрать их и посадить в поезда, независимо от их желаний. На мой вопрос, как это сделать, мне ответили, что один-другой пулемет заставят русских вести себя как следует. "Пока я здесь, этого не будет!" — ответил я. Я принял компромиссное решение: согласился на посадку перемещенных лиц в поезда только при условии, что поезда будут идти в западном, а не в восточном направлении, и добавил, что как только они выедут за пределы Штирии, я за них больше не отвечаю. Через две недели после этого совещания я был снят с поста и отправлен в Англию — в рапорте это решение объяснялось "недостатком инициативы" у меня... Не думаю, однако, чтобы из Штирии какие-либо перемещенные лица были отосланы "домой", во всяком случае, не во время моего пребывания там...

Как ни странно, но именно американской директиве Мак-Нарни—Кларка, с ее четкой классификацией репатриантов, суждено было вызвать кровопролитие куда более страшное, чем кемптенский эпизод, заставивший Эйзенхауэра в октябре наложить односторонний запрет на репатриационные операции. С появлением директивы, где говорилось о репатриации только несомненных советских граждан, попадавшие в эту категорию не могли больше рассчитывать ни на какие отсрочки. Американские военные власти в Германии рекомендовали развернуть подготовку к широкомасштабной выдаче перемещенных лиц.

В Дахау, под Мюнхеном, находилось несколько сот власовцев. Из них-то и решили американцы набрать первую группу репатриантов в соответствии с директивой Мак-Нарни—Кларка. Пленные прослышали об этом решении, и когда 17 января их выстроили, чтобы везти на станцию, они наотрез отказались садиться в грузовики. Им стали угрожать оружием. Тогда они начали просить, чтобы их немедленно расстреляли. Сконфуженные охранники вернули их в бараки.

Было ясно, что для проведения операции необходимо массированное применение силы. Через два дня в лагерь прибыло ударное формирование из 500 американцев и поляков. Последовавшие за этим события живо описаны в рапорте, поданном Роберту Мёрфи:

В рамках соглашения с Советами, 19 января была предпринята попытка отправить со сборного пункта в Дахау 399 бывших русских солдат, взятых в плен в немецкой военной форме. Все эти люди отказались садиться в грузовики и просили, чтобы их пристрелили. В знак протеста они разделись и отказались выходить из барачков. Чтобы выгнать их оттуда, пришлось прибегнуть к слезоточивому газу и применить силу. Выйдя из барачков, они сели на снег, причем некоторые нанесли себе ножевые раны, 9 человек повесились, один закололся, второй вскоре умер от ран, 20 человек все еще находятся в госпитале. Наконец, в поезд с американской охраной и в сопровождении советского офицера связи было посажено 368 человек. 6 человек бежало по дороге. Ряд лиц в группе заявили, что они не русские. После предварительной проверки местными военными властями об этом был уведомлен советский офицер связи, и в результате 11 человек были возвращены советскими представителями как не советские граждане.

Затем в рапорте рассказывается о страшных страданиях, на которые были обречены эти люди в плену, о том, что у них фактически не было другого выбора, как только надеть немецкую форму. Рапорт заканчивался словами:

Инцидент этот произвел на всех очевидцев сильное впечатление. Американские офицеры и солдаты, от которых американское правительство потребовало проводить репатриацию этих русских, проявляют сильное недовольство...

На этом примере видно, как по-разному относились к проблеме репатриации сотрудники английского МИД и Госдепартамента. Мёрфи послал этот рапорт государственному секретарю, приложив к нему возмущенную записку, где, в частности, обращал внимание на то обстоятельство, к которому, судя по всему, совершенно хладнокровно отнесся его британский партнер в Италии, Гарольд Макмиллан: на выдачу советским властям несоветских граждан.⁸ Сообщения в прессе об инциденте в Дахау вызвали

также протесты многих известных деятелей. Генерал Деникин, армии которого в свое время едва не уничтожили советскую республику, послал Эйзенхауэру письмо протеста. Через три недели папа Пий XII выразил резкое осуждение Ялтинского соглашения, которое все еще оставалось секретным, и протест против "принудительной репатриации и отказа в предоставлении убежища".⁹

Но события развивались уже сами по себе, набирая инерционное ускорение. Когда нескольким полкам РОА под командованием генерала Меандрова удалось пересечь американскую линию фронта, они были интернированы в Ландау, в лагере с очень мягким режимом. Однако в сентябре 1945 года их перевели в охраняемый лагерь за колючей проволокой в Платтлинге, под Регенсбургом. В списке репатриантов они были следующими на очереди. После проверки было решено, что из трех тысяч человек, содержащихся в лагере, более половины подлежат насильственной репатриации.

Операция проходила по той же схеме, что и в Дахау, только на этот раз были приняты исключительные меры по сокращению числа самоубийств. Но избежать сопротивления не удалось. Власовцы отказались садиться в грузовики и забаррикадировались в бараках. Американскому коменданту во избежание кровопролития пришлось сказать, что их скоро перевезут в новый лагерь, подальше от советской оккупационной зоны. Обмануть этих несчастных оказалось легче легкого. Они успокоились, и все пошло по-прежнему.

Ранним утром 24 февраля один из пленных проснулся от негромкого лягза, доносившегося с другой стороны проволочной изгороди. Когда он вылез из барака, его глазам предстала страшная картина: к лагерю шла колонна американских танков. Охранники бесшумными тенями скользили к воротам; там им выдавали специальные резиновые дубинки. Притаившийся в предрассветном сумраке невольный наблюдатель быстро смекнул, к чему идет дело, и прополз под проволокой в соседний лагерь, где содержались пленные других национальностей.

Тем временем американские солдаты, разделившись на две колонны и хоронясь в тени, пробрались к баракам, беззвучно, как в немом фильме, прошли в двери и по двое стали у каждой койки. Их фигуры мрачными силуэтами вырисовывались в свете прожекторов. Мертвая тишина то и дело нарушалась случайными звуками: кто-то тихонько вскрикнул со сна, скрипнул пол под ногами, но все это заглушалось мерным дыханием спящих. Вдруг тишину прорезал пронзительный свисток. Проснувшиеся с недоумением озирались по сторонам: они оказались в центре какой-то дикой какофонии. Американцы, с криками и ругательствами, размахивая

дубинками, поторапливая пленных на искаженном немецком, "мак снель, мак снель", гнали ничего не соображавших спросонья людей в одном нижнем белье к выходу из барака и дальше — к лагерным воротам. На замешкавшихся обрушивался град ударов. У ворот стояла наготове колонна грузовиков с заведенными моторами. Пленных загнали в грузовики, машины моментально снялись с места, и уже через несколько часов репатрианты садились в поезд, идущий на восток.¹⁰ Около чехословацкой границы поезд остановился посреди баварского леса, его поджидали солдаты в голубых фуражках. Американские и советские офицеры обменялись через переводчика несколькими фразами, и избитых и напуганных солдат дивизии Меандрова отвели под охраной к железнодорожным путям. Затем американские охранники отправились на том же поезде обратно.

Примененная в Платтлинге тактика оказалась вполне успешной. Благодаря внезапности операции удалось избежать самоубийств на территории лагеря, и штаб американской 3-й армии смог сообщить в рапорте, что выдача была проведена "без инцидентов". Но за время пути пятеро покончили с собой в поезде, а число покушавшихся на самоубийство было еще выше. В самом лагере двое успели нанести себе раны, и одного из них сфотографировали для американской армейской газеты "Старс энд Страйпс". Вообще же вся операция была заснята на пленку — вероятно, в качестве руководства на будущее. По-видимому, это единственный известный киноматериал, в котором запечатлена операция союзных сил по репатриации.¹¹

Через три месяца из Платтлинга была отправлена на восток еще одна группа из 243 русских.¹² На этом основная репатриация русских пленных из Германии закончилась. Несколько позже, в 1946 году, генерал Мак-Нарни заявил, что советские граждане, находящиеся в американской зоне Германии, могут более не опасаться принудительных выдач.¹³ Принятая Госдепартаментом директива Мак-Нарни—Кларка казалась золотой серединой между полным отказом от выполнения советских требований и английской политикой возвращения всех советских граждан. Но в американской армии даже этот компромисс вызвал возмущение и протест. Стоит еще раз напомнить, что американцы применили силу лишь к нескольким сотням бывших солдат вермахта, и у них в мыслях не было обратить штыки против женщин и детей. Причины, по которым американцы высказывали свои возражения, весьма показательны и резко отличаются от официальной английской точки зрения. 19 апреля генерал Мак-Нарни просил об уточнении директивы на том основании, что

репатриационные комиссии, пользуясь за неимением других только американским законом и порядками, возражают против репатриации нескольких сотен человек, ссылаясь на то, что данные лица не являлись гражданами, так как были лишены основных гражданских прав, как то — права голоса, права носить оружие и т. д., либо принадлежали к преследуемым группам.

Через неделю Мак-Нарни более подробно описал в письме эти категории лиц и между прочим заметил: "Если бы мы строго придерживались американской интерпретации гражданства, все советские подданные были бы освобождены". Однако в ответе Объединенного комитета начальников штабов говорилось:

Поскольку действующая политическая система в СССР коренным образом отличается от системы США, а вопрос о правах советских граждан может решать только советское правительство, мы не обсуждаем здесь данную проблему... Американские правила о гражданстве неприменимы к советским гражданам.¹⁴

На практике, впрочем, вследствие протестов армии и политических деятелей, американцы сначала оттягивали насильственную репатриацию русских в Германии, а затем, после второй выдачи власовцев из Платтлинга в мае 1945 года, и вовсе отказались от насильственных депортаций.¹⁵

Так закончилась насильственная репатриация русских в союзных оккупационных зонах Германии и Австрии. Но оставался еще один район, не охваченный директивой Мак-Нарни—Кларка. Поскольку Италия контролировалась объединенным союзным командованием из штаба союзных сил в Казерте, директива Мак-Нарни—Кларка давала англичанам возможность настаивать на насильственной репатриации из Италии по крайней мере тех категорий пленных, которые подлежали выдаче согласно этой директиве. Но в этом случае многие категории штатских лиц не могли бы быть депортированы, а англичане не хотели идти на такой компромисс, считая, что еще имеется возможность заставить США встать на английскую точку зрения.¹⁶

Впрочем, близился конец весны 1946 года, и английский МИД был вынужден считаться с реальностью. Возможности убедить Госдепартамент иссякли. Да и в самой Англии росла оппозиция. Новый канцлер герцогства

Ланкастерского, лейборист Дж. Хинд, заявил в парламенте протест против насильственной репатриации и в январе начал временное "замораживание" применения силы. Его поддержал новый заведующий Северным отделом МИД Роберт Хенки, ныне лорд, считавший, что проведение американской линии даст возможность спасти гражданских лиц и тем удовлетворить возражения английской армии.¹⁷ Поэтому МИД порекомендовал английскому правительству принять директиву Мак-Нарни — Кларка.

Решение Бевина принять директиву, как и последовавшее затем насильственное возвращение русских, находящихся под опекой англичан, было результатом нажима со стороны профессиональных дипломатов. Только недавно стало известно, как именно осуществлялся этот нажим. Вскоре после временного "замораживания" насильственной репатриации в английских оккупационных зонах Германии и Австрии в конце 1945 года Бевин потребовал полного отчета о проведенных до сих пор операциях такого рода. 18 января 1946 года заведующий Северным отделом Кристофер Уорнер сообщил министру иностранных дел:

Насколько мне известно, к насильственным мерам до сих пор не прибегали. Для того, чтобы заставить колеблющихся выполнять распоряжения, было достаточно простого присутствия английских войск.

К этой явной лжи присоединился и Томас Браймлоу, также отметивший, что "до сих пор насилия удавалось избежать". Кстати, в том же документе Браймлоу замечает — и, по всей вероятности, справедливо, — что американцы согласились выдать русских, подпадавших под директиву Мак-Нарни — Кларка, только "под нажимом англичан, стремящихся провести репатриацию 500 казаков из Италии".

Не исключено, что Бевин в какой-то момент собирался вообще отказаться от политики насильственной репатриации. За это говорит, например, то, что по его приказу было отменено уже начатое следствие по делу нескольких грузин, мужественно воевавших против немцев на острове Тексел.¹⁸ Поскольку американцы, как заметил Браймлоу, действовали в основном под давлением англичан, представляется вероятным, что насильственные репатриации продолжались еще полтора года вследствие постоянного давления официальных лиц. Если Бевин полагал, — а оснований думать иначе у нас нет, — что для репатриации русских не понадобилось применения силы, можно понять, почему он не видел большого смысла в изменении процедуры выдач, тем более

что это было чревато протестами советской стороны. Все это замечательно подтверждает справедливость слов сэра Герберта Баттерфильда:

О роли высших постоянных чиновников МИД сейчас принято говорить как об общеизвестном факте, и часто отмечается, что министр иностранных дел находится всецело в их руках. Говорят, что если постоянные сотрудники и не могут навязать министру свою линию, то во всяком случае у них достаточно влияния, чтобы помешать ему проводить его собственную политику.¹⁹

На совещании кабинета 6 июня было принято предложение министра иностранных дел Бевина о согласовании с США английской политики в вопросе репатриации. Военное министерство приветствовало это решение, полагая, что отныне "от солдат не будет больше требоваться применения силы против людей, отказывающихся вернуться в СССР".²⁰ Вероятно, военное министерство не вполне оценило назначение этого шага — во всяком случае, поначалу. Между тем предложение Бевина вовсе не предназначалось для защиты не желавших возвращаться на родину русских от отправки в СССР — напротив, его цель состояла в выдаче тех немногих оставшихся, которых в ином случае невозможно было бы вернуть советским властям. Тем не менее на первых порах директива привела к положительным результатам. Все "лица со спорным гражданством" могли быть освобождены и расселены там, где они хотели или могли поселиться. Появилось сообщение, что украинцы, находившиеся в Беллании, могут считаться несоветскими гражданами.²¹ Так что те, кто по директиве Мак-Нарни—Кларка не подлежали репатриации, отныне были в безопасности.

Зато за остальными началась охота. После присоединения англичан к директиве Мак-Нарни—Кларка события стали развиваться довольно быстро. Ровно через месяц после того, как решение кабинета было доведено до сведения штаба в Италии, был разработан подробный план по переводу всех содержащихся здесь русских, относящихся к категориям, перечисленным в директиве, в лагеря на севере страны, где их можно было подвергнуть предварительной проверке перед передачей Советам. К концу июня около тысячи "русских" собрали в лагерях Баньоли и Аверса. Насколько известно, это были последние советские граждане, находящиеся в руках союзников и подлежащие репатриации. Заметим, кстати, что с декабря 1944 года из этого района было репатрировано 42 тысячи советских граждан.²²

План по выдаче этих пленных получил кодовое название "Килевание" — по наказанию в средневековом английском флоте,²³ когда матроса на веревке протаскивали под корпусом военного корабля. Многие умирали, те же, кому повезло, выходили из этого испытания полуживыми и израненными. Обычно кодовые названия операций не содержат намека на планируемые события,²⁴ однако случаются исключения.²⁵ Похоже, название "килевание" было выбрано вполне цинично — по принципу сходства. Во всяком случае, название одного из мест содержания русских пленных в Англии — Кил Холле (по-английски — Keelhaul), в Стаффордшире, — с этим никак не связано.²⁶

14 августа операция "Килевание" началась. Были приняты меры по предотвращению самоубийств; сопровождавшие пленных отряды имели при себе ручное оружие, наручники и гранаты со слезоточивым газом. На другой день пленные были переведены в новые лагеря: 498 человек из Баньоли оказались в английском лагере возле Римини, а группа из 432 человек из Аверсы (в основном жители Средней Азии) — в американском лагере под Пизой. Это делалось во исполнение пункта директивы о том, что "перевозка советских граждан... является совместным делом США и Англии". Единственным положительным следствием этого шага было то, что теперь штаб мог потребовать отзыва советской репатриационной комиссии, — никаких оснований для ее пребывания в стране больше не имелось. Как было отмечено в одном из рапортов, датированных сентябрем: "Миссия несколько месяцев почти не вмешивалась в дела по репатриации, но ее деятельность в Италии противоречит интересам государственной безопасности страны".²⁷

Английские и американские военные власти давно уже поняли, что одной из основных задач советской репатриационной миссии является шпионаж. Ее операции становились все рискованнее, и союзники понемногу теряли терпение. В Австрии была обнаружена группа агентов СМЕРШа, одетая в форму американской военной полиции. Генерал Марк Кларк отказался вновь допустить миссию в страну до выполнения поставленных им условий.²⁸ В Греции советская миссия сотрудничала с коммунистами, совершившими попытку вооруженного государственного переворота. После подавления восстания английскими силами советская миссия оставалась в стране, и 2 сентября 1945 года фельдмаршал Александер потребовал ее отзыва, заметив, что в Греции больше нет советских граждан, подлежащих репатриации. Однако МИД отклонил его требование: Томас Браймлоу поверил утверждению советских представителей, что где-то на Крите скрываются двое советских граждан. Правда, к концу года МИД и сам начал догадываться о характере работы миссии и

предложил осуществлять надзор за этой деятельностью — хотя и не потребовал прекратить ее вовсе.²⁹

Теперь, когда последние русские, подлежащие репатриации, были собраны вместе, оставалось лишь провести проверку и заключительные выдачи. МИД сообщил штабу союзных сил в Казерте, что категории пленных, не подпадающих под директиву Мак-Нарни—Кларка, могли оказаться среди тех, кто уже был выдан англичанами,³⁰ но на эту информацию никто не обратил внимания.

В лагере, откуда прибыли пленные, уже проводилась одна проверка. Но теперь говоривший по-русски офицер должен был более тщательно повторить ту же процедуру. Эта задача была поручена Деннису Хиллсу, которого мы уже упоминали в этой книге. Он работал с русскими военнопленными в лагере Чинечитта под Римом, а до этого, в марте 1945 года, проделал путешествие из Таранто в Одессу с солдатами Тюркской дивизии, после чего у него не осталось никаких иллюзий относительно судьбы репатриантов на родине, и поэтому он твердо решил спасти от репатриации как можно больше народу. Проверка была во многом чисто формальной, проверить показания пленного было невозможно. Перед Хиллсом лежал текст директивы Мак-Нарни—Кларка,³¹ и на основании ее он отфильтровывал тех, кто наверняка служил в немецкой армии. Только они и подлежали репатриации; и Хиллс тщательно следил, чтобы среди них не оказалось членов организации Тодта или других полувоенных организаций.³² Несколько случаев он представил на рассмотрение штаба, и наконец, методом проб и ошибок, разработал максимально мягкую в данных условиях систему. Правда, ему были предоставлены весьма широкие полномочия — он мог совершенно произвольно решать вопрос о гражданстве того или иного пленного. Представители советской репатриационной миссии обычно заявляли свои права лишь на отдельных пленных, которым вменялись в вину военные преступления. Эти запросы поступали к капитану Тому Корринжу, а он передавал их Деннису Хиллсу. Имена пленных были написаны на клочках бумаги, а источником сведений о них служили в основном платные информаторы, которых советские офицеры держали в лагере специально для получения такого материала. Корринж сразу же отвечал отказом на те запросы — а таких было большинство, — в которых обнаруживал какие-то неточности. Цену советским обвинениям он знал уже давно — с тех пор, как ему выдали карту, на которой линия Керзона таинственным образом переместилась на много километров к западу.

Скоро Деннис Хиллс понял, что оказался в очень щекотливом положении. Ведь по существу его задача сводилась к тому, чтобы обречь

человека на смерть или же, напротив, даровать ему помилование. Все его симпатии были на стороне пленных, и будь его воля — он бы их всех объявил не подлежащими репатриации, но это было невозможно. Штаб принимал все рекомендации Хиллса, но при этом подразумевалось, что большая часть пленных должна вернуться на родину. МИД настаивал на возвращении определенного числа пленных, и существовали пределы, преступать которые в штабе считали невыносимым.

Под конец Хиллс подавил все свои сомнения и стал руководствоваться личными симпатиями. Когда речь шла о людях, не замешанных в военных преступлениях, он при вынесении приговора исходил, в частности, из того, сумеет ли этот человек выжить в советском лагере. Так, он одним махом избавил от репатриации сотню кабардинцев — через много лет ему стало известно, что они обосновались в Дамаске. Некоторые пленные бежали, число подлежащих репатриации постепенно снижалось, и наконец Хиллс достиг такого уровня, когда понял, что на дальнейшие сокращения числа репатрируемых штаб не пойдет. Как сокрушенно объяснял он позже некоторым из тех, кому удалось выжить, — "когда Советский Союз требовал 400 человек, я не мог послать им двадцать". В этих условиях он иногда записывал в категорию подлежащих репатриации тех, к кому испытывал личную антипатию.

В лагере большим влиянием пользовался староста, бывший майор Красной армии Павел Петрович Иванов. Подобно казакам в Австрии, Иванов полагал, что готовность к сотрудничеству должна произвести на англичан благоприятное впечатление, расположить их к пленным. Поэтому он отговаривал своих товарищей по несчастью бежать и доказывал им, что нужно честно отвечать на вопросы майора Хиллса. Многие, послушавшие его, честно заявили о своем воинском звании и обрекли себя на верную смерть.

Тем временем шли приготовления по выдаче советским властям бывших солдат вермахта. Штаб в Италии сделал выводы из имеющегося опыта и принял меры по предотвращению кровопролития. Все пленные из Пизы и Рикони должны были подвергнуться выдаче в ходе одной операции. Следовало принять все меры по предотвращению самоубийств и побегов, но в то же самое время охранникам было приказано при соответствующих обстоятельствах стрелять без промедления. Пунктом выдачи был выбран австрийский городок Санкт-Валентин, с июля 1945 года ставший приемным пунктом вместо Юденбурга.³³ 2 апреля 1947 года операция получила зловещее кодовое название "Восточный ветер".

В эти дни полковник Яковлев из советской миссии в Риме писал английскому майору Симкоку: "Прошу прислать всех советских граждан

в лагерь № 300 в Санкт-Валентин (Австрия). Для них все готово". В приказах союзников предусматривалось при транспортировке пленных "в первую очередь использование наручников, слезоточивого газа, смирительных рубашек и дубинок, в качестве последнего средства – применение огнестрельного оружия". Трупы, по соглашению договаривающихся сторон, принимались советскими представителями в месте назначения. Для вывоза прошедших проверку русских из Пизы и Рикони на север была назначена дата – 8-9 мая. Пленные провели на Западе ровно два года.

У двенадцати пленных имелись жены и дети, жившие отдельно. Им сообщили о предстоящей выдаче мужей и отцов. То, что последовало затем, лучше всего описано в рапорте, поданном Деннисом Хиллсом через неделю после событий:

Им дали 24 часа для принятия решения – уедут ли мужчины одни или в сопровождении семей. Это сообщение вызвало душераздирающие сцены... Все мужья как один запретили своим семьям сопровождать их. Началось прощанье. Это зрелище было невыносимо.

Тот факт, что никто из мужчин не согласился, чтобы с ним поехали жена и дети... убедительно свидетельствует о том, в какой ужас повергает их перспектива выдачи советским властям. Один из пленных так выразил свое отношение к этому: "Застрелите меня – лучше спокойно умереть, чем подохнуть под пытками". Они никакие не герои; в подавляющем большинстве – обычные средние люди, и очень сомнительно, что у них на совести есть какие-либо преступления, помимо того, что они осмелились замахнуться на ненавистный им режим.

Этот аспект операции "Восточный ветер" был крайне тяжелым. Сообщение о репатриации прозвучало для семей, как смертный приговор. Дело омрачалось еще и тем, что женам и детям предлагалось, если они того пожелают, разделить судьбу мужей и отцов. Когда я думаю об этом, мне кажется, что было бы гуманней не предоставлять репатриантам возможности брать с собой близких – тем более, что в конечном итоге они все равно предпочли расстаться с женами и детьми.

Но вернемся к самой операции. Она началась еще до рассвета. Дрожащие от предутреннего холода и мрачных предчувствий, мужчины – всего 171 человек – построились. К провололочной изгороди подъехали грузовики,

спрыгнувшие с них английские солдаты побежали к воротам. Одни, сжимая в руках автоматы, выстроились в две колонны, другие стали гнать пленных к грузовикам по проходу между этими колоннами. Группами по пятнадцать человек пленных сажали в грузовики. Хотя среди эмигрантов-казаков ходили потом рассказы о страшных сценах насилия, англичане на сей раз подготовились к операции так тщательно, что побеги и сопротивление попросту исключались. Охрана состояла из шести офицеров и 210 солдат под командованием майора Бена Дальтона. Два джипа с пулеметами и вооруженные мотоциклисты сопровождали колонну на пути в Рикони.

На железнодорожной станции Рикони яблоку было негде упасть от количества людей в военной форме. Весь район был временно обнесен колючей проволокой и охранялся несколькими взводами солдат. Хотя в лагере пленных уже обыскивали, здесь провели еще один, более тщательный обыск — с целью обнаружения предметов, которые могли быть использованы для самоубийства. На боковой ветке стоял пустой поезд с наглухо закрывающимися дверями и железными решетками на окнах. Тут уж ни у кого не осталось сомнений в том, куда именно направляется этот мрачный транспорт. Во время обыска (у некоторых обнаружили припрятанные перочинные ножи и бритвы) лагерный староста Павел Иванов попросил разрешения поговорить со стоящим поблизости Деннисом Хиллсом. Хиллсу было крайне трудно принять решение о репатриации этого умного, обаятельного человека, с готовностью сотрудничавшего с англичанами и пользовавшегося уважением среди обитателей лагеря. После долгих колебаний Хиллс пришел к выводу, что Иванов — человек здоровый и умный — сумеет уцелеть в лагере. Теперь, перед посадкой на поезд, Иванов укоризненно бросил Хиллсу: "Значит, вы все-таки отправляете нас на смерть. А я-то в вас верил. Предала нас ваша демократия".

Началась посадка. Переводчиком у майора Дальтона был молодой офицер британской разведки Александр Вайнман, владевший русским. Вот как описывает он свои впечатления от этого страшного путешествия:

Моя задача состояла, в частности, в том, чтобы объяснить пленным, что они должны разговаривать тихо, должны оставаться на своих местах, а если понадобится выйти в уборную, поднять руку и их проводит охранник. Как только они услышали, что я говорю по-русски, все как один начали спрашивать, куда их везут. Я ответил уклончиво, но это не помогло делу. Они и без того уже поняли, что их ждет, и стали просить: "Не отдавайте

нас советским. Лучше расстреляйте, если хотите, но только не посылайте на пытки". Когда они садились в поезд, меня поразило равнодушное, бесстрастное выражение их лиц. Сейчас от этой бесстрастности и следа не осталось. Они оживились, заговорили, заспорили, один парнишка лет двадцати вдруг разрыдался: "Они расстреляют не только нас, но и наших близких". Его слезы словно вызвали цепную реакцию, и через несколько секунд половина мужчин в поезде рыдала, выкрикивая сквозь слезы: "Как не стыдно вашему правительству, вашему народу! Как вы можете делать такие вещи!" Я не отвечал, изо всех сил стараясь подавить в себе сочувствие к этим людям, я отвернулся от них, стал смотреть в другую сторону. Мой взгляд упал на английских солдат — таких же ребят, как и русские пленные. На лицах у них читалось замешательство и сочувствие. "Похоже, они вовсе не рады возвращению домой", — заметил один из них. Ко мне обратился еще один русский: "Мы об одном просим — чтобы нам позволили просто жить, но если вы не можете нам помочь — расстреляйте нас, спасите от пыток и медленной смерти".

С меня было довольно: я выскочил из вагона, не в силах вымолвить ни слова. Слезы градом катились по щекам, нет, сострадание не умерло во мне! К счастью, никто не подошел ко мне в ту минуту: если бы мне пришлось заговорить, я бы попросту разрыдался. Поезд стоял на станции еще два часа. Приезжавшие из лагеря грузовики привозили все новые группы обреченных. Наученный горьким опытом, я теперь быстро проговаривал свои инструкции и исчезал, не дожидаясь вопросов... Около 10 часов погрузка закончилась, но поезд простоял на солнцепеке до 12.30 — на это время было назначено отправление. Последним в вагон внесли на носилках человека, страдающего, по словам военврача, неизлечимой болезнью почек, прикованного к постели уже пять с половиной месяцев. К своему будущему он относился со спокойствием убежденного фаталиста: "Ничего хорошего от жизни я не жду. В Италии я, может, и протянул бы еще пару лет, но лучше уж сразу покончить с этими муками". Ему выделили койку в санитарном вагоне, прицепленном к поезду на случай попыток самоубийства.

Путь от Рикони до Санкт-Валентина в советской оккупационной зоне Австрии занял 24 часа. За исключением двух случаев, когда мне пришлось перевести кое-что для сержанта, я не общался с

пленными, решив, что так оно лучше. Ночью почти все спали, измученные событиями дня. В каждом вагоне было с полдюжины часовых, так что о побеге нечего было и думать. Утром, когда мы были уже близко от советской зоны, пленные начали отдавать охранникам часы и деньги, рвать фотографии и письма, некоторые оставили в вагоне Новый Завет. Наблюдая из окна за оживленным движением на станциях, мимо которых мы проезжали, за людьми, едущими и идущими по своим делам, я начал понимать, о чем думают эти несчастные: там, за окном, остался недоступный для них свободный мир, впереди же их ждали пытки, смерть, в лучшем случае, десять лет в лагере. Вот и мост через реку Эмс, демаркационная линия между американской и советской оккупационными зонами. Всюду расставлены советские часовые. Проехав еще семь километров, поезд остановился в Санкт-Валентине, где пленным принял полковник Старов, руководитель отдела военнопленных и перемещенных лиц советского подразделения союзной комиссии по Австрии... Началась разгрузка, но люди, вышедшие из вагонов, не имели ничего общего с теми, кого я наблюдал всего сутки назад. Тогда на их лицах читались страх перед будущим, волнение, тревога, теперь они были похожи на бесчувственный скот — так мертвы и лишены выражения были их лица. Даже у тех мальчиков, что рыдали вчера в поезде, на лицах застыло то бесстрастное выражение, которое, по мнению жителей Запада, олицетворяет чисто славянское равнодушие к смерти. Когда-то я тоже верил этой сентенции — теперь мне стало ясно, как я заблуждался. После переклички их построили группами на лугу, поросшем клевером, где были расставлены часовые. Список был составлен плохо, и перекличка заняла больше часа. Кроме полковника Старова, здесь было еще с десятка советских офицеров. Некоторые помогали проводить перекличку, другие просто глазели. Единственным штатским был толстый человек неприятной наружности, немного напоминавший гестаповца. Он назвался представителем ТАСС...

Поезд тронулся в обратный путь. На станции Санкт-Валентин я узнал от австрийцев, что вечером товарный поезд для перевозки скота увезет пленных к венгерской границе, где у Советов большой лагерь. Больше я о них ничего не знаю. Некоторых, конечно, расстреляли, некоторые отбыли свои пять-семь лет

в лагерях. Мне ясно одно: всем англичанам, бывшим в этом поезде, было стыдно, что им поручена такая задача. Множество беспомощных существ были принесены в жертву, чтобы умилостивить советское правительство, и мне до сих пор интересно, каков был результат: заслужили ли мы его уважение или же оно лишь презрительно посмеялось над нашей наивностью.

Размышления майора Вайнмана о судьбе пленных звучат весьма оптимистично. Майор Дальтон в своем рапорте отмечает, что после переклички Павел Иванов и другие офицеры были отделены от рядовых. "У меня создалось впечатление, — пишет он, — что с ними собираются расправиться тут же". Что же до наказания, которое угрожало оставшимся пленным, то как раз в это время, стараясь задобрить западных либералов, Сталин официально отменил смертную казнь, заменив ее двадцатипятилетним сроком в исправительно-трудовых лагерях.³⁴

На другой день еще один поезд отошел от станции Рикони, увозя девять из двенадцати семейных мужчин, которые провели ночь в раздумьях о судьбе жен и детей. Троиш Деннис Хиллс под разными предлогами избавил от репатриации. Группу из девяти человек сопровождала вооруженная охрана из сорока четырех солдат, с майором Джоном Стентоном во главе. Джон Стентон хорошо помнит эту поездку. По его словам, между его людьми и пленными не успели завязаться какие-либо отношения, но его переводчик явно нервничал: быть может, по тем же причинам, что и Алек Вайнман. Никаких серьезных инцидентов в пути не было, и утром они в назначенное время прибыли в Санкт-Валентин.

Через несколько минут после прибытия в купе Стентона вошел полковник Старов. Список из девяти фамилий привел советского полковника в полное замешательство, и он стал обвинять Стентона в том, что тот оставил в лагере большое число пленных. В частности, его очень интересовала судьба женщин и детей. Стентон в ответ твердил одно: он всего лишь сопровождающий офицер и не обязан знать, кого включили в его группу, а кого — нет. Наконец, Старов вроде бы согласился с этим доводом, но заявил, что не может выдать расписку в приеме столь ничтожной по численности группы без согласования с Москвой, и отправил одного из своих офицеров связаться с центром. Поняв, что придется подождать, англичанин предложил полковнику выпить, и хотя у него был только чистый джин, Старова это вполне устроило.

Их беседу нарушило появление толстяка, о котором упомянул Вайнман (между прочим, все советские офицеры, начиная с самого Старова, относились к этому "корреспонденту ТАСС" с нескрываемой неприязнью). Тяжело отдуваясь после трех ступенек, он довольно любезно сообщил Стентону, что из Москвы получено разрешение принять группу из девяти пленных. Стентон принял это известие с чувством облегчения, хотя и непонятно было, как это толстяк умудрился установить связь с Москвой, когда поезд стоял в чистом поле. Как отмечал Стентон в рапорте, "корреспондент ТАСС" скорее всего был крупным начальником, и советский полковник обратился за инструкциями не в Москву, а к нему лично.

До отъезда из Санкт-Валентина Джон Стентон думал лишь о том, чтобы хорошо провести операцию, но теперь, когда у него появилась возможность поразмыслить над происшедшим, он начинал понимать, что что-то тут не так. Во время оперативного инструктажа ему сообщили, что его подопечные воевали против англичан (что, скорее всего, не соответствовало действительности),³⁵ но он не мог не сочувствовать этим людям, спокойно и без сопротивления идущим навстречу своей судьбе. У него сложилось впечатление, что они все были расстреляны сразу после приезда. Вполне возможно, что он прав.

О том же говорят и другие участники этой операции. Генерал-майор Джеймс Лант в то время работал в оперативном отделе штаба в Казерте, составлял приказы по операции "Восточный ветер". По его собственному признанию, тогда он не особенно сочувствовал этим людям, считая их коллаборационистами. Но, читая рапорты Хиллса, Дальтона, Стентона и других, он проникся симпатией к пленным. В рапорте Денниса Хиллса его особенно потрясли строки о женах, навсегда расстающихся с мужьями, и он впервые подумал о том, что, может, он сам и его соотечественники занимались делом, недостойным солдата. Конечно, преступление должно быть наказано, конечно, потерпеть поражение в войне — это не сладко, но найти оправдания жестокостям, описанным в рапортах, он не мог.

9 мая в Санкт-Валентин прибыл контингент русских пленных из американского лагеря в Пизе. Если мы сравним число пленных, репатриированных из этого лагеря, с количеством пленных, вывезенных из лагеря в Рикони, мы вновь обнаружим различия в подходе американцев и англичан к делу. В обоих лагерях содержалось примерно одинаковое число пленных: немногим более 400. Когда Деннис Хиллс доложил, что после проведенной им проверки цифра подлежащих репатриации упала ниже 200, дальнейшие сокращения, как казалось ему, были уже невозможны.

Меж тем его американский коллега ухитрился включить в список подлежащих репатриации всего 75 имен.³⁶

Так прошла операция "Восточный ветер", последняя из крупных операций по насильственной репатриации послевоенного периода умиротворения. Сообщения об этих событиях вызвали на Западе возмущение. К тому времени даже завзятые либералы поняли, что Сталин рвется к мировому господству. Возмущение подогревалось тем, что газеты уделили большое внимание историям о многочисленных самоубийствах и насилии, примененном при посадке на поезда в Рикони и Пизе.³⁷ В Лондоне комитет, возглавляемый графиней Атольской и госпожой Эльмой Денжерфильд, засыпал общественных деятелей протестами. Белоземгрантский журналист Анатолий Байкалов снабдил их массой показаний беженцев, находящихся на Западе.³⁸ 21 мая член парламента лейборист Ричард Стоукс, широко известный своими выступлениями в защиту прав человека, задал в палате общин вопрос о том, насколько правдивы тревожные сообщения, касающиеся последней насильственной выдачи беженцев Советам. В своем ответе парламентский заместитель министра иностранных дел Кристофер Мейхью отстаивал правительственную интерпретацию Ялтинского соглашения и отвергал сообщения о насилии и попытках самоубийства, которыми сопровождалась операция. Мейхью написал Стоуксу личное письмо на эту тему, и тот в ответе от 2 сентября резко заметил: "Я считаю весь инцидент и всю стоящую за ним политику отвратительными".³⁹ Деннис Хиллс сообщил мне, что мрачные истории в газетах были основаны на свидетельствах священника униатской церкви, имевшего доступ в лагерь. Рапорт для ответа Мейхью в палате общин составил по запросу военного министерства Деннис Хиллс, и никаких страшных подробностей там не было. Хиллс объясняет это тем, что "не знал об "инцидентах" в Римини... и поэтому не имел оснований указывать на них в отчете..."⁴⁰

В действительности, при посадке на первый поезд была одна попытка самоубийства: пленный пытался перерезать себе горло, и охрана майора Дальтона сумела воспрепятствовать этому лишь после ожесточенной схватки. Но Мейхью об этом ничего не знал, и его нельзя обвинить в утаивании данных,⁴¹ так как майор Дальтон ни словом не упомянул о происшедшем в своем рапорте, заявив, что "во время пути насилие не применялось" и "никаких инцидентов не было". Как объясняет сам Дальтон, эти подробности не попали в рапорт, потому что — "я знал, что мне не увеселительная поездка предстоит, все меры предосторожности были приняты, и поездка завершилась, как планировалось".⁴²

Правительство также получало резкие протесты влиятельных лиц. Генерал Бурроус, бывший глава военной миссии в Москве, передал в военное министерство просьбу об амнистии для русских, находящихся в Англии. Просьбу написал граф Беннигсен, кавалер Военного креста, бывший в 1919 году офицером связи у Бурроуса в Архангельске.⁴³ Рапорт майора Вайнмана об операции "Восточный ветер" потряс Джорджа Юнга из военного министерства, и он передал это убийственное свидетельство сэру Генри Мэку, политическому советнику, отправившему в МИД протест, составленный в самых резких выражениях. В ответе МИД говорилось, что операции такого рода более не предполагаются.⁴⁴

Действительно, насильственная репатриация подходила к концу. В июне Деннис Хиллс спас двенадцать грузин на острове Липари в Италии, которых итальянцы собирались выдать Советам. Затем в июле советские похитили шесть старых эмигрантов из лагеря в Барлетте (Италия). Один из них покончил с собой, об остальных нам ничего не известно.⁴⁵ Но период замирения с СССР к тому времени кончился, сменился холодной войной. Невзирая на советские протесты, украинская Галицийская дивизия сразу же после операции "Восточный ветер" была переведена из Италии в Англию.⁴⁶ Еще раньше генерал Мак-Нарни заявил, что "теперь советский гражданин может признать свое гражданство и законно остаться в американской зоне Германии" (между прочим, благодаря этому были спасены тысячи меннонитов, бежавших из СССР от преследований за веру⁴⁷). Реакцию советских властей можно было предсказать совершенно точно. На западные правительства обрушился шквал жалоб, на которые в общем никто уже не обращал внимания, хотя заставить советскую репатриационную комиссию во Франкфурте-на-Майне покинуть страну удалось только в 1949 году, да и то Советы были крайне недовольны этим обстоятельством.⁴⁸

Итак, в 1943-47 годах западные демократические государства передали СССР, согласно документам, 2 272 тысячи советских граждан. Около 35 тысяч представителей национальных меньшинств СССР (украинцы, белорусы, калмыки и т. д.) официально зарегистрированы как оставшиеся на Западе.⁴⁹ На самом деле репатриации удалось избежать значительно большему числу советских граждан — одни подделали документы для перемещенных лиц, приписав себе чужое гражданство (польское, югославское и т. п.), другие придумали что-нибудь еще. Точной статистики, к сожалению, нет, но по предварительным оценкам от репатриации спаслись от четверти до полумиллиона человек.⁵⁰

Большинство репатриированных вернулось на родину в начале лета 1945 года, с сентября 1945 до начала 1946 года насильственная репатри-

ация затормозилась. В январе 1946—мае 1947 были репатрированы несколько тысяч человек, что составляло незначительную долю от общего числа. В этих поздних операциях у многих вызывал протест не их масштаб, но факт их проведения в период, когда уже было ясно, что Советский Союз, требующий возвращения этих людей, является явным и беспощадным врагом Запада.⁵¹

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления. Изд. АПН, Москва, 1971, стр. 676.
2. Walter Bedell Smith. *Moscow Mission 1946-1949*. London, 1950, pp. 12–14.
3. *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1945, V, Europe*. Washington, 1967 [в дальнейшем: FRUS 1945], pp. 1108–1109.
4. Их протест был заявлен 24 декабря (см.: *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1945, II, General Political and Economic Matters*. Washington, 1967, pp. 800–801, а также стр. 1161).
5. Foreign Office [в дальнейшем: Архив министерства иностранных дел Великобритании], 371/47910; см. также: 371/47910, 164, 167–170; 371/56712; 56716; 66344.
6. См.: FRUS 1945, p. 1110–1111.
7. См.: *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The British Commonwealth. Western and Central Europe. 1946, V, Washington, 1969* [в дальнейшем: FRUS 1946], pp. 133–134, 152; Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/47910, 74–75, 83–84, 87–88; Министерство обороны Великобритании, фонд ВМ 3928/PW1 [в дальнейшем: ВМ 3928], 63 А, 66 А–68 А.
8. См.: FRUS 1946, pp. 141–142; *New York Times*, 20.1.1946; *Daily Mail*, 21.1.1946; *Sunday Express*, 20.1.1946; Nicholas Bethell. *The Last Secret: Forcible Repatriation to Russia 1944-1947*. London, 1974, pp. 189–191. Фотография разгромленного немедленно после операции лагеря была опубликована в *"National Zeitung"* 29.11.1974.
9. Julius Epstein. *Operation Keelhaul: The Story of Forced Repatriation from 1944 to the Present*. Old Greenwich, Connecticut, 1973, pp. 213–215; *New York Times*, 25.2.1946; *The Times*, 27.2.1946; русские эмигранты в Америке, в том числе такие заметные фигуры, как князь Сергей Белосельский-Белозерский и архиепископ Виталий, резко критиковали новую политику. Через год бывший премьер-министр России Керенский выступил с публичным призывом о предоставлении убежища русским военнопленным (*New York Times*, 24.1.1947).
10. Бетелл думает, что их везли на Запад, но он явно путает Мюнхен, столицу Баварии, с одноименным маленьким городком в восточной Баварии (см.: Nicholas Bethell, указ. соч., стр. 193).
11. Jurgen Thorwald. *Wen sie verderben wollen: Bericht des grossen Verrats*. Stuttgart, 1952, pp. 577–578; Ernst von Saloman. *Der Fragebogen*. Hamburg, 1951, pp. 785–786, 791–792; Nicholas Bethell, указ. соч., стр. 191–193; *Stars and Stripes*, 6.3.1946; *The Times*, 26.2.1946; *New York Times*, 26.2.1946; Зарубежье. Мюнхен, март-июнь 1976, ч. 1–2, стр. 27. Пленка хранится в Национальном архиве в Вашингтоне, № AFCR–3М–2122, карточка № 111 ADC 5824.
12. См.: *Yorkshire Post*, 14.5.1946.
13. См.: *New York Times*, 15.2.1947.
14. FRUS 1946, pp. 154–156, 170.
15. См. там же, стр. 171.
16. См.: ВМ 3928, 68 А; War Office [в дальнейшем: Архив военного министерства Великобритании], 32/11119, 331 А.
17. Информация лорда Хенки (см.: Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/56711).

18. Информация лорда Хенки (см.: Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/56710).
19. *History and Human Relations*. London, 1951, p. 203.
20. САВ [Документы кабинета министров], 129/10, 52–54. Советское министерство иностранных дел было информировано об этом 8 июля 1946 года (см.: Архив военного министерства Великобритании, 32/11141, 185 А; 181 А, 184 А. См. также: Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/56714; 56716; 56717; Архив военного министерства Великобритании, 32/11119, 330 А, 331 А).
21. См.: FRUS 1946, pp. 193–194; Архив военного министерства Великобритании, 32/11141, 186 А; ВМ 3928, 104 А, 120 А.
22. См. там же, 298 А.
23. Очевидно, это наказание применялось с очень давних времен. См.: Austin Lane Poole. *From Domesday Book to Magna Carta*. Oxford, 1951, p. 438.
24. Dwight D. Eisenhower. *Crusade in Europe*. New York, 1948, p. 518.
25. Для Ялтинской конференции Черчилль выбрал кодовое название "Аргонавт" (см.: ПРЕМ [Документы канцелярии премьер-министра], 3.51/1.67). Американский чиновник, говоря о русских, перевезенных в Италию, употребляет выражение "килевание" (см.: Архив военного министерства Великобритании, 0100/12 А/309).
26. См.: Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/47907, 30, 35.
27. Об операции "Килевание" см.: Вячеслав Науменко. *Великое предательство: выдача казаков в Лиенце и других местах (1945-1947)*, т. 2, Нью-Йорк, 1970, стр. 192–193, 211; Архив военного министерства Великобритании, 204/1593; там же, 0100/12 А/308.
28. См.: FRUS 1946, pp. 197–198.
29. См.: Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/47905; см. также: Архив военного министерства Великобритании, 214/63 А (комментарий Александера), Дж.Г.С. Эшворт рассказал мне, как в Триесте в начале 1946 года ему было поручено сопровождать майора Носова из советской репатриционной миссии и препятствовать попыткам Носова заниматься шпионажем. О репатриционных миссиях как центрах шпионажа см.: David Dallin. *Soviet Espionage*. Yale, 1955, pp. 331–332, 348; "A.I. Romanov". *Nights are Longest There*. London, 1972, p. 171. Уже 25 июля 1944 года советская миссия в Греции начала охоту за бежавшими русскими (см.: Архив военного министерства Великобритании, 201/1598).
30. См.: ВМ 3928, 232 А–233 А, 250 А–251 А.
31. См.: Архив военного министерства Великобритании, 0103/8571, 71 А.
32. На заседании кабинета 6 июня 1946 года Эрнест Бевин отклонил просьбу об исключении из числа репатрируемых бывших членов трудовой организации Тодта (см. там же, 32/11119, 331 А).
33. См. там же, 170/4241.
34. О введении 25-летнего срока см.: А. Солженицын. *Архипелаг ГУЛаг (1918-1956)*. Опыт художественного исследования, т. 1. ИМКА-Пресс, Париж, 1973, стр. 100–101.
35. Более половины из них были казаками и, следовательно, не воевали, скорее всего, против англичан (см.: В. Науменко, указ. соч., стр. 222).
36. Этот рассказ основан на информации, которую любезно предоставили мне Том Корринж, Деннис Хиллс, генерал-майор Джеймс Лант, подполковник

Дж.Р.Г. Стентон и профессор Александр Вайман. Рассказы русских пленных см. в кн.: В. Науменко, указ. соч., стр. 192–218. Я тщательно просмотрел их вместе с Деннисом Хиллсом, который подтверждает их точность, за исключением явно выдуманных историй о массовых ранениях и убийствах во время посадки на поезд 8 и 9 мая. "Мертеном" в этих рассказах назван комендант лагеря подполковник Мартин, а "капитан Смит" – это мальтиец Заммит. Рапорт Денниса Хиллса цитируется по копии, введенной в обращение профессором Эпштейном, сокращенный вариант ее был опубликован в "Sunday Oklahoman" 21.1.1973. Приказы и рапорты находятся в Архиве военного министерства Великобритании, 0100/12 A/308–309. См. также: Nicholas Bethell, указ. соч., стр. 196–203. Полковник Старов, принимавший выдачу военнопленных в Санкт-Валентине, с января 1945 года проводил репатриационные операции в Египте. (См.: Архив военного министерства Великобритании, 32/11139, 340 A).

37. См. также: New York Times, 6.7.1947. Английские газеты тоже опубликовали материалы об этой операции, по-видимому впервые.
38. См.: В. Науменко, указ. соч., стр. 221.
39. Parliamentary Debates (Hansard) House of Commons. London, 1947, CCCCXXXVIII, cols. 2318–2319; Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/66345.
40. См. мое письмо в "The Times", 27.4.1978.
41. См.: Nicholas Bethell, указ. соч., стр. 203.
42. Архив военного министерства Великобритании, 0100/12 A/309, сообщение полковника Дальтона. Несмотря на это четкое объяснение, обвинение, намеренно игнорированное парламентом, было повторено в передовой статье в "The Times" 20.2.1978, а также лордом Бетеллом в письме в эту газету 3.3.1978. Мейхью в письме от 22.2.1978 признал это, но, как я указывал в письме от 9.3.1978, его признание, хотя и в высшей степени честное, не являлось необходимым. Сознательного обмана тут не было. Документированные изыскания, на которых основан ответ Мейхью, см. в: Архиве министерства иностранных дел Великобритании, 371/66344; 66345; и в трех досье "Килевание", рассекреченных в начале 1978 года. (См.: Архив военного министерства Великобритании, 383.7–14.1. Профессор Эпштейн из Гуверовского института много лет добивался доступа к этому досье, называвшемуся "Операция Килевание" и хранившемуся в Национальных архивах США. Американское правительство готово было допустить его к документам, но английское, обладавшее правом вето, неизменно отказывало в допуске. Профессор Эпштейн дважды возбуждал судебное дело с целью открытия доступа к досье; написал ряд статей на эту тему. Осенью 1977 года, в ответ на мой запрос, министерство обороны сняло запрет, и я смог увидеть часть документов, три тома. Правда, рассекреченные материалы не содержали существенно новой или важной информации; они относились лишь к процедурным вопросам, связанным с операцией "Килевание". Если содержание еще не рассекреченных страниц столь же невинно, причины, по которым британское правительство продолжает держать документы в секрете, представляются крайне загадочными. См. также: The International Herald Tribune, 18.4.1978; The Times, 21 и 22.4.1978. К сожалению, профессор Эпштейн умер до того, как эти документы стали известны общественности. Я бы хотел воздать здесь должное памяти этого замечательного ученого и человека, автора значительных исторических работ).

43. См.: Архив военного министерства Великобритании, 32/11683, 318 А322 А. Жалоба Беннигсена была передана в британский МИД, и Беннигсен получил аудиенцию у Томаса Браймлоу.
44. Информация получена от Г.К. Юнга. Ответ Вайнмана был также передан сэру Стюарту Менцису, начальнику отдела британской разведки МИ-6.
45. См.: В. Науменко, указ. соч., стр. 221–222. 8 июля 1947 года шесть грузин подверглись насильственной выдаче в Земмеринге (см.: Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/66344).
46. См.: Архив военного министерства Великобритании, 01303.8571, 80 А; The Times, 24. 5. 1947.
47. См.: New York Times, 15. 2. 1947; Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/66343. О расистских мотивах преследования меннонитов в СССР см.: Bernard Roeder. Katorga: An Aspect of Modern Slavery. London, 1958, pp. 141–142; Vladimir Petrov. It happens in Russia: Seven Years Forced Labour in the Siberian Goldfields. London, 1951, pp. 296–297.
48. Malcolm Proudfoot. European Refugees. London, 1957, pp. 417–418.
49. См. там же, стр. 217–218.
50. George Fischer. Soviet Opposition to Stalin. Harvard, 1952, pp. 111–112; Gerald Reitlinger. The House Built on Sand. London, 1960, p. 393; Ronald Hingley. Joseph Stalin: Man and Legend. London, 1974, p. 371; Political Science Quarterly, 1973, LXXXVIII, p. 255. В заметке в "Scotsman" (2. 3. 1946) говорится, что 40% русских, находящихся на Западе, не желают возвращаться домой.
51. Внутреннюю противоречивость британской политики того времени лучше всего, наверное, проиллюстрировать на примере акции, проводившейся одновременно и параллельно с описанной нами операцией "Килевание". Речь идет об операции "Шотландская удалая", разработанной в помощь советским перебежчикам. Таким образом, англичане помогали выбраться из СССР сотням советских граждан, жаждущих сбежать из коммунистического государства, тогда как других, по большей части покинувших СССР пять лет тому назад не по своей воле, заставляли возвращаться на смерть и муки. (Информация получена от майора Джеймса Скотта-Хопкинса, принимавшего участие в операции "Шотландская удалая". Он рассказал мне, что деятельность его группы была хорошо известна в кругах сопротивления в СССР).

Глава 16

РЕПАТРИАЦИОННЫЕ ОПЕРАЦИИ В ДРУГИХ СТРАНАХ

До сих пор мы описывали лишь репатриацию, проводимую под эгидой США и Англии, однако было бы неверно заключить, что с данной проблемой столкнулись только эти две страны. Ряду других правительств тоже пришлось решать, что делать с русскими, находящимися на территории их государств, и каждое правительство отвечало на этот вопрос по-своему.

Франция

Лишь французское правительство столкнулось с проблемой репатриации примерно в том же объеме, что и государственные деятели Великобритании и США. Французская 1-я армия и силы сопротивления взяли в плен около 15 тысяч русских, служивших в немецкой армии; еще 20456 человек перебежали к французам, из них 8 тысяч присоединились к Свободной Франции и участвовали в боях на стороне союзников.¹ Кроме того, в конце 1944 года несколько тысяч перемещенных лиц были переведены англо-американскими силами под французский контроль. В начале 1945 года во французских лагерях царил хаос, но ВКЭСС помог французам наладить соответствующие службы.²

Через два месяца после того, как Иден согласился на требование Сталина вернуть всех русских независимо от их желаний, генерал де Голль тоже побывал в Москве, и его тоже склонили к аналогичной уступке.³ В результате в Париж прибыла советская репатриационная комиссия, возглавляемая генералом Драгуном. Первым делом он решил

навести порядок в лагерях перемещенных лиц, для чего самолично застрелил десять человек, подвернувшихся под руку.⁴ Комиссия целиком состояла из офицеров НКВД, задача которых заключалась в возвращении домой всех русских, оказавшихся в пределах досягаемости. Кроме того, в их обязанности входило снабжение французской коммунистической партии оружием и деньгами.⁵

Подлежащих репатриации русских со всей Франции собрали в центральном сборном пункте в Париже. Отсюда они разъехались по транзитным лагерям, крупнейшим из которых был Боригар, под Парижем.⁶ Первые несколько месяцев с будущими репатриантами обходились очень мягко: охрана в лагерях была поставлена довольно плохо, и работники миссии Драгуна в разговорах с пленными постоянно подчеркивали, что дома всех ждет теплый прием и амнистия. Один из пленных, хлебнувший страшных немецких лагерей, вспоминает, как многообещающе звучали речи советского посла Богомолова. Правда, дело несколько портили мрачные угрозы, которые в подпитии бормотал старший офицер НКВД. Подавленные обитатели лагеря, не зная, кому верить, находили утешение в пьянках и грабежах.⁷

В архиве британского военного министерства хранится рассказ американца, сотрудника Ассоциации молодых христиан (YMCA) Дональда А. Лаури, о визите в советское посольство в Париже 20 октября 1944 года. Он вспоминает слова советского посла Богомолова:

Все будут возвращены в СССР, независимо от того, чем они занимались во время войны. Есть среди них настоящие герои, есть и такие, кто оказался послабее. Ну, так ведь таких народов, где каждый был бы героем, просто не существует. Нашу родину мы называем матерью, а какая же мать не простит своего ребенка, даже если он в чем-то провинился. И поэтому все наши граждане, находящиеся за границей, будут возвращены домой.

Затем Богомолов сказал о том, сколько пришлось перенести многим из пленных:

Даже если некоторые не выдержали немецкого нажима и пошли служить в немецкую армию или в лагерную полицию, это в общем можно понять. Каждому дадут возможность исправиться... Мы всех примем, всех возьмем домой, все они — сыновья своей родины.

Посол также тепло отозвался о работе YMCA: "В России тоже много молодых христиан, но они не организованы", — объяснил он. У Лаури сложилось впечатление о после как о человеке, который глубоко чувствует трагедию пленных, оказавшихся в невыносимых обстоятельствах. Он даже заключил, что у Богомолова "хорошее чувство юмора".⁸

Лагерь Боригар в течение нескольких месяцев управлялся двумя пленными, Ивановым и Титаренко, бывшими солдатами немецкой армии. Но в конце мая 1945 года охрана внезапно ужесточилась, лагерь обнесли проволокой, число охранников увеличилось вдвое. Репатриации из Франции по морю уже шли полным ходом (из Марселя пленных везли в Одессу), теперь же началась подготовка к первому этапу по суше.⁹ Один украинец, решивший вернуться на родину, оставил нам описание такого путешествия. Он рассказывает, как пленных

с торжественными речами, музыкой и знаменами посадили в грузовики... затем отвезли в сборный пункт под Лейпцигом и поместили за колючей проволокой. Здесь вместо музыки нас встретили заряженные ружья, а приветственные речи свелись к угрозам и ругательствам. Потом начались допросы: тут уж за дело взялось НКВД. Следователь задавал бесконечное количество вопросов и после каждого ответа кричал: "Все врешь". Кормили ужасно. Пленные вели весьма пессимистичные разговоры: обсуждали судьбу предыдущих партий.

Рассказчику удалось бежать, пробравшись на возвращавшийся назад американский грузовик.¹⁰

За пределами лагерей оперативники Драгуна установили настоящее "царство террора". Французская полиция их совершенно не контролировала — вероятно, по распоряжению свыше, — и они развязали в Париже буквально оргию шпионажа, похищений людей и убийств.¹¹ В марте 1946 года из своей парижской квартиры исчез при загадочных обстоятельствах молодой русский беженец, скрывавшийся под польской фамилией Лапчинский. Бывший "остарбайтер", освобожденный американцами, он приехал во французскую столицу в ноябре 1944 года, подружился здесь с моим дальним родственником графом Иваном Толстым. Однажды вечером Лапчинский пришел на званый обед в ужасном волнении. Он обнаружил, что за ним следят. Хозяин дома и гости решили, что его страхи сильно преувеличены, но все же посоветовали быть поосторожней. Лапчинский, впрочем, вовсе не нуждался в этом совете. По словам тех, кто

его знал, он и без того был крайне осторожен и никогда никому не открывал дверь, да никто к нему и не ходил. Первые посетители появились за несколько дней до этого вечера. Как рассказывала потом консьержка, к молодому человеку заходили три "поляка", но не застали его дома. В следующий раз "полякам" повезло больше, хотя, что именно произошло — осталось неизвестно. В комнате пропавшего Лапчинского полиция обнаружила страшный кавардак, пятна крови, которые явно старались затереть. Случайный прохожий оказался свидетелем того, как в большой черный автомобиль втолкнули человека и машина тут же унеслась прочь в неизвестном направлении. Лапчинского больше никто никогда не видел, а досье парижской полиции пополнились еще одним нераскрытым преступлением. Но вряд ли можно сомневаться в том, что это преступление было совершено НКВД. Правда, газета компартии "Юманите" сделала сенсационное открытие, что все это дело рук гестапо (в 1946 году!).¹² НКВД вообще славилось делами такого рода, и похищение Лапчинского напоминает нашумевшие похищения белогвардейских генералов Кутепова и Миллера в Париже в 1930 и 1937 годах.¹³

Только в мае 1946 года министр внутренних дел отважился заявить протест советскому послу по поводу этих преступлений, открыто совершаемых на французской земле. Но коалиционное правительство (в которое входили и коммунисты), проводившее курс умиротворения СССР, вынудило министра подать в отставку.¹⁴

В отличие от правительства, французская армия не поддалась советскому нажиму. В Потсдаме Новиков жаловался, что во французской оккупационной зоне Германии белоэмигранты ведут пропаганду среди советских перемещенных лиц с целью убедить их не возвращаться на родину: "В данном случае эта деятельность ведется при активной поддержке со стороны французских военных властей и службы военной безопасности".¹⁵

Через месяц генерал НКВД Вихорев¹⁶ приступил к охоте за русскими во французской зоне Австрии. В Фельке, около границы с Лихтенштейном, он обнаружил лагерь, где можно было пожить, и намеревался уже броситься на добычу, но не тут-то было. "Подполковник Фишелье, отвечающий за лагерь в этой зоне, отказал Вихореву в просьбе допустить его в лагерь, сославшись на отсутствие инструкций из Парижа".¹⁷

В 1947 году Франция отказалась от политики насильственной репатриации, руководствуясь теми же соображениями, что Англия и США. Москва отреагировала на этот шаг градом нападок, обвиняя французов в том, что они препятствуют возвращению советских граждан. Но французский

МИД решительно отверг эти обвинения, указав, что большинство перемещенных лиц, которых хотят заполучить Советы, это украинцы, прибалтийцы и другие несоветские граждане. В последующем заявлении французский представитель заметил, что советские официальные лица пользовались в лагере Боригар полицейскими методами, утверждая при этом, что все обитатели лагеря добровольно хотят вернуться на родину. Между тем, как отмечали некоторые скептики, "замеченные недавно за каменной оградой лагеря заграждения из колючей проволоки противоречат уверениям, будто заключенные находятся там по доброй воле".¹⁸

Струйка репатриантов, проходивших через лагерь на обратном пути в СССР, постепенно иссякла, и все же советское посольство настаивало на необходимости сохранить это огромное поселение, являвшееся, в глазах общественного мнения, советским анклавом на французской земле. Над входом, под огромным портретом Сталина, освещаемым по ночам, развевались красные флаги. У французов были все основания подозревать, что лагерь стал центром советского шпионажа и подрывных операций. Французская компартия, семь лет назад поддержавшая советско-германский раздел Польши (СССР и нацистская Германия были тогда друзьями, связанными договором о дружбе и ненападении), вполне могла работать на советскую оккупацию страны. В 1947 году перспектива вооруженного коммунистического путча во Франции, при поддержке советского оружия и, возможно, армии, вовсе не выглядела нереальной. Однако в мае правительство Рамадье изгнало коммунистов с министерских постов и решилось, наконец, перейти в наступление.

Поводом для активных действий послужила история русского эмигранта, гражданина Франции Дмитрия Спешинского. При оформлении его развода с женой, родившейся в СССР, суд в Ницце решил оставить трех дочерей супругов с отцом: девочки родились во Франции и были французскими подданными. Вскоре после суда мать и девочки исчезли. По просьбе Спешинского, полиция начала расследование и установила, что следы ведут к Боригару.¹⁹ Тогда отец потребовал, чтобы ему вернули дочерей. Еще несколько месяцев назад такое требование повергло бы власти в замешательство, но сейчас это было на руку кабинету. За дело взялись хотя и поздно, но решительно. Таинственный лагерь, куда более двух лет не ступала нога представителя французских властей, был окружен полицией, полицейскими в штатском и солдатами в количестве двух тысяч человек. Поблизости стояли – на случай осложнений – два легких танка. Советское посольство было извещено о рейде за 20 минут до того, как французские солдаты ворвались в лагерь через ворота, на которых

висел огромный портрет отца народов. Как и следовало ожидать, в одном из барачных помещений обнаружили детей Спешинского с матерью. Через несколько дней им предстояло сесть на поезд, отправлявшийся в Москву, а оттуда их путь лежал бы в Караганду или на Воркуту. Девочек вернули отцу. При тщательном обыске лагеря полиция обнаружила всего 58 человек, ожидавших, по их словам, отправления в СССР, но зато наткнулась на склад оружия: 10 английских и 2 советских пулемета, 10 винтовок, 1 дробовик, 52 магазина для винтовок, 49 автоматных магазинов, 5 ящиков с патронами, 10 гранат и 7 револьверов. Советское посольство заявило, что это всего лишь сувениры, сохранившиеся у некоторых советских граждан в память о славных днях в Сопротивлении. Мы, однако, можем предположить, что у этих сувениров было несколько иное назначение.²⁰

Таким образом, насильственная репатриация завершилась во Франции через несколько месяцев после заключительной репатриационной операции союзников в Италии. Всего из Франции были репатрированы в СССР 10 481 человек. Однако, говоря о позиции французского правительства, следует иметь в виду, что, в отличие от США и Англии, Франция пережила немецкую оккупацию и была сейчас слабой и раздробленной страной. Сотни тысяч французов, в основном жители Эльзаса и Лотарингии, были вывезены в Германию на принудительные работы, в конце войны их освободила Красная армия. Число их значительно превышало количество англо-американских военнопленных, чья судьба так заботила Идена и Стеттиниуса. К тому же, Советам было бы куда проще задержать гражданских лиц, нежели союзных военнослужащих. Ведь сначала Англия и США намеревались заключить с СССР соглашение о взаимной репатриации одних лишь освобожденных военнопленных и только по настоянию советских представителей согласились "включить в соглашение также советских и британских подданных, интернированных и насильно вывезенных немцами".²¹ Как отмечали английские официальные лица, таких английских подданных практически не существовало, тогда как число депортированных советских граждан достигало нескольких миллионов. Возможно, если бы англичане заняли твердую позицию в этом вопросе, — гражданских лиц удалось бы исключить из соглашения, однако политика МИД основывалась на другом принципе. Для французов же дело обстояло несколько иначе: они-то как раз стремились заполучить назад своих депортированных граждан и при переговорах с Советами оказались в невыигрышной позиции. Даже в момент рейда в лагерь Боригар у Советов находилось в качестве заложников не менее 23 600 французских подданных.²²

Есть еще одно отличие между репатриацией во Франции и на англо-американских территориях. Нам неизвестны случаи участия французских солдат в насилиях над пленными. Сотрудники НКВД сами явились во Францию для проведения репатриации. Создается впечатление, что отдельные государственные институты страны проводили фактически автономную политику: министры-коммунисты в правительстве покрывали убийц и похитителей людей, тогда как французская армия в Германии и Австрии на каждом шагу чинила препятствия работе советской репатриационной комиссии.

Бельгия

Прочие страны столкнулись с проблемой русских перемещенных лиц в меньшем объеме. Бельгия подписала свое "Ялтинское соглашение" 13 марта 1945 года. До расформирования ВКЭСС лагеря, в которых содержались русские, находились под контролем отдела по гражданским делам штаба 21-й группы армий. Английский офицер, работавший в администрации одного из таких лагерей, вспоминает, что многие не хотели возвращаться в СССР, но посадка в поезда прошла, тем не менее, без инцидентов.²³ Советскую репатриационную комиссию возглавлял полковник Стемасов, постоянно подававший жалобы на плохие бытовые условия в лагерях. Как отмечал английский посол в Бельгии,

Советы собирали всех разбросанных по стране русских — если было необходимо, то и насильно — в сборных центрах, где они содержались под строжайшей охраной до момента отправки их в СССР.²⁴

В июле на бельгийское правительство была возложена ответственность за действия советских официальных лиц в стране на тот период, пока советские граждане в бывших лагерях ВКЭСС не будут перевезены в Германию или репатриированы прямо в СССР.²⁵ Однако в Бельгии оставалось еще много русских, и вскоре здесь разыгрались события, сходные с теми, что произошли в Париже. В газете "Скотсмен" появилось следующее сообщение:

Нам стало известно об осложнениях, возникших из-за того, что офицеры НКВД, работающие для репатриационной миссии, по

крайней мере в одном случае прибегли ради достижения своих целей к похищению людей посреди бела дня на улицах Брюсселя. Советские офицеры, занимающиеся репатриацией, несколько раз проникали в лагеря для интернированных, чтобы "убедить" русских заключенных вернуться. Такого рода деятельность заставила бельгийское министерство юстиции 28 декабря издать циркуляр для полицейских и жандармских властей, запрещающий советским офицерам посещать лагеря без письменного разрешения. Если они все же проникнут в лагерь, циркуляр предписывает вывести их, при необходимости — даже с применением силы. Полицейским властям вменяется в обязанность также охранять от насилия штатских лиц.²⁶

Таким образом, бельгийское правительство реагировало на творимые советскими представителями беззакония гораздо откровеннее, чем правительства Франции или Англии.

Финляндия

Отношение голландцев к репатриации было сходно с бельгийской позицией.²⁷ Ответственность за операции в Норвегии, Дании, Германии, Австрии и Италии несут союзные силы освобождения и оккупационные войска. А вот Финляндия — это особая статья. Советские успехи на Восточном фронте заставили финнов принять условия, навязанные им СССР в соглашении о прекращении огня 19 сентября 1944 года. В Хельсинки была создана союзная контрольная комиссия. Она, как и следовало ожидать, в основном представляла собой рупор для советских угроз и требований, противостоять которым финны были не в состоянии. В лагерях на территории страны находилось несколько тысяч русских пленных, советские потребовали их выдачи, и финнам оставалось только подчиниться. Когда в лагерях стало известно о выдаче, несколько сотен человек бежали, предпочтя возвращению на родину бродяжничество в сосновых лесах. Дело происходило в ноябре, но даже суровая зима не останавливала беглецов.²⁸ Интересно отметить, что это были просто военнопленные, никак не связанные ни с немецкой армией, ни с власовским движением и не работавшие на немцев. Одного этого примера хватило бы для опровержения довода, будто русские боялись возвращаться на родину, поскольку сотрудничали с врагом и знали за собой эту вину. Даже те, кого никак

нельзя было заподозрить в связях с врагом, решались на самые отчаянные поступки, чтобы избежать репатриации.

Кроме того, Советы потребовали – и получили – целый ряд старых русских эмигрантов, имевших финские либо нансеновские паспорта, так что советскому правительству вновь представилась возможность свести старые счеты. Бывший царский генерал Северин Добровольский был казнен в Москве через несколько месяцев после выдачи. Степан Петриченко, возглавлявший в 1921 году Кронштадтское восстание, умер в советской тюрьме через два года после выдачи.²⁹ И все же, хотя советским властям в Финляндии помогали финские "квислинги", вряд ли было бы справедливо слишком сурово винить народ и правительство страны, фактически находившейся на положении оккупированного государства.

Швейцария

Нейтральная Швейцария была в совершенно другой ситуации. Все эти годы страна являлась пристанищем беженцев из оккупированной нацистами Европы, и беглые пленные из разных стран пытались перейти ее границу, чтобы продолжать борьбу либо быть интернированными в относительно комфортабельных условиях. Среди них было немало русских. Уже в марте 1942 года англичанам стало известно, что целый ряд русских благополучно проник в страну, и МИД изыскивал способы помочь им. Как ни странно, советское правительство выделило фонды для оказания помощи интернированным в Швейцарии русским³⁰ – возможно, опасаясь, что иначе союзники и нейтральные наблюдатели увидят, в каких ужасающих условиях содержатся заключенные лагерей. А может быть, Советы надеялись таким образом выманить пленных из Швейцарии, поскольку швейцарская традиция нейтралитета и предоставления убежища исключала возможность насильственной выдачи.

После высадки союзников во Франции и последовавшего затем открытия франко-швейцарской границы, 804 русских ушли во Францию и добрались до Марселя, откуда им предстояло отправиться в СССР. Советский представитель по репатриации в Париже Черняк сумел убедить их, что в победившем Советском Союзе их ждет светлое будущее. Но вторая группа из Швейцарии – 500 человек – этим рассказам не поверила и ехать на родину отказалась.³¹

В последние месяцы войны многим русским удалось, воспользовавшись неразберихой на немецких фронтах и созданием власовской

армии, пробраться в Швейцарию. Рассказывают о переходе границы целой русской части, в которой было много эмигрантов, под командованием полковника Соболева. Часть эта была разоружена и интернирована.³² К концу войны на территории Швейцарии находилось около 9 тысяч русских. По своему обыкновению, советское правительство выдвинуло ряд резких обвинений: швейцарцы, де, избивают невинных пленных и передают их в руки гестапо. Основанием для этих нелепых обвинений послужил, вероятно, эпизод, когда швейцарские часовые не совсем вежливо обошлись с пьяными русскими.³³

Вскоре в Швейцарии развернула работу репатриационная комиссия под руководством генерала Драгуна. Здесь, как и повсюду, с переменным успехом применялись обычные методы кнута и пряника. В сентябре в британскую миссию в Берне пришло письмо от некоего Ивана Клименко, находившегося в лагере во Фрибурге. По его словам, многие советские граждане понимали, что возвращаться нельзя, но на них оказывалось постоянное и все возрастающее давление со стороны советской военной делегации. В письме Клименко выразил надежду, что Швейцария не откажется от своей старинной традиции предоставления политического убежища и что союзники используют свое влияние во имя тех высоких идеалов, за которые они воевали в этой войне.³⁴

В истории репатриации из Швейцарии много неясного. Большинство русских вернулось домой, хотя швейцарские армия и полиция не применяли к ним насилия. Но, как мне стало известно от одного высокопоставленного лица, швейцарцы недвусмысленно намекнули непокорным, что если они не согласятся вернуться по доброй воле — к ним будет применена сила. Непонятно, насколько реальна была эта угроза, но для запуганных советских граждан этого оказалось вполне достаточно. Они хорошо знали, что творили американцы и англичане в Австрии и Баварии, и понимали, что насильно возвращенных беженцев ждет более суровая кара, чем "добровольцев". Поэтому подавляющее большинство решило вернуться. Владимир Чугунов, русский, живущий в Лондоне, вспоминает, как в 1945 году его семья искала прибежища в Швейцарии — ему тогда было восемь лет. Швейцарский солдат перевел его назад через границу и проводил в лагерь для русских во французской оккупационной зоне Германии. Там он узнал, что ему удалось избежать судьбы своих соотечественников, которых накануне отправили на грузовиках обратно в СССР.³⁵

Было бы, вероятно, несправедливо обвинять английский и американский народ в том, что они поддержали соглашения, заключенные в Москве и Ялте. Они попросту ничего не знали об обстоятельствах дела, и их правительства совершенно справедливо полагали, что правда ужаснула бы их. Во Франции, Швейцарии и других странах, о которых шла речь в этой главе, меры по репатриации тоже скрывались от общественности, и поэтому можно сказать, что наше допущение справедливо также и в отношении народов этих стран. Но были в Европе две страны, где проблемы насильственной репатриации обсуждались и решались совершенно открыто, подробно дебатировались в газетах и по радио, так что общественность была в курсе. Речь идет о Швеции и Лихтенштейне. Русских солдат, находившихся на территории этих государств, нельзя назвать "жертвами Ялты", однако стоит все же рассказать о проведенных там репатриационных операциях.

В Швеции находилось 167 человек: 7 эстонцев, 11 литовцев и 149 латышей, которые в начале мая 1945 года прибыли на острова Готланд и Борнхольм. В большинстве своем это были солдаты 15-й Литовской дивизии. В последние недели войны в дивизии воцарился страшный хаос, а когда немецкая армия окончательно распалась, дивизия рассыпалась на ряд разрозненных подразделений, обратившихся в бегство. 126 человек из числа тех, кому удалось переправиться через Балтийское море, отплыли из устья Вислы 27 марта, в день взятия Гданьска Красной армией, на трех латвийских судах, пришедших в порт. Через два дня они достигли оккупированного немцами датского острова Борнхольм и пробыли здесь месяц. 7 мая отряды прибалтийцев, сопровождаемые большим количеством беженцев, отплыли в шведский порт Истад. Вторая группа — 41 человек — высадилась на острове Готланд. После нескольких недель интернирования в двух разных лагерях все 167 человек были отправлены на юг Швеции. Их поселили в комфортабельных домах, вместо немецкой формы выдали шведскую и послали на полевые работы.³⁶

Прибалтийцы составляли лишь незначительный процент прибравшихся в Швецию беженцев, среди которых было, в частности, несколько тысяч немецких солдат. 2 июня 1945 года советский посол в Швеции Александра Коллонтай запросила министерство иностранных дел о намерениях правительства в отношении интернированных. Коллонтай ссылаясь на союзное соглашение о прекращении огня, по которому немецкие соединения должны были сдаваться в плен ближайшим союзным войскам, в данном случае — Красной армии. И хотя соглашение на Швецию

не распространялось, Коллонтай все же намекала, что недурно было бы шведам присоединиться в этом вопросе к союзникам. После краткого раздумья МИД ответил, что так и сделает, указав, впрочем, что требуется еще и согласие со стороны правительства.

15 июня кабинет одобрил решение МИД, хотя этому предшествовала дискуссия, развернувшаяся 11 июня в консультативном комитете по иностранным делам и в самом кабинете. Обсуждались два разных, хотя и взаимосвязанных вопроса: 1) следует ли шведам принять тот пункт союзного соглашения о прекращении огня, где говорится, что немецкие войска должны сдаться той армии, на фронте которой они воевали в данный момент, и 2) следует ли Швеции удовлетворить требование Советов об экстрадиции примерно 36 тысяч гражданских беженцев из прибалтийских республик. Второй вопрос был решен отрицательно из соображений гуманности. Первое предложение было признано разумным, и на практике это значило, что все немцы, дезертировавшие с Восточного фронта, подлежат отправке в СССР. На заседании кабинета министр иностранных дел Кристиан Гюнтер завершил свою речь, в которой доказывал необходимость выдачи военных беженцев, кратким, но весьма интересным выводом:

Среди немцев есть также несколько других групп, которые хотя и служили в германской армии, но не являются немцами, например, группа прибалтийцев. Но мы не можем тратить время на то, чтобы выделять их из основной массы. Это часть германской армии, и я считаю, что они тоже подлежат экстрадиции.

Так решилась судьба прибалтийцев. На следующий день советское посольство было информировано о решении шведского правительства. Такая поспешность очень примечательна, тем более что с советской стороны никаких требований, кроме запросов посла, пока не поступало. Но так или иначе дело было решено, и шведские военные власти начали переговоры о транспорте с советским военно-морским атташе Слепковым, офицером военно-морского флота, проявлявшим поразительную некомпетентность в своем деле.³⁷

Советские власти по обыкновению несколько месяцев тянули с транспортом, и прибалтийцы в лагерях долгое время не подозревали о том, что их ждет. Наконец, в ноябре просочились слухи о планируемой выдаче. Премьер-министр коалиционного правительства Пер

Альбин Хансон 15 ноября обратился к владельцам газет с просьбой о соблюдении тайны, и некоторое время газеты хранили молчание, но стоило оппозиции почуять, что запахло жареным, как тайное стало явным. В Англии наличие военной цензуры и согласие прессы молчать в интересах национальной безопасности позволили правительству утаить от народа правду о репатриации. Но в нейтральной Швеции такое было невозможно: проблема репатриации стала достоянием общественности. 19 ноября центральная шведская газета обнародовала решение МИД, и на следующий день посыпались протесты.

Хотя решение о насильственной репатриации вызвало враждебное отношение буквально во всех слоях общественности, протесты поступали в основном из определенных кругов. В первых рядах оказалась шведская церковь и ее конгрегации. Уже 20 ноября группа руководителей церкви явилась к министру иностранных дел с решительным протестом. Министр Остен Унден, социал-демократ, принял их крайне холодно, заявив епископу Бьорквистскому: "Я не могу понять, почему вас так волнует судьба этих прибалтийцев".

Но церковные деятели, нисколько не обескураженные таким отношением чиновников, приступили к сбору денег, составлению петиций и всячески возбуждали в народе протест против предлагаемых мер, считая их позором для шведов и вопиющим нарушением прав человека. Позицию церкви разделяла небольшая оппозиция из консервативных партий. А шведские солдаты и офицеры, охранявшие лагерь в Раннелатте, заявили письменный протест:

Мы беспредельно преданы королю и отечеству, мы беспрекословно выполним все приказы. Но наша совесть и военная честь побуждают нас самым решительным образом заявить о том, что участие в предстоящей экстрадиции кажется нам постыдным.³⁸

Несмотря на очевидность и влияние оппозиции, она, однако, ограничивалась в основном тем меньшинством общества, которое было в состоянии отделять свои нравственные принципы от принятого в ту пору образа мыслей. С христианской и человеческой точек зрения выдача этих невинных (или же, по крайней мере, людей, виновность которых еще предстояло доказать) в руки их врагов, по жестокости сравнимых лишь с побежденными нацистами, представляла собой чудовищный поступок. Прочие обстоятельства отходили на задний план.

Поощряемые сторонниками извне, прибалтийцы 22 ноября начали голодовку, и через неделю всех пришлось положить в больницу. Их состояние

внушало врачам серьезные опасения, однако худшее было впереди. Утром 28 ноября обнаружили труп латышского офицера Оскарса Лапы: он покончил с собой ночью. Накануне вечером он говорил, что боится попасть в руки НКВД, и вот — позаботился о том, чтобы этого не случилось.³⁹ Пытался покончить с собой и молодой офицер-латыш Эдвард Алкснис. Решив, что лучше умереть в Швеции, чем в лагерях ГУЛага, он проткнул себе карандашом правый глаз, но шведскому хирургу удалось спасти несчастного. Через год Алкснис прочитал в газете, что советские настаивают на возвращении оставшихся в Швеции латышских солдат, в нем пробудились прежние страхи, и он решил бежать. Вместе с друзьями, на крошечном рыбацьем суденышке, они пересекли Ботнический залив и Балтийское море, и, несмотря на страшные ветры, добрались до английского порта Бервик-от-Твид. Здесь Алксниса положили в местную больницу, а затем перевезли в Лондон, где английские хирурги завершили то, что было начато их шведским коллегой. Я видел Алксниса и говорил с ним. Если не считать выколотого глаза, он производит впечатление совершенно здорового человека. О прошлом он рассказывает спокойно, почти бесстрастно, он ни о чем не жалеет: ведь в конце концов его товарищи по несчастью навеки исчезли в непроглядной мгле, а он жив-здоров и спокойно живет со своей семьей в свободной стране.⁴⁰

Но вернемся к событиям 1945 года. Шведские газеты много писали о голодовке, о самоубийстве Оскарса Лапы, о многочисленных попытках к самоубийству и о страданиях латышей в больнице. Все эти новости стали сенсацией дня. Число протестов росло, и шведское правительство было в замешательстве. 26 ноября кабинет объявил об отсрочке решения. Но прибалтийцы, не получив никаких гарантий того, что их не выдадут Советам, не сняли голодовку. И действительно, 4 декабря кабинет при повторном обсуждении вопроса подтвердил решение от 15 июня, а через четыре дня консультативный комитет по иностранным делам одобрил его большинством голосов. Против голосовал лишь один член комитета, консерватор.⁴¹

В качестве уступки оппозиции было решено провести проверку гражданства, в результате чего некоторые прибалтийцы были признаны гражданскими лицами и получили политическое убежище. Голодовка была снята, выживших прибалтийцев перевели в лагерь в южной Швеции, полностью изолировав от прессы и общественности. Лагерь был обнесен колючей проволокой, усиленно охранялся, по ночам территорию освещали прожекторы. Зима была морозной, и холодные ветры насквозь продували заснеженную равнину, на которой стояли деревянные бараки. С колючей проволоки свисали сосульки, снег задувало в помещения, так

что прибалтийцам уже не составляло большого труда представить себе похожий лагерь по ту сторону Балтийского моря.

18 января 1946 года в МИД Швеции поступило сообщение, что советский корабль "Белоостров" приближается к порту Треллеборг. Выдача прибалтийцев была назначена на 23 января. В лагерь со всей южной Швеции свезли вооруженных полицейских в штатском, но прибалтийцы не оказали сопротивления. Их перевезли автобусами в Треллеборг, и только когда они ехали по городу, некоторые решили выразить протест против репатриации. Один латыш разбил кулаком окно и попытался перерезать вены осколками стекла. Полицейские набросились на него и вытащили из автобуса, доставили в пункт скорой помощи, а оттуда на носилках отнесли на борт "Белоострова".

В другом автобусе, где было 12 репатриантов и 9 полицейских, охранник успел вовремя отобрать у пленного лезвие бритвы. Но когда автобус остановился на набережной и все стали выходить, один полицейский заметил, что сидящий напротив пленный ведет себя как-то странно: привстав, он тут же повалился в проход, из горла хлынула кровь. Полицейский, бросившись к нему, выхватил из слабеющих пальцев кинжал, но лейтенант Петерис Вабулис был уже мертв. Тело самоубийцы положили на набережной. Его товарищи в это время поднимались на трап советского судна.

За неделю до смерти Вабулис в письме другу сетовал на то, что не убежал из лагеря прошлым летом:

Несмотря на мою молодость, я многое повидал, и в Латвии, и в Европе. Я видел страны, где существует рабство, и страны, которые открыто поставляют туда рабов. И это происходит в наше время! Тогда и умереть не трудно: ведь если такие вещи будут продолжаться, значит — конец света не за горами. Мне жаль жену и детей, которым предстоит потерять кормильца в тот самый момент, когда уже можно было надеяться на встречу. Но каждому из нас суждено свое, и мы не в силах изменить судьбу.

Петерис Вабулис был похоронен в Швеции. Его товарищи отплыли навстречу новой жизни. "Белоостров" взял курс на восток, и вскоре туманная ночь поглотила судно, а шведские полицейские разъехались по домам.⁴²

Так была проведена репатриация прибалтийцев, хотя решение шведского правительства сами шведы оценивали по-разному. Ожесточенные

дебаты о судьбе прибалтийцев буквально раскололи страну. За предоставление убежища выступали в основном люди религиозные либо придерживающиеся консервативных взглядов. Правящая социал-демократическая партия, профсоюзы и левая пресса единодушно поддержали выдачу. Как заявил министр иностранных дел Остен Унден,

у нас не было ни малейших оснований подозревать советскую администрацию в несправедливости, было бы бестактностью считать, что в Советском Союзе царит беззаконие.⁴³

Среди стран, участвующих в насильственной репатриации, Швеция единственная провела опрос общественного мнения по вопросу о выдачах. Как показала репрезентативная выборка, не менее 71 % считали, что по крайней мере часть интернированных прибалтийцев, среди которых было много гражданских лиц, следовало отправить "домой". Приводимые в пользу этого доводы различались лишь резкостью выражений.⁴⁴ Решение кабинета выдать прибалтийцев не раз связывалось с появившимся в разгар их голодовки сообщением о том, что оккупированная СССР Польша может оказаться не в состоянии поставить Швеции 1 миллион тонн угля, крайне нужного стране. Намек на такой обмен прозвучал даже в пропагандистской передаче московского радио,⁴⁵ но так ли это — неизвестно. В отличие от Англии и США, шведский МИД все еще не рассекретил государственные документы 1945 года.

Во время войны в Швеции были интернированы экипажи трех советских траулеров. После окончания войны посол Чернышев потребовал, чтобы экипажи отправили домой, и моряки после некоторых колебаний согласились вернуться. Офицер НКВД, впоследствии изучавший их дела, обнаружил, что подавляющее большинство получило за свои "преступления" 10-15 лет в исправительно-трудовых лагерях. Лишь единицы вернулись к своим семьям, и никто не смог найти работы.⁴⁶ Можно представить себе, что с их соотечественниками, воевавшими против СССР в немецкой армии, обошлись не мягче.

Шведский писатель, работавший над книгой об экстрадиции прибалтийцев, в 1967 году был приглашен в СССР — встретиться с теми, кто выжил. Они подробно рассказали ему, как тепло их приняли на родине, как после отеческой беседы с офицером НКВД 90 % вернувшихся отпустили и они зажили нормальной жизнью. Несколько человек, действительно провинившихся перед советской властью, были посланы в лагерь, но никого не расстреляли. Правда, во время интервью некоторые намекали, что могли бы рассказать другую историю, но шведский

писатель решил, что у него нет оснований не верить добровольно данным показаниям.⁴⁷

Поучительно сравнить это сообщение с рассказом А. Солженицына. В 1941 году около побережья Швеции затонул советский эсминец, команда была интернирована. В 1945 году они вернулись в СССР, где вскоре все оказались в лагерях.

Но в Швеции прознали как-то об их судьбе и напечатали клеветнические сообщения в прессе. К тому времени ребята были рассеяны по разным ближним и дальним лагерям. Внезапно по спецнарядам их всех стянули в ленинградские Кресты, месяца два кормили на убой, дали отрасти их прическам. Затем одели со скромной элегантностью, отрепетировали, кому что говорить, предупредили, что каждая сволочь, кто пикнет иначе, получит "девять грамм" в затылок – и вывели на пресс-конференцию перед приглашенными западными журналистами и теми, кто хорошо знал группу по Швеции. Бывшие интернированные держались бодро, рассказывали, где живут, учатся, работают, возмущались буржуазной клеветой, о которой недавно прочли в западной печати (ведь она продается у нас в каждом киоске) – и вот списались и съехались в Ленинград (расходы на дорогу никого не смутили). Свежим лоснящимся видом они были лучшее опровержение газетной утки. Посрамленные журналисты поехали писать извинения. Западному воображению было недоступно объяснить происшедшее иначе. А виновников интервью тут же повели в баню, остригли, одели в прежние отрепья и разослали по тем же лагерям. Поскольку они вели себя достойно – вторых сроков не дали никому.⁴⁸

Лихтенштейн

В Лихтенштейне события развивались гораздо стремительнее. Поздним вечером 2 мая 1945 года начальнику пограничной полиции сообщили, что к границе приближается военная колонна. По обе стороны шоссе двигались группы вооруженных пехотинцев, а по дороге медленно шел транспорт. Все призывы остановиться были тщетны, и начальник погранполиции приказал своим людям дать несколько предупредительных выстрелов. После этого автомобиль во главе колонны остановился и оттуда выпрыгнул офицер с криком: "Не стреляйте, не стреляйте, здесь

русский генерал!” Затем из машины вышел и сам генерал, отрекомендовавшийся как Борис Алексеевич Хольмстон-Смысловский, бывший генерал гвардейского полка его императорского величества, ныне командующий Первой русской национальной армии. Его подчиненные стояли навытяжку, ожидая приказов. Над ними колыхался трехцветный бело-красно-синий флаг Российской империи, а в машине, в центре колонны, сидел наследник российского престола, правнук Александра Второго великий князь Владимир Кириллович. Озадаченный полицейский побежал звонить своему командиру.

История этого удивительного соединения такова. Борис Смысловский родился в Финляндии в 1897 году. Поступив в армию, он дослужился до капитана императорского гвардейского полка, после гражданской войны, в которой воевал на стороне белых, эмигрировал в Польшу, а затем перебрался в Германию, где учился в военной академии. Считая, что Россию можно освободить только с иностранной помощью, он работал ради этой цели. Когда началась война с СССР, Смысловский служил на Восточном фронте командиром учебного батальона для русских добровольцев, вызвавшихся участвовать в борьбе против большевиков. Постепенно было создано двенадцать боевых батальонов, в советском тылу действовали также большие группы партизан, достигавшие почти 20 тысяч человек. Верховное командование вермахта в начале 1943 года сформировало из этих войск особую дивизию “Россия”. Смысловский был первым русским, который стал командиром антибольшевистского русского соединения, и его формирование до конца войны оставалось регулярной частью вермахта. Его офицеры были частично бывшими служащими царской армии, частично — добровольцами, бывшими офицерами Красной армии. Поначалу между “красными” и “белыми” случались ссоры и разногласия, но постепенно все сгладилось: все они, в конечном итоге, были русскими. Смысловский по сей день считает, что если бы немцы обращались так же со всеми взятыми в плен русскими, идея национальной цивилизованной России стала бы в отечестве непоборимой силой. Однако он уже в 1943 году понял, что Германия не может победить в войне. Поражение под Сталинградом и неспособность нацистского руководства вести умную антикоммунистическую политику были для него неопровержимыми свидетельствами надвигающегося краха. Во время пребывания в Варшаве он разыскал швейцарского журналиста и спросил его, где искать убежища в Европе, если дела пойдут совсем плохо — быть может, в Швейцарии? Но, по мнению журналиста, Швейцария отпадала — страны оси могли потребовать от нее выдачи беженцев, и он посоветовал попытаться счастья в Лихтенштейне, крошечной стране, связан-

ной со Швейцарией таможенным союзом, но совершенно независимой. Там можно затаиться и переждать бурю.

Война близилась к концу, и 10 марта, когда Гиммлер и другие нацистские руководители предпринимали запоздалые попытки заполучить независимого русского союзника в лице Власова и казаков, силам Смысловского был придан статус 1-ой русской национальной армии, а сам Смысловский получил звание генерал-майора. Как раз в это время Буняченко провел закончившееся поражением наступление на силы Красной армии на Одере и организовал поход на Прагу, а казаки и эмигрантские соединения с боями отступали с Балкан. Разрозненные русские и украинские части сходились в Австрии, на последнем островке, удерживаемом немцами. Смысловский, потеряв основную часть своих сил, двинулся с оставшимися на запад, намереваясь с разрешения своего начальства соединиться с эмигрантским Русским корпусом из Белграда и 3-й дивизией РОА под командованием Шаповалова.⁴⁹ Но из этих планов ничего не вышло: все стремительно рушилось. Смысловский связался по телефону с генералом Власовым — до этого они дважды встречались — и сообщил ему о своем намерении идти в Лихтенштейн, однако Власов решил не отказываться от планов искать прибежища в Чехии. В ответ Смысловский напомнил ему о судьбе адмирала Колчака, которого чехи выдали большевикам в 1920 году, и простился с командующим РОА.

С остатками своего войска Смысловский двинулся к Фельдкирху, самому западному городу Австрии. Здесь он встретил молодого великого князя Владимира Кирилловича, которого сопровождал советник Сергей Войцеховский (по странному совпадению, его двоюродный брат, генерал Войцеховский, возглавлял последнюю попытку белых спасти Колчака от выдачи). Смысловский согласился, чтобы великий князь перешел границу вместе с ним. Так последний представитель дома Романовых оказался под протекцией флага старой России, в окружении русских войск. Недалеко от границы его машина сломалась. Генерал Смысловский вспоминает, как он собрал своих солдат и попросил помочь тащить машину великого князя. Он не знал, как отреагируют на это предложение солдаты, выросшие при советской власти, что они скажут, узнав, что среди них находится наследник "Николая Кровавого". И его приятно удивила готовность солдат помочь: последние сотни метров машину Владимира Кирилловича толкали бывшие красноармейцы. Это удивительное зрелище как бы символизировало восстановление прерванной связи времен.

В 11 часов вечера колонна вступила на землю Лихтенштейна. Хотя люди генерала Смысловского шли как военное формирование, у них был строжайший приказ ни в коем случае не открывать огня, и можно

представить себе, какие неприятные минуты они пережили, оказавшись под дулами винтовок пограничников. У генерала было 450 человек, и они могли бы с легкостью перейти границу, но, оказав сопротивление, Смысловский лишился бы шансов получить убежище. Генерал решил, что потери от огня пограничников будут невелики, самое большее, человек 10 убитых и 20 раненых, а увидев, что нарушители не отвечают, они вообще прекратят стрельбу. Эти расчеты оказались более чем верными: единственной жертвой стала бутылка коньяка в генеральской машине.⁵⁰

В ту же ночь вошедшие в Лихтенштейн солдаты были разоружены, и оружие перевезли в Вадуц (позже его утопили в Боденском озере, на дне которого оно, вероятно, покоится до сих пор). В группе Смысловского было 494 человека: 462 мужчины, 30 женщин и 2 детей. Правительство Лихтенштейна отказало в убежище лишь великому князю и его свите; их на следующий день вернули в Австрию. Впрочем, в отличие от других участников этого похода, ему не угрожала выдача в СССР. Генерала Смысловского с женой и штабом поселили в гостинице, в деревне Шелленберг. Солдат разместили в двух пустующих школах, женщин — в другой гостинице. Вскоре для них подыскивали постоянное пристанище, а генерала перевели в столичную гостиницу. Все заботы взял на себя лихтенштейнский Красный Крест, созданный в ту же неделю, под председательством княгини Лихтенштейнской.⁵¹ Поначалу имелись опасения, что французские коммунисты, члены маки, действующие под прикрытием французской 1-ой армии, могут пересечь границу и похитить русских офицеров; однако французское верховное командование запретило акцию, и эта угроза отпала.

Но оставалась гораздо более серьезная опасность. 10 мая генерал Смысловский отправил князю Францу Иосифу Лихтенштейнскому послание, в котором просил о предоставлении традиционного убежища для себя и своих людей. Через два дня пришло сообщение, что многие власовцы попали в Чехословакии к Красной армии, а в конце месяца стало известно о событиях в Лиенце и на востоке Австрии. В августе американцы провели операцию в Кемптене, а в Вадуц прибыла советская репатриационная миссия. 16 августа русские собрались в ратуше на встречу с представителями СССР. Здесь один из интернированных тут же узнал в советском офицере сотрудника НКВД, с которым сталкивался на родине. По словам барона Эдварда фон Фальц-Фейна, участвовавшего в этих встречах в качестве переводчика, все советские представители производили впечатление уголовников самого низкого пошиба, и, судя по фотографиям, барон несколько не преувеличил.

Сочетая увещевания и угрозы, представители НКВД добились согласия 200 интернированных вернуться на родину. По словам генерала Смысловского, причины этого решения разнообразны и объяснить их трудно. На многих оказало едва ли не гипнотическое действие появление тех, от кого еще так недавно они полностью зависели, другие боялись, что их в любом случае вышлют силой, третьи поверили в обещание амнистии, а четвертые просто изнывали от ностальгии. Как бы то ни было, но к завершению визита советской миссии около двух третей вызвались вернуться на родину. Эти цифры представляют большой интерес. Они свидетельствуют о том, какая часть русских, оказавшихся на Западе к 1945 году, выбрала бы репатриацию при свободном выборе, и убедительно опровергают мнение профессора Эпштейна, что ни один русский, захваченный в плен в немецкой форме, не согласился бы на репатриацию по доброй воле.⁵² Они также говорят о том, что советские власти заполучили бы большое количество репатриантов, даже если бы союзники отказались от политики насильственной репатриации. Правда, скорее всего, процент добровольных репатриантов был бы в этом случае несколько ниже, поскольку многие люди Смысловского согласились вернуться в СССР "добровольно" из страха, что в один прекрасный день их все равно подвергнут экстрадиции. Повлияли на это решение и события в Лиенце и Кемптене, и намеки советских представителей НКВД в Вадуце, что то же самое может случиться и в Лихтенштейне.⁵³

Добровольцев отправили поездом в советскую оккупационную зону Австрии. Они обещали оставшимся писать — и действительно, из Вены пришло несколько писем, но потом они замолчали, и о дальнейшей судьбе этих людей нам ничего не известно. Интернированные провели в Лихтенштейне более года, пока, наконец, Аргентина не согласилась принять их в качестве иммигрантов, и осенью 1947 года примерно сто русских отплыли в Буэнос-Айрес.⁵⁴ Среди них был и генерал Смысловский с женой. В Лихтенштейне его посещали Аллен Даллес, глава американской разведки в Швейцарии, и другие военные западные эксперты, рассчитывавшие получить информацию из этого бесценного источника знаний о Советском Союзе. К тому же Смысловский все еще поддерживал контакт с антисоветскими агентами и группами сопротивления в России. Позже остатки этого аппарата были переданы разведывательной организации генерала Гелена в американской зоне Германии. Сам же Смыловский сумел применить свой богатый военный опыт в новой стране, став лектором и советником аргентинского правительства по борьбе с терроризмом.

Хотя некоторые из добровольных репатриантов вызвались вернуться на родину из страха, что правительство Лихтенштейна может в последний

момент дрогнуть и принять советские требования, реально такой опасности не существовало. Тогдашний премьер-министр Лихтенштейна доктор Александр Фрик объяснил мне, что его правительство ни на мгновение не принимало в расчет такую возможность: "Наша страна маленькая, но она управляется законом". На мой вопрос, что было бы, если бы СССР, союзники или Швейцария оказали такой нажим, которому Лихтенштейн не смог бы противостоять, доктор Фрик ответил, что был готов к этому и что до тех пор, пока Лихтенштейн мог сам решать свои внутренние дела, ни один русский не был бы репатрирован насильно. Если бы, однако, им угрожали силой, правительство, отказавшись от вооруженной борьбы, обратилось бы с призывом к мировому общественному мнению и международной прессе, протестуя против бесчеловечности предлагаемых мер и вмешательства во внутренние дела суверенного государства. Но дело обошлось без нажима. Князь Лихтенштейна и доктор Фрик в разговорах со мной подчеркивали, что все население страны было единодушно в этом вопросе и правительство получало прошения от фермеров и крестьян, моливших проявить христианское милосердие и помочь несчастным скитальцам.⁵⁵ Маленький народ Лихтенштейна, воспитанный в католической традиции, понял глубину человеческой трагедии русских и считал, что этот аспект перевешивает соображения политического благоразумия и материальной выгоды.

Вообще к делам материальным население Лихтенштейна проявило редкостное безразличие. В 1945 году в стране жило 12 141 человек, а годовой бюджет достигал двух миллионов швейцарских франков. Тем не менее жители этой чисто сельскохозяйственной страны без единой жалобы более двух лет выделяли на содержание русских 30 тысяч швейцарских франков в месяц. Кроме того, они оплатили все расходы по их эмиграции в Аргентину, что составило около полумиллиона швейцарских франков.⁵⁶ Правда, через три года западногерманское правительство взяло на себя ответственность за эти расходы и выплатило их Лихтенштейну, но в 1947 году предвидеть это было невозможно.

Конечно, можно сказать, что у Лихтенштейна не было общих дел с Советским Союзом, что английское, американское и французское правительство добивались скорейшего возвращения своих военнопленных, что шведы ждали поставок угля от Польши, тогда как у Лихтенштейна не было на востоке никаких интересов. И это действительно так, но есть одно очень существенное соображение. Лихтенштейн — конституционная монархия, в которой князь пользуется огромным престижем, как личным, так и политическим. Но до 1945 года суверенное государство представляло собой лишь малую часть территориальных

интересов князя. Основной источник богатства его семьи составляли огромные владения в Чехии. В 1945 году чешское правительство заявило о своем принципиальном уважении прав князя, но на практике местные коммунистические комитеты взяли под контроль большую часть княжеских владений в стране. Князь обратился в суд, отстаивая свои права, но в 1948 году коммунисты захватили власть в стране. Тем самым все права на частную собственность и вообще всякая законность были разом отменены, так что князь должен был крепко подумать, прежде чем задевать тех, кто мог лишить его собственности. Этот фактор, однако, был для него второстепенным — так же, как для его подданных вопрос о налогах, которые шли на беженцев.

Таким образом, крошечный Лихтенштейн, где не было армии, а полиция составляла 11 человек, сделал то, на что не осмелились другие европейские страны. Правительство Лихтенштейна с самого начала решительно заявило советской репатриационной миссии, что позволит уехать из страны только тем, кто выскажет желание вернуться в СССР, и ни разу не отклонилось от этой линии. Когда, например, миссия намекнула, что генерал Хольмстон-Смысловский должен предстать перед судом по обвинению в военных преступлениях, правительство Лихтенштейна вежливо, но решительно потребовало доказательств, а поскольку таких не оказалось — дело тем и кончилось. Никаких неприятностей не последовало, и советская миссия, поняв, что ничего не добьется, вскоре отбыла восвояси.

Я спросил князя, были ли у него сомнения в успехе выбранной линии. Мой вопрос, по-видимому, удивил его.

— Нет, — объяснил он, — с советскими надо говорить жестко — это им нравится. Ведь лучше всего они понимают язык силы.⁵⁷

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: War Office [в дальнейшем: Архив военного министерства Великобритании], 32/11683.
2. См. там же, 32/11137, 301 А.
3. Mikhail Koriakov. I'll Never Go Back. London, 1948, p. 160. Автор этой книги, неоднократно цитируемой здесь, работал в советском посольстве в Париже с мая 1945 до марта 1946 года. Регулярное соглашение по типу "ялтинского" было заключено обеими странами 29 июня 1945 года (см.: Foreign Office [в дальнейшем: Архив министерства иностранных дел Великобритании], 371/56714).
4. Malcolm J. Proudfoot. European Refugees. London, 1957, pp. 129–130.
5. D.J. Dallin, V.I. Nicolaevsky. Forced Labour in the Soviet Union. London, 1948, p. 293; Mikhail Koriakov, указ. соч., стр. 160–163.
6. См. там же, стр. 166–167.
7. D.J. Dallin, V.I. Nicolaevsky, указ. соч., стр. 293–294.
8. Архив военного министерства Великобритании, 32/11119, 103 А.
9. "Voinov". Outlaw: The Autobiography of a Soviet Waif. London, 1955 [в дальнейшем: Outlaw], pp. 226–243. Подробнее об этапах Марсель–Одесса см. в Архиве министерства иностранных дел Великобритании, 371/47895.
10. D.J. Dallin, V.I. Nicolaevsky, указ. соч., стр. 294–295. Отчет о репатриации из французских лагерей см. в кн.: В. Науменко. Великое предательство: выдача казаков в Лиенце и других местах (1945–1947), т. 2, Нью-Йорк, 1970, стр. 89–192.
11. Рассказы непосредственных участников событий см. в кн.: Outlaw, pp. 236–243; Mikhail Koriakov, указ. соч., стр. 197–198, 210–211.
12. См. там же, стр. 205. См. также сообщения французских газет Le Populaire, 8. 3. 1946; Combat, 9. 3. 1946; L'Humanite, 11. 3. 1946.
13. Geoffrey Bailey. The Conspirators. London, 1961, pp. 89–117, 227–267.
14. См.: Mikhail Koriakov, указ. соч., стр. 162; D.J. Dallin, V.I. Nicolaevsky, указ. соч., стр. 295.
15. Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/47903.
16. См. также: Mikhail Koriakov, указ. соч., стр. 160–161.
17. Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/47905. Утверждение Романова, что французское правительство и армия "вообще никого не выдавали" ("A. I. Romanov". Nights are Longest There. Smersh from the Inside. London, 1972, p. 236), справедливо лишь по отношению к армии. Романов, работавший в третьем отделе ГРУ, вероятно, имел возможность просматривать рапорты из французской оккупационной зоны и мог прийти к неточным выводам касательно политики Временного правительства Французской республики. Относительно армии украинец Константин Зеленко подтвердил, что французская армия пользовалась большим уважением среди беженцев благодаря ее твердой позиции в отношении советской репатриационной комиссии в Инсбруке.
18. New York Times, 28. 5. 1947; Le Monde, 5. 6. 1947.
19. Репатриационная комиссия давно уже использовала все свое влияние, чтобы заставить вернуться в СССР советских женщин, вышедших замуж за французов (см.: Mikhail Koriakov, указ. соч., стр. 196–197).

20. О рейде в лагере Боригар см.: *Le Figaro*, 16-17.11.1947; *Le Monde*, 16-17.11.1947; *New York Herald Tribune*, 16.11.1947; *The Sunday Times*, 16.11.1947.
21. Архив военного министерства Великобритании, 32/11681, 51 А.
22. См.: Malcolm J. Proudfoot, указ. соч., стр. 418.
23. Информация любезно предоставлена подполковником Л. С. Фордом.
24. Архив военного министерства Великобритании, 32/11137, 300 А.
25. См.: Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/47902, 106–108.
26. *The Scotsman*, 2. 3. 1946. См. также: Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/56710; 56712; 56713; 66348.
27. См. там же, 56712.
28. См.: *Chicago Daily News*, 13. 11. 1944.
29. Unto Parvilahti. *Beria's Gardens*. London, 1959, pp. 21, 285.
30. См.: Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/32986; 33023. 2 июля 1942 года трое русских утонули при попытке переплыть Рейн (см. там же).
31. См.: Архив военного министерства Великобритании, 32/11119, 103 А; Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/43364.
32. См.: *Combat*, 18. 3. 1946.
33. См.: Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/47859; 47893.
34. См. там же, 47859.
35. См. также: *Tribune de Genève*, 21. 4. 1978.
36. O. Freivalds, E. Alksnis. *Latviesu Karaviru Tragēdija Zviedrijā*. Copenhagen, 1956, pp. 9–74. Этот представительный и хорошо иллюстрированный отчет о прибалтийских частях в Швеции одолжил мне Джон Антоневиц, которому я чрезвычайно признателен.
37. Per Olov Enquist. *The Legionnaires*. London, 1974, pp. 89–91, 96–99, 103–110.
38. Там же, стр. 174–176, 193–194, 217–226, 252–260.
39. См. там же, стр. 179–185, 195–198, 280–282, 293–294, 311–320; O. Freivalds, E. Alksnis, указ. соч., стр. 139–158.
40. Информация Эдуарда Алксниса. Я получил еще одно свидетельство о пребывании прибалтийцев в Швеции от Эрикса Цилинксниса, латыша, который избежал репатриации, объявив себя штатским.
41. См.: Per Olov Enquist, указ. соч., стр. 226–227, 321–336.
42. См. там же, стр. 376–400; O. Freivalds, E. Alksnis, стр. 191–218.
43. Per Olov Enquist, указ. соч., стр. 172.
44. См. там же, стр. 273–274.
45. См. там же, стр. 227–228, 235, 446.
46. См.: Vladimir & Evdokia Petrov. *Empire of Fear*. London, 1956, pp. 195–197.
47. См.: Per Olov Enquist, указ. соч., стр. 416–508. Йоханн Бергенштрале сделал по этой книге фильм "Baltutlämningen" ("Балтийская трагедия"). О влиянии социал-демократического правительства на шведский народ см. блестящее исследование Roland Huntford. *The New Totalitarians*. New York, 1972.
48. А. Солженицын. Архипелаг ГУЛаг (1918–1956). Опыт художественного исследования, т. 1. ИМКА-Пресс, Париж, 1973, стр. 95. Аналогичный пример обмана зарубежных гостей см. в кн.: Aino Kuusinen. *Before and After Stalin*. London, 1974, pp. 51–52.
49. Другая "армия" из эмигрантов, под командованием генерала Крамера, в это

- время ушла в горы. (Vladimir Petrov. It Happens in Russia: Seven Years Forced Labour in the Siberian Goldfields. London, 1951, pp.464–466).
50. Большую помощь при написании этой главы оказал мне генерал Хольмстон-Смысловский. Его высочество великий князь Владимир и Сергей Львович Войцеховский также снабдили меня рассказами о тех днях. Дальнейшие подробности почерпнуты из кн.: Б. А. Хольмстон-Смысловский. Избранные статьи и речи. Буэнос-Айрес, 1953, стр. 11–39; Claus Grim. Internierte Russen in Liechtenstein. – Jahrbuch des Historischen Vereins für das Fürstentum Liechtenstein, LXXI, pp.44–47, 59–66. Последняя работа является образцовым научным исследованием и представляет собой единственный удовлетворительный отчет о насильственной репатриации из появившихся до сих пор. Интересное, хотя и неточное сообщение об этих событиях появилось во французской газете "Combat", 18. 3. 1946.
 51. Emil Heinz Batliner. 25 Jahre Liechtensteinisches Rotes Kreuz: 1945-1970. Vaduz, 1970, p. 27–28.
 52. Julius Epstein. Operation Keelhaul: The Story of Forced Repatriation from 1944 to the Present. Old Greenwich, Connecticut, 1973, p. 34.
 53. Такая угроза была высказана 29 ноября 1945 года одним из офицеров советской миссии (см.: Claus Grimm, указ. соч., стр. 89).
 54. См. там же, стр. 94–96; Neue Zürcher Zeitung, 12. 9. 1947; The Manchester Guardian, 12. 9. 1947.
 55. См., в частности, Claus Grimm, указ. соч., стр. 82, 84, 86, 92–94.
 56. См. там же, 80, 96.
 57. Я глубоко признателен князю за помощь, оказанную мне во время моего пребывания в Лихтенштейне. Я хотел бы также поблагодарить главу кабинета доктора Роберта Алгебра, оказывавшего мне всяческую поддержку в течение длительного периода времени. Я использовал также материалы, опубликованные в "Liechtensteiner Volksblatt", 7 и 10. 5. 1975.

Глава 17

СОВЕТСКИЕ ДЕЙСТВИЯ И МОТИВЫ

В Москве, в Фуркасовском переулке, недалеко от площади Дзержинского, находится здание архивов КГБ. Здесь в подвале хранятся материалы о всех важных операциях, проведенных этой организацией и ее предшественниками. Где-то в темных закоулках стоят, верно, и ящики с досье СМЕРШа и НКВД о репатриационных операциях 1943-47 годов. Но даже если представить себе, что советский режим в один прекрасный день рухнет, вряд ли этим материалам суждено когда-нибудь увидеть свет. Хранилище архивов оборудовано устройством, с помощью которого можно в мгновение ока, взрывом или кислотой, уничтожить весь этот мрачный список преступлений.¹ Так что даже и в будущем многие документы, необходимые для рассказываемой в этой книге истории, окажутся, как и сегодня, недоступны для исследователей.

Все же материалы из других источников дают возможность воссоздать достаточно точную картину событий. Александр Солженицын посвятил этой теме главу в "Архипелаге ГУЛаг": "Та весна". Некоторые заключенные ГУЛага со временем оказались на Западе и рассказали о себе и товарищах по несчастью. Кое-что поведали нам офицеры НКВД и СМЕРШа, перебежавшие на Запад. Есть и другие источники, свидетельства, которые самым неожиданным образом освещают потаенные уголки этой драмы. Поэтому мне кажется справедливым сказать, что возникающая картина если и не полна, то — во всяком случае, в основном — правильна.

Прежде всего, следует отметить, что советское правительство считало всех советских граждан, временно вышедших из-под его контроля, предателями, независимо от обстоятельств, которые привели их за границу, и независимо от того, как вели себя эти люди в другой стране. Пытаясь

оправдать такой подход, Геральд Рейтлингер рассказывает о том, что красноармейцы, доведенные до крайности собственным тяжким опытом и страданиями своего народа, порой сами убивали попавших к ним в руки русских в немецкой форме.² Действительно, преступления нацистов можно оправдать многое, но к нашей теме объяснение Рейтлингера отношения не имеет. Возвращаемые на родину пленные охранялись не Красной армией, и регулярные войска редко имели с ними дело.

Мы можем с уверенностью отбросить допущение, что на отношение советского правительства к репатриантам хоть в какой-то мере влияло поведение нацистов. Отношение к советским военнопленным как к изменникам определилось еще задолго до нападения Германии на СССР, более того, на практике это отношение проявилось еще в ту пору, когда Советский Союз и нацистская Германия были союзниками. После Финской войны, в марте 1940 года, русские пленные, захваченные финнами, были отправлены на родину. Триумфально прошествовав по улицам Ленинграда, под восторженные крики толпы, с лозунгами "родина приветствует своих героев", они промаршировали напрямик на вокзал, где их посадили в вагончики и отправили в лагерь.³ Никого не интересовало, как именно они вели себя во время плена, и люди среди них были самые разные: от храбрых офицеров, вынужденных сдать в бою, как капитан Иванов, оказавшийся в Устьвымлаге,⁴ до штатских, вроде простой девушки Кати из Ленинграда, работавшей у финнов официанткой (она попала в Потьму⁵). Эти пленные не сотрудничали с врагом, не были заражены антикоммунистической идеологией, их даже и не обвиняли в этом. Их преступление состояло единственно в том, что они заглянули в "несоциалистический" мир. Русским заключенным, попавшим к немцам, была известна мрачная судьба пленных финской кампании: никто из них не вернулся к себе домой. И напрашивался единственный вывод: все они были ликвидированы.⁶

Советское правительство не скрывало отношения к гражданам, попавшим в руки врага. Пресловутая статья 58-1 б УК СССР от 1934 года предусматривала для них соответствующее наказание. Во время войны Сталин самолично издал ряд приказов, угрожавших драконовскими мерами дезертирам и военнопленным, например, приказ № 227, который был издан в 1942 году и зачитан во всех частях советской армии. Аналогичные приказы издавались в 1943 и 1944 годах, с некоторыми изменениями в связи с текущими военными задачами.⁷ Советским солдатам предписывалось при угрозе сдачи в плен кончать с собой.⁸ Один англичанин, военнопленный, освобожденный на востоке в самом конце войны, сообщал, что видел у красноармейцев экземпляры такого

приказа.⁹ Красноармейцы, оказавшиеся после освобождения из немецкого плена у англо-американцев, обращали внимание союзников на эти приказы, как на неопровержимое доказательство того, что им давно уже вынесен заочный приговор.¹⁰ Таким образом, советские намерения были хорошо известны и пленным, и союзникам.

Советскому солдату было достаточно хотя бы на короткое время оказаться за линией фронта (а это во время отступления 1941-42 годов случалось нередко) и пробраться назад к своим, как бедолаге Шухову из "Одного дня Ивана Денисовича" А. Солженицына, чтобы тут же подвергнуться наказанию. Шухову еще повезло: он получил 10 лет в исправительно-трудовом лагере. В книге Светланы Аллилуевой рассказывается о ликвидации Берия целых армейских частей, иногда очень крупных, временно попавших в окружение в 1941 году. Эта линия не менялась на протяжении всей войны: в феврале 1943 года двое рядовых, спасенных своими товарищами из плена, были затем расстреляны на месте.¹¹ Правда, иной раз карать по всей строгости мешала "правосудию" нехватка квалифицированных кадров. Два летчика, самолеты которых были сбиты за линией фронта, но которым все же удалось вернуться в свою часть, сразу же были отправлены в отдаленный "исправительный лагерь для летчиков" в Алкино, под Уфой. Там их некоторое время держали впроголодь, но хороших летчиков не хватало, и их освободили и вернули в часть.¹² Однако таких счастливых было немного. Для тех же, кто попал в руки к немцам и не сумел убежать, предполагалось пропорционально куда более суровое наказание. Эйзенхауэр в своей книге вспоминает, как поразило его объяснение одного советского генерала, что солдаты, сдавшиеся в плен, ни на что не годятся, а потому нечего о них заботиться.¹³ По крайней мере в этом вопросе Сталин был последователен. В первый же месяц войны его сын Яков попал в плен под Смоленском. На допросах немецкие офицеры выяснили, что Яков Сталин не верит в возможность победы Германии над СССР, но опасается народного восстания против партийной диктатуры. 19 июля он послал записку отцу, который в ответ на это посадил жену Якова Юлию в тюрьму. Немцы несколько раз пытались обменять Якова, сначала на каких-то немцев, застрявших в Иране, затем на фельдмаршала фон Паулюса. Наконец, Гитлер, не чуждый, в отличие от Сталина, родственных чувств, предложил обменять Якова на своего племянника Лео Раубаля, попавшего в плен после поражения под Сталинградом. Сталин ответил отказом, лаконично пояснив: "Война есть война". Однажды, во время прогулки по саду, Сталин рассказал Жукову о том, что немцы склоняют Якова к переходу на их сторону, — но "Яков предпочтет любую смерть

измене Родине”, — добавил он ”твердо”. Маршала глубоко тронуло доверие Сталина, но вряд ли он задумался над тем, кто в данной ситуации был предателем.¹⁴ Якова расстреляли.

Любой человек, ухитрившийся краешком глаза взглянуть на жизнь за пределами шестой части суши, немедленно оказывался на подозрении. Советские самолеты получали задания бомбить немецкие лагеря для военнопленных, где находились русские.¹⁵ Суровые наказания ожидали не одних только мужчин: женщины, освобожденные из немецкого плена, тоже немедленно посылались в исправительно-трудовые лагеря за Арктическим кругом.¹⁶ Как видно, наследникам Ленина не верилось, что, соприкоснувшись с капиталистическим миром, можно сохранить в чистоте советские идеалы. Один партизанский командир два года воевал против немцев в их тылу на Украине, был награжден орденом — и затем брошен в Лубянскую тюрьму.¹⁷ Интересна история солдата Лебедева. Попав в плен, он оказался в Освенциме и чудом выжил, хотя и возглавлял в лагере русскую секцию антифашистского сопротивления. После освобождения Освенцима советской армией в 1945 году Лебедева швырнули в телячий вагон и повезли на восток — строить коммунизм в ГУЛаге.¹⁸

Система административных мер по репатриации строилась в полном соответствии с вышеназванными принципами, отработанными в самом начале борьбы с перебежчиками. Александр Фут, американец, бывший советским шпионом, вспоминает:

Однажды я предложил послать за границу специальную комиссию для ликвидации предателей родины, на что мне с понимающей улыбкой ответили: ”Зачем торопиться, скоро на земле не останется такого места, где предатели могли бы спрятаться, и тогда они сами окажутся у нас в руках”.¹⁹

Об организации репатриационной комиссии было официально объявлено 24 октября 1944 года, то есть через неделю после того, как Иден на совещании в Москве пообещал Молотову лично проследить за возвращением всех потенциальных репатриантов на родину. Главой комиссии был назначен генерал-полковник Филипп Голиков.²⁰ Это назначение представляется весьма любопытным. Ведь с точки зрения советских руководителей, все советские солдаты, попавшие в плен, заслуживали сурового наказания — ибо в плен их могла привести либо трусость, либо нерадивость. Но тогда — не странно ли, что руководство репатриационными операциями Сталин поручил одному из самых трусливых

и несостоятельных советских генералов? Более того, Голиков был из тех военачальников, на ком лежала главная вина за неподготовленность СССР к войне – за неукомплектованность армии, вследствие чего, в первую очередь, и попадало в 1941 году в плен большинство советских солдат. Будучи с июля 1940 года начальником разведывательного управления генерального штаба, он совершил на этом посту множество непростительных ошибок. Позже, во время обороны Сталинграда, Хрущев подал рапорт о том, что Голиков панически боится немцев, и Голикова с поста сняли.²¹

Под стать начальнику был и заместитель Голикова по репатриационной комиссии – генерал К.Д. Голубев. Он был настоящий гигант, но, по словам генерала Дина, "его умственные способности никак не соответствовали размерам его тела".²²

Впрочем, роль Голикова и Голубева в реальной работе комиссии была ничтожна, они являлись всего лишь представительными манекенами. Настоящую же работу выполняли Главное управление контрразведки (ГУКР) – за границей, и НКГБ – внутри страны. С июня 1941 главным занятием этих организаций-близнецов было держать в страхе советское население за линией фронта и арестовывать вышедших из немецкого окружения. После Сталинграда, когда направление войны изменилось, они двинулись в освобожденные районы, убивая сотни и тысячи жителей по подозрению в сотрудничестве с врагом.²³ Теперь, в 1945 году, они были готовы к выполнению огромной задачи – поглотить миллионы русских, возвращаемых Западом.

Советские репатриационные комиссии растеклись по всей Европе.²⁴ Западные офицеры, столкнувшиеся с полковниками и генералами, возглавлявшими эти миссии, вспоминают об одном и том же: в разговорах о военных делах советские офицеры проявляли полное невежество и приходили в замешательство. Так, генерал Вихорев в Париже бормотал: "Я не служил во время войны в авиации... Я был в других войсках...".²⁵ Ларчик открывался просто. Как объясняет бывший офицер СМЕРШа, "все сотрудники этих миссий были профессиональными чекистами".²⁶ Голиков и Голубев хотя бы были еще и профессиональными военными. Но подавляющее большинство офицеров СМЕРШа и вовсе не нюхало порошу. Их участие в военных действиях сводилось к издевательствам над украинскими девушками, взятыми на допрос, или к убийству мальчика, вышедшего из строя в поисках матери.²⁷ Как стыдливо объяснял майор Шершун Чеславу Йесману, он во время войны занимался охраной эвакуируемого на восток оборудования.²⁸ И вот таким людям было дано право запикивать героев войны в телячьи вагоны, покрикивая

на них: "Почему попал в плен? Почему не сбежал? Почему не убивал власовцев?"²⁹ Что до последнего упрека, то СМЕРШ, бесспорно, уничтожил гораздо больше красноармейцев, чем вся РОА и казаки вместе взятые.³⁰

В репатриационных миссиях чекистам был предоставлен небывалый простор для выполнения их разнообразных задач.³¹ Там же, где полной свободы действий не было, прибегали к внедрению тайных агентов, запугиваниям, угрозам, шантажу. Впрочем, для поимки тех, кто был признан советским гражданином, никаких сверхъестественных усилий не требовалось: англо-американцы с величайшей готовностью выдавали их сами, задача же сотрудников миссий сводилась к тому, чтобы склонить максимальное число пленных к "добровольному возвращению" на родину. Это было важно по нескольким причинам. Во-первых, многочисленные отказы могли вызвать опасные настроения среди союзных солдат, назначенных проводить репатриацию. Во-вторых, английским политическим деятелям было проще оправдывать свою политику, утверждая, что число русских военнопленных, отказывающихся вернуться на родину, невелико. Кроме того, имелись еще и лица со спорным гражданством, которых англо-американцы и вовсе не могли репатриировать без добровольного согласия.

Агенты СМЕРШа действовали по-разному: открыто, через своих аккредитованных представителей, и тайно, через секретных сотрудников, внедренных или завербованных среди военнопленных. Для выяснения имен уклоняющихся от репатриации допрашивали репатриированных пленных.³² Допрашивали и тех, кто решительно отказывался вернуться на родину. Так, Патрик Дин отметил, что советский офицер в Лондоне "жестко допрашивал" одну русскую женщину.³³ В других случаях оказывалось достаточно менее суровых мер. В мае 1945 года среди тех, кто добровольно согласился вернуться, оказался некий Владимир Оленич. Позже он рассказывал, как допрашивавший его сотрудник НКВД напомнил ему о семье, живущей в СССР. Одно этого упоминания оказалось достаточно. Оленич понял, что угрожает его близким, если он откажется вернуться, и согласился назваться советским гражданином, хотя и был поляком.³⁴ Кстати, даже в английском МИД понимали, что давление НКВД играет большую роль в деле возвращения пленных. Об этом писал, в частности, Кристофер Уорнер.³⁵

В лагерях для военнопленных СМЕРШ быстро организовал "внутренний круг" агентов и информаторов во главе с "комиссарами". Информаторы составляли "черные списки" тех, кто не желал репатриироваться, сообщали о планируемых побегах.³⁶ Иногда этих действительных или

мнимых пособников СМЕРШа убивали. Так, в лагере под Веной, один пленный застрелил своего товарища, заподозрив его в составлении списков для НКВД.³⁷ В рядах РОА и казачьих частях наверняка было множество советских агентов еще до сдачи в плен.³⁸ Вообще же, в репатриационных операциях наравне с офицерами СМЕРШа нередко принимали участие и бывшие пленные. Во Франции, например, из 60 энкаведешников, работавших в миссии генерала Драгуна, половина были штатные сотрудники из СССР, остальные же — бывшие военнопленные, рассчитывавшие заслужить прощение.³⁹ Сомнительно, однако, чтобы они преуспели в этом.

Многих русских, привезенных в Англию из Франции в 1944 году и до этого прошедших через немецкие концлагеря, пришлось сразу же поместить в госпиталь. Воспользовавшись этим, представитель миссии советского Красного Креста, профессор Саркисов, обратился через прессу "к общественным и другим организациям" в Англии, которым "известно местопребывание больных русских", с просьбой сообщить их фамилии и адреса в лондонскую миссию советского Красного Креста. Но военное министерство и МВД отказались помочь профессору в его "гуманной задаче" — вызвав тем самым недовольство сотрудника МИД Джона Голсуорси, обвинившего министерство в "обструкции представителей союзника".⁴⁰

Следующим шагом НКВД в работе с пленными, после отбора и перевозки их домой, был прием репатриантов в СССР. Однако многие пленные расставались с жизнью, едва ступив на контролируемую советскими войсками землю. "Таймс" 4 июня 1945 года писал, что в Берлине "с изменниками из власовской армии советские расправляются скопом". Об обменном пункте в Торгау в статье сказано: "Целое крыло тюрьмы было выделено для приговоренных к смертной казни, большинство которых составляли солдаты армии Власова. Они кричали из-за зарешеченных окон: "Мы умираем за родину, а не за Сталина".⁴¹ Огромное количество казаков, выданных в Австрии — в том числе большая часть офицеров, — были расстреляны в первые же дни после выдачи на Юденбургском металлургическом заводе, на сборном пункте в Граце, по дороге в Вену.⁴² С пленными расправлялись и другими способами. А. Солженицын видел, как смершовец безжалостно стегал кнутом власовца.⁴³ Другого пленного привязали к двум березам и разорвали.⁴⁴ Сколько из них погибло вот так сразу после выдачи — неизвестно, но, верно, счет идет на тысячи.⁴⁵

Из уцелевших большинство проходило через изощренную систему допросов. Как уж говорилось, все их пожитки, включая смену одежды,

повсеместно конфисковывали и уничтожали, мужчин, женщин и детей сразу же отделяли друг от друга для последующей отправки в разные лагеря.⁴⁶ В книге Анатолия Грановского, офицера, перебежавшего на Запад, рассказывается, как на берегах Эльбы офицеры НКВД следили за прибывающими из американской зоны баржами с перемещенными лицами из Тангермюнде. Энкаведешники радушно встретили соотечественников, но стоило американцам уехать, как картина разом изменилась, раздался крики: "Эй вы, предатели, быстренько складывайте вещички и стройтесь". Злобные псы рвались с поводков, яростно лая на ошеломленных репатриантов. Тот же источник дает нам некоторое представление о судьбе женщин. В одном лагере перемещенных лиц комендант-энкаведешник показал Грановскому на женщин и объяснил: "Если хочешь, можешь поиметь любую за пару сигарет или стакан воды – у них в бараках нет водопровода".⁴⁷

Для приема репатриантов советская администрация выделила в Германии лагерь "восточных рабочих" и другие сборные пункты, в большинстве своем обнесенные проволокой и охраняемые. Однако в некоторых местах приток заключенных достигал таких размеров, что обеспечить охрану было просто невозможно. Николай Комаров в мае 1945 года находился с группой казаков в Австрии. В поисках работы в советской оккупационной зоне он отправился в один из лагерей, но там его охватили сомнения и он решил вернуться назад. И наверное, правильно сделал – он и сейчас, более 30 лет спустя, живет в свободной стране.⁴⁸

Зато другой герой нашей книги – Шалва Яшвили – угодил прямиком в волчью пасть. В 1945 году англичане отправили его вместе с другими грузинами в огромный советский лагерь в Таранто (Италия), и там Яшвили пришлось выслушивать заверения майора Грамасова, что родина все простит. Яшвили считал, что все должно быть наоборот: просить о прощении следовало бы советскому правительству, так жестоко бросившему на произвол судьбы своих пленных граждан. В августе Шалва в группе из 250 человек отправился поездом на север. Их охраняли английские солдаты, но речи о насильственной репатриации не заходило. Только когда они вышли на станции в советской зоне Австрии, стало понятно, что дело плохо. Яшвили заметил, как грузинский майор отдал честь советскому полковнику, по виду буряту или монголу, тот не ответил на приветствие и пробормотал что-то неразборчивое. Майор вернулся к своим товарищам "бледный как смерть". Когда группы пленных вывели со станции, они оказались перед взводом смершевцев с автоматами. Сомнений не оставалось: они попали в ловушку.

В близлежащем лагере грузины провели две ночи. Яшвили сразу же решил бежать, понимая, что у уроженца солнечной Грузии мало шансов выжить в Магадане. В Таранто он с друзьями организовал футбольную команду, игравшую против англичан и американцев. Теперь же он обсуждал с друзьями по команде планы побега. Австрийский охотник, проходивший мимо лагеря, предложил провести их тайными тропами в английскую зону, но они не успели осуществить этот план: поступил приказ идти на восток.

Это было долгое и мучительное путешествие. Еду привозили на грузовиках, но несколько дней пленных вообще не кормили. Однажды Яшвили с друзьями едва не погиб от руки разъяренного офицера НКВД, поймавшего их на том, что они прокрались на ферму сварить себе какой-нибудь еды. Наконец, они дошли до огромного лагеря около Винер Нейштадт, где было не менее 60 тысяч пленных. По периметру стояли охранники, но проволочного ограждения не было и никто не контролировал жизнь узников в лагере, а потому проверка по списку была бы здесь попросту невозможна. Яшвили, не оставлявший мысли о побеге, заметил, что с одной стороны лагерь огибают маленькая речушка, и хотя там стояли охранники, в лагерном шуме и гаме ничего не стоило проскользнуть мимо них незамеченными.

Яшвили с тремя друзьями, тоже твердо решившими бежать, изучил местность. Охранники постоянно были на посту, но их внимание поглощали в основном толпы женщин, стиравших белье в речке. Молодые девушки высоко поднимали юбки, входя в воду, смеялись, перекрикивались с подружками. Стояли жаркие августовские дни, война была позади, и неудивительно, что часовых больше занимали загорелые девичьи ножки, а не четверо парней, залезших в реку в засученных по колено штанах и выбравшихся на другом берегу посушиться на солнце. И никто не заметил, как еще через несколько минут парни куда-то исчезли. Они затаились в кустарнике и просидели там до темноты, жуя тушенку и попивая вино из фляжки, вымененной у красноармейца-шофера на польскую шапку. Когда настал вечер, они двинулись на запад, к горам. Несколько дней они блуждали по лесам, ориентируясь по солнцу и питаясь нарытой в полях картошкой, которую варили в касках, в изобилии валявшихся вокруг. Наконец им удалось пробраться в американскую зону. Яшвили и сегодня живет на Западе.

История Яшвили может послужить опровержением мнения об эффективности работы СМЕРШа. На самом деле поставленная перед этой организацией задача была так грандиозна, что справиться с ней было действительно очень трудно. Об этом пишет один офицер СМЕРШа, работавший в Австрии:

В нашей баденской администрации не хватало людей для такой огромной операции. В город были стянуты все резервы из других мест, но и этого было недостаточно. ГУКР СМЕРШ срочно послал особые группы своих сотрудников в комиссии по проверке... но даже после этого работников все еще не хватало. Абакумову, начальнику ГУКР СМЕРШ, пришлось позаимствовать людей из других управлений НКГБ... По документам, проходившим через третий отдел СМЕРШа, где я работал, я знаю, что по просьбе народного комиссара государственной безопасности Меркулова Берия тоже подбросил офицеров — из управления милиции, следственного отдела и даже из третьего управления ГУЛага. Разумеется, к нам эти офицеры прибыли уже в военной форме.

Комиссии по проверке должны были разделить советских граждан на три категории. В первую входили те, кого считали врагами советской власти — сюда, конечно, относились все власовцы и казаки. Вторая обозначалась как "относительно чистая" — туда входили те, кого нельзя было доказательно обвинить в сотрудничестве с врагом, и наконец, третья состояла из незначительного меньшинства, сумевшего и на Западе проявить лояльность к советскому режиму. По первоначальному плану первая категория подлежала отправке в исправительно-трудовые лагеря, вторая должна была заниматься принудительными работами на воле, и наконец, счастливых из третьей категории предполагалось направить на послевоенное строительство.⁴⁹ Но из-за сложности и огромного объема работы часто возникала неразбериха, люди попадали не в те категории, с наказаниями тоже случались накладки.

Проверка затянулась на несколько лет. Все это время заключенные не сидели сложа руки. Один бывший ээк вспоминает, что его товарищи по камере "приехали из проверочно-фильтрационных лагерей в Донбассе, где они работали под землей, восстанавливая шахты, затопленные немцами. Другие были из таких же лагерей в центральной России". Но эта работа не считалась наказанием и при определении сроков заключения не учитывалась. Многие из тех, кто попал в третью категорию, были поначалу отпущены домой, "но позже все равно оказались в тюрьме".⁵⁰

Один полковник, комендант проверочно-фильтрационного лагеря, был одержим идеей, что большинство его подопечных — американские шпионы, и всячески усердствовал, чтобы эти опасные твари кончили свои дни в его лагере. Клеймо вины лежало и на тех, кого немцы угнали силой. Вот история молодой украинки. В семнадцать лет ее вывезли

в Германию, где она работала на военных заводах Круппа, нажила туберкулез, кашляла кровью. После освобождения она вернулась на родину с самыми радужными надеждами. Конечно, она понимала, что будет нелегко, но мысль о наказании не приходила ей в голову: кому нужна девушка, заболевшая на работах в Германии. Однако ей не довелось увидеть родную Украину. Без всякой проверки ее послали в наглухо закупоренном поезде на Колыму.⁵¹

Никак не учитывался при решении судьбы бывших пленных и вопрос о добровольности возвращения. Одна группа пленных, работавшая на укреплениях Атлантического вала, услышав по московскому радио обращение генерала Голикова, с энтузиазмом пустилась в путь к границе. Их встретили как героев, им бросали цветы, а потом посадили в телячьи вагоны и швырнули в утробу ГУЛага. Через год они доходили от дистрофии.⁵²

Уже сам путь в поездах был преддверием лагерной жизни. В июле и августе 1945 года жители южной Польши постоянно слышали шум таинственных поездов, проходящих мимо станций. Шли они чаще всего по вечерам, на большой скорости, лишь мелькали вагоны для перевозки скота да платформы с пулеметами. Однажды вечером такой поезд остановился в польском городке Бече. Охранники, с автоматами наизготовку, спрыгнув на землю, окружили вагоны. Через приоткрытые двери виднелись сбившиеся в кучи оборванные люди.

- Кто вы? – прокричали им поляки.
- Военнопленные! – гулко прозвучало в ответ.
- Куда едете?
- В Сибирь.

Но тут паровоз засвистел, охранники прыгнули в вагоны, и мрачный поезд двинулся в путь. Поезда с пленными шли по железной дороге Краков-Львов, минуя Варшаву (очевидно, чтобы не демонстрировать жителям столицы преимущества жизни при социализме).⁵³

С наступлением зимы в нетопленных поездах резко возросла смертность. Поезда-тюрьмы обычно имели при себе прицеп из двух вагонов с трупами умерших в дороге от холода и голода. Иногда мертвых не отделяли от живых, и трупы обнаруживались только при выгрузке. У живых безжалостно отбирали все, чем только можно было поживиться: охранники НКВД и уголовники прибирали к рукам старые джинсовые куртки, носки, ручки.⁵⁴ Одна латышка, вернувшаяся на родину в сентябре 1945 года в вагоне товарного поезда, в котором ехали 45 человек и их багаж, вспоминает:

Мы составили мешки с двух сторон, и я примостилась на них, как курица на насесте. Возле меня было крошечное оконце с гвоздем и веревкой, и мы повесили туда детский горшок. В другом конце вагона еще одна мать сделала то же самое. Когда кому-нибудь было нужно воспользоваться горшком, он просил передать ему "розочку": уборной в вагоне не было... Через несколько дней, кружным путем, мы прибыли в Житомир. К этому времени у нас в вагоне умерла одна старушка, и когда поезд остановился, мы упростили охранников позволить нам похоронить ее. Выкопав могилку прямо возле насыпи, мы положили туда старую латышку в белой простыне. Вдруг в последний момент к нам подбежала молодая украинка из другого вагона с мертвым ребенком на руках: мы положили его возле старушки и похоронили их вместе, поставили на могиле крест, положили цветы.

В этом же вагоне находился известный латышский музыкант, профессор Жуберт. Он умер во время пути, 11 октября, и в течение семи часов тело его оставалось в вагоне. Когда поезд остановился, обитатели вагона стали молить охранников разрешить похоронить профессора, но те велели оставить голое тело музыканта на платформе, пообещав похоронить его позже с другими трупами.

Мы надели на профессора белье и носки, обвязали его мешковиной, и два парня из нашего вагона осторожно вынесли и уложили тело на платформе. Мы простояли на этом полустанке до следующего дня. Вечером разразилась гроза, начался ливень. Поезд перевели на другие пути. Наутро эти двое парней пошли посмотреть, похоронили ли уже профессора. Они вернулись бледные от ужаса: тело профессора все еще лежало на насыпи, в грязи, с него сняли все, что на нем было... Мы скрывали это страшное известие от его жены.⁵⁵

Подавляющее большинство репатриированных оказалось в исправительно-трудовых лагерях. Казаки, сдавшиеся в плен в Австрии, были по большей части направлены в лагерный комплекс в районе Кемерово, в центральной Сибири, где многие умерли от невыносимых условий.⁵⁶ Власовцы были рассеяны по разным лагерям. Один финн повстречал власовцев из Англии в знаменитой Бутырской тюрьме в Москве.⁵⁷ Видели их и в Караганде, и на Красной Пресне, и на Воркуте, и в других советских

аналогах Майданека и Освенцима.⁵⁸ Айно Куусинен, сидевшая на Воркуте, вспоминает:

В 1945 появились еще тысячи военнопленных, на сей раз члены армии генерала Власова, воевавшие на стороне нацистов. Многие были в кандалах. Этим несчастных послали добывать уголь в отдаленных зонах. Я познакомилась с одним из них, полковником, попавшим к нам в больницу. Узнав, что я тоже политическая, он сказал мне, что, наверное, его скоро расстреляют, но его ненависть к режиму переживет его.⁵⁹

Впрочем, история репатриантов в исправительных лагерях — это уже история ГУЛага, и мы отсылаем читателя к "Архипелагу ГУЛага" А. Солженицына. Наверное, мы никогда не узнаем — хотя бы с приблизительной точностью — число репатрированных, влившихся в 20-25-миллионную армию рабов, которые составляли в ту пору население лагерей. Нам остается лишь гадать об этом. Согласно официальной советской статистике, опубликованной в 1945 году, освобождено и репатрировано было 5 236 130 советских граждан, из них 750 тысяч в тот момент еще находились в пути. Остальные 4 491 403 человека, как говорится в советской публикации, вернулись в родные места или же получили работу в других районах, государство предоставило им денежные займы, обеспечило продовольственными карточками и строительными материалами. Особая забота была проявлена о детях.⁶⁰ Один западный поклонник советского режима в более критическом контексте признает, что, вероятно, 500 тысяч из вернувшихся были посланы в лагеря, однако же всякий, кто мог разумно обосновать сдачу в плен, мог быть уверен, что избежит кары, "и офицеры, как правило, не подлежали наказанию".⁶¹

Бывший офицер НКВД, имевший доступ к досье этой организации, сообщает другие цифры, которые представляются нам более точными. Всего из ранее оккупированных районов в 1943-47 годах было репатрировано около пяти с половиной миллионов русских. Из них

- 20% — расстреляны или осуждены на 25 лет лагерей (что по сути дела равносильно смертному приговору).
- 15-20% — осуждены на 5-10 лет лагерей.
- 10% — высланы в отдаленные районы Сибири не менее, чем на шесть лет.
- 15% — посланы на принудительные работы в Донбасс, Кузбасс

и другие районы, разрушенные немцами. Вернуться домой им разрешалось лишь по истечении срока работ.

15-20% – разрешили вернуться в родные места, но им редко удавалось найти работу.

Эти весьма приблизительные данные не дают при сложении 100%: вероятно, недостающие 15-25% – это люди, "скрывшиеся" уже в СССР, умершие в дороге или бежавшие.

Однако число пострадавших не ограничивается теми, кто побывал в немецкой неволе. Все родственники людей, временно вышедших из-под советского контроля, автоматически оказывались на положении подозреваемых. Так, в 1950 году органы уговорили одну 14-летнюю девочку следить за своим отцом, бывшим военнопленным. Бывало и наоборот: работники НКВД шантажом заставляли бывших военнопленных доносить на друзей и родных. Над всеми, кто был связан с такими людьми, повисало облако недоверия. Брата одного человека, репатриированного американцами, по этой причине не взяли на работу.⁶² В романе советского писателя Федора Абрамова "Три зимы и два лета", где действие происходит в послевоенной деревне, есть персонаж, бывший военнопленный, подвергнутый как предатель всеобщему ostracismu.⁶³ Улов ГУЛага пополнялся также за счет родственников тех, кто в 1945 году бежал из Красной армии на Запад. Хотя при этом советское правосудие могло пользоваться законом от 1934 года, в котором говорилось об ответственности родственников,⁶⁴ предпочтение в общем отдавалось сфабрикованным обвинениям. Очевидно, законники смутно чувствовали, что с этим пунктом все же дело нечисто.⁶⁵

17 сентября 1955 года правительство Хрущева объявило амнистию для репатриантов.⁶⁶ Многие были освобождены, многим сократили сроки. Но тысячи остались за бортом амнистии. По сообщению ЦРУ, в 1956 году на Кыштымском атомном заводе на Урале работало 25 тысяч бывших власовцев.⁶⁷ К тому же многие не дожили до амнистии, умерли от голода, холода, болезней и лишений. Среди тех, кто выжил, оказалась горстка старых эмигрантов, выданных англичанами в Австрии. Они-то и принесли на Запад рассказы о лагерях ГУЛага.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: "A.I. Romanov". *The Nights Are Longest There: Smersh from the Inside*. London, 1972, p. 136.
2. См.: Gerald Reitlinger. *The House Built on Sand*. London, 1960, pp. 394–395.
3. См.: Gustav Herling. *A World Apart*. London, 1951, pp. 59, 122; Mikhail Koriakov. *I'll Never Go Back*. London, 1948, p. 113; А. Солженицын. *Архипелаг ГУЛаг (1918-1956). Опыт художественного исследования, т. 1*. ИМКА-Пресс, Париж, 1973, стр. 88. См. также: Unto Parvilahti. *Beria's Gardens*. London, 1959, p. 65; "Voinov". *Outlaw: The Autobiography of Soviet Waif*. London, 1955 [в дальнейшем: *Outlaw*], p. 195.
4. См.: А. Солженицын. *Архипелаг ГУЛаг, т. 1*, стр. 249.
5. См.: Aino Kuusinen. *Before and After Stalin*. London, 1974, pp. 200–201.
6. См.: Н. Н. Н. *На фронте 1941 года и в плену*. Буэнос-Айрес, 1974, стр. 75.
7. Информация предоставлена профессором Джоном Эриксоном, которому я чрезвычайно признателен за то, что он объяснил мне характер этих приказов. См. также: А. Солженицын. *Архипелаг ГУЛаг, т. 1*, стр. 92. Упоминание о приказах за №№ 260 и 270 от 1942 года см. в кн.: Julius Epstein. *Operation Keelhaul: The Story of Forced Repatriation from 1944 to the Present*. Old Greenwich, Connecticut, 1973, p. 149; D.J. Dallin, B.I. Nicolaevsky. *Forced Labour in Soviet Russia*. London, 1948, p. 283.
8. См.: Н. Н. Н. *На фронте в 1941 году и в плену*, стр. 38.
9. См.: *Daily Mail*, 30. 5. 1945.
10. Советские пленные в Египте цитировали англичанам приказ № 131 (см.: War Office [в дальнейшем: Архив военного министерства Великобритании], 32/11137, 45 А, 56 А). В Форте Дикс в США полковник Роджерс представил аналогичный рапорт (см.: Николас Бетелл. *Последняя тайна*. Лондон, [1978], стр. 199–200).
11. См.: Peter Deriabin, Frank Gibney. *The Secret War*. London, 1960, p. 49.
12. Еще больше повезло одному начальнику штаба дивизии и полковнику, попавшим в окружение, у них по возвращении из окружения были просто мелкие неприятности. Но то было критическое время, начало 1943 года (см. там же, стр. 51), когда каждый командир был на счету и лишь рядовые не считались незаменимыми.
13. См.: Dwight D. Eisenhower. *Crusade in Europe*. New York, 1950, pp. 468–469.
14. См.: В. Штрик-Штрикфельд. *Против Сталина и Гитлера*. Посев, 1981, стр. 32; Светлана Аллилуева. *Двадцать писем к другу*. Нью-Йорк, 1967, стр. 151–154; Рой Медведев. *К суду истории*. Кнофф, Нью-Йорк, 1974, стр. 941; Werner Maser. *Hitler*. London, 1973, pp. 6–7; Г.К. Жуков. *Воспоминания и размышления*. Изд. АПН, Москва, 1971, стр. 591.
15. См.: *Outlaw*, pp. 216–217.
16. Николай Краснов. *Незабываемое*. Сан-Франциско, 1957, стр. 208, 231; "A.I. Romanov", указ. соч., стр. 84–85.
17. См.: Unto Parvilahti, указ. соч., стр. 38.
18. Информация получена от Джозефа Гарлинского, бывшего узника Освенцима, и секретаря Международного комитета лагерей Германа Лангбейна. Та же самая участь постигла узников Бухенвальда (см.: А. Солженицын. *Архипелаг ГУЛаг*,

- т. 1, стр. 249). Описание Бухенвальда непосредственно после освобождения см. в кн.: Mikhail Koriakov, указ. соч., стр. 145; о военных в ГУЛаге см. кн.: Edward Busa. Vorkuta. London, 1976, pp. 18, 30, 54, 175; см. также кн.: Дмитрий Панин. Записки Сологодина. Посев, 1973, стр. 379–380, 398, 421.
19. David J. Dallin. Soviet Espionage. Yale, 1955, p. 231; Alexander Foote. Handbook for Spies. London, 1964, p. 155.
 20. Malcolm J. Proudfoot. European Refugees. London, 1957, p. 154.
Возглавляемое Ф.И. Голиковым учреждение официально называлось "Центральное управление по делам репатриации" и имело свои отделы при СНК РСФСР, Украины, Белоруссии, Молдавии, Эстонии, Латвии, Литвы, на всех фронтах, при исполкомах местных Советов ранее оккупированных территорий и т. д. Были созданы также заграничные отделы и группы репатриации (которые обычно называли репатриационными комиссиями или миссиями), имевшие за пределами СССР 249 приемно-распределительных пунктов, т. е. лагерей. – Прим. ред.
 21. См.: А.М. Некрич. 1941, 22 июня. Изд. Наука, Москва, 1965, стр. 121–122; Рой Медведев, указ. соч., стр. 884, 902–903; А. Солженицын. Архипелаг ГУЛга, т. 1, стр. 245–246.
 22. John R. Deane. The Strange Alliance. London, 1947, pp. 188–189.
 23. См.: "A.I. Romanov", указ. соч., стр. 119–120, 169–170; Victor Kravchenko. I Chose Freedom. London, 1947, pp. 427–428; Рой Медведев, указ. соч., стр. 938–939; John Erickson. The Road to Stalingrad. London, 1972, p. 176.
 24. Подробнее о миссиях и их организации см. в кн.: Malcolm J. Proudfoot, указ. соч., стр. 154, 157, 213–214, 290; Архив военного министерства Великобритании, 32/11119, 158 А–160 А, 228 А; 32/11139, 7 А, 83 А, 216 А–217 А; 32/11647, 13 А и последующие.
 25. Подробнее см.: Per Olov Enquist. The Legionnaires. London, 1974, p. 108; Mikhail Koriakov, указ. соч., стр. 160–161. Чеслав Йесман свидетельствует об отсутствии боевого опыта у Васильева и Шершуна, работавших в Англии, а Деннис Хиллс утверждает то же самое о полковнике Яковлеве и его помощниках в Италии.
 26. "A.I. Romanov", указ. соч., стр. 171.
 27. См.: Elinor Lipper. Eleven Years in Soviet Prison Camp. London, 1951, p. 74.
 28. Тем же самым занимался и "А.И. Романов" (см.: "A.I. Romanov", указ. соч., стр. 34). Такие перевозки в 1941 г. перешли в компетенцию Берия (см.: Victor Kravchenko, указ. соч., стр. 404), они осуществлялись в основном заключенными.
 29. D. J. Dallin, B. I. Nicolaevsky, указ. соч., стр. 286.
 30. См. рассказ о массовом убийстве в кн.: "A.I. Romanov", указ. соч., стр. 167–169.
 31. См.: Malcolm J. Proudfoot, указ. соч., стр. 156–157, 271.
 32. См.: Архив военного министерства Великобритании, 32/11683, 196 А.
 33. См.: Foreign Office [в дальнейшем: Архив министерства иностранных дел Великобритании], 371/47901, 43.
 34. См. там же, 371/47899; 47897, 141–143.
 35. См.: Архив военного министерства Великобритании, 32/11137, 101 А (6 В).
 36. См. там же, 45 А, 46 А (Александрия); 32/11119, 14 D (лагерь Баттевик); Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/43382, 83 (Кемптон-парк). Множество других примеров читатель найдет на страницах этой книги.
 37. Vladimir Petrov. It happens in Russia: Seven Years Forced Labour in the Siberian Goldfields. London, 1951, pp. 452–453.

38. "А.И. Романов", указ. соч., стр. 127; Вячеслав Науменко. Великое предательство: выдача казаков в Лиенце и других местах (1945-1947), т. 1, Нью-Йорк, 1962, стр. 186.
39. См.: *Outlaw*, p. 241.
40. Архив военного министерства Великобритании, 32/11119, 210 А; Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/50606, 189–194. Советский Красный Крест был известен на Западе как организация, служащая целям советского правительства, в частности – НКВД/КГБ, а не задачам Международного Красного Креста как такового. См. об этом в кн.: Antony G. Sutton. *Wall Street and the Bolshevik Revolution*. New Rochelle, 1974, p. 87; David J. Dallin. *Soviet Espionage*. Yale, 1955, pp. 122, 406–407.
41. Anita Preiss. *Verbannung nach Sibirien*. Manitoba, 1972, p. 24.
42. В. Науменко, указ. соч., т. 1, стр. 146–147; там же, т. 2, Нью-Йорк, 1970, стр. 355.
43. А. Солженицын. Архипелаг ГУЛаг, т. 1, стр. 261–262.
44. См.: Mikhail Koriakov, указ. соч., стр. 116.
45. В Англии предполагали, что половина 5 тысяч пленных, отосланных в 1944 году в Мурманск, была расстреляна (см.: Архив военного министерства Великобритании, 32/11119, 240 В). Эта цифра, однако, представляется завышенной.
46. См.: *Outlaw*, p. 239; В. Науменко, указ. соч., т. 2, стр. 53.
47. Anatoli Granovsky. *All Pity Choked: The Memoirs of a Soviet Secret Agent*. London, 1955, pp. 212–214.
48. Информация любезно предоставлена Николаем Борисовичем Комаровым.
49. См.: "А.И. Романов", указ. соч., стр. 172–175; D. Dallin, В. Nicolaevsky, указ. соч., стр. 284.
50. Antoni Ekart. *Vanished without Trace: the Story of Seven Years in Soviet Russia*. London, 1954, pp. 302–303.
51. См.: Elinor Lipper, указ. соч., стр. 281–282.
52. См.: Antoni Ekart, указ. соч., стр. 236–237. Аналогичный случай описан в кн.: Edward Buca, указ. соч., стр. 184.
53. Я вынужден скрыть фамилию моего информатора, так как его родственники до сих пор живут в Польше. См. также: John Fischer. *The Scared Men in the Kremlin*. London, 1947, p. 118–119.
54. См.: А. Солженицын. Архипелаг ГУЛаг, т. 1, стр. 567.
55. Этот рассказ госпожи Липинс любезно передала мне ее родственница, Яна Хейл. См. также кн.: Malcolm J. Proudfoot, указ. соч., стр. 218–219.
56. Подробнее см. кн.: В. Науменко, указ. соч., т. 2, стр. 237–292, 297–317, 319–339; A. Petrovsky. *Unvergessener Verrat!* München, 1961, pp. 261–263, 336.
57. См.: Unto Parvilahti, указ. соч., стр. 60–61.
58. См.: Bernard Roeder. *Katonga: An Aspect of Modern Slavery*. London, 1958, p. 7.
59. Aino Kuusinen. *Before and After Stalin*. London, 1974, p. 177. В львовской тюрьме их голыми запикивали в камеры (см.: Edward Buca, указ. соч., стр. 11). Среди власовцев было много военных врачей, но им не разрешали практиковать (см.: Joseph Sholmer. *Vorkuta*. London, 1954, p. 141).
60. См.: *International Labour Review*. Montreal, 1945, LII, pp. 533–534. 28 августа 1945 года "Правда" опубликовала большую статью, где описывались страдания русских во время немецкой оккупации и меры по перевоспитанию тех, кто эту оккупацию пережил. Особое внимание в статье обращено на репатриантов.

61. Alexander Werth. *Russia: The Post-War Years*. London, 1971, pp. 24–25, 105. В связи с этим бесосновательным утверждением см.: А. Солженицын. Архипелаг ГУЛаг, т. 1, стр. 253–255; Victor Kравченко, указ. соч., стр. 427–428.
62. См.: Peter Deriabin, Frank Gibney, указ. соч., стр. 77–78, 99, 101–102.
63. См.: Alexander Werth, указ. соч., стр. 22. Иной картины и не могло бы быть до хрущевской амнистии. (См.: Roman Kolkowicz. *The Soviet Military and Communist Party*. New Jersey, 1967, p. 120).
64. См.: Собрание Законов СССР, 1934, ст. 255, Декрет ВЦИК 8 июня 1934 г. (Прим. ред.)
65. См.: Н. Becker. *Devil on my Shoulder*. London, 1955, p. 173.
66. Постановление Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 г. за подписями председателя Верховного Совета СССР К. Ворошилова и секретаря Н. Пегова. (Прим. ред.)
67. Я благодарен Д. Диксону, предоставившему мне фотокопию отчета ЦРУ 491 В.

Глава 18

ЮРИДИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СООБРАЖЕНИЯ

В странах Европы в течение веков сложилась столь прочная традиция предоставления политического убежища, что до 1939 года ни одно государство, скорее всего, не стало бы даже рассматривать возможность возвращения на родину граждан, жизни или свободе которых могло бы угрожать такое решение.¹ Однако в 1939 году был подписан советско-германский договор, получивший название пакта Риббентропа-Молотова.² После заключения пакта на вокзале в Бресте состоялась дружеская встреча офицеров гестапо и НКВД, во время которой произошел обмен заключенными. Немцы выдали русских антисоветчиков, а Советы порадовали Гимmlера изрядным числом немецких коммунистов и евреев, которым ранее было предоставлено убежище в СССР.³

Не прошло и года, как было заключено еще одно соглашение об экстрадиции. 21 июня 1940 года в Компьене немцы в присутствии самого Гитлера представили делегации французского правительства свои условия заключения перемирия. Положение французов было хуже некуда: их армии были разбиты, союзник отвел свои силы с позиций в Дюнкерке. И все же генерал Виган упорно противился многим немецким требованиям, в том числе — о выдаче рейху беженцев из Германии, находившихся во Франции и ее колониях. Виган назвал это требование бесчестным в свете французской традиции предоставления убежища, но Кейтель и слушать не желал о том, чтобы убрать это условие, и французам пришлось покориться. Через некоторое время во Франции появились нацистские близнецы советских репатриационных комиссий, и началась охота за беглыми немцами. Многих гестапо вывезло в неизвестном направлении, некоторые были посланы на строительство железной дороги в Сахаре (где

они, между прочим, работали бок о бок с русскими, позже выданными англичанами Советам). Наконец, многие, не видя другого выхода, вынуждены были работать в трудовой организации Тодта, где им даже платили зарплату. Данных о массовых расстрелах немецких беженцев у нас нет.⁴

Сомнительно, однако, чтобы западные государственные деятели могли взять эти прецеденты за образец. Положение русских, работавших или служивших у немцев, не имело прецедентов. Тут возникало множество вопросов, прежде всего, вопрос о том, могли ли русские пленные ссылаться на Женевскую конвенцию, которую не подписала их страна. И если да, то исключало ли это их выдачу советскому правительству против их желания.

Можно было бы подумать, что тексты конвенций – Гагской 1899 и 1907 и Женевской 1929 года – разом решат этот вопрос, но, к сожалению, в тексте отсутствовали четкие разъяснения по главному пункту. А главный пункт заключался в следующем. Если русские пленные считались повторно взятыми в плен советскими солдатами или гражданскими лицами, то, конечно, никаких возражений против их возвращения на родину быть не могло, и отношение советского правительства к ним, пусть даже и жестокое, с юридической точки зрения никак не касалось английского или немецкого правительств. Но как быть в тех случаях, когда русские, служившие в немецкой армии, носившие немецкую форму и присягнувшие на верность фюреру, заявляли о том, что являются немецкими солдатами? Можно ли было признать их правоту? А если да – то как это отразилось бы на законности их выдачи СССР?

Заинтересованные стороны – Англия, Германия и США, – подписавшие конвенцию, придерживались разных точек зрения по этому вопросу. Английскую точку зрения высказал в сентябре 1944 года юрисконсульт МИД Патрик Дин:

Несмотря на условия Женевской конвенции, солдат, взятый в плен армией своей страны в тот момент, когда он находился на службе во вражеской армии, не может перед лицом своего правительства и закона своей страны претендовать на протекцию конвенции. Мы наверняка не признали бы такого права за английским гражданином, взятым в плен в момент его службы в немецкой армии. Если такой субъект взят в плен союзной армией, союзное командование имеет право передать его без всяких условий его собственному правительству, не нарушая при этом конвенцию. Избрав иной путь, мы поставим себя в затруднительное положение по отношению к союзным

правительствам, и они смогут с основанием обвинить нас в попытке укрыть возможных предателей от наказания, положенного им по законам их страны.⁵

Через несколько месяцев выяснилось, что США заняли в этом вопросе позицию, коренным образом отличную от английской. МИД узнал об этом из сообщения посла в Америке, лорда Галифакса, от 28 марта.⁶ На это указывал и один из служащих английского посольства в письме Бернарду Гафлеру из американского Отдела особых военных проблем. Его комментарии были затребованы ввиду того, что

по мнению МИД, условия соглашения между правительством его величества и Советским Союзом обязывают возвращать в СССР даже тех советских граждан, которые требуют, чтобы их оставили в стране как немецких военнопленных.⁷

Патрик Дин, будущий посол в Вашингтоне, следующим образом комментировал заявление американцев: "Позиция США, на мой взгляд, является неверной и несовместимой с Ялтинским соглашением".⁸ Позже он разъяснил свою точку зрения подробнее:

Хотя [в тексте Ялтинского соглашения] не сказано прямо о том, что английское правительство должно репатриировать в СССР советских граждан, не желающих возвращаться, из текста ясно следует, что такие советские граждане подлежат выдаче советским властям независимо от их желания.⁹

На Бернарда Гафлера, однако, доводы Дина не произвели ни малейшего впечатления. Вновь изложив причины, обусловившие позицию американцев, и отметив, что США не принуждают к репатриации иностранных граждан, которым форма немецкой армии дает право на защиту Женевской конвенцией, он продолжал:

Как я помню по моей службе на страже английских интересов в Германии, наше посольство в Берлине, следуя инструкциям вашего правительства, сообщило немецким властям, что лицо, носящее форму английской армии, является английским военнослужащим и на него распространяется действие Женевской конвенции. Насколько я понимаю, ваше правительство по-прежнему считает, что форма определяет принадлежность

ее обладателя независимо от его национальности, и именно в таком духе я информировал немецкое правительство в связи с бельгийским инцидентом, по поводу которого немцы заявили протест нашим правительствам. Далее, насколько я понимаю, из всех взятых им в плен лиц ваше правительство вынуждает вернуться под опеку соответствующего правительства лишь советских граждан. К другим национальностям это не относится.

Госдепартамент считает нашу политику в этом вопросе вполне последовательной, тогда как в политике вашего правительства мы усматриваем непоследовательность, с которой нам будет трудно согласиться... Поскольку изменение нашей практики в отношении советских граждан, на наш взгляд, могло бы вступить в противоречие с духом и буквой Женевской конвенции о военнопленных, к которой присоединилось также и ваше правительство, Госдепартамент был бы очень признателен, если бы вы могли сообщить нам ваше решение по этому вопросу.¹⁰

Английское посольство обратилось в МИД за "инструкциями по дальнейшему обсуждению данного вопроса с Госдепартаментом". Прежде чем передать дело юрисконсульту, Джон Голсуорси подытожил свою точку зрения в документе, который можно считать довольно точным отражением позиции МИД:

Насколько я знаю, мы исходим из принципа целесообразности. У нас было уже довольно хлопот с советскими властями по поводу лиц, которых они считали советскими гражданами и которых мы таковыми не считали, не говоря уж о всех тех, которые по политическим или личным соображениям не желают называться советскими гражданами (хотя и являются таковыми), но хотят, чтобы их считали немецкими военнопленными. Кроме того, в последней категории есть ряд лиц, которые понимают, что виновны в активном сотрудничестве с немцами, и было бы неразумно ставить англо-советские отношения под угрозу ради людей, активно воевавших против нашего союзника. Конечно, среди них есть и другие: некоторые из тех, кого мы вынуждены передать советским властям, пострадали от советского режима без всякой вины с их стороны, не воевали против СССР и просто не хотят возвращаться на родину.¹¹

Голсуорси, вероятно, имел в виду жуткие истории, описанные бригадиром Файербрейсом в рапорте, поданном в МИД месяц тому назад.¹² Патрик Дин, которому Голсуорси передал письмо Гафлера для юридического комментария, ограничился вопросом о русских, служивших в вермахте и потому претендующих на то, чтобы их считали немецкими военнопленными. Он начал с утверждения:

Мы никогда не считали, что человек, по каким-либо причинам надевший военную форму страны, воюющей с его собственной страной, автоматически подпадает под протекцию конвенции о военнопленных от военных властей его страны или союзников последней. Если придерживаться такого взгляда, то все предатели, надев форму вражеской армии и активно воюя против собственной страны, могли бы избежать ответственности и претендовать на то, чтобы с ними обходились как с военнопленными согласно конвенции.

В заключение Дин признавал, что хотя в подходе англичан к этому вопросу могут быть недостатки, МИДу не грозит критика, поскольку министерство не объявило публично о своих обязательствах перед СССР.

Я согласен с доводом Госдепартамента, что, сравнивая эту точку зрения с нашим высказыванием о первостепенном значении военной формы при решении вопроса о [национальности] военнопленных, можно обнаружить известную непоследовательность. Но, насколько мне известно, нам удалось избежать публичных высказываний на этот счет... И несмотря на такую непоследовательность наша точка зрения представляется мне правильной.

Правда, Дин тут же поспешил добавить, что передавать этот довод придирчивому Гафлеру не стоит: "Я не считаю абсолютно необходимым отвечать Госдепартаменту до тех пор, пока Департамент этого не пожелает".¹³

"Непоследовательность", на которую намекал Гафлер и которую признавал Дин, заключалась в противоречии между позицией МИД в отношении плененных русских и прежней политикой министерства. Когда Иден прибыл на Ялтинскую конференцию, МИД телеграфировал ему:

В отношении военнопленных мы до сих пор, за немногими исключениями, руководствовались принципом, принятым

германским правительством и правительством его королевского величества, что здесь первостепенную роль играет носимая военнопленными форма, а не национальность.

Этот принцип использовался, когда он служил к выгоде англичан, например, когда они хотели защитить "чехов, поляков, бельгийцев и других служащих английской армии, освобожденных Красной армией". Соответственно, МИД рекомендовал включить в Ялте в текст предстоящего соглашения такую формулировку: "Все лица, носящие [английскую или американскую военную форму] . . . будут по данному соглашению, независимо от национальности, рассматриваться как солдаты этих армий".¹⁴

Примерно в это же время аналогичную точку зрения высказал представитель МИД Уолтер Робертс на конференции Управления по делам военнопленных в Лондоне.¹⁵ После конференции Робертс предложил попросить Молотова подтвердить,

что, согласно вышеназванному соглашению, всякое лицо, в момент пленения врагом служившее в армии любой из заинтересованных сторон, будет рассматриваться как гражданин или подданный этой страны.¹⁶

Излишне говорить, что у Молотова были причины не принять это предложение. Как отметил полковник Филлимор из военного министерства,

мы были вынуждены против своей воли отказаться от пункта насчет граждан стран-союзниц, служащих в английской армии. Советские представители заявили, что вопрос был поднят слишком поздно и им необходимо дополнительное время для его рассмотрения.¹⁷

Следовательно, если бы англичанам удалось настоять на своем, в самом тексте Ялтинского соглашения оказалось бы условие, существование которого Патрик Дин так упорно отрицал теперь. Правда, Дин как бы молчаливо признавал, что до сих пор англичане всегда придавали первостепенное значение военной форме. Русские же, по его мнению, попадали в особую категорию, так как они "надели форму армии страны, воюющей с их собственным государством", а отсюда следует, что взятые в плен русские являются не немецкими солдатами, но просто-напросто плененными русскими предателями, и англичане имеют полное право выдать их советским властям, которые, в свою очередь, вправе наказать их за измену.

Исключительность сложившейся ситуации заключалась в том, что Советский Союз отказался присоединиться к Гаагской и Женевской конвенциям, а беспрецедентная тирания советского правительства породила "предателей", из которых немцы набрали в свою армию почти миллион человек. Использовать таким же образом англичан и американцев немцы не смогли, отчасти и потому, что статья 44 Гаагской конвенции 1899 года и статья 23 Конвенции 1907 года запрещали принуждать военнопленных к участию в военных действиях против их собственной страны.¹⁸

Мы, однако, ведем здесь речь о чисто юридических аспектах. Являлись ли русские "немецкими" военнопленными? По мнению Патрика Дина — нет, и этим мнением его правительство руководствовалось на протяжении всех главных репатриационных операций. Поэтому нам предстоит сейчас заняться этой точкой зрения.

В статье 79 Женевской конвенции записано, что вся информация о военнопленных "в возможно короткие сроки передается в страну военнопленного или в ту страну, на службе у которой он состоял". Отсюда следует, что пленный не должен быть гражданином страны, в армии которой он служил, равно как и то, что его национальная принадлежность не является основанием для каких-либо различий в обращении с ним. К сожалению, ни в Гаагской, ни в Женевской конвенции не оговорен четко вопрос о том, кто именно определяет гражданство пленного — он сам или пленившая его страна. Но, кроме британского правительства, занявшего особую позицию в отношении русских военнопленных, все страны, подписавшие конвенцию, с самого начала руководствовались тем, что гражданство пленного определяется его военной формой. Причина этого ясна. Стоит одной из воюющих сторон присвоить себе право выделить кого-то из солдат вражеской страны, находящихся в плену, как враг не замедлит ответить ударом на удар, и в конце концов дело дойдет до полного пренебрежения конвенцией. И действительно, британское правительство, как было показано ранее, опасалось, что немцы, узнав о проводимой Англией политике насильственной репатриации, примут ответные меры в отношении английских военнопленных.¹⁹

Специалисты по международному праву в целом были единодушны в неприятии довода Дина. При обсуждении случая китайских малайцев, служивших в индонезийских войсках и взятых в плен в Малайе, Сюзан Элман приводит множество прецедентов в доказательство того, что прежнее подданство не влияет на статус солдата в армии, в рядах которой он служит, и следовательно, на его статус как военнопленного.²⁰ Другие авторитеты в этой области также утверждают, что насильственная репатриация

находится в явном противоречии с международным правом и Женевской конвенцией.²¹

Американский юрист, отстаивая русских военнопленных в 1945 году, провел интересную параллель с делом Чарльза Ли, английского офицера, перебежавшего во время войны США за независимость к американцам и дослужившегося до генерал-майора. В 1776 году англичане взяли его в плен и приговорили к смертной казни как предателя. Но в дело вмешался сам Вашингтон, заявивший, что "Ли находится на положении военнопленного и в качестве такового имеет все соответствующие права". Англичане уступили, и Ли был обменен.²²

Тем не менее, наверное, многим трудно понять, как в 1944-45 годах русские, воевавшие в немецкой армии против своей страны или ее союзников, могли рассчитывать на то, чтобы соответствующие стороны, пленив их, обращались с ними, как с обычными военнопленными. МИД с самого начала войны настаивал на том, что такая протекция распространяется на иностранных подданных, находящихся на службе в английской армии. Например, в английской армии было немало французов, которые воевали против правительства их собственной страны. На это можно, правда, возразить, что правительство Виши действовало вопреки интересам народа, однако это лишь сделает наше сравнение с СССР еще убедительнее. Немцы же рассматривали таких военнослужащих наравне с другими английскими военнопленными.

Слабость аргументации Патрика Дина лучше всего проиллюстрировать на следующем примере. В 1944 году Военный кабинет Англии утвердил создание чисто еврейского военного соединения – Еврейской бригады. Бригада эта участвовала в итальянской кампании в марте-мае 1945 года.²³ Если бы солдаты-евреи, родившиеся в Германии и бывшие ранее гражданами этой страны, попали в это время в руки врага, им угрожало бы жестокое обращение. До сих пор британский МИД с успехом добивался того, что в немецком плену с евреями обращались так же, как с другими военнопленными Британского содружества.²⁴ И если бы немецкое правительство заявило, что на евреев немецкого происхождения конвенция не распространяется, Патрик Дин вряд ли согласился бы с этим, хотя немцы и могли утверждать, что англичане "защищают возможных предателей от наказания, полагающегося им по законам их страны".

Отказ распространить на взятых в плен русских условия Женевской конвенции противоречил прежней и последующей английской интерпретации и был неприемлем для немецкого²⁵ и американского²⁶ правительств. Дело в том, что, как признал Джон Голсуорси, законники МИД

исходили из соображений целесообразности. Довод Дина, что русские — предатели и потому не подпадают под защиту конвенции, предназначался верно, лишь для внутреннего пользования. Ни американскому, ни немецкому правительствам он передан не был. Более того, МИД предпринял самые решительные меры, чтобы ни одна из заинтересованных сторон не узнала об этой новой интерпретации Женевской конвенции. Видимо, в самом министерстве с крайним недоверием относились к собственным доводам.

На полях сражений ничего не подозревавшие английские солдаты продолжали принимать сдачу в плен частей власовской армии по условиям конвенции. Когда немецкий командующий Юго-Западной группой армий генерал фон Витингоф 2 мая 1945 года сдался фельдмаршалу Александру, в тексте условий сдачи в плен говорилось о "власовских и других военных и полувоенных силах и организациях". Под этими силами разумелись казаки Доманова, кавказцы Гирея и Тюркская дивизия. Сама сдача в плен обозначалась как "капитуляция" согласно "положениям Гаагской конвенции".²⁷ Правда, через несколько дней после капитуляции Германии союзники

пришли к соглашению, что, если за вражескими силами, пленными до капитуляции, сохраняется статус военнопленных, силы, которые еще находятся на поле боя, попадают в особую категорию "сдавшегося вражеского персонала" и как таковые не имеют права на протекцию Женевской конвенции.²⁸

Поэтому 15-му казачьему кавалерийскому корпусу, находившемуся в Юговосточной группе немецких армий, было отказано — по инструкциям генерала Мак-Крири — в сдаче в плен на условиях Женевской конвенции. Впрочем, сам по себе этот факт ничего не значил. Как объясняет полковник Джеральд Дрейпер, специалист по вопросам, связанным с юридическим положением военнопленного,

причина была проста. У нас не хватало ресурсов, чтобы содержать и кормить такое огромное число капитулировавших войск, и мы не хотели быть скованы обязательствами, которые налагала на нас Женевская конвенция...²⁹

Строго говоря, законность этой акции весьма сомнительна, так как статья 96 конвенции гласит, что государство, желающее отказаться от конвенции, обязано предупредить об этом за год. Но, как указывает профессор Дрейпер, это было сделано с целью снять с себя невыносимый

груз ответственности за размещение и обеспечение на относительно щедрых условиях всей сдавшейся в плен немецкой армии. При этом наверняка не имелся в виду отказ от гуманных установок конвенции, которые по-прежнему оставались для солдат руководством к действию. Для них вопроса о переоценке стандартов гуманности не возникало. Фельдмаршал лорд Хардлинг, часто обсуждавший эту проблему с Александером, прямо сказал мне, что считает Женевскую конвенцию "руководством к обращению с военнопленными". В момент сдачи в плен казачьих частей в Австрии офицеры, как и прежде, применяли условия конвенции к капитулирующим вражеским войскам. Так, полковник Джоффри Шейкерли, тогда майор Стрелкового корпуса, в начале мая получил приказ следовать на север от Графенштейна и убедить часть СС сдать в плен. Он рассказывает:

Я был уверен, что приказ предписывает мне вести переговоры о сдаче в плен на условиях Женевской конвенции и подчеркивать то обстоятельство, что СС сдаются английской армии. Адьютант немецкой части по меньшей мере дважды на протяжении нашей беседы уточнил эти условия сдачи в плен.

Проконсультировавшись со своим командиром, адъютант "вернулся ко мне и спросил, могут ли вместе с ними на тех же условиях сдать казаки — их было около сотни. Я ответил утвердительно. Мы обговорили детали, и наутро они сдались нам". Эти казаки были помещены вместе с их собратьями из 1-й кавалерийской дивизии в лагерь в Вейтенсфельде и затем переданы Советам. Майор Шейкерли, получив сообщение об этом, был глубоко расстроен тем, что "невольнo обманул их".³⁰

Мы рассказали эту историю с несчастливым концом, чтобы показать, что решение о сдавшемся вражеском персонале не меняло того, что фельдмаршал Хардлинг называет "этикетом войны", и было введено исключительно в административных целях.

Утверждая, будто русские, плененные английской армией, не поддаются под Женевскую конвенцию, Патрик Дин, очевидно, не учитывал того факта, что англичане с момента высадки фактически согласились считать плененных в немецкой форме русских военнопленными, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Через три дня после высадки в Нормандии полковник Филлимор из военного министерства писал: "Несмотря на то, что эти люди — русские, с ними в настоящее время будут обращаться как с немецкими военнопленными. МИД на это согласен..."³¹ А 9 августа 1944 года Объединенный комитет начальников штабов информировал Эйзенхауэра:

Граждане союзных стран, служившие в немецких полувоенных соединениях, в настоящее время будут рассматриваться как военнопленные и обращение с ними будет соответствовать конвенции о военнопленных.³²

Вскоре, однако, выяснилось, что такое решение чревато серьезными трудностями: "Если мы считаем их военнопленными, их следует в соответствии с международным правом зарегистрировать в этом качестве и сообщить их имена государству-протектору",³³ (т.е. Швейцарии). А это, как указывал заместитель генерала-адъютанта лорд Бриджмен, могло иметь неприятные последствия.³⁴ Государство-протектор, как сказано в конвенции, обязано охранять интересы пленных, и нетрудно предвидеть, куда это могло завести союзников. При сложившемся положении дел права военнопленных тщательно скрывались от них самих и от государства-протектора. Например, нет никаких свидетельств применения статьи 84 Женевской конвенции, согласно которой "текст... конвенции... по возможности, на родном языке военнопленных, вывешивается в местах, доступных для военнопленных". А если бы союзники применили статью 26, они не смогли бы провести обманные операции против казаков и других пленных, так как, согласно этой статье, в случае транспортировки "пленных следует официально уведомить заранее о том, куда их перевозят..." Наконец, если бы, как того требовала статья 84, текст конвенции был бы вывешен в лагерях, пленные узнали бы, что имеют право обращаться с жалобами к государству-протектору (статья 47). Таким образом, можно легко понять опасения Бриджмена и его коллег: военнопленный, с умом воспользовавшийся Женевской конвенцией, сумел бы добиться многого.

Впрочем, русские военнопленные выросли в стране, где о Женевской конвенции никто и слыхом не слыхивал, и понятия не имели ни о правах жителей Восточной Европы, ни о правах своих соотечественников до Октябрьской революции 1917 года.³⁵ Правда, информацию об обращении с военнопленными могли потребовать немецкое правительство, на службе у которого находились русские, или Швейцария — в качестве государства-протектора. Поэтому было решено скрыть происходящее и от Германии, и от Швейцарии. Когда в декабре 1944 года немецкое правительство осведомилось через посредство Швейцарии об условиях содержания русских военнопленных, служивших в немецкой армии, майор В.Л. Джеймс из военного министерства написал Патрику Дину:

Мы согласны с вашей точкой зрения, что при ответе на этот запрос важно избегать всяческих заявлений, которые дали бы

немцам возможность сказать, что мы нарушили правило, согласно которому национальность пленного определяется формой, носимой им в момент пленения, независимо от его подданства.

И через день после подписания Ялтинского соглашения в Швейцарию был послан уклончивый ответ.³⁶

Не успели справиться с этой опасностью, как возникла новая. На Международный комитет Красного Креста была возложена задача предложить одной из воюющих сторон создать Центральное агентство для передачи этой стране информации о военнопленных (в соответствии со статьей 79 Конвенции). 2 января 1945 года член лондонской делегации Красного Креста М. Хаккиус в письме в МИД сообщил, что получил из женевской штаб-квартиры этой организации вырезку из газеты, в которой упоминается о присутствии русских военнопленных в Англии.

В сопроводительном письме Женева просит нас сообщить, какой статус придан русским военнопленным и находятся ли они под протекцией конвенции. Я был бы благодарен вам за разъяснения по этому вопросу.

Заметив, что "при ответе следует соблюдать крайнюю осторожность", Патрик Дин предложил вариант, состоящий из совершенно невразумительных формулировок. Но тут пришла записка от полковника Филлимора из военного министерства:

По поводу записки, полученной нами от швейцарской миссии... датированной 4 декабря... относительно не-немецких граждан, взятых нами в плен. Мы считаем это расследование опасным и предлагаем в настоящее время на запрос Международного комитета Красного Креста не отвечать.

В таком состоянии дело оставалось до последней недели войны, когда Джон Голсуорси, по поручению Джоффри Вильсона, вновь принялся обсуждать этот вопрос с Филлимором. Вильсон писал:

Письмо от Хаккиуса лежит без ответа вот уже почти четыре месяца, и мы хотим знать, возражаете ли вы по-прежнему против отправки ответа в духе прилагаемого проекта. Как вы увидите, он весьма расплывчат и не содержит ответов на вопросы, поднятые

Международным комитетом Красного Креста, но, мы надеемся, вы поймете, что это не случайно.

К тому времени опасность благополучно миновала, что было пронизательно отмечено Филлимором: "В связи с безоговорочной капитуляцией немецкой армии мы можем более не опасаться ответных мер со стороны немцев". После столь успокоительной фразы Джоффри Вильсон послал, наконец, короткий ответ М.Хаккиусу. Извинившись за задержку, он писал:

Советские граждане, попавшие к нам в руки, хотя и носили немецкую форму, но утверждали, что были мобилизованы в немецкую армию насильно, а потому их следует считать освобожденными советскими гражданами...³⁷

Похоже, что под конец даже МИД начал сомневаться в законности собственной политики. Ведь всегда считалось, за исключением случая с русскими в вермахте, что "с точки зрения международного права статус таких лиц определяется не их национальностью, но принадлежностью к ... армии".³⁸ В частном порядке МИД признавал, что "этот аспект Ялтинского соглашения... конечно, противоречит нашему традиционному отношению к политическим беженцам..."³⁹ Наконец, как преспокойно отметил Джон Голсуорси 23 июля 1945 года, некоторые

русские, захваченные в немецкой форме (в отличие от советских перемещенных лиц и военнопленных)... требуют, чтобы с ними обращались как с немецкими военнопленными в соответствии с Женевской конвенцией. Английские власти сейчас разрешили проводить это различие.⁴⁰

Для нас эти чисто юридические аспекты насильственной репатриации представляют большой интерес. Англичан ужасала мысль о том, что предатели уйдут от возмездия, укрывшись под защитой Женевской конвенции. Американцам же это представлялось наименьшим из зол по сравнению с риском нарушения международных соглашений, сыгравших столь важную роль в смягчении некоторых самых страшных жестокостей современной войны. Немцы в общем тоже придерживались этого аспекта конвенции – к счастью для многих чехов, поляков, норвежцев и других представителей континентальной Европы, служивших в английской армии.

Дело в том, что английский МИД поставил во главу угла важные соображения внутренней политики, на фоне которых вопрос о Женевской конвенции отошел на задний план. Уместно задаться вопросом, какие соображения заставили Англию нарушить свои обязательства по международному праву. Вероятно, самым убедительным доводом был тот, что касался английских военнопленных и военнопленных Британского содружества, освобожденных в Восточной Европе Красной армией. Иден в Ялте сказал, что число их достигает 50 983 человек,⁴¹ хотя в действительности цифра оказалась вдвое меньше: по сообщению генерала Голикова, к 1 сентября 1945 года советские репатриационные органы отправили на родину 23 744 освобожденных английских военнопленных.⁴² Но тут важны не цифры, а принцип. Лорд Эйвон объяснял: "Более всего меня волновало возвращение наших военнопленных из Восточной Пруссии и Польши, и я не собирался предпринимать какие бы то ни было акции, которые могли бы повредить им". Действительно, безопасное и скорейшее возвращение этих людей домой было делом первостепенной важности. Но чего именно боялся Иден? Сам он неизменно отказывался хоть как-то разъяснить этот вопрос.

В последнее время было высказано предположение, будто Сталин угрожал Идену, что пока англичане не отошлют в СССР всех русских, находящихся у них в руках, Сталин "будет держать английских и американских пленных в качестве заложников".⁴³ Рассмотрим это предположение подробней. По утверждению историка Джона Гая, в английских архивах военного времени нет никаких свидетельств того, что Советы намеревались это сделать и что англичане боялись акций такого рода.⁴⁴ Но, может быть, помимо архивов МИД, имеются какие-то другие материалы, дающие основания считать иначе? В самом деле, союзных военнопленных, освобожденных в Польше и Пруссии, не сразу отправляли домой, а держали их в лагерях все то время, пока Советы громогласно требовали возвращения собственных граждан, якобы задерживаемых на Западе.

6 апреля 1945 года части Красной армии освободили в местечке Люкенвальде, к югу от Берлина, лагерь для военнопленных Сталаг Ша. Хотя западнее, в Магдебурге, находилась американская 9-я армия, союзным военнопленным, несмотря на все старания американцев, запретили двигаться на запад. В один прекрасный день в лагерь за союзными военнопленными прибыла колонна из двадцати грузовиков. Но советские охранники не пустили их и даже дали несколько залпов в воздух. Пленные постепенно теряли присутствие духа, особенно когда советский командир говорил, что им придется возвращаться на родину через Одессу. А услышав

передачу советского радио о союзниках, пытающихся незаконно задержать 800 русских, захваченных в Нормандии, многие заключили, что их держат в качестве заложников. И процедура их передачи американцам, на первый взгляд, подтверждала этот вывод: через месяц после прихода Красной армии пленных отвезли на мост через Эльбу и "обменяли там один к одному на русских пленных, освобожденных союзными силами из немецкого плена".⁴⁵

Казалось бы, перед нами — яркий пример того самого шантажа, которого, как теперь выясняется, опасались английские государственные деятели. Но это не совсем так. В документах ВКЭСС, незадолго до освобождения пленных, отмечалось их присутствие в Люкенвальде и упоминаются меры, предпринятые Красной армией в отношении английских пленных. При этом ВКЭСС не выражало ни малейшего возмущения по поводу их возможной задержки.⁴⁶ Причина задержки носила чисто административный характер: союзники в это время вели переговоры о передаче пленных по суше.⁴⁷ Что же до 800 русских, упомянутых в советской радиопередаче, то эта группа, как считалось, была перевезена американцами из Англии в США.⁴⁸ Предположение оказалось ошибочным, к тому же среди русских, обмененных на Эльбе, этих 800 быть не могло: они вернулись в СССР морем, из Ливерпуля.⁴⁹

Правда, нам известны два случая, когда угроза шантажа исходила от крупного советского должностного лица. Генерал Ратов, глава советской репатриационной миссии в Англии, потребовал от бригадира Файербрейса выдать пленных, которых англичане не считали советскими гражданами и которые находились в списке лиц со спорным гражданством.

После ленча в лагере он попытался вернуться к этому вопросу и сказал, что, если мы будем так себя вести, им придется задержать в Одессе 50 англичан, бывших военнопленных, и добавил: "Как вам это понравится?" Я сказал, что передам его слова начальству, чем, похоже, приструнил его, и больше он к этой теме не возвращался.⁵⁰

В августе Ратов был переведен в Норвегию руководить репатриацией находящихся там русских. Однажды он весьма резко потребовал выдать большое число лиц со спорным гражданством, которых англичане считали поляками. На конференции в Тронхейме он сердито сообщил бригадиру Г. Дж. Смигу, что

у русских в руках было полмиллиона английских солдат (бывших военнопленных), и никого из них не задерживали под

выдуманными предложениями. По его мнению, их следовало задерживать как объект товарообмена, и тогда, быть может, английские власти иначе отнеслись бы к советским гражданам.⁵¹

Оба эти высказывания советского генерала весьма показательны. Из рассказа бригадира Файербрейса ясно, что Ратова очень беспокоило, как бы о таком превышении полномочий не узнали в советском посольстве или в самой Москве. Резкого предупреждения Файербрейса оказалось достаточно, чтобы заткнуть советскому генералу рот — а такое случилось не часто. Высказывание на совещании с бригадиром Смитом тоже было импровизацией Ратова; при этом он преувеличил количество английских пленников чуть ли не в двадцать раз.

Как результат угрозы генерала Ратова, появились уникальные документы, единственные, где зафиксирована реакция МИД на возможность задержки Сталиным освобожденных английских военнопленных в СССР. Эти документы находятся в досье, рассекреченном лишь в 1978 году, и в свете постоянных заявлений МИД об опасности ответных мер со стороны Сталина представляют собой любопытное чтение. "Вряд ли советское правительство всерьез отнесется к рекомендациям генерала Ратова, даже если он их и выдвинет", — замечает Джон Голсуорси. Ему вторит Джоффри Вильсон: "Я очень сомневаюсь, что Советы попытаются задержать кого-либо из наших". А заведующий Северным отделом МИД Кристофер Уорнер решительно подтверждает: "Согласен".⁵²

Можно с полным основанием предположить, что, даже если вопрос о задержке английских пленников всплывал в переговорах между Ратовым и его начальством, всерьез эту идею никто не принимал. Да и вообще сомнительно, чтобы Сталин думал о столкновении с англичанами. Одной из главных причин, заставлявших его требовать возвращения всех беглых подданных, был страх перед тем, что подумают на Западе, если многие русские откажутся вернуться. Вряд ли Сталин решился бы ради насильственного возвращения тысяч простых советских граждан, предпочитавших репатриации самоубийство, оскорбить западное общественное мнение задержкой освобожденных солдат союзников. В конце концов, смирился же он с тем, что примерно миллион лиц со спорным гражданством и советских граждан остались на Западе. И никаких ответных акций советским правительством в связи с этим предпринято не было.

Стоит отметить также, что советские представители, в силу очевидных причин, всячески избегали публичных либо письменных упоминаний о своих требованиях к англичанам и американцам насильно вернуть своих граждан. Однажды, когда советский генерал в Италии потребовал

применения силы, английский коллега предложил ему письменно изложить это требование — и "генерал-майор Суслапаров отказался".⁵³ Советские представители всеми силами старались скрыть от западной общественности существование договоренности о насильственной репатриации, не говоря уж о случаях применения силы к русским пленным. Советские офицеры, сопровождавшие пленных, страшно нервничали, когда их подопечные оказывались на виду у простых англичан.⁵⁴ А один француз, имевший несчастье увидеть то, чего ему видеть не полагалось, был похищен и оказался в Сибири.⁵⁵ МИД прекрасно знал о том, что Советы боятся огласки,⁵⁶ хотя и не воспользовался этим.

Однако стоит поговорить о более реальной опасности, вытекающей из политики насильственной репатриации. Воспользовавшись тем предложением, что в СССР плохо обращаются с пленными вермахта, Гитлер мог устроить массовый расстрел английских пленных, в 1945 году находившихся во власти прославившегося своей жестокостью генерала СС Бергера, усиленно искавшего повода для расстрелов.⁵⁷ И именно в этом случае МИД ставил на карту жизнь своих соотечественников.

Итак, мог ли МИД отказаться выдать всех или часть советских пленных, не желавших возвращаться? Поскольку МИД не только не пытался это сделать, но даже и не рассматривал такую возможность, нам остается лишь гадать об этом. Правда, у нас есть достаточно свидетельств, чтобы представить себе возможное развитие альтернативной политики. Мы показали в этой книге, что американцы вели себя иначе. После того, как МИД в октябре 1944 года принял все советские требования, США долгое время отвергали идею насильственной репатриации. Еще дольше придерживались они Женевской конвенции. После кровавой репатриации из Кемптена они временно отказались от применения силы, а, возобновив эту политику в 1946 году, применяли ее лишь по отношению к определенным категориям. Они не рассматривали официально возможности применения силы к гражданским лицам, не говоря уж о женщинах и детях. Они возражали против планов выдачи белоэмигрантов обманом или силой. Однако у нас нет никаких документальных свидетельств о том, что Советы пытались дискриминировать освобожденных американцев, оказавшихся у них в руках, и ни один солдат при отправке из Одессы или Торгау не был задержан вследствие недовольства советских руководителей американской политикой.

Таким образом, данные говорят за то, что более твердая линия в переговорах 1944-45 годов имела все шансы на успех. Конечно, можно спорить о том, какой именно альтернативный курс следовало избрать. Например, можно было бы настаивать, чтобы двустороннее Ялтинское

соглашение касалось только освобожденных военнопленных, и тем самым исключить из него массу гражданских лиц, обнаруженных союзными армиями.⁵⁸ Можно было бы приостановить репатриацию после первых донесений о жестокой расправе с репатриантами в Одессе. Можно было бы с самого начала настоять на применении силы лишь к определенным категориям пленных, как это в конце концов и было сделано (без всяких дурных последствий) в директиве Мак-Нарни–Кларка. Несомненно, МИД мог смело отказаться отдавать приказы об операциях с применением силы против женщин и детей. Короче говоря, имелось множество вариантов, помимо полного принятия всех советских требований.

Кстати, примерно в то же время похожая ситуация возникла в Венгрии. Выяснилось, что профашистски настроенные министры Баки и Эндре организовали депортацию венгерских евреев в немецкие концлагеря. Это сообщение и вести о трагической судьбе депортированных дошли до регента, адмирала Хорти. Он пришел в ярость, приказал немедленно прекратить эти операции и уволил обоих министров, обозвав их "грязными садистами". Отказавшись принести в жертву своих подданных, Хорти шел на большой риск. Армии Германии, могущественного союзника Венгрии, стояли на границах страны и вполне могли опрокинуть правительство либо своими силами, либо поддержав путч венгерской фашистской партии.⁵⁹

На доводы такого рода чиновники МИД несомненно ответили бы, что всякое проявление твердости со стороны англичан поставит под угрозу заключение чрезвычайно важного Ялтинского соглашения. Но было ли это соглашение действительно таким важным? Советы с самого начала считали его "еще одной бумажкой" и нарушали буквально все главные пункты договора. В июле 1945 года МИД собрал толстую папку документов о невыполнении Советами едва ли не всех соглашений, подписанных ими с англичанами. В заключение рапорта констатировалось: "Советские власти показали свою полную неспособность выполнить некоторые главнейшие условия Ялтинского соглашения".⁶⁰ Американцы тоже подробно перечислили советские нарушения, а генерал Дин подытожил: "Все соглашения относительно американских военнопленных, освобожденных Красной армией, были нарушены..."⁶¹

Возможно, более твердая позиция МИД повлекла бы за собой какие-то неудобства для освобожденных английских военнопленных, но с тем же успехом можно сказать, что английские пленные, еще находившиеся в руках у немцев, подвергались в результате проводимой политики гораздо большему риску репрессий со стороны СС. И мы не знаем другого случая, когда государственное учреждение пошло на подобный риск.⁶²

Довод о скорейшем возвращении английских военнопленных был главным оправданием политики, неуклонно проводимой МИД на протяжении почти трех лет. Но это соображение существовало лишь в первые месяцы насильственной репатриации. 20 июня 1945 года сотрудник МИД Уорнер Робертс сообщал об отсутствии случаев репрессий в отношении английских военнопленных или их жен и добавлял, что вообще подавляющее большинство пленных уже вернулось домой,⁶³ так что и это обстоятельство отпало. В августе, после вступления СССР в войну с Японией, ненадолго возникла новая проблема. Красная армия освободила в Маньчжурии небольшое количество английских и американских военнопленных, и западные союзники решили и теперь действовать соответственно Ялтинскому соглашению — ради пленных, освобожденных на Дальнем Востоке.⁶⁴ Однако уже к началу сентября ситуация изменилась, и военное министерство констатировало:

Мы значительно меньше, чем прежде, заинтересованы в выполнении советских требований. Эти обсуждения начались, когда мы были озабочены тем, чтобы получить обратно большое число наших военнопленных, оказавшихся у Советов, тогда как сейчас их осталось совсем немного. Тем самым устраняется одна очень серьезная причина, по которой мы не могли отказаться от выдачи этих несчастных советским властям.⁶⁵

Таким образом, английские и американские военные возражали против продолжения политики, которая всегда была негуманной, а теперь, к тому же, перестала быть необходимой. Но именно в это время чиновники МИД удвоили — если не удесятерили — свое рвение в деле выдачи всех до единого русских советским властям. Правда, основная масса репатриантов уже была отправлена в СССР, но зато началась охота за небольшими группами запуганных мужчин, женщин и детей — иногда даже за отдельными людьми, — так что репатриационные операции превратились чуть ли не в акты личной мести. И со стороны англичан понадобились грандиозные усилия, чтобы убедить американцев отказаться от их гуманной позиции и вести более жесткую политику.

Нельзя сказать, что сотрудники МИД не представляли себе, какая судьба ожидает русских пленных на родине. Рапорты об убийствах и расстрелах в Одессе и Мурманске с самого начала аккуратно подшивались к делу и комментировались в английском правительстве, и, накладывая резолюцию на письмо молодого солдата Калкани, чиновник

МИД Томас Браймлоу прекрасно знал, что ждет этого парня. Знали министерские работники и о том, что репатрианты, отказывавшиеся репатрироваться или пытавшиеся попасть в список лиц со спорным гражданством, наверняка будут уничтожены. Об одном русском, которого МИД хотел депортировать, Патрик Дин написал откровенно: "Он несомненно будет казнен".⁶⁶

В ноябре 1945 года английское посольство в Москве сообщило о судьбе вернувшихся русских: к ним повсеместно относятся с подозрением, вывозят большими группами на восток и "обращаются с ними очень грубо, хуже, чем с немецкими пленными". Джон Голсуорси комментировал это сообщение:

Отчеты английских офицеров, сопровождавших советских репатриантов на родину, а также случайная информация из других источников, не оставляют места для сомнений: родина оказывает ... репатриантам прием равнодушный и часто жестокий; заклеенные контактами с заграницей, они попадают под подозрение.

Исайя Берлин, работавший тогда в посольстве в Москве, сообщил о разговоре с необычно откровенным советским генералом, который выразился так: "Наши люди залезают в каждую дыру в поисках наших военнопленных [на Западе], и когда их ловят, с ними обращаются довольно-таки грубо, разделяют семьи и все такое". "Этим НКВД занимается?" – спросил Берлин. Ответом ему был многозначительный взгляд. Заместитель министра иностранных дел Александр Кадоган прочел это сообщение, но не реагировал на него.

Читатели "Архипелага ГУЛаг" могут по достоинству оценить отчет Кадогана об институте исправительно-трудовых лагерей в СССР:

В СССР не существует проблемы безработицы. Безработных собирают в одном месте и везут – иногда за сотни километров – на работы по освоению обширных пространств России, которые веками оставались нетронутыми.⁶⁷

Впрочем, кое в чем он был прав: по меньшей мере два с половиной миллиона репатриированных в 1945 году военнопленных и перемещенных лиц, а также представителей депортированных народов (эстонцев, поляков, грузин, китайцев и т. д.) были помещены в исправительно-трудовые

лагеря,⁶⁸ а тысячи освобожденных эков пополнили ряды Красной армии.⁶⁹ Как тут не вспомнить слова того же Кадогана в январе 1945 года: "Трудно понять, почему советские так пекутся об этих несчастных пленных, половину которых они скорее всего расстреляют сразу же по прибытии в СССР".⁷⁰

Конечно, чиновники МИД были вовсе не в восторге от проводимой ими политики, но они полагали, что это необходимая жертва во имя жизненно важных дипломатических потребностей: сначала — ради сохранения союза против Германии, а по окончании войны — ради тесного сотрудничества с СССР в новом послевоенном мире. И судьба тысяч русских беженцев не должна была нарушать этот грандиозный проект.

Иден и его советники не оттягивали неизбежной конфронтации. Они искренне верили в добрую волю Сталина. Иден относился к Сталину с симпатией и восхищением. Эти чувства разделяли его постоянные сотрудники, помогавшие ему в составлении двух важных отчетов о советской политике для кабинета — 4 июня и 9 августа 1944 года. В первом подчеркивалось "страстное" стремление СССР к сотрудничеству с Англией и Америкой. Во втором подробно излагалась точка зрения МИД, считавшего, что вряд ли после войны у СССР будет желание вмешиваться в дела соседних стран, а "Польше будет предоставлена подлинная независимость и свобода от излишнего вмешательства СССР в ее внутренние дела". Авторы делали следующий вывод:

Советское правительство попытается вести политику сотрудничества с нами, США (и Китаем) в рамках какой-либо всемирной организации или вне ее, если такой организации не возникнет.

В отчете также делалась попытка на основании суждений специалистов из посольства в Москве и сотрудников Северного отдела МИД проанализировать политическую ситуацию внутри СССР:

Не исключено, что в Советском Союзе имеются две философских школы. Одна выступает за сотрудничество [с Западом], другая считает, что Советский Союз не может и не должен никому верить, может полагаться лишь на собственные силы и поддержку своих друзей в зарубежных странах. К счастью, по всем данным, Сталин, скорее всего, является представителем первой школы, и эта точка зрения сейчас приобретает первостепенное значение.⁷¹

Всякая попытка раскачать лодку, говорилось в отчете, может лишь поставить под угрозу возможность конструктивного сотрудничества и помочь укреплению позиций консервативных противников Сталина в СССР. Специалисты из Северного отдела, вроде Джона Голсуорси и Кристофера Уорнера, высмеивали даже самые убедительные предположения о том, что Советский Союз может представлять собой потенциальную угрозу для Запада.⁷² Генерал Мартель, до марта 1944 года возглавлявший военную миссию в Москве, утверждал, что чиновники МИД только и знают, что "лижут большевистские сапоги до потери сознания", и предлагал Англии при переговорах с СССР хотя бы изредка отстаивать свою позицию.⁷³ Между прочим, когда Мартель должен был делать доклад об операциях в СССР перед Королевским обществом по Средней Азии, сообщение об этом мероприятии страшно обеспокоило Уорнера. "Я не могу отделаться от мысли, что этот доклад следует отменить", — писал он.

Впрочем, Уорнер, столь опасавшийся неортодоксальных взглядов, был верным учеником самого Идена, глубоко убежденного в необходимости замалчивать точки зрения, отличающиеся от его собственной. Иден даже в кабинете сумел предотвратить распространение несовпадающих с его мнением суждений о Советском Союзе. 1 сентября 1944 года Уинстон Черчилль пустил среди коллег по кабинету интереснейший документ — "Факты и тенденции войны, 1944", отчет, составленный Рональдом Мэтьюсом, московским корреспондентом "Дейли Геральд" в 1942-1944 годах. По своим взглядам Мэтьюс был социалистом, жена его была русской. При этом, хотя его передвижение по СССР было строго ограничено, он все же сумел воссоздать довольно точную картину советского общества, и даже сейчас, спустя более чем сорок лет, его анализ поражает точностью и прозорливостью. Описав сталинский тоталитарный режим внутри страны и угрозу, которую может представить сталинская внешняя политика, он писал:

Чрезвычайно важно, чтобы западные державы сумели в конце войны внушить СССР... чувство безопасности. Причем я считаю важным сделать это без ненужных уступок СССР. Такие уступки только обостряют чувство обиды. И я не думаю, что русские действительно будут доверять нам, если мы не проявим в общении с ними твердость наряду с уступчивостью. Может, я ошибаюсь, но мне кажется, что наши уступки в вопросах, в которых мы сознавали свою правоту, возымели вдвойне отрицательное действие. Во-первых, мы утратили их уважение (русские уважают твердость), а во-вторых, это могло породить у них ощущение, что

мы временно подкупаем их, так же, как в августе 1939 года они с немцами взаимно подкупали друг друга.

На Черчилля этот отчет произвел большое впечатление, но картина, нарисованная Мэтьюсом, слишком расходилась с мидовской точкой зрения. И в результате в сопроводительной записке к отчету появилась такая строчка: "По предложению министра иностранных дел, премьер-министр распорядился изъять этот документ из обращения".⁷⁴

Позиции англичан и американцев в деле насильственной репатриации не следует отделять от их политики тех лет в отношении СССР в целом. Чиновники МИД считали, что Сталин благосклонно относится к Западу и что сотрудничество с ним не только возможно, но и важно для английских интересов. И судьба русских репатриантов была в их глазах огорчительной, но неизбежной жертвой, принесенной во имя этой главной цели.

* *
*

После выхода в свет первого издания книги у меня в руках оказался полный отчет о военнопленных 1939-1945 годов, составленный полковником Генри Филлимором в 1949 году по запросу военного министерства и находящийся теперь в библиотеке министерства обороны. Отчет подтверждает два главных юридических несоответствия, о которых я писал в этой главе. Во-первых, Англия всегда, кроме случая с русскими военнопленными, считала военную форму единственным признаком национальности военнопленного. Вот что сказано об этом в отчете полковника Филлимора:

После поражения союзных стран многие их граждане были мобилизованы в английскую армию, и управление [по делам военнопленных] было ответственно за их благополучие, если они попадали в плен в качестве английских военнопленных. Опасения, что враг может отрицать этот статус, были источником постоянной тревоги, и за этим следили самым тщательным образом. Однако на практике вражеская сторона приняла их статус и обращалась с военнопленными как с гражданами той страны, в военную форму которой они были одеты в момент пленения... Это правило относилось также к трудовой организации Тодта.

Во-вторых, из отчета выясняется, что англичане всегда придерживались обязательства, оговоренного в международном праве, не передавать взятых в плен вражеских солдат под опеку союзника... за исключением, разумеется, случаев со сдавшимися в плен казаками и другими русскими, служившими в немецкой армии:

До окончания военных действий на Западе мы неизменно отказывались давать разрешение на содержание военнопленных или на их пересылку каким-либо другим союзным силам... На военное министерство постоянно оказывалось давление с целью получить согласие на такой перевод [по причинам административного удобства, но] ... мы твердо и успешно противостояли этому нажиму под разными предлогами, опасаясь, что враг ответит на это переводом английских военнопленных к своим союзникам, т. е. в Румынию или Болгарию, или будет вымещать на наших военнопленных все жалобы о плохом обращении с пленными, переданными нами нашим союзникам.

Далее Филлимор разъясняет значение этого пункта.

Мы опасались подобной выдачи, понимая, что это может дать немцам предлог для перевода английских военнопленных под опеку другого правительства Оси, например, какого-нибудь из Балканских государств, проявивших себя в войне 1914-1918 годов далеко не лучшим образом. Соответственно, мы уговорили американцев согласиться, что в свете положений [Женевской] конвенции мы должны нести всю ответственность за пленных [находящихся в руках у англичан] и что они поэтому должны в обращении с пленными руководствоваться нашими правилами по данному вопросу. Эти правила включают двусторонние соглашения с вражескими правительствами. В этой связи мы также опасаемся влияния выданных на наши взаимные соглашения с вражескими правительствами.

Выдавая русских в немецкой форме советским властям, английское правительство прекрасно знало, что сознательно нарушает свои обязательства по международному праву, и соглашения с немецким правительством. Такое сознательное нарушение закона трудно назвать иначе, как военным преступлением.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Советские договоры, подписанные после окончания Первой мировой войны, оговаривали недопустимость насильственных репатриаций (см.: Jan F. Triska, Robert M. Slusser. *The Theory, Law, and Policy of Soviet Treaties*. Stanford, 1962, p. 201; Julius Epstein. *Operation Keelhaul: The Story of Forced Repatriation from 1944 to the Present*. Old Greenwich, Connecticut, 1973, pp. 14–15).
2. См.: СССР–Германия. 1939. Изд. "Телекс", США, 1983 (прим. ред.).
3. Две жертвы этой выдачи, помещенные в нацистские концентрационные лагеря, впоследствии написали воспоминания (см.: Alex Weissberg. *Conspiracy of Silence*. London, 1952, pp. 493–497; Margaret Buber. *Under Two Dictators*. London, 1949, p. 167). Одного еврея-коммуниста, бежавшего из Германии, советское правительство депортировало в Германию еще в 1936 году (см.: Victor Kravchenko. *I Chose Freedom*. London, 1947, p. 210).
4. См.: Arthur Koestler. *The Yogi and the Commissar, and other Essays*. London, 1945, pp. 87–90.
5. War Office [в дальнейшем: Архив военного министерства Великобритании], 32/11137, 164 А–С.
6. См. там же, 32/11681, 168 С.
7. Foreign Office [в дальнейшем: Архив министерства иностранных дел Великобритании], 371/47899, 93.
8. Там же, 371/47896.
9. Там же, 371/47908, 162.
10. Там же, 371/47899, 94–96.
11. Там же, 89–90.
12. Там же, 371/47897, 108–113.
13. Там же, 371/47899, 90.
14. PREM [Документы канцелярии премьер-министра], 3.364/9, 433; см. также: Архив военного министерства Великобритании, 32/11681, 60 В.
15. Там же, 117 А.
16. Там же, 120 А–В.
17. Там же, 127 D. Предложения о дальнейших усилиях в этом направлении выдвигались (см. там же, 32/11119, 230 А), но впоследствии от них отказались.
18. Джордж Орвелл писал по этому поводу: "Если предположить, что можно с пользой использовать военнопленных таким образом, вручив им оружие, – то почему это было проделано лишь с русскими пленными, а не с английскими или американскими?"
19. Через семь лет после подписания Ялтинского соглашения Англия и США сами столкнулись с аналогичной проблемой. Тысячи китайских солдат, взятых в плен в Корее, категорически отказались вернуться домой. Английские и американские дипломаты сошлись на том, что заставлять их вернуться домой – значит поступить негуманно и к тому же нарушить международное право. (См.: Charles E. Bohlen. *Witness to History*. London, 1973, pp. 300, 349–352; Robert Murphy. *Diplomat Among Warriors*. London, 1964, pp. 436–439; Dean Acheson. *Sketches From Life of Man I Have Known*. New York, 1961, pp. 101–103; он же. *Present at the Creation*. London, 1970, pp. 652–653. Болен,

Мёрфи и Ачесон вплотную занимались проблемой репатриации русских в 1945 году.

20. Prisoners of War under the Geneva Convention. – The International and Comparative Law Quarterly. London, 1969, XVIII, pp. 178–187.
21. Myres S. McDougal, Florentine P. Feliciano. Law and Minimum World Public Order. Yale, 1961, pp. 88–89; см. также: Julius Epstein, указ. соч., стр. 13–21; Christiane Shields Delessert. Release and Repatriation of Prisoners of War at the End of Active Hostilities. Zurich, 1977; подробный анализ всего вопроса см. в: G. I. A. D. Draper. The Red Cross Conventions. London, 1958, pp. 49–72.
22. Письмо Герберга А. О Брайна. New York Herald Tribune, 2. 12. 1945.
23. Encyclopaedia of Zionism and Izrael. London, 1971, pp. 618–619.
24. C. C. Aronsfeld. The "Special Treatment" of Jewish Prisoners of War. – Wiener Library Bulletin. 1964, XVIII, p. 23.
25. См.: Архив военного министерства Великобритании, 204/897, 145 А.
26. См.: Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1945. V. Europe, Washington, 1967 [в дальнейшем: FRUS], p. 1084. Решая вопрос о пленных в Форте Дикс, США нарушили занятую ими ранее позицию. Но это, кажется, был единственный случай компромиссного варианта. См. также: John R. Dean. The Strange Alliance. London, 1947, p. 187.
27. Архив военного министерства Великобритании, 204/1596.
28. Journal of the Royal Service Institution, XCIX, p. 262.
29. Письмо к автору.
30. Письмо к автору.
31. Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/43382, 33; см. также: Архив военного министерства Великобритании, 32/11137, 14 А.
32. САВ [Документы кабинета министров], 88/30, 438; Архив военного министерства Великобритании, 32/11137, 101 А (6В), 187 А.
33. Там же, 34 А.
34. Там же, 105 А.
35. См.: Вячеслав Науменко. Великое предательство: выдача казаков в Лиенце и других местах (1945-1947), т. 2, Нью-Йорк, 1970, стр. 146–147.
36. См.: Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/50606, 224–227.
37. См.: Архив военного министерства Великобритании, 32/11119, 198 А, 200 А, 280 А, 282 А, 302 А; Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/50606, 15, 138–139.
38. Архив военного министерства Великобритании, 32/11681, 164 А.
39. Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/47902, 100.
40. Там же, 106.
41. См.: ПРЕМ, 3/364, 394.
42. Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/47905, 190.
43. Nicholas Bethell. A Brutal Exchange. [Жестокий обмен] – Sunday Times, 6. 1. 1974; письмо лордов Хенки и Колерейна (см.: Observer, 7. 12. 1975).
44. См.: The Times, 7. 12. 1974.
45. Эту информацию любезно предоставили мне офицеры британских и южноафриканских военно-воздушных сил Том Слек и Нил Мак-Дональд, освобожденные из Люкенавальде. Мое письмо в "The Times", 30. 11. 1974, было, как я теперь понимаю, ложным умозаключением на основании ограниченных фактов, бывших тогда в моем распоряжении.

46. См.: Архив военного министерства Великобритании, 32/11139.
47. См.: Nicholas Bethell. *The Last Secret: Forcible Repatriation to Russia 1944-1947*. London, 1974, p. 65. Имелся еще один фактор, вызывавший задержки в освобождении союзных пленников: "Советы несомненно опасались, что бывшие пленные могут принести с собой рассказы о поведении Красной армии в Польше" (Adam B. Ulam. *Expansion and Coexistence: The History of Soviet Foreign Policy, 1917-1967*. London, 1968, p. 380).
48. См.: Архив военного министерства Великобритании, 32/11139, 309 А.
49. 28 марта (см. там же, 204/897, 148 А).
50. Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/47897 (11 апреля 1945).
51. Сопровождение в штабе зоны 16. 8. 1945. Записки любезно предоставил мне В. Бритнев.
52. Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/47897, 64 – 66.
53. Архив военного министерства Великобритании, 204/3877.
54. См.: Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/47904, 154.
55. См.: А. Солженицын. *Архипелаг ГУЛаг (1918–1956). Опыт художественного исследования*, т. 1. ИМКА-Пресс, Париж, 1973, стр. 513.
56. См.: Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/47901, 45.
57. H.R. Trevor-Roper (ed.) *Hitler's Table Talk 1941-1944*. London, 1953, pp. 696 – 697.
58. На конференции "Толстой" советский представитель согласился на это различие (см.: PREM, 3/364, 256).
59. С. А. Macartney. *October Fifteenth: A History of Modern Hungary 1929-1945*. Edinburgh, 1957, II, pp. 301 – 309. Финляндия тоже не согласилась преследовать своих евреев. Через несколько лет в советском исправительно-трудовом лагере группа евреев благодарил одного финна за достойную позицию, занятую его страной. (См.: Unto Parvilahti. *Beria's Gardens*. London, 1959, pp. 116 – 118).
60. Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/47964; см. также: Архив военного министерства Великобритании, 32/11139.
61. См.: John R. Dean, указ. соч., стр. 34, 189 – 201, 293 – 294; FRUS, p. 1101.
62. См.: Архив военного министерства Великобритании, 32/11137, 87, 100 А.
63. См.: Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/47901, 45.
64. См. там же, 162 – 163; Архив военного министерства Великобритании, 32/11681, 189 А; FRUS, p. 1105.
65. Архив военного министерства Великобритании, 32/11119, 325 А.
66. Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/47901, 43.
67. Там же, 371/47858.
68. См.: S. Swianiewicz. *Forced Labour and Economic Development*. Oxford, 1965, pp. 23, 42 – 44; см. также: Unto Parvilahti, указ. соч., стр. 111 – 112; Victor Kravchenko, указ. соч., стр. 404 – 406; J. Sholmer. *Vorkuta*. London, 1954, pp. 139 – 140, 212; Antoni Ekart. *Vanished without Trace: The Story of Seven Years in Soviet Russia*. London, 1954, pp. 228, 254 – 255; D.J. Dallin and B.I. Nicolaevsky. *Forced Labour in Soviet Russia*. London, 1948, pp. 297 – 298.
69. См.: J. Sholmer, указ. соч., стр. 202.
70. Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/50606, 185.

71. САВ, 66, 114, 173–179.
72. Сэр Томас Престон, бывший английским консулом в Екатеринбурге во время убийства царской семьи в июле 1918 года, представил компетентный доклад по этому вопросу. (См.: Архив министерства иностранных дел Великобритании, 371/43336; там же, 43335).
73. См. там же, 43361.
74. См.: САВ, 66, 121–131.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Профессор Дж. Дрейпер, полковник, кавалер ордена Британской империи четвертой степени.*

НЕКОТОРЫЕ ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НАСИЛЬСТВЕННОЙ РЕПАТРИАЦИИ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН

А. Предисловие

Цель этого приложения — рассмотреть отдельно юридические вопросы, возникающие в связи с принудительной репатриацией советских граждан, попавших в руки британских властей во время службы в германской армии или при ней на исходе Второй мировой войны. Н. Толстой, используя подтверждающие его выводы документы, подробно описал в книге методы, которыми осуществлялась насильственная репатриация более чем двух миллионов советских мужчин, женщин и детей из Англии и стран, оккупированных англо-американскими армиями после капитуляции Германии 8 мая 1945 года.

При чтении книги неизбежно возникает вопрос о юридических основаниях этого процесса. Чем руководствовались правительства данных стран при проведении массовой репатриации советских граждан — международным правом, внутренними законами Великобритании или же законом, установленным для английских зон оккупации в Австрии, Германии и Италии? В книге изложены в основном юридические воззрения юрисконсульта МИД Патрика Дина, поддерживающие политику министерства и других органов английского правительства, в особенности военного министерства и министерства внутренних дел. Юридические суждения по отдельным вопросам высказывала также канцелярия генерального прокурора. Других юридических взглядов автор не раскрывает, поэтому

* Профессор права в университете графства Суссекс; военный прокурор на Нюрнбергском процессе, 1945-1949; юрисконсульт делегации Великобритании на дипломатической конференции по военному праву, 1974-1977.

в основе комментариев, приведенных в этом приложении, лежат исключительно выдержки из имеющихся в книге высказываний по юридическим вопросам.

Юридические воззрения Патрика Дина, пересказанные в книге, могут вызвать у нас сомнения, однако вряд ли мы можем сомневаться относительно судьбы советских граждан, репатрированных в СССР из оккупированных стран Европы и из Северной Африки на более ранней стадии войны, в 1943 году. Те, кого не расстреляли сразу по прибытии или после выдачи советским властям, попали в жуткие исправительно-трудовые лагеря, столь ярко изображенные в классическом труде А. Солженицына о советской карательной системе "Архипелаг ГУЛаг".

Б. Юридические аспекты насильственной репатриации граждан союзных стран

В событиях, которые автор подверг скрупулезному исследованию, есть одна любопытная деталь. Многие юридические вопросы, с которыми сталкивался Патрик Дин в МИД, в конце концов решались не по сводам законов, но под влиянием развития дел в дипломатии и на полях сражений. В июне 1944 года, когда первые русские военнопленные прибыли в Англию, перед Патриком Дином возник требовавший срочного ответа вопрос о статусе этих пленных в свете международного права: являются ли русские военнопленные, взятые в плен в момент их службы в немецкой армии в Нормандии, военнопленными в руках Страны Задержания, т.е. Великобритании, и имеют ли они право на применение к ним Женевской конвенции 1929 года. Это была сложная проблема. Русские военнопленные являлись советскими гражданами, в ходе войны оказавшимися в руках у немцев и вступившими, по принуждению или добровольно, по разным мотивам, в немецкие вооруженные силы, некоторые в качестве членов военных соединений, большинство же — как члены подсобных трудовых объединений, в частности, трудовой организации Тодта. Они были взяты в плен в момент своей службы в немецких вооруженных силах (или при них) английскими войсками в Нормандии, после высадки союзников 6 июня 1944 года.

Возникла совершенно необычная ситуация. К тому же, было похоже, что в ходе военных акций число русских военнопленных очень быстро возрастет. Такие прецеденты ранее не отмечались, известно было лишь, что какое-то количество русских пленных попало в плен с немецкими войсками в Северной Африке в 1943 году, их перевезли в лагерь в Александрии, а затем английское командование переправило их через Багдад и Тегеран в СССР, где их отправили в знаменитые лагеря на Воркуте. Сразу же после высадки союзников Патрик Дин посоветовал военному министерству "в настоящее время" обращаться с русскими пленными в Англии как с военнопленными. При этом он вовсе не имел в виду, что они были военнопленными по закону, и суть совета сводилась к тому, что с ними следует лишь обращаться как с таковыми. Это был осторожный компромиссный

совет, вполне понятный. Тут следует подчеркнуть, что в системе английского правительства за юридические консультации по проблемам военнопленных отвечает МИД, а военному министерству надлежит следовать этим советам как учреждению, ответственному за управление лагерями военнопленных и их транспортировку. Военное министерство может воспользоваться также советом главного военного прокурора, но лишь в дисциплинарных и судебных делах, связанных с военнопленными, представленными перед военным судом. Но военное министерство не занимается юридической стороной вопросов, касающихся военнопленных, такими, как их право на данный статус, отношения с Государством-Протектором (Швейцарией) и решение об их репатриации. Эти вопросы находятся в компетенции юрисконсультов МИД.

Из допросов русских, попавших в плен в Нормандии, выяснилось, что они делятся на различные категории. Они служили в немецкой армии или работали на нее по самым различным причинам. Здесь были перебежчики из советской армии, советские военнослужащие, попавшие в плен к немцам, беженцы из сталинского СССР, пробиравшиеся с семьями через восточную Европу на запад и в центральную Европу, и "восточные рабочие", вывезенные немцами на работы.

Имели ли эти люди, оказавшиеся теперь под английской опекой в Англии, право считаться военнопленными в соответствии с Женевской конвенцией 1929 года? Германия, Англия и США подписали эту конвенцию и должны были придерживаться ее. СССР конвенцию не подписал. В июне 1941 года он официально заявил союзным и нейтральным государствам, что будет придерживаться конвенции в том случае, если это будут делать немецкие захватчики. Последние не применяли конвенцию к советским военнопленным, и советские отвечали им взаимностью. Таким образом, эти две стороны во время Второй мировой войны конвенцию 1929 года не выполняли.

В Женевской конвенции 1929 года получили развитие принципы, определенные в более раннем постановлении международного права, которое не упоминает Патрик Дин в цитированных автором отрывках из его высказываний. Речь идет о Гаагской конвенции 1907 года о законах и обычаях войны на суше и инструкциях к ней. В последних, между прочим, рассматривались также проблемы военнопленных. Эти инструкции не были исчерпывающими, однако считалось, что они охватывают все установления закона войны на суше, как они понимались государствами на исходе XIX века. В действительности, Гаагская конвенция и с десяток других, появившихся в то же время, представляют первую попытку кодификации международного права со стороны государств, составлявших в то время международное сообщество. Главным инициатором конвенции была Российская империя, а главным составителем приложенных инструкций — русский юрист де Мартенс, заведующий кафедры международного права в Санкт-Петербургском университете и юрисконсульт российского МИД. СССР, задолго до Второй мировой войны, заявил, что не придерживается Гаагской конвенции. Однако в решении Нюрнбергского международного военного трибунала в октябре 1946 года констатировалось:

К 1939 году правила, изложенные в конвенции (1907 года), признавались всеми цивилизованными нациями и считались определяющими законы и правила войны, о которых упоминается в статье 6 (б) Хартии.

Имелось в виду Лондонское соглашение 1945 года, в котором участвовали Англия, США и СССР.

Следовательно, по закону, СССР во время Второй мировой войны был обязан придерживаться Гаагской конвенции и имел право на предоставляемые ею преимущества в отношении своих пленников. СССР участвовал в Нюрнбергском процессе и сотрудничал в составлении заключения, осуждающего немецких военных руководителей за бесчисленные грубые нарушения Гаагских инструкций в отношении СССР, советских вооруженных сил и мирного населения. Он участвовал также в составлении Хартии лондонского соглашения от 8 августа 1945 года, где были изложены принципы международного права относительно военных преступлений, на основании которых трибунал осуществлял суд над обвиняемыми.

По Гаагским инструкциям 1907 и Женевской конвенции 1929 года солдатам вражеской армии, пленным в бою, предоставляются преимущества статуса военнопленных, вне зависимости от национальной принадлежности лица, взятого в плен. В обоих документах выдвинуто совершенно четкое требование, что страны, взявшие их в плен, или, как это называется в современном праве, Страны Задержания, должны обращаться с военнопленными гуманно. В обоих документах говорится о репатриации военнопленных после заключения мира, но ни один не предлагает репатриацию до этого события. Ни в одном документе не упоминается о запрещении или разрешении насильственной репатриации. В конвенции 1929 года запрещаются репрессии против военнопленных (в конвенции 1907 года этого пункта нет).

В основе правил по обращению с военнопленными в Гаагских инструкциях 1907 года и в основе военного права вообще лежит принцип гуманности. Де Мартенс, автор предисловия к Гаагской конвенции 1907 года, ввел следующий важный принцип, о котором не упоминает Патрик Дин в своих высказываниях по юридическим вопросам, цитируемых в этой книге:

До составления более подробного свода военных законов высокие договаривающиеся стороны считают целесообразным заявить, что в случаях, не учтенных принятыми ими правилами, жители и враждующие стороны остаются под протекцией правил, установленных между цивилизованными народами и вытекающих из законов гуманности и традиций общественной совести.

Эти фундаментальные принципы легли в основу международных конвенций, связанных с военным правом и заключенных после Второй мировой войны. Не менее популярны были они и во время войны. Если

учесть, что в Гаагских инструкциях 1907 года умалчивается о насильственной репатриации военнопленных, но говорится о необходимости гуманного обращения с ними, то отсюда вполне логично заключить, что с юридической точки зрения насильственная репатриация военнопленных запрещена, так как она исключает гуманное обращение.

Далее, возникает следующий вопрос: можно ли обойти это запрещение, утверждая, что данные лица никогда не являлись по закону военнопленными или рассматривались как таковые в компромиссном порядке лишь в первоначальный период своего пленения. Если да, то Страна Задержания имеет юридическое право отменить этот стандарт обращения с ними и репатриировать их насильно, как гражданских лиц, в союзную воюющую страну, гражданами которой они являются. Здесь появляется еще один юридический вопрос. Некоторые из пленных, плененные вражеской армией, утверждали на допросе, что их насильно принудили присоединиться к вражеской армии или работать на нее. Дает ли этот факт основания для получения статуса военнопленных? Такое принуждение запрещается статьей 23 Гаагских инструкций 1907 года и является частью закона войны на суше, и нарушители этих установок подлежат судебному преследованию как военные преступники. Означает ли это запрещение, что военнопленные, к которым было применено принуждение, не имеют права на статус военнопленных, попав в руки воюющей страны, являющейся союзником страны их происхождения? Это сложный юридический вопрос, и мнения специалистов по нему могут разойтись.

На следующем этапе юридического рассмотрения этого вопроса надлежало бы предположить, что по международному праву плененные русские не имеют права на статус военнопленных. Каков же, в таком случае, был бы их юридический статус? Что до русских пленных, находящихся в Германии, то их можно было бы считать гражданами союзной страны или, при наличии доказательств, дезертирами советских вооруженных сил. Если они являются дезертирами, но при этом остаются членами советских вооруженных сил, могут ли они по английскому закону считаться членами союзных сил, временно находящихся на территории союзной страны? Тогда советские военнопленные, находящиеся в Англии, будучи гражданами союзной страны, получили бы доступ в суд для решения таких вопросов, как гражданские права и обязанности и законность опеки. Но поскольку они являлись военнопленными, то есть врагами, то лучше всего было бы, чтобы они не имели возможности обращаться в английский суд: по английскому закону военнопленные не имеют права оспаривать опеку над ними в английском суде, вопреки статье 23 Гаагских инструкций 1907 года.

Патрик Дин рассмотрел все эти варианты и, вероятно, остался доволен тем, что ни одно такое дело не попало на рассмотрение суда. Вряд ли английский суд удовлетворился бы при рассмотрении ходатайства советского гражданина об освобождении из-под стражи юридическим доводом, что граждане другой страны, привезенные в эту страну как военнопленные, взятые в плен с немецкой армией, теперь стали членами союзных сил, поскольку служили в вооруженных силах СССР после 22 августа 1940 года (дата, зафиксированная Актом 1942 года).

Наконец, имелся еще юридический вопрос о насильственной депортации советских гражданских лиц (не являющихся военнопленными) из стран Европы, оккупированных английским военным командованием после крушения Германии в мае 1945 года. Именно эти люди составили основную массу тех, кто был насильно выдан советским властям во исполнение Ялтинских соглашений. На каком юридическом основании это было сделано? Если это была законная выдача, тогда Ялтинские соглашения являлись, с юридической точки зрения, излишним документом. Если же эта выдача являлась нарушением военного закона, то при публикации Ялтинских соглашений этот оттенок незаконности не только не исчезал, но напротив — открывался всему миру. Здесь уместен вопрос, знали ли английские власти о том, что может ждать советских граждан, выданных в оккупированной Европе различным советским представителям. Если английским властям было известно, что советских граждан будут использовать в качестве рабской силы или подвергнут жестокому обращению, могли ли они настаивать на законности такой выдачи? Конечно, у нас нет данных, позволяющих нам предположить, что английские власти выдавали советских граждан с тем, чтобы их расстреляли или подвергли жестокому наказанию. Но умышленная выдача другому государству лиц, про которых известно, что большинство их будет расстреляно или жестоко наказано, может дать основания для утверждения, что криминальные последствия выдачи были преднамеренны.

В. Юридические воззрения МИД

Неверно полагать, что юридические воззрения Патрика Дина были неизменны от начала и до конца. В них отражались разные события, дипломатические и военные, с которыми сталкивалось его министерство. Так что эти юридические взгляды имеют свою историю, как имеет ее всякий из репатриантов, насильно возвращенных в СССР. 24 июня 1944 года в Англии находилось небольшое количество русских военнопленных, но Германия еще вела активные боевые действия, и было ясно, что число таких пленных в скором времени значительно возрастет. В этот период Англия безуспешно добивалась от СССР каких-либо гарантий относительно дальнейшей судьбы этих пленных. Патрик Дин исходил из того, что немецкое правительство может применить "репрессии" по отношению к английским военнопленным, которые все еще находились у немцев. Такие действия решительно запрещаются статьей 2 Женевской конвенции 1929 года, которую подписали и Англия, и Германия. Имелось Государство-Протектор (Швейцария), в обязанности которого входил надзор за выполнением этих условий. Не совсем ясно, на какой именно стадии министр иностранных дел Иден воспользовался юридическим советом МИД. Военный кабинет впервые рассматривал вопрос о репатриации русских военнопленных 17 июля 1944 года, а юридический совет Дина был дан тремя неделями раньше. Казалось бы, МИД решил вопрос о насильственной репатриации всех русских военнопленных до решения

кабинета о насильственной репатриации, принятого в окончательном виде 4 сентября 1944 года. В сентябре же Дин так излагал юридические взгляды правительства:

Несмотря на условия Женевской конвенции, солдат, взятый в плен армией своей страны в тот момент, когда он находится на службе во вражеской армии, не может перед лицом своего правительства и закона своей страны претендовать на протекцию конвенции. Мы наверняка не признали бы такого права за английским гражданином, взятым в плен в момент его службы в немецкой армии. Если такой субъект взят в плен союзной армией, союзное правительство имеет право передать его без всяких условий его собственному правительству, не нарушая при этом конвенции. Встав на иной путь, мы поставили бы себя в сложное положение по отношению к союзным правительствам, и они имели бы основания обвинять нас в попытке защитить возможных предателей от наказания, которому они подлежат по законам их страны.

Совет этот был дан вскоре после решения кабинета о насильственной репатриации, до конференции "Толстой" в октябре 1944 года, когда вопрос о насильственной репатриации всех русских в Англии был решен на уровне министров. В своих юридических рассуждениях Дин, похоже, путает два совершенно разных аспекта — отношения между СССР и его подданными, служившими в армии врага, и отношение к русским гражданам, находящимся в руках союзников. Предшествующая государственная практика в мирных договорах XIX—XX веков либо отрицала репатриацию беженцев помимо их воли в страну их происхождения, либо разрешала проводить такую репатриацию на условиях амнистии, оговоренных в таком договоре, либо отказывала перебежчикам в статусе военнопленных, тем самым исключая их из репатриации как военнопленных.

Дин заявляет, что союзные правительства имеют право безоговорочно выдавать плененного солдата, служившего во вражеской армии, его правительству. Не совсем ясно, считает ли он такое положение аспектом политики Англии или же аспектом международного права, но похоже, что он склоняется ко второму. Здесь перед ним возникает новый вопрос — об отношениях между воюющими союзными странами, одна из которых пленила граждан другой, служивших во вражеской армии. Это совершенно иная проблема. Дин утверждает, что выдача такого солдата его собственному правительству не является нарушением конвенции. С юридической точки зрения это положение сомнительно. Помимо вопроса о том, имеется ли в государственной практике обязательство не выдавать беженцев их собственным правительствам, есть еще вопрос о юридическом праве применения силы для выдачи таких лиц их собственному правительству, когда они взяты в плен во время службы во вражеской армии и считаются военнопленными. Сложившаяся ситуация представляется беспрецедентной. Юридический ответ на этот

вопрос зависит от применимости Гаагских инструкций 1907 года к воюющему союзнику, взявшему в плен перебежчика в момент его службы в армии противника, и к вражеской воюющей стороне. Здесь решающим критерием является не национальная принадлежность пленного, но его служба в армии вражеской стороны. Тот факт, что такой человек не может пользоваться статусом военнопленного, оказавшись в руках своего собственного правительства, из армии которого он бежал, думается, не лишает его этого статуса, когда он в момент своей службы во вражеской армии попадает в плен к воюющему союзнику государства его происхождения.

Вероятно, Дин в цитированном выше высказывании не учитывал, что такой воюющий союзник может быть связан юридическим обязательством не выдавать перебежчиков государству, из которого они бежали, даже если это государство и является союзником Страны Задержания. Воюющий союзник имеет юридические обязательства перед вражеской стороной в отношении лиц, взятых в плен во время их службы во вражеской армии или при ней, даже если такие лица являются перебежчиками из союзной страны, откуда они родом. Германия и Англия были связаны Женевской конвенцией 1929 года и Гаагской конвенцией 1907 года. Ни в одном из этих документов национальное происхождение лица, взятого в плен, не является определяющим фактором при решении вопроса о правомочности статуса военнопленного, и оба документа обязывают страны-участницы гуманно обращаться с военнопленными. Насильная выдача таких лиц является нарушением этого обязательства. Две воюющие союзные страны не могут обойти это обязательство, заключив соглашение, по которому Страна Задержания соглашается выдать, при необходимости — насильно, лиц, находящихся в ее руках и имеющих право на статус военнопленного, воюющей стороне, подданными которой являются выдаваемые лица. Такое соглашение недействительно, так как одна из подписавших его сторон серьезно нарушает положение военного права о должном обращении с военнопленными, зависящими от вражеского государства. Это нарушение затрагивает третью сторону: воюющего противника. Таким образом, по этой договоренности одна из сторон получала право нарушать принципы гуманного обращения с военнопленными. Дело усугублялось тем, что стране, осуществлявшей выдачу военнопленных, было известно, что этих людей в стране их происхождения почти наверняка ждет смерть или жестокое наказание.

США и Великобритания заключили в Ялте 11 февраля 1945 года идентичные, хотя и сепаратные, договоры о выдаче представителям СССР всех советских граждан, "освобожденных" англо-американскими армиями. Это означало серьезную победу советских властей. Им удалось добиться того, чтобы вопрос о размещении английских военнопленных, освобожденных из немецкого плена Красной армией, решался параллельно с вопросом о советских гражданах, взятых в плен англо-американскими силами в момент их службы во вражеской армии. Кроме того, формулировки соглашений не давали возможности для свободного передвижения "освобожденных" лиц до их окончательной выдачи соответствующим властям. Что еще важнее — гражданство здесь превращено

в решающий критерий выдачи, а слово "освобожденный" в применении к советским гражданам, взятым в плен союзными войсками, совершенно теряет всякий смысл. Взаимность, которую так отстаивали советские власти в Ялтинских переговорах, была достигнута. Англия и США не смогли включить формулировку о добровольной репатриации или должном обращении при выдачах. Условия соглашения были сформулированы столь однозначно, что не давали никаких возможностей для сколько-нибудь вольной интерпретации их. США на ранних стадиях переговоров не согласились на насильственную выдачу; Англия же согласилась, на уровне министров в Москве и на уровне послов в Лондоне, еще до заключения Ялтинского соглашения.

С февраля по май 1945 года Англия в поисках законного основания для возвращения советских граждан против их воли в СССР столкнулась с определенными трудностями. Обращение к "Акту о союзных вооруженных силах" 1940 года не устраивало СССР и вряд ли удовлетворило бы английский суд при практической проверке. Более того, Госдепартамент США занял в отношении Ялтинского соглашения позицию, отличную от английского МИД. Американские власти никак не могли согласиться на насильственную репатриацию, но Патрик Дин из МИД отнесся к их сомнениям без всякого сочувствия. В своих письмах он уверенно отрицал, что подданный какой-либо страны может претендовать на статус военнопленного, служа во вражеской армии, воюющей против его страны. Это был логичный довод, но Дин распространил его на союзников и вновь спутал два совершенно различных юридических аспекта. Если перебежчик, попав в руки армии своей страны, не имеет права на статус военнопленного, из этого еще не следует, что он не имеет права заявить о таком статусе, попав в плен к союзнику его собственной страны. На это обстоятельство не должен влиять тот факт, что статус военнопленного может вызвать — и скорее всего вызовет — обострение отношений между воюющими союзниками. Не учитываются здесь также и существенные юридические притязания воюющей вражеской стороны, в армии которой служил перебежчик во время взятия в плен. В момент подписания Ялтинского соглашения в феврале 1945 года Германия была воюющей вражеской стороной и ее армии еще не были разбиты. Государство-Протектор (Швейцария) следило за выполнением Женевской конвенции 1929 года, которой были связаны Англия и Германия. В его функции входила защита интересов всех членов немецких вооруженных сил, содержащихся в качестве военнопленных в Англии, которая согласно конвенции являлась в данном случае Страной Задержания.

Цитированные юридические высказывания Дина подразумевают, что если бы лица, о которых идет речь, были действительно военнопленными, то к ним применялась бы Женевская конвенция 1929 года. Стремление Дина избежать малейшего обвинения в нарушении конвенции со стороны Англии согласуется лишь с установкой, что, если рассматриваемые советские граждане являются военнопленными, их нельзя выдать против их воли СССР. А это также означало, что если Ялтинское соглашение было принято с целью дать Англии возможность насильно выдать советских граждан, которые по конвенции 1929 года должны были бы считаться

военнопленными, то законность Ялтинского соглашения ставится под сомнение. Доводы Дина, очевидно, предполагают также, что если советские граждане не являются военнопленными, то все проблемы разом снимаются. Но это никак нельзя считать законным выводом. Дин попадает из огня да в полымя. Английское законодательство не позволяло законно выдавать в СССР советских гражданских лиц, находящихся в Англии, — ни в порядке массовой депортации, ни путем экстрадиции, ни в качестве членов союзных сил, находящихся в Англии по приглашению во время войны, ни в качестве граждан союзной страны, мобилизованных в английские вооруженные силы.

Дину способствовало несколько факторов. Ни один советский гражданин не проверил законность опеки в английском суде. Они не знали о своих правах, а общественность не знала об их судьбе. В результате их дела решались не юридическим порядком, но ходом самой войны, и к моменту капитуляции Германии почти половина советских граждан уже была репатрирована из Англии в СССР.

Крушение немецкого правительства означало, что более нет вражеской воюющей стороны, которая могла бы настаивать на правах военнопленных и своих собственных правах в отношениях с Англией согласно Женевской конвенции 1929 года. Кроме того, теперь можно было развернуть широкомасштабную выдачу советских граждан из Италии, Австрии и Германии, оккупированных англо-американскими войсками. Эти страны не попадали под юрисдикцию английского суда, и ни в оккупированной Европе, ни в освобожденной Италии английское право не действовало. Таким образом, все юридические препоны отпали, осталось лишь физическое сопротивление советских граждан в Европе, а оно было сломлено применением силы. Советских граждан насильно погрузили в поезд для отправки в советскую зону оккупации, а оттуда перевезли в СССР, и те, кого не расстреляли сразу по прибытии, пополнили население ГУЛага.

Здесь возникает еще вопрос о том, было ли решение о насильственной репатриации советских граждан, — принятое британским кабинетом 4 сентября 1944 года и подтвержденное совещанием на уровне министров в октябре того же года, а затем и Ялтинским соглашением, — нарушением закона войны. Как свидетельствует данная книга, Дин не привлек к этому вопросу внимания министра или соответствующих отделов МИД.

Если решение кабинета в сентябре 1944 года не противоречило международному военному праву, то никакие условия Ялтинского соглашения 1945 года не лишили бы насильственные выдачи законной силы. Дин прав, утверждая, что Ялтинские соглашения требовали от Англии насильственной выдачи советским властям граждан СССР, "освобожденных" англо-американскими войсками, но при этом решение кабинета от сентября 1944 года было использовано только в определении деталей выдачи. Если решение кабинета не противоречило военному законодательству, то Ялтинские соглашения тоже не нарушили его. Если же решение кабинета было нарушением международного военного права или внутреннего законодательства Англии, то Ялтинские соглашения никак не могли изменить юридическую сторону дела.

Покойный лорд Мак-Нейр, один из крупнейших юристов нашего столетия, считал, что "договор, по которому два союзника соглашались вести войну методами, нарушающими принятые правила ведения войны", следует признать недействительным. Можно предположить, что когда две союзных воюющих страны (США и Англия) договариваются с третьим союзником (СССР) о том, что они вернут этому третьему союзнику, при необходимости — с применением силы, граждан данной страны, являющихся военнопленными, такое соглашение может быть признано недействительным. Насильственная выдача была нарушением статьи 4 Гаагских инструкций 1907 года, требующей гуманного обращения с военнопленными, и противоречила "законам гуманности", провозглашаемым Гаагскими инструкциями, которые с 1939 года являлись законообразующими правилами обычного международного военного права, обязательного для всех участников Второй мировой войны. Если же считать советских граждан, находившихся в руках англо-американцев, гражданскими лицами союзной страны на оккупированной территории (а таковыми они и должны были бы считаться), то тогда их насильственный вывоз из оккупированной англо-американскими армиями Европы представлял собой нарушение статьи 46 Гаагских инструкций: "Следует уважать семейную честь и права, а также жизнь личности". Помимо этого условия, законы гуманности, признаваемые в преамбуле де Мартенса к Гаагским инструкциям, исключают насильственный вывоз и выдачу жителей оккупированных областей Армиями-Оккупантами, тем более когда этот Оккупант знал о вероятной судьбе выдаваемых лиц.

Что до советских граждан, насильно вывезенных в СССР из Англии, то эта деятельность проводилась до прекращения боевых действий со стороны Германии, и Страна Задержания, отказывая им в статусе военнопленных, совершала весьма сомнительный в юридическом отношении шаг, так как это являлось нарушением Женевской конвенции 1929 года по отношению к Германии. Незаконность этих действий не снимается заключенным задолго до крушения Германии соглашением с СССР, который не участвовал в этой конвенции.

Весьма сомнительно, чтобы при этом какой-либо международный юридический орган утвердил Ялтинские соглашения, пытаясь применить международное право к имеющимся в его распоряжении фактам. Но, похоже, вопрос о законности Ялтинских соглашений вовсе не занимал Дина: он считал, что Англия имеет право насильно репатриировать советских граждан в СССР, и его не интересовало наличие юридических обязательств, запрещающих Англии проводить эту деятельность. Между тем это был весьма важный вопрос. Если Англия была связана юридическим обязательством, запрещающим насильственную репатриацию советских граждан в СССР или выдачу их советскому командованию в Европе, тогда Ялтинские соглашения, обязывающие ее к этой деятельности, никак не освобождали Англию от юридических обязанностей гуманно обращаться с пленными и уважать жизнь жителей на территории, оккупированной ею. Не исключено, что решение кабинета от сентября 1944 года было нарушением обычного военного права. Не меньше сомнений вызывает насильственная репатриация советских граждан, проводившаяся во исполнение Ялтинских

соглашений. С точки зрения внутреннего законодательства Англии, действовавшего в то время, вполне вероятно, что ни один английский суд не одобрил бы практику опеки над такими советскими гражданами (не считающимися военнопленными) в Англии и их насильственный вывоз из английских портов.

Поскольку никто не озаботился вопросом о незаконности насильственной репатриации этих советских граждан из Англии или из оккупированной Европы, это дело никогда не рассматривалось с юридической точки зрения. Крушение Германии в мае 1945 года, незнание советскими гражданами своих прав, отсутствие у них возможности настаивать на этих правах и неосведомленность английской общественности — все эти факторы, вместе взятые, позволили совершиться насильственной репатриации.

Имелась серьезная опасность, что какой-нибудь армейский офицер или другой военный откажется выполнять приказ или применять насилие при посадке советских граждан на суда, автобусы или в поезда и военные власти сочтут тогда необходимым судить нарушителя военным судом за неподчинение приказу, отданному старшим офицером. В таком случае суд подверг бы проверке законность приказа на всем его пути — начиная от британского кабинета до непосредственного начальника обвиняемого, а также законность Ялтинских соглашений как объекта международного права.

Г. Выводы

По-видимому, можно утверждать, что юридические вопросы, связанные с насильственной репатриацией английскими властями в СССР более миллиона советских граждан, чья дальнейшая судьба была примерно известна, требовали исчерпывающей юридической консультации на самом высшем уровне, возможном в системе английского правительства. На военных памятниках в Англии часто пишется: "Когда говорят пушки, законы молчат". Это одно из самых неверных юридически утверждений. Законы, международные и внутренние, не "молчат" во время войны. Наоборот, в праве существует множество дополнительных условий, применимых только в военное время. Международное военное право, насчитывающее многовековую историю, отнюдь не простой механизм, и в мирное время до 1939 года им занималось сравнительно небольшое число юристов. В данном случае представляется любопытным, что юридический совет, поддерживающий решение кабинета от сентября 1944 года и заключение Ялтинских соглашений в феврале 1945 года, исходил, похоже, лишь от одного-единственного лица — заместителя юрисконсульта при МИД. Между тем, если учесть серьезность рассматриваемого дела, связанного с решением судьбы огромного числа беженцев, оказавшихся в руках у англичан, разницу в юридических воззрениях между Англией и США на применение силы при репатриации и колебания МВД и до некоторой степени военного министерства, можно предположить, что юрисконсульты

МИД должны были посоветовать своему министру передать весь комплекс юридических вопросов на рассмотрение в Юридический совет. Это обычная практика в английском правительстве при наличии между двумя или более органами юридических разногласий, вызванных сложностью или важностью вопроса или же обеими причинами.

Из книги не следует, что при решении вопроса о насильственной репатриации была затребована консультация лорда-канцлера (главного советника правительства по юридическим и конституционным вопросам) или что он высказал свою точку зрения кабинету, старшим членом которого являлся. В заседаниях неполного состава Военного кабинета он обычно не участвовал. Можно было бы предположить, что в серьезном и сложном в юридическом отношении деле правительство, хотя бы из осторожности, заручится мнением Юридического совета. По законам английского правительства, МИД имел право в любое время запросить и получить это мнение. Такой шаг мог быть мерой предосторожности со стороны министров, чиновников и военных, от которых требовалось выполнение антигуманного задания в Англии и на континенте. Да и вообще, с какой стороны ни посмотреть на эту трагическую серию событий — все здесь указывает на необходимость юридической консультации на самом высоком уровне, возможной в системе английского правительства. Действительно, во время войны имелось множество неотложных дел, требующих внимания юристов правительства, однако в книге нет никаких упоминаний о факторах, которые помешали бы МИД обратиться с вопросом о законности насильственной репатриации огромного числа советских граждан к Юридическому совету. В отличие от военного министерства, МИД пользуется правом предоставить дело на рассмотрение Юридического совета в любое время и без вмешательства какого-либо другого правительственного органа. Помимо практической ценности такого обращения для тех, кто занимался этим вопросом и нес ответственность за выполнение таких важных решений, этого требовало правосудие.

Документы

Соглашения между союзными государствами по делам военнопленных и гражданских лиц этих государств

На Крымской конференции имели место переговоры между британской, американской и советской делегациями для заключения исчерпывающего соглашения относительно мероприятий для защиты, содержания и репатриации военнопленных и гражданских лиц Великобритании, Советского Союза и Соединенных Штатов, освобожденных союзными вооруженными силами, вступающими сейчас в Германию. Тексты подписанных 11 февраля Соглашений между СССР и Великобританией и между СССР и Соединенными Штатами Америки тождественны. Соглашение между Советским Союзом и Великобританией было подписано В.М. Молотовым и г-ном Иденом. Соглашение между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки подписали генерал-лейтенант Грызлов и генерал Дин.

В соответствии с этими Соглашениями, до тех пор, пока не будут выделены транспортные средства для репатриации граждан союзников, каждый союзник будет предоставлять питание, одежду, медицинское обслуживание и удовлетворять другие нужды граждан других союзников. Советские офицеры будут помогать британским и американским властям в их задаче обслуживания советских граждан, освобожденных британскими и американскими вооруженными силами в течение периода времени, когда они будут находиться на континенте Европы или в Соединенном Королевстве, ожидая транспорта для перевозки их домой.

В обслуживании британских подданных и американских граждан Советскому Правительству будут помогать британские и американские офицеры.

Поскольку теперь достигнуто соглашение, три Правительства обязуются оказывать всяческую помощь, совместимую с требованиями ведения военных операций, в целях обеспечения быстрой репатриации всех этих военнопленных и гражданских лиц.

*Опубл. в газ. "Известия",
14 февраля 1945 г.*

Соглашение относительно военнопленных и гражданских лиц, освобожденных войсками, находящимися под Советским Командованием, и войсками, находящимися под Британским Командованием

Правительство Союза Советских Социалистических Республик, с одной стороны, и Правительства Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, Канады, Австралии, Новой Зеландии, Южно-Африканского Союза и Индии, с другой стороны, желая договориться об обращении с советскими гражданами, освобожденными войсками, находящимися под Британским Командованием, и об их репатриации, а также об обращении с британскими подданными, освобожденными войсками, находящимися под Советским Командованием, и об их репатриации, условились о нижеследующем:

Статья 1

Все советские граждане, освобожденные войсками, действующими под Британским Командованием, и все британские подданные, освобожденные войсками, действующими под Советским Командованием, будут, незамедлительно после их освобождения, отделяться от вражеских военнопленных и содержаться отдельно от них в лагерях или сборных пунктах до момента передачи их соответственно советским или британским властям в пунктах, согласованных между этими властями.

Британские и советские военные власти примут необходимые меры для защиты лагерей и сборных пунктов от вражеских бомбардировок, артиллерийских обстрелов и т. п.

Статья 2

Договаривающиеся Стороны обеспечат, чтобы их военные власти незамедлительно сообщали компетентным властям другой Стороны об обнаруженных ими гражданах или подданных другой Договаривающейся Стороны, принимая одновременно меры для выполнения условий настоящего Соглашения. Советские и британские уполномоченные по репатриации будут немедленно допускаться в сборные лагеря и пункты размещения граждан или подданных своей страны, и они будут иметь право назначать там внутреннюю администрацию и устанавливать внутренний распорядок и управление в соответствии с воинскими порядками и законодательством их страны.

Будет предоставлена возможность для отправки или перевода офицеров соответствующей национальности в те лагеря или сборные пункты, в которых содержатся освобожденные военнослужащие соответствующих войск и где будет недоставать офицеров. Наружная охрана и охрана доступа в лагеря и сборные пункты и выхода из них будет установлена в соответствии с инструкциями военного начальника, в зоне которого

расположены эти лагеря или сборные пункты, и этот военный начальник будет также назначать коменданта, который будет нести ответственность за общую администрацию и дисциплину в соответствующем лагере или сборном пункте.

Перемещение лагерей, равно как и перевод из одного лагеря в другой освобожденных граждан или подданных, будет производиться по договоренности между компетентными советскими и британскими властями. Перемещение лагерей и перевод освобожденных граждан или подданных может, в исключительных случаях, производиться и без предварительной договоренности, однако с немедленным уведомлением компетентных властей о таком перемещении с изложением мотивов. Враждебная пропаганда, направленная против Договаривающихся Сторон или против любой из Объединенных Наций не будет разрешаться.

Статья 3

Компетентные британские и советские власти будут снабжать освобожденных граждан или подданных соответствующим питанием, одеждой, жилищем и медицинским обслуживанием как в лагерях или сборных пунктах, так и в пути следования, а также транспортом до момента передачи их соответственно советским или британским властям в пунктах, установленных по договоренности между этими властями. Такое обеспечение питанием, одеждой, жилищем и медицинским обслуживанием должно быть, с учетом положений статьи 8, установлено по нормам для рядовых, младшего командного состава и офицеров. Нормы обеспечения гражданских лиц должны быть, насколько это возможно, такими же, как и нормы для солдат.

Договаривающиеся Стороны не будут требовать компенсации за эти или другие аналогичные услуги, которые их власти могут предоставить освобожденным гражданам или подданным другой Договаривающейся Стороны.

Статья 4

Каждая из Договаривающихся Сторон будет иметь право использовать, по согласованию с другой Стороной, такие из ее собственных средств транспорта, которые окажутся доступными для репатриации своих граждан или подданных, содержащихся у другой Договаривающейся Стороны. Точно так же каждая из Договаривающихся Сторон будет иметь право использовать, по согласованию с другой Стороной, свои собственные средства для доставки снабжения своим гражданам или подданным, содержащимся у другой Договаривающейся Стороны.

Статья 5

Советские и британские военные власти будут выдавать от имени их соответствующих Правительств освобожденным гражданам или подданным

другой Договаривающейся Стороны такие ссуды, о которых компетентные советские и британские власти предварительно договорятся.

Ссуды, выданные в валюте какой-либо вражеской территории или в валюте советских или британских оккупационных властей, не будут подлежать возмещению.

В случае выдачи ссуд в валюте освобожденной невражеской территории, Советское и Британское Правительства произведут, каждое по ссудам, выданным его гражданам или подданным, необходимое урегулирование с правительствами соответственных территорий, которые будут информированы о количестве их валюты, выданной для этой цели.

Статья 6

Бывшие военнопленные и гражданские лица каждой из Договаривающихся Сторон могут, до их репатриации, быть использованы для управления и поддержания в порядке лагерей или сборных пунктов, в которых они находятся. Они также могут быть использованы на добровольных началах, в целях содействия объединенным военным усилиям, на таких работах вблизи их лагерей, о которых договорятся между собой компетентные советские и британские власти. Вопросы оплаты и другие условия труда должны определяться по соглашению между этими властями. Понимается, что использование освобожденных членов соответствующих вооруженных сил будет осуществляться в соответствии с военными порядками и под наблюдением своих офицеров.

Статья 7

Договаривающиеся Стороны каждый раз, когда это будет необходимо, используют все возможные средства для того, чтобы обеспечить эвакуацию в тыл этих освобожденных граждан и подданных. Они также обязуются использовать все доступные средства для перевозки освобожденных граждан и подданных в установленные по согласованию пункты, где они могут быть переданы соответственно советским или британским властям. Передача этих освобожденных граждан или подданных никоим образом не может быть задержана или отложена вследствие требований их временного использования.

Статья 8

Договаривающиеся Стороны будут применять возможно более эффективно вышеизложенные положения настоящего Соглашения, допуская при этом ограничения временного порядка и лишь в отношении деталей, которые, время от времени, будут вызываться оперативной обстановкой или условиями снабжения и транспорта на различных театрах операций.

Статья 9

Настоящее Соглашение вступает в силу немедленно по подписании.

Составлено в Крыму в двух экземплярах, каждый на русском и английском языках. Оба текста являются аутентичными.

11 февраля 1945 года.

По уполномочию
Правительства СССР
В. Молотов

По уполномочию
Правительства
Соединенного Королевства
Антони Иден

По уполномочию
Правительства Канады
Антони Иден

По уполномочию
Правительства Австралии
Антони Иден

По уполномочию
Правительства Новой Зеландии
Антони Иден

По уполномочию
Правительства
Южно-Африканского Союза
Антони Иден

По уполномочию
Правительства Индии
Антони Иден

*Опубл. в кн. Сборник
действующих договоров, соглашений
и конвенций, заключенных СССР с
иностранными государствами,
вып. XI. М., 1955, стр. 149–152*

**Соглашение между Правительством
Союза Советских Социалистических Республик
и Правительством Соединенного Королевства Великобритании
и Северной Ирландии относительно освобожденных
советских граждан в Соединенном Королевстве***

Правительство Союза Советских Социалистических Республик и Правительство Соединенного Королевства, желая определить положение советских граждан, освобождаемых союзными войсками и пребывающих в Соединенном Королевстве в течение периода до их репатриации, решили заключить настоящее Соглашение, в силу которого все эти лица как свободные граждане союзной державы могли бы быть организованы в советские соединения и группы. В соответствии с этим уполномоченные Правительства Союза ССР и Правительства Соединенного Королевства согласились о нижеследующем:

Статья 1

Все советские граждане, освобожденные союзными войсками, будут незамедлительно после их освобождения отделяться от немецких военнопленных и содержаться отдельно от них. В случае их прибытия в Соединенное Королевство, о чем компетентные советские власти в Соединенном Королевстве будут, насколько это возможно, заблаговременно ставиться в известность соответствующими британскими властями, эти советские граждане будут собраны в определенных местах и лагерях, куда советские представители по репатриации будут немедленно допускаться.

Британские и советские военные власти соответственно примут необходимые меры для защиты лагерей и сборных пунктов от вражеских бомбардировок, артиллерийских обстрелов и т. п.

Статья 2

Для целей внутреннего управления и дисциплины эти советские граждане будут организованы в соединения и группы, которые будут подчинены советским законам. Внутреннее управление и поддержание дисциплины в советских соединениях, местах и лагерях, о которых говорится в статье 1, будут осуществляться советскими офицерами, согласно условиям Приложения 1 к этому Соглашению.

Перемещение лагерей, равно как и перевод из одного лагеря в другой освобожденных советских граждан, будет производиться по договорен-

* Это соглашение было подписано одновременно с соглашениями между СССР и Великобританией и СССР и США относительно военнопленных и гражданских лиц указанных трех держав.

ности с компетентными советскими властями. В исключительных случаях возможно перемещение и без предварительного согласования, однако с немедленным уведомлением компетентных советских властей о таком перемещении с изложением мотивов. Не будет допускаться проведение среди освобожденных советских граждан враждебной пропаганды, направленной против Договаривающихся Сторон или против Объединенных Наций.

Статья 3

Освобожденные советские граждане до их возвращения в Советский Союз могут быть использованы на работах по управлению и поддержанию лагерей или сборных пунктов, в которых они находятся. Они также могут быть использованы на добровольных началах, в целях содействия объединенным военным усилиям, на таких работах вблизи их лагерей, о которых договорятся между собой компетентные советские и британские власти. Вопросы оплаты и другие условия труда будут определяться по соглашению между этими властями. Понимается, что использование освобожденных советских граждан будет осуществляться в соответствии с советскими военными порядками и под наблюдением советских офицеров.

Статья 4

Компетентные британские власти будут снабжать всех этих советских граждан, без каких бы то ни было исключений, пищей, одеждой, жилищем и медицинским обслуживанием по нормам, установленным соответственно для солдат, младшего командного состава и офицеров. Финансовые положения, регулирующие обеспечение этого снабжения, определяются в статье 2-й Приложения второго к этому Соглашению.

Статья 5

Правительство Соединенного Королевства будет выдавать такие ссуды этим советским гражданам от имени Советского Правительства, о которых договорятся между собой компетентные британские и советские власти. Финансовое положение, регулирующее эти ссуды, определяется в статье 1 Приложения второго к этому Соглашению.

Статья 6

Компетентные британские власти будут сотрудничать с соответствующими советскими властями в Соединенном Королевстве в деле установления личности освобожденных советских граждан, которые могут прибыть в Соединенное Королевство. Они будут обеспечивать таких освобожденных советских граждан транспортом до момента передачи их советским властям в пунктах, установленных по договоренности между компетентными советскими и британскими властями. Компетентные

британские власти будут оказывать практически возможную помощь, принимая во внимание наличные ресурсы, в предоставлении средств транспорта для скорейшей перевозки этих советских граждан в Советский Союз. Компетентные советские власти в Соединенном Королевстве во всякое время будут оказывать компетентным британским властям такую помощь, о которой последние попросят при выполнении условий этой статьи.

Статья 7

Настоящее Соглашение вступает в силу немедленно по подписании. Составлено в Крыму в двух экземплярах, каждый на русском и английском языках. Оба текста являются аутентичными.

11 февраля 1945 года.

По уполномочию
Правительства СССР
В. Молотов

По уполномочию
Правительства
Соединенного Королевства
Антони Иден

*Опубл. в кн. Советский
Союз на международных конференциях
периода Великой отечественной войны 1941-1945 гг.
Том IV. Крымская конференция руководителей трех
союзных держав – СССР, США и Великобритании
(4-11 февраля 1945 г.). Сборник документов. М.,
изд. Политической литературы, 1979, стр. 290–292.*

Относительно юрисдикции в Соединенном Королевстве над членами советских соединений

Статья 1

Поскольку это не противоречит условиям статьи 2 настоящего Приложения, юрисдикция в вопросах дисциплины и внутреннего управления над членами советских соединений и групп в Соединенном Королевстве будет осуществляться в соответствии с советским законом, и проступки дисциплинарные будут рассматриваться и наказываться соответствующим образом советскими судами и властями.

Статья 2

Дела о мелких нарушениях, которые не влекут за собой по британским законам судебного разбирательства, будут передаваться на рассмотрение соответствующих советских властей. Дела о преступлениях, которые по британским законам требуют судебного разбирательства, будут рассматриваться общегражданскими судами Соединенного Королевства.

Статья 3

В случае какого-либо преступления, которое, согласно вышеозначенной статье 2, подлежит рассмотрению судов Соединенного Королевства, факты о нем должны быть незамедлительно сообщены в соответствии с договоренностью, которая должна быть достигнута между компетентными британскими и советскими властями, старшим офицером советского соединения или группы заинтересованным властям Соединенного Королевства, если правонарушитель еще не задержан гражданскими властями.

Статья 4

Когда член советского соединения или группы должен быть судим судом Соединенного Королевства, ответственные власти соответствующего советского соединения или группы окажут соответствующим гражданским властям Соединенного Королевства такое содействие, которое может оказаться необходимым для проведения судебного разбирательства.

**Относительно финансовых мероприятий,
регулирующих выдачи ссуд, производимых
Правительством Соединенного Королевства
освобожденным советским гражданам как членам
советских соединений, и обеспечение
припасами и снабжением этих соединений**

Статья 1

Ссуды, выданные в стерлингах Правительством Соединенного Королевства этим советским гражданам как членам советских соединений в соответствии со статьей 5 этого Соглашения, будут возмещены в стерлингах Правительством СССР по представлении требования компетентными британскими властями. В случае, если выдача ссуды Правительством Соединенного Королевства произведена в валюте освобожденной невражеской территории, то Правительство СССР произведет необходимое урегулирование с правительством соответствующей территории, которое будет уведомлено о количестве ее валюты, выданной для этой цели. Не подлежат возмещению ссуды, выданные Правительством Соединенного Королевства в валюте какой-либо вражеской территории.

Всякая выдача ссуды в валюте британских военных властей, которая может быть использована на освобожденной невражеской территории или на вражеской территории, будет рассматриваться с целью урегулирования согласно этой статье, как если бы это была выдача ссуды, сделанная в местной валюте соответствующей территории.

Статья 2

Правительство Соединенного Королевства не будет требовать возмещения стоимости питания, одежды, помещения и медицинского обслуживания, предоставляемых компетентными британскими властями этим советским гражданам, в соответствии с данным Соглашением.

*Опубл. в кн. Советский Союз на
международных конференциях периода Великой
отечественной войны 1941-1945 гг. Том IV. Крымская
конференция руководителей трех союзных держав – СССР,
США и Великобритании (4-11 февраля 1945 г.). Сборник доку-
ментов. М., изд. Политической литературы, 1979, стр. 393–394.*

I. Нота министра иностранных дел Великобритании на имя народного комиссара иностранных дел СССР

Воронцовский дворец, 11 февраля 1945 года

Ваше Превосходительство,

Во время подписания между нашими двумя Правительствами Соглашения относительно советских граждан, освобожденных союзными войсками и размещенных в Соединенном Королевстве, между нами была достигнута договоренность, которую, пользуясь этим случаем, я хотел бы отметить.

По мнению Правительства Соединенного Королевства, вышеуказанные освобожденные советские граждане будут, во время их пребывания в Соединенном Королевстве или на другой британской территории, подчинены советскому военному закону, и, если это необходимо, компетентные советские власти будут готовы выдавать об этом удостоверения во всех тех случаях, когда возникнет спор о статусе любого отдельного советского гражданина.

Я был бы признателен, если бы Ваше Превосходительство подтвердило, что это понимание правильно.

Имею честь, Сэр, быть покорным слугой Вашего Превосходительства.

Антони Иден

II. Нота народного комиссара иностранных дел СССР на имя министра иностранных дел Великобритании

Корез, 11 февраля 1945 года.

Уважаемый г-н Иден,

Я получил Вашу ноту от 11 февраля относительно освобожденных советских граждан, находящихся в Соединенном Королевстве, следующего содержания:

”Во время подписания между нашими двумя Правительствами Соглашения относительно советских граждан, освобожденных союзными войсками и размещенных в Соединенном Королевстве, между нами была достигнута договоренность, которую, пользуясь этим случаем, я хотел бы отметить.

По мнению Правительства Соединенного Королевства, вышеуказанные освобожденные советские граждане будут, во время их пребывания в Соединенном Королевстве или на другой британской территории, подчинены советскому военному закону, и, если это необходимо, компетентные советские власти будут готовы выдавать об этом удостоверения во всех тех случаях, когда возникнет спор о статусе любого отдельного советского гражданина”.

Настоящим подтверждаю правильность изложенного в Вашей ноте понимания нашей договоренности.

С искренним уважением

В. Молотов

*Опубл. в кн. Сборник
действующих договоров, соглашений
и конвенций, заключенных СССР с
иностранными государствами,
вып. XI, М., 1955, стр. 143–149*

**Соглашение относительно военнопленных и гражданских
лиц, освобожденных войсками,
находящимися под Советским Командованием,
и войсками, находящимися под Командованием
Соединенных Штатов Америки**

Правительство Союза Советских Социалистических Республик, с одной стороны, и Правительство Соединенных Штатов Америки, с другой стороны, желая договориться об обращении с советскими гражданами, освобожденными войсками, находящимися под Командованием Соединенных Штатов, и об их репатриации, а также об обращении с гражданами Соединенных Штатов, освобожденных войсками, находящимися под Советским Командованием, и об их репатриации, условились о нижеследующем:

Статья 1

Все советские граждане, освобожденные войсками, действующими под Командованием Соединенных Штатов, и все граждане Соединенных Штатов, освобожденные войсками, действующими под Советским Командованием, будут, незамедлительно после их освобождения, отделяться от вражеских военнопленных и содержаться отдельно от них в лагерях или сборных пунктах до момента передачи их соответственно советским или американским властям в пунктах, согласованных между этими властями.

Американские и советские военные власти примут необходимые меры для защиты лагерей и сборных пунктов от вражеских бомбардировок, артиллерийских обстрелов и т. п.

Статья 2

Договаривающиеся Стороны обеспечат, чтобы их военные власти незамедлительно сообщали компетентным властям другой Стороны об обнаруженных ими гражданах другой Договаривающейся Стороны, принимая одновременно меры для выполнения условий настоящего Соглашения. Советские и американские уполномоченные по репатриации

будут немедленно допускаться в сборные лагеря и пункты размещения граждан своей страны, и они будут иметь право назначать там внутреннюю администрацию и устанавливать внутренний распорядок и управление в соответствии с воинскими порядками и законодательством их страны.

Будет предоставлена возможность для отправки или перевода офицеров соответствующей национальности в те лагеря или сборные пункты, в которых содержатся освобожденные военнослужащие соответствующих войск и где будет не хватать офицеров. Наружная охрана и охрана доступа в лагеря и сборные пункты и выхода из них будет установлена в соответствии с инструкциями военного начальника, в зоне которого расположены эти лагеря или сборные пункты, и этот военный начальник будет также назначать коменданта, который будет нести ответственность за общую администрацию и дисциплину в соответствующем лагере или сборном пункте.

Перемещение лагерей, равно как и перевод из одного лагеря в другой освобожденных граждан, будет производиться по договоренности между компетентными советскими и американскими властями. Перемещение лагерей и перевод освобожденных граждан может, в исключительных случаях, производиться и без предварительной договоренности, однако с немедленным уведомлением компетентных властей о таком перемещении с изложением мотивов. Враждебная пропаганда, направленная против Договаривающихся Сторон или против любой из Объединенных Наций, не будет разрешаться.

Статья 3

Компетентные американские и советские власти будут снабжать освобожденных граждан соответствующим питанием, одеждой, жилищем и медицинским обслуживанием как в лагерях или сборных пунктах, так и в пути следования, а также транспортом до момента передачи их соответственно советским или американским властям в пунктах, установленных по договоренности между этими властями. Такое обеспечение питанием, одеждой, жилищем и медицинским обслуживанием должно быть, с учетом положений статьи 8, установлено по нормам для рядовых, младшего командного состава и офицеров. Нормы обеспечения гражданских лиц должны быть, насколько это возможно, такими же, как и нормы для солдат.

Договаривающиеся Стороны не будут требовать компенсации за эти или другие аналогичные услуги, которые их власти могут предоставить освобожденным гражданам другой Договаривающейся Стороны.

Статья 4

Каждая из Договаривающихся Сторон будет иметь право использовать, по согласованию с другой Стороной, такие из ее собственных средств транспорта, которые окажутся доступными для репатриации своих граждан, содержащихся у другой Договаривающейся Стороны.

Точно так же каждая из Договаривающихся Сторон будет иметь право использовать, по согласованию с другой Стороной, свои собственные средства для доставки снабжения своим гражданам, содержащимся у другой Договаривающейся Стороны.

Статья 5

Советские и американские военные власти будут выдавать от имени их соответствующих Правительств освобожденным гражданам другой Договаривающейся Стороны такие ссуды, о которых компетентные советские и американские власти предварительно договорятся.

Ссуды, выданные в валюте какой-либо вражеской территории или в валюте советских или американских оккупационных властей, не будут подлежать возмещению.

В случае выдачи ссуд в валюте освобожденной невражеской территории, Советское Правительство и Правительство Соединенных Штатов произведут, каждое по ссудам, выданным его гражданам, необходимое урегулирование с правительствами соответственных территорий, которые будут информированы о количестве их валюты, выданной для этой цели.

Статья 6

Бывшие военнопленные и гражданские лица каждой из Договаривающихся Сторон могут, до их репатриации, быть использованы для управления и поддержания в порядке лагерей или сборных пунктов, в которых они находятся. Они также могут быть использованы на добровольных началах, в целях содействия объединенным военным усилиям, на таких работах вблизи их лагерей, о которых договорятся между собой компетентные советские и американские власти. Вопросы оплаты и другие условия труда должны определяться по соглашению между этими властями. Понимается, что использование освобожденных членов соответствующих вооруженных сил будет осуществляться в соответствии с военными порядками и под наблюдением своих офицеров.

Статья 7

Договаривающиеся Стороны каждый раз, когда это будет необходимо, используют все возможные средства для того, чтобы обеспечить эвакуацию в тыл этих освобожденных граждан. Они также обязуются использовать все доступные средства для перевозки освобожденных граждан в установленные по согласованию пункты, где они могут быть переданы соответственно советским или американским властям. Передача этих освобожденных граждан никоим образом не может быть задержана или отложена вследствие требований их временного использования.

Статья 8

Договаривающиеся Стороны будут применять возможно более эффективно вышеизложенные положения настоящего Соглашения, допуская при этом ограничения временного порядка и лишь в отношении деталей, которые, время от времени, будут вызываться оперативной обстановкой или условиями снабжения и транспорта на различных театрах операций.

Статья 9

Настоящее Соглашение вступает в силу немедленно по подписании. Составлено в Крыму в двух экземплярах, каждый на русском и английском языках. Оба текста являются аутентичными.

11 февраля 1945 года.

По уполномочию
Правительства
Союза
Советских
Социалистических
Республик
генерал-лейтенант *Грызлов*

По уполномочию
Правительства
Соединенных Штатов
Америки
генерал-майор *Джон Р. Дин*

*Опубл. в кн. Сборник
действующих договоров, соглашений
и конвенций, заключенных СССР с
иностранными государствами,
вып. XI, М., 1955, стр. 154–157.*

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абакумов В. 61, 213, 450
Абрамов Ф. 454
Агафонов 37
Айронсайд, генерал 178
Аксаков К. 127
Алгейр Р. 440
Александр Тунисский Х.Р., фельд-
маршал 9, 170, 173, 178-179,
183-185, 187, 195-196, 200,
216, 249-251, 263, 268, 278-
279, 283, 288, 293-298, 360-
362, 364-365, 369, 372, 376-
377, 379-383, 384, 387, 399,
467-468
Александр I 157
Александр I Карагеоргиевич, ко-
роль Югославии 280
Александр II 432
Александра Федоровна, импера-
трица 21, 30
Алексей, царевич 8
Алкснис Э. 428, 439
Аллилуева С. 443
Андерс В., генерал 279, 282, 366
Андерсон А.В., генерал-майор 363,
371-372
Анохов, комиссар НКВД 225
Антоневич Д. 367-368, 386, 439
Арбутнот Р., генерал-майор 174-
175, 178, 184, 187, 204, 214,
274, 286-288, 290
Артемьев В., полковник 324-325
Атольская, графиня 293, 375,
408
Ачесон Д. 378, 484
Ашенбреннер, генерал 312, 315-
318
Ашер К., бригадир 257, 258,
266-270, 283-284, 288, 302
Багратион Ираклий, князь 170
Базилев Я.Д., генерал-майор 279,
372, 376-377
Базыкин В.И. 80
Байкалов А. 408
Баки 476
Бакстер, полковник 37
Бальфур А.Д. 121
Баннистер, капитан 145
Барр, генерал 236
Баттерфильд Г., сэр 398
Батцаров А. 150
Бевин Э. 4, 99, 352, 371, 375-
378, 383, 387, 390, 397-398,
412
Бейли М., лейтенант 340, 351
Белобоков, майор 41
Белосельский-Белозерский С.,
князь 411
Бенеш Э. 144
Бенкендорф, граф 251

- Беннигсен, граф 409, 414
 Бергенштрале И. 439
 Бергер, генерал СС 30, 307-308, 313, 475
 Бергман А. 165
 Берджесс Г. 5
 Берия Л.П. 19, 61, 144, 208, 213, 443, 450, 456
 Берлин И. 478
 Бетелл Н., лорд 7, 120, 192, 197, 199, 242-243, 268, 275-276, 302, 304, 318, 411, 413
 Биби, тибетец 36
 Билл И. Дж. 303
 Бимиш Т. 299
 Бирнс Дж. Ф. 359, 369, 371, 377-378, 390
 Бишоп А., генерал-майор 381
 Благовещенский И. А. 327-328
 Бломфильд, генерал 376
 Бовеншен Ф., сэр 64-65, 70
 Богарт Ян 367
 Богомолов А.Е. 416-417
 Бойко Л. 150
 Бойль, полковник 145
 Болен Ч. 96, 99, 483
 Болл Э.Ш., капитан 368-369, 386
 Бонгарц Гейнц, псевдоним — Торвальд Юрген 30
 Борисов, подполковник 255
 Боярский В., генерал 309, 322
 Брадли О., генерал 78-79, 86
 Брайар, полковник 198-202, 216, 289, 291
 Брайен Г. А. 484
 Браймлоу Т., сэр II, 117-118, 120, 153, 299, 348, 360-363, 380, 383, 388, 390-391, 397, 399, 414, 478
 Бредин Г. И., подполковник (затем генерал-майор) 278, 286-287, 302
 Бриджмен, лорд 387, 469
 Бритнев В., лейтенант 347-348, 352, 485
 Брук А., сэр, фельдмаршал 294-295, 372
 Буденный С. 206
 Буняченко С. К. 309, 311-315, 320-328, 331, 433
 Бурроус, генерал-лейтенант 65-67, 178, 409
 Бутлеров, лейтенант (затем капитан) 182, 185-187, 190, 196, 199, 216, 274, 288
 Бухарин Н. 315
 Буш, есаул 261
 Бьорквистский, епископ 427
 Бэксхол Б. 136-138, 141, 163
 Бабулис П., лейтенант 429
 Вагнер К., полковник 181, 247-248, 251, 254, 257-259, 269, 281, 288, 301, 303
 Вайнман А., майор (профессор) 403, 406-407, 409, 412, 414
 Васильев, казачий генерал 173-174, 176, 205, 274
 Васильев, генерал-майор 65-66, 107, 113, 120, 124-127, 129, 132, 141-142, 145-147, 272, 456
 Ватен Д., капитан 250
 Ваццкас А. 145
 Вашингтон, врач 370
 Вашингтон Дж. 319, 466
 Вербийский, профессор 200, 225
 Верни Дж. Л., бригадир (затем генерал) 302
 Верни П., майор 302
 Виберт П. 303
 Виган, генерал 459
 Виллис 387
 Вильерс Ч., майор 248-252
 Вилькинсон А., полковник 373, 387, 392
 Вильсон Б., генерал-майор 336-337, 339, 351
 Вильсон Дж. 33, 34, 42, 63, 131, 147-148, 159, 162, 470-471, 474
 Вильямс Л., подполковник 352
 Вильямсон, бригадир 180
 Винтертон Д., сэр, генерал-майор 269
 Вистель 56
 Виталий, архиепископ 411

- Витингоф фон, генерал 332, 467
 Вихорев, генерал 418, 445
 Владимир Кириллович, великий князь 432-433, 440
 Власенко, отец Федор 261
 Власенко Женья, дочь отца Федора 262
 Власов А. А., генерал 27-28, 31, 56, 73, 112, 174, 255, 304, 305-314, 317-331, 388, 433, 447, 453
 Войнов 56
 Войцеховский, генерал 433
 Войцеховский С. Л. 433, 440
 Вольф Дж., майор 343-344
 Вольнский М. 281, 301
 Ворошилов К. 458
 Воскобойникова П. 231
 Врангель П., генерал 134, 177, 256, 272, 280, 282, 301
 Вышинский А. 66, 68, 91, 215, 336
- Габбинс К., генерал-майор 54, 178
 Гай Дж. 472
 Галифакс Э., лорд 79, 83-84, 377-378, 461, 464
 Гальфтер, генерал 124
 Гамильтон Г. Г. 142
 Гарлинская Й. 164
 Гарлинский Дж. 455
 Гарриманн А. 80-81, 83, 87, 90-91, 94, 164, 355
 Гафлер Б. 85, 461, 463
 Гебельс И. 21, 54, 305, 308-309, 330
 Гейли Г. 163
 Гелен, генерал 435
 Георг V 237
 Георг VI, король Великобритании 200, 223, 289
 Гепп И. К., генерал-майор 83, 109, 129, 131-132, 141-142, 361
 Геринг Г. 24, 309, 312
 Герре Г. 313
 Гильберт М. 304
 Гиммигофен, майор 268
 Гиммлер Г. 19, 23-24, 60, 99, 305-309, 311-313, 316, 330, 433, 459
- Гирей Азамат, князь 193
 Гитлер А. 20-21, 27, 31, 37, 51, 60, 99, 111, 246-247, 305, 307-312, 319, 443, 459, 475
 Гладстон 76
 Глобочник 171
 Говард Г., майор 250, 266-267, 269-270, 283-284, 302
 Говард Ч., бригадир, сэр 283-284
 Голиков Ф., генерал-полковник 348, 351, 365, 444-445, 451, 456, 472
 Голль Шарль де, генерал 308, 415
 Голсуорси Дж. II, 5, 101, 115, 117-119, 137, 141, 158, 362, 366, 377, 379-380, 383, 387, 447, 462-463, 466, 470-471, 474, 478, 480
 Голубев К. Д., генерал 359, 384, 445
 Гор-Бут П. 83
 Гордиенко И. 232
 Городецкий, полковник 126
 Гофф Б., майор 260, 263-264
 Грамасов, майор 333, 351, 448
 Грановский А. 448
 Грей Дж. 375
 Грей Л., полковник 282-283
 Грей Р. 239-241, 244
 Григг Дж., сэр 9, 58-59, 65, 73, 93
 Григорьев, отец Василий 226, 228
 Громько А. 80, 83, 86-88, 100, 111
 Груздев, майор 56, 159-160
 Грызлов А. А., генерал 500, 515
 Грю Дж. К. 9, 94-97, 99-101, 327, 356-357, 359, 384
 Гуд, майор 203, 217
 Гусев Ф. Т. 42, 57-58, 64, 66-68, 70, 72, 81, 113, 371
 Гусейнов, капитан 153-155
 Гусейнова С. — см. Полещук С.
 Гюнтер К. 426
- Дай В. М. 133
 Даллес А. 328, 435
 Даллин Д. Ж. 330

- д'Алькэн Г. 307-308
 Дальтон Б., майор 403, 406-408, 413
 Данилевич Т.Н. 191, 216, 244
 Дани Дж. 351
 Данченко 151
 д'Астье Э. 44
 Денвер, генерал 79
 Денжерфильд Эльма 408
 Деникин А.И., генерал 25, 134, 180, 282, 394
 Джеймс В. Л., майор 137, 469
 Джекобсен, доктор 29
 Джонс, солдат 154
 Джугашвили Юлия (жена сына Сталина) 443
 Джугашвили Я. — (см. Сталин Я.)
 Диксон Д. 458
 Диксон П. 98, 364-365
 Дин Патрик II, III, 5, 37, 42, 47, 58, 82, 84, 99, 112-115, 119, 123, 128, 136-137, 145, 147-148, 153, 158, 272, 360, 362, 364, 387, 446, 460-461, 463-470, 478, 487-497
 Дин Дж.Р., генерал 90-92, 100, 445, 476, 500, 515
 Добровольский С., генерал 423
 Долматов, генерал 273
 Доманов Т.И., атаман 168, 171-177, 180, 184-190, 192-193, 197, 199-201, 204-205, 214-216, 218, 220-221, 236-237, 245, 254, 273-274, 279-281, 288-291, 296, 301, 303, 311, 314, 467
 Донахью, капитан 323-327
 Драгун, генерал 368, 386, 415-417, 424, 447
 Дрейпер Дж., полковник (профессор) 467, 487
 Дружакин Г.Н., майор 247-248, 265-266, 269, 283, 302
 Дэвис В.Р. ("Рыжик"), майор 181-189, 193, 196, 199, 216, 219-223, 226-228, 230-231, 234-237, 242, 274, 277-278, 288, 300, 303, 362, 385
 Дэшвуд, полковник 140
 Дэвролл Р. 191
 Жеребков Ю. 318
 Жиленков Г. Н. 309, 327-328
 Жиллетт П. Б., генерал-майор 300
 Жуберт, профессор 452
 Жуков Г.К., маршал 91, 300, 312, 324, 337, 340, 389, 411, 443
 Жюно М. 21
 Закутный Д. Б. 327-328
 Заммит, мальтиец ("капитан Смит") 413
 Заукель Ф. 24
 Зверев Г.А. 312, 315, 321-322, 327-328
 Зеленко К. 438
 Иванов, капитан 442
 Иванов, майор 49, 56
 Иванов П.П., майор 401, 403, 406
 Иванов 417
 Иден А. 4, 6, 8, 39, 42, 44-51, 56, 58-59, 64, 67-71, 74-75, 79, 84, 90, 93, 95-100, 107, 109-110, 113, 120, 128, 134, 165, 208, 267, 353, 364-365, 371, 415, 420, 444, 463, 472, 479-480, 492, 500, 504, 507, 510
 Исмей Х., сэр, генерал 77, 295-296
 Йесман Ч. 37, 123, 134, 144-145, 148, 162-164, 347-349, 352, 445, 456
 Кадоган А., сэр 70, 110-111, 132, 365, 371, 478-479
 Калкани В. 391, 477

- Камерон Дж., сэр 148
 Каминский Б., генерал 311
 Каммингс А. Дж. 5
 Кантемир, капитан 178
 Капустин А. 84
 Катчин В. 150
 Кеесис А. 386
 Кейтель В. 316, 459
 Кемболл Р., профессор III
 Кемпбелл, капитан 233
 Кемпбелл, лорд 10
 Кемпбелл-Престон Р., полковник 385
 Кеннан Дж., профессор 87
 Кеннеди, генерал 316-319
 Кентерберийский, архиепископ 223, 289, 303
 Керр А.К., сэр 34, 81, 83, 109-110
 Керенский А. 411
 Кессельринг А. 332
 Кестринг, генерал 312
 Киллирн, лорд 178
 Кирк А.К. 9, 81-84, 88, 102, 359, 369, 389
 Китли, генерал-лейтенант 273-276, 287, 290, 292-293, 298, 304
 Кларк М.В., генерал 390, 399
 Клей Л., генерал 337-338, 340, 386, 389
 Клейст Э. фон, генерал 246
 Клешканов, полковник 118
 Клименко И. 424
 Кнупфер Дж. 124
 Коад О., бригадир 382
 Кобургский, граф 316
 Колерейн, лорд 484
 Коллонтай А. 425-426
 Коллниц Ю., крайсляйтер 172-173
 Коломейц Д. 231
 Колчак А.В., адмирал 178, 433
 Комаров Н.Б. 448, 457
 Кононов И.Н., майор (затем полковник) 26-27, 255, 269, 323
 Корбуков В. Д. 327-328
 Коркин А. 136-139
 Корнилов Л. Г., генерал 25
 Коровников И., генерал-полковник 331
 Корринж Т., капитан 366, 385, 400, 412
 Кравченко В. 225, 242
 Кравченко О. 302
 Крамер, генерал 439
 Краснов Н. 173-174, 202, 204, 207-214, 217-218, 244, 254, 269, 273-274, 303, 310
 Краснов, полковник, отец Н. Краснова 209, 211, 213
 Краснов П. Н., генерал 168, 171-175, 177, 179-184, 187-188, 193, 197, 199-200, 202, 204-206, 209, 212, 214, 216-218, 237, 246-247, 254, 274, 281, 288-289, 291, 303-304, 314, 320
 Краснов П. С. 209
 Краснов С.Н. 199, 209, 218, 274
 Краснова Л.Ф. 187, 219, 221, 303
 Краснова Лили 204, 244
 Красновы, семья 204-206, 212, 254
 Краус 217
 Криген, майор 163
 Крегер Э., оберфюрер СС, доктор 307-308, 312-314, 316, 318, 320-321, 329-331
 Кригин С. И., майор 131, 163
 Криппс С., сэр 46
 Криштон, капитан 159-160
 Кротов, консул 148
 Крохин 118, 121,
 Ксенофонт 314
 Кук Д. 385
 Кульман М. 125
 Купер К. С., бригадир (затем генерал-майор) 256, 269
 Кутепов А. П., генерал 418
 Кучинский, капитан 326
 Куусинен Айно 453
 Кэвендиш-Бентинк В. 32, 34

Лавренчук 117
 Лакий Дж., профессор 344
 Лакич 362
 Ламберт А. И. 273, 341
 Ламберт, полковник 370
 Ламсдорф, граф 312
 Лангбейн Г. 455
 Ландерс Дж., полковник 358
 Лант Дж., генерал-майор 470, 412
 Лапа О. 428
 Лапчинский 417-418
 Лаури Д. А. 416-417
 Лебедев 444
 Леви, сержант 192
 Леги У., адмирал 86, 103
 Лейн П., полковник 344
 Ленин В. И. 38, 211, 305, 444
 Лер фон, генерал 248
 Лермонтов М. 127
 Ли Ч. 466
 Ливен Л., князь 134-135, 138-141,
 164, 352
 Лимерик, леди 292-293, 304
 Линг К. 302
 Линг У., полковник 282, 302
 Линдстром Г., лейтенант 131
 Липинс 457
 Липпер Э. 156
 Липтон Б. 40
 Лиск, майор 242
 Ллойд, майор 388
 Локкарт Р. Б., сэр 32
 Лонг Р. Б., подполковник 373-374,
 387
 Лорд А. К. 386
 Лоу Т., бригадир, лорд Олдингтон
 252, 299
 Лоуренс Д., сержант III
 Лудфорд, подполковник 159
 Лукьянова Н. Р. 386
 Льюис Г., майор 132-133, 138-139,
 146, 270
 Лэнд, адмирал 96
 Льюс К. Б. 382

 Май Карл 259
 Макворс Юнг Р., сэр 303

 Мак-Грат, майор 224
 Мак-Гукин В. И., полковник 339
 Мак-Дермот Дж. III, 296-297
 Мак-Дональд Нил 484
 Мак-Крири Р., генерал 248-249,
 252, 382-383, 392, 467
 Маклин Д. 47, 55
 Макмиллан Г. I-II, 82, 84, 293,
 298-299, 304, 393
 Макмиллан Д., капитан 244, 385
 Мак-Нарни Дж. Т., генерал 390,
 395-396, 409
 Мак-Нейр, лорд 497
 Мак-Нерни, генерал 106
 Малькольм А., полковник 177,
 181, 192, 196, 199, 216, 222-
 223, 226, 230-231, 235, 237-
 238, 276-277, 286, 301, 303
 Мальцев В. 312, 315-318, 328, 331
 Малышкин В. Ф., генерал 309, 318-
 320, 327-328, 388
 Мандерстам Л. Х., майор 45-46, 50,
 54, 61-63, 74
 Марианна, грузинская княжна 170
 Мартель, генерал 480
 Мартенс Ф. Ф. де 489-490, 497
 Мартин, подполковник 412
 Мартин-Смит П. 170, 191
 Маршалл Дж., генерал 359
 Маршалл Б., подполковник 282,
 302
 Меандров В. И., генерал 322, 327-
 328, 394-395
 Медведев Р. 29
 Мейхью К. 408, 413
 Мелби Дж. И. 163
 Мельников 37
 Менчис С., сэр 414
 Меркулов В. Н. 208-214, 291, 304,
 450
 Мёрфи Р. 9, 94, 371, 386, 389,
 393, 484
 Мессе Дж., маршал 191
 Мессон Дж., бригадир (ныне гене-
 рал) 174-177, 184-185, 189,
 192, 194-196, 199, 214, 216,
 222, 235, 245, 266, 274, 276-278,
 284-285, 288-290, 293, 302

- Мещерская, княгиня 124
 Миллер Е. К., генерал 418
 Михай, король Румынии 91
 Мищенко, полковник 325
 Могарт Ян 386, 413
 Мойн, лорд 40-41, 46, 111
 Молотов В.М. 20, 34, 46-47, 53,
 57, 68-69, 71, 79-80, 87-88, 90,
 96-98, 103, 107, 110-111, 120,
 349, 364-365, 378, 383, 388,
 444, 464, 500, 504, 507, 511
 Монгомери, генерал (затем фельд-
 маршал) 9, 78, 380-382, 389
 Морган В., генерал 360, 364-365,
 376
 Моррисон Г. 109-110, 134
 Мортон Д., майор 44
 Мофф Г., лейтенант 251, 259, 268-
 269
 Мэк Г., сэр 409
 Мэтью Т. 108
 Мэтьюс Г. Ф. 371
 Мэтьюс Р. 163-164, 480-481
 Мюллер, майор 168
 Мюррей Г., генерал-майор 252,
 257, 260, 266-267, 269-270,
 278, 287-288, 302
- Нарышкин, капитан 126-127, 162
 Науменко В., генерал 168, 238, 246
 Некрасов В. 7
 Нельсон Г., адмирал 257
 Николай I 157
 Николай II 11, 124, 157, 303, 433
 Никольс И. А., майор 352
 Никольс Ян, майор 345-347
 Новиков Н. 95, 110, 112-114, 121,
 356-357, 418
 Носов, майор 412
 Ньюсэм Ф., сэр 115
- Оберлендер Т., профессор 315-318,
 328, 330
 О'Кейси 257
 Окороков, лейтенант 374
 Олдинг-Сми, полковник 223-224
- Оленич В. 446
 Орвелл Дж. 5, 36, 101, 483
 Осис, полковник 368
 Островский В., майор 259-267,
 269, 281, 283-284, 302
- Павлов, атаман 168
 Павлов, переводчик Сталина 69
 Панныц Х. фон, генерал 205-206,
 214-215, 218, 245-254, 268-269,
 279-280, 287-288, 311, 314, 323
 Парен П., генерал 363
 Паттон Дж., генерал 315, 317, 328
 Паулюс Ф. фон, фельдмаршал 443
 Пегов Н. 458
 Пембертон Дж. 251, 268
 Перейра Дж., капитан 341, 352
 Петр Великий 8
 Петр, король Югославии 175, 200
 Петри Дж. Т., лейтенант 202
 Петриченко С. 423
 Петровский А., капитан 256, 268
 Пий XII, папа 200, 282, 394
 Пик, монсенёр, епископ Валан-
 ский 48-49
 Пинчинг Дж 198, 229, 237, 242-
 243
 Плауц Б. 232
 Полещук С. 153-156
 Полунин К. 220, 223, 226, 238
 Польский, отец Михаил 125, 127
 Полянская З. 197-198
 Попов, ротмистр 262, 265
 Прайс К. Р., полковник 296
 Прайс Робин Роуз, полковник 257-
 262, 264, 269, 284, 302
 Престон Т., сэр 486
 Протопопов А. 269
 Прудфут М., профессор 30
 Пэтч, генерал 319-320, 381, 388-
 389
- Радек К. 315
 Радецкий 329
 Радо Ш. 56
 Разин Степан 180

- Райн И. А. Л., полковник 54
 Ральф Ф., капрал 374, 387
 Рамадзе 419
 Ратов, генерал 114, 135, 139, 141,
 147-150, 153, 159, 164, 272,
 350, 473-474
 Раубаль Л. 443
 Редли А., майор 268
 Рейтлингер Г. 330-331, 442
 Рентельн фон, полковник 249, 251,
 268
 Рентон Э. 191, 251, 268
 Репин И. 180
 Ресслер, лейтенант 326-327
 Риббентроп И. 309
 Ритгер О. 132
 Ричардс Т. М. Х. 266, 269-270
 Робертс Ф. 376
 Робертс У. 464, 477
 Рогожин А., полковник 266, 280-
 282, 302, 311
 Роджерс, полковник 455
 Родионов Г. 285
 Розенберг А. 305, 308-309
 Рокли, семья 116
 Рокоссовский К. К., маршал 300
 Романов А. 156-159
 Романов А. И. 438, 456
 Ромашкин 322
 Ротова О. 173-175, 182, 187, 201,
 219-223, 226, 229, 232, 236,
 238, 274
 Роуен Л., генерал 364
 Рузвельт Ф. 47, 86, 92-93, 100,
 105-106
 Рук Д., полковник 381-382, 388
- Саблин 157-158, 165
 Сайкс, лейтенант 239, 241
 Сапиев Я. 10
 Сараев, полковник 85
 Саргент О. 61, 64-65, 69-70, 109-
 110, 148, 163
 Саркисов, профессор 447
 Сартр Ж.-П. 257
 Сахаров, полковник 312
- Селборн, лорд 9, 42-47, 49-51, 54,
 58-59, 93
 Сен-При де 56
 Симкок, майор 401
 Сифф Д. 129
 Скотт-Хопкинс Дж., майор 414
 Слект Т. 484
 Слепков 426
 Смит Бедделл, генерал 9, 381, 389
 Смит Г. Дж., бригадир 473-474
 Смит С., адмирал 380
 Смит Э., капитан 342-343, 352
 Смысловский (Хольмстон) Б. А.,
 генерал-майор 217, 331, 432-
 435, 437, 440
 Соболев, полковник 113, 424
 Соин Т., священник 229
 Соколовский, генерал 380
 Солдатенков, капитан 124, 125,
 157
 Солженицын А. И. 4, 8-10, 141, 143,
 161, 217, 328, 431, 441, 443,
 447, 453, 488
 Соломахин, генерал 274, 289
 Спенсер С. 237
 Спешинский Д. 419-420
 Стабенов, подполковник 301
 Сталин И. В. 3, 6-8, 18-22, 26-28,
 37-38, 47, 57, 68-72, 77, 84, 87,
 92, 96-99, 104-105, 111-112,
 125-126, 130, 134, 144, 158-
 159, 163, 176, 182, 189, 208,
 211, 213, 226, 260-261, 263,
 273, 279, 281, 323, 326, 328,
 340, 351, 353, 364, 406-408,
 415, 419, 442-444, 447, 472,
 474, 479-481
 Сталин Я. (Джугашвили) 443-444
 Старов, полковник 405-407, 413
 Стенберг С. 330-331
 Стейфон, генерал 280
 Стейн О., подполковник 293
 Стемасов, полковник 421
 Стентон Дж. Р. Г., майор (затем
 подполковник) 406-407, 412
 Стеттиниус Э. 80, 83, 86-88, 93-97,
 99, 103, 355-356, 359, 369, 420
 Стиль К. 387

Стингер Л. 269
Столберг фон, граф 259
Стоукс Р. 408
Стьпулковский 213
Стюарт Э. 203
Стюарт Ш. III
Судаков, генерал 40-41, 46, 332
Сукало 263, 269
Сул, монсеньёр 56
Султан-Гирей Клыч 171, 177,
191, 199, 205, 217-218, 274,
467
Суслапаров, генерал 475
Сутулов 217
Сюлливан Э. 387

Тайсон К., капеллан 219, 227, 231,
234-235, 237-238, 242, 287
Тейлор Дж. 386
Темплер, генерал 386
Темплин 165
Терещенко, полковник 387
Тиммель, гауляйтер 172
Тимошенко 313
Тинью 55
Титаренко 417
Тито И. 247-248, 250, 280, 282
Тихонов, майор 213
Тихоцкий, генерал 201
Толбухин Ф. И., маршал 281, 293,
297
Толстой И., граф 417
Толстой Л. Н., граф 8
Толстой Н. 487
Толстой П., граф 8
Томпсон У., майор 340-341, 351
Торвальд Юрген 330-331
Торн, генерал 352
Трайон-Вильсон К. И., бригадир
287, 302
Тревор-Ропер Х., профессор 120,
216, 318
Триш Г. М., подполковник 358
Трухин Ф. И. 309, 322, 327-328
Трумэн Г. 212, 364, 375
Тугаев Г. 191, 224

Тургенев И. С. 127
Тухачевский М. Н., маршал 318
Тэмплин, полковник 147, 163
Угречелидзе В. 191
Улагай Кучук 274
Унден О. 427, 430
Уоллес Г. 143
Уоллис, майор 116
Уорнер К. 33, 46, 50, 61, 63, 131,
148, 153, 272, 363, 371-372,
397, 446, 474, 480
Уорр, майор 266
Уоррел Д., полковник 256, 269
Уотен Дж. 351
Уотсон, старшина 152

Файербрейс, бригадир 66, 114,
116, 124, 129, 131, 134, 145-
148, 152-153, 159, 162, 165,
463, 473-474
Фальц-Фейн Э., барон 434
Фарук, король 335
Фащенко И. 116-117, 121
Фейс Г. 385
Филлимор Г., полковник 66, 82,
96, 114, 136, 297, 464, 468,
470-471, 481-482
Финдлей Ч., полковник 335
Фишелье, подполковник 418
Фишер, архиепископ 303
Фишер, Г. 330-331
Флетчер, майор 146
Форд Л. С. 439
Форрестол Дж. 357
Франк К., генерал-губернатор Пра-
ги 316, 321
Франкау Дж. Г., полковник 90,
103
Франклин Б. 319
Франц-Йосиф, князь Лихтенштейн-
ский 434, 436
Фрейтаг, генерал СС 279
Фрейер М., капитан 254, 269
Френч, майор 243
Фрик А., доктор 436

Функ Г. 160
Фуг А. 444

Хаккиус М. 470-471
Хаммер, полковник 116-117
Хансон Пер Альбин 427
Хансон Тед 152
Хардлинг, лорд, фельдмаршал 468
Харламов Н. М. 124
Хартман Дж. 335
Хейл Яна 457
Хейнричи, генерал 313
Хемминг Д., лейтенант 203
Хенки Р., лорд 6, 273, 300, 397,
411-412, 484
Хенсон И. Дж. 164
Хетрингтон И. Б., лейтенант 232
Хилл Дж., бригадир 62
Хиллс Д., капитан 164, 281, 333-
335, 361, 400-403, 406-409,
412-413, 456
Хиллс Дж., полковник 251, 258-
260, 267-270, 302
Хинд Дж. Б. 388, 397
Хмельницкий Богдан 180
Хоар С. 116-117
Хорсбрю - Портер Э., полковник
249, 268, 270
Хорти М., адмирал 476
Хот Ф., генерал 320
Хребинка, поляк 387
Хрущев Н. С. 213-214, 298, 445,
454
Хэлл К. 51, 78, 80-81, 83, 86, 91,
93, 111

Цилинкснис Э. 439

Чайльд А. 159, 165
Чарльз, сержант 217
Черкасов К. 269
Чернышев, советский посол в Шве-
ции 430
Чернышук Ф. 136-139
Черняк 423

Черчилль У. 8, 39, 44-45, 49, 51,
58, 68, 71, 74, 76-77, 90, 92-93,
96-97, 99, 102, 104-105, 110-
111, 132, 134, 144, 173, 178-
179, 196, 212, 223, 236, 279,
295-298, 364-366, 377, 385,
412, 480-481

Читам Н. II
Чичаев И., полковник 61-63
Чичестерский, епископ 59
Чоунер Н. Ф., капитан 338, 351
Чугунов В. 424

Шандрук П., генерал 279-282, 301,
311

Шансель, мэр 48
Шаповалов, генерал 433
Шараватов 135-136
Шатов Н. И. 327-328
Шейкерли Дж., сэр, полковник
468
Шенкендорф, граф, генерал-лейте-
нант 26-27
Шернер, фельдмаршал 315
Шершун, майор 144-145, 153, 348-
349, 445, 456
Шилихов 362
Шильдс Р., лейтенант 233-234
Шкуро А. Г., генерал 180-182, 200-
202, 204-207, 214, 217-218, 246,
254-255, 274-275, 288-292, 301,
303-304

Шлуга Н. 172
Шоу Б. 237
Шпаренго А., сотник 188-189, 193
Штауффенберг, граф 307
Штейн, майор 316
Штрик - Штрикфельдт В. 164, 307-
308, 318-320
Шэдвелл Л., полковник 374, 387

Эйзенхауэр Д. Д. 9, 33, 38, 55, 78,
85-86, 96-97, 106, 296, 319,
324, 371, 379-381, 388-389,
392, 394, 443, 468
Элман С. 465

Эмери 55
Эндре 476
Эпштейн Дж. 73, 331, 384, 413,
435
Эриксон Дж., профессор 330, 455
Эттли К. 75, 99, 391
Эшворт Дж. Г. С. 412

Юденич Н. Н., генерал 173, 249, 295

Юматов, капитан 151-152, 365
Юнг Дж. 409, 414
Юсупов, князь 97

Яковлев, полковник 401, 456
Якушев, комиссар 326-327
Яшвили Ш., лейтенант 11-19, 22-
24, 191, 351, 448-449
Яшвили, отец 23

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	I
Предисловие	3
Глава 1	
Русские в Третьем рейхе	11
Глава 2	
Русские в английском плену: начало разногласий	31
Глава 3	
Иден в Москве: конференция "Толстой" (11-16 октября 1944)	57
Глава 4	
Англо-американское соглашение в Ялте	76
Глава 5	
Акт о союзных вооруженных силах: МИД против закона	107
Глава 6	
Из рая в чистилище	122
Глава 7	
Кзаки в Лиенце	167
Глава 8	
Возвращение: из Лиенца на Лубянку	195
Глава 9	
Конец казаков	219
Глава 10	
Пятнадцатый казачий кавалерийский корпус	245
Глава 11	
Интерлюдия: тайна, оставшаяся нераскрытой	271
Глава 12	
Конец генерала Власова	305

Глава 13	
Массовые репатриации в Италии, Германии и Норвегии	332
Глава 14	
Солдатское сопротивление	353
Глава 15	
Заключительные операции	389
Глава 16	
Репатриационные операции в других странах	415
Глава 17	
Советские действия и мотивы	441
Глава 18	
Юридические факторы и государственные соглашения	459
Приложение	487
Документы	500
Указатель имен	517

ACHEVÉ D'IMPRIMER
LE 10 OCTOBRE 1988
PAR L'IMPRIMERIE
DE LA MANUTENTION
A MAYENNE
N° 349-88

НИКОЛАЙ
ТОЛСТОЙ-МИЛОСЛАВСКИЙ

родился в 1935 г. в Кенте (Англия). Прадед по отцу — двоюродный брат Льва Толстого. Окончил Тринити-колледж в Дублине; пять лет работал над изучением документов и опросами уцелевших участников и свидетелей насильственных репатриаций. Автор исследования о Толстых "The Tolstoy's, 24 generations of Russian History" и легендарно-исторического романа "The Coming of the King" (1988).